This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

+ *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
+ *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
+ *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
+ *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at `http://books.google.com/`

Google

Это цифровая коиия книги, хранящейся для иотомков на библиотечных иолках, ирежде чем ее отсканировали сотрудники комиании Google в рамках ироекта, цель которого - сделать книги со всего мира достуиными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских ирав на эту книгу истек, и она иерешла в свободный достуи. Книга иереходит в свободный достуи, если на нее не были иоданы авторские ирава или срок действия авторских ирав истек. Переход книги в свободный достуи в разных странах осуществляется ио-разному. Книги, иерешедшие в свободный достуи, это наш ключ к ирошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохранятся все иометки, иримечания и другие заииси, существующие в оригинальном издании, как наиоминание о том долгом иути, который книга ирошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использовапия

Комиания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы иеревести книги, иерешедшие в свободный достуи, в цифровой формат и сделать их широкодостуиными. Книги, иерешедшие в свободный достуи, иринадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, иоэтому, чтобы и в дальнейшем иредоставлять этот ресурс, мы иредириняли некоторые действия, иредотвращающие коммерческое исиользование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические заиросы.

Мы также иросим Вас о следующем.

- Не исиользуйте файлы в коммерческих целях.
  Мы разработали ирограмму Поиск книг Google для всех иользователей, иоэтому исиользуйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.

- Не отиравляйте автоматические заиросы.
  Не отиравляйте в систему Google автоматические заиросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного иеревода, оитического расиознавания символов или других областей, где достуи к большому количеству текста может оказаться иолезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем исиользовать материалы, иерешедшие в свободный достуи.

- Не удаляйте атрибуты Google.
  В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он иозволяет иользователям узнать об этом ироекте и иомогает им найти доиолнительные материалы ири иомощи ирограммы Поиск книг Google. Не удаляйте его.

- Делайте это законно.
  Независимо от того, что Вы исиользуйте, не забудьте ироверить законность своих действий, за которые Вы несете иолную ответственность. Не думайте, что если книга иерешла в свободный достуи в США, то ее на этом основании могут исиользовать читатели из других стран. Условия для иерехода книги в свободный достуи в разных странах различны, иоэтому нет единых иравил, иозволяющих оиределить, можно ли в оиределенном случае исиользовать оиределенную книгу. Не думайте, что если книга иоявилась в Поиске книг Google, то ее можно исиользовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских ирав может быть очень серьезным.

О программе Поиск кпиг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне достуиной и иолезной. Программа Поиск книг Google иомогает иользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый иоиск ио этой книге можно выиолнить на странице `http://books.google.com/`

Slav 4135.107 (1842 / 1-4)

HARVARD
COLLEGE
LIBRARY

PANTHEON.

1842, no. 1-4

РЕПЕРТУАРЪ

РУССКАГО

И

ПАНТЕОНЪ

ВСѢХЪ ЕВРОПЕЙСКИХЪ

ТЕАТРОВЪ,

НА 1842 ГОДЪ.

Инв. 981.

БИБЛИОТЕКА А. А. БЛОКА

ИЗДАНІЕ

Н. Песоцкаго.

I.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

1842.

Δ
Slav 4135.107 (1842/1-4)

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ,

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлено было въ Цензурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ.

Санктпетербургъ, Января 1 дня 1842 года.

Цензоръ *П. Корсаковъ.*

UNIVERSITY
FEB 7 1977
FEB 7 1977
77 * 2

ПЕЧАТАНО ВЪ ТИПОГРАФІИ Н. ГРЕЧА.

201453

I. ДРАМАТИЧЕСКІЯ ПРОИЗВЕДЕНІЯ.

ОТЕЦЪ И ДОЧЬ.

ДРАМА ВЪ ПЯТИ ДѢЙСТВІЯХЪ, ВЪ СТИХАХЪ.

ПЕРЕДѢЛАННАЯ СЪ ИТАЛІЯНСКАГО,

П. Г. Ободовскимъ.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА:

Сиръ Вильямъ Доверстонъ, содержащійся въ домѣ умалишенныхъ . . . . . *Г-нъ Каратыгинъ 1.*
Агнеса, дочь его . . . *Г-жа Дюръ.*
Лордъ Альфредъ Станлей, мужъ ея . . . . . *Г-нъ Смирновъ.*
Клара, дочь ихъ, 5 лѣтъ *Г-жа Виноградская* (восп.)
Сиръ Мельвиль, старый другъ Доверстона . . *Г-нъ Каратыгинъ 2.*
Мисъ Елиза, дочь его *Г-жа Волкова.*
Графиня Бриджъ, старая щеголиха . . . . . *Г-жа Телешова.*
Главный докторъ въ больницѣ умалишенныхъ *Г-нъ Третьяковъ.*
Фанни, содержательница моднаго магазина . . . . . *Г-жа Шамшева.*
Дѣвушка изъ ея магазина . . . *Г-жа Соловьева.*
Мистрисъ Виль, сосѣдка Фанни . *Г-жа Гусева.*
Генрихъ, женихъ Фанни . . . . *Г-нъ Леонидовъ.*
Робертъ, слуга Станлея . . . . *Г-нъ Фальевъ.*
Джонъ, смотритель въ больницѣ сумасшедшихъ . . . . . *Г-нъ Сосновскій.*
Томасъ, старый слуга Доверстона *Г-нъ Алексѣевъ.*
Лакей . . . . . *Г-нъ Фалле.*
Швейцаръ . . . . . *Г-нъ Чайскій.*

Члены медицинскаго совѣта, дѣвушки въ магазинѣ Фанни, слуги, сторожа.

Дѣйствіе происходитъ въ Англіи.

ДѢЙСТВІЕ ПЕРВОЕ.

Гостиница въ Ньюкестлѣ, небольшомъ городѣ близъ Дублина.

ЯВЛЕНІЕ I.

Агнеса и Робертъ.

Агнеса (*сидитъ у стола.*)

Сюда пріѣдетъ онъ, — ты, Робертъ, говоришь,
И съ нами онъ въ Дублинъ поѣдетъ изъ Ньюкестля
Къ родителю, — такъ самъ назначилъ онъ.

Робертъ.

Давно бы здѣсь онъ былъ, когда бъ не задержали
Его дѣла по выборамъ. Милордъ
Впередъ меня послалъ, хотѣлъ васъ успокоить:
Ужели здѣсь его недѣлю ждете вы?

Агнеса.

И какъ я жду его! Глазъ не свожу съ дороги—
Во всѣхъ проѣзжихъ вижу я его.
И даже — мнѣ признаться стыдно, Робертъ,

И къ шагу лошадей прислушиваюсь я —
Ночь цѣлую о немъ лишь я мечтаю,
Ни на минуту не смыкаю глазъ.
Годъ, цѣлый годъ его я не видала, Робертъ.
Скажи мнѣ, успокой меня, мой другъ:
Всегда ли въ Лондонѣ онъ былъ здоровъ и веселъ?
Мой старый другъ, скажи, онъ вспоминалъ ли хоть разъ,
Среди своихъ честолюбивыхъ плановъ,
(*въ сторону.*)
О бѣдной, горестной женѣ своей, къ которой
Онъ такъ примѣтно охладѣлъ? —

Робертъ.

Милордъ
Все время посвящалъ Парламенту и преньямъ,
И не обѣдалъ дома никогда,
Все посѣщалъ значительные домы,
И вышелъ весь запасъ его визитныхъ картъ.

Агнеса.

Но гдѣ же чаще онъ бывалъ, скажи мнѣ, Робертъ.

Робертъ.

Я провожалъ его всѣхъ чаще къ той Маркизѣ,
Сестрѣ Министра, не припомню я
Прозванія — у ней еще есть дочь —
Красавица, какой не видано въ столицѣ.
Фіорентини, такъ зовутъ ея, да, такъ. —

Агнеса (*содрогается, но принимаетъ равнодушный видъ.*)

Фіорентини! Я въ Шотландіи слыхала
Объ этомъ чудѣ свѣта! Гдѣ жъ еще
Бывалъ Милордъ?

Робертъ.

У самого Министра;
Съ нимъ въ карты онъ игралъ, и часто
Проигрывалъ ему, нарочно или нѣтъ —
Не намъ судить; но слуги говорили,
Что баринъ мой разсѣянно игралъ,
Особенно когда сидѣла близъ Министра
Племянница его — проговорился я —
Миледи — виноватъ — довѣренности вашей.
Вы удостоивать изволили меня,
Какъ стараго слугу, и я, глупецъ, быть можетъ,
Границы перешелъ.

Агнеса (*съ притворною холодностью.*)

Ни чуть; я рада знать
Все, что касается Милорда; мнѣ пріятно,
Что безъ меня супругъ мой не скучалъ.

Робертъ.

Напротивъ, веселъ былъ; одно лишь появленье
Маркизы Юліи одушевляло вдругъ
Милорда; — самъ не свой, глядѣлъ онъ на нее.
И въ свѣтѣ толковать злорѣчье начинало,
Что онъ въ нее влюбленъ. —

Агнеса (*быстро встаетъ.*)

Не правда, лгутъ! —
Оставь меня, старикъ.

Робертъ.

Что съ вами, Боже мой!
Какъ поблѣднѣли вы!

Агнеса.

Я не спала всю ночь,
И слабость чувствую; лишь ожиданье мужа
Въ меня вдохнуло свыше крѣпость силъ.
Изнемогать я, Робертъ, начинаю: —
Покоя (*садится*) жажду я; оставь меня. —
Когда пріѣдетъ онъ, меня о томъ увѣдомь.
(*Преклоняется на столъ въ сильной горести.*)

Робертъ.

Что бъ это значило, какъ измѣнилась вдругъ!
Прогнѣваться ей не за что — кажись бы.....
(*Уходитъ, разсуждаетъ про себя, разводя руками.*)

—

ЯВЛЕНІЕ II.

Агнеса (*одна.*)

Какъ онъ меня разсказами встревожилъ!
Ему не вѣрю я, — онъ не измѣнитъ мнѣ,
И растерзать на части не захочетъ
Онъ сердца бѣднаго, которое ему
Лишь изъ одной любви къ нему неодолимой
На жертву принесло дочерній долгъ и честь!,.
Я заглушу въ душѣ пустое подозрѣнье,
Утѣшусь мыслью сладостной, что съ нимъ
Вступлю опять подъ сѣнь родительскаго дома,
И вымолю себѣ прощеніе отца: —
Шесть лѣтъ раскаянья загладятъ мой просту покъ.
Дитя мое умилостивитъ гнѣвъ,
И, можетъ быть, еще менявъ объятья приметъ
Родитель мой, меня благословитъ
И назоветъ меня опять своей Агнесой!
Алфредъ! О, поспѣши прибытіемъ своимъ,
Мнѣ возврати отцовскія объятья!
Благословеніе отца мнѣ возврати. —
Шумъ слышу я колесъ, о Боже, не Алфредъ ли?
Такъ, это онъ! (*Бѣжитъ къ окну*) Окна не смѣю отворить;
Взглянуть не смѣю я, изъ страха, чтобъ не встрѣтить,
Чтобъ не увидѣть чуждое лице.
Ну, не безумна ль я, могу ли я ласкаться
Надеждою, что онъ пріѣздомъ поспѣшилъ?
Взошли на лѣстницу — его шаги — Алфредъ!
(*Въ это время входитъ Станлей, она бросается къ нему на шею.*)

—

ЯВЛЕНІЕ III.

Алфредъ, Агнеса.

Алфредъ.

Что сдѣлалось съ тобой?

Агнеса.

Что сдѣлалось со мною?
Еще меня ты спрашиваешь? То,
Что плачу я, что я тебя не ожидала,
Что я ждала тебя, что цѣлый годъ
Не видѣла тебя; ты понялъ ли, что значитъ
Годъ, цѣлый годъ разлуки, и еще
Желаешь знать, Алфредъ, что сдѣлалось со мною!

Алфредъ.

Прійди въ себя.

Агнеса.

А я тебя винила,
Я думала, что ты забылъ меня.
Ахъ, я была къ тебѣ несправедлива;
Прости же мнѣ; но ты не знаешь: каждый день
Я плакала, скучала, что не пишешь;
Вѣдь ты три мѣсяца, жестокій, не писалъ!
Вотъ почему — О чемъ я говорила?
Я растерялась вся. — О, поцѣлуй меня!

Алфредъ.

Дѣла меня въ столицѣ задержали;
Я членъ Парламента; теперь передо мной
Открылося блистательное поле.
Въ Шотландіи я тунеядцемъ жилъ
Шесть лѣтъ съ тобой; теперь настало время
И честолюбію дань сердца принести.
Но для тебя я ускорилъ пріѣздомъ.

Агнеса.

Ты зналъ, что я тонилась ожиданьемъ:
До завтра отложить пріѣзда ты не могъ,
Ты бѣдную жену хотѣлъ собой утѣшить —
Все тотъ же ты, Алфредъ, другъ сердца моего.

Алфредъ.

Мнѣ нужно говорить съ тобой на единѣ.

Агнеса.

На единѣ?
(*Алфредъ дѣлаетъ знакъ утвержденія.*)
Открыть мнѣ хочешь тайну?
(*Она удаляетъ Роберта.*)

Алфредъ.

Я жертвы отъ тебя одной хочу просить.

Агнеса.

Какъ, у меня, Алфредъ? О, какъ же я счастлива:
Я чѣмъ нибудь могу тебѣ служить.
Не хочешь ли продать мои брилльянты —
Быть можетъ, въ деньгахъ ты нуждаешься,
Алфредъ.

Алфредъ.

Не то.

Агнеса.

Такъ что же? Сядь, Алфредъ.

Алфредъ.

Не стоитъ.

Агнеса.

Какъ понимать тебя?

Алфредъ.

Я ѣду сей же часъ.

Агнеса.

И безъ меня?

Алфредъ.

Тебя взять не могу.

Агнеса.

Но ты мнѣ слово далъ со мной въ Дублинъ поѣхать,
Назначилъ мнѣ свиданье здѣсь, и я
Примчалася сюда въ надеждѣ, что съ тобой
Я вымолю себѣ прощеніе отца,
И совѣсти терзанья успокою,
Дождусь душевному мученію конца. —
Когда бы знала я, что ты измѣнишь слову,
Въ Шотландіи осталась бы одна,
Съ тоски бы умерла, но безъ тебя бъ не смѣла
Явиться на глаза несчастному отцу;
И за кого бъ меня тогда одну онъ принялъ —
О Боже! Нѣтъ, Алфредъ, не оставляй меня,
Въ Дублинъ поѣдемъ вмѣстѣ, примирившись
Съ родителемъ; меня возьми съ собой
Куда бъ не вздумалъ ты, хотя на край вселенной.

Алфредъ.

Я ѣхать не могу въ Дублинъ.

Агнеса.

И я
Останусь съ тобой, къ отцу я не поѣду;
Отверженная дочь, съ проклятьемъ на челѣ,
Изною съ грусти я, но не разстанусь съ мужемъ.

Алфредъ.

Та жертва велика!

Агнеса.

На все, на все рѣшаюсь,
Для счастія съ тобою жить, Алфредъ.

Алфредъ.

Но въ Лондонѣ съ тобой мы жить не можемъ вмѣстѣ,
Все состояніе разстроено мое —
А жизнь столичная сопряжена съ большими
Издержками. Я членъ Парламента, и я,
Какъ семьянинъ, жить долженъ цѣлымъ домомъ,
Назначить день визиты принимать.

Агнеса.

Я отрекаюся отъ всѣхъ забавъ столицы,
Я отрекаюся отъ суеты мірской;
Невидимой хочу остаться при Алфредѣ —
А ты одинъ войди въ придворный свѣтъ.
Въ уединеніи, я отъ него отвыкла,
Я съ дочерью моей останусь одна,
Утѣшуся и тѣмъ, что я тебя увижу

Хотя на мигъ одинъ; я буду знать,
Что подъ одной съ тобой я кровлей обитаю,
Что воздухомъ съ тобой однимъ дышу.
О, согласися взять меня Алфредъ съ собою:
Я утаю отъ всѣхъ, что я жена твоя.

Алфредъ.

Ты внѣ себя...

Агнеса.

Поговоримъ о дѣлѣ.
Ты жертвы отъ меня имѣть желалъ?

Алфредъ.

Отъ дѣла мы съ тобой не удалились;
Напротивъ, къ цѣли я приблизился моей.

Агнеса.

Увидимъ.

Алфредъ.

Важныя дѣла и перемѣны,
Которыми я на поприщѣ моемъ
Подвергнуться могу, политика моя —
Все это требуетъ отъ насъ разлуки долгой.

Агнеса.

Годъ цѣлый, цѣлый годъ разлуки развѣ мало,
Алфредъ: и женскому терпѣнью мѣра есть!

Алфредъ.

Упреки!

Агнеса.

Слезы.

Алфредъ.

Ихъ я не терплю, Агнеса.

Агнеса.

Чего же хочешь ты, скажи во имя Бога;
Ты неизвѣстностью меня не мучь, Алфредъ.
Ужъ не должна ли я отечество оставить,
Страну, гдѣ мать моя спитъ непробуднымъ сномъ,
Гдѣ мой отецъ о мнѣ тоскуетъ, плачетъ?
Для счастья твоего я и на то рѣшусь.
Лишь срокъ изгнанія опредѣли, Алфредъ,
Я буду жить одной надеждой на свиданье.

Алфредъ.

Напрасный страхъ! Я не хочу, Агнеса,
Тебя съ отеческой страною разлучать,
А ссылки требовать я не имѣю права;
Но согласись сама, Агнеса, что судьба
Ошиблася, тебя со мной соединяя —
Неравенство характеровъ одно
Уже достаточно, чтобъ сдѣлать бракъ несноснымъ.
Шесть лѣтъ довольно ты терпѣла отъ меня,
Отъ пылкости извѣчливаго нрава.
Я не хочу, чтобъ ты несчастною была:
Меня судьба ведетъ къ предначертаньямъ дерзкимъ,
Ты раздѣлить не можешь ихъ со мной;
Забота обо мнѣ убьетъ тебя, Агнеса;
Я не стерплю того: разстаться мы должны.
Блаженству твоему преградой я не буду,
Свободу возвратя тебѣ, еще могу
Утѣшиться, что ты счастлива будешь.

Агнеса.

Я слушаю тебя, Алфредъ, не понимая.

Алфредъ.

И впрочемъ то, что я предполагалъ
Уже давно почти ты испытала
По бѣдствіямъ, его всѣхъ выгодъ не узнавъ.

Агнеса.

Скажи мнѣ такъ, чтобъ я могла тебя понять.
Нѣтъ! Лучше замолчи, Алфредъ, я начинаю
Ихъ понимать — ужасныя слова!
(*Горько рыдаетъ.*)

Алфредъ.

Межъ тѣмъ какъ средство есть разстаться намъ,
— то средство...

Агнеса.

Лишь слово ты скажи,

Алфредъ.

Законное. —

Агнеса.

Разводъ!

Алфредъ.

Разводъ.

Агнеса (*закрываетъ лице руками.*)

О Боже!

Алфредъ.

Примиряетъ все.

Агнеса (*сложа руки.*)

Умилосердися!

Алфредъ.

Тебя страшитъ то слово
Лишь тѣмъ, что завсегда сопряжено бываетъ
Съ огласкою, съ открытьемъ гнусныхъ тайнъ.

Агнеса (*въ дикомъ отчаяньи.*)

Я рану чувствую, оружія не видя!

Алфредъ.

Ту рану сердца время исцѣлитъ;
Ты молода..... въ любви другой....

Агнеса.

Въ другой любви!
Убей меня, лишь не ругайся мною....
Смерть, смерть, но не позоръ!

Алфредъ.

Къ чему
Пустые возгласы! Они не перемѣнятъ
Намѣреній моихъ.

Агнеса (*съ твердостью.*)

Онъ тигръ, не человѣкъ!
Не ты ли самъ искалъ руки моей и сердца?
Какъ пестрый змѣй явился ты въ цвѣтахъ,
И обольстилъ меня волшебнымъ обаяньемъ,
И въ сердце юное къ себѣ вдохнулъ любовь?

Не для тебя ли я родителя забыла,
Не наругалась ли я горестью его;
Любви къ тебѣ все принесла на жертву,
Изгнанію себя, пустынѣ обрекла?
Не я ли мать того невиннаго младенца,
Котораго своей отрадою ты звалъ,
Котораго не разъ сжималъ въ своихъ объятьяхъ?
Я знаю, для чего меня ты отвергаешь,
Лишь замысламъ твоимъ я заграждаю путь.
Ты женишься на дочери Маркизы,
Не такъ ли?

Алфредъ.

Да.

Агнеса.

И свой обѣтъ
На вѣрность ты разрушить долженъ тяжбой!

Алфредъ.

Ни мало; здѣсь о тяжбѣ рѣчи нѣтъ.

Агнеса.

Чего же хочешь ты, мнѣ объясни точнѣе:
То непонятенъ ты, то слишкомъ ясенъ мнѣ.

Алфредъ.

Взаимное согласіе лишь нужно.

Агнеса.

Меня ты слишкомъ низкой почитаешь,
Когда надѣешься, что добровольно я
Явлюсь предъ судъ, и тамъ собственноручно
Я подпишу свой смертный приговоръ;
Что обреку себя съ малюткой злополучной
На поношеніе отчизны, на позоръ.
И объявлю, признавшись добровольно,
Что недостойна я твоей женою быть, —
Ты ошибаешься, и я, какъ мнѣ ни больно,
Кто я, теперь должна тебѣ открыть.
Ужъ я не то ничтожное созданье,
Лишь годное въ разлукѣ изнывать,
Готовое на все, какъ жертва на закланье.
Алфредъ, я не одна жена твоя — я мать.
Въ тѣ ночи долгія, когда я не смыкала
Ни на минуту глазъ, когда въ слезахъ однѣхъ,
Въ молитвѣ пламенной отрады я искала,
Загладила я свой тяжелый грѣхъ —
Душа моя въ страданьяхъ закалилась,
И въ сердцѣ мужество и воля возросла.
Чѣмъ стала я теперь, обязана Алфреду.
Увидимъ, кто въ борьбѣ губительной падетъ:
Сильнѣйшій ты, я слабое творенье.
Оружіе мое святое Провидѣнье;
Щитомъ тебѣ поставлю дочь мою. —
Алфредъ, я на разводъ согласья не даю.

Алфредъ.

Донынѣ отъ меня ты слышала, Агнеса,
Лишь кроткія слова.

Агнеса.

Лишь смѣй къ другимъ прибѣгнуть.

Алфредъ (*подходя.*)

Агнеса!

Агнеса (*холодно, но съ величіемъ.*)

Лордъ Станлей!

Алфредъ.

Несчастная, не знаешь
Еще на что способенъ въ гнѣвѣ я.

Агнеса.

Догадываюсь я.

Алфредъ.

И не трепещешь!

Агнеса (*улыбаясь.*)

Видишь.

Алфредъ (*беретъ ее за руку.*)

Агнеса!

Агнеса (*упадая на колѣни отъ пожатія его руки.*)

Ахъ!

Алфредъ.

Ты предо мной во прахѣ.

Агнеса (*поднявъ руки къ небу.*)

Умилосердись, Господи, надъ нимъ!
(*Она встаетъ.*)

Алфредъ.

Молися о себѣ — тебя я оставляю.

Агнеса (*бѣжитъ къ нему и обвиваетъ руки около его шеи.*)

Ты не уйдешь, Алфредъ.

Алфредъ.

Прочь, прочь!

Агнеса.

Когда бъ ты зналъ, какъ я тебя люблю.

Алфредъ.

Такъ докажи любовь свою.

Агнеса.

О, мой родитель!

Алфредъ.

Готова ли?

Агнеса.

Ты мнѣ предсказывалъ судьбу.

Алфредъ.

Лишь слово отъ меня.

Агнеса (*зажимая ему ротъ рукою.*)

Его не говори.

Алфредъ.

Согласна ли?

Агнеса.

Лишь выслушай меня.

Алфредъ.

Согласна — кончено, но ни писать мнѣ писемъ,
Ни чѣмъ напоминать мнѣ о себѣ не смѣй.
Прости. —

Агнеса (*удерживая его.*)

Меня не бросишь ты.

Алфредъ.

Проклятье!

Агнеса.

Скорѣе умертви меня.

Алфредъ.

Прочь, прочь!

Агнеса (*падаетъ.*)

Алфредъ!

(*Она встаетъ, простираетъ руки къ нему, и снова упадаетъ безъ чувствъ.*)

О какъ же я люблю тебя, неблагодарный!

Алфредъ.

Она безъ чувствъ, воспользуюсь минутой:
Свидѣтели и судьи ждутъ меня.
Разводная готова, пусть подпишетъ;
Во Францію ее уплю на корабль,
А золото молчать заставитъ капитана.
Для увѣнчанія тѣхъ пламенныхъ надеждъ,
Которыми меня ласкаетъ Фіорентини, —
Избавиться я долженъ отъ нее. (*Уходитъ.*)

—

ЯВЛЕНІЕ IV.

Агнеса (*одна.*)

(*Приходя въ себя.*)

Ужасный сонъ, прочь, прочь! Его не вижу я?
Нѣтъ, то не сонъ! Его я слышала проклятья,
Не голосъ ли я слышала отца!
Нѣтъ, не отца, то былъ Алфреда голосъ,
Но что онъ говорилъ? Не вспоминаю я;
Онъ упрекалъ меня въ холодности, не такъ ли?
Онъ ревность мнѣ въ упрекахъ выражалъ....
Что было здѣсь со мной, сообразить не въ силахъ.
Ни въ памяти, ни въ сердцѣ жизни нѣтъ.
Небесный громъ на мнѣ не разражался,
И молнія къ моимъ не падала ногамъ, —
А я мертва, безчувственна, какъ мраморъ,
И потъ холодный катится съ чела.
(*плачетъ.*)

—

ЯВЛЕНІЕ V.

Агнеса и Робертъ.

Робертъ.

Спасайтеся, Миледи, горе, горе!

Агнеса.

Что сдѣлалось, гдѣ дочь моя?

Робертъ.

Останьтесь.
Узнайте все, что вамъ готовитъ вашъ злодѣй.

Агнеса.

О комъ ты говоришь, тебя не понимаю —
Затмился разумъ мой; кто тотъ злодѣй?

Робертъ.

Алфредъ.

Агнеса.

Что, что готовитъ онъ, скажи мнѣ,—ну, скорѣе,
Не мучь меня,—не лей по каплѣ ядъ,
Дай выпить мнѣ заразъ отравы чашу!

Робертъ.

Сейчасъ подслушалъ я у двери кабинета;
Онъ, капитана корабля призвавъ,
Съ нимъ толковалъ о томъ, какъ бы отправить
Во Францію одну красавицу свою,
Которой ласками прискучилъ онъ. Я слышалъ,
Что въ монастырь ее онъ хочетъ заключить.

Агнеса.

И кто же та несчастная?

Робертъ.

Миледи,
Никто какъ вы; скорѣй спасайтесь бѣгствомъ;
Наутро васъ отправятъ на корабль;
Я васъ спасу. Въ Дублинъ теперь спѣшите
Къ родителю.

Агнеса.

Я остаюсь.

Робертъ.

Миледи,
Онъ хочетъ вашу дочь отдать въ Сиротскій Домъ,
А васъ однѣхъ —

Агнеса.

Не смѣетъ, онъ не можетъ —
Я скрою на груди ее своей — я мать!
Я дочери губителю не выдамъ!
Я брошуся къ ногамъ служителей моихъ,
Они защита мнѣ!

Робертъ.

Но онъ имъ объявилъ
Что вы не госпожа, а..

Агнеса.

Правосудный Боже!

И ты громовъ своихъ не мещешь на злодѣя?
Теперь, преступница, твой гнѣвъ постигла я—
Иду на смерть, на гибель, не робѣя.
Лишь спасена бъ была малютка, дочь моя!
(*Бѣжитъ въ комнату и выноситъ сонное дитя.*)
Младенецъ спитъ — невинное созданье!
Какъ улыбается еще оно во снѣ!
(*Падаетъ на колѣна и молится*)
Отецъ отвергъ тебя (*твердо*), но Божій міръ обширенъ: —
Въ немъ благородныя не вывелись сердца;
Пойдемъ... Себя, старикъ, тебѣ я поручаю
И благости небеснаго Отца.

ДѢЙСТВІЕ ВТОРОЕ.

Лѣсъ. Задняя декорація представляетъ холмистую страну.

Агнеса (*бѣжитъ съ холмовъ, неся на рукахъ дочь*)
Мы спасены! Благодаренье Богу!
Здѣсь отъ гонителей мы скроемся въ лѣсу;
Ихъ голосовъ не слышно въ отдаленьѣ,
И факеловъ не видѣнъ яркій свѣтъ.
Дублинъ не вдалекѣ; съ того пригорка,
При блескѣ молніи, мелькнулъ передо мной
Высокій шпицъ соборной колокольни.
И въ этомъ паркѣ хаживала я
Съ отцемъ моимъ, — и это мѣсто помню —
Умалишенныхъ домъ вблизи — пойдемъ туда.
(*Хочетъ итти.*)
Я выбилась изъ силъ; иди сама, малютка,
Нести тебя я болѣ не могу.
Ну, встань на ножки, встань, дитя мое. О Боже!
Стоять не можешь ты; какъ ослабѣла ты,
Что сдѣлалось съ тобой, твои колѣни гнутся?
Ужъ не больна ли ты? Ахъ, чѣмъ тебѣ помочь
Не знаю я! Я, какъ Агарь, въ пустынѣ.
(*лаская дочь*)
Тебѣ спать хочется, дитя мое.

Клара.

Устала;
И ноги у меня болятъ вотъ здѣсь, и здѣсь.
Спать уложи меня

Агнеса.

О Боже, что мнѣ дѣлать,
Гдѣ уложить ее? Нести ее не въ силахъ.
(*ищетъ въ кустахъ мѣстечка.*)

Вотъ здѣсь усни, не дуетъ здѣсь, прилягъ.

Клара (*ложится спать.*)

А ты не спишь?

Агнеса.

Я посижу съ тобою;
Не бойся ничего, и спи спокойно.
(*Садится на пень.*)

Клара.

Мама,
Здѣсь жестко.

Агнеса.

Потерпи, дитя мое.
(*Клара уснула.*)
Уснула... Нѣкогда и я, такъ засыпала
И убаюкивалъ меня игривый сонъ;
А нынѣ грозныя видѣнья не отходятъ
Отъ ложа моего. Проклятіе отца
И въ грезахъ слышу я, и трепещу отъ страха.
Алфредъ! Алфредъ, какъ дорого плачу
За нарушеніе священнѣйшаго долга
Дочерняго! Какъ нищая, безъ помощи, одна,
Я подаяніемъ питаюсь проходящихъ.
Съ позоромъ на челѣ стыжусь поднять глаза,
Страшусь, чтобъ моего въ нихъ срама не читали.
Родитель мой! къ тебѣ, въ твои объятья
Я возвращаюсь; меня ты не отринь!
Повѣрь, раскаянье мое чистосердечно,
Прости! Нѣтъ, на глаза къ нему я не явлюсь:
Мнѣ не снести его пронзительнаго взора.
Но будетъ ли еще корить меня отецъ?
Создатель чадъ своихъ заблудшихъ принимаетъ
На лоно тишины, уже ль родитель мой
Отвергнетъ дочь свою?—Я слышу въ отдаленьѣ
Стенанья, крикъ; тамъ цѣпь влачится по землѣ:
О Боже! ужъ не звѣрь ли кровожадный
Сорвался. Нашъ послѣдній часъ
Насталъ. Прими мое раскаяніе,—Боже!
Лишь дочь мою отъ гибели спаси!
(*Гроза, молнія иногда сверкаетъ*)

ЯВЛЕНІЕ IV.

(Довкерстонъ *выходитъ съ лѣвой стороны, влача на ногахъ кусокъ цѣпи; онъ показывается во всемъ безпорядкѣ человѣка, лишеннаго ума:*

медленно приближается, въ смятеніи, останавливается, пробирается на лѣвую сторону, видитъ Агнесу, и въ страхѣ бѣжитъ въ глубину сцены. Агнеса въ это время недвижна, вперя взоры, въ ужасѣ. Краткое молчаніе.)

Агнеса.

Не призракъ ли? Нѣтъ, нѣтъ! не призракъ.
Убійца, можетъ быть?—Дочь!—если крикъ ея
Убѣжище откроетъ... Нѣтъ, убійца
Для матери младенца пощадитъ. —
(Постепенно шумъ приближается)
Вотъ приближается, его шаги я слышу.
О Господи! Продли ея невинный сонъ.
Отъ ужаса умретъ она по пробужденьи!

Доверстонъ.

(Выходитъ тихо, и чего-то ищетъ руками на землѣ.)
Я вырвался изъ ихъ желѣзныхъ рукъ;
Я убѣжалъ, и здѣсь отъ нихъ укроюсь

Агнеса.

Онъ не съ дурнымъ намѣреньемъ пришелъ:
Изъ голоса его, изъ всѣхъ движеній вижу;
Быть можетъ, онъ преступникъ, изъ тюрьмы
Онъ убѣжалъ, себѣ спасенья ищетъ.
Мнѣ нечего бояться.
(Дѣлаетъ нѣсколько шаговъ, Доверстонъ слышитъ и останавливается.)

Доверстонъ *(судорожно озирается)*

Это кто?
Ты не видала ли гонителей моихъ?

Агнеса.

Нѣтъ, никого; мы здѣсь одни.

Доверстонъ.

Одни,
А чей же слышишь ты громовый голосъ?
Они зовутъ меня, и вотъ дыханье ихъ!
Какъ разлилось оно по всѣмъ усталымъ членамъ.
Нѣтъ силъ бѣжать, я весь оцѣпенѣлъ.
Тѣ духи адскіе уже висятъ надъ нами,
И вѣютъ на меня широкими крилами.
О, гдѣ укроюсь я отъ ихъ каленыхъ стрѣлъ!

Агнеса.

Несчастный! Онъ безуменъ, изъ больницы
Онъ убѣжалъ, отъ сторожей своихъ.
Чего вы ищете?

Доверстонъ *(до сего времени искавшій чего-то межъ кустами.)*

И какъ давно ищу
И спрашиваю всѣхъ о томъ; но всѣ скрываютъ,
Никто не хочетъ мнѣ могилы показать.
Я никому не дѣлалъ зла, за что же
Такъ неизвѣстностью терзать, томитъ меня?
Могилы я ищу возлюбленной, безцѣнной.
Предмета милаго горячихъ слезъ моихъ;
Ты помоги мнѣ отыскать могилу.
(Озирается въ страхѣ.)
Не видишь ли кого?

Агнеса.

Я никого не вижу.

Доверстонъ.

Они за мной гнались, я скрылся здѣсь въ лѣсу,
А мнѣ во слѣдъ они свои послали громы;
Но я и громы ихъ въ побѣгѣ перегналъ.
(Отступая,)
Что мнѣ до нихъ; теперь я на свободѣ,
Могилу самъ найду, безъ помощи чужой.
(Ходитъ по сценѣ, ища чего-то.)

Агнеса.

Какъ жалокъ онъ; его я въ темнотѣ не вижу;
Онъ, кажется, старикъ—вотъ онъ идетъ сюда.

Доверстонъ.

Тѣ духи адскіе меня въ когтяхъ сдавили,
Чтобъ я отъ нихъ куда не убѣжалъ;
И бурями они сырую землю взрыли,
Чтобы могилы я нигдѣ не отыскалъ.
Но я найду ее и въ день послѣдній міра,
Когда трубы ударитъ грозный гласъ,
И жизнь, какъ ураганъ, промчится по могиламъ,
И, взрытыя ея дыханіемъ, онѣ
Поднимутся горой къ небесной вышинѣ.
И съ рубищемъ въ пыли смѣшается порфира!
Превыше тѣхъ духовъ я въ небеса взойду,
И въ хаосѣ разрушеннаго міра
Могилу дочери возлюбленной найду!

Агнеса.

О дочери тоскуетъ онъ, о горе!

Доверстонъ.

Мнѣ говорятъ, что дочь моя бѣжала
Съ любовникомъ.

Агнеса.

Бѣжала?

Доверстонъ.

Нѣтъ, неправда!
Могла ль она меня на старости оставить —
Отца, который обожалъ ее.

Агнеса.

О Боже, если онъ? Не можетъ быть.

Доверстонъ.

Неправда!
Дочь умерла моя, и въ томъ увѣренъ я;
Самъ видѣлъ, какъ ее зарыли въ землю,
Самъ бросилъ горсть земли на милый прахъ ея,
Самъ я воздвигъ ей памятникъ надгробный

Изъ ирамора, въ одеждѣ гробовой,
Въ вѣнкѣ изъ розъ она склоняется надъ урной;
Но гдѣ тотъ памятникъ? Не помню, — гдѣ? —
(*Опять ищетъ по сценѣ.*)

Агнеса. (*недвижная въ ужасѣ.*)

Что, что со мной? Вся кровь во мнѣ оледенѣла!
Не я ли та несчастная? А онъ?.. —
Прочь горестная мысль! Одинъ и тотъ же случай,
Всѣ обстоятельства лишь сходствуютъ у насъ.
О, кто разсѣетъ страшное сомнѣнье?
(*Подходитъ къ Доверстону.*)

Доверстонъ.

О, если бъ знала ты, какъ я любилъ ее!
Въ ней полагалъ я все земное счастье, —
Какъ нѣжила она, покоила меня!
И дней моихъ зима казалась мнѣ весною;
Безъ радостей у насъ не проходило дня;
Какъ вдругъ, не помню я,—могила—да, могила
Раскрылася и приняла ее.
Я увѣнчалъ ее душистыми цвѣтами;
На память удержалъ вотъ эту цѣпь
Изъ бѣлыхъ розъ — она съ могилы тихой,
Гдѣ прахъ Агнесы непробудно спитъ. (*Цѣлуетъ цѣпь.*)

Смотри, еще какъ свѣжи эти розы:
Онѣ отцовскими слезами вспоены,
И грѣлъ ихъ не зефиръ, отцовскія стенанья!
Я этихъ розъ до гроба не сниму...

Агнеса.

Дай мнѣ взглянуть въ лице тебѣ..... о Боже!
Отецъ! несчастный мой отецъ!

Доверстонъ (*въ бѣшенствѣ.*)

Не я — я не отецъ — я,
Я умерщвлю тебя.

Агнеса.

Я дочь твоя, Агнеса!

Доверстонъ.

Я былъ отцемъ и не отецъ я болѣ...

Агнеса (*на колѣняхъ*).

Родитель!

Доверстонъ.

Гнусное, презрительное имя!
(*Отталкиваетъ Агнесу, которая обнимаетъ его.*)
Прочь съ глазъ моихъ: тебя я видѣть не могу.
Не тронь меня, руками не касайся,
Все зданіе разрушится мое.
Я Прометей, прикованъ былъ къ Кавказу, —
И черный коршунъ растерзалъ меня;
Но коршуна я разорвалъ руками,
Забросилъ трупъ его я въ бездну водъ, —
И сердца моего клевать не будетъ коршунъ.
Ахъ, нечего клевать ему теперь!
Безъ сердца я; дай руку — ты не слышишь
Біенія въ груди — въ ней болѣ сердца нѣтъ:
Вѣдь растерзалъ его на части черный коршунъ.

Агнеса.

Сей горькій видъ страданій не снесу.
О, Господи! Разрушь меня огнемъ небеснымъ,
Мой гнусный прахъ вели ты бурямъ разметать;
Я довела его до страшнаго безумья,
Дни нѣжнаго отца я отравила, я!...
(*Плачетъ у ногъ его.*)

Доверстонъ (*встаетъ, остается нѣсколько времени въ изумленьи, потомъ обращается къ Агнесѣ, которая встаетъ на колѣни, и смотритъ на нее съ безуміемъ. Она глядитъ на него въ страхѣ и горестѣ; онъ подходитъ къ ней, потомъ ударяетъ себя рукою по челу, вздыхаетъ и нѣжно говоритъ*).

Ты здѣсь зачѣмъ, бѣдняжка?

Агнеса (*въ восторгѣ беретъ его за руку и цѣлуетъ, рыдая*).

Боже! Боже!

Доверстонъ.

Встань, милая; ты плачешь, какъ бы я
Желалъ съ тобой поплакать; — не умѣю —
Всѣ слезы высохли въ глазахъ моихъ, гляди;
Въ нихъ нѣтъ слезы ни капли, всѣ въ печали
Я выплакалъ по дочери своей.
И сколько лѣтъ, какъ по щекамъ увядшимъ
Я слезъ не чувствовалъ отрадной теплоты;
Могилу отыщу, и снова буду плакать.
Вѣдь умерла она, хоть ты повѣрь,
Агнеса умерла моя.

Агнеса.

О если-бъ смерть
Меня постигла въ самомъ нѣжномъ дѣтствѣ,
Онъ этихъ горестей тогда-бъ не испыталъ.

Доверстонъ.

Пойдемъ, меня ты не оставишь.

Агнеса.

Могу ль когда тебя оставить я?

Клара (*выбѣгаетъ изъ-за куста*).

Ахъ, маменька, какъ холодно!

Доверстонъ.

Что это?

Агнеса.

Малютка, дочь моя.

Доверстонъ.

Какъ, дочь? Убей ее:
Она не дочь, змѣя — она отрава жизни.
(*Бѣжитъ и отламываетъ сукъ дерева.*)

Агнеса.

О, правосудный Богъ!

Клара.

Ахъ, маменька, спаси!
(*Прячется за нее*).

Доверстонъ.

Ты мнѣ ее отдай, какъ выростетъ она,
Тебя она погубитъ, обезславитъ;
Не лучше ли теперь ей умереть?

Агнеса.

О Боже, Боже! помогите, Боже!

Клара.

Меня убьетъ старикъ; ахъ, мама, онъ убьетъ!
(*Доверстонъ прогналъ Агнесу и схватываетъ Клару.*)

—

ЯВЛЕНІЕ V.

Тѣ же и Джонъ и стража.

Джонъ, стражъ.

Онъ здѣсь, ему свяжите руки.
(*Слуги связываютъ Доверстона, который дѣлаетъ тщетныя усилія вырваться. Джонъ вырываетъ у него сукъ дерева.*)

Доверстонъ.

Злодѣи, варвары!

Джонъ.

Связать его покрѣпче,
А поупрямится — и палкой.

Агнеса.

Боже, Боже!
Не бейте старика, онъ мой отецъ.

Джонъ.

Отецъ!
Не кстати вздумала ты за него вступаться:
По милости твоей вѣдь онъ сошелъ съ ума.

Доверстонъ.

Я убѣгу отъ васъ опять.
(*Хочетъ вырваться.*)

Джонъ.

Ну, попытайся!
Отъ нашихъ палокъ не спастись тебѣ.

Доверстонъ.

Хоть ты мнѣ помогай.

Агнеса.

Молю васъ, пощадите!

Доверстонъ.

Спаси меня отъ ихъ желѣзныхъ рукъ.

Агнеса (*на колѣняхъ, держа въ объятіяхъ Клару*).

Умилосердися надъ нимъ, великій Боже!

ДѢЙСТВІЕ ТРЕТЬЕ.

Модный магазинъ: среди комнаты большой столъ, два столика по сторонамъ, на которыхъ лежатъ разные платья и уборы; стулья около столовъ и кресла для гостей.

ЯВЛЕНІЕ I.

(*Дѣвушка мететъ комнату, кто-то стучитъ въ наружную дверь; она идетъ отворить ее, и вскорѣ входитъ съ Агнесою, у которой на рукахъ Клара*).

Дѣвушка.

Войди, голубушка. Ту женщину, въ мантильѣ,
Которая шла позади тебя,
Не нужно ли впустить сюда съ тобою?

Агнеса.

Чужая; — не со мной она сюда пришла,
Случайно съ ней мы встрѣтились у двери.

Дѣвушка.

Да, это Мистрисъ Вилль.

Агнеса.

Она меня узнала,
И обо мнѣ теперь узнаетъ весь Дублинъ;
Погибла я.... Но гдѣ хозяйка ваша?

Скажите ей, что женщина съ ребенкомъ
Съ ней безъ свидѣтелей желаетъ говорить.
(*Она сажаетъ Клару въ кресла; отираетъ лице платкомъ*).

Дѣвушка (*входитъ въ комнату Фанни.*)

Сейчасъ иду!

Клара.

Мы дома ли теперь?

Агнеса.

Надѣюсь.

Клара.

Гдѣ жъ моя постелька, мама?
Я голодна, устала; спать хочу

Агнеса.

Дитя мое, ты потерпи немного.

(*Подходитъ къ окну.*)

Та Мистрисъ Виль отъ дому не отходитъ;
Сюда въ окно глядитъ, смѣется мнѣ въ глаза;
Нѣтъ снисхожденья здѣсь, и часто строгость нравовъ
Злорѣчію покровомъ служитъ здѣсь.
Но здѣсь найду себѣ пріютъ я безопасный,
И дочь кормилицы въ немъ не откажетъ мнѣ—
Она призритъ виновницу безумья
Отца. О, эта мысль кинжаломъ раскаленнымъ
Вонзается въ мою растерзанную грудь.

—

ЯВЛЕНІЕ II.

Фанни, Агнеса, Клара.

Фанни.

Кто хочетъ говорить со мною?

Агнеса.

Я,
Я, Фанни.

Фанни.

Но чего хотите вы?

Агнеса.

Пріюта
И милостыни.

Фанни.

Вамъ помочь готова я;
Но, кто же вы?

Агнеса.

Какъ? Ты меня не узнаешь!

Фанни.

Вы, госпожа моя, Агнеса! Боже!
(*Въ изумленьи.*)

Агнеса.

Ты отъ меня бѣжишь, того я стою Фанни....

Фанни.

Мнѣ? мнѣ бѣжать отъ васъ, отъ госпожи моей,
Забыть всѣ милости, благодѣянья ваши?
Я этого отъ васъ упрека не ждала!
Но изумленье, ужасъ, состраданье
Смутили такъ, что я не вѣрю и глазамъ —
Въ какомъ же видѣ вы! О, Боже правосудный!
(*Бросается цѣловать у нея руки.*)

Агнеса (*отнимаетъ у нее*).

Что дѣлаешь? Не мнѣ твоя покорность,
Не мнѣ, не мнѣ почтительность твоя,
И эта бѣдная крестьянская одежда
Лишь состраданья проситъ одного.

Фанни.

Несчастная! Страдали вы не мало;
Какъ счастлива старушка мать моя,
Что Богъ ее отъ горести избавилъ
Увидѣть васъ въ несчастьѣ.

Агнеса.

Нѣтъ ея,
Кормилицы моей? Я на нее одну
Въ страданіяхъ надежду полагала!

Фанни.

А я на что? Во мнѣ не каменное сердце;
Неблагодарной къ вамъ быть не могу.
Плоды трудовъ моихъ отнынѣ я готова
Съ моею бѣдной госпожей дѣлить.
Ахъ, къ этой мысли я привыкнуть не умѣю!
А это чья малютка?

Агнеса.

Дочь моя.

Фанни.

Какъ, ваша дочь, невинное созданье!
(*Цѣлуетъ ее*).

Агнеса.

Всю ночь она бѣдняжка не спала.

Фанни.

Я уложу ее сейчасъ же. — Леонора!

Агнеса.

Тебя уложать спать.

Клара.

Ты спать не ляжешь, мама?

—

ЯВЛЕНІЕ III.

Дѣвушка, Фанни, Клара и Агнеса.

Фанни.

Ты уложи ее въ постель мою.

Клара.

А маму?

Агнеса.

Сейчасъ къ тебѣ прійду. (*Дѣвушка уводитъ Клару.*)
Еще одинъ вопросъ,

Фанни.

Сударыня, меня не спрашивайте болѣ:
Я не могу, не въ силахъ отвѣчать.

Агнеса.

Не объ отцѣ тебя я спрашивать хочу —
Мнѣ жребій горестный родителя извѣстенъ.

Фанни.

Какъ, вамъ извѣстно все?

Агнеса.

Я видѣла его,
О немъ тебя я спрашивать не буду;
Я повѣсть горестей въ глазахъ его прочла,
Безумье и любовь родительскую, Боже! —
(*Она въ отчаяньи, потомъ вздыхаетъ и успокоивается.*)
Поговоримъ о матери твоей:
Ее сразилъ поступокъ мой, я знаю,
Она меня предъ смертью прокляла.

Фанни.

Она считала васъ обманутой, ласкалась
Надеждою, что возвратитесь вы
Въ отцовскій домъ, и съ той надеждою скончалась
Въ объятіяхъ моихъ, благословляя васъ.

Агнеса.

Но я раскаяньемъ проступокъ мой заглажу
У ногъ отца, къ нему должна итти.
О, Фанни, какъ могу я доступъ получить
Къ несчастному?

Фанни.

Стараться я готова;
Но чрезъ кого? Ахъ, Боже, Сиръ Мельвиль —
Другъ батюшки....

Агнеса.

Онъ живъ? А дочь его, Элиза?
Ахъ, не чрезъ нихъ! О мнѣ не говори:
Они гнушаются преступницей Агнесой.

Фанни,

Напротивъ, всякій разъ, какъ повстрѣчаюсь я
Съ Элизой, рѣчь о васъ всегда она заводитъ;
Жалѣетъ васъ. Она теперь выходитъ замужъ.

Агнеса.

Желаю счастья ей — она его достойна;
Но кто идетъ сюда?

Фанни.

Не бойтесь, ученицы.

—

ЯВЛЕНІЕ IV.

Тѣже и Дѣвушка
(*входитъ изъ боковыхъ дверей.*)

Дѣвушка.

Малютка ваша тотчасъ же заснула.
Что за дитя прелестное!
(*Слышенъ стукъ*).
Кто тамъ?
(*Уходитъ*).

Фанни.

Сударыня, теперь покой вамъ нуженъ.
Войдите въ комнату мою, и тамъ
Поговоримъ о вашемъ положеньѣ,
А я межъ тѣмъ схожу къ Мельвилю; — да,
Весь домъ и я сама къ услугамъ вашимъ:
Вы здѣсь хозяйка.

Агнеса.

Фанни, я не въ силахъ
Благодарить. Богъ наградитъ тебя!
(*Уходитъ*).

—

ЯВЛЕНІЕ V.

(*Нѣсколько дѣвушекъ входятъ, кланяются Фанни и садятся за работу;* Фанни *садится на свое мѣсто. Вскорѣ входитъ* Леонара *съ* Графинею Бриджъ, *сопровождаемой двумя лакеями. У обоихъ въ рукахъ по подушкѣ, которыя они кладутъ на кресла, гдѣ сядетъ Леди Бриджъ*).

Дѣвушка (*лакеямъ, которые кладутъ подушки*).

Вотъ здѣсь, на этотъ стулъ.

Гр. Бриджъ.

Нѣтъ силъ, я задыхаюсь:
На этихъ лѣстницахъ прійдется умереть.

Фанни.

Зачѣмъ трудились вы всходить сюда, Графиня.
(*Указывая на дѣвушку*).
Въ каретѣ ей могли бъ все наказать,
Что нужно вамъ.

Гр. Бриджъ.

Ахъ, дайте духъ перевести.

Фанни (*садится*).

Визита этого я не ждала сегодня.

Гр. Бриджъ.

Я въ первый разъ заѣхала сюда,
И тотъ оселъ меня увѣрилъ, что ступенекъ
Немного къ вамъ на лѣстницѣ, и что жъ?

Фанни.

Но ихъ не болѣе пятнадцати.... —

Гр. Бриджъ.

Пятнадцать
Ступеней? Мать моя и я съ моими

Ногами такъ могла взобраться высоко?
Ну, чудо, что со мной не сдѣлалось удара;
Одышкой стражду я.

Фанни (*въ сторону*).
Мудренаго тутъ нѣтъ.
(*Громко.*)
Мнѣ жаль, что вы изъ-за меня....

Гр. Бриджъ.
Ни мало;
Тотъ негодяй всему вина.

Фанни.
Для васъ
Полезенъ моціонъ.

Гр. Бриджъ.
Я развѣ мало
Хожу съ утра, изъ спальни въ кабинетъ,
Въ гостиную иду изъ кабинета,
Потомъ пройти должна покоя три
До залы, все пѣшкомъ, да, милая, пѣшкомъ.
Потомъ сажусь въ карету, разъѣзжаю,
То въ лавки загляну, то въ модный магазинъ;
Усталая къ обѣду возвращаюсь.
Послѣ стола, по комнатамъ хожу;
Двѣ моськи у меня живутъ на пенсіонѣ,
Къ нимъ захожу, сама лелѣю ихъ, кормлю;
Имъ нуженъ моціонъ: гуляю съ ними въ залѣ,
И съ моськами сама, признаться, устаю.
Потомъ въ театръ; оттуда ѣду въ гости,
Сажусь за вистъ, мѣста мѣняю я.
Мнѣ въ вечеръ двадцать разъ прійдется встать за вистомъ
И обойти пѣшкомъ вкругъ карточныхъ столовъ;
Все, милая, пѣшкомъ, и потому здорова,
Что дѣлаю такой прекрасной моціонъ.

Фанни.
Какъ можете еще сносить его, Графиня?

Гр. Бриджъ.
Пока мы молоды, все можемъ перенесть;
Но я притомъ свѣжа, крѣпка; ты видишь,
Я въ цвѣтѣ лѣтъ, себя умѣю сохранять.
Нагрянетъ старость намъ, тогда все отзовется,
Чѣмъ въ молодости мы себя не берегли.
Едва племянницу свою я выдамъ замужъ,
Я отдохну: тогда съ подушекъ не сойду.

Фанни.
Что дѣлаетъ Графиня, Миссъ Элиза?

Гр. Бриджъ.
Что дѣлаетъ невѣста? Презабавно!
Съ часу на часъ дня свадьбы ждетъ она;
Но полно толковать, поговоримъ о дѣлѣ.
Готовъ ли мой уборъ? Примѣрить дай.

Фанни (*подаетъ токъ съ розами.*)
Готовъ давно.

Гр. Бриджъ (*примѣриваетъ чепецъ*).
Къ лицу мнѣ эти розы.
Прошу васъ не жалѣть Французскихъ блондъ.
А платье? Какова накладка, не бѣда ли?
(*Ей показываютъ платье, она разсматриваетъ.*)
На балѣ я всѣхъ нашихъ данъ убью;
Графиню Польскую зарѣжу, доканаю,
А Генеральша Вильдъ съ ума сойдетъ.
Бѣдняжка, жаль ее, какъ слышно, проиоталась
Ей стоитъ дорого послѣдній фаворитъ!
Вы знаете, домашній, черномазый.
Что въ немъ она нашла! А Баронесса Смитъ
Съ своею дочерью, съ той мраморной невѣстой,
Которая какъ мраморъ холодна.
Онѣ, повѣрьте мнѣ, теперь не въ состояньѣ
Со мной тягаться въ модахъ щегольскихъ:
Я первая теперь.

Фанни.
Но, говорятъ, что Миссъ
Помолвлена за богача.

Гр. Бриджъ.
Не правда,
Та свадьба разошлась, и Миссъ едва
Не осрамилася такимъ же поведеньемъ,
Какъ знаменитая Агисса Доверстонъ.
А гдѣ теперь она? Не знаете ль?

Фанни.
Не знаю.

Гр. Бриджъ.
У насъ о ней не спрашиваютъ въ свѣтѣ;
Тамъ имени ея произнести нельзя.

Фанни.
Прошу о ней со мной не говорить.

Гр. Бриджъ.
Помилуй, мать моя, что за бѣда —
Дочь недостойную, позоръ всего семейства,
Намъ нечего щадить, и обществу она
Стыдъ нанесла....

Фанни.
Молю, не говорите громко.

Гр. Бриджъ.
Забавно! Не отъ нихъ ли хочешь ты скрывать
Романъ ея и всѣ ея проказы?
Пусть эти дѣвушки узнаютъ, кто она.
(*Разсказываетъ дѣвушкамъ, разводитъ руками, кому говоритъ на ухо.*)

—

ЯВЛЕНІЕ VI.

Тѣ же и Мистрисъ Виль.

Мис. Виль (*въ бѣшенствѣ*).
Гдѣ дочь моя, Бригита, гдѣ?

Брось все, и вы, Гортензія, Розальба,
Работу на полъ, вонъ скорѣе, вонъ отсюда,
Родители мнѣ васъ велѣли взять.

Фанни.

Что значитъ, Мистрисъ Вилъ?

Мис. Вилъ.

Что значитъ?
Ты смѣешь спрашивать! Не думаешь ли ты,
Что не узнали мы? О томъ весь городъ знаетъ,
И всѣ гнушаются тобой, бранятъ тебя,
И женщинѣ такой, какъ ты, не можемъ
Повѣрить дочерей.

Гр. Бриджъ.

Скажи мнѣ, что такое,
Голубушка.

Мис. Вилъ.

И вы не знаете еще,
Что бѣглая Агнеса возвратилась?

Гр. Бриджъ.

Агнеса?

Мис. Вилъ.

Да, и эта госпожа
Изволила ее принять въ свой домъ!

Гр. Бриджъ.

Агнеса,
Со мною подъ одною кровлей? — Прочь!
Отсюда прочь! Ахъ, бѣдный мой уборъ,
И бальный мой нарядъ, онъ обезславленъ ею!..

Фанни.

Послушайте, Графиня, разувѣрьтесь.

—

ЯВЛЕНІЕ VII.

Тѣ же и два лакея входятъ.

1-й Лакей.

Княгиня Русская, которая въ сосѣдствѣ
Живетъ отъ васъ, все отмѣнить велѣла,
Что заказала вамъ.

Фанни.

О, правосудный Богъ!

Швейцаръ.

Хозяйка дома вамъ убраться приказала
Отсюда; на нее вамъ запретила шить.

Фанни.

Кто можетъ быть меня несчастнѣе, о Боже!

Мис. Вилъ.

Вонъ, вонъ отсюда всѣ, здѣсь моровая язва.

Гр. Бриджъ.

Что до меня — и я въ васъ болѣ не нуждаюсь.

—

ЯВЛЕНІЕ VIII.

Тѣ же и Агнеса.

Агнеса (*выходитъ*).

Агнеса Доверстонъ презрѣнія достойна!
Преступница, для всѣхъ позоръ и срамъ,
Но бѣдная Агнеса не допуститъ
Изъ-за нея ту разорить въ конецъ,
Которая ее согрѣла, пріютила.

Гр. Бриджъ.

Она! Ее узнала тотчасъ я.

Мис. Вилъ.

Еще на улицѣ, какъ шла она сюда,
Ее узнала я, въ кварталѣ разсказала,
Какъ вы, сударыня, у насъ не терпятъ здѣсь;
Изъ-за тебя почтенный твой родитель
Съ ума сошелъ. Отцеубійца ты,
И дочерямъ въ примѣръ тебя мы презираемъ!

Агнеса.

Я именемъ Всевышняго молю,
Останьтеся (*обращается къ Графинѣ*)
И выслушайте.

Гр. Бриджъ.

Прочь!
Не смѣй ко мнѣ и подойти.

Фанни.

Графиня!
Лишь дайте вымолвить.

Гр. Бриджъ.

И слушать не хочу.
Мнѣ съ нею говорить! Что послѣ скажутъ въ свѣтѣ?

—

ЯВЛЕНІЕ IX.

Тѣже и Генрихъ.

Генрихъ.

Что здѣсь за шумъ, что сдѣлалось, скажите.

Мис. Вилъ.

Вы кстати къ намъ пришли, теперь узнайте вы,
На комъ намѣрены жениться!

Гр. Бриджъ.

Какъ? На Фанни,
Онъ думаетъ жениться?

М. Вилъ.

Точно такъ.

Гр. Бриджъ.

Fi donc! Стыдитеся!

Генрихъ.

Чего?

М. Виль.

Она срамитъ
Себя и васъ; смотрите, съ кѣмъ сдружилась,
Кого въ свой домъ она сегодня приняла.

Генрихъ.

Кто эта женщина?

Гр. Бриджъ.

Извѣстная Агнеса.

М. Виль.

Всѣхъ добродѣтелей достойный образецъ —
Агнеса Доверстонъ!

Генрихъ.

Агнеса Доверстонъ?

Агнеса.

Я та несчастная, отверженная свѣтомъ,
Я недостойная участія слезы,
Раскаяньемъ сердечнымъ увлекаясь,
Осмѣлилась пріюта я искать
У добродѣтельной, моей невинной Фанни.
Теперь она изъ-за меня одной
Подверглася злословью, поношенью,
Какъ отъ чумы бѣгутъ всѣ отъ нее;
Я въ домъ ея внесла позоръ и разоренье!
Но нестерплю того, пусть жизнь ея течетъ
По прежнему въ трудахъ, въ довольствѣ тихомъ;
Я предаюсь опять моей судьбѣ — иду,
Съ терпѣніемъ неся тяжелый крестъ несчастья!

Фанни.

Нѣтъ, васъ я не пущу, останьтеся со мною;
Для васъ я все снесу — злорѣчье, нищету....

М. Виль.

Она стоитъ горою за Агнесу!
Свой своему вѣдь по неволѣ другъ.

Гр. Бриджъ.

Не знала я, что такъ злонравна Фанни!

М. Виль.

Останется безъ учениць она!

Гр. Бриджъ.

Никто изъ знатныхъ дамъ работъ ей не закажетъ.

М. Виль.

И вы на ней не женитесь теперь?

Генрихъ.

Не торопись, пускай модистка Фанни
Останется на вѣкъ безъ учениць;
Пускай весь знатный свѣтъ лишитъ ее работъ,
Приказывать ему не властенъ я того;
Но что теперь женой моей не будетъ Фанни,
Зависитъ отъ меня — и свѣтъ мнѣ не законъ.

Гр. Бриджъ.

Какъ можешь ты, мой милый, уважать,
Когда она связалась съ развращенной!

Генрихъ.

Прошу не досказать, Графиня, и отъ васъ
Такихъ похвалъ я не намѣренъ слушать
Агнесѣ Доверстонъ; ужели долженъ я
Невѣсту презирать за то лишь, что рѣшилась
Принять ее? И васъ прошу о нашей братьѣ,
Мѣщанахъ, лучшее понятіе имѣть.
Еще мы до того душой не очерствѣли,
Чтобъ состраданье заглуша въ груди,
Захлопнуть дверь могли предъ сирымъ, неимущимъ!
Я осуждалъ Агнесу за вину —
Раскаянье насъ примиряетъ съ нею:
Я руку помощи охотно ей подамъ.
(*Становится между Агнесою и Фанни.*)
Останьтеся у насъ Агнеса — презирайте
Злорѣчіе толпы; а ты, мой милый другъ,
Ты возвеличилась въ глазахъ моихъ поступкомъ:
Сегодня же моей женою будешь ты.

Гр. Бриджъ.

Я слушать не хочу; онъ грубіянъ, негодный!
(*Уходитъ, за нею лакеи.*)

М. Виль.

А мнѣ что здѣсь стоять: пойду, всѣмъ раскажу
На перекресткахъ, всѣмъ разблаговѣщу. Дѣти!
За мной, за мной!

Фанни (*Генриху*).

Ты слышишь ихъ угрозы?

Генрихъ.

Ихъ презираю я; не всѣ жестокосерды!
И можно ли жестокосердымъ быть
При видѣ горестной страдалицы? Нѣтъ, Фанни,
Чего бъ ни стоило, ее не выдамъ я:
Я не богатъ; но съ ней готовъ дѣлиться
Послѣдней коркой.

Фанни.

Камень съ сердца спалъ!
Ты не гнушаешься своею Фанни!...

Агнеса.

Генрихъ!
Достойный другъ, я словъ не нахожу
Для выраженья чувствъ признательности; видишь
Лишь эти слезы — дань моей души.
О Господи! Стези твои непостижимы!
Путями горести ты велъ меня сюда —
И здѣсь надѣюсь я желаніе исполнить,
Которое давно въ груди моей ношу;
Ту мысль ты самъ вдохнулъ въ меня, Всевышній,
И къ совершенію ея напутствуй ты!

Фанни.

Куда идете вы?

Агнеса.

Къ Мельвилю.

Фанни.

Не ходите,
Такъ оскорбленія вы встрѣтите одиѣ.

Агнеса.

На все готова я!

Генрихъ.

Вы городомъ пойдете,
Средь бѣла-дня, — что, если чернь
Обидитъ васъ?

Агнеса.

Обиды, поношенье,
Безъ ропота снесу, какъ терпитъ мой отецъ.
Мнѣ время дорого.

Генрихъ.

Васъ провожу къ Мельвилю.

Фанни.

И я.

Агнеса (*Генриху и Фанни, которые удерживаютъ ее*).

Не допущу васъ до того, друзья!
Я не хочу, чтобъ вы подверглись порицанью,
Я не хочу на васъ позоръ навлечь;
О не держите такъ меня, не убѣждайте,
Не поколеблете вы твердости моей.
Храните дочь мою, въ ней вѣру поселяйте,
О бѣдной матери твердите чаще ей,
Пусть въ памяти хранитъ меня малютка Клара:
Она одна отрада дней моихъ.
Простите! Обо мнѣ въ молитвахъ помяните —
Онѣ отъ чистыхъ душъ, и Богъ услышитъ ихъ!
(*Убѣгаетъ, Фанни и Генрихъ, отирая слезы, глядятъ ей вслѣдъ*).

ДѢЙСТВІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

Комната въ больницѣ; большой столъ съ книгами, колокольчикъ; чернильница, стулья для трехъ чиновъ больницы.

ЯВЛЕНІЕ I.

Докторъ, Сиръ Мельвиль, Членъ общества и Швейцаръ.

Сиръ Мельвиль.

Такъ, господа, она достойна состраданья,
Ея раскаянье чистосердечно.

Докторъ.

Къ вамъ
Пришла она въ увѣренности твердой,
Что не отринете ее — вамъ честь, Мельвиль;
Вы призрѣли ее на перекоръ злословью;
Но чѣмъ же мы полезны можемъ быть?

Мельвиль.

Доставить ей съ отцомъ свиданье.

Докторъ.

Легко сказать. Отецъ ея взбѣшенъ
Неблагодарностью ея, побѣгомъ, срамомъ;
Онъ въ смутныхъ грезахъ видитъ лишь ее,
И мы ее безумному представимъ!..
Нѣтъ, нѣтъ, Мельвиль! за то я не берусь.

Мельвиль.

Позвольте лишь явиться ей предъ вами,
И, я увѣренъ, васъ растрогаетъ она.

Докторъ.

Занятья насъ довольно очерствили.
Мягкосердечіе — не слабость наша. (*Звонитъ и зоветъ швейцара*). Эй!
(*Швейцаръ входитъ*).
Введите госпожу, которая въ прихожей.

Мельвиль.

Нашъ докторъ храбреца изволитъ представлять.
Увидимъ, устоитъ ли онъ отъ слезъ Агнесы.

—

ЯВЛЕНІЕ II.

Тѣже и Агнеса. (*Швейцаръ вводитъ ее и уходитъ.*)

Докторъ.

Мельвиль — она въ прежалкомъ состояньи.

Мельвиль.

Послушайте ее, что скажете тогда.

Докторъ.

Чего угодно вамъ?

Агнеса.

Молю о снисхожденьѣ.

Докторъ.

Мы чувствовать его не можемъ къ вамъ —
Поступокъ вашъ ужасенъ!

Агнеса.

Осудите
Со всею строгостью законовъ; не могу
Ни чѣмъ вамъ возражать, однимъ стыдомъ, молчаньемъ
И этими слезами.

Мельвиль.

Ну, теперь
Отриньте бѣдную.

Докторъ

То было бы жестоко.
Скажите, какъ дошли вы до того,
Что безъ пристанища блуждаете по свѣту?
Злорѣчію здѣсь пищей стали вы,
И всѣ о васъ разсказы такъ различны;
Хотѣлось бы узнать отъ васъ самихъ
Цѣпь горестей, которымъ вы подверглись.

Агнеса.

Счастливыхъ дней описывать не стану,
Которые въ дому отцовскомъ провела.
Невинная, свое блаженство полагала
Въ любви отца, въ заботахъ объ отцѣ.
Увидѣла его — и сладкій міръ на вѣки
Изъ сердца улетѣлъ. Какъ былъ прекрасенъ онъ,
Какъ обольстителенъ; воображеньемъ юнымъ
Онъ овладѣлъ моимъ, а вскорѣ и душой!
И я повѣрила наружности Алфреда.
Напрасно батюшка старался разорвать
Сѣть адскую, куда увлекъ меня коварный:
Его совѣты отвергала я,
Смѣялась я его строжайшимъ приказаньямъ,
И въ сердцѣ нѣжный гласъ природы заглуша,
Увлекшись страстью пламенной, рѣшилась
Оставить все, отца и родину! — Зачѣмъ
Тогда порогъ родительскаго дома
Не всталъ грозящею громадой предо мной?
И море, унося корабль нашъ окрыленный,
Не выступило все изъ мрачныхъ безднъ своихъ,
И хищника не залило потономъ? (*Останавливается отъ сильнаго душевнаго волненія*).

Мельвиль.

Но онъ вину свою загладилъ, сочетавшись
Съ тобой узами брака?

Агнеса.

Въ Голигедъ
Мы прибыли, и тамъ, въ смиренномъ храмѣ,
Мнѣ поклялся супругомъ быть Алфредъ.
Ночь мрачная была, и море клокотало
У нашихъ древнихъ стѣнъ, а я безъ чувствъ, одна,
Я полумертвая у алтаря стояла,
И клятву страшную тогда я изрекла;
И мнѣ казалося, что съ клятвой той упало
Все небо съ трескомъ на главу мою, и стонъ
Родителя слился съ унылымъ воемъ бури.

Докторъ.

Несчастная!

Агнеса.

Въ Шотландію увезъ
Меня Алфредъ, и тамъ въ уединеньѣ
Я стала матерью. Малютка, дочь моя,
Росла на радость мнѣ, и вотъ въ старинномъ замкѣ
Мы прожили пять лѣтъ безъ общества, одни.
Изъ замка мой Алфредъ нерѣдко отлучался,
Съ друзьями буйными носился по лѣсамъ:
Охота для него въ привычку обратилась;
Какъ вдругъ уѣхалъ въ Лондонъ, цѣлый годъ
Я съ нимъ жила въ разлукѣ; слухъ носился,
Что членомъ сталъ тогда Парламента Алфредъ,
Что честолюбіе въ груди его проснулось.
На письма мнѣ онъ рѣдко отвѣчалъ;
Въ нихъ умоляла я къ родителю явиться
И вымолить прощеніе себѣ.
И наконецъ Алфредъ мою исполнилъ просьбу:
Отправиться сюда одной мнѣ приказалъ,
И ждать его прибытія въ Ньюкестлѣ,
И тамъ.... (*Останавливается и закрываетъ лице платкомъ*).

Докторъ.

Что сдѣлалъ онъ?

Агнеса.

Личину снялъ съ себя;
Онъ объявилъ, что женится изъ видовъ
Политики, и принуждалъ меня....

Мельвиль.

Возможно ль?
Такъ стало быть разводъ освободилъ его
Отъ данныхъ клятвъ?

Агнеса.

Разводъ отвергла я.
Избавиться меня насильственно желая,
Корабль онъ снарядилъ, хотѣлъ послать меня
Во Францію, къ своей суровой теткѣ,
Въ монастырѣ меня на вѣки заключить,
А дочь мою, сокрывъ ея происхожденье,
Хотѣлъ отдать въ сиротскій домъ;
Но я нарушила всѣ замыслы злодѣя:
Въ Дублинъ бѣжала я, гонитель мой за мной,
И здѣсь, въ лѣсу, въ моей увѣрился онъ смерти,
И здѣсь, въ лѣсу, я встрѣтилась съ отцемъ,
А остальное вамъ извѣстно. Безъ защиты,
Съ младенцемъ-дочерью одна сюда пришла,
Слезами я съ себя омыла срамъ,
Раскаяньемъ я съ небомъ примирилась,
И вотъ теперь судьбу свою вручаю вамъ.

Мельвиль.

Что скажете, любезный докторъ?

Докторъ (*сквозь зубы*).

Что?
Ну, ничего, да, ничего и только.

Мельвиль.

Какими рѣзкими чертами, посмотрите,
Страданья отлились на мертвенномъ челѣ!

Докторъ.

Чего же вамъ, сударыня, угодно
Отъ насъ?

Агнеса.

Я испросить пришла себѣ
Лишь позволенія принять служанки должность
Въ Больницѣ, гдѣ страдаетъ мой отецъ.
Первѣйшимъ благомъ я считаю быть при немъ,
Ходить за нимъ и близъ одра болѣзни
Просиживать надъ нимъ, и день и ночь;
Любовью дѣтскою и нѣжною заботой,
Быть можетъ, я еще могу успѣть
Въ немъ оживить изнеможенный разумъ;
И если же напрасенъ будетъ трудъ,
Я мыслью той утѣшуся отрадной,
Что я раскаяньемъ загладила вину.
Вотъ милости, какой прошу у васъ.

Мельвиль.

Тронитесь
Судьбой ея. (*Переговоръ между членами медицинскаго совѣта и главнымъ Докторомъ.*)

Докторъ.

Согласны вы?

Члены Совѣта.

Согласны.

Докторъ.

Агнеса Доверстонъ, приближьтесь. Въ уваженье
Страданій вашихъ, дозволяемъ вамъ
Служить отцу въ больницѣ. Приготовьтесь
Итти къ нему. Прислуживицы нарядъ
Готовъ для васъ; вы соберитесь съ силой
Увидѣться съ несчастнымъ. (*Звоня*)
Госпожу
Ведите въ камеру подъ нумеромъ двадцатымъ.

Агнеса.

О благодѣтель мой!

Докторъ.

Умѣрьте вашъ восторгъ,
Еще не знаете, какъ приметъ васъ родитель.
(*Уходятъ.*)

Агнеса (*одна*).

Готова все снести! Умру отъ рукъ его!
Одушеви меня, дай силы, Вседержатель,
Загладить стыдъ поступка моего!
(*Уходитъ*).

—

ЯВЛЕНІЕ III.

(*Комната съ бѣлыми стѣнами, съ которыя вбиты желѣзныя кольца и цѣпи; съ лѣвой стороны небольшая постель. Окно и дверь съ желѣзною рѣшеткою. Простой столъ, двѣ скамьи, кружка съ водою. Всѣ стѣны исчерчены углемъ; видны изображенія могилъ, урнъ и всѣ съ именемъ Агнесы.*)

Доверстонъ (*одинъ*).

(*Сидитъ на постелѣ, рисуетъ на стѣнѣ углемъ*).
Агнеса, дочь моя, ты не отвѣтишь мнѣ
На голосъ мой! Напрасно я взываю!
Къ тебѣ въ могилу плачъ не долетитъ.
Такъ, умерла она, безъ чувствъ, оледенѣла,
Не слышитъ ничего, не видитъ слезъ моихъ;
Несчастная! (*вставая*). Скажите же, гдѣ гробъ?
Такъ, это онъ! Снимите крышку съ гроба, —
И саванъ съ блѣднаго отдерните лица:
Мнѣ дайте поглядѣть. Она! Погасли очи,
Уста сомкнулися и блѣдность на щекахъ.
Агнеса, встань, открой свои объятья,
Прими къ себѣ на грудь несчастнаго отца.
Агнеса, дочь моя! Исчезла, нѣтъ могилы.
Гдѣ гробъ ея — не вижу. Дочь моя!
(*Въ безуміи ходитъ по комнатѣ, вдругъ остановливается.*)
Но я найду ее, гдѣ бъ ни была Агнеса.
(*Подходитъ къ стѣнѣ и рисуетъ гробъ*).

—

ЯВЛЕНІЕ IV.

Агнеса, Джонъ и Доверстонъ.

Агнеса (*въ платьѣ прислужницы госпиталя*).

Меня по имени онъ назвалъ.

Джонъ.

Да,
Онъ только и твердитъ что это имя. —

Агнеса.

Что?
Что дѣлаетъ теперь?

Джонъ.

Рисуетъ.

Агнеса.

Что?

Джонъ.

Могилу.
Вы видите могилы на стѣнахъ:
На каждой онъ Агнесы имя пишетъ,
Я доставляю уголья ему.
Отъ скуки онъ бесѣдуетъ съ могилой,
Съ той мертвой головой хохочетъ часто онъ,
То плачетъ, то приходитъ въ ярость.
Послушайте.

Доверстонъ (*обратясь къ головѣ*).

Но гдѣ же черепъ милый?
Онъ улыбается коварно на стѣнѣ,
Въ пустыхъ глазахъ признательность читаю,
Нѣтъ, не признательность, коварство... Черепъ, прочь.
(*Хохочетъ.*)
Какъ испугался онъ, какъ по гробамъ запрыгалъ!

Но чей же черепъ тотъ? Какъ измѣнился онъ
(*плачетъ*);
Онъ не ея! Гдѣ алыя ланиты?
Гдѣ очи ясныя, улыбка гдѣ ея?
Ахъ, очи ясныя теперь на вѣкъ закрыты:
Подъ камнемъ гробовымъ почіетъ дочь моя!
(*Плачетъ горько.*)

Агнеса (*разсматриваетъ его и потомъ нѣжно вздыхаетъ*).

Доверстонъ (*увидѣвъ ее, вскрикиваетъ отъ радости и бѣжитъ къ ней въ радости, потомъ вдругъ останавливается, безумно смотритъ на нее, кладетъ руку на чело, и вздыхаетъ глубоко.*)

Нѣтъ, не она, та умерла.

Агнеса.

Жива!
И горести твои она искупитъ жизнью.
Родитель мой! взгляни, здѣсь дочь твоя:
Узнай меня, по голосу, стенанью...
О, Боже, онъ меня не слышитъ, горе мнѣ!
Надежды нѣтъ, его не воззову я къ жизни!
(*Упадаетъ на скамью и плачетъ.*)

Доверстонъ (*подходитъ къ ней и беретъ ее за руку*).

О чемъ, бѣдняжка, плачешь?

—

ЯВЛЕНІЕ V.

Докторъ, Мельвиль и прочіе, въ дверяхъ за рѣшеткой.

Мельвиль.

Посмотрите,
Онъ приласкалъ ее, ее погладилъ.

Докторъ.

Браво!

Доверстонъ.

Я не хочу, чтобъ тосковала ты,
Не знаю почему, мнѣ жаль, когда ты плачешь.

Агнеса (*вставая.*)

Я весела опять, ты видишь, я не плачу.
(*Дѣлаетъ усиліе быть веселой.*)

Доверстонъ (*весело*).

Развеселимся же и посмѣемся оба.
(*Перемѣнясь.*)
Нѣтъ, я смѣяться болѣ не могу.

Агнеса.

И даже въ обществѣ моемъ?

Доверстонъ.

Съ тобой мнѣ веселѣе,
И я давно такъ веселъ не бывалъ.

Мельвиль.

И вправдѣ, ее узнаетъ онъ.

Докторъ.

Не скоро.

Доверстонъ.

Мнѣ весело, тебя отрадно слушать;
Какъ нѣженъ голосъ твой; онъ арфа для души:
Мнѣ понравится, его я гдѣ-то слышалъ,
Нѣтъ, нѣтъ — не здѣсь, здѣсь мертвые одни...
Тебѣ въ глаза гляжу я, какъ небо
Въ весенній день, бывало, я глядѣлъ....
Я сходство нахожу. Ахъ, нѣтъ, моя Агнеса
Свои глаза сомкнула вѣчнымъ сномъ,
Какъ ты на грудь мою не склонится, не скажетъ
Съ улыбкой мнѣ привѣтныхъ словъ любви,
Не пропоетъ мнѣ сладкозвучной пѣсни.
Безчувственна!.... И плотоядный змѣй
Вился въ нее, ея онъ сердце точитъ.
О, если бъ змѣя могъ отбросить я!
Я взялъ бы дочь въ горячія объятья,
У сердца своего я бъ отогрѣлъ ее, —
Ее молилъ бы я: дитя мое, проснися,
Взгляни хоть разъ на бѣднаго отца!
Я здѣсь одинъ, забытъ, оставленъ всѣми.
Взгляни, какъ страшенъ я, какъ бородой обросъ...
И дочь бы сбросила съ себя оковы смерти —
Но я не знаю гдѣ сокрытъ дочерній прахъ.
Мнѣ говорятъ: она жива — не правда,
Когда бъ жива была, я не страдалъ бы такъ,
До горести меня не довела бъ Агнеса!

Агнеса (*удерживая слезы и стенанья*).

Я здѣсь приставлена лелѣять, нѣжить васъ.
(*Бѣжитъ исправлять его кровать.*)

Доверстонъ.

Что дѣлаешь?

Агнеса.

Постель вамъ поправляю.

Доверстонъ (*бѣжитъ къ ней, хватаетъ ее за руку и останавливаетъ*).

Мельвиль.

О, Боже! онъ убьетъ ее, смотрите.

Агнеса (*въ страхѣ*)

Вамъ не угодно, чтобъ служила я?
(*Доверстонъ оставляетъ ее, вздыхаетъ, медленно садится на постель, вперя взоры въ Агнесу.*)

Агнеса (*тихо*).

Онъ взоръ въ меня вперилъ, и смутныя понятья,
Родятся въ головѣ. О, Боже! освѣти
Лучемъ своимъ его разсудокъ помраченный!

Доверстонъ (*говоритъ про себя слѣдующіе стихи, припоминая*).

Ахъ, мои померкли очи!
Скоро весь угасну я,
И во мракъ могильной ночи
Жизнь закатится моя!

(Агнеса *удивляется, услышавъ стихи, слушаетъ внимательно, и замѣтя, что онъ не можетъ припомнить продолженія, читаетъ стихи сначала и продолжаетъ, поправляя постель*).

Ахъ, мои померкли очи!
Скоро весь угасну я,
И во иглу могильной ночи
Жизнь закатится моя.

Не оплаканъ я не буду,
Гробъ травой не зарастетъ,
И печальныхъ камней груду
Бурный вихрь не размететъ.

Дочь заботливой рукою,
Сохранитъ отца пріютъ;
И по смерти, надо мною
Розы жизни расцвѣтутъ!

Доверстонъ (*при послѣднихъ стихахъ показываетъ знакъ неудовольствія, и встаетъ безпокойный*).

Да, да, Агнеса, прахъ мой сберегла бы,
Оплакала бъ его — бѣдняжка, нѣтъ ее!
Похищена неумолимой смертью!
(*Въ безуміи ходитъ по сценѣ безъ цѣли.*)

Агнеса.

Я не стерплю жестокаго томленья.
(*Упадаетъ на ложе.*)
Колѣни гнутся подо мной, нѣтъ силъ!

Мельвиль.

Она безъ чувствъ упала у постели!

Докторъ.

Поможемъ ей (*оба отходятъ отъ рѣшетки*).

Доверстонъ (*пристально глядя на нее*).

О, какъ она блѣдна,
Обезображена....

Агнеса (*приходя въ себя*).

Неслыханнымъ злодѣйствомъ.

Доверстонъ.

Чей голосъ слышу я?

Агнеса.

Агнесы!

Доверстонъ.

Дочь, Агнеса!
(*Восклицаетъ, хочетъ обнять ее, падаетъ на ложе.*)

—

ЯВЛЕНІЕ VI

Тѣ же, Докторъ, Мельвиль.

Агнеса (*бѣжитъ къ нимъ на встрѣчу*).

Меня узналъ, меня по имени онъ назвалъ;
Я пѣсенку его любимую прочла;
Припомнилъ и черты мои, и голосъ!
Благодарю тебя, о милосердый Боже!

Мельвиль.

Когда онъ васъ узналъ, быть можетъ, онъ узнаетъ
И друга своего. Здорово, Доверстонъ,
Ты вспоминишь ли Мельвиля?

Доверстонъ (*хватаетъ его за грудь въ намѣреніи задушить*).

Кто ты?
Кто ты, злодѣй!

Мельвиль.

Умилосердись!

Доверстонъ.

Гдѣ?
Гдѣ ты зарылъ Агнесу, дочь мою?

Мельвиль.

Что сказать мнѣ?

Докторъ.

Любезный Доверстонъ!

Агнеса.

Отецъ мой!

Доверстонъ (*услышавъ слово отецъ, трепещетъ и выпускаетъ изъ рукъ Мельвиля*).

Я отецъ!
Отецъ я дочери неблагодарной!
Я задушу тебя въ объятіяхъ моихъ.
Я дочери отецъ! (*Хохочетъ.*) Змѣй коварный,
Проклятье на тебѣ и на сынахъ твоихъ.
(*Падаетъ безъ чувствъ на руки Доктору и Мельвилю; Агнеса у ногъ его въ отчаяньи.*)

Докторъ.

Къ спасенію еще осталось средство,
И завтра же его мы испытать должны.

ДѢЙСТВІЕ ПЯТОЕ.

Садъ, въ глубинѣ котораго прекрасный домъ съ стеклянною дверью.

ЯВЛЕНІЕ I.

Докторъ, Мельвиль и Агнеса.

Докторъ

Здѣсь все ли такъ, какъ прежде?

Агнеса.

Все,
Лишь съ небольшею перемѣной.

Докторъ.

Браво!
На этомъ я весь планъ леченья основалъ.
Свободно ль можемъ мы распоряжаться въ домѣ?

Мельвиль.

Жилецъ его намъ уступилъ, узнавъ
Съ какою цѣлью мы его занять пришли.

Агнеса.

Такъ вы надѣетесь?

Докторъ.

Надѣюсь, но не смѣю
Васъ увѣрять; — теперь вы врачъ его.

Агнеса.

Вы воскрешаете меня, и я готова
Орудьемъ вашимъ быть.

Докторъ.

Послушайте меня:
Отецъ вашъ одержимъ душевною болѣзнью.
Поступокъ вашъ его глубоко поразилъ.
Мысль о безчестіи въ его запала душу,
Но онъ себя старался утѣшать
Надеждою, что вы безвременно скончались;
Вотъ отчего онъ мраченъ, молчаливъ,
Вотъ отчего приходитъ въ изступленье.
Я это наблюдалъ въ свиданье ваше съ нимъ;
Въ душѣ своей еще онъ васъ припоминаетъ.
Введемъ его въ домашній прежній бытъ:
Отецъ и дочь пусть поселятся оба
Подъ кровомъ тишины и счастья прежнихъ лѣтъ.
Вы соблюдайте всѣ родителя привычки,
Старайтесь окружить его людьми
Знакомыми и старыми слугами.
Вамъ Томаса теперь я уступлю;
Онъ нѣкогда у васъ былъ въ услуженьѣ:
Пусть ходитъ за больнымъ, а Фанни пусть хозяйствомъ
Завѣдуетъ; она служила у него
При матери своей. Все, кажется, удачно.
Я не могу еще успѣха обѣщать,
Содѣйствовать могу къ его лишь облегченью.

—

ЯВЛЕНІЕ II.

Тѣ же и Томасъ.

Агнеса.

Ну, вѣрный Томасъ мой, удался ль опытъ нашъ?

Томасъ.

Едва лишь выпилъ онъ снотворное вино,
Какъ тотчасъ и заснулъ, а мы его не медля
Сюда перенесли, въ его покой, — вонъ тамъ.
Спокойно спитъ въ своихъ широкихъ пре-
елахъ,
По старому одѣтый....

Докторъ.

Вы теперь
Одѣньтесь такъ, какъ хаживали дома.

Агнеса.

О благодѣтели! Да наградитъ васъ Богъ!
При вашей помощи, быть можетъ, мы
Спасемъ его отъ страшнаго недуга,
И вечеръ дней страдальца усладимъ.
(Уходитъ.)

Докторъ.

А вы, Мельвиль, на знакъ условленный войдите.
Не бойтесь ничего, я не оставлю васъ.
(Уходитъ.)

Мельвиль.

Игру опасную затѣялъ докторъ нашъ:
Безумцу волю далъ; что, если въ изступленьѣ
Меня опять сожметъ въ объятіяхъ своихъ,
Оборони насъ Богъ!

—

ЯВЛЕНІЕ III,

Мисъ Элиза *(бѣжитъ къ нему съ лѣвой стороны.)*

Насилу васъ нашла.

Мельвиль

Что надобно, Элиза?

Элиза

Я новость вамъ несу — пріятнѣйшую новость.

Мельвиль.

Какую?

Элиза.

О восторгъ, счастливая Агнеса!

Мельвиль.

Но что такое?

Элиза.

Вотъ отъ самъ идетъ сюда.
(*Смотритъ въ ту сторону, откуда вышла.*)

Мельвиль.

Но кто?

Элиза.

Узнаете отъ самого его,
А я бѣгу обрадовать Агнесу (*убѣгаетъ*).

Мельвиль.

Элиза! Господи, въ умѣ ль она, прекрасно?
Вотъ утѣшительно: сказала новость мнѣ!
Безумье здѣсь приличнно, какъ видно.

—

ЯВЛЕНІЕ IV.

Мельвиль и Станлей.

Станлей.

Гдѣ, гдѣ она, молю васъ, нескрывайте
Отъ недостойнаго; готовъ загладить все.

Мельвиль.

Ну, вотъ еще одинъ изъ дома сумасшедшихъ;
Прошу покорно, что угодно вамъ?

Станлей.

Здѣсь нѣтъ ея, когда меня не хочетъ видѣть,
Когда лишь не проститъ, умру у ногъ ея.

Мельвиль.

Часъ отъ часу нелегче; но кого же
Вы ищете, сударь?

Станлей.

Агнесу Доверстонъ.

Мельвиль.

Но кто вы таковы?

Станлей.

Безчестный, недостойный!

Мельвиль.

Хорошій же себѣ вы дали аттестатъ.
По немъ узналъ кто вы, любезный Лордъ, поздненько;
Пришли загладить вы поступокъ гнусный свой,
Которымъ вы сгубили Доверстона.

Станлей.

Раскаянье не поздно никогда.
Я все узналъ, постигъ мое злодѣйство,
И кающійся здѣсь, у ногъ ея
Заглажу всю вину. — Надеждою ласкаюсь,
Которую въ меня внушила ваша дочь,
Что мнѣ проститъ вину мою Агнеса.

—

ЯВЛЕНІЕ V.

Тѣ же, Элиза.

Элиза.

Я разсказала ей о васъ, Милордъ; сначала
Съ негодованіемъ она отозвалась о васъ;
Я убѣдительно ее просила, и надѣюсь,
Что милая Агнеса вамъ проститъ.

—

ЯВЛЕНІЕ VI.

Тѣ же и Докторъ (*въ страхѣ выбѣгаетъ изъ дома,*)

Докторъ.

Сокроемся, друзья, за деревомъ; проснулся, —
Проснулся Доверстонъ.

Мельвиль.

Ну, каково идетъ?

Докторъ.

Еще онъ ничего сообразить не можетъ:
Смущенъ, растерянъ весь; но есть еще надежда.

Элиза (*Станлею.*)

О счастіе!

Мельвиль (*Станлею*).

Извольте-ка, Милордъ,
Полюбоваться вашимъ славнымъ дѣломъ:
Вотъ до чего вы старца довели!
(*Всѣ скрываются за деревьями.*)

—

ЯВЛЕНІЕ VII.

Тѣ же и Доверстонъ *одѣтый благопристойно въ платье темнаго цвѣта, въ кругломъ парикѣ, выходитъ изъ дома, Фанни слѣдуетъ за нимъ въ нѣкоторомъ разстояніи.*)

Доверстонъ.

Какъ мнѣ легко дышать, не чувствую стѣсненья
Въ груди моей. Чья нѣжная рука
Уврачевать могла растерзанное сердце?
Мнѣ помнится — она была при мнѣ. —
Въ сіяніи таинственномъ, я помню,
Ея слетѣла тѣнь эѳирная ко мнѣ,
И съ ней носились мы въ лазури поднебесной;
Превыше тучъ земныхъ парили мы,
И мѣсяцъ золотой катился по лазури,
И звѣзды вѣчныя... Я видѣлъ сладкій сонъ;
Мнѣ помнится, мы съ ней могилу отыскали
И образъ мраморный Агнесы. Какъ теперь
Я вижу дочь, въ вѣнкѣ и въ бѣломъ покрывалѣ;
Надъ урною она склонилася главой,
И какъ же плакалъ я надъ прахомъ! Мнѣ казалось,
Что самый мраморъ плачъ услышалъ мой:
Въ немъ состраданіе нѣмое просіяло,
Какъ бы отъ легкаго дыханья вѣтерка
Откинулось отъ лика покрывало;

Вотъ отдѣлилась бѣлая рука,
Въ моей рукѣ я грѣлъ ее, я помню,
Я чувствовалъ пожатья теплоту.
Я къ ней простеръ отцовскія объятья,
И обнялъ въ ней видѣніе — мечту!
И отъ мечты душѣ отрадно стало.

Докторъ (*тихо*).

Вотъ этимъ сномъ воспользуемся мы.

Доверстонъ (*дико озираясь*).

Но гдѣ же я?

Фанни.

Вы дома у себя (*удерживая Доверстона*).
Останьтесь; вечеръ тихъ и ясенъ. Сиръ Вильямъ,
Взгляните: небеса высокія надъ нами,
И мѣсяцъ плаваетъ по тверди голубой.

Доверстонъ.

Лазурь небесная! Ее во снѣ я видѣлъ,
Надъ нами плавалъ мѣсяцъ золотой.
Но гдѣ же я?

Фанни.

Въ саду.

Доверстонъ (*радостно*).

Нѣтъ, на кладбищѣ;
Могилы, камни здѣсь, такъ здѣсь я отыщу
И памятникъ ея.

Фанни.

Съ чего жъ вы взяли это?

Доверстонъ (*разсматриваетъ статую, что-то шепчетъ и разсуждаетъ*).

Фанни (*Доктору*).

Пока, все удалось; онъ кротокъ и послушенъ.

Докторъ (*погружается въ уныніе; садится на скамью*).

Его здѣсь нѣтъ!

—

ЯВЛЕНІЕ VIII.

Тѣ же и Томасъ (*съ трубкою*).

Томасъ.

Вотъ ваша трубка, баринъ.
(*Подаетъ.*)

Доверстонъ.

(*Изумленный глядитъ на Томаса, всматривается въ него, беретъ трубку, не знаетъ что съ нею дѣлать, наконецъ прикладываетъ ко рту, начинаетъ курить и дико смѣется.*)

Фанни.

Зачѣмъ не сядете, сударь, на ту скамью,
Гдѣ любите сидѣть?

Доверстонъ.

Гдѣ, гдѣ?

Фанни.

Вонъ тамъ, подъ липой.

Доверстонъ (*улыбаясь*).

Подъ липой?

Фанни.

Отдохнуть пріятно тамъ.

Томасъ

Пожалуйте.
(*Оба они ведутъ его и сажаютъ на зеленую скамью подъ деревомъ.*)

Мельвиль.

Онъ какъ дитя послушенъ.

Докторъ.

Еще въ смятеніи, безъ памяти.

Элиза.

Ну, точно
Лунатикъ.

Доверстонъ (*бросаетъ трубку, встаетъ и начинаетъ ходить.*)

Фанни.

Сиръ, чего угодно вамъ?

Доверстонъ.

(*Закрывъ лице руками, останавливается*).

Докторъ.

Онъ грустенъ, теперь его развѣять должно.
Мельвиль, явитесь вы.

Мельвиль.

Ну, если онъ?...

Докторъ.

Не бойтесь.
(*Дѣлаетъ знакъ Томасу, тотъ уходитъ.*)

Фанни.

Что вы задумались?

Доверстонъ.

Уйдемъ отсюда.

Фанни.

Какъ вамъ угодно, Сиръ; но вотъ идетъ вашъ Томасъ.

Томасъ (*возвращается*).

Прикажете ли, Сиръ, принять гостей,
(*Доверстонъ не разумѣетъ его, пристально смотритъ на него.*)
Мельвиля съ дочерью и Доктора?

Доверстонъ.

Дочь, дочь!
(*Трепещетъ при этомъ словѣ.*)

—

ЯВЛЕНІЕ IX.

Тѣ же, Мельвиль, Элиза, Докторъ.

Мельвиль.

Здорово, Сиръ Вильямъ; мы проѣзжали мимо,
И завернули посѣтить тебя.
(*Элиза цѣлуетъ Доверстона; Доверстонъ, при видѣ ея, улыбается отъ удовольствія, прижимаетъ ее къ груди, смотритъ на нее нѣжно, вздыхаетъ и отталкиваетъ отъ себя.*)

Докторъ (*поздоровавшись съ Доверстономъ*).

У васъ прекрасный садъ, Сиръ Доверстонъ;
Прохладно здѣсь; у васъ довольно тѣни.

Мельвиль.

Здѣсь и въ тѣни меня бросаетъ въ жаръ.
Вынимаетъ табакерку, и со страхомъ подчуетъ Доверстона.)
Вамъ не угодно ли? (*Смѣется*) Добрый знакъ!
(*Доверстонъ улыбается, беретъ; вдругъ измѣняется и принимаетъ серіозный видъ.)*

Мельвиль.

Онъ гнѣвенъ.

Докторъ.

Да, у васъ самихъ табакъ отмѣнный,
Поподчуйте своимъ насъ табакомъ.
Доверстонъ ищетъ въ карманѣ, находитъ табакерку, открываетъ, удивляется тому, смѣется и предлагаетъ Доктору.)

Докторъ (*въ сторону*).

Прекрасно!

Мельвиль.

Слышалъ ли, мой другъ,
Въ Парламентѣ не принятъ билъ, который
Съ тобой вчера читали мы.

Доверстонъ (*глядя на Элизу*).

Похожа,
Но не она.

Мельвиль.

Что скажете на то?
Порадуйтесь.

Доверстонъ.

Посмотрите,
Такъ взоръ ея горѣлъ, такая же улыбка
Играла на устахъ ея, и гдѣ жъ она?
(*Элизѣ.*)
Въ могилѣ! Ты не вѣрь, когда злодѣи скажутъ,
Что дочь моя жива—нѣтъ, нѣтъ ее въ живыхъ!
Она въ могилѣ спитъ, подъ мраморомъ тяжелымъ;
Сама она, блистая бѣлизной,
Въ вѣнкѣ изъ розъ и длиномъ покрывалѣ
Надъ урною склоняется главой;
Но гдѣ тотъ памятникъ, не помню! О, когда бы
Нашелъ его, какъ былъ бы счастливъ я!
(*Онъ погружается въ уныніе.*)
(*Въ эту минуту раздается за сценою трогательная музыка; тихо переливаются звуки арфы. Доверстонъ внимательно слушаетъ; наконецъ раздается пѣніе любезной его аріи. Доверстонъ содрогается, въ оцѣпенѣніи устремляетъ взоры въ ту сторону, откуда раздаются звуки. Онъ сильно потрясенъ, трепещетъ, повторяетъ несвязно болѣе замѣчательное мѣсто пѣсни, смѣется, блѣднѣетъ, то вдругъ растрогается, то весь вдругъ оцѣпенѣетъ, и переходитъ постепенно отъ одной страсти къ другой; пѣніе замираетъ.)*

Доверстонъ.

(*Онъ озирается, занавѣсъ въ павиліонѣ отдернутъ; видѣнъ памятникъ Агнесы. Она сама стоитъ въ бѣломъ платьѣ, въ покрывалѣ и въ вѣнкѣ изъ бѣлыхъ розъ, преклонившись на урну.)*
Что вижу я! Вотъ памятникъ Агнесы!
Она сама изъ мрамора! Дочь, дочь!
(*Бросается къ памятнику и опирается на урну.)*
Восторгъ не изъяснимъ! О, что со мной: я плачу!
Впервые слезы брызнули изъ глазъ.
И камень спалъ съ измученнаго сердца!
О, какъ же долго я искалъ твой милый прахъ!
И вотъ нашелъ тебя, дитя мое, проснися,
Взгляни хоть разъ на бѣднаго отца!
Я одинокъ, забытъ, оставленъ всѣми;
Я безъ тебя на вѣкъ осиротѣлъ;
Клонюся къ смерти я, мои слабѣютъ силы;
Кто безъ тебя закроетъ мнѣ глаза?
Мнѣ стонъ послышался, ужели изъ могилы?
(*Удаляется на нѣсколько шаговъ отъ памятника.)*
Поколебался мраморъ: то не сонъ!
Въ немъ состраданіе нѣмое просіяло;
Какъ бы отъ легкаго дыханья вѣтерка
Откинулось отъ лика покрывало;
Вотъ отдѣлилась бѣлая рука!....
(*Приближается и беретъ руку дочери.)*
Она въ моей рукѣ, она тепла, трепещетъ,
О, Боже праведный! ужели это сонъ!
Я оживаю весь отъ нѣжнаго пожатья,
Я простираю къ ней отцовскія объятья,
Я обнимаю.... (*бросается въ объятья.)*
Дочь!

Агнеса.

Родитель!

Докторъ.

Онъ спасенъ!
(*Доверстонъ падаетъ безъ чувствъ въ объятія дочери. Станлей, Клара и всѣ окружаютъ его и составляютъ картину.)*

II. МАТЕРІЯЛЫ

ДЛЯ ИСТОРІИ ТЕАТРА, И СЛОВЕСНОСТЬ.

ОБЗОРЪ РУССКОЙ ДРАМАТИЧЕСКОЙ СЛОВЕСНОСТИ.

(Статья Князя А. А. Шаховскаго.)

ВСТУПЛЕНІЕ.

Предки наши, Славяне, занимавшіе пространство отъ Балтійскаго до Чернаго Морей, и въ соединеніи съ Нормандскими воинами составившіе одно обширное Государство (*), пріобрѣли, при помощи оружія, отъ сопредѣльныхъ съ ними Грековъ, вмѣстѣ съ Христіанскою Вѣрою, первыя начала народнаго образованія. Торжество Православной Церкви, родственныя связи Русскихъ Князей съ Византійскими Императорами и взаимныя выгоды торговли, сблизили, еще въ то время, Святую Русь съ источникомъ древняго и новаго Европейскаго просвѣщенія, и наши любознательные предки, утоляя въ немъ жажду вѣдѣнія всего нужнаго, полезнаго и изящнаго, гораздо прежде причастны были просвѣщенію, нежели западные Христіане (а). Но бѣдственная система удѣловъ, заимствованная не отъ Востока, разслабила Русское Государство. Раздробленіе Россіи на удѣлы допустило вторженіе Татаръ, и продолжило ихъ владычество, уничтожавшее въ раздѣленной и порабощенной Россіи благодѣянія Византійскаго ученія, оставленнаго въ небреженіи нашими Князьями, несчастными данниками, и даже царедворцами Могольскихъ Царей. Русская земля потемнѣла, но Русская Церковь, какъ лампада, засвѣченная Богомъ и Богу, не переставала и въ земномъ мракѣ теплиться небеснымъ огнемъ. Просвѣщеніе, изгнанное Турками изъ павшей Греціи въ Латинскую Европу, хотя и миновало отатаренную Русь, но преж-

(*) При В. К. Святославѣ, племена, обитающія въ нынѣшнихъ западныхъ губерніяхъ, племя Чудское и жители Финскаго поморья, Тмутараканъ, и берега Азовскаго Моря, были въ подданствѣ Руси, и Святославъ говорилъ, въ построенномъ имъ на Дунаѣ Переяславлѣ: «*Ту среда земли моей*,» подразумѣвая Булгарію, а можетъ быть и самый Царьградъ, какъ бы уже покоренными его оружіемъ, и эта самонадѣянность завоевателя повторилась въ наше время. Наполеонъ, громя Нѣмецкую землю, называлъ Россію сопредѣльницею его Имперіи. Но надъ нами ознаменовалась истина святаго изреченія: гордымъ Богъ противится, а смиреннымъ благодать даетъ. Владиміръ Великій и Александръ I оставили наслѣдіе свое въ Европѣ почти въ одинаковой обширности, если сравнить древнюю Русь отъ Русскаго Галича и Черной Россіи, съ нынѣшнею Россіею, съ Крымомъ и Финляндіей.

ніе дары Греціи, скрывались подъ спудомъ въ книгохранилищахъ нашихъ первосвятителей и въ тишинѣ монастырскихъ келій (*).

Въ самое темное время нашего отечества, когда, подъ гнетомъ Татарской дикости, досужіе умы нашихъ предковъ были единственно озабочены сверженіемъ чужеземнаго ига, наши Архипастыри навѣщали еще Христіанскій Константинополь, чтобъ благословляться на Русскую Митрополію, и сношеніе ихъ съ просвѣщеннымъ Греческимъ Духовенствомъ не прерывалось Татарскою властью. Святители наши, особенно Св. Алексій, убѣжденіемъ высокаго краснорѣчія и силою Боговдохновеннаго слова(**), умягчали буйство и алчность Ордынскихъ самовластителей. Наша Православная Церковь, Святая проповѣдница міра, терпѣнія и любви, не громила проклятіемъ мірскія знанія и наслажденія искусствами, дарованными Всесоздателемъ человѣку. Наши Богомудрые Святители, съ отцовскимъ радушіемъ, снисходили къ изящнымъ отрадамъ общественной жизни ихъ духовныхъ дѣтей, и, по примѣру великихъ учителей Восточной Церкви (***), любили древнюю поэзію и умѣли отличать суемудріе софистовъ отъ любомудрія язычника Платона, такъ же, какъ и мракъ многобожія отъ свѣтлаго творчества Омира, Эсхила и Софокла; а потому первые опыты благообразныхъ драматическихъ зрѣлищъ проявились у насъ въ духовныхъ училищахъ. Въ нихъ, попечительные наставники хотѣли замѣнить чувственныя потѣхи пылкаго юношества сердечными и умственными наслажденіями, и можно смѣло сказать, что въ самое то время, когда Галликанская Церковь тщетно проклинала сдѣлавшійся народною необходимостью театръ и всѣхъ его соучастниковъ (б), напротивъ того, на Святой Руси, Аѳинская сцена, очищенная ѵссопомъ благочестія, сдѣлалась первымъ поприщемъ драматической поэзіи. Митрополитъ Ростовскій Димитрій, равный просвѣщеніемъ и любомудріемъ Св. Алексію, Первосвятителю всей Россіи, сочинилъ нѣсколько трагедій, коихъ содержаніе извлечено изъ священныхъ книгъ, и одну совершенно піитическую: *Кающійся Грѣшникъ*. Она, по волѣ Императрицы Елисаветы, была представлена на Придворномъ Театрѣ со всѣмъ сценическимъ великолѣпіемъ, и потому уже можно назвать эту драматическую аллегорію, сообразную съ Эсхиловыми твореніями, нашею первою трагедіею.

Самое названіе: *Кающійся Грѣшникъ* уже показываетъ содержаніе и цѣль сей нравственной драмы, а дѣйствіе и сценическое устройство убѣждаютъ въ томъ, что творецъ ея зналъ и совершенно постигъ первѣйшаго изъ Греческихъ трагиковъ (*). Три дѣйствующія лица, съ

(*) Доказательствомъ тому служитъ библіотека Митрополита Алексія (изъ рода бояръ Плещеевыхъ). Въ ней хранится богатѣйшее собраніе рукописей Омировыхъ и другихъ Эллинскихъ твореній, и безпрестанно открываемыя въ нашихъ монастыряхъ сокровища давняго просвѣщенія.

(**) Татарскіе цари и ханы, убѣжденные мудростію и добродѣтелями нашего высшаго духовенства, освободили отъ податей и налоговъ монастырскія и церковныя имущества, и строго повелѣвали своимъ баскакамъ оказывать уваженіе къ священнослужителямъ нашей всегдашней благотворительницы, Православной Церкви. Она не щадила сохраненныхъ ею имуществъ и крови своихъ священнослужителей на спасеніе Русскаго Христіанства и на возстановленіе его силы, величія и просвѣщенія.

(***) Василій Великій и Григорій Богословъ оба были риторами Аѳинской Школы, еще наполненной язычниками, а послѣдній знаменитымъ поэтомъ своего времени.

(*) Эсхила, отца древняго Аѳинскаго Театра, перваго сочинителя трилогіи или трагедіи, раздѣленной на три части, изъ которыхъ каждая представляла особое дѣйствіе или содержаніе, и всѣ три части вмѣстѣ составляли полную трагедію, объемлющую большое пространство времени и мѣста. *Кающійся Грѣшникъ*, сообразный формою и дѣйствіемъ съ Эсхиловымъ творчествомъ, кажется подражаніемъ не полной трилогіи, а одной ея частію, изъ которыхъ каждая, въ печатныхъ изданіяхъ Эсхиловыхъ твореній, называется особою трагедіею, хотя, соединенно съ другими двумя, составляла въ древности полное зрѣлище.

хорами, раздѣленными, какъ у древнихъ, на строфы и антистрофы, занимаютъ сцену, представляющую пустынный видъ. Грѣшникъ, въ одеждѣ, завѣшенной черными нашивками съ надписями его грѣховъ, представляется, во все время дѣйствія, между Ангеломъ-Хранителемъ и врагомъ рода человѣческаго. Имъ содѣйствуютъ хоры небесныхъ силъ и демоновъ; съ одной стороны земнородство грѣшника, поджигаемое гіенскимъ огнемъ, воспаляется до неистовой ярости; съ другой — богодохновеніе, умиляемое воплощеннымъ словомъ, предается упованію на всеотчее милосердіе. Но одежда, обличающая дѣла грѣшника, поражаетъ его ужасомъ, ввергаетъ въ смертное отчаяніе, и богохульный ропотъ уже на устахъ его. Адъ, радуясь своей добычѣ, готовъ увлечь его въ мрачную бездну, какъ вдругъ сладкозвучное пѣніе Ангельскаго лика, напоминающее прощеніе разбойника, укрощаетъ обуреванія плоти. Страдалецъ, повергаясь на землю, возноситъ, молитвой покаянія, безсмертный духъ къ источнику благости. По мѣрѣ раскаянія и молитвы, надписи грѣховъ спадаютъ, и наконецъ бѣлая одежда вполнѣ проясняется. Ангелы оглашаютъ небеса побѣдною пѣснію. Грѣшникъ изнемогаетъ тѣломъ, и предаетъ Господу очищенную покаяніемъ душу. Свѣтлыя облака опускаются на умирающаго, и возносятся отъ бездыханнаго тѣла, при торжественномъ пѣніи небесныхъ силъ и отчаянномъ завываніи подземныхъ духовъ.

Вотъ изложеніе *Кающагося Грѣшника*, писанное съ словъ И. Аѳ. Дмитревскаго, участвовавшаго въ его представленіи на Придворномъ Театрѣ. Я, согласно съ его же мнѣніемъ, нахожу, что сія первая наша драматическая поэма, не взятая изъ священныхъ книгъ, а сотворенная вдохновеннымъ даромъ поэта, предобразовала Русскую трагедію, и что она гораздо ближе къ нашему народному духу, нежели та, которая цѣликомъ перенеслась къ намъ съ Парижской сцены, и уже послѣ вѣка Лудовика XIV.

Устройство и великолѣпіе зрѣлища, раздѣленіе и содѣйствіе хоровъ, соучастіе музыки и механики, а еще болѣе піитическое изобрѣтеніе и нравственное содержаніе *Кающагося Грѣшника* ясно доказываютъ, что благочестивый творецъ этой піесы не только хорошо зналъ Греческихъ классиковъ, но глубоко вникъ въ сущность дѣйствія и цѣль древней трагедіи, и заставляютъ думать, что онъ желалъ превратить ее, духомъ Христіанства, въ наше народное зрѣлище, или хотя назидательное занятіе праздного времени семинарскихъ питомцевъ. Нѣтъ сомнѣнія, что главнымъ свойствомъ и дѣйствіемъ древней трагедіи признается священный ужасъ и умиленіе, а грѣшникъ, обуреваемый адомъ и охраняемый небесною благостью, не долженъ ли производить въ душахъ зрителей-христіанъ такого же умиленія и ужаса, какіе возбуждались въ сердцахъ язычниковъ, при видѣ Ореста, помѣщеннаго въ Эсхиловыхъ Эвменидахъ, между вѣчною гибелью и спасеніемъ! Оба первые Аѳинскіе трагики стремились возвысить душу зрителей явнымъ сближеніемъ неба и земли, составляющимъ нравственную цѣль древней трагедіи, особливо Софокловой. Сей истинно вдохновенный поэтъ представилъ смерть страдальца Эдипа, не конечною гибелью человѣка, не предметомъ страха и муки, но небесною наградою за жизненныя страданія, и переселеніемъ изъ юдоли горестей въ безпечальный міръ. Но западные драматурги и, къ несчастію, увлеченный ими нашъ знаменитѣйшій трагикъ, отчуждились отъ сей божественной мысли, и *Кающійся Грѣшникъ*, кажется мнѣ, гораздо ближе къ древнимъ зрѣлищамъ, нежели всѣ любовныя приключенія новыхъ классиковъ, хотя всѣ они, перефранцуживая древнія происшествія, нравы, лица, и уничтожая велѣпіе древней сцены, считали себя возродителями Греческаго Театра. Чрез-

вычайный успѣхъ *Эдипа въ Аѳинахъ*, произведенный именно тѣмъ, что нашъ (по сіе время лучшій) трагикъ заимствовалъ у Софокла, доказываетъ сочувствіе наше съ зрителями Греческаго Театра. Озеровъ, воспитанный (какъ всѣ его ровесники) въ благоговѣніи предъ Французской Драматургіей, запуганный, съ ребячества, правилами, всклепленными на Аристотеля, разжалобленный любовными нѣжностями театральныхъ принцессъ, и пріученный къ пухлой высокопарности находульныхъ героевъ, но возбужденный силою вдохновеннаго дара и Русскаго духа, стряхнулъ съ себя привычное нашимъ трагикамъ раболѣпіе къ Парижской сценѣ, и показалъ близкій образецъ тому, чѣмъ бы могла быть наша трагедія, тотчасъ послѣ *Кающагося Грѣшника*, если бъ въ слѣдъ за симъ духовнымъ творцемъ явился даровитый мірянинъ, исполненный піитическимъ духомъ Древнихъ Грековъ, напитанный божественнымъ ученіемъ нашей церкви и пламенно влюбленный въ свое отечество, въ свой языкъ и въ животворное искусство, обладающее народнымъ взоромъ, слухомъ, умомъ и сердцемъ. Такой внезапный поэтъ, еще за долго до Ломоносова, могъ бы угадать и образовать Русское стихотворство и Русскую рѣчь, и, какъ Эсхилъ, прямо создать, по духу и толку Русскому, народный театръ, который, не смотря на дарованія нѣсколькихъ нашихъ сочинителей и красоты ихъ сочиненій, еще младенчествуетъ, и едва ли еще можно сказать о немъ, что Шлегель сказалъ о Нѣмецкомъ Театрѣ: «*будетъ завтра.*» Нѣмцы, образумясь отъ Французскаго умонастія, углубились въ Германскую старину, принялись трудолюбиво за свое дѣло, а мы все еще бросаемся отъ одного чужаго къ другому чужому же, и оттого у насъ Русская Драматургія идетъ сбивчиво и не скоро, въ чемъ насъ справедливо могутъ упрекнуть иностранцы, ужасающіеся безмѣрными успѣхами Россіи въ разнородныхъ искусствахъ и знаніяхъ, составляющихъ общность просвѣщенныхъ государствъ. Но давно уже извѣстно, что гораздо легче создать совершенно *новое*, чѣмъ передѣлать *старое*, взгроможденное кое-какъ, на основѣ, не углубленной до самаго материка. Вотъ отчего, многіе и довольно дѣльные труды наши и стремленія къ прочному созданію собственно Русскаго Театра, не были увѣнчаны совершеннымъ успѣхомъ! Чтобъ объяснить причины замедленія и показать способъ къ достиженію вожделѣннаго своетворчества нашихъ драматическихъ зрѣлищъ, мнѣ кажется не безполезнымъ, прежде повременнаго обзора ихъ, взглянуть на общій ходъ нашего просвѣщенія.

Россія, какъ я уже сказалъ, родилась, окрестилась, возмужала, образовалась и просвѣтилась подъ вліяніемъ Восточной Имперіи. Она, существуя отдѣльно отъ Западной Европы, до низверженія Татарскаго ига, и понынѣ еще въ народномъ быту и свойствахъ характера сохранила сіе отличіе, которое никакъ не поддается противнымъ ей нововведеніямъ, безъ искуснаго приноровленія ихъ пользы къ Русскому быту (*). Это постигъ совершенно безсмертный Преобразователь нашего отечества, которое, уже оживотво-

(*) Это давнишнее и неистребимое *свое*, болѣе или менѣе сохраняемое въ каждомъ Русскомъ, и едва замѣтное въ высшемъ обществѣ, причиною ложныхъ толковъ и превратныхъ понятій о Россіи западныхъ Европейцевъ, которые судятъ ее, но общимъ всѣмъ имъ, и совершенно нуждымъ для насъ понятіямъ. Образованіе Латинской Европы, составившейся изъ смѣси Римскихъ учрежденій и вторгшихся со всѣхъ сторонъ варварскихъ обычаевъ, заставляетъ ихъ искать того же въ Россіи и перетолковывать собственное *наше*, по своему. Они видятъ въ нашихъ княжескихъ удѣлахъ свое феодальство, въ нашемъ нынѣшнемъ дворянствѣ, крестовое рыцарство, въ нашемъ народѣ, Татарское отродье, а вообще въ нашемъ государствѣ, не Восточную Имперію, а Восточное Азіятство, и во всемъ этомъ обманываются! Даже нѣкоторые изъ ихъ Русскихъ воспитанниковъ, глядя на свое отечество въ очки иностранныхъ учителей, а на чужія земли глазами, привыкшими къ Русскому быту, не понимаютъ ни того, ни другаго, и часто кажутся Русскими, внѣ Россіи, и иностранцами въ Россіи!

ренное мудрыми царствованіями первыхъ Романовыхъ, почувствовало давнишнюю жажду любознанія и умственныхъ наслажденій драматическимъ творчествомъ. Любознаніе изъ монастырской кельи проблеснуло зарницей надъ Русскою землею; но тогда ея небосклонъ еще не вовсе очистился отъ тумана чернаго времени, а всходъ Византійскихъ наукъ и искусствъ давно уже былъ втоптанъ въ кровавую грязь Ордынскими конями. Въ безпрерывной и тяжкой борьбѣ съ иноплеменными и единородными супостатами, святой родинѣ нашей было не до театра, не до словесности и даже не до языка своего, искажаемаго наноснымъ невѣжествомъ, и безобразимаго Татарскими и неизвѣстно откуда взятыми словами (*), замѣнившими благозвучіе словъ Славянскихъ. Праотцы наши только помышляли о сверженіи съ своего отечества чужеземнаго ига; имъ не досужно и не свободно было пользоваться наслѣдіемъ единовѣрныхъ свойственниковъ и пѣстуновъ своихъ, Грековъ, порабощенныхъ Турками, истребителями всѣхъ знаній. Когда же Россія возникла въ прежней своей силѣ, упроченной единодержавіемъ, и убѣдилась претерпѣнными ею бѣдствіями, въ истинѣ нашей старинной поговорки: «*Ученье свѣтъ, а неученье тьма*,» тогда уже изъ бывшей Восточной Имперіи просвѣщеніе перенеслось, мимо отатаренной земли нашей въ Латинскую Европу, и приноровилось къ ея общему, въ то время, паписму, къ тогдашнимъ правительствамъ, понятіямъ, обычаямъ и языку. И потому то Цари нашего возрожденнаго Государства, должны были обратиться къ обладателямъ миновавшаго насъ наслѣдства, чтобъ воспользоваться его необходимымъ для насъ богатствомъ. Но уже народъ нашъ не съ прежней охотой предавался мірскому ученію: оно показалось ему вліяніемъ ереси, враждебной Православной Церкви. Русскіе люди съ ужасомъ смотрѣли на своихъ единовѣрцевъ въ Святомъ Кіевѣ и прилежащей къ нему Западной Россіи, терпящихъ угнетеніе, грабежъ и мучительство отъ изувѣрства папистовъ, и ослѣпленныхъ или силою удрученныхъ ими Уніатовъ, и вспоминаніе недавнихъ еще неистовствъ иноземныхъ, сподвижниковъ самозванства, оправдывали тогдашнюю недовѣрчивость и упорство въ перенятіи западной образованности, хотя сама святолюбивая церковь наша, всегдашняя поборница и мірскаго просвѣщенія, благословляла и способствовала мудрымъ Царямъ нашимъ, къ нововведенію полезнаго государственному дѣлу ученія. Пастыри Русскихъ душъ (*), показывая собою примѣръ повиновенія Помазаннику Божію, соревновали величайшему государственному дѣлу, предпринятому Іоанномъ Грознымъ, начатому съ успѣхомъ Борисомъ Годуновымъ, и приводимому въ исполненіе Царемъ Алексіемъ Михаиловичемъ. Стараніемъ Симеона Полоцкаго и знаменитыхъ Кефалонійскихъ Іеромонаховъ, Іоанникія и Софронія, учредилась Заиконоспасская Академія; а помощію принимаемыхъ въ Русскую службу иностранныхъ военноискусниковъ, Брюса, Гордона, Лефорта и другихъ, устроились регулярные полки, издано Государственное Уложеніе, и пе-

(*) Какъ напримѣръ: *глаза* вмѣсто *очей*, *губы* вмѣсто *устъ*, *ротъ* вмѣсто *устенъ*, *щеки* вмѣсто *ланитъ*, и прочія безъ извѣстныхъ происхожденій, непріятныя для слуха слова, изгнавшія изъ Русскаго языка ихъ благозвучные сословы. Да и самая рѣчь наша искажена и лишена выразительности и силы прежняго Славянскаго слова.

(*) Св. Митрофанъ, Епископъ Воронежскій, вспомоществовалъ Петру Великому въ устроеніи перваго флота. Ѳеофанъ Прокоповичъ, Архіепископъ Псковскій, бывшій при семъ Государѣ въ его походахъ, не только сочинилъ по его волѣ духовный регламентъ, но вспомоществовалъ въ учрежденіи училищъ, писалъ многія государственныя бумаги, и, самъ стихотворецъ, онъ былъ первымъ покровителемъ еще юноши Ломоносова, въ которомъ предузналъ великій даръ поэта и глубокомысліе образователя нашего языка и Академіи Наукъ.

реведены учебныя книги. По кончинѣ сего мудраго Самодержца, достойный его наслѣдникъ Ѳеодоръ Алексѣевичъ, усердствуя народному благу, продолжалъ съ успѣхомъ начатое отцемъ его; но внезапная кончина просвѣщеннѣйшаго изъ Царей нашихъ, едва не уничтожила всѣ благія начала. Царскій скипетръ, падшій между двухъ братьевъ его, слабаго здоровьемъ и способностями Іоанна и еще отрока Петра, былъ схваченъ ихъ сестрою, готовою превратить его въ орудіе истребленія тѣхъ самыхъ знаній, которыми образовался высокій умъ ея. Царевна Софія Алексѣевна, щедро одаренная всею быстротою понятія, всею живостію дѣятельности, всѣми прелестями, но также безпредѣльнымъ властолюбіемъ, всею хитростью своего пола, и пользуясь расколомъ, возбужденнымъ печатаніемъ новыхъ церковныхъ книгъ, завистью Стрѣльцовъ къ линѣйнымъ полкамъ, ненавистью закоренѣлаго невѣжества къ мудрымъ нововведеніямъ, возбуждала мятежи, чтобъ на развалинахъ благаго сотворенія ея воцареннаго рода, воздвигнуть свое самовластіе. Наше отечество, не успѣвшее еще свободно отдохнуть отъ вражескихъ стѣсненій и внутреннихъ крамолъ, не оглядѣвшееся еще совершенно подъ свѣтлымъ небомъ, только очищеннымъ отъ черныхъ тучъ, едва не впало снова въ путы властолюбцевъ, и не покрылось прежнимъ мракомъ. Но Богъ, милосердый къ Россіи, воздвигъ, на спасеніе ея порфиророднаго юношу; Петръ Великій, умомъ, духомъ, характеромъ и свѣтлою любовью къ своему народу, при первомъ шагѣ своемъ къ наслѣдственному Престолу, облитому слезами гонимой Царицы, Его Матери, былъ встрѣченъ ревомъ изувѣрства, ножами крамолы и обрызганъ кровью своихъ родственниковъ и мудрыхъ сподвижниковъ его отца и брата. Но и крамольная Софья, и мятежи, и расколы и самое упорное невѣжество пали предъ силой Его просвѣщенной воли. Онъ рѣшился возсоздать разрушенное, совершить начатое, пересотворить свое, отдѣльное отъ другихъ просвѣщенныхъ народовъ Царство въ великую Европейскую Имперію, и Онъ сдѣлалъ по своему, что могъ, и чего не могъ сдѣлать никто, кромѣ Его. Несчастный опытъ удобонстребленія, медленнаго переобразованія и, какъ говорятъ нынѣ, естественнаго хода просвѣщенія, заставилъ нашего Преобразователя дорожить больше всего временемъ, дабы совершить при себѣ начатое. Ему недосужно было прочищать сѣмяна всѣхъ благотворныхъ растеній, бросаемыхъ могучею рукою въ Русскую землю. Онъ предоставлялъ, какъ господинъ нивы (въ Евангельской притчѣ) изплѣвить ее при жатвѣ; но преждевременная кончина первѣйшаго въ мірѣ государственнаго хозяина воспрепятствовала исправить порчу вынужденной торопливости. Съ переносимыми къ намъ, на скоро, изъ Западной Европы полезными знаніями, учрежденіями, гражданскимъ и воинскимъ благоустройствомъ, не могли не захватиться вовсе безсмысленныя причуды общественнаго быта, которыя, будучи пустоцвѣтомъ просвѣщенія, долго мѣшали его плодотворному окорененію. Но и въ этомъ, кажется мнѣ, не должно обвинять Петра Великаго, знавшаго, не хуже Фенелона (сочинителя Телемака), что внутреннее или умственное образованіе переходитъ отъ народа къ народу, вмѣстѣ съ наружными формами или общежительностью. Потому-то Петръ пріучалъ народъ свой къ Европейской одеждѣ и Европейскому общежитію; но, къ несчастію, не достало Его, по краткости жизни, къ ограниченію того, что вышло изъ умѣренности и превратилось, уже не при немъ, почти въ рабственное подобострастіе къ иноземству!

Россія, съ изумившимъ ее воцареніемъ Екатерины Первой и властвованіемъ знаменитаго умомъ, военными доблестями, государственными способностями, Князя Меньшикова, слишкомъ отдалилась отъ

своего кореннаго быта. Новый Князь, не терпѣвшій стариннаго боярства, и не терпимый имъ, какъ счастливый временщикъ, видимо желалъ преобразовать наше высшее общество водвореніемъ въ немъ всѣхъ иностранныхъ обычаевъ. Но Долгорукіе, низвергшіе его при молодомъ Императорѣ Петрѣ II, по противоположнымъ причинамъ, возбуждали пристрастіе къ старинѣ, перетворенной въ лучшее устройство Петромъ Великимъ, и наконецъ, лишенные власти, смертью обрученнаго съ невѣстой, изъ ихъ дома, Государя, они ухитрились, озаконить свое самоуправство неслыханнымъ и невозможнымъ въ Россіи нововведеніемъ, перенятымъ у нашихъ сосѣдей. Они избрали на Россійскій Престолъ меньшую дочь Царя Іоанна Алексѣевича, Анну Іоанновну, вдовствующую Герцогиню Курляндскую, мимо ея старшей сестры и наслѣдниковъ перваго Императора, для удобнѣйшаго ослабленія, въ свою пользу, Самодержавнаго единовластія, извлекшаго Россію изъ бездны народныхъ золъ, и сотворившаго ее сильной и славной Европейской Монархіей; но это умышленіе обратилось имъ въ гибель, ужаснувшую даже ихъ недоброжелателей, и было виною временнаго оскорбленія нашей народности. Недовѣрчивость, возбужденная въ Императрицѣ Аннѣ Іоанновнѣ своекорыстіемъ избирателей, къ своимъ Русскимъ подданнымъ, должна была усилить довѣрчивость къ приверженнымъ ей иноземцамъ, и Биронъ, которому временное Правительство Долгоруковыхъ и ихъ друзей воспретило въѣздъ въ Россію, налегъ свинцовою Нѣмчизной на Русскій духъ, придавилъ въ немъ возбужденное Петромъ Великимъ Европейское досужество, и врожденное въ народѣ нашемъ любознаніе оледенѣло отъ холодности Германскихъ педантовъ. Нѣмцы, занявшіе важнѣйшія мѣста въ гражданскомъ и военномъ дѣлѣ, не только не хотѣли приноровить къ питавшей ихъ землѣ свои иностранные обычаи, но силились онѣмѣчить всю Россію. И такъ, не удивительно, что въ то время Европейское образованіе, къ которому пріохотилъ уже Петръ Великій своихъ подданныхъ, сдѣлалось для нихъ отвратительнымъ, а Нѣмецкій языкъ и обычаи, насильственно овладѣли нашимъ высшимъ обществомъ и ввели въ моду пренебреженіе къ своему, Русскому. На устроенномъ уже при Дворѣ театрѣ, не слышно было Русскаго слова, на немъ давались Нѣмецкія піесы, Италіянскія Оперы и нѣмые балеты. Только на Святкахъ Императрица, для воспоминанія своего Русскаго дѣтства, приказывала представлять старинныя игрища или сказки въ лицахъ: *Фениксъ, золотое перышко*, и проч. Но въ самое это невзгодье нашей народности, дѣльное просвѣщеніе, пущенное въ ходъ сильной и вѣрной рукой величайшаго изъ Государей, облаготворяло созданную имъ Имперію. Устроенныя имъ войска даровали ей побѣды; Кадетскій Корпусъ приготовлялъ знаменитыхъ военачальниковъ, государственныхъ людей и словесниковъ; вожженное имъ и достигшее еще при немъ любознаніе до береговъ Бѣлаго Моря, воспламенило вдохновенный даръ рыбацкаго сына, и въ то самое время, когда Нѣмецкій языкъ безобразилъ Русскую рѣчь своими исковерканными выраженіями, Русское слово, во всей силѣ и всемъ благозвучіи, загремѣло изъ Нѣмецкаго Университета! тамъ Ломоносовъ воспѣлъ взятіе Хотина, и по всей Россіи раздались пророческіе стихи его:

Гдѣ только вѣтры могутъ дуть
Проступятъ тамъ полки Орлины.

Но это первая пѣсня нашего заграничнаго соловья не скоро облагозвучила Русское слово: Биронова гроза привела его въ онѣмѣніе!

Наконецъ, послѣ быстрыхъ переворотовъ чужедѣльныхъ Правительствъ, (*)

(*) Сперва Принцессы Анны Леопольдовны и Бирона, потомъ ея одной, и генералиссимуса, су-

Святая Русь, какъ говорилось въ народѣ: *«возсіяла восходомъ на Престолъ нашего краснаго солнышка, дочери перваго Императора, матушки Государыни* Елисаветы Петровны*!»* Съ этимъ разсвѣтомъ, спалъ свинцовый гнетъ съ Русскихъ умовъ, наше врожденное досужество закипѣло, языкъ заговорилъ по-своему, Русскія имена загремѣли на полѣ брани и послышались при Иностранныхъ Дворахъ; стихотворство зацвѣло, и театръ-самодѣлъ, въ кожевенномъ сараѣ, на берегу свѣтлой Волги, перенесся въ Царскій Дворецъ. Но, увы, хотя онъ уже не былъ ни Нѣмецкимъ, ни Италіянскимъ, и Русскіе говорили на сценѣ своимъ языкомъ, они, все таки, говорили чужимъ смысломъ: этого должно было ожидать! Торопливость нововоспитанія нашего высшаго общества, сближая его съ чужеземщиной, слишкомъ отдѣлила высшее дворянство отъ отечественнаго быта прочихъ сословій. Наши столицы свѣтились чужимъ лакомъ, красовались роскошью просвѣщенія, и поверхность уже признанной всею Европою Имперіи нашей проясняла внутреннюю силу ея. Хотя эта внутренняя сила, въ народной образованности, въ земскомъ дѣлѣ, въ ремеслахъ, въ промыслахъ и художествахъ почти не прибавилась послѣ ея мудраго возродителя, но, слава Богу, умственныя способности и досужество нашего народа не сбились съ Русскаго толка властолюбивыми замыслами временщиковъ, и наша святая родина встрепенулась радостнымъ воцареніемъ дочери Петра Великаго, сказавшей: «Хочу, чтобъ при Мнѣ все было, какъ при Отцѣ Моемъ!» — Это царское слово, взнесенное къ Небу мольбами Православной Церкви и Русскаго народа, низвело духъ Петра Великаго на его прямое потомство и сотворенную имъ Имперію, которая съ той поры возрастаетъ препятствіями и усиливается сопротивностями, внушаемыми завистью, враждою и страхомъ чужеплеменниковъ! —

Царское радушіе Императрицы Елисаветы Петровны не оградило однако жъ ея отъ разлившагося по всей Европѣ пристрастія ко всему Французскому. Маркизъ де ла Шетарди, ловкій Посланникъ Лудовика XV при Русскомъ Дворѣ, умѣлъ замѣнить Нѣмецкую тяжелость Французскою легкостью. Парижская вѣтреница, мода, вскружила головы нашего высшаго общества, взманила въ подражаніе ему второстепенныя общества, овладѣла, при самомъ началѣ, нашею мірскою словесностью и новорожденнымъ театромъ.

Непостижимая всѣмъ народамъ и самимъ намъ — судьба нашего отечества, творящая, въ Россіи и изъ Россіи, нигдѣ и никогда небывалое, обнаруживается въ безотвѣтномъ вопросѣ, какъ, въ царствованіе двухъ природныхъ Русскихъ Государынь, мы, отвлекаясь отъ чужестранства къ чужестранству, могли хвалиться только нашею досужею переимчивостью, и какъ вдругъ Германская уроженка возбудила въ насъ народную гордость, и превратила самыя пріобрѣтенія наши въ Русское самородство? Это кажется невѣроятнымъ, однако же такъ было! Екатерина II постигла вполнѣ Петра Великаго, и напиталась Его творческимъ духомъ! Она глубоко вникла въ родовое семейство и силу своего новаго отечества, слилась съ нимъ душею, полюбила его величіе, и въ началѣ царствованія своего, радѣя о нашей народности, старалась, примѣромъ своимъ, обрусить наше очужестраненное общежитіе и слово, уничтожить подобострастіе къ иноземному, возбудить соревнованіе ко всему изящному и вдвинувъ свою Имперію въ общій составъ просвѣщенной Европы, сдѣлать ее совершенно Русскою (*). Про-

прага ея, Принца Брауншвейгскаго, Антона Ульриха.

(*) Я слыхалъ въ дѣтствѣ моемъ, что Импе-

ницательный взглядъ, быстрое соображеніе, живость ума и пылкая воля славолюбивой жены, облеченной самодержавною властью, очаровали и свой народъ, и чужеплеменниковъ и, современниковъ, и потомство! Пополняя законы законами, поправляя обычаи обычаями, и умѣя заставлять своихъ подданныхъ хотѣть того, что ей желалось, Она не пренебрегала ни журналистикой, ни театромъ, пользовалась охотою къ новостямъ и зрѣлищамъ, проявлявшеюся только въ высшемъ и среднемъ сословіи Русскаго народа. Посылая въ *Собесѣдникъ*, ежемѣсячно издаваемый по Ея волѣ, записки о Русской Исторіи, могущія возбудить народную гордость, Государыня удосуживалась на драматическія сочиненія, и приспособляла Русскую сцену къ государственному дѣлу. Она не хотѣла даромъ терять способа, предающаго въ волю театральнаго писателя зрѣніе, слухъ, сердечныя чувства и душу нѣсколькихъ тысячъ гражданъ, собранныхъ для умственнаго наслажденія, и готовыхъ ко всѣмъ душевнымъ впечатлѣніямъ. Цѣль Ея авторства открывается въ театральныхъ сочиненіяхъ. *Олегъ* появился на сценѣ во всемъ блескѣ великолѣпнаго зрѣлища, чтобъ указать Русскимъ древній ихъ путь къ Царюграду, къ которому стремились желанія уже побѣдоносной Императрицы! И даже *Федуль съ дѣтьми* не спроста выходилъ на театръ, и напѣвалъ крестьянскіе намеки, присказки и поговорки! Они показывали простолюдинамъ, что хотя не названный, но всѣмъ извѣстный сочинитель этой народной потѣхи *не Русскимъ родился, да со Святой Русью породнился* и зналъ ее деревенскій бытъ — не хуже всякаго Русскаго (*). Примѣръ Императрицы скоро нашелъ подражателей и исполнителей воли. Но высокія дарованія творятся вдохновеніемъ, а сильное направленіе умовъ перемѣняется временемъ, и мы должны отъ нихъ надѣяться прочнаго совершенія, начатаго Царскимъ разумомъ Екатерины, и постепеннаго достиженія вожделѣнной цѣли, Ею указанной..... Русскій Театръ начался въ царствованіе Императрицы Елисаветы Петровны, при Дворѣ, гдѣ новый тогда у насъ Французскій языкъ и его литература самовластно не дозволяли намъ находить что нибудь хорошимъ, сочиненное или представленное внѣ Парижа, и запрещалъ думать по-своему. Такъ первый нашъ драматическій писатель, если бъ хотѣлъ и умѣлъ проникнуть въ сущность древней трагедіи, въ свойства и духъ своего отечества, и вознамѣрился сотворить свое, народное зрѣлище, то бы онъ не смѣлъ и не могъ успѣть въ то время, когда мѣриломъ ума, вкуса, дарованія и искусства было все Французское. И чѣмъ ближе наши произведенія напоминали Французское рабственнымъ подражаніемъ или даже просто переводомъ, тѣмъ больше удостоивались похвалъ и одобреній, а потому наша, едва открытая сцена, должна была покорствовать Парижской, до медленнаго освобожденія ее отъ сего чужевластія и быстраго подпаденія подъ другое, едва ли не пагубнѣйшее для нашей теа-

ратрицѣ угодно было, чтобы ввести въ праздничный нарядъ Двора своего не только женское, но и мужское Русское платье. Одинъ изъ ближнихъ вельможъ Ея одѣлся великолѣпно Русскимъ бояриномъ, но никакъ не могъ представиться къ Государынѣ съ неубранною и не напудренною головой, и это неодолимое затрудненіе принудило Императрицу, не могшую безъ смѣха видѣть Французскую голову на Русскомъ тѣлѣ, оставить по прежнему при Дворѣ Французскіе кафтаны, пукли и кошелекъ при косѣ.

(*) Эти слова Русскаго купца, мнѣ пересказывалъ Иванъ Михайловичъ Тюльпинъ, Эрмитажный Камердинеръ Императрицы Екатерины II. Онъ ихъ слышалъ при представленіи *Федула*, въ театрѣ, куда онъ хаживалъ по приказанію Государыни, когда представляли Ея піесы, и возвращаясь долженъ былъ немедленно доносить о всѣхъ подробностяхъ представленія. Высокая Сочинительница съ нетерпѣніемъ ожидала домашняго своего зрителя, а иногда по нѣскольку разъ спрашивала, не возвратился ли онъ.

тральной поэзіи и искусства. Это постараюсь я представить, сколько могу вѣрнѣе, въ обзорѣ нашей драматической словесности, который, по старшинству сценическихъ зрѣлищъ, начинаю съ трагедіи.

БІОГРАФИЧЕСКІЙ ОЧЕРКЪ

ЗНАМЕНИТАГО ВЪ СВОЕ ВРЕМЯ МУЗЫКАНТА,

ФЕРДИНАНДА ДИЦА.

Вѣкъ Екатерины II, славный великими мужами по всѣмъ отраслямъ государственнаго управленія, славный побѣдами, возвысившими имя Русское, былъ также замѣчателенъ для насъ и многими артистами, заслужившими Европейскую извѣстность. Великая Монархиня, любя науки и искусства, ревностно имъ покровительствовала. Въ ея время было у насъ много самобытныхъ, первоклассныхъ талантовъ. Музыка и сценическое искусство, еще юныя въ нашемъ отечествѣ, имѣли также замѣчательныхъ представителей; имена: *Дмитревскаго, Воробьева, Шушерина, Плавильщикова, Сандунова, Сандуновой, Валберха, Гандошкина, Дица, Мартини, Давыдова* и другихъ были дороги современникамъ. Мы, дѣти новаго поколѣнія, и теперь еще часто слышимъ отъ стариковъ восторженныя похвалы этимъ артистамъ, но современные журналы, гдѣ бы могли мы искать матеріяловъ для біографій этихъ людей, къ сожалѣнію, ничего намъ не представляютъ. На записки, или мемуары, предки наши также были скупы, а потому всякій любитель искусствъ и родной славы долженъ, помѣрѣ силъ своихъ, пока еще есть время, пещись о томъ, чтобы собрать, гдѣ только можно и какъ только можно, свѣдѣнія о жизни артистовъ, которые дѣйствовали на развитіе и успѣхи искусствъ въ Россіи. Тѣмъ болѣе мы должны заботиться о такихъ артистахъ, которые, кромѣ славы, послѣ себя не оставляютъ ничего, ни какихъ созданій, ни какихъ памятниковъ своего таланта. таковы именно музыканты-исполнители и актеры: могильный заступъ, зарывая тѣло, зарываетъ въ землю все бытіе ихъ, всѣ ихъ мгновенныя, хотя и высокія произведенія. И вотъ отчего такъ затруднительны положительныя и вѣрныя свѣдѣнія объ актерахъ и музыкантахъ, жившихъ не болѣе какъ лѣтъ за сорокъ до насъ. Теперь, когда еще живы многіе изъ ихъ современниковъ, трудно составить изъ нерѣдко противорѣчащихъ фактовъ и мнѣній вѣрный и отчетливый разсказъ о ихъ жизни. Впередъ съ каждымъ годомъ это будетъ труднѣе и труднѣе; потому. То считаемъ обязанностію подѣлиться съ читателями нашими тѣми свѣдѣніями, которыя удалось намъ собрать, и почтемъ себя счастливыми, если наши первые опыты вызовутъ на подобный трудъ другихъ, болѣе насъ свѣдущихъ людей. На этотъ разъ избираемъ

біографію Фердинанда Дица, одного изъ замѣчательнѣйшихъ музыкальныхъ талантовъ минувшаго вѣка, имя котораго прославлено въ поэтическихъ воспоминаніяхъ Дмитріева (*).

Фердинандъ Дицъ родился въ Нюренбергѣ, около 1742 года, и еще въ младенчествѣ лишился своихъ родителей. Дядя его, извѣстный ландшафтный живописецъ *Іоганъ Христофъ Дицъ*, взялъ его къ себѣ и сталъ учить рисованью; но мальчикъ не имѣлъ рѣшительно ни какой охоты и склонности къ этому искусству, и не смотря на всѣ попеченія и труды дяди, не дѣлалъ ни какихъ успѣховъ. Это приводило въ отчаяніе живописца, и бѣдный Фердинандъ часто подвергался строгимъ наказаніямъ. Въ такія минуты единственнымъ его утѣшеніемъ была скрипка, на которой онъ игралъ самоучкой; но и къ этой отрадѣ могъ онъ прибѣгать только въ отсутствіи строгаго дяди, который не любилъ музыки. Такъ прошло нѣсколько лѣтъ. Видя наконецъ, что всѣ усилія сдѣлать изъ Фердинанда живописца были напрасны, дядя отказался отъ него, и объявилъ, что онъ можетъ итти куда хочетъ.

Тетка бѣднаго сироты *Барбара Регина* (**), извѣстная также своимъ талантомъ въ живописи, сжалилась надъ нимъ, взяла его къ себѣ, и зная страсть его къ музыкѣ, доставила ему средства учиться. Успѣхи, оказанные имъ, были удивительны, такъ, что скоро онъ превзошелъ своего учителя. Семнадцати лѣтъ былъ онъ принятъ въ капеллу при Соборной Церкви Св. Себальда, и отличался уже чрезвычайно нѣжною игрою и вѣрностью такта; это послѣднее достоинство принесло ему мѣсто первой скрипки и жалованье, обезпечившее его содержаніе. Добрая Барбара радовалась успѣхамъ своего племянника, тѣмъ болѣе, что усцѣхи эти были плодомъ ея заботъ и попеченій. Часто по нѣскольку часовъ сряду, положивъ свои кисти, слушала она игру Фердинанда, который только при ней одной смѣло предавался порывамъ своей фантазіи. Будучи чрезвычайно застѣнчивъ, онъ не могъ ни при комъ играть одинъ: руки его дрожали, смычекъ не повиновался, и онъ, съ краскою на лицѣ, съ волненіемъ въ сердцѣ, задыхаясь, бросалъ скрипку и убѣгалъ прочь. Въ оркестрѣ, въ квартетахъ Дицъ былъ тоже совершенно другой человѣкъ; здѣсь, не будучи исключительнымъ предметомъ вниманія, онъ отличался смѣлостью, энергіею, и переселяясь совершенно въ міръ звуковъ, забывалъ все.

Три года былъ уже Дицъ при Себальдовской Капеллѣ; ему исполнилось 20 лѣтъ; для него настала эпоха страстей. Въ одинъ вечеръ, проходя по Максовой Площади, былъ онъ пораженъ сладостными звуками, вылетавшими изъ отвореннаго окна одного дома. Дицъ остановился и сталъ прислушиваться. Прекрасный, полный свѣжести и чувства голосъ, пѣлъ какую-то священную пѣснь, прерываемую по временамъ тихими аккордами фортепіано. Дицъ, прижавшись къ стѣнѣ, онѣмѣлъ отъ восторга: никогда еще не испытывалъ онъ такого наслажденія! Ему казалось, будто предъ нимъ отверзлись небеса, и пѣсни херувимовъ слетали оттуда на землю; долго стоялъ онъ неподвижно, боясь проронить малѣйшій звукъ; наконецъ голосъ замолкъ, раздалось нѣсколько аккордовъ и все утихло. Дицъ отошелъ и взглянулъ на окно: его закрывали бѣлыя кисейныя занавѣски, за которыми свѣтился огонь. Вдругъ легкая тѣнь мелькнула въ комнатѣ; занавѣска заколебалась, и прекрасная бѣлокурая головка молодой дѣвушки выглянула изъ

(*) Свѣдѣніями о молодости Ф. Дица, обязаны мы почтенному Г. Горцу, бывшему Каммеръ-Музыканту, и знавшему Дица еще въ Германіи. Князь А. А. Шаховской и нѣкоторыя другія лица также сообщили намъ нѣсколько подробностей объ этомъ замѣчательномъ скрипачѣ.

(**) Барбара Регина Дицъ (Dietsch), превосходно рисовала птицъ, цвѣты и насѣкомыхъ. Она родилась 1716 г., ум. 1783 г.

окна. Онъ впился въ нее своими взорами; но она скоро исчезла, занавѣски задернулась, окно затворилось, огонь потухъ. Нѣсколько минутъ стоялъ Дицъ, не зная, что съ нимъ сдѣлалось; сердце сильно билось въ груди его, и милое видѣніе, мелькнувшее предъ нимъ, все еще носилось предъ его глазами. Наконецъ онъ какъ будто пробудился, и оглядываясь безпрестанно на завѣтное окно, побрелъ домой. Цѣлую ночь не могъ онъ заснуть; бѣлокурая головка была безпрестанно предъ нимъ, и когда настало утро, онъ опромѣтью побѣжалъ на Максову Площадь. Нѣсколько разъ проходилъ онъ мимо дому, но напрасно: очаровательница не показывалась, и роковыя занавѣски оставались задернутыми. Дицъ не хотѣлъ однако жъ уйти, не развѣдавъ по крайней мѣрѣ, кто жилъ въ этомъ домѣ. Это не стоило ему большаго труда, и онъ скоро узналъ, что домъ этотъ принадлежалъ богатому серебрянику Іогану Фюрету, у котораго была только одна дочь, Текла. Съ этой минуты Дицъ каждый вечеръ дежурилъ на площади; но ожиданія его не исполнялись, и онъ ни разу не видалъ Теклы. Такая неудача сдѣлала его мрачнымъ, задумчивымъ, унылымъ, и эта задумчивость, это уныніе выливались у него въ дивныхъ звукахъ, которые онъ извлекалъ изъ скрипки. Добрая Барбара замѣтивъ грусть племянника, стала добиваться о причинѣ его задумчивости; но Фердинандъ молчалъ. Наконецъ участіе тетки побѣдило его упорство, и онъ признался ей во всемъ, что таилось у него въ сердцѣ. Барбара старалась утѣшить его, а между тѣмъ въ тайнѣ обдумывала средства, какъ пособить горю племянника. Не знаю, какимъ образомъ удалось ей это; но чрезъ нѣсколько времени Дицъ былъ уже знакомъ въ домѣ Фюрети, и могъ безпрепятственно видѣть Теклу. Присутствіе его, казалось, было пріятно молодой дѣвушкѣ; она находила удовольствіе въ его бесѣдѣ, была съ нимъ ласкова, привѣтлива, и, любя музыку, восхищалась талантомъ Фердинанда; а онъ — онъ былъ счастливъ какъ никогда. Текла сдѣлалась предметомъ всѣхъ его думъ, всѣхъ мечтаній; видѣть, любить ее, было для него блаженствомъ неизъяснимымъ. Пылкая душа его предалась совершенно страсти, имъ овладѣвшей. Наслаждаясь настоящимъ, онъ слѣпо вѣрилъ въ будущее, и это будущее представилось ему въ самыхъ очаровательныхъ краскахъ; въ немъ видѣлъ онъ Теклу, какъ подругу своей жизни; для нея желалъ онъ прославиться; ей хотѣлъ посвятить все бытіе свое. И что-же? Всѣ эти мечтанія, всѣ надежды разлетѣлись какъ дымъ!—Въ одно утро, пришедши въ домъ Фюрети, узнаетъ онъ, что Текла невѣста, что она любитъ жениха своего, что они давно уже узнали другъ друга, и что послѣ сватьбы, назначенной чрезъ нѣсколько дней, она должна уѣхать вмѣстѣ съ мужемъ своимъ въ Аугсбургъ, гдѣ тотъ велъ значительную торговлю. Вѣсть эта сразила бѣднаго музыканта; какъ безумный прибѣжалъ онъ домой, заперся въ свою комнату и не выходилъ цѣлые сутки. На слѣдующій день объявилъ онъ Теклѣ, что оставляетъ на всегда Нюренбергъ, и идетъ записаться въ военную службу. Семилѣтня Вяойна была тогда въ сильномъ разгарѣ, и бѣдный юноша надѣялся найти въ ней конецъ своимъ несчастіямъ. Барбара испугалась; не испытавъ никогда любви, она всѣми силами души привязалась къ племяннику, и мысль, что онъ можетъ погибнуть, приводила ее въ отчаяніе. Просьбы. моленія; слезы, все было употреблено ею, чтобъ отклонить Фердинанда отъ принятаго имъ намѣренія; онъ долго противился, но отчаяніе Теклы наконецъ поколебало его: онъ далъ ей слово не записываться въ солдаты, но объявилъ рѣшительно, что не хочетъ оставаться въ Нюренбергѣ, гдѣ все напоминало ему Теклу. Чрезъ нѣсколько дней разстался онъ съ роднымъ городомъ, и былъ уже на дорогѣ въ Вѣну, давъ клятву никогда не

влюбляться и посвятить жизнь свою другой вѣрной, неизмѣнной любовницѣ — музыкѣ.

Въ Вѣнѣ познакомился онъ съ Глюкомъ, трудившимся тогда надъ своимъ *Орфеемъ*, оперой, которой было назначено сдѣлать переворотъ въ музыкальномъ мірѣ. Глюкъ полюбилъ Дица и, будучи самъ отличнымъ віолончелистомъ, часто игралъ съ нимъ дуэты. Онъ же доставилъ ему мѣсто при Вѣнской Оперѣ, и вообще всегда ревностно покровительствовалъ ему. Жизнь Дица текла мирно и тихо въ занятіяхъ музыкою, а между тѣмъ время, этотъ чудесный врачъ, залечивающій всѣ раны, возвратилъ ему спокойствіе; но душа его, и безъ того расположенная къ задумчивости, была сильно потрясена неудачною любовью, и не могла уже никогда сбросить съ себя той меланхоліи, которая въ послѣдствіи превратилась въ болѣзнь.

Около 1770 года Глюкъ, единственный человѣкъ, къ которому Дицъ былъ привязанъ въ Вѣнѣ, уѣхалъ въ Парижъ. Дицъ хотѣлъ было послѣдовать за нимъ; но какія-то обстоятельства удержали его. Въ это время имя его сдѣлалось уже извѣстно, и Вѣна признала его однимъ изъ первѣйшихъ скрипачей. Единственный домъ, въ которомъ онъ игралъ кромѣ театра, былъ домъ Князя Лобковича, куда собирался цвѣтъ Вѣнскаго общества, и гдѣ, въ послѣдствіи, великій Бетговенъ такъ часто восхищалъ слушателей своими дивными созданіями. Тамъ услыхалъ Дица Соймановъ, бывшій въ то время Главнымъ Директоромъ Театровъ въ С. Петербургѣ и находившійся проѣздомъ въ Вѣнѣ. Плѣнясь игрою Дица, пригласилъ онъ его въ Россію. Дицъ согласился, и въ 1771 году пріѣхалъ въ Петербургъ, гдѣ былъ опредѣленъ въ число каммеръ-музыкантовъ Придворнаго оркестра. Чрезмѣрная застѣнчивость не оставляла Дица и въ зрѣломъ возрастѣ; она препятствовала ему сдѣлаться концертистомъ, и онъ никогда не игралъ концертовъ; но за то въ квартетахъ былъ онъ въ своей сферѣ. Ничто не могло сравниться съ пріятностью его смычка, съ тѣми дивными, нѣжными звуками, которые слетали со струнъ его. Онъ былъ превосходенъ, особенно въ адажіо; скрипка его плакала, въ полномъ смыслѣ слова, и заставляла плакать другихъ. Надобно замѣтить, что въ то время Петербургъ, принявъ Дица, имѣлъ много отличныхъ виртуозовъ. Придворный квартетъ былъ составленъ изъ Дица, 1-й скрипки, Роббе и Тевиса—второй, Штокфиша альта, и Дельфино, віолончеля; флейтистъ Михель также принималъ иногда въ немъ участіе. По словамъ современниковъ, ничто не могло сравниться съ этимъ квартетомъ, который обыкновенно разыгрывали на Эрмитажномъ Театрѣ или во внутреннихъ покояхъ дворца, въ присутствіи Императрицы и всего Двора. Императрица, умѣвшая оцѣнить необыкновенный талантъ Дица, осыпала его милостями, и избрала въ учители Великаго Князя Александра Павловича. — Дицъ, чувствуя вполнѣ эту высокую честь, старался оправдать сдѣланное ему довѣріе, и ревностно занялся своимъ Царственнымъ Ученикомъ. Въ послѣдствіи Великій Князь Александръ Павловичъ, оказывавшій чрезвычайные успѣхи, принималъ также участіе въ квартетахъ, и разыгрывалъ ихъ, какъ отличный артистъ.

Счастіе, казалось, сдружилось наконецъ съ Дицомъ; онъ имѣлъ независимое состояніе, былъ любимъ, уважаемъ, пользовался заслуженною славою, и могъ бы кончить поприще свое такъ же блистательно, какъ началъ его. Но судьба опредѣлила ему другую участь: расположеніе къ меланхоліи становилось въ немъ съ каждымъ годомъ сильнѣе и сильнѣе; часто по нѣскольку дней сряду не показывался онъ никому, и сидѣлъ одинъ, погруженный въ какую-то тяжкую думу. Ему было за 50 лѣтъ, и въ эти годы, когда страсти начинаютъ уже остывать, Дицъ, по

словамъ многихъ, со всею пылкостью юности предался любви къ предмету, который не могъ быть для него доступенъ. Несчастная страсть довершила въ немъ разстройство умственныхъ способностей, и онъ наконецъ совершенно помѣшался. Это случилось въ послѣдній годъ царствованія Императрицы Екатерины Великой, какъ будто судьба не хотѣла, чтобъ Дицъ пережилъ, по крайней мѣрѣ, нравственно, потерю своей благодѣтельницы. Онъ умеръ въ 1798 году.

Дицъ былъ превосходный музыкальный исполнитель, но самъ сочинялъ мало; впрочемъ, нѣкоторые его романсы и пѣсни, преимущественно на слова И. И. Дмитріева, бывшаго, въ свое время, самымъ любымымъ по этомъ гостинствѣ, долго распѣвались въ высшемъ обществѣ, и послѣ того въ народѣ: *Стонетъ сирый голубокъ*, и пр. можно слышать еще и теперь въ провинціяхъ. Музыка этихъ романсовъ отличается чувствомъ и граціею.

Н. М.

ТАНЦОВЩИЦА.

ИСТОРИЧЕСКІЙ АНЕКДОТЪ.

Въ 1776 году, осеннимъ вечеромъ, въ одномъ изъ некрасивыхъ Стокгольмскихъ домовъ, сидѣла за столомъ молодая дѣвица, поддерживая голову обѣими руками. Слезы капали на лежавшее передъ нею письмо. Бѣдная комнатка, разбитое зеркало, на которомъ висѣли два завялые вѣника изъ тисса и анемоновъ, печальный свѣтъ лампы, все это составляло странную противоположность съ полною жизни дѣвицею, печальною, задумчивою. Кто же была эта дѣвица? Ея мягкіе, черные волосы, смуглое лице, блѣдное, какъ западное облако, пламенные глаза, не принадлежали Шведскому климату: эта дѣвица, Маргарита Оріоль, была оперная танцовщица изъ Прованса.

Ея скромная жизнь уже сроднилась съ горемъ. Отецъ Маргариты, матросъ, лишившись жены, не могъ дать дочери ни какого воспитанія; Маргарита предоставлена была попеченію тетки, которая давно жила въ Парижѣ, и вышла тамъ за мужъ за флотскаго лекаря. Когда лекарь поступилъ въ Шведскую службу, тетка отправилась съ Маргаритою въ Стокгольмъ, но здѣсь ожидала ихъ крайняя нищета: лекарь умеръ, и сиротою на чужбинѣ съ величайшимъ трудомъ поддерживали себя мытьемъ и шитьемъ бѣлья. Наконецъ, Маргарита, противу желанія, принуждена была опредѣлиться танцовщицею во Французскую Оперу. Своею граціе вдова съ красотою, она вскорѣ обратила на себя общее вниманіе, но вела жизнь скромную, потому ли что страдала тоскою по отчизнѣ, или потому, что презирала любовію, которую предлагали оперной танцовщицѣ дворяне.

Часа за четыре, Маргарита исполняла роль сирены въ оперѣ Ѳетида и Пелей, сочиненной Густавомъ III и Веландеромъ,

и положенной на музыку Уттини, и до сихъ поръ не думала расчесывать волосъ, которые струились густыми, длинными локонами. Отецъ писалъ Маргаритѣ, что его посадили за долги въ тюрьму, умолялъ ее прислать ему триста талеровъ, и тѣмъ спасти родительскую честь. Вотъ отъ чего плакала Маргарита; она была не въ состояніи исполнить просьбу отца! Нѣсколько разъ перечитывала она роковое письмо; письмо говорило ей, что отецъ, по болѣзни вышедшій въ отставку, возлагаетъ всю надежду на дочь. Бѣдная Маргарита страдала съ каждою минутою, зная, что отецъ томится въ тюрьмѣ; она приходила въ отчаяніе отъ мысли, что старикъ ежеминутно ждетъ спасительнаго отвѣта. Сердце Маргариты волновалось мучительно, какъ неспокойное море, но утѣшительная луна для нея не появлялась.

Многіе богатые и знатные люди любовались въ тотъ самый день танцами Маргариты; можетъ быть и теперь, засыпая на роскошномъ пуховикѣ, видѣли передъ собою сильфиду, а между тѣмъ бѣдная богиня плакала, не зная чѣмъ помочь отцу.

Въ первый разъ Маргарита почувствовала вполнѣ свое несчастіе. До сихъ поръ, живя день за день, она не заботилась ни о настоящемъ, ни о будущемъ: Маргарита походила на птичку въ клѣткѣ, которая ежедневно видитъ вокругъ себя одно и то же, и которой дни и мысли становятся наконецъ однообразными, какъ проволочные прутья, ее окружающіе. Но теперь, не зная чѣмъ помочь отцу, Маргарита тѣмъ глубже чувствовала свое горе, что не понимала его.

Что должна была предпринять Маргарита? Надобно было помочь отцу, который всю надежду полагалъ на дочь. Какъ помочь? Бѣдная дѣвушка, вовсе не знакомая съ свѣтомъ, блуждала въ немъ, какъ сирота; она не испытывала еще тѣхъ безчисленныхъ средствъ, которыми люди стараются достигнуть своей цѣли.

Вдругъ свѣтлая мысль озарила безутѣшную душу Маргариты. Отбросивъ локоны, закрывавшіе лице, Маргарита сказала съ улыбкою:

— Да, батюшка поблагодаритъ меня!

«За что, мой другъ?» спросила тетка, которая въ эту минуту вошла изъ боковой двери.

Маргарита, испуганная нечаяннымъ приходомъ тетки, указала ей на письмо:

— Я пошлю къ батюшкѣ триста талеровъ....

«Ты пошлешь? возразила тетка съ недовѣрчивымъ видомъ. Какъ же ты можешь послать такую сумму, когда получаешь по десяти талеровъ въ мѣсяцъ, изъ которыхъ три талера надобно отдавать на гардеробъ?»

— Завтра я пойду къ Директору, и попрошу его одолжить мнѣ триста талеровъ, въ счетъ жалованья. Конечно, долго будутъ вычитать у меня, но, можетъ быть, мнѣ прибавятъ, а пока я буду стараться помогать тебѣ, тетушка, стирать бѣлье, чтобъ намъ не нуждаться въ необходимомъ....

«Вотъ какъ!» сухо проговорила тетка Маргариты.

— Я могу также, продолжала Маргарита, давать уроки Французскаго языка, или опять примусь за гитару.... Неужели не найдутся люди, которые бы сжалились надъ нашею бѣдностью?

«Нѣтъ!» отвѣчала отрывисто тетка.

Огорченная Маргарита замолчала.

Тетка придвинула свой стулъ къ племянницѣ, взяла ее за руку, и сказала:

— Ты знаешь, милая племянница, что я всегда была твоимъ лучшимъ другомъ. Я очень хорошо понимаю твое положеніе: ты не можешь спасти своего несчастнаго отца! Просить денегъ у Директора—безполезно. Неужели ты думаешь, что онъ дастъ тебѣ триста талеровъ въ счетъ жалованья? Если ты завтра умрешь, кто же ему заплатитъ за тебя? Нѣтъ, добрая Маргарита, это дѣло невозможное; ты должна покороче узнать свѣтъ.

Маргарита печально потупила глаза.

— Въ нравственныхъ сочиненіяхъ и на театрѣ, продолжала тетка, часто говорятъ о благородствѣ души, но люди не охотно поддаются этой слабости. Въ молодости я также думала, что стоитъ только постучаться у сердца людей, чтобы найти отвѣтъ на всѣ вопросы. Повѣрь моей опытности, Маргарита: трудно уничтожить въ людяхъ тщеславіе или скупость, и никто не подаритъ тебѣ трехъсотъ талеровъ.

Маргарита закрыла платкомъ заплаканные глаза.

— Но отцу твоему мы все таки должны помочь; не оставлять же его умирать въ тюрьмѣ съ грустною мыслію, что дочь забыла его....

Маргарита тихо рыдала.

— Ты знаешь, что я съ удовольствіемъ отдала бы тебѣ послѣднюю копѣйку, но вспомни, какъ мы бѣдны! Кто же подаритъ намъ триста талеровъ? Подумай, не найдешь ли какихъ средствъ?

«Нѣтъ, тетушка, грустно сказала Маргарита, и бросилась въ объятія тетки. Мнѣ остается только умереть!»

— Бѣдняжка! Да вѣдь этимъ ты не поможешь отцу.... А что, если бы я нашла какое нибудь средство?

Маргарита плакала.

— Да, я постараюсь помочь твоему отцу, произнесла тетка съ сильнымъ выраженіемъ, если только ты имѣешь ко мнѣ довѣренность.

Обрадованная Маргарита еще крѣпче обняла тетку.

— Ну, успокойся же и выслушай меня.

Тетка вооружилась всѣмъ своимъ краснорѣчіемъ, которому научилась въ Парижѣ, и начала:

— Ты добрая дочь, любишь меня какъ вторую мать; мы здѣсь на чужой сторонѣ, и чувство прошедшаго соединило насъ еще тѣснѣе. Ты, конечно, во всю жизнь не забудешь тотъ прекрасный вечеръ, когда мы, сидя у камина за чаемъ, вспоминали о родинѣ, о твоихъ родителяхъ, знакомыхъ.... Богъ знаетъ, увидимъ ли мы когда нибудь нашу милую родину, будемъ ли любоваться большимъ каштановымъ деревомъ возлѣ церкви, будемъ ли жить въ твоемъ родительскомъ домикѣ, гулять въ саду, собирать виноградъ.... Теперь мы сироты, и на мнѣ лежитъ обязанность заботиться о твоей участи. Имѣй ко мнѣ полную довѣренность: я хочу сдѣлать тебѣ предложеніе, которое сначала, можетъ быть, покажется тебѣ страннымъ.

Тетка придвинула стулъ, кашлянула и продолжала:

— Знатные люди, не смотря на свое богатство и всѣ удобства жизни, иногда почитаютъ себя несчастными. Они живутъ въ вѣчномъ принужденіи, вѣчно должны притворствовать, и отъ того часто ищутъ такого состоянія, которое бы позволило имъ отдохнуть отъ стѣснительнаго, утонченнаго образа жизни. Вотъ почему эти люди часто удаляются въ свои помѣстья, гдѣ надѣются подышать чистымъ воздухомъ и найти неиспорченные нравы. Удивительно ли послѣ этого, что какой нибудь вельможа, не обращая вниманія на знатныхъ дамъ, сбрасываетъ съ себя всѣ званія, всѣ чины, возлѣ простой дѣвушки, и становится истиннымъ человѣкомъ? Ты знаешь Герцога С.?

«Знаю, тетушка,» отвѣчала Маргарита простодушно.

Почтенная тетушка хотѣла однако жъ, чтобъ племянница догадалась, о чемъ идетъ рѣчь. Ей уже наскучило итти окольными дорогами до близкой цѣли.

— Герцогъ С. предобрый, премилый человѣкъ. Онъ охотно забываетъ свой санъ, и любитъ простое, непринужденное обращеніе. Прекрасный человѣкъ!...

«Можетъ быть, но ты, тетушка, забыла о моемъ отцѣ.»

— Вотъ то-то и есть, что не забыла, возразила тетка съ преднамѣренною усмѣшкою, которой Маргарита не поняла. Обращаюсь къ рѣчи: къ сожалѣнію, Герцогъ несчастливъ при своихъ благородныхъ чувствахъ; ему несносно, что, вмѣ-

сто добрыхъ сердецъ, онъ вездѣ встрѣчаетъ корыстолюбіе, тщеславіе или политику. Ты могла бы осчастливить Герцога, добрая Маргарита.

«Я?» воскликнула испуганная Маргарита.

— Да, душа моя. Недавно была у меня очень важная особа: Герцогъ любитъ тебя и надѣется на взаимную любовь.

«Но вѣдь Герцогъ женатъ!»

— А, такъ вотъ что тревожитъ тебя, замѣтила тетка съ улыбкою, отыгрываясь софизмами; нѣтъ, на этотъ счетъ будь покойна. Если бы Герцогъ былъ простой мужъ, которому надобно было бы заботиться о хозяйствѣ, о семьѣ, то, разумѣется, онъ поступалъ бы гнусно, если бы не довольствовался любовію жены. Но люди знатные живутъ иначе; они смотрятъ на супружество какъ на форму, которая упрочиваетъ семейныя связи и даетъ потомство. О семейной любви такіе люди думаютъ рѣдко; имъ надобно жениться для имени. Не есть ли это доказательство добраго человѣка, когда онъ, при своихъ отношеніяхъ, сохраняетъ сердце для истинной любви.

«Тетушка, тетушка! Какъ ты можешь предлагать мнѣ такую любовь, сказала съ рыданіями Маргарита. Ахъ, ты жестоко насмѣхаешься надо мною!»

— Напротивъ, я вовсе не думала шутить; это дѣло серіозное.

«Но ты сама, тетушка, называешь свою честь священною; такъ неужели я должна ни во что ставить свою честь? О, вѣрно я заслужила, чтобы до такой степени ты презирала меня!»

— Глупенькая! Какъ могла ты подумать, что тетка, которая тебя любитъ, отдастъ на посрамленіе свою добрую племянницу? Неужели я позволю, чтобы Герцогъ не уважалъ тебя? Онъ самъ желаетъ только забывать возлѣ тебя о своемъ тягостномъ санѣ, поговорить съ тобою.... Ты обижаешь меня своею подозрительностью, какъ будто я хотѣла торговать тобою.

«Прости меня, тетушка, если я тебя оскорбила; не сердись, вспомни о моемъ безутѣшномъ положеніи. Но чего же ты требуешь отъ меня? Моего спокойствія, моего добраго имени, меня самое? Сжалься надо мною!»

— Повторяю тебѣ, Маргарита, что Герцогъ будетъ уважать тебя, что посѣщенія его будутъ тайныя, и что, слѣдовательно, тебѣ нечего бояться.

«Боже мой! Я все предвижу.... Зачѣмъ я дожила до такого несчастія!»

— Оставимъ же это, холодно сказала тетка, и завтра напишемъ отцу, что не можемъ помочь ему.

«Богъ поможетъ,» прошептала Маргарита, опустивъ въ изнеможеніи руки.

— Богъ не поможетъ, когда мы не хотимъ дѣлать того, что можемъ исполнить. Я не ожидала, чтобы ты приняла въ такую сторону мой совѣтъ, не думала, чтобы ты не согласилась облегчить наше бѣдственное положеніе.... Впрочемъ, я могу какъ нибудь пробиться, но отцу твоему будетъ грустно, что ты такъ дорого цѣнишь ласковое слово, которое бы могло спасти его. Я возвращу деньги.

При этихъ словахъ, тетка положила на столъ нѣсколько банковыхъ билетовъ.

Невыразимое отчаяніе терзало Маргариту. Ея дѣвственное чувство сопротивлялось обычному повиновенію жизни, честь боролась съ дѣтскою любовію, съ стѣснительными обстоятельствами; сердце обливалось кровію. Если бы Маргарита могла взглянуть на свое положеніе спокойно, съ точки зрѣнія посторонняго человѣка, съ мягкаго дивана, то скорѣе приняла бы истинное намѣреніе, въ полной довѣренности къ божественному Провидѣнію. Но теперь, безъ воспитанія, которое бы могло укрѣпить ее въ надеждѣ на Бога, почти безсознательно, подчиняясь мало по малу мысли о несчастіи отца, обманывая себя надеждою, что Герцогъ, быть можетъ, пощадитъ ее, Маргарита не могла выдержать борьбы.

— Я согласна, прошептала она едва

внятно, и судорожно закрыла лице руками.

«И прекрасно, душа моя,» сказала обрадованная тетка: положись во всемъ на меня.»

Тетка обняла Маргариту, и оторвала отъ лица ея руки.

Маргарита была блѣдна, какъ мраморъ.

— Ты блѣдна какъ смерть! воскричала испуганная тетка.

«Ничего, тетушка! возразила Маргарита съ холодною улыбкою: честь!»....

— Полно, образумься, душа моя! Я увѣрена, что ты скоро поблагодаришь меня за всѣ хлопоты. Вотъ, посмотри: Герцогъ прислалъ мнѣ пятьсотъ талеровъ, разумѣется, не для того, чтобы купить тебя; нѣтъ, черезъ меня онъ узналъ о письмѣ, которое ты получила, и потому желаетъ помочь родителю драгоцѣнной для него особы. Кромѣ того, надобно же намъ поубрать наши комнаты къ его приходу. Завтра мы пошлемъ къ отцу триста талеровъ на выкупъ, да сто талеровъ на вспоможеніе; пятьдесятъ талеровъ надобно употребить на покупку тебѣ приличнаго платья и перчатокъ; остальные пятьдесятъ возьми себѣ....

«Оставь ихъ у себя, тетушка, съ ужасомъ проговорила Маргарита: мнѣ они не нужны»....

— Хорошо, я спрячу. Да утѣшься же, моя добрая, милая Маргарита. Жизнь наша исполнена непріятностей; разумѣется, было бы лучше, если бъ другіе должны были служить тебѣ, а не на оборотъ, но въ нашемъ положеніи, мы избрали себѣ самое лучшее средство. Вспомни только, что, по милости Герцога, мы опять увидимъ родину! Тамъ ты скоро забудешь о печальной жизни въ Стокгольмѣ, особенно о нынѣшнемъ, мучительномъ для тебя вечерѣ; мы заживемъ беззаботно, весело.... Теперь назначь мнѣ день, когда можетъ прійти Герцогъ? Онъ отнюдь не хочетъ безпокоить насъ.

«Завтра, послѣ завтра,» едва проговорила Маргарита.

Тетка, поцѣловавъ племянницу, пошла спать. Маргарита также бросилась на свою постель, но не могла уснуть, а провела всю ночь въ мучительной лихорадкѣ. Маргарита не плакала; сердце ея оледѣнѣло...

-•-

Принадлежала ли тетка Маргариты къ разряду постыдныхъ женщинъ? Быть можетъ, она сама себя обманывала на счетъ намѣреній Герцога; быть можетъ, она нарочно ни о чемъ не думала, когда ощутила въ рукахъ своихъ пукъ банковыхъ билетовъ, или, въ самомъ дѣлѣ, смотрѣла сквозь пальцы на подобныя отношенія. Чрезвычайно трудно сообразить нравственную вину человѣка съ его воспитаніемъ, темпераментомъ, опытностью и внѣшнею независимостью; извѣстно, что большая часть проступковъ имѣетъ источникомъ не злость, но безсознательность, слѣпое стремленіе къ желаемому, необдуманное устраненіе внутренняго убѣжденія.

Тетка, дѣйствительно, любила Маргариту, и если бы Маргарита не обладала такимъ чистымъ, такимъ глубокимъ характеромъ, то рѣшимость ея ничего бы не значила, и не имѣла бы ни какихъ послѣдствій. Но, изъявивъ согласіе, Маргарита чувствовала, что сама на себя подняла руки, что съ этой минуты потеряла къ себѣ уваженіе, и превратила свою жизнь въ вѣчное наказаніе.

Маргарита чувствовала это, хотя и была оперная танцовщица....

Странно: на другой день, Маргарита прилежно принялась за уборку своей комнатки для Герцога; поблеклые вѣнки были спрятаны; Маргарита была серіозна, но обо всемъ заботилась, какъ будто съ произнесеніемъ роковаго согласія, потеряла честь, и будто приходъ Герцога было дѣло обыкновенное.

А кто всему виною? Слабая женщина, которая, при другихъ обстоятельствахъ,

прожила бы честно, такъ честно, какъ живутъ сотни, тысячи женщинъ съ спокойною совѣстію.

II.

У Герцогини С. были гости. Общество отличалось людьми умными, образованными, и красотою женщинъ. Густавъ III, племянникъ Фридриха II, Короля Прусскаго, ввелъ при своемъ дворѣ тонъ, прелесть котораго соперничествовала съ его образованіемъ. Но Дворъ Густава III имѣлъ даже преимущества передъ Дворомъ Берлинскимъ: утонченную, рыцарскую вѣжливость, родовое наслѣдіе Шведскаго народа, особенно династіи Вазы. Герцогъ С., справедливо считался любезнѣйшимъ мужчиною, угодникомъ прекраснаго пола. Супруга его, милая женщина, не больше двухъ лѣтъ соединенная съ нимъ узами брака, знала слабую сторону Герцога, и, не будучи въ состояніи привязать къ себѣ вѣтренника, старалась предупреждать тѣхъ придворныхъ дамъ, за которыми Герцогъ особенно ухаживалъ.

Не должно, впрочемъ, судить по нынѣшнему времени о легкомысленныхъ связяхъ, которыя считались достоинствами человѣка въ семнадцатомъ и восемнадцатомъ столѣтіяхъ. Надобно вспомнить, что религія не имѣла вліянія на тогдашнія отношенія, потому что люди во всемъ видѣли дѣйствіе интригъ, случая, какое-то восточное предопредѣленіе. Причину такихъ пагубныхъ мнѣній должно отыскивать во всеобщемъ разстройствѣ тогдашняго общества.

Въ то время, о которомъ теперь идетъ рѣчь, Герцогъ С. былъ въ оковахъ Графини Р., умнѣйшей кокетки, до того привлекательной, что, въ продолженіе двадцати лѣтъ, ее называли цвѣткомъ Шведскаго Двора. Графиня умѣла воспользоваться этимъ временемъ, но странною чертою ея характера была ревность. Не прошло недѣли съ тѣхъ поръ, какъ Герцогъ, соблюдая строжайшее инкогнито, посѣтилъ Маргариту, а Графиня уже обо всемъ знала, и думала только о томъ, какъ бы снова привязать къ себѣ невѣрнаго. Графиня очень хорошо понимала, что этого можно достигнуть не сценою, не уединенными слезами, но искусно обдуманнымъ планомъ, и потому пустила въ ходъ всѣ нити, которыя должны были опутать Герцога, руководствуясь въ этомъ случаѣ вѣрнымъ инстинктомъ женщины, подчиняющей себѣ мужчину.

Однако, планъ Графини не удался. Между тѣмъ, какъ она надѣялась уничтожить прихоть Герцога ѣдкою солью остроумной атаки, въ Герцогѣ произошла удивительная перемѣна. Онъ, въ первый разъ въ жизни, любилъ. Его многочисленныя любовныя интриги, подобно блуждающимъ огнямъ, пролетѣли надъ зеленымъ лабиринтомъ его юности: любовь къ Маргаритѣ согрѣвала, оживляла его, какъ солнце. Миссъ Экерманъ, Миссъ Слотбергъ, и всѣ подобныя имъ женщины, были только разнообразными формами, подъ которыми Герцогъ отыскивалъ одну и туже чувственность. Быть можетъ, Герцогъ любилъ бы свою супругу, если бъ не былъ соединенъ съ нею условіями приличія. Герцогъ купилъ любовь и честь Маргариты, и, какъ будто въ наказаніе за такой поступокъ, подчинился вліянію любви и уваженія. Герцога серіозно занимала мысль объ устройствѣ будущей судьбы Маргариты.

Въ то время, предметомъ общаго вниманія былъ Китаецъ, какими-то судьбами попавшій въ Швецію. Его часто приглашали ко Двору. Увидѣвъ однажды Графиню Р., этотъ Китаецъ спросилъ черезъ своего переводчика, чего она стоитъ, и изъявилъ желаніе увезти съ собою такую женщину въ подарокъ женѣ. Съ тѣхъ поръ, Графиня, которой, конечно, понравилась Азіятская острота, приняла подъ свое особенное покровительство Китайца. Въ этотъ вечеръ, онъ долженъ былъ показывать тѣни.

Послѣ чая, общество собралось въ тем-

ной гостиной. Китаецъ началъ выводить на стѣну свои фантастическія фигуры. Порою являлся кустъ цвѣтовъ, наполненный райскими птичками, змѣями и бабочками; иногда показывались странные корабли съ развѣвающимися вымпелами; то вдругъ представлялось семейство, сидящее за чайнымъ столомъ, то изображалась охота или гора съ огнедышащими драконами: всѣ фигуры были очерчены весьма явственно.

— Это мужъ мой! закричала вдругъ Герцогиня со смѣхомъ, когда на стѣнѣ явился юноша, котораго молодая рыбачка тащила въ сѣтяхъ изъ воды.

«Въ самомъ дѣлѣ! раздалось со всѣхъ сторонъ; какое сходство, какая странная случайность!»

Герцогу также показалась смѣшна эта выходка; онъ взялъ лорнетку.

— Да и женщина имѣетъ съ кѣмъ-то сходство, хотя и не обращена къ намъ лицемъ.... Не могу вспомнить ....

Герцогъ сталъ всматриваться пристальнѣе: сходство поражало его. Онъ узналъ черные, длинные волосы, граціозную, скромную фигуру, и въ одно мгновеніе понялъ всю интригу. Влюбленные соображаютъ скоро и вѣрно.

— Прекрасно, превосходно! Что вы скажете о такой странной случайности, Графиня? обратился Герцогъ къ Графинѣ Р., чтобы нечаяннымъ нападеніемъ снять съ нея личину.

«Въ самомъ дѣлѣ, странная случайность, Герцогъ! возразила Графиня съ удивительною притворною невинностію. Сюжетъ, впрочемъ, не дуренъ.»

— Да, и хорошо исполненъ»

«Жаль только, что тѣнь этой любви исчезнетъ скоро.»

— Вы думаете?.... Сѣть, кажется, крѣпка.....

«Рыбачка счастлива! Не всякій ловъ такъ удаченъ.»

— Да, если не вмѣшается тутъ третья...

Гости не слыхали этого разговора; любуясь тѣнями, они тщетно старались отгадать, на кого похожа рыбачка. Графиня между тѣмъ улыбалась такъ язвительно, что Герцогъ втайнѣ радовался новому предлогу къ разрыву съ нею. Опытная кокетка жестоко ошиблась въ своемъ маневрѣ: она полагала разбить непріятеля врасплохъ, а непріятель принудилъ ее къ постыдному отступленію. Впрочемъ, Графиня была столь горда, что не отказалась бы отъ дальнѣйшихъ плановъ, если бы даже и не чувствовала ни какой склонности къ Герцогу. Она надѣялась припомнить Герцогу нынѣшній вечеръ, мысленно уничтожала его письма, исполненныя, по обыкновенію, увѣреній и клятвъ, утѣшала свое сердце, или вѣрнѣе, свое оскорбленное тщеславіе, воспоминаніемъ о первой молодости, и въ такихъ мечтахъ пріятно улыбалась. Когда тѣни кончились, утихло и ея душевное волненіе. Графиня простилась очень любезно съ гостями.

А Герцогъ? Онъ торжествовалъ, потому что могъ теперь на свободѣ предаться своимъ любезнымъ мечтамъ. Никогда Графиня не была въ его глазахъ такъ нелюбезна, какъ въ нынѣшній вечеръ; она даже показалась ему противною, когда онъ узналъ интриги ревнивой кокетки. Собственно говоря, Герцогъ стыдился, что далъ полную свободу своимъ чувствамъ; но всякое размышленіе было напрасно: милый образъ Маргариты бралъ надъ всѣмъ рѣшительный перевѣсъ. Герцогъ чувствовалъ, что Маргарита не принадлежитъ къ числу обыкновенныхъ женщинъ, что равнодушіе тяготитъ ея жизнь. Утопая въ мечтахъ, онъ не помнилъ, что душа, свыкшаяся съ большимъ свѣтомъ, находящаяся съ нимъ въ продолжительныхъ, дѣятельныхъ сношеніяхъ, не способна къ дѣтскому, естественному образу жизни.

Графиня замышляла новую интригу. Герцогъ строилъ для Маргариты воздушные замки, и оба не думали, что Маргаритѣ уже не нужно ничего.

III.

Спустя недѣлю послѣ отсылки къ отцу денегъ на выкупъ изъ тюрьмы, Маргарита шла невѣрными шагами черезъ Звѣринецъ къ пруду. Осмотрѣвшись и видя себя на единѣ, она стала на колѣни, прочитала Отче нашъ, и хотѣла броситься въ воду. Молодой человѣкъ, выбѣжавшій изъ-за куста, удержалъ ее. Испуганная Маргарита узнала Графа Габріеля Оксенширну, который, читая книгу, гулялъ въ Звѣринцѣ.

— Что вы задумали? спросилъ онъ съ тою кротостію, которая была отличительнымъ его свойствомъ, какъ человѣка и поэта: вы такъ молоды и уже наскучили жизнію.

Смущенная Маргарита не говорила ни слова.

— Благодарю Бога, продолжалъ Графъ, что мнѣ удалось спасти человѣка отъ самоубійства. Если бы я не удержалъ васъ, то теперь, быть можетъ, духъ вашъ носился бы около этихъ мѣстъ, мучимый раскаяніемъ.

Маргарита печально покачала головою.

Вѣроятно, глубокая горесть подвигнула васъ къ такому поступку.?

«Да,» тихо отвѣчала Маргарита.

Уважаю ваше молчаніе, но не могу не желать узнать о томъ, что побудило васъ на такое богопротивное дѣло. Можетъ быть, я въ состояніи помочь вамъ. Имѣйте ко мнѣ довѣренность, я постараюсь оправдать ее.

Танцовщица съ чувствомъ взглянула на Графа.

«Графъ! сказала она, вы человѣкъ благородный; но я не стою вашего участія; я такъ дурно поступила съ своею волею, что жизнь стала для меня несносна.»

— Нѣтъ, возразилъ Графъ, чѣмъ глубже вы упали, по собственному вашему признанію, тѣмъ болѣе достойны участія, потому что сохранили чувство своего проступка. Не стыдитесь, говорите со мною, какъ съ врачемъ; мнѣ не достаточно, что я сохранилъ вамъ жизнь.»

«Извольте,» отвѣчала Маргарита послѣ нѣкотораго молчанія. «Вы сохранили мнѣ жизнь; узнайте же, какова эта жизнь.»

Маргарита сѣла на камень; Графъ, сложивъ руки на груди и прислонившись къ березѣ, сталъ насупротивъ. Удивительная сцена! Эта часть Звѣринца была всегда уединенная, тихая; только на вершинѣ высокихъ деревъ порхали возлѣ гнѣздъ своихъ птички, да вѣтерокъ рябилъ поверхность пруда. Небо разстилалось мѣднокраснымъ, облачнымъ куполомъ, и вся эта задумчивая природа оживлялась присутствіемъ только двухъ разумныхъ существъ, которыя за пять минутъ, были чужды другъ друга, а теперь сблизились въ одну секунду необыкновенною встрѣчею. Графъ былъ одѣтъ просто, но чертами лица и благородною осанкою обличалъ въ себѣ достойнаго внука знаменитаго, почетнаго рода; оперная танцовщица, блѣдная, растерзанная внутреннимъ волненіемъ, была въ темносинемъ платьицѣ, которое едва смѣла носить какъ печально-сладкое воспоминаніе своей дѣвственной бѣдности. Маргарита дрожала, подобно колокольчику, который мы срываемъ на лугу, возвращаясь домой позднимъ Октябрскимъ вечеромъ. Чѣмъ болѣе гармонируетъ характеръ человѣка съ окружающими его предметами, тѣмъ яснѣе выказываются его отличительныя свойства: Маргарита, печальную жизнь которой, по справедливости, можно было сравнить съ Октябрскимъ вечеромъ, была необыкновенно прекрасна; мрачныя мысли оживили лице ея; милая стыдливость разрумянила, какъ утренній разсвѣтъ, ея блѣдныя ланиты въ ту минуту, когда она начала разсказывать свою повѣсть.

Маргарита ничего не скрыла; она умолчала только объ имени соблазнителя.

Настала минута молчанія. Маргарита въ недоумѣніи гладила рукою по мшистому камню, Оксенширна безмолвствовалъ; сердце его исполнено было искренняго состраданія. Маргарита, сначала почувствовала облегченіе, передавъ свое несчастіе благородной душѣ, но, вспомнивъ о мрачной будущности, опять предалась безпредѣльной грусти.

— Съ потерею чести, говорила танцовщица, мнѣ уже нечего было терять, не исключая и самой жизни. Когда я вчера танцовала въ оперѣ, публика, казалось, съ укоромъ смотрѣла на меня; въ звукахъ инструментовъ мнѣ слышался мой позоръ; полъ колебался подо мною.... Но когда я замѣтила, что супруга моего соблазнителя преслѣдуетъ меня въ подзорную трубку, я едва могла добраться до кулисъ, и тамъ упала въ обморокъ..... Къ чему же мнѣ влачить жалкую жизнь? Я никогда не могу быть счастливою, и никогда не знала счастія. Днемъ, я безпрестанно думаю о своемъ проступкѣ; ночью, засыпая въ слезахъ, я вижу передъ собою покойную матушку, которая гнѣвно смотритъ на меня, и съ угрозою отталкиваетъ отъ себя.... Нѣтъ, Графъ, вы не знали, какую печальную жизнь мнѣ возвратили; иначе, вы пожелали бы мнѣ смерти.

Оксенширна смотрѣлъ на Маргариту съ состраданіемъ и какою-то важностію.

«Но неужели вы думаете, возразилъ онъ, что смерть положила бы предѣлъ вашимъ страданіямъ? Неужели вы надѣялись, что душа ваша вдругъ лишится сознанія проступка, и, при переходѣ въ другой міръ, забудетъ о случившемся? Развѣ самоубійство могло загладить вашъ проступокъ. Смерть не возвратитъ вамъ потерянной чести, и вамъ также было бы стыдно передъ жителями другаго міра, какъ и здѣсь..... Не почитайте меня человѣкомъ жестокосердымъ или одностороннимъ, за то, что я высказалъ вамъ въ надлежащемъ видѣ вашъ поступокъ. Я говорю съ вами свободно, серіозно, потому что наше необыкновенное знакомство освобождаетъ меня отъ всѣхъ пустыхъ приличій. Прежнимъ спокойствіемъ вы никогда не будете наслаждаться; утро вашей души навсегда миновалось; но, призвавъ на помощь религію и разсудокъ, вы можете укрѣпить растерзанный духъ: Богъ, воскрешавшій мертвыхъ, исцѣлитъ и сердце, лишенное жизни. Прошедшаго, конечно, ни чѣмъ не воротишь, но умѣйте жить въ настоящемъ такъ, чтобы оно разумно соприкасалось прошедшему и будущему. Это не трудно для человѣка съ твердою волею. Положитесь во всемъ на Милосердаго Бога, на время, которое все покрываетъ, и будьте увѣрены, что во мнѣ найдете истиннаго друга.

Маргарита сдѣлала быстрое движеніе, чтобы упасть къ ногамъ Графа; Оксенширна удержалъ ее, и сказалъ:

— Богъ проститъ васъ, простите же и вы сами себя!

Танцовщица смотрѣла на Графа, какъ смотритъ раскаявшійся ребенокъ на мать; въ глубинѣ охлажденнаго сердца она почувствовала пламя, которое вскорѣ обхватило весь ея жизненый организмъ: то была утѣшительная мысль о прощеніи, радостная увѣренность, что нашлась душа, которая понимала не одинъ разговорный языкъ. Маргарита уподоблялась ясновидящей, которая вся переходитъ въ бытіе своего магнетисма, которой жизнь вращается совершенно въ другомъ мірѣ, и вотъ почему она и не помнила, что оставалась на единѣ съ молодымъ человѣкомъ. Маргарита забыла все: она была слѣпа, но ясновидяща, какъ любовь.

Оксенширна, продолжая ободрять несчастную, заставилъ ее дать клятву не думать болѣе о самоубійствѣ. Маргарита поклялась почти безсознательно; она невольно подчинилась волѣ своего спасителя.

Разговаривая такимъ образомъ, они дошли до входа въ звѣринецъ. Графъ взялъ у Маргариты адресъ, и сказалъ ей,

что черезъ двадцать четыре часа она будетъ въ безопасности.

—Что бы ни случилось, помните только, что Богъ никогда не оставляетъ человѣка, исполняющаго свою обязанность. Провидѣніе, подобно солнцу, никогда не чуждается людей.

Маргарита слѣдила глазами за удалившимся Графомъ. Она чувствовала невыразимую горесть, которая между тѣмъ облегчала душу. Глаза Маргариты постепенно наполнялись слезами, смотря на исчезавшаго вдали спасителя.

Маргарита стояла спокойно, какъ статуя, едва переводя духъ, какъ будто душа ея улетала вмѣстѣ съ Оксенширною. Вдругъ, въ самомъ близкомъ разстояніи, промчалась коляска, запряженная четвернею: это былъ Герцогъ С. съ своею супругою. Увидѣвъ танцовщицу, Герцогъ наклонился впередъ, равно какъ и Герцогиня, невольно послѣдовавшая примѣру мужа. На бѣдную Маргариту напалъ какой-то ужасъ; она дрожала, думая, что Графиня бросила на нее грозный взглядъ..... Маргарита была въ такомъ смущеніи, что въ ту самую минуту, когда Герцогъ хотѣлъ схватить у кучера возжи, лошади, сдѣлавъ неожиданный поворотъ, переѣхали черезъ несчастную дѣвицу....

Испуганный Герцогъ приказалъ остановиться, выпрыгнулъ изъ коляски, но оперная танцовщица уже не существовала.

ЛЕБЕНЪ ВЪ ПРОВАНСѢ.

«Проклятое ремесло! Вѣчно и безъ отдыха въ дѣлѣ! То будь мужикомъ, то какимъ нибудь курацапомъ, то слугою, а иногда даже и воромъ. То неси письмо, то подавай ядъ! Слушай громкія и длинныя фразы и отвѣчай, однимъ словомъ, то гни шею подъ тяжелымъ шишакомъ, а спину подъ палкой; кажись вѣчно дуракомъ — словомъ, играй тѣ роли, отъ которыхъ всѣ отказываются: вотъ мое амплуа, вотъ жизнь, которую веду четыре года, безъ славы и пользы, получая скудное жалованье, которое едва достаточно для того, чтобъ не умереть съ голода!....»

Такъ говорилъ бѣднякъ, выйдя въ полночь изъ Марсельскаго Театра и поспѣшая домой, укрыться отъ дождя, который лилъ, какъ изъ ведра. Онъ остановился у двери дома незавидной наружности, махнулъ съ трагическимъ жестомъ своимъ ключемъ, который держалъ въ рукѣ, вложилъ его въ замокъ, отперъ дверь, и вошелъ ощупью въ свое убогое жилище. Зажегши свѣчу, онъ увидѣлъ на печкѣ двѣ бумаги, взялъ въ руки и, взглянувъ на нихъ, сказалъ: «Прекрасно! Это повѣстка изъ магистрата; — а вотъ письмо отъ Флорины! Ядъ и противоядіе! Сначала возьмемся за дѣла! Что гласитъ повѣстка?.... Въ четвертокъ, сего 22-го Апрѣля 1774 года, мы, и проч. и проч., Г-ну Феликсу Догару, драматическому артисту, объявляемъ нижеслѣдующее: Поелику....» Экій дьявольскій слогъ! Никакъ не могу привыкнуть къ этимъ варварскимъ выраженіямъ! Посмотримъ, однако жъ, что мнѣ объявляютъ!... Что мои мебели будутъ описаны послѣ завтра,

и проданы съ молотка! Превосходно! Мои мебели! Господа подъячіе вознамѣрились мнѣ льстить: милости просимъ описывать всю эту мебель, когда вамъ того непремѣнно хочется! Только жестоко ошибутся господа подъячіе. Жалкая кроватченка, столъ на трехъ ножкахъ, бутылка, заступающая мѣсто подсвѣчника, и старый греческій плащъ, завѣшенный въ окошкѣ вмѣсто занавѣса — вотъ вся роскошь драматическаго артиста Догара! Тутъ, кажется и подъячіе останутся въ накладѣ, а я, между тѣмъ, раздѣлаюсь съ ними, брошу эту квартиру и буду ночевать на баркахъ, въ портѣ! Теперь кстати приближается лѣто!»

Догаръ прервалъ свой монологъ смѣхомъ, исполненнымъ сердечной горести; потомъ продолжалъ философскимъ тономъ: «Какъ люди глупы! Если бъ я послушался отца, я могъ бы быть нотаріусомъ въ какой нибудь веселой деревушкѣ, жилъ бы счастливо, тихо, беззаботно, пописывая, за умѣренную цѣну, свадебные контракты и завѣщанія. Но я воображалъ, что мнѣ назначенъ высшій удѣлъ! Я мечталъ о жизни, полной славы и независимости! Мною овладѣла гордость и меня увлекла пылкость молодости! Я оставилъ свою деревню, и съ тѣхъ поръ бѣдность со мною неразлучна. Авось письмо Флорины утѣшитъ меня!»

Письмо Флорины было слѣдующаго содержанія:

«Батюшка сказалъ мнѣ, что дочери перваго тенора, управляющаго оркестромъ, такой неизвѣстный актеръ, какъ вы, — вовсе не пара. Онъ рѣшился выдать меня замужъ за кларнетиста, который получаетъ за уроки въ городѣ 36 ливровъ въ мѣсяцъ. Вы надѣетесь на будущность и на успѣхъ. Желаю душевно, чтобъ надежды ваши исполнились. Вы заклинаете меня любовью подождать, пока судьба ваша улучшится; я соглашаюсь, во имя любви, дождаться до конца мѣсяца. Но если до того времени ваше положеніе не улучшится, я буду вынуждена выйти замужъ за ненавистнаго мнѣ кларнетиста. Прощайте!»

— Она хочетъ ожидать до конца мѣсяца, а сегодня уже 22-е число! Какое терпѣніе! Изволь-ка пріобрѣсть славу и богатство въ восемь дней!.... За талантомъ то у меня дѣла не станетъ; у меня есть умъ, душа, пылкость.... Я знаю наизусть всѣ первыя трагическія роли, и я игралъ ихъ съ успѣхомъ, въ обществахъ! Безъ хвастовства могу сказать, что я не дуренъ собою! Восемь вершковъ, черты лица выразительныя, голосъ звонкій! Конечно, въ средствахъ у меня нѣтъ недостатка; но я никогда не могъ найти случая развить передъ публикой всѣхъ своихъ способностей, и доказать ей, что я созданъ для первыхъ ролей. Пусть только разъ поставятъ меня въ выгодномъ свѣтѣ, и я скоро пріобрѣту себѣ и славу и деньги!

На другой день, Догаръ игралъ самую лучшую роль въ своемъ незавидномъ амплуа; онъ употребилъ все свое усиліе, чтобъ отличиться, и былъ *освистанъ*. Послѣ спектакля хотѣлъ онъ объясниться съ Флориною, но она отъ него отворотилась. «Вотъ женщины!» сказалъ Догаръ: «въ ихъ сердцѣ, какъ на сценѣ: свистокъ явный сигналъ чистой перемѣны декорацій!»

Въ это время важная новость волновала Марсельскій Театръ. Лекенъ долженъ былъ дать нѣсколько представленій въ Провансѣ. Этотъ знаменитый трагикъ въ первый разъ объѣзжалъ южную Францію, и прибытія его ожидали съ нетерпѣніемъ. Въ 1774 году нужно было не менѣе трехъ недѣль для переѣзда изъ Марсели въ Парижъ; не многіе предпринимали этотъ далекій путь, такъ что не многимъ жителямъ Прованса удалось видѣть Лекена на первомъ Парижскомъ Театрѣ (Théâtre Français). Въ тотъ вечеръ, когда Догаръ былъ освистанъ, директоръ театра получилъ отъ Лекена письмо, которое онъ прочелъ громко, за кулисами, въ присутствіи многихъ. Знаменитый тра-

гикъ извѣщалъ, что онъ пріѣдетъ въ Провансъ восемью днями позже назначеннаго срока, и просилъ Марсельскаго директора предварить о томъ своего собрата, директора Эсскаго (Aix) Театра.

Чрезъ четверть часа послѣ этого, режиссеръ позвалъ Догара, и сказалъ: «Отнесите сейчасъ это письмо къ почтиліону, который ѣдетъ въ Эсъ, и распорядитесь, чтобъ оно непремѣнно было отправлено завтра утромъ.»

Догаръ принялъ порученіе съ неудовольствіемъ; но онъ былъ такъ униженъ свистомъ партера, что не смѣлъ явно обнаружить чувства оскорбленнаго достоинства. Онъ взялъ письмо и вышелъ, повѣся голову. Гордость его пробудилась только на улицѣ: здѣсь онъ далъ свободу своему негодованію.

«За кого они меня принимаютъ?» говорилъ онъ, размахивая руками, какъ сумасшедшій: «Лакей я, что ли? Имѣютъ ли они право разсылать меня по городу съ письмами, потому только, что я ихъ вожу иногда на сценѣ! Какое униженіе! Два оскорбленія въ одинъ вечеръ, не говоря о презрѣніи Флоринды!.... Это ужъ слишкомъ! И я думаю, что мнѣ лучше всего броситься въ море!.... Да и къ чему мнѣ жизнь, въ вѣчной борьбѣ съ нищетою и неизвѣстностью?.... Лекенъ! Вотъ счастливецъ, вотъ человѣкъ, котораго жизнь прекрасна! Слава, деньги, удовольствіе, почести! Что бы ему стоило дать мнѣ ходъ?... Но въ нашемъ искусствѣ возвышаются сами собою, а не чрезъ другихъ!...»

Вдругъ, по среди этихъ мрачныхъ размышленій, свѣтлая мысль мелькнула въ головѣ Догара.... «Это вдохновеніе свыше, или навожденіе дьявола!» вскричалъ Догаръ. «Но что за нужда, и чѣмъ рискую я въ моемъ положеніи? Я могу поправить дѣла только предпріятіемъ смѣлымъ, отчаяннымъ!.... И такъ, вооружимся мужествомъ и отвагою!»

Догаръ разорвалъ письмо, потомъ, возвратясь въ театръ, сказалъ режиссеру, что порученіе его исполнено. Ночью, смѣлое намѣреніе артиста утвердилось еще болѣе. На другой день, на разсвѣтѣ, онъ отправился въ дорогу, пѣшкомъ, съ палкою въ рукахъ. Въ полдень, онъ явился къ директору Эсскаго театра.

«Ну! вотъ и я; точность называютъ вѣжливостью таланта! Вы ожидали меня сегодня, не такъ ли?»

— Но, позвольте спросить напередъ, кто вы?

«Лекенъ!»

— Лекенъ! Какъ! вы знаменитый Лекенъ! Извините, сдѣлайте милость, что я принялъ васъ немножко невѣжливо. Но могъ ли я подозрѣвать, чтобъ....

«Чтобъ Лекенъ явился въ такомъ жалкомъ видѣ? Не правда ли? И точно, это очень странно. Это удивительная исторія, ужасное приключеніе! Вообразите себѣ, любезнѣйшій, что я къ несчастію повстрѣчался на дорогѣ съ Гаспаромъ де Бессе и его шайкою: эти разбойники начисто меня ограбили; отняли 20,000 ливровъ, которые я получилъ въ Ліонѣ, и всѣ мои костюмы, стоившіе мнѣ болѣе десяти тысячъ ефимковъ! Злодѣи разбили карету мою на тысячу кусковъ, а человѣкъ мой, при этой опасности, счелъ за благо бѣжать — и вѣрно до сихъ поръ бѣжитъ не оглядываясь! И вотъ, любезный другъ, въ какое непріятное положеніе поставили разбойники, опустошающіе вашъ прекрасный край — перваго трагическаго актера нашего времени!....»

Директоръ былъ тронутъ несчастнымъ приключеніемъ, которому подвергся знаменитый артистъ; онъ предложилъ ему значительную сумму, въ счетъ той, которая будетъ еще причитаться за его представленія. Догаръ принялъ. Чрезъ часъ весь городъ уже зналъ о пріѣздѣ Лекена и о случившемся съ нимъ приключеніи. Разсказывали, какъ между Авиньономъ и Оргономъ его остановилъ Гаспаръ де Бессе, который отнялъ у него на сто тысячъ серебра и драгоцѣнныхъ камней; со всѣхъ сторонъ сыпа-

лись великому трагику посѣщенія и услуги. Кавалеръ де Кастеланъ прислалъ ему своего камердинера для услугъ; многіе дворяне предложили ему сколько угодно денегъ; Президентъ д'О...., у котораго во время масляницы играли трагедіи, отправилъ къ нему костюмы своихъ домашныхъ актеровъ; чиновникъ главнаго прокурора явился для выслушанія его жалобы, и обѣщалъ, что къ поимкѣ разбойниковъ будутъ употреблены самыя дѣятельныя мѣры, и что, безъ сомнѣнія, ему будетъ возвращена его собственность въ самомъ скоромъ времени....

Когда камердинеръ кавалера де Кастелана щегольски зашилъ и причесалъ Догара, и одѣлъ его въ дорогое платье, наружныя достоинства его выказались въ полномъ блескѣ. На дворѣ трактира, гдѣ жилъ Догаръ толпился народъ; всѣмъ хотѣлось взглянуть на него, при выходѣ изъ дома, на репетицію, и всѣ любопытные, въ особенности женщины, удивлялись его прекрасной наружности.

— Совершенно такъ, говорилъ директоръ театра, представлялъ я себѣ Лекена! Высокій, черноволосый, красивый, стройный. Нѣкоторые воображали, не знаю по какимъ-то критикамъ, что вы малы, толсты и дурны лицемъ! Тройная клевета!

«Что дѣлать, любезнѣйшій, талантъ имѣетъ всегда завистниковъ! Не знаю гдѣ-то есть писатель, по имени Мармонтель, который сердится на меня за то, что я изъ дружбы поправлялъ, иногда, его стихи. За это онъ и написалъ съ меня такой невыгодный, пристрастный портретъ! Къ счастію, мнѣ стоитъ только показаться, заблужденіе тотчасъ исчезаетъ, и клевета обращается въ ничто.»

— Что угодно вамъ играть для перваго представленія?

«Что вамъ угодно! мнѣ все равно. Вамъ извѣстенъ мой репертуаръ; объявите, если угодно, Венцеслава и Британника.

— Двѣ трагедіи! Развѣ вы не боитесь усталости?

«Я? полно-те! Я привыкъ. Въ прошломъ мѣсяцѣ, я игралъ въ Парижѣ тридцать дѣйствій сряду.»

— Какъ! шесть трагедій въ одинъ вечеръ?

«Нѣтъ, одну, Заиру. Партеръ былъ въ такомъ восторгѣ отъ моего таланта, что я долженъ былъ вновь начинать піесу пять разъ. Вольтеръ плакалъ отъ радости и утѣшенія....»

Толпа заранѣе осаждала входы въ театръ, чтобъ видѣть Лекена въ роляхъ Венцеслава и Нерона. «Вотъ рѣшительная минута!» сказалъ, про себя, Догаръ, «минута, — въ которую взлечу до облаковъ или попаду въ самую глубь преисподней!» До спектакля онъ отлично пообѣдалъ; три бутылки шампанскаго придали ему увѣренность и трагическій жаръ. Онъ вышелъ на сцену твердымъ шагомъ, декламировалъ съ одушевленіемъ, игралъ съ чувствомъ и порывомъ; онъ былъ удивителенъ, восхитителенъ, великъ! Апладисментамъ не было предѣловъ; вырывались даже крики удивленія: никогда еще ни одинъ актеръ не стяжалъ такого блистательнаго успѣха!

Лучшая молодежь города пришла къ нему въ уборную, и отвезла его съ тріумфомъ въ гостинницу Г...., гдѣ приготовленъ былъ великолѣпный ужинъ. Лекенъ былъ царемъ праздника; его просили разсказать свои любовныя похожденія въ Парижѣ; всѣ окружали его вниманіемъ и поздравленіями. Послѣ ужина играли въ карты, и Догаръ выигралъ триста луидоровъ.

На другой день, просыпаясь, Догаръ сказалъ про себя: «Нѣтъ ничего легче, какъ попасть въ великіе мужи!» —

Онъ еще былъ въ постелѣ, когда къ нему принесли пять или шесть душистыхъ записочекъ.

— «Еще выгоды моей знаменитости!» вскричалъ онъ: «Бѣдная Флорина, ты мнѣ измѣнила, забыла меня, оставила потому,

что меня освистали; а между тѣмъ, гоненія эти доставили мнѣ состояніе и славу, придавъ мнѣ мужество и отвагу, которыя породило отчаянье!»

Во второе представленіе восторгъ публики былъ вдвое болѣе прежняго. При выходѣ изъ театра, четыре человѣка схватили Догара, и насильно посадили въ носилки, которыя остановились передъ маленькою дверью, въ глухой улицѣ. Но тамъ Догара встрѣтилъ молодой офицеръ, который попросилъ его объясниться, и раздѣлаться за волокитство.

«Завтра утромъ, милостивый государь если вамъ угодно,» сказалъ трагикъ.

— Нѣтъ, сейчасъ. Скорѣе шпагу въ руки! эти люди намъ посвѣтятъ фонарями.

До сихъ поръ, подумалъ Догаръ, я только наслаждался новымъ моимъ положеніемъ, а вотъ пришла и неудача! Въ жизни не держалъ я въ рукахъ шпаги; но что нужды, надобно поддержать свое достоинство!

Догаръ сталъ въ позицію и дрался такъ же, какъ игралъ трагедію, то есть съ такимъ жаромъ и дерзостью, что ранилъ своего противника.

Этою дуэлью онъ довершилъ свое торжество, и стяжалъ себѣ славу и успѣхи блистательные и многочисленные, во всѣхъ отношеніяхъ. Уже пять дней Догаръ пользовался извѣстностію и славою великаго мужа, какъ вдругъ, между надушенными женскими посланіями, онъ нашелъ одно письмо, въ которомъ любовь проявлялась въ самомъ заманчивомъ видѣ. Одна вдовушка, еще молодая и получающая 15,000 ливровъ годоваго дохода, предлагала ему свою руку съ условіемъ, чтобъ онъ оставилъ сцену и жилъ съ нею въ замкѣ ея, въ окрестностяхъ Ниса. Свиданіе назначено было на бульварѣ, гдѣ онъ долженъ былъ дать послѣдній отвѣтъ.

Въ тотъ же день, какой-то пріѣзжій, остановившись у дверей гостинницы, гдѣ жилъ Догаръ, читалъ съ удивленіемъ огромную театральную афишу, въ которой возвѣщено было *шестое* представленіе Лекена, Придворнаго актера и *перваго* Французскаго трагика. На афишѣ находилось замѣчаніе: «По случаю огромнаго успѣха Г-на Лекена, и чрезмѣрнаго стеченія публики, касса будетъ открыта съ полудня.»

Пріѣзжій желалъ занять квартиру въ гостинницѣ, лучшей въ Эсѣ. Хозяинъ объявилъ ему, что онъ можетъ располагать одной только комнатой, въ третьемъ этажѣ, потому что второй этажъ занятъ важнымъ чиновникомъ, а въ первомъ этажѣ живетъ знаменитый Лекенъ.

Пріѣзжій занялъ комнату въ третьемъ этажѣ, и тотчасъ велѣлъ вести себя къ знаменитому Лекену.

— Милостивый государь! сказалъ онъ, входя къ Догару; я имѣю честь говорить съ *знаменитымъ* Лекеномъ?

«Точно такъ! Что вамъ угодно?»

—Я въ восторгѣ отъ вашего таланта!— «Фраза избитая, любезнѣйшій:» — Пріѣзжій продолжалъ: «Я провинціяльный актеръ; мучимый честолюбіемъ, я горю желаніемъ достигнуть извѣстности. Увѣренъ, что ваши совѣты могли бы принесть мнѣ величайшую пользу. Вы мнѣ позволите продекламировать одну сцену? Потомъ скажите о ней ваше мнѣніе.»

«Хорошо, мой другъ; я васъ слушаю!»

Пріѣзжій началъ декламировать сцену изъ *Танкреда*. Съ первыхъ стиховъ Догаръ поблѣднѣлъ, потомъ задрожалъ, ноги подъ нимъ подкосились, и онъ упалъ на колѣни, вскрикнувъ: «Вы Лекенъ!.... Простите несчастному!»

Лекенъ поднялъ Догара, безъ гнѣва, и этотъ разсказалъ ему свою исторію съ полною откровенностію.

— Вижу, по крайней мѣрѣ, сказалъ Лекенъ, выслушавъ его разсказъ: вижу, что ты мнѣ нисколько не повредилъ. Ты имѣлъ успѣхъ, дрался на дуэли, былъ счастливъ въ волокитствѣ — и такъ, я не имѣю права на тебя жаловаться. Впрочемъ, это шутка не глупая! Что ты играешь сегодня?»

— Вандома.

— «Это лучшая моя роль. Я пойду смотрѣть *себя!*»

Послѣ спектакля, Лекенъ пришелъ къ Догару на квартиру, и сказалъ ему:

— Ты игралъ, какъ школьникъ; но, можетъ быть, поддѣлываясь подъ мою игру, ты не имѣлъ бы такого успѣха. Ты играешь просто дурно, но у тебя проскакиваютъ мѣста хорошія. Пріѣзжай въ Парижъ, я позабочусь, чтобъ доставить тебѣ мѣсто въ первомъ Французскомъ Театрѣ.

«Благодарю васъ!» отвѣчалъ Догаръ; «возвращаю вамъ съ благодарностью ваше имя, и хочу оставить вовсе сцену.»

— Ну, это еще не большая потеря для драматическаго искусства!

«Онъ завидуетъ мнѣ, подумалъ Догаръ, да это меня и не удивляетъ.»

Догаръ не замедлилъ явиться на свиданіе, назначенное вдовою; онъ нашелъ, что она была очень мила, не старѣе тридцатипяти лѣтъ, имѣла живые глазки и красивую осанку. Разговоръ былъ продолжителенъ, но съ первыхъ словъ они во всемъ были согласны.

«Вы хотите непремѣнно,» сказалъ Догаръ, «чтобъ я оставилъ сцену?»

— Непремѣнно!

«Слѣдовательно вы выходите за меня замужъ не *для славы* моей, ни *для* состоянія, потому что я вамъ сознался, что у меня его нѣтъ, наконецъ, вы, выходите за меня замужъ даже не для моего имени, потому что Лекенъ прибранное мною прозваніе, какъ водится между актерами. Въ частной жизни, передъ судомъ и священникомъ, я долженъ явиться подъ моимъ настоящимъ именемъ. Меня зовутъ Догаромъ!

— Пусть будетъ Догаръ. Что мнѣ нужды въ вашей славѣ и знаменитости имени Лекена. Увидѣвъ васъ въ трагедіи, я удостовѣрилась, что вы обладаете возвышенными чувствами, благороднымъ сердцемъ и пылкою душою. Вотъ что меня плѣняетъ, вотъ за что я выхожу за васъ замужъ!

«Въ такомъ случаѣ, по рукамъ, да и за свадьбу!»

Нѣсколько дней спустя послѣ этого свиданія, Догаръ уѣхалъ съ женою въ Марсель. Они отправились въ театръ, гдѣ играли Аделаиду Дюгекленъ.

— Какъ называется актеръ, который играетъ роль Вандома? спросила Г-жа Догаръ у своего мужа.

— «Лекенъ!»

— «Что вы говорите? А вы?»

Тутъ Догаръ разсказалъ свое приключеніе женѣ. Выслушавъ позднее признаніе, она простила мужа, потому что, въ медовый мѣсяцъ, жены, особенно вдовушки, вышедшія замужъ, вторично бываютъ вообще чрезвычайно снисходительны, особенно къ мужьямъ молодцамъ и красавцамъ.

ОЧЕРКИ ТЕАТРАЛЬНЫХЪ НРАВОВЪ.

Отрывки изъ философическихъ записокъ отставнаго суфлера,

ФОКИ САВЕЛЬИЧА ПѢТУШКОВА.

I.

два великій человѣкъ шагнулъ на Іосафатову Долину, или, по просту сказать, волею Божіею, *помре*, тотчасъ налетитъ на память его стая хищныхъ врановъ, какъ то: журналисты, біографы, статьеслагатели, статьепродавцы, сочинители драматическихъ воспоминаній, обозрѣній, издатели того, сего, а въ сущности, *ничего*, и давай терзать и грызть нетлѣнный остовъ великаго мужа, т. е. память о его талантѣ! Отыди же, азъ грѣшный, на лоно Авраамле, только и шуму будетъ на свѣтѣ, что стукъ отъ сколачиванія четырехъ досокъ, для вмѣщенія тѣла, которое, въ теченіе сорока лѣтъ, лишено было благотворныхъ лучей восходящаго полуденнаго и заходящаго солнца; тѣла, которое три четверти жизни погребено было въ суфлерской норѣ, тѣла, угнетавшаго въ продолженіе сорока лѣтъ душу, которая изъ самоотверженія въ пользу искусства, одушевляла другихъ, а сама долженствовала оставаться холодною! Никто не зналъ и не видалъ суфлера, при жизни его, кромѣ засѣдателей райка, взиравшихъ съ почтеніемъ на его лысину, повертывавшуюся въ норѣ, съ быстротою молніи, во всѣ стороны, и никто, по смерти суфлера, неузнаетъ, какую важную роль игралъ онъ въ закулисномъ мірѣ!—*Люди*, виноватъ, въ закулисномъ мірѣ нѣтъ *людей;* да намъ и дѣла нѣтъ до людей: у насъ міръ Божій раздѣляется на *публику*, *актеровъ* и *театральную контору*, выплачивающую жалованье. Извѣстно, что такъ называемые *люди*, т. е. публика, обо всемъ судитъ по наружности. Смотря на зданіе, она хвалитъ или критикуетъ колонны, фронтоны, куполы, а и не подумаетъ о фундаментѣ, на которомъ утверждено зданіе. Человѣку отдаютъ почесть по платью и по мѣсту; по существу же самаго дѣла, мѣсто мое самое *невидное* въ театрѣ, т. е. подъ поломъ, а для этого мѣста нельзя ничего лучше прибрать, какъ фризовую шинель, слѣдовательно, обо мнѣ нельзя судить ни по мѣсту, ни по платью. Но, сидя подъ поломъ, въ фризовой шинели или нанковомъ сертукѣ, и будучи, такъ сказать, попираемъ *ногами* актеровъ, я всегда въ *головѣ* у нихъ, потому что отъ суфлерской реплики зависитъ ино-

гда успѣхъ цѣлой сцены. Суфлеръ—краеугольный камень, на которомъ основано великое зданіе драматическаго искусства! Публика этого не знаетъ, и ей никто о томъ не скажетъ кромѣ самого суфлера. Спросите актеровъ о суфлерѣ—правды не услышите! Каждый актеръ скажетъ вамъ, что не имѣетъ нужды въ суфлерѣ, и это точно такая же правда, когда актеръ станетъ васъ увѣрять, что онъ въ бенефисъ свой помышляетъ объ одной славѣ, о пользѣ искусства, а не о деньгахъ! Пожалуйте на репетицію, тутъ вы удостовѣритесь, что труппа безъ суфлера то же, что стадо безъ пастыря. Если въ авторѣ есть на грошъ самолюбія, а, по несчастью, господа авторы нагружаются этимъ товаромъ свыше капитала своего ума—словомъ если Г. авторъ, правильнѣе подражатель, не вовсе глупъ (а между авторами и это не рѣдкость), то на репетиціи онъ точно въ пыткѣ. И великіе и малые артисты, и герои и героини безъ суфлера—кто въ лѣсъ, кто по дрова! Нѣтъ суфлера, нѣтъ порядка, нѣтъ смысла въ піесѣ, нѣтъ памяти, нѣтъ чувства, это хаосъ, и притомъ безъ мірозданія! А на что же режиссеръ? спросите вы. И я васъ спрошу, въ свою очередь: на что режиссеръ?—Когда режиссеромъ труппы былъ Моліеръ, я понимаю, къ чему онъ былъ пригоденъ; а теперь каждый, не только артистъ или актеръ, но даже актеришка и фигурантъ почитаютъ режиссера равнымъ себѣ, если не по таланту, то по званію, потому что режиссеръ такой же актеръ, а часто актеришка, какъ и всѣ прочіе; а виданое ли дѣло, чтобъ повиноваться *равному*, когда онъ не кормитъ, не поитъ, и не даетъ денегъ въ займы! Меня же, напротивъ, всѣ почитаютъ *низшимъ*, и потому повинуются мнѣ, не признавая моей власти. Одинъ предобрый, т. е. пресердитый журналистъ, мой покровитель, сказалъ мнѣ однажды, не знаю въ шутку ли или за правду, что власть моя похожа на невидимую власть того загадочнаго лица, которое въ Средніе Вѣки, до Мартина Лютера, управляло полусвѣтомъ, и называло себя смиренно: *слугою слугъ*. Что такое Средніе Вѣки, Мартинъ Лютеръ и прочее, не берусь толковать, потому что не понимаю; но видно, это что-то важное, потому что журналистъ, ударивъ меня по плечу, примолвилъ: «Мужайся и терпи: ты великій мужъ, при тебѣ невидимая сила, которая вдвое важнѣе силы видимой!» И въ самомъ дѣлѣ, какъ ни гордится актеръ предо мною, а возьмите его въ тиски, такъ онъ сознается, что я важнѣе всѣхъ лицъ въ театрѣ, разумѣется, кромѣ директора и казначея. Я сказалъ: *разумѣется*, но мнѣ надлежало бы сказать *подразумѣвается*, потому что мой покойный предмѣстникъ говорилъ: «И милость директора къ артисту зависитъ, часто, отъ ловкости суфлера, слѣдовательно и исправность казначея—эхо директорской милости, основано на томъ же!»—*Люди*, виноватъ, опять забылся, въ отставкѣ, *публика* толкуетъ о герояхъ, героиняхъ, Гамлетѣ, Ричардѣ, Агамемнонѣ, Медеѣ, Гоѳоліи, ну, право не вспомню всей этой тарабарщины; все это пустое! Я важнѣе всѣхъ Агамемноновъ и Гамлетовъ! Въ закулисномъ мірѣ нѣтъ ни исторіи, ни романа, ни миѳологіи, ни существенности, ни прошедшаго, ни настоящаго: за кулисами свой міръ, и мы только случайно узнаемъ, что

дѣлается въ дѣйствительномъ мірѣ. Безъ *Сультовъ* и *Боболины*, въ закулисномъ мірѣ знать бы не хотѣли объ освобожденіи Греціи; безъ балета *Венгерская хижина* и безъ оперы *Швейцарское семейство*, мы бы до сихъ поръ не знали о существованіи Венгріи и Швейцаріи! За кулисами все равно, что Цесарь и Наполеонъ, и что опера *Двое слѣпыхъ* или фарсъ *Мирошка и Филатка!* Въ закулисномъ мірѣ лица не имѣютъ ни малѣйшаго значенія; тамъ важны только: *піеса, роль, бенефисъ* и *суфлеръ!* Кто что знаетъ, что чувствуетъ *внѣ* театральнаго міра, держи дома или за пазухой, а за кулисами все то лишнее, что не принадлежитъ къ представленію, и величайшій геній въ мірѣ... кого бы назвать.... положимъ Ньютонъ, у насъ ничего не значитъ и принадлежитъ къ лицамъ, о которыхъ встарину печатали на афишахъ: «*лица, не принадлежащія къ театру, не имѣютъ входа за кулисы, ни во время представленія, ни по окончаніи онаго.*» Вы скажете мнѣ: какое дѣло закулисному міру до перваго въ свѣтѣ математика, Ньютона! Вотъ, напримѣръ: Шекспиръ, Моліеръ, Шиллеръ.... Перестаньте! Повторяю: за кулисами нѣтъ дѣла до именъ; тамъ самое безтолковое, но заманчивое заглавіе піесы важнѣе безсмертнаго имени! Общаго мнѣнія нѣтъ и быть не можетъ за кулисами. Вѣдь ужъ такъ на роду написано каждому актеру, чтобъ онъ любилъ и обнималъ своего товарища только на сценѣ! Роль та хороша для актера, въ которой онъ имѣлъ успѣхъ, а товарищъ паденье, и піеса та лучше, которая даетъ болѣе сбора въ бенефисъ. Все прочее, тринь трава! Только бъ *отработать* вечеръ, и однимъ днемъ приблизиться къ сроку уплаты жалованья, къ пенсіону и къ вожделеннѣйшему изъ желаній—собственному бенефису! А, между тѣмъ, и въ сборѣ, и въ роли, и въ піесѣ, первая, хотя и невидимая пружина — суфлеръ! Суфлера ни съ чѣмъ лучше нельзя сравнить, какъ съ парами. Корабль идетъ: публика въ восторгѣ, хотя и не видитъ двигающей силы. Хвалятъ котлы, колеса парохода, даже трубу, изъ которой выходитъ черный дымъ и смрадъ, толкуютъ о парахъ, а объ угольяхъ и водѣ, производящей пары, двигающую силу, ни словечка! Суфлеръ — уголья въ этой галерѣ (dans cette galère)! Когда, по окончаніи спектакля, благодарятъ актера или актрису за прекрасную игру, подумаютъ ли тогда о суфлерской норѣ, въ которой сосредоточивался смыслъ піесы, откуда исходили одушевленіе и страсть! А чѣмъ бы кончилось, если бъ въ минуту пламенной игры, когда память не можетъ поспѣть за дѣйствіемъ, среди развлеченія, изъ суфлерской норы не раздался гласъ спасенія? Эфектъ былъ бы потерянъ, піеса бы упала, а съ нею и торжествующій артистъ. Никто, однако жъ, не взглянетъ на суфлерскую нору, какъ на уголья парохода! Напротивъ, актеры, чтобъ увеличить свое торжество, послѣ каждой удачной роли обременяютъ упреками бѣднаго суфлера, приписывая успѣхъ себѣ, а всѣ неудачи сваливая на него! Суфлеру даже нельзя спорить: молчи и терпи! По неволѣ иногда должно заглушить *парами* снѣдающее горе!

Но потому-то и суфлеръ, рожденный на великіе подвиги и вѣчныя горести, долженъ быть человѣкомъ болѣе нежели обыкновеннымъ, чуть, чуть

не великимъ мужемъ. Ахиллеса кормила мать львинымъ мозгомъ, чтобъ вкоренить въ немъ силу и мужество. Право, не худо было бы учредить какое нибудь заведеніе, для воспитанія будущихъ суфлеровъ, и за недостаткомъ львовъ, въ нашей сторонѣ, кормить ихъ хотя медвѣжьимъ мозгомъ и поить ослинымъ молокомъ, до тѣхъ поръ, пока юные питомцы не будутъ въ состояніи жевать свинины и пить ерофеича!

Какой нибудь острякъ вз. умаетъ пошутить надъ моими словами: что суфлеръ долженъ быть человѣкомъ необыкновеннымъ, чуть, чуть не великимъ мужемъ, и скажетъ, что необыкновеннымъ человѣкомъ долженъ быть первый трагикъ, первый комикъ, а для суфлера довольно на столько таланта, чтобъ до спектакля онъ высыпался отъ обѣда, и умѣлъ такъ укрѣпить кожицу свою въ горлѣ, чтобъ она была крѣпка, какъ лайка, и не страдала ни отъ простуды, ни отъ спиртныхъ напитковъ. Такъ говоритъ гордость и невѣжество! Спрашиваю васъ, милостивые государи, что это за машина— суфлерская грудь съ горломъ, изъ которыхъ исходитъ суфлерскій голосъ? Рѣшите, что это за *голосъ?* Это ни басъ, ни теноръ, ни дискантъ, ни громкій, ни звучный, ни тихій, ни нѣжный голосъ.... Это что-то неизвѣстное, неслыханное: cosa rara! Не то разсохнійся кларнетъ, не то размокшій фаготъ, не то пробитый турецкій барабанъ! Кричать суфлеру нельзя, сипѣть и подавно! Звучность голоса—преступленіе въ суфлерѣ, а между тѣмъ надобно, чтобъ голосъ его слышали во всѣхъ углахъ сцены, на двадцать саженъ впередъ, и не слыхали на три сажени съ тыла, въ первомъ ряду креселъ! Милости просимъ совершить такія чудеса! Ричардъ, у Шекспира, даетъ царство за коня; я далъ бы два царства съ половиною, если бъ кто выдумалъ инструментъ, подходящій къ голосу суфлера, хотя, сказываютъ, всѣ инструменты выдуманы въ подражаніе человѣческому голосу, и даже турецкій барабанъ есть отголосокъ злой бабы! Суфлеромъ также надобно родиться, какъ надобно родиться Рубини, Лаблашемъ, Пастой и Каталани! Публика, подъ именемъ *шопота,* разумѣетъ *тихую,* почти *беззвучную* рѣчь, а голосъ суфлера долженъ быть *громкій шопотъ*, т. е. вещь, противная всѣмъ законамъ природы! Отъ того-то, если у знаменитыхъ пѣвцовъ и пѣвицъ горло имѣетъ особенное устройство, то, въ теченіе десятилѣтней суфлерской жизни, грудь у суфлера превращается въ кузнечный мѣхъ. Это я испыталъ на себѣ! Однажды, съ *пріятельскою компаніею,* отправился я погулять въ Токсово, въ каретѣ, которую далъ намъ, даромъ, подрядчикъ театральныхъ экипажей, за то, что я выучилъ дочь его пѣть знаменитую арію изъ Русалки: *Мужчины, на свѣтъ, какъ мухи къ намъ льнутъ.* Но благодарность подрядчиковъ вообще вѣрна только при заключеніи и возобновленіи контракта! Злодѣй далъ намъ такую карету, въ которой рессора лопнула на половинѣ дороги. Мы коекакъ дотащились до кузни. Все есть, да нѣтъ мѣха. Кузнецъ праздновалъ крестины, и мѣхъ въ тотъ день не *надували*, а ночью *надули* кузнеца, и украли у него мѣхъ. Я говорю кузнецу: клади только огонь въ уголья, да бери молотъ въ руки! Всѣ смотрятъ на меня съ удивленіемъ, а я собрался съ духомъ, надулся, да какъ

рыкнулъ *Федрой*, Русскаго перевода, такъ уголья и вспыхнули! Кузнецъ мнѣ въ ноги. «Батюшка, помилуй, ужъ не колдунъ ли ты? Не проглотилъ ли ты мой мѣхъ? Отдай, ради Бога!» Пока я прочелъ первый актъ трагедіи, рессора была починена, и кузнецъ, почитая меня колдуномъ, проглотившимъ его мѣхъ, не взялъ съ меня ни копѣйки, а я, чтобъ отдѣлаться отъ него, приказалъ ему прійти къ себѣ за мѣхомъ, давъ адресъ не свой, а извѣстнаго актера-*надувалы*, который у авторовъ, передъ бенефисомъ, лапки сосетъ, а послѣ бенефиса честь ихъ грызетъ. Господину подрядчику отплатилъ я также грудью! Однажды, за столомъ, на имянинахъ жены его, попросилъ онъ прочесть монологъ изъ *Андромахи*, Графа Хвостова. Предо мною стояло преогромное блюдо съ воздушнымъ пирожнымъ, называемымъ *безе!* Я какъ рванулъ, со всего размаха, первый монологъ, такъ всѣ пирожки разлетѣлись съ блюда, какъ пчелы изъ улья, и улеглись на прическахъ купеческихъ женъ и дочекъ, убранныхъ руками парикмахеровъ изъ-подъ вывѣски: *Здѣсь брѣютъ и кровь отворяютъ.* Пошла кутерьма! У одной дамы пирожокъ оттянулъ локонъ и, прилѣпившись къ лицу, снялъ слой свинцовыхъ бѣлилъ и сурьмы; у другой сѣлъ на чепцѣ, какъ ворона на гнѣздѣ; у третьей залѣпилъ глазъ, которымъ она умильно посматривала на путейскаго офицера, и т. п. Подрядчикъ взбѣленился и хотѣлъ ссориться со мною, но всѣ гости, между прочими почтенные члены магистрата и всѣ театральные подрядчики, вступились за меня, и единогласно объявили, что за такую силу груди, *безъ голоса*, я достоинъ награды, и уподчивали меня до блаженнаго состоянія!

Но что значитъ эта Геркулесовская сила груди въ сравненіи съ терпѣніемъ, которымъ долженъ обладать суфлеръ! Говорится обыкновенно: терпѣливъ, какъ камень! Что за терпѣніе въ камнѣ, который трескается и отъ жара, и отъ холода, и отъ ударовъ молота! Знаете ли, что значатъ капризы актрисъ, самолюбіе актеровъ и наконецъ всѣ страстишки, испаряющіяся изъ эгоисма закулиснаго міра, въ которомъ каждый живетъ *собою* и для *себя*, гдѣ аплодисментъ, вызовы, разовая плата, бенефисъ, замѣняютъ всѣ тѣ чувства, которыя въ свѣтѣ называютъ: любовью, дружбою, братствомъ, и т. п.! Все доброе, т. е. все прибыльное, беретъ каждый себѣ, а все, чего никому не надобно, остается мнѣ, а это право хуже и жара, и холода, и молота, отъ которыхъ трескаются камни! Однако жъ, по истеченіи сорока лѣтъ, я остался цѣлъ и невредимъ, т. е. не умеръ ни отъ желтухи, ни отъ апоплексическаго удара, и, что гораздо важнѣе, не спился съ кругу, съ отчаянія; а напротивъ, мужественно выдерживалъ нападенія изъ всѣхъ рядовъ закулиснаго міра, и многихъ заставлялъ даже раскаяваться или поплачиваться за свои капризы или грубости. Я руководствовался всегда правилами: ужъ если влюбляться, то въ королевну; красть, такъ милліоны, и пропадать, такъ отъ слона, а не отъ мухи! Однажды, красотка-актриса, любимица публики, не зная роли, свернула бѣду на меня, и меня, безотвѣтнаго, посадили въ контору. Въ первое представленіе, красотка снова замялась, стала вертѣться вокругъ моей норы, какъ ласточка, жалко глядѣть мнѣ въ глаза, а я бормочу просебя, что и самъ чортъ не разберетъ.

«Да, подскажи, ради Бога!» возопила она мнѣ жалкимъ голосомъ, закрываясь платкомъ отъ публики. «А поцѣлуешь ли?» возразилъ я. «Поцѣлую!» — «Поклянися!» — «Клянусь!» Я подсказалъ, и моя красотка такъ удачно скрыла свою ошибку, что рукоплесканія посыпались, и публика подумала, что актриса нарочно замялась въ роли. Послѣ спектакля я прошелъ мимо красавицы, не сказавъ ей ни слова, хотя и замѣтилъ ея безпокойство. Трое сутокъ встрѣчался я съ нею на репетиціяхъ и въ антрактахъ, завертывался всегда въ шинель и не вспоминалъ объ обѣщаніи; она вѣжливо мнѣ кланялась, но молчала. На четвертый день явился я къ ней въ уборную. Она вскрикнула, увидѣвъ меня. Я нарочно не брился четверо сутокъ, и борода моя походила на старую сапожную щетку. «Ты поклялась поцѣловать меня; не сдержишь слова, отплачу, хоть бы пришлось лишиться мѣста, отплачу жестоко, уроню навсегда!» — «Помилуй, Савельичъ, да какъ мнѣ тебя цѣловать въ этомъ видѣ!» сказала красотка; «знаешь ли ты, что за поцѣлуй мой дерутся, на смерть, князья и графы, и что этотъ поцѣлуй дороже алмаза, солитера, который ты видишь у меня на шеѣ! Я лучше поцѣлую лошадь театральной кареты, нежели тебя, Савельичъ!» — «Ну, если твои поцѣлуи такъ дороги, откупись! Дай 500 рублей, и квитъ!» — «Завтра получишь!» И точно, на другой день, ливрейный лакей принесъ мнѣ пакетъ, въ которомъ было 500 рублей и записочка, мужскою рукою, безъ подписи, гдѣ было сказано, что я ежегодно буду получать по 500 рублей, если буду *усердствовать* красавицѣ, въ противномъ случаѣ меня обѣщали излечить отъ гнѣва *декоктомъ дубинорумъ*. Я предпочелъ 500 рублей, и до того угодилъ вѣтряницѣ, которая хотя и имѣла талантецъ, но плохо выучивала роли, и кокетничая съ знакомыми въ креслахъ, часто сбивалась, что она, однажды, въ восторгѣ, поцѣловала меня за кулисами, а ливрейный лакей принесъ мнѣ, на другой день, сто-рублевую ассигнацію. Съ другими уродцами я не слишкомъ нѣжился. Замялась, такъ я напрямикъ: дай пять рублей, а не то, не скажу! И синички стали перелетать ко мнѣ въ боковую клѣтку. Одна упрямица поклялась принудить меня служить ей даромъ, и, въ гордости своей, обходилась со мною, какъ съ лакеемъ. Надобно было выждать и побѣдить терпѣніемъ. Однажды досталась ей роль, въ которой были Французскія фразы. По званію Русскаго суфлера, я не обязанъ знать по-Французски, а моя горделивая противница, хотя и обязана была знать Французскій языкъ, потому что обучалась ему въ школѣ, но не знала. Пришла роковая минута! Противница моя смотритъ мнѣ въ глаза, киваетъ головою, топаетъ ногами, а я въ отвѣтъ: *Тутъ что-то по-Французски!* Сцена пропала, противница моя была ошикана, а меня потащили для объясненія, но оправдали, потому что я былъ правъ, по буквальному смыслу закона. Съ этихъ поръ и горделивая противница покорилась. — Хуже всего было мнѣ справиться съ однимъ трагикомъ, любимцемъ школьной молодежи и публики 15-го класса! Трагикъ этотъ былъ не то, что нынѣшній вашъ В. А. Каратыгинъ, которому суфлеръ нуженъ для того только, чтобъ играющіе съ нимъ актеры и актрисы не сбивались съ толку. Когда же В. А. Каратыгинъ играетъ съ своею женою,

суфлеру отдыхъ! Тогда онъ, въ своей норѣ, нюхаетъ табакъ и съ почтеньемъ ждетъ конца сцены, положивъ тетрадицу на помостъ. Мой трагикъ былъ, такъ называемый, *ревунъ* съ *топотомъ*. Онъ всегда бѣсился на суфлера или за то, что онъ ему подсказываетъ, или за то, что не подсказываетъ. Угодить ему было невозможно. Я вооружился моею обычною бронею — терпѣніемъ. Однажды, видя, что онъ въ полномъ *ревѣ* и *топотѣ* (что въ школахъ и въ публикѣ 15-го класса называлось *вдохновеніемъ*), я пересталъ подсказывать, и началъ нюхать табакъ. Въ это время, трагикъ мой подскочилъ въ бѣшенствѣ къ моей норѣ, и хотѣлъ ударить меня ногой, но въ этомъ не успѣлъ, а смелъ ногою съ полфунта пыли, которую я вдохнулъ въ себя, вмѣстѣ съ табакомъ. Я смолчалъ, но въ другое представленіе взялъ свое! Въ самомъ жаркомъ его порывѣ, когда онъ вовсе не смотрѣлъ на меня, т. е. не требовалъ подсказыванья, я началъ подсказывать ему самымъ *громкимъ* моимъ *шопотомъ*, гоня впередъ роль, и такъ сбилъ его съ толку, что онъ замялся и лишилъ сцену всего эфекта. Тутъ увидѣлъ мой трагикъ, что дѣло плохое, и покорился, и я, безъ выборовъ и балотировки, единодушно, хотя и безмолвно, былъ признанъ колоновожатымъ труппы!

Господь Богъ надѣлилъ меня однимъ только дѣтищемъ, сынкомъ съ суфлерскимъ ртомъ, т. е. до ушей, и суфлерскою грудью, т. е. какъ мѣхъ; но, до дня моей отставки, по списку у меня состояло *девятнадцать человѣкъ дѣтей и тринадцать сиротъ воспитанниковъ*, и того *тридцать два*, яко бы, хлѣбоѣдовъ, которыхъ я долженствовалъ прокармливать скуднымъ суфлерскимъ жалованьемъ. Ежегодно, въ день уплаты актерамъ жалованья, я объявлялъ почтеннѣйшимъ артистамъ и артисткамъ, что Господь даровалъ мнѣ сына или дочь. Жена моя ложилась на трое сутокъ въ постель, и если которая нибудь изъ старыхъ закулисныхъ сплетницъ, скуки ради, забѣгала къ намъ освѣдомляться о здоровьѣ роженицы и младенца, мы говорили, что ребенокъ отданъ кормилицѣ, въ Нѣмецкую Колонію, хотя на дѣлѣ ребенка вовсе не бывало. Господа важные артисты подшучивали надъ пріумноженіемъ моего семейства. «Ай да, Савельичъ! молодецъ! Да эдакъ ты сформируешь хоры или коръ-де-балетъ изъ одной твоей семьи! Лихой!» Вамъ смѣшно, господа, а мнѣ плакать хочется, отвѣчалъ я. Времена тяжелыя, все дорожаетъ, на денежномъ курсѣ барышка нѣтъ — зимы пропадаютъ, а надобно кормить и своихъ дѣтей и сиротокъ, бѣдныхъ родныхъ! Подумайте-ка, сколько мнѣ надобно, чтобъ удѣлить по одному кусочку да по другому тридцати двумъ душамъ, по башмачку, по рубашенкѣ!.... И синички опять, бывало, слетаются въ боковую клѣтку, а когда иной въ выигрышѣ (не на сценѣ, а за карточнымъ столомъ), такъ слетитъ и бѣлая бумажка! Ужъ нѣтъ лучше для суфлера, какъ актеры-картежники! Талантливый или безталантный, все равно, игрокъ никогда почти не знаетъ своей роли, и держится на сценѣ искусствомъ и милостью суфлера; за то, если игрокъ въ выигрышѣ, такъ не пожалѣетъ и сотняги суфлерскому сыну или дочкѣ въ день имянинъ или рожденья, т. е. сыновьямъ и дочерямъ, состоящимъ только по списку, а не въ натурѣ. Лишь только какая нибудь миловидная артисточ

ка обзавелась *новымъ хозяйствомъ*, или актеръ похвалился выигрышемъ, я тотчасъ брякъ въ двери, съ рублевымъ кренделемъ, отъ имени небывалыхъ имянинника или имянинницы! Попусту не пройдешься! А проигрался актеръ или разстроилась милая артисточка, тотчасъ на совѣтъ къ суфлеру: «Савельичъ, ты знаешь всѣхъ подрядчиковъ, всѣхъ музыкантовъ, хористокъ.... Нельзя ли достать денегъ? Проценты заплачу хорошіе: за 500 рублей отдамъ, чрезъ годъ, тысячу!»—Посмотримъ! Если человѣкъ бѣдный или артисточка слишкомъ мила, то дамъ, бывало, свои собственныя деньги, отъ нихъ же накопленныя, а не то приведу какого нибудь ростовщика, который заплатитъ мнѣ же за коммиссію. Такимъ образомъ годъ отъ году капиталецъ растетъ, да вытягивается, толстѣетъ да жирѣетъ! И вотъ я, слава Богу, по истеченіи сорока лѣтъ, могу жить покойно и беззаботно. Только мнѣ что-то скучно на бѣломъ свѣтѣ! Какъ былъ въ мѣстѣ, такъ хотѣлось все смотрѣть на солнце, гулять на открытомъ воздухѣ, а теперь нашъ закулисный міръ, подъ крышею, безъ солнца, съ вѣчнымъ своимъ сквознымъ вѣтромъ и запахомъ бойни, мнѣ гораздо лучше нравится, чѣмъ міръ природный, настоящій. Наше закулисное солнце не такъ капризно, какъ солнце подлинное, и луна театральная гораздо красивѣе, потому что ярче освѣщаетъ декораціи. Наши закулисные лѣса прелесть, нашу закулисную *дичь* хотя нельзя жарить, но можно *пороть* сколько угодно, а что ни говори, наша *публика* гораздо лучше свѣтскихъ *людей*, во сто, въ тысячу разъ лучше! Всѣ артисты, всѣ актеры, музыканты, издатели, а особенно бенефиціанты жестоко *надуваютъ* почтеннѣйшую публику, а она хотя и *надуется*, но все таки платитъ деньги, и снова позволяетъ себя обманывать. А люди? Ну, точнехонько щуки въ морѣ! Еще хуже! Нѣтъ карася, такъ другъ у друга отгрызаютъ хвосты, лишь только зазѣвайся! У насъ, въ закулисномъ мірѣ, чтобъ сыграть обманъ, хотя по писаному или по печатному, надобно нѣсколько репетицій, а между людьми, въ свѣтѣ, обманываютъ начисто, безъ обстановки, безъ суфлера и режиссера; прямо импровизируютъ Скапиновыми Обманами! Въ закулисномъ мірѣ ужъ какъ сналъ съ голоса или охрипъ, такъ сиди дома и не показывайся на сцену, а между людьми, кто больше фальшитъ, тотъ скорѣе попадаетъ въ первыя амплуа! На театральной сценѣ, кто выше прыгаетъ, тотъ идетъ въ гору, а на сценѣ свѣта, напротивъ, въ гору надобно лѣзть ползкомъ. На театрѣ, роль безъ рѣчей не ведетъ ни къ чему, а чѣмъ кому достается болѣе говорить, тому болѣе славы и денегъ. Между людьми напротивъ: рѣчистому затрутъ дорогу, а только молча можно пробраться впередъ. Однимъ словомъ, закулисный міръ и міръ настоящій, двѣ противоположности, двѣ стороны медали, и я бы отдалъ полное преимущество закулисной сторонѣ, если бъ только въ сценическихъ пирахъ пироги были не бумажные, деньги не жестяныя, если бъ вмѣсто вина не подчивали водою, и если бъ не въ каждой піесѣ *любились* и *женились*. Эти вѣчныя *женитьбы*, въ каждой піесѣ, до того надоѣли публикѣ, что въ настоящемъ мірѣ вовсе пропала охота искренно любиться и по страсти же-

ниться, а напротивъ того, публикою овладѣла страсть къ тому, чего нѣтъ вовсе за кулисами, и чѣмъ ее манятъ на сценѣ, а именно: къ деньгамъ, къ вкуснымъ кушаньямъ и хорошимъ винамъ; если же, для какихъ нибудь видовъ, надобно кончить удалую свѣтскую жизнь женитьбою, въ такомъ случаѣ приданое берутъ изъ *существеннаго міра*, а любовь занимаютъ *въ театрѣ!*

Ѳ. БУЛГАРИНЪ.

III. ТЕАТРАЛЬНАЯ ХРОНИКА.

ОБЗОРЪ ДѢЯТЕЛЬНОСТИ РУССКИХЪ ТЕАТРОВЪ ВЪ 1841 ГОДУ.

Нынѣшней книжкой *Репертуаръ Русскаго Театра* начинаетъ новый годъ или, лучше сказать, новый періодъ своего существованія. Въ теченіе трехъ лѣтъ ознакомившись ближе съ дѣломъ, узнавъ на опытѣ и требованія публики и потребности Театра, онъ, въ соединеніи съ *Пантеономъ иностранныхъ Театровъ*, имѣетъ нынѣ возможность расширить предѣлы свои, и, съ одной стороны, быть зеркаломъ современнаго Русскаго Театра, съ другой передавать все, что является замѣчательнаго на всѣхъ Театрахъ Европы. Но, будучи зеркаломъ Русскаго Театра, т. е. представляя публикѣ все то, что является на театрѣ замѣчательнаго, онъ, въ то же время, долженъ быть правдивою лѣтописью всѣхъ явленій Русской театральной жизни. По этому, послѣ драматическихъ произведеній, которыя составляютъ основаніе Репертуара и Пантеона, существенная часть нашего изданія есть хроника современныхъ Театровъ Русскаго и иностранныхъ.

Здѣсь невольно, въ отношеніи къ Русскому Театру, можетъ возникнуть со стороны читателей вопросъ: въ состояніи ли Репертуаръ сохранить безпристрастіе въ своихъ сужденіяхъ о Русскихъ драматическихъ писателяхъ и ихъ произведеніяхъ, когда писатели эти сами участвуютъ въ его изданіи, когда произведенія ихъ печатаются на его страницахъ? Не будетъ ли въ семъ случаѣ лицепріятія и взаимнаго одолженія? — Вопросъ очень естественный, особенно послѣ того, какъ въ нѣкоторыхъ журналахъ нашихъ публика привыкла видѣть постоянную методу восхваленія сотрудниковъ и участниковъ этихъ журналовъ, и гоненія противъ тѣхъ, кто *не имѣетъ чести* или *отказался отъ чести* въ нихъ участвовать.

Репертуаръ очень радъ случаю отвѣчать на этотъ, по видимому, щекотливый вопросъ, и заблаговременно отстранить отъ себя нареканія, которыя могли бы возникнуть, какъ со стороны публики, такъ и со стороны тѣхъ писателей, которые трудами своими будутъ украшать это изданіе.

Репертуаръ въ театральномъ мірѣ есть общеупотребительное техническое

слово для означенія вообще всѣхъ *играемыхъ на сценѣ* піесъ. Говорятъ: *репертуаръ такой-то недѣли, репертуаръ такого-то театра*, и пр.; это значитъ *піесы, игранныя на такой-то недѣлѣ, піесы, играемыя на такомъ-то театрѣ*. Понимая такимъ образомъ слово *Репертуаръ*, всякій, съ перваго взгляда, долженъ понять и назначеніе того изданія, которое выходитъ подъ этимъ наименованіемъ. И такъ, *Репертуаръ Русскаго Театра* есть собраніе піесъ, игранныхъ на Русскихъ Театрахъ, и имѣвшихъ успѣхъ. Успѣхъ піесы или паденіе ея рѣшаются публикою; слѣдовательно, въ выборѣ піесъ для печатанія, Репертуаръ долженъ руководствоваться рѣшеніемъ публики; короче, редакторъ Репертуара, въ отношеніи къ игранымъ піесамъ, есть не кто иной, какъ публика — самый умный редакторъ, не правда ли?

И такъ, прямая, главная, существенная обязанность Репертуара Русскаго Театра была и есть слѣдующая: представлять читателямъ своимъ все то изъ міра театральнаго, въ чемъ выражается Русская драматическая жизнь, что возбудило интересъ публики, что заслужило ея одобреніе. — Въ этомъ отношеніи, Репертуаръ *издаваемый* находится въ совершенной зависимости отъ репертуара *играемаго* Какъ занимательность событій и происшествій не зависитъ отъ издателя политической газеты, такъ достоинство и занимательность играемыхъ піесъ не зависятъ отъ редакціи Репертуара. Въ прошедшіе три года, удерживаясь въ сихъ предѣлахъ, Репертуаръ не рѣдко затруднялся при печатаніи піесъ, принужденный иногда выбирать не изъ *хорошаго лучшее*, а изъ *дурнаго посредственное*. Нынѣ это неудобство устранено: соединившись съ Пантеономъ, Репертуаръ раздвигаетъ предѣлы свои, и, не ограничиваясь піесами игранными, будетъ давать читателямъ своимъ такія оригинальныя и переводныя піесы, которыя хотя не были, но могутъ быть играны на Русской сценѣ. Въ этомъ отношеніи, Репертуаръ и Пантеонъ надѣются быть полезными и для всѣхъ артистовъ, и вообще для Театра.

При такомъ положеніи, мы всегда имѣемъ возможность избѣгнуть помѣщенія посредственныхъ піесъ, и станемъ выбирать только лучшее, наиболѣе имѣвшее успѣхъ. Въ случаѣ недостатка хорошихъ *игранныхъ* піесъ, мы помѣстимъ драму, комедію, и пр. пр., того богатаго запаса, который уже приготовленъ новою редакціею, и день ото дня увеличивается болѣе и болѣе.

И такъ, на долю Репертуара изъ игранныхъ піесъ остаются только *хорошія* піесы, и, стало быть, въ хроникѣ своей онъ безъ лицепріятія можетъ хвалить тѣхъ, кто доставляетъ ему хорошія піесы. Тутъ дѣло ясно, какъ день Божій. Если же, по непреложному закону судебъ, и въ солнцѣ должны быть темныя пятна, и въ хорошихъ драматическихъ произведеніяхъ найдутся недостатки, Репертуаръ, помѣстивъ піесу, въ то же время ни сколько не поколеблется указать на недостатки этой піесы, точно такъ же, какъ и воздать похвалу ея достоинствамъ. Умѣренная и благонамѣренная критика никого не оскорбляетъ. Репертуаръ, напротивъ, радуется, что его подсудимые большею частію будутъ на лицо: образованная публика можетъ сама повѣрять справедливость сужденій Репертуара, и на этой повѣркѣ, какъ на *данныхъ*, основывать степень довѣренности, какую она можетъ имѣть къ Репертуару въ другихъ случаяхъ.

Послѣ этого предварительнаго и, по нашему мнѣнію, необходимаго объясненія съ читателями, приступаемъ къ дѣлу, т. е. къ обозрѣнію Театровъ. Но съ чего начать это обозрѣніе? Или, лучше сказать, что обозрѣвать, о какихъ новостяхъ говорить намъ? Мы только что вступаемъ въ Новый Годъ, а что было въ старомъ, о томъ уже говорено въ прошлогоднемъ Репертуарѣ. Думаемъ,

что всего приличнѣе будетъ бросить взглядъ *вообще на современное состояніе Театра въ Россіи*, и такимъ образомъ установить себѣ пунктъ отправленія для будущихъ статей нашихъ о Русскомъ Театрѣ.

Ста лѣтъ не прошло еще отъ рожденія народнаго Русскаго Театра, а, между тѣмъ, посмотрите и полюбуйтесь, какъ онъ разросся и раскинулся! Не только въ столицахъ Русскихъ, средоточіи просвѣщенія и образованности, но и въ губернскихъ и въ уѣздныхъ городахъ пустилъ онъ свои вѣтви; въ нѣкоторыхъ отдаленныхъ краяхъ Россіи существуютъ даже постоянныя труппы актеровъ и изящно устроенныя для представленій зданія. А потомъ, вспомните, сколько въ этотъ короткій, 85-ти-лѣтній періодъ существованія Русскаго Театра, явилось на Руси высокихъ сценическихъ дарованій, во всѣхъ родахъ: едва ли другое какое либо изящное искусство имѣло въ Россіи столько талантливыхъ художниковъ, какъ искусство сценическое. Что же все это доказываетъ? То, что почва Русской жизни не неблагопріятна для сценическаго искусства, и что любовь къ Театру, постепенно распространяющаяся и укореняющаяся въ Русской публикѣ, превратится наконецъ въ живую потребность высокаго эстетическаго наслажденія Театромъ. А тогда сценическое искусство въ Россіи пойдетъ быстро, пойдетъ самобытно, сольется съ Русскою жизнію, и, заимствуя изъ нея свои основные элементы, въ свою очередь внесетъ въ сокровищницу Русской жизни благотворные плоды изящнаго.

Средоточіемъ современнаго Русскаго Театра служитъ Петербургъ. Здѣсь, можно сказать, почти исключительно собраны первые сценическіе таланты Россіи; здѣсь являются и отсюда истекаютъ драматическія новости, которыми живутъ и держатся всѣ остальные Русскіе Театры; здѣсь, наконецъ, театральная постановка возведена на высшую степень великолѣпія и вкуса. Съ Петербурга, слѣдовательно, и начнемъ наше обозрѣніе.

Въ составѣ Петербургскихъ Театровъ вообще находятся труппы: *1) Драматическая Русская, 2) Оперная Русская, 3) Балетная, 4) Оперная Нѣмецкая, 5) Драматическая Французская, и 6) Драматическая Нѣмецкая.*

Сообразно съ этимъ раздѣленіемъ труппъ раздѣляется публика, раздѣляются вкусы и требованія. Само собою разумѣется, современное положеніе драматическаго Русскаго искусства и потребности собственно Русской публики болѣе всего показываются въ Русскомъ *Драматическомъ* Театрѣ, т. е. въ Александринскомъ.

Украшеніемъ Русской драматической труппы, славою и гордостію Русскаго Театра, служитъ, безъ сомнѣнія, В. А. Каратыгинъ. Въ самой цвѣтущей порѣ лѣтъ, въ полной зрѣлости таланта, при неутомимой дѣятельности и пламенной любви къ своему искусству, этотъ достойный артистъ идетъ исполинскимъ шагомъ впередъ. Еще много надеждъ возлагаетъ на него искусство Русское! Лишь только бъ дали пищу этому таланту, лишь только бъ Русскіе писатели создавали достойныя для него роли! Къ сожалѣнію, такія роли весьма рѣдко выпадаютъ на его долю, и Каратыгинъ, играющій по нѣскольку разъ въ недѣлю, Каратыгинъ, безъ котораго не обходится почти ни одинъ бенефисъ, долженъ растрачивать силы свои на вздорныя, мелкія, ничтожныя роли новѣйшихъ Французскихъ *драмокъ*, и только для отдыха, для услажденія души своей, являться въ серіозныхъ роляхъ прежняго репертуара. Но, къ чести Каратыгина, въ доказательство уваженія его къ искусству, къ публикѣ, наконецъ къ самому себѣ, мы должны сказать, что онъ вездѣ и всегда одинаково вѣренъ своему призванію: пустую, ничтожную роль играетъ онъ съ тою же обдуманностію, съ тѣмъ же

стараніемъ, съ какимъ играетъ лучшія, любимыя роли свои; въ тѣ дни, когда, по какимъ либо особеннымъ причинамъ, стеченіе публики въ театрѣ бываетъ малочисленное, Каратыгинъ все тотъ же усердный, пламенный, ревностный артистъ, какъ и въ самые многолюдные спектакли: онъ не позволитъ себѣ ни малѣйшей небрежности въ игрѣ, ни малѣйшаго упущенія. А этого, къ сожалѣнію, нельзя сказать про всѣхъ артистовъ, даже и молодыхъ.

Репертуаръ прошедшаго года былъ скуденъ новыми ролями, достойными таланта В. А. Каратыгина. Одинъ только *Коріоланъ* представилъ ему поприще, на которомъ просторно и раздольно могли разыграться силы его. И дѣйствительно, мы видѣли въ Каратыгинѣ Коріолана, древняго Римлянина, во всемъ его суровомъ величіи. Рельефнѣе другихъ выдалась небольшая, но исполненная чувства и мысли роль *Ивана Сусанина*, въ драмѣ Н. А. Полеваго *Костромскіе Лѣса:* и въ этой роли Каратыгинъ былъ превосходенъ. Роль *Князя Холмскаго*, въ піесѣ подъ тѣмъ же названіемъ, Н. В. Кукольника, роль безконечно длинная, требовала много труда со стороны нашего артиста, но пустотою и безцвѣтностію своею далеко не вознаградила его за хлопоты. *Ромео* Каратыгинъ принялъ на себя, вѣроятно, изъ снисхожденія къ просьбамъ бенефиціента: роль эта внѣ физическихъ средствъ Каратыгина. Наконецъ, роль *отца*, въ піесѣ *Отецъ и дочь*, Н. Г. Ободовскаго, была, въ прошломъ году, послѣднею ролью Каратыгина, гдѣ онъ могъ выказать свое дарованіе: драма Г. Ободовскаго, не смотря на свои достоинства, очень много обязана успѣхомъ В. А. Каратыгину. Вотъ замѣчательнѣйшія піесы, въ которыхъ въ первый разъ явился Каратыгинъ передъ публикою. Остальныя были или легкія Французскія драмы, въ которыхъ онъ долженъ играть только потому, что не кому играть эти роли, или повтореніе прежняго его репертуара, изъ котораго Велисарій, Гамлетъ, Уголино, Заколдованный Домъ и Король Лиръ давались чаще другихъ, и всякій разъ доставляли новыя рукоплесканія нашему достойному артисту.

И. И. Сосницкій, — артистъ заслуженный, талантъ, увѣнчанный лаврами, и на лаврахъ отдыхающій. Болѣе того, что сдѣлалъ Г. Сосницкій, мы не можемъ и не въ правѣ отъ него требовать: онъ достигъ до такой степени артистическаго поприща, гдѣ уваженіе къ прежнимъ заслугамъ ни на минуту не исчезаетъ изъ души самыхъ строгихъ и взыскательныхъ цѣнителей. Къ числу лучшихъ ролей Г. Сосницкаго въ минувшемъ году, принадлежатъ роли: *Нищаго* (въ Боярскомъ Словѣ), *Хорунжаго* (Костромскіе Лѣса), *Размазни* (Въ людяхъ ангелъ—не жена), *Квакера* (Квакеръ и Танцовщица) и н. др.

Минувшій годъ представляетъ цѣлый рядъ артистическихъ успѣховъ Г. Каратыгина 2-го. Артистъ этотъ играетъ почти каждый день, и иногда въ одинъ вечеръ въ нѣсколькихъ піесахъ; постоянными усиліями, трудомъ и изученіемъ искусства онъ успѣлъ избавиться отъ весьма важнаго недостатка — однообразія, за которое прежде критика упрекала его не безъ основанія. Г. Каратыгинъ 2-й, по необходимости, иногда долженъ бываетъ играть въ драмахъ, гдѣ онъ занимаетъ роли холодныхъ резонеровъ; но настоящее его амплуа — характерныя роли въ комедіяхъ. Не можемъ исчислить всѣхъ ролей, въ которыхъ со славою являлся Г. Каратыгинъ 2-й, въ теченіе прошедшаго года; но болѣе другихъ запечатлѣлись въ нашей памяти роли *Городскаго* (Приключеніе на водахъ), *Сенъ-Феликса*, (Чудакъ-покойникъ), *Хамова* (Дочь и Откупъ), *Руперта* (Шила въ мѣшкѣ не утаишь), *Кнакеръ* (Шкуна Нюкарлеби) и наконецъ лучшая роль его, которая одна можетъ составить славу артиста — это роль *Оргонта*, въ Тартафѣ, и пр.

Г. Мартыновъ — молодой артистъ съ

огромнымъ дарованіемъ, которому недостаетъ только образцовъ для изученія и простора для дѣятельности. Въ самую лучшую, самую цвѣтущую пору жизни, когда артистъ только что начинаетъ сознавать свое дарованіе, свои средства и силы, и тотъ главный пунктъ, куда онъ долженъ ихъ направить, на чемъ сосредоточить, Г. Мартыновъ предоставлёнъ совершенно произволу случая, и долженъ, *сидя у моря, ждать погоды*.... Для такого дарованія нуженъ просторъ Мольеровскій или Шекспировской комедіи, а Мартыновъ принужденъ играть во всѣхъ бенефисныхъ водевиляхъ, большею частію пустыя роли, или грубые и глупые фарсы. Едва двѣ, три роли въ годъ выйдетъ ему такихъ, гдѣ онъ можетъ сколько нибудь выказать свое дарованіе, и ни одной такой, надъ которою могъ бы онъ поработать, отчетливо, сознательно, которая пробудила бы въ немъ рядъ размышленій, вызвала бы изъ души его цѣлую теорію сценическаго искусства. Что дѣлать? Моліеръ нынче забытъ и заброшенъ; мы промѣняли его на скороспѣлые Французскіе водевили, мы ищемъ новости — будь хоть глупо, да ново, а объ искусствѣ, о чистомъ, благородномъ искусствѣ у насъ и помину нѣтъ. C'est du grec pour nous!

Повторяемъ: Мартыновъ не созданъ для фарсовъ, не созданъ для ролей простаковъ, глупцовъ, вычурныхъ франтовъ, и т. п.; его амплуа серіёзное, амплуа комическихъ стариковъ, и вообще сосредоточенныхъ комическихъ характеровъ. Онъ играетъ часто и много, но, Боже милосердый, что онъ играетъ! Безъ него не обходится какой нибудь водевиль въ родѣ *Французскій Театръ въ Провинціи*, *Обѣдъ въ тридцать двѣ копѣйки* и подобные грубые, пошлые фарсы. Изъ всѣхъ ролей, сыгранныхъ Г. Мартыновымъ въ прошломъ году, удалась одна только, гдѣ дарованіе его развернулось на просторѣ, это роль *Буракова*, въ комедіи *17 и 50 лѣтъ*, передѣланной съ Французскаго Н. С. Ѳедоровымъ. Въ другихъ онъ былъ только смѣшонъ, а въ иныхъ жаль было смотрѣть на него, какъ на прекраснаго Арабскаго коня, запряженнаго въ тяжелую фуру. Нѣтъ, чтобы дать средство вполнѣ развиться дарованію Г. Мартынова, надобно начать съ начала, надобно дать ему великаго учителя всѣхъ великихъ комиковъ — *Моліера!*...

Г. Максимовъ — умный и старательный артистъ, имѣющій большое дарованіе для ролей молодыхъ людей, въ драмѣ, комедіи и водевилѣ. Лучшими ролями его въ минувшемъ году были роли *Славскаго* (Въ людяхъ ангелъ — не жена), *Ремона* (Клевета), *Князя Пронскаго*, (Боярское слово), *Тоби* (Квакеръ и Танцовщица), *Меркуціо* (Ромео и Юлія) и н. др.

Г. Самойловъ, занявшій послѣ покойнаго Дюра нѣкоторыя изъ ролей его, возбудилъ пріятныя надежды въ любителяхъ театра; къ сожалѣнію онъ ограничивался почти исключительно ролями, основанными на переодѣваніи, и, повидимому, въ этихъ роляхъ поставляетъ всю славу свою. Этого мало, онъ какъ будто пренебрегаетъ другими ролями до того, что нерѣдко учитъ и исполняетъ ихъ съ замѣтною небрежностію. Благонамѣренная критика не можетъ не упрекать за это молодаго артиста...

Что сказать о другихъ артистахъ Русской драматической труппы?

Изъ старыхъ артистовъ, Г. Брянскій довольствуется своею минувшею славою, и новыхъ ролей не создаетъ. Въ теченіе всего прошедшаго года онъ только одною ролью побѣдилъ холодность къ нему публики: это роль *Середы*, въ драмѣ Н. В. Кукольника, Князь Д. Д. Холмскій.

Г. Григорьевъ 1-й составляетъ grande utilité Александринскаго Театра, и, не отличаясь особеннымъ талантомъ, онъ иныя роли, особенно въ водевиляхъ, играетъ довольно успѣшно, другихъ почти никогда не портитъ. Къ этому же

разряду должно отнести и Г. Третьякова.

Г. Григорьевъ 2-й, неподражаемый въ роляхъ купцовъ съ Апраксина или Щукина Двора, въ прошедшемъ году создалъ превосходное лице *Ѳедьки Кулака* (Отецъ и Откупщикъ).

Упомянемъ еще о Г-нѣ Аѳанасьевѣ, который тоже принадлежитъ къ числу utilités, хотя могъ бы быть артистомъ болѣе, нежели посредственнымъ.

Изъ молодыхъ, недавно поступившихъ на сцену артистовъ, Г-да Смирновъ 1-й, Марковецкій и Смирновъ 2-й находятся еще подъ сомнѣніемъ: не выказавъ по сіе время дарованія рѣшительнаго, они выполняютъ однако жъ нѣкоторыя роли съ успѣхомъ, особенно Г. Марковецкій, у котораго въ роляхъ простаковъ мелькаютъ иногда наивность и ненатянутый комизмъ. Дарованія ихъ можетъ показать время, а развить — добросовѣстное ученіе, согрѣтое любовію къ искусству.

Передъ прочими артистами мы — пассъ. О нихъ сказать нечего, кромѣ того только, что почти каждый изъ нихъ считаетъ себя, если не великимъ талантомъ, то все таки талантомъ, а потому многіе позволяютъ себѣ не учить твердо ролей, выкидывать на сценѣ разные фарсы, и пр. и пр. и пр.

Обращаемся къ артисткамъ Русской драматической труппы.

Изъ нихъ первое и почетное мѣсто — нашей заслуженной, несравненной артисткѣ А. М. Каратыгиной. На Русской сценѣ нѣтъ актрисы, которая могла бы не только сравниться съ нею, но сколько нибудь къ ней приблизиться. Молодыя нынѣшнія актрисы должны считать себя счастливыми, что у нихъ передъ глазами есть образецъ высокаго искусства, который онѣ могутъ и должны изучать съ полнымъ, глубокимъ, безпредѣльнымъ уваженіемъ. Къ сожалѣнію, при нынѣшнемъ направленіи театра мало встрѣчается ролей, въ которыхъ Г-жа Каратыгина могла бы явиться въ полномъ блескѣ своего высокаго дарованія: безцѣнные водевили согнали со сцены нашей высокую комедію, и — нечего дѣлать — Г-жа Каратыгина должна была, въ нынѣшнемъ году, играть въ водевиляхъ, выпуская куплеты. И въ водевиляхъ какъ была она высока, напримѣръ, въ роли *Дюмениль* (Вотъ что значитъ влюбиться въ актрису) или *Тетушки* (Замокъ моей племянницы)! Между тѣмъ, при концѣ года, судьба умилостивилась надъ нами и надъ Г-жей Каратыгиной, пославъ на Русскую сцену Моліеровскаго Тартюфа въ прекрасномъ переводѣ; Г-жа Каратыгина, въ роли *Эльмиры*, была само совершенство! Замѣчательнѣйшія драматическія роли Г-жи Каратыгиной въ прошедшемъ году были въ Коріоланѣ (мать Коріолана) и въ Мессинской Невѣстѣ.

Здѣсь мы невольно должны сдѣлать пробѣлъ въ хроникѣ нашей: грустное чувство наполняетъ душу при воспоминаніи о милой, веселой, игривой артисткѣ, такъ преждевременно похищенной смертію. Театръ понесъ большую потерю въ лицѣ незабвенной В. Н. Асенковой: мѣсто ея осталось вакантнымъ, и Богъ знаетъ когда оно будетъ занято!

Г-жа Самойлова, изъ всѣхъ молодыхъ артистокъ Александринскаго Театра, самая любимая публикою и вполнѣ достойная этой любви. Она играетъ и въ драмахъ, и въ комедіяхъ, и въ водевиляхъ; развязная, ловкая, умная актриса, обладающая притомъ очень пріятнымъ и выработаннымъ голосомъ, она въ прошедшемъ году пріобрѣла себѣ цѣлый рядъ успѣховъ, гдѣ игрой, гдѣ пѣніемъ, а гдѣ и танцами, какъ напримѣръ въ *Комедіи съ дядюшкой* За эту артистку можно вполнѣ ручаться, что чѣмъ далѣе, тѣмъ будетъ она лучше и лучше.

Г-жа Дюръ, молодая актриса не безъ дарованія, съ любовію и усердіемъ продолжала свое, еще такъ недавно начатое поприще. Въ прошедшемъ году она ближе ознакомилась со сценой, стала свободнѣе, развязнѣе, и нѣкоторыя роли выполняла съ замѣчательнымъ успѣхомъ,

какъ то: *Фанни* (Клевета), *Славской* (Въ людяхъ ангелъ — не жена), *дочери*, (Отцовское проклятіе) и н. др.

Г-жа Сосницкая, изъ числа многихъ ролей, въ комедіяхъ и въ водевиляхъ, съ особеннымъ успѣхомъ сыграла роль *Дорины* въ Тартюфѣ: эта роль была торжествомъ ея таланта. Кромѣ того, Г-жа Сосницкая прекрасно выполнила роли *Трефкиной* (Въ людяхъ ангелъ — не жена), *вдовы 14-го класса* (Семейныя дѣла) и н. др.

Г-жа Гусева на долю свою имѣла нѣсколько прекрасныхъ ролей, которыя дали ей возможность во всемъ блескѣ выказать хотя одностороннее, но тѣмъ не менѣе замѣчательное дарованіе ея: роли пожилыхъ и старыхъ крестьянокъ, купчихъ, провинціяльныхъ барынь и чиновницъ 14-го класса, она играетъ неподражаемо, не имѣя въ этомъ амплуа соперницъ ни на одномъ театрѣ. Въ ней столько простоты, естественности, столько неподдѣльнаго комизма, что трудно представить себѣ въ этомъ родѣ что нибудь совершеннѣе. Роли Марѳы (Боярское слово), *Ильинишны* (Князь Д. Д. Холмскій), *Жены станціоннаго смотрителя* (Современное Бородолюбіе), *Соломониды*, (Костромскіе лѣса), были полнымъ торжествомъ Г-жи Гусевой.

Г-жа Валберхова — актриса весьма полезная для ролей старухъ, преимущественно въ драмахъ.

Молодыя артистки: Г-жи Гринева, Ѳедорова, Соловьева, Ширяева, Смирнова и др. скромно продолжали свое поприще, являясь въ роляхъ молодыхъ дѣвушекъ, съ бо́льшимъ или меньшимъ успѣхомъ. Г-жа Гринева, по видимому, имѣетъ больше всѣхъ дарованія; ей болѣе всего надобно заботиться о разнообразіи: она чрезвычайно монотонна, и въ игрѣ, и въ дикціи. — Г-жа Ѳедорова совершенно бываетъ на своемъ мѣстѣ, когда играетъ роли жеманныхъ молодыхъ барынь, провинціялокъ, чиновницъ, и т. п., и совершенно не на своемъ въ роляхъ, молодыхъ маркизъ, графинь и вообще знатныхъ дамъ. — Г-жа Соловьева очень мила въ небольшихъ роляхъ скромницъ, горничныхъ дѣвушекъ, и т. п. — Г-жи Ширяева, Смирнова и н. д. не лишнія на сценѣ, хотя особенныхъ дарованій и не имѣютъ.

Вообще можно замѣтить про нашихъ молодыхъ артистокъ, что хотя между ними и нѣтъ огромныхъ дарованій, которыя подавали бы надежду видѣть между ними со временемъ другую А. М. Каратыгину, за то нѣтъ ни одной, кого бы можно было поставить въ параллель съ какимъ нибудь изъ трехъ Г-дъ Толченовыхъ, Леонидовымъ, Воронымъ, Ахалинымъ Прусаковымъ, Фризановскимъ, Яблочкинымъ, и пр. и пр. и пр. ad infinitum.

Вотъ, если не всѣ, то почти всѣ дѣйствователи нашей драматической труппы. Изъ этого краткаго обзора мало можно вывести утѣшительныхъ результатовъ: благодаря дарованіямъ такихъ артистовъ и артистокъ, каковы В. А. и А. М. Каратыгинъ И. И. Сосницкій, П. А. Каратыгинъ и немногіе другіе, почтенные и заслуженные артисты, мы въ настоящее время покойны за нашу драму и за комедію: по крайней мѣрѣ, есть дарованія, на которыя можемъ мы указать, на которыхъ можемъ опереться смѣло; для первыхъ, главныхъ ролей есть артисты; но что ожидаетъ театръ нашъ въ будущемъ? Гдѣ молодыя дарованія, которыя обезпечивали бы дальнѣйшую судьбу его? Увы! одинъ Мартыновъ, на котораго публика можетъ положить свои блестящія надежды; между остальными есть дарованія, болѣе или менѣе значительныя, весьма полезныя и даже важныя для сцены; но эти дарованія, оставаясь всегда полезными для театра, не составятъ славы его, не возведутъ сценическаго искусства на высокую степень. Истина печальная, конечно, но истина!..

Въ минувшемъ году было на сценѣ

Александринскаго Театра нѣсколько дебютантокъ и дебютантовъ; большая часть изъ нихъ, послѣ перваго раза, не являлась на сценѣ вновь; мы забыли даже имена этихъ дебютантокъ и дебютантовъ, кромѣ двухъ: Г-жи *Линской* и Г-жи *Самойловой* 3-й. Г-жа Линская дебютировала нѣсколько разъ; въ ней есть дарованіе, которое, вѣроятно, разовьется при большей опытности. Г-жа Самойлова только разъ явилась передъ публикою, въ нескладной, безцвѣтной роли (въ драмѣ *Князь Серебряный*) но, не смотря на это, самымъ выгоднымъ образомъ отрекомендовала себя публикѣ. И публика остается въ полной надеждѣ, что милая дебютантка не будетъ только *дебютанткой* на нашей сценѣ.

Переходимъ къ другой сторонѣ драматическаго искусства — піесамъ, къ тому, что игралось въ прошедшемъ году. Читатели Репертуара 1841 года имѣютъ полную хронику Петербургской сценической литературы за истекшій годъ, и, стало быть, намъ не для чего входить въ подробное исчисленіе піесъ. Лучшее было помѣщено или помѣстится въ Репертуарѣ. Но что же было это лучшее и кому этимъ лучшимъ мы обязаны?

Н. А. Полевой, прежде такъ неутомимо работавшій для Русскаго театра, въ минувшемъ году не имѣлъ много досуга отъ своихъ болѣе важныхъ занятій; между тѣмъ онъ все таки подарилъ театру двѣ прекрасныя піесы — драму *Костромскіе Лѣса* и комедію *Отецъ и Откупщикъ*. Обѣ піесы имѣли огромный успѣхъ.

Н. В. Кукольникъ, также заскупившійся для сцены, въ минувшемъ году отдалъ драму *Князь Д. Д. Холмскій*. Она не имѣла большаго успѣха.

Г. Ѳ. Основьяненко передѣлалъ изъ своей повѣсти комедію *Шельменко Денщикъ*, которая, однако жъ, не понравилась публикѣ.

Сокращенный нѣсколько переводъ Шекспирова *Коріолана* доставилъ В. А. Каратыгину одну изъ самыхъ блестящихъ ролей.

Ромео и Юлія, перев. Г-мъ Катковымъ, успѣха не имѣла. Переводъ мѣстами довольно хорошъ, но вообще тяжелъ и читается съ большимъ трудомъ.

Мессинская Невѣста, трагедія Шиллера, не имѣла большаго успѣха.

П. Г. Ободовскій отдалъ на сцену двѣ піесы — *Боярское Слово*, драму, имѣвшую успѣхъ, хотя мы не отнесемъ ее къ числу лучшихъ его произведеній, и *Отецъ и Дочь*, трагедію, которою начинаемъ мы первую книжку нашего изданія.

Ѳ. В. Булгаринъ въ первый разъ выступилъ на драматическое поприще съ драмой *Шкупа Нюкарлеби*.

Е. В. Аладьинъ отдалъ на театръ небольшую драму: *Кумъ Иванъ*, которая была разыграна съ успѣхомъ.

П. А. Каратыгинъ для своего бенефиса написалъ три водевиля — одинъ переведенный съ Французскаго: *Чудакъ Покойникъ*, другой передѣланный съ Французскаго, *Приключеніе на искусственныхъ водахъ*, и третій передѣланный изъ Русской повѣсти — *Пикникъ въ Токсовѣ*. Всѣ эти водевили очень игривы, забавны и полны остроумныхъ куплетовъ; какихъ, кромѣ П. А. Каратыгина и Д. Т. Ленскаго, у насъ теперь не пишетъ никто.

Д. Т. Ленскій подарилъ публикѣ только одинъ, впрочемъ очень хорошій водевиль: *Въ людяхъ ангелъ — не жена, дома съ мужемъ — сатана*. Правда, еще играли его фарсъ *П. С. Мочаловъ*, перед. съ Французскаго, но этотъ фарсъ, имѣя мѣстный интересъ въ Москвѣ, не произвелъ эффекта въ Петербургѣ. У Г-на Ленскаго одинъ порокъ, который, къ сожалѣнію, есть не у всѣхъ водевилистовъ: тотъ, что онъ пишетъ — мало!

П. С. Ѳедоровъ перевелъ и передѣлалъ нѣсколько водевилей и комедій съ Французскаго; не всѣ они имѣли равный успѣхъ, но, не менѣе того, мы должны благодарить Г-на Ѳедорова за его дѣятельность: во множествѣ случится ему написать иногда слабый водевиль, но никогда не отдастъ онъ на сцену глупаго

или нелѣпаго водевиля. Лучшія піесы съ именемъ Г-на Ѳедорова, въ прошедшемъ году, были: *Клевета*, комедія Скриба, *17 и 50 лѣтъ*, водевиль, *Путаница*, водевиль, *Маскарадъ при Лудовикѣ XIV*, комедія.

Изъ нѣсколькихъ передѣланныхъ водевилей Г-на Григорьева 1-го, лучшіе были *Любовныя записки мужа* и *Жена, мужъ и знатный другъ*.

Въ минувшемъ году явился новый поставщикъ водевилей для бенефисовъ, Г-нъ Перепельскій; первый водевиль его: *Шила въ мѣшкѣ не утаишь*, взятый изъ повѣсти Нарѣжнаго, имѣлъ успѣхъ; другіе были весьма слабы, и, за исключеніемъ *Ѳ. А. Боба*, всѣ передѣланы съ Французскаго.

Въ концѣ года сцена наша неожиданно обогатилась весьма хорошимъ переводомъ Мольерова *Тартюфа*, который и былъ разыгранъ съ большимъ успѣхомъ. На афишѣ имени переводчика выставлено не было, но въ нѣкоторыхъ газетахъ читали мы, что этотъ переводъ сдѣланъ Н. И. Хмѣльницкимъ, который, къ сожалѣнію, такъ давно ничего не писалъ для театра.

Нельзя не принести благодарности Дирекціи Императорскихъ Театровъ за возобновленіе комедіи ветерана литературы Русской, И. А. Крылова. Его *Урокъ дочкамъ* былъ очень хорошо разыгранъ, и съ громкими рукоплесканіями принятъ публикою.

Изъ новыхъ писателей для Театра явились, съ оригинальными произведеніями, Гг. Нейманoвскій (*Секретарь*, комедія); Зубаревъ (*Современное Бородолюбіе*, комедія) и Смирновъ (*Сбритая борода*, комедія, *Сваха-спрянчій*, комедія и *Максимъ Сазонтовичъ Березовскій*, драма.) Комедія Г-на Нейманoвскаго упала; *Современное бородолюбіе*, небольшая комедія, имѣла успѣхъ посредственный. — Что касается до Г-на Смирнова, у него нельзя отнять дарованія: въ трехъ піесахъ его есть воображеніе, есть что-то похожее на идею, но дѣйствующія лица его слишкомъ говорливы, и притомъ говорятъ чуть чуть не по-книжному; піесы вообще растянуты, и потому не имѣли успѣха. Кромѣ того переводили для Театра водевили съ Французскаго Г-да Зубовъ, Бечаровъ, Фейгинъ, Филимоновъ, и пр.

Вотъ всѣ, сколько нибудь замѣчательныя піесы, явившіяся въ прошедшемъ году на сценѣ Александринскаго Театра. Все остальное — ниже посредственности.

Самое замѣчательное явленіе въ здѣшней Русской Оперѣ была *Аскольдова Могила*, А. Н. Верстовскаго. Знатоки и любители музыки отдали полную справедливость прекрасному дарованію Русскаго композитора; опера по сію пору дается весьма часто, и постоянно привлекаетъ публику. Г-нъ Леоновъ, въ роли Торопки, превзошелъ всѣ ожиданія.

Тоска по родинѣ, другая опера А. Н. Верстовскаго, неимѣвшая успѣха въ Москвѣ, не имѣла успѣха и въ Петербургѣ.

Лѣтомъ прошедшаго года поставлена была на нашей сценѣ опера Доницетти *Любовный напитокъ* (Elisir d'amore). Опера эта очень благосклонно принята была публикою, благодаря пѣнію и игрѣ Гг. Петрова, Леонова и Тоси, особенно послѣдняго, который въ роли доктора *Дулькамары* былъ очень хорошъ, какъ пѣвецъ и какъ актеръ.

Кромѣ этихъ трехъ оперъ, поставлена была на Русской сценѣ опера Мейербера — *Крестоносцы въ Египтѣ*, которая, однако жъ, новое не имѣла успѣха.

И только? вы скажете. Да, и только. Оперные пѣвцы наши имѣютъ также бенефисы, но они не отваживаются брать для бенефисовъ новыя оперы, потому что постановка требуетъ большихъ издержекъ, которыхъ бенефиціантъ выручить не можетъ. А при томъ, гдѣ взять пѣвцовъ для хорошаго исполненія передъ Петербурской публикой, музыкально-образованной, а слѣдовательно-строгой и взыскательной?

Впрочемъ, минувшій годъ, не смотря

на то, что новыхъ оперъ на нашей сценѣ явилось мало, не былъ безплоденъ для Русской оперы: онъ представилъ намъ нѣсколько молодыхъ дебютантовъ и дебютантокъ, которые, по большей части, возбуждаютъ самыя лестныя надежды въ любителяхъ Оперы.

Воспитанница Театральнаго Училища Г-жа *Семенова*, сопрано, дебютировала въ *Швейцарскомъ семействѣ*, съ удивительною увѣренностью въ игрѣ и пѣніи. Потомъ играла она *Камиллу* въ Цампѣ, являлась также въ *Робертѣ*, и наконецъ въ *Сорокѣ Воровкѣ*.

Г-жа *Шифердекеръ*, переименованная въ Лилѣеву, прелестно играла и пѣла Ритту въ Цампѣ, и потомъ явилась въ оперѣ *Тоска по родинѣ*.

Г-жа *Петрова*, молодая соименница нашей любимой и извѣстной пѣвицы, съ большимъ успѣхомъ играетъ роль *Вани*, въ оперѣ *Жизнь за Царя*, и недавно весьма понравилась въ роли Пипо, въ оперѣ *Сорока Воровка*.

Г-жа *Колковская* является въ *Аскольдовой Могилѣ* и въ *Тоскѣ по родинѣ*.

Г-жа *Степанова*, если не пѣніемъ, то миловидностію своею плѣняетъ въ *Аскольдовой Могилѣ*.

Г-жа *Иванова* являлась въ тѣхъ же піесахъ.

Кромѣ Воспитанницъ Театральнаго Училища дебютировали въ Русской Оперѣ Гг. *Куровъ* и *Захаровъ* басы, въ роли *Неизвѣстнаго*, въ Аскольдовой Могилѣ; первый не безъ успѣха. Г. *Гюрто*, съ театра de la Renaissance, дебютировалъ въ роли Бертрама. Это почти единственный примѣръ, что иностранецъ не смѣшитъ въ Русской оперѣ своимъ иностраннымъ произношеніемъ. Г. Гюрто хорошо знаетъ сцену, но голосъ его не довольно силенъ.

Въ дополненіе нашего очерка современнаго состоянія Русскихъ Театровъ въ Петербургѣ, скажемъ нѣсколько словъ и объ иностранныхъ Петербургскихъ труппахъ — *Французской* и *Нѣмецкой*, а наконецъ о *Балетной*.

Французскія представленія, на Михайловскомъ, а въ лѣтніе мѣсяцы на Каменноостровскомъ и иногда на Петергофскомъ Театрахъ, были, какъ и прежде, постояннымъ сборнымъ мѣстомъ лучшаго Петербургскаго общества; это единственная у насъ труппа, имѣющая всегда значительный абонементъ. Входя въ красивую залу Михайловскаго Театра, вы какъ будто вступаете въ какой нибудь аристократическій салонъ, въ которомъ навѣрное найдете все, что Петербургъ имѣетъ самаго блистательнаго и прекраснаго. Въ антрактахъ, бель-этажныя ложи этого театра напоминаютъ собою ложи Италіанскихъ Театровъ, и превращаются въ небольшія гостиныя, въ которыхъ дамы принимаютъ знакомыхъ имъ кавалеровъ, и это придаетъ театру какую-то жизнь, которой не имѣетъ ни Александринскій, ни Большой Театръ.

Вторникъ, Четвертокъ и Суббота назначены для Французскихъ представленій, составляемыхъ большею частію изъ водевилей, имѣвшихъ успѣхъ въ Парижѣ; впрочемъ иногда даются также комедіи и драмы, которыя вообще разыгрываются чрезвычайно отчетливо, твердо и согласно. Въ этомъ отношеніи, Французская труппа имѣетъ рѣшительный перевѣсъ предъ всѣми другими нашими труппами; часто піеса самая плохая удается, благодаря старательной игрѣ артистовъ, которые никогда не пренебрегаютъ ролями, какъ бы незначительны онѣ ни были; отсюда происходитъ то согласіе, тотъ ensemble, которые необходимы для успѣшнаго хода піесъ, и безъ которыхъ сценическое обольщеніе не существуетъ. Вотъ чему наши Русскіе драматическіе артисты, говоримъ преимущественно о *молодежи*, должны учиться у здѣшнихъ Французскихъ артистовъ. Надобно сказать также, что и артисты, составляющіе эту труппу, отличаются самобытными, первостепенными талантами; люди, видѣвшіе

недавно Парижскіе Театры, утверждаютъ что ни на одномъ изъ нихъ не собрано вмѣстѣ столько отличныхъ артистовъ, какъ въ нашей Французской труппѣ. Тамъ часто одинъ или два хорошихъ артиста составляютъ все богатство театра, въ которомъ все остальное ниже посредственности, а у насъ всѣ хороши, и только можетъ быть два или три посредственны. Въ самомъ дѣлѣ, на какомъ Парижскомъ театрѣ найдете вы соединеніе такихъ талантовъ, каковы Г-жи *Алланъ, Александръ Майеръ, Дюпонъ, и Гг. Брессанъ, Верне, Алланъ, Дюфуръ, Эрикъ-Бернаръ, Поль Мине, Додель?* Всѣ эти артисты превосходные, которые сдѣлали бы честь каждому театру. Почти каждую, или лучше сказать на каждую недѣлю, Французкіе артисты наши представляли по новой піесѣ. Изъ этихъ піесъ болѣе другихъ имѣли успѣхъ: Le Verre d'eau, le Roman intime, Un bal masqué sous Louis XIV, Le tailleur de Londres, Une nuit au Sérail, Un Monsieur et une Dame, Tiridate, Un mariage sous Louis XV, La permission de dix heures, L'héritier d'un grand nom, les deux Voleurs.

Въ продолженіе этого года Французская труппа пріобрѣла двухъ новыхъ артистокъ, Г-жъ Дюпонъ и Дегранжъ; первая дебютировала въ комедіи Скриба le Verre d'eau, въ роли Герцогини, вторая, въ водевилѣ Un pont-neuf, въ роли молодой Маркизы, были приняты какъ нельзя лучше. Сверхъ того являлась Г-жа *Валери*, въ комедіяхъ Les jeux de l'amour et du hasard и въ Ecole des Vieillards, но не принята въ театръ.

Нѣмецкая драматическая труппа, скромная и не блистательная, дѣйствуя совершенно въ другой сферѣ и имѣя свой особенный кругъ зрителей, также не оставалась въ праздности. Представленія этой труппы давались попеременно на Александринскомъ и Михайловскомъ Театрахъ, и были посѣщаемы почти исключительно только Нѣмецкимъ народонаселеніемъ Петербурга. Прибытіе талантливаго артиста Г. Кунста, пріѣхавшаго сюда дать нѣсколько *Gastrollen*, оживило Нѣмецкій Театръ. Кунстъ, человѣкъ съ рѣшительнымъ дарованіемъ, и имѣя все, что необходимо драматическому артисту — пріятную наружность, прекрасный органъ, знаніе сцены и отличную дикцію, игралъ здѣсь всѣ выбранные имъ роли съ большимъ успѣхомъ. Въ особенности былъ онъ хорошъ въ Гамлетѣ, въ Карлѣ Морѣ, въ Гуго (*die Schuld*) и въ Родригѣ (*das Leben ein Traum*). Нѣкоторые вздумали было сравнивать его съ нашимъ превосходнымъ трагикомъ, В. А. Каратыгинымъ; но мы думаемъ, что между ними нѣтъ ни какого сходства. Василій Андреевичъ артистъ геніяльный, какихъ теперь нѣтъ ни на одномъ Европейскомъ Театрѣ, тогда какъ Кунстъ только хорошій артистъ, и притомъ Нѣмецкій; а кто только немного знакомъ съ сценическимъ искусствомъ Нѣмцевъ, тотъ знаетъ, что они имѣютъ свои особенности, только имъ одномъ принадлежащія. Въ Нѣмецкомъ трагическомъ актерѣ рѣдко, почти никогда, нѣтъ натуры; Нѣмецкіе трагики вообще думаютъ, что сильная жестикуляція необходима для выраженія страстей. Этого недостатка избѣгнулъ однако же Г. Іерманъ, ангажированный недавно въ Нѣмецкую труппу. Игра этого отличнаго артиста рѣшительно анти-Нѣмецкая; онъ простъ, натуралеенъ и рѣдко прибѣгаетъ къ изысканнымъ жестамъ. Въ роли *Лира* былъ онъ превосходенъ, и мы можемъ смѣло сказать, что теперь онъ первый и лучшій у насъ Нѣмецкій артистъ. Кромѣ Іермана, Нѣмецкая труппа обогатилась пріобрѣтеніемъ милой, прекрасной артистки, *Г-жи Лилы Лёве*; занимая, которое она теперь занимаетъ, давно уже требовало молодой, талантливой артистки, въ которой Нѣмецкая сцена сильно нуждалась со времени несравненной Г-жи Бауеръ.

Нѣмецкая оперная труппа поставила въ этомъ году только двѣ оперы, *Lucia di Lamermoor* и *Lucrezia Bordgia*, Донидзетти; обѣ эти оперы имѣли успѣхъ, особенно

послѣдняя, которая можетъ быть признана рѣшительно лучшимъ созданіемъ не истощимаго Италіянскаго маэстро, которому написать оперу легче, чѣмъ другому пропѣть какой нибудь романсъ. Въ Лукреціи много истинно прекрасныхъ мѣстъ; финалъ перваго акта отличается оригинальностью самаго мотива и превосходнымъ акомпаниментомъ. Въ этой оперѣ отличается несравненный нашъ Ферзингъ, котораго свѣжій, полный, звучный басъ такъ хорошъ. Нѣмецкая опера, лишившись Брейтинга, пріобрѣли вмѣсто него тенора, Г. Бека. Г. Бекъ обладаетъ хорошимъ, пріятнымъ голосомъ; но къ сожалѣнію голосъ этотъ еще мало обработанъ, и пѣніе его не имѣетъ хорошей методы; впрочемъ, мы должны быть благодарны заботливой Дирекціи за ангажированіе этого артиста. Брейтингъ, посѣтивъ Петербургъ, явился раза два на сценѣ. Многіе сожалѣютъ, что Брейтингъ не ангажированъ на нашу оперную сцену. По нашему мнѣнію, Дирекція поступила чрезвычайно благоразумно въ этомъ случаѣ. Г. Брейтингъ иначе не хотѣлъ заключать контракта, какъ на *семь* лѣтъ, а кто поручится за голосъ въ теченіе *семи* лѣтъ? Да по совѣсти сказать, Г. Брейтингъ только и хорошъ въ роли Элеазара въ *Жидовкѣ*.

Теперь остается намъ сказать еще нѣсколько словъ о нашей великолѣпной балетной труппѣ. Никогда не была она въ такомъ блестящемъ состояніи, какъ нынѣ. Роскошь, съ какою у насъ даются балетныя представленія, превосходитъ всякое описаніе, а присутствіе неподражаемой Г-жи Таліони придаетъ имъ прелесть невыразимую; прибавьте къ этому таланты Г-жъ Смирновой, Андріяновой и Шлефохтъ Гг. Гредлю, Гольца, Іогансона и Фредерика, и вы поймете отъ чего Большой Театръ бываетъ всегда полонъ въ дни балетныхъ спектаклей. Въ этомъ году труппа эта поставила всего три новыхъ балета: *Воспитанница Амура*, *Любовное Зелье* и *Дая*, возобновила *Зефиръ и Флору*, превосходное созданіе, несравненнаго Дидло, и *Волшебную Флейту*, въ которомъ участвовали младшаго возраста воспитанницы и воспитанники Театральнаго Училища. Отличное выполненіе всѣхъ ролей въ этомъ комическомъ балетѣ, грація маленькихъ танцовщицъ и танцовщиковъ доказываютъ, какъ много заботится дирекція наша о приготовленіи талантовъ, которые со временемъ будутъ служить украшеніемъ нашей сцены.

Кромѣ всѣхъ названныхъ нами спектаклей, въ нынѣшнемъ году имѣли мы еще Италіянскую оперу, въ которой восхищались дивнымъ талантомъ великой Пасты. Восемь представленій, данныхъ, ею были истиннымъ праздникомъ для всѣхъ любителей музыки, и мы долго, долго сохранили воспоминаніе о тѣхъ высокихъ минутахъ наслажденья, которыя доставила намъ великая артистка своимъ пѣніемъ и игрою.

Говоря о Петербургскихъ Театрахъ, не льзя не сказать нѣсколько словъ и о самой публикѣ.

Мы уже замѣтили, что каждый театръ у насъ имѣетъ свою публику. Самая образованная публика, по общему мнѣнію, ѣздитъ исключительно во Французскіе спектакли, въ балеты, когда танцуетъ Таліони, и въ оперу, преимущественно Нѣмецкую, если есть что нибудь новое или достойное особеннаго вниманія. Неужели же *образованная* публика не ѣздитъ въ Русскій, т. е. въ Александринскій Театръ? Нѣтъ, мы этого не можемъ, не смѣемъ, не хотимъ думать, потому именно, что постоянно, нѣсколько лѣтъ, наблюдая и театръ и публику, убѣдились совершенно въ противномъ; правда, есть нѣкоторые исключительные посѣтители Французскаго Театра, оперы и балета, посѣтители, которыхъ вы никогда не встрѣтите въ Русскомъ Театрѣ; но эти любители театра, не Русскіе, это иностранцы высшаго круга, не знающіе Русскаго языка. Но спрашиваемъ всѣхъ и каждаго: есть ли въ Петербургѣ хотя одинъ *образованный* человѣкъ, который не видалъ бы Каратыгина въ Велиса-

ріи, въ Лудовикѣ XI, въ Гамлетѣ, и т. п.? Вѣрно нѣтъ! Да и кто наполняетъ Александринскій Театръ, когда даются эти піесы въ двадцатый и въ тридцатый разъ, когда онѣ, при самомъ началѣ, давались по нѣскольку разъ и даже десятковъ разъ сряду? Для публики *необразованной*, для той, которая не принадлежитъ къ аристократіи ума и вкуса, піесы эти не имѣютъ занимательности; онѣ скучны для нея, которой нужны грязные водевили, площадные фарсы, грубые каламбуры. Кто же съѣзжается въ Александринскій Театръ смотрѣть *серіозныя художественныя произведенія?* Высшая, образованнѣйшая публика, та самая, которая постоянно посѣщаетъ Французскій Театръ, восхищается Таліони, слушаетъ Пасту, Бишопъ, Гейнефеттеръ, Брейтинга и подобныхъ имъ. И нѣтъ ничего легче, какъ узнать присутствіе этой публики въ театрѣ: она вызываетъ рѣдко, но ужъ если вызоветъ, то вызовъ такой составляетъ именно гордость артиста; она никогда не вызываетъ *всѣхъ*, ее стучитъ палками, не топаетъ ногами, не надсаживаетъ груди, не дерется изо всей мочи горла. Еще менѣе позволитъ себѣ она вызвать артиста въ серединѣ акта, послѣ какой нибудь эффектной, удачно сыгранной сцены: она знаетъ, что во-первыхъ, артисту это непріятно, что это развлекаетъ его вниманіе, которое должно быть сосредоточено на созданіи цѣлаго характера, а во-вторыхъ, такой вызовъ ни имѣетъ ни какого смысла: кто истинно пораженъ художническою игрою артиста, тотъ наслаждается безмолвно, восхищается въ душѣ, плѣняется цѣлымъ созданіемъ, а не одной чертой, ищетъ мысли во всей роли, а не въ трескучихъ эффектахъ, въ отдѣльныхъ частяхъ. Если вы мирно наслаждаетесь піесою, не развлекаетесь громкими разговорами, ни впереди, ни позади васъ сидящихъ, если ухо ваше не страдаетъ отъ неистовыхъ воплей, хлопанья и топанья, то знайте, что въ театрѣ находится *боразованная публика*, съѣхавшаяся въ театръ съ тою мыслію, что театръ есть храмъ искусства, а не что нибудь другое. Теперь, вы хотите, чтобы въ Русскомъ Театрѣ была всякій разъ публика образованная? Вы хотите невозможнаго! Дайте этой публикѣ пищу, не грубую, не оскорбляющую вкусъ, дайте ей достойное ея вниманія, и, можете быть увѣрены, что она будетъ постоянно любить и посѣщать Русскій Театръ; а то неужели же вы хотите заставить, чтобъ она терпѣливо смотрѣла и слушала передѣлки Французскихъ водевилей и фарсовъ, которые видѣли прежде и въ лучшей формѣ, и въ лучшей игрѣ, на Французской сценѣ?

Впрочемъ, справедливость требуетъ замѣтить, что и самая обыденная публика Александринскаго Театра, т. е. та, которая идетъ въ театръ отъ скуки, отъ нечего дѣлать, идетъ во всякое время, что бъ ни давали, и равно приходитъ въ восторгъ и отъ игры Каратыгина 1-го, и отъ фарсовъ Г. Самойлова, и эта самая публика стала нынѣ тише и умѣреннѣе въ порывахъ своего восторга. Теперь въ Александринскомъ Театрѣ вывелись *клакеры* или хлопальщики, которые, бывало, вызывали всякаго для своей потѣхи; теперь рѣдко бываютъ вызовы посреди акта, и т. п. Одно пока рѣзко еще бросается въ глаза непривычному посѣтителю Александринскаго Театра: это безконечные апплодисменты бенефиціанту, при первомъ его выходѣ, кто бы этотъ бенефиціантъ ни былъ: ему не даютъ открыть рта, сказать слова, заставляютъ кланяться, и чѣмъ болѣе онъ раскланивается, тѣмъ усерднѣе ему хлопаютъ, составляя изъ этого родъ какой-то забавы. Будемъ надѣяться, что болѣе частое присутствіе въ Александринскомъ Театрѣ публики высшаго образованія, и замѣчанія умныхъ и пользующихся довѣріемъ публики журналистовъ и театральныхъ критиковъ, успѣютъ искоренить и это обыкновеніе, введя его въ болѣе ограниченные размѣры.

—

Скажемъ нѣсколько словъ о Московскомъ Театрѣ.

Въ лѣтописи Московскаго Театра 1841 годъ обозначается самымъ грустнымъ воспоминаніемъ. Въ этомъ году оставила сцену незабвенная, любимая артистка Москвы, Н. В. Рѣпина. Въ продолженіе всего своего поприща, она пользовалась истиннымъ уваженіемъ, и какъ по таланту, такъ по душѣ, по уму, по образованію достойно первенствовала на сценѣ. Сколькихъ высокихъ наслажденій лишилась Москва въ лицѣ Рѣпиной! Теперь нѣтъ, не говоримъ равной артистки, но сколько нибудь близкой къ ней. О всѣхъ новостяхъ здѣшней сцены постоянно были помѣщаемы болѣе или менѣе подробныя извѣстія почти въ каждой книжкѣ Репертуара. Намъ остается только бросить общій взглядъ на состояніе Московскаго Театра въ прошедшемъ году. Труппа драматическая, основаніе всякаго театра, краеугольный камень его, держится талантами прежнихъ артистовъ, пользующихся любовью публики. Надеждъ новыхъ рѣшительно нѣтъ. Трагедія и драма сиротствуютъ. Лучшею и незабвенною эпохою былъ для нихъ пріѣздъ В. А. Каратыгина. Съ его отъѣздомъ опустѣлъ театръ въ представленіи трагедій и драмъ. Хотя, далеко не полный, партеръ и хлопаетъ усердно Г. Мочалову, но ложи пусты. О Г-нѣ Мочаловѣ было уже столько говорено и писано, что ко всему сказанному намъ и прибавлять нечего: онъ все тотъ же, что и былъ — нерѣдко высокій, вдохновенный художникъ — на одно мгновеніе, и потомъ на цѣлый часъ, Богъ знаетъ, что такое. Слышишь глухія вскрикиванія, смѣшныя тѣлодвиженія, и часто, въ цѣлой фразѣ, не поймешь ни слова! Съ Каратыгинымъ уже и потому одному нельзя его сравнивать, что Каратыгинъ съ каждою ролею идетъ впередъ, становится выше, образуется, совершенствуется. Еще бываютъ минуты, что Мочаловъ, на мгновеніе, въ иной роли поразитъ сильнѣе, нежели въ этомъ самомъ мѣстѣ поражаетъ Каратыгинъ, то, съ другой стороны, у Мочалова нѣтъ почти ни одной роли, выдержанной ровно и до конца. Въ Гамлетѣ, правда, прорывается у него нѣсколько очень хорошихъ мѣстъ, но и то разъ на разъ не приходитъ. Г-жа Львова-Синецкая занимаетъ роли благородныхъ матерей въ трагедіи и драмѣ, и нѣкоторыя роли въ комедіи. Она, если и не обладаетъ замѣчательнымъ талантомъ, но какъ умная, опытная артистка всегда бываетъ на своемъ мѣстѣ. Г-жа Орлова, въ первыхъ роляхъ вообще, бываетъ иногда очень хороша, иногда просто хороша, а иногда и дурна. Второстепенныя лица въ трагедіи болѣе или менѣе слабы.

Комедія имѣетъ прекрасныхъ артистовъ, но, по несчастію, комедіи, говоря вообще, у насъ нѣтъ. Г. Щепкинъ, талантъ, о которомъ нечего говорить, пользуется тою же славою, тою же любовью публики, какъ и всегда; да иначе и быть не можетъ. Г. Живокини постоянный любимецъ нашъ, но, по бѣдности драматическихъ произведеній, не можетъ вполнѣ выказывать разнообразія своего веселаго таланта. Г. Самаринъ молодой, умный, образованный артистъ, съ чистою любовью къ искусству. Онъ съ успѣхомъ занимаетъ амплуа молодыхъ людей въ легкой драмѣ, комедіи и водевилѣ. Отъ него можно ожидать многаго, если только будутъ піесы, въ которыхъ онъ могъ бы образовать свое дарованіе. Г. Садовскій въ короткое время сдѣлался любимцемъ публики. Въ его комизмѣ есть веселость неподдѣльная, естественность; отъ него будетъ зависѣть сдѣлаться замѣчательнымъ артистомъ. Г. Никифоровъ въ нѣкоторыхъ роляхъ безподобенъ. Г. П. Степановъ хорошъ въ карикатурѣ, но не въ роли. Наконецъ, всѣ аксесуары комедіи весьма хороши. Изъ артистокъ, Орлова занимаетъ съ успѣхомъ роли кокетокъ, но въ мужскихъ роляхъ она просто не хороша, и должна, для чести своей и искусства, отказаться отъ нихъ. Г-жа

Сабурова 1-я прекрасна постоянно въ роляхъ комическихъ старухъ.

Г-жа Сабурова 2-я, еще очень юная артистка, подаетъ прекрасныя надежды. Она совершенствуется замѣтно. Главное достоинство игры ея — благородство, чего нѣтъ въ другихъ нашихъ актристкахъ.

Теперь объ оперѣ и балетѣ. Надо сказать правду, лучшее украшеніе Московской Оперы — оркестръ, а лучшее украшеніе оркестра — Г. Іоганисъ, молодой капельмейстеръ. Кромѣ истинной благодарности, отъ лица всей публики, ничего нельзя сказать Г. Іоганису. Такому оркестру, какъ въ Москвѣ, конечно, недостаетъ пѣвцовъ. Бантышевъ, Бантышевъ — и одинъ Бантышевъ! Что потерялъ театръ въ Лавровѣ? Но такіе пѣвцы-актеры рѣдки вездѣ! Гг. Лазаревъ, Бобовскій, Стрѣльскій, Савицкая, Каплинская, составляютъ оперу, и право, по ихъ талантамъ, она идетъ иногда довольно согласно, благодаря безспорно почтенному А. Н. Верстовскому, и, разумѣется, Іоганису. Но зная, какъ трудно имѣть хорошую оперу, любители должны довольствоваться тѣмъ, что есть, и благодарить Дирекцію, которая дѣлаетъ все, сколько позволяютъ ея средства. Въ балетѣ, Санковская 1-я и Герино доставляютъ постоянно истинное удовольствіе.

Почти весь репертуаръ Московскаго Театра, какъ и вездѣ, питаютъ бенефисы, а бенефисы составляются наскоро изъ маленькихъ драмъ и, большею частію, пустыхъ водевилей, а въ Москвѣ по преимуществу изъ водевилей Г. Соловьева, которому, какъ начинающему, должно замѣтить, что хотя водевиль и не есть вещь литературная, а легкая игрушка, но, не менѣе того, и онъ требуетъ вкуса, приличія, языка, если уже нѣтъ веселости и остроты. Піесы Н. А. Полеваго безспорно пользовались постояннымъ успѣхомъ. Его *Параша* сколько доставила наслажденія публикѣ и пользы Дирекціи! Опять нельзя не вспомнить Н. В. Рѣпиной. Дайте какую угодно піесу, но если нѣтъ для нея артистовъ — она убита, и на оборотъ: очень слабая піеса, при игрѣ, имѣетъ успѣхъ. Сначала Н. В. Рѣпина, какъ талисманъ, привлекала въ представленія Параши. Потомъ восхищалъ въ ней В. А. Каратыгинъ. Теперь, видѣвшіе недавно Парашу — увы! не узнаютъ піесы. Мочаловъ до того холоденъ, Орлова такъ натянута, что піеса, въ чтеніи возбуждающая слезы, на сценѣ не возбуждаетъ ни какихъ чувствъ. Въ Костромскихъ Лѣсахъ были прекрасны Щепкинъ, въ роли Хорунжаго, и Сабурова 1-я въ роли Руской старухи; Сусанина опять не видали. *Отецъ и Откупщикъ*, Н. А. Полеваго, имѣлъ прекрасный успѣхъ. Изъ водевилей, конечно, занимаютъ первенство милыя, благородныя піески П. С. Ѳедорова—*Путаница* и *17 и 50 лѣтъ*. Дирекціею поставлена комедія Г. Мирошевскаго: *Необыкновенный маскарадъ на Новый годъ*, черезъ чуръ плохая комедія, сдѣланная изъ прелестной повѣсти Гофмана. Въ бенефисъ Іоганиса поставлена опера *Фаворитка*, Донидзетти. По условіямъ нашей сцены, она не могла быть дана, какъ написана, и требовала измѣненій въ либрето, черезъ что интересъ сюжета, можетъ быть, и проигралъ. Нельзя однако не отдать справедливости исполненію оркестра и Бантышеву. Публика единодушно вызывала его и Іоганиса. Родная Московская *Аскольдова Могила* до нынѣ все еще наполняетъ театръ, и ее всегда принимаютъ съ восторгомъ. Прекрасно поставлены балетъ *Морской Разбойникъ* и 1-е дѣйствіе *Озера Волшебницъ*.

Французская сцена украсилась новыми пріобрѣтеніями: это таланты Г-жъ Шамбери, Жеранвиль и молодаго комика Вольне. Шамбери и Вольне съ первыхъ дебютовъ сдѣлались любимцами посѣтителей прекраснаго Малаго Театра. По необходимости Шамбери играетъ иногда въ драмахъ, но ея истинное амплуа въ комедіи и водевилѣ. Въ піесѣ *La Marquise de Pré-*

tintaille она чрезвычайно хороша. Вальторъ, режиссеръ и первый драматическій артистъ, всегда и во всемъ очень хорошъ.

Талантовъ вдругъ создавать нельзя — готовыхъ находить трудно, но много недостатковъ Русской современной сцены лежитъ на писателяхъ Если уже намъ еще долго суждено жить одними водевилями, если водевиль до того завладѣлъ сценой, что безъ него ни шагу, то будемъ желать одного, чтобы все назначаемое для театра, въ какомъ бы родѣ ни было, было благородно, умно, написано со вкусомъ и *по-Русски*.

Въ заключеніе статьи нашей не можемъ не сказать нѣсколько словъ вообще и о провинціяльныхъ Русскихъ Театрахъ.

Число ихъ ежегодно болѣе и болѣе увеличивается въ Россіи; прежде существовавшія труппы приходятъ въ порядокъ болѣе стройный; во многихъ городахъ образуются труппы новыя, переходящія съ одного мѣста на другое, съ одной ярмарки на другую; въ нѣкоторыхъ губернскихъ городахъ явились постоянные театры и особенныя, нарочно для театра устроенныя зданія: лѣтомъ прошедшаго года отстроенъ каменный театръ въ Харьковѣ; 27-го Ноября прошлаго года открытъ театръ въ Ярославлѣ, построенный С. Петербургскимъ купцомъ, М. А. Яковлевымъ *); Казань, Кіевъ, Нижній Новгородъ, Орелъ, Воронежъ и нѣкоторые другіе города, не только губернскіе, но и уѣздные, имѣли въ прошедшемъ году театральныя представленія; въ нѣкоторыхъ городахъ бывали публичные спектакли въ пользу бѣдныхъ, спектакли, въ которыхъ участвовали исключительно любители театра изъ всякаго сословія. Репертуаръ, въ свое время, сообщалъ читателямъ всѣ возможныя свѣдѣнія о провинціяльныхъ театрахъ, радуясь, съ одной стороны, распространенію любви къ Театру въ Россіи, а съ другой утѣшаясь и тою мыслію, что въ такихъ городахъ, гдѣ нѣтъ еще театра, онъ возникаетъ въ одно время съ потребностію благотворенія. Если искусство сценическое также сроднится съ Русскою жизнію, какъ сроднилось съ нею добро и благотвореніе, то гдѣ какъ не въ Россіи и ожидать успѣховъ театра? Съ величайшею благодарностію Репертуаръ и впредь приметъ на страницы свои всякое извѣстіе о ходѣ и успѣхахъ театра во всѣхъ городахъ Русскихъ; онъ твердо убѣжденъ въ томъ, что провинціяльные театры очень много будутъ содѣйствовать успѣшному ходу театра въ Россіи. При большемъ развитіи театра въ Россіи, провинціи могутъ снабжать даже Петербургъ и Москву достойными артистами, которые, при ихъ природныхъ дарованіяхъ, скоро свыкнутся съ условіями столичной сцены. Щепкины, Петровы, Садовскіе и многіе другіе служатъ тому доказательствомъ. Притомъ нельзя не порадоваться и тому еще, что нѣкоторые изъ извѣстныхъ столичныхъ артистовъ нашихъ въ лѣтнее время посѣщаютъ провинціяльные театры: Щепкинъ бываетъ въ Казани, въ Кіевѣ, въ Харьковъ, въ Одессѣ; Мочаловъ въ Харьковѣ, въ Кіевѣ и въ Нижнемъ, Г-жи Орлова и Дюръ были въ Нижнемъ, равно какъ и Г-нъ Мартыновъ, Живокини и другіе. Появленіе даровитыхъ или опытныхъ артистовъ, на отдаленныхъ провинціяльныхъ театрахъ, всегда оставитъ благотворные плоды; примѣръ ихъ будетъ для иныхъ самымъ лучшимъ и благодѣтельнымъ урокомъ, а въ другихъ возбудитъ, можетъ быть, и искру дарованія, которая безъ того таилась бы несознанная въ душѣ артиста отъ природы, а не по обстоятельствамъ.

Окончивъ этотъ краткій *обзоръ* нашъ *современнаго состоянія Русскаго Театра* желаніемъ, чтобы наступившій, 1842 годъ утвердилъ тѣ надежды, доставилъ бы столько же наслажденій, и, съ другой стороны, вознаградилъ тѣ утраты, которыя

(*) См. въ этой книжкѣ Репертуара статью подъ рубрикою *Телеграфъ*.

принесъ намъ его минувшій собратъ. Театръ есть одна изъ главнѣйшихъ пружинъ народной образованности, а образованность — источникъ народнаго счастія: кто же изъ Русскихъ не раздѣлитъ отъ души нашего пламеннаго желанія?... И такъ — да будетъ!

Репертуаръ.

IV. СМѢСЬ.

БІОГРАФІЯ ПѢВИЦЫ Г-ЖИ ДАМОРОЧИНТИ.

Разъ—это было въ 1816 году, одна молодая дѣвушка, прелестная, какъ тихое майское утро, и воспитатель ея, аббатъ Жакъ, явились къ Г-жѣ Каталани, которая, въ то время, была директрисою Италіянскаго Театра въ Парижѣ. Аббатъ долженствовалъ представить молодую дѣвушку знаменитой пѣвицѣ.

Покамѣстъ докладывали о нихъ, дѣвушка, веселая еще за нѣсколько минутъ передъ тѣмъ, вдругъ сдѣлалась грустною и задумчивою. Она ждала отвѣта молча, неподвижно, не отводя глазъ отъ одного угла пріемной. Спутникъ ея хотѣлъ было завести съ нею разговоръ, но она остановила его и, взявъ его за руку, сказала съ очаровательною улыбкою:

— О, теперь я не пойму васъ, аббатъ.... Если бъ вы знали, какъ я разстроена....

«Возможно-ли, Лаура? Неужели вы робѣете?»

— Робѣю? Нисколько; *она*, говорятъ, такъ добра.... но я не спокойна, и не могу равнодушно думать о свиданіи, отъ котораго зависитъ моя участь....

«Конечно, свиданіе это важно; однако жъ, во всякомъ случаѣ, не должно такъ смущаться, тѣмъ болѣе, что у васъ непреодолимая склонность....»

— Скажите лучше: призваніе.

«Положимъ; такъ за чѣмъ же сомнѣваться въ успѣхѣ?»

— Вы правы, аббатъ.... О, если бъ осуществились всѣ мечты мои!.... Слава! слава!.... Мнѣ надобно славы!....

Въ это мгновеніе ихъ извѣстили, что Г-жа Каталани готова принять ихъ.

Они вошли. Аббатъ представилъ смущенную Лауру.

«Вотъ,» сказалъ онъ, «дитя, которое проситъ васъ о покровительствѣ, проситъ о томъ, чтобы вы не отказались быть руководительницею его на пути, избранномъ имъ. Дитя это, моя питомица. Она — смѣю предварить васъ — не будетъ довольна обыкновенными успѣхами. Съ того времени, какъ она услышала васъ, мысль о громкой извѣстности, о славѣ не даетъ ей покоя.... Вы, сударыня, только вы однѣ можете помочь ей достигнуть этой цѣли.»

Г-жа Каталани поцѣловала Лауру, и попросила ее спѣть что нибудь. Испытаніе это увѣнчалось полнымъ успѣхомъ. Лаура пѣла съ такимъ чувствомъ, голосъ ея былъ такъ чистъ и гибокъ, что Г-жа Каталани осыпала ее похвалами, и тогда же приняла въ свою труппу.

Въ томъ же самомъ году, Лаура дебютировала въ оперѣ Cosa raga, въ которой, не задолго предъ тѣмъ, прославилась Г-жа Барильи. Дебютъ ея былъ блистательный, и публика, по обыкновенію, забыла для нея свою прежнюю любимицу, Г-жу Барильи, умершую во всемъ блескѣ таланта и молодости. Послѣ того,

Лаура явилась въ роли пажа въ Nozze di Figaro, Моцарта. Она играла въ этой оперѣ вмѣстѣ съ Г-жею Каталани, и была принята съ восхищеніемъ. Впрочемъ, она вполнѣ заслужила этотъ успѣхъ: быть можетъ, въ свѣтѣ нѣтъ артистки, къ которой бы лучше шло названіе Cherubin d'amore, которое придумала Сусанна для любимца Графини Альмавивы, какъ шло оно въ то время къ прелестной Лаурѣ. Всѣ лица, принадлежавшія къ театру, любили ее не менѣе публики. Извѣстный Бордоньи радушно училъ ее пѣть; Гарсіа, столь же искусный актеръ, какъ и пѣвецъ, былъ руководителемъ ея въ изученіи ролей. А она — она, всегда милая, всегда очаровательная, пользовалась наставленіями ихъ съ такимъ умомъ, что они вскорѣ сдѣлались лишними для нея. Успѣхи Лауры были столь быстры, что вскорѣ послѣ поступленія ея на театръ, Гарсіа не усомнился ввѣрить ей довольно важную роль въ оперѣ своей *Халифъ Багдадскій*. Она исполнила эту роль превосходно.

Мало по малу, репертуаръ Лауры увеличился. Она пѣла и съ Г-жею Ронци-Дебеньи (Ronzi Debegnis), и съ Пастою, и съ Г-жею Фодоръ-Менвіель, а потомъ, когда Г-жа Фодоръ отправилась въ Италію, она замѣстила ее въ роляхъ: *Розины* въ Севильскомъ Цирюльникѣ, *Нинеты* въ Сорокѣ воровкѣ, *Церлины* въ Донъ Жуанѣ, и вообще во всѣхъ тѣхъ роляхъ, которыя до того занимала эта знаменитая пѣвица.

Преждевременные успѣхи на сценѣ нерѣдко вредятъ развитію таланта. Они особенно пагубны для женщинъ, которыя столь охотно увлекаются внушеніями своего самолюбія и похвалами своихъ пристрастныхъ поклонниковъ. Поправившись публикѣ, артистки тотчасъ перестаютъ заниматься изученіемъ своего искусства, и вскорѣ лишаются ея благосклонности. Но Лаура не принадлежала къ числу подобныхъ женщинъ. Она не пренебрегала ни однимъ полезнымъ совѣтомъ, никогда не переставала учиться, и за то всегда была любима публикою.

«Но какъ же зовутъ эту рѣдкую пѣвицу?» наконецъ, безъ сомнѣнія, спрашиваете вы. Когда она была еще маленькою дѣвочкою, ее звали дѣвицею *Сенти* (Cinthye); на Италіянскомъ Театрѣ, она называлась Г-жею *Чинти*, а потомъ, выйдя за мужъ, она присоединила къ этому имени имя мужа, и теперь, когда она извѣстна всей образованной Европѣ, ее зовутъ Г-жею *Чинти-Даморо* . . . .

Цѣлыя десять лѣтъ находилась Г-жа Даморо на Италіянскомъ Театрѣ. Въ продолженіе этого времени, нѣсколько разъ предлагали ей дебютировать на сценѣ Королевской Академіи Музыки, но она не соглашалась. Наконецъ случай сдѣлалъ то, чего не могли сдѣлать предложенія. Г-жа Даморо согласилась сыграть роль Филлиды въ оперѣ Лебрена *Соловей*, — оперѣ, котораа дана была на этомъ театрѣ въ пользу жителей Салена (Salins), пострадавшихъ отъ пожара. Это представленіе, на которое собралось высшее Парижское общество, имѣло успѣхъ неописанный. Чтобы лучше понять эффектъ, произведенный имъ, надобно знать, что въ то время, съ самаго удаленія Г-жи Альберъ, никто (за исключеніемъ, впрочемъ, Нурри) на сценѣ Королевской Академіи Музыки не считалъ нужнымъ вокализировать. Тамъ всѣ кричали, на перерывъ одинъ передъ другимъ. Артисты прежней школы, въ числѣ которыхъ находился Деревисъ старшій, не смотря на измѣненія, происшедшія въ искусствѣ, упрямо слѣдовали той методѣ пѣнія, которую Италіянцы такъ забавно прозвали *urlo francese*. Но Г-жа Даморо доказала, что даже и на обширной сценѣ нѣтъ ни какой надобности оглушать публику для того, чтобы заслужить рукоплесканія. Примѣру, поданному ею, къ счастію послѣдовали, и представленіе *Соловья* произвело благодѣтельную реформу. Лэ (Lays), который, постаравшись, еще могъ пѣть хорошо, начиналъ по временамъ

восхищать публику звуками, нѣсколько подобными прелестнымъ звукамъ голоса нашего Ферзинга, а потомъ и всѣ прочіе перестали переходить за предѣлы умѣренности, въ отношеніи къ пѣнію. Артисты Академіи будто бы боялись испугать милую птичку, которая прилетѣла къ нимъ съ Италіянскаго Театра. Этотъ-то переворотъ произвелъ тотъ магическій эффектъ, о которомъ упомянули мы выше.... Дирекція Академіи, раздѣлявшая общій восторгъ, предложила Г-жѣ Даморо перейти на свой театръ.

Г-жа Даморо не вдругъ рѣшилась принять предложеніе дирекціи; она три мѣсяца пѣла попеременно на томъ и на другомъ театрѣ, и только одинъ неслыханный успѣхъ, который заслужила она въ роли *Амазили*, въ оперѣ Фернандо Коресъ, заставилъ ее перейти въ труппу Академіи.

Съ той поры все измѣнилось на Театрѣ Оперы. Прежняя дурная метода пѣнія исчезла и, какъ будто въ замѣнъ ея, тамъ появились произведенія многихъ другихъ знаменитыхъ композиторовъ. Это были: *Осада Коринѳа*, *Нѣмая въ Портичи*, *Моисей*, *Графъ Ори*, *Вильгельмъ Тель*, *Робертъ*, *Клятва*, и пр. Каждая изъ этихъ оперъ была новымъ торжествомъ для чуднаго таланта Г-жи Даморо.

Между тѣмъ, Г-жу Даморо ждало другое поприще: ей суждено было воскресить театръ Комической Оперы, находившійся въ самыхъ затруднительныхъ обстоятельствахъ, отъ пагубнаго для него соперничества Театра Водевилей. Г-жа Даморо замѣтила, что образцовыя произведенія, успѣху которыхъ на сценѣ Академіи она столь много содѣйствовала, уже не удовлетворяли жадному любопытству публики. Это убѣжденіе склонило знаменитую пѣвицу принять предложеніе Г. Кронье, директора Комической Оперы, который, съ давняго времени, старался привлечь ее на свой театръ. Г-жа Даморо дебютировала на сценѣ Комической Оперы въ *Актеонѣ*, Обера, который, зная всю цѣну таланта дебютантки, написалъ для нея въ послѣдствіи *Посланницу*, *Черное Домино* и *Занетту*. Аданъ ввѣрилъ ей судьбу своей *Перонской розы*, и, мало по малу, прелестный Театръ Комической Оперы, котораго была она душею, снова началъ привлекать многочисленныя толпы любителей. Но, къ несчастію, иногда разрываются самыя тѣсныя дружескія связи. Оберъ, столько обязанный Г-жѣ Даморо, вдругъ пересталъ писать для нея роли. Г-жа Даморо скорбилась этимъ, и оставила Комическую Оперу, не смотря на всѣ просьбы, на всѣ убѣжденія. На послѣднее представленіе, въ которомъ участвовала она, публика собралась въ необычайномъ множествѣ. Вотъ что было сказано о немъ въ одной Французской газетѣ:

«Г-жа Даморо вчера простилась съ нами: малиновка наша въ послѣдній разъ восхитила насъ своимъ очаровательнымъ пѣніемъ. Надобно думать, однако жъ, что желанія публики будутъ услышаны, и что мы разстаемся съ нашею пѣвицею не на всегда. Поклонники таланта Г-жи Даморо собрались вчера въ Фаварскомъ Театрѣ, чтобы еще разъ привѣтствовать тотъ неподражаемый вкусъ, ту вѣрную и прелестную методу, и наконецъ ту чистоту звуковъ, которые столь рѣдко встрѣчаются въ наше время. Въ этотъ вечеръ, съ живѣйшимъ восторгомъ соединились самыя искреннія сожалѣнія. Никогда ни одна пѣвица не передавала роли *Анжелы*, въ Черномъ Домино, столь увлекательно, столь мило, какъ передала ее, въ этотъ разъ, Г-жа Даморо. Она, какъ будто, создала ее вновь. Рукоплесканія потрясли театральную залу, цвѣты потокомъ посыпались на сцену.»

Потомъ въ газетѣ присовокупляли:

«Теперь остается намъ протестовать противъ столь преждевременнаго оставленія театра. Г-жа Даморо еще во всей зрѣлости своего таланта. Если она же-

лаетъ поберечь свои силы, отдохнуть отъ трудовъ, — о чемъ старалась она такъ усердно, — пусть же исполнятъ ея желаніе; но легко сохранить для комической оперы этотъ, столь совершенный талантъ; надобно только щадить его, считая его образцомъ изящнѣйшей граціи, гибкости, неподражаемой вѣрности сценической и крайней нѣжности. Г-жа Даморо, навѣрное, не отказалась бы разъ въ недѣлю, или, по крайней мѣрѣ, три раза въ мѣсяцъ, участвовать къ представленіяхъ Театра Фейдо, дабы примѣръ ея драгоцѣнныхъ качествъ не былъ утраченъ для дебютантокъ.»

Это новое предложеніе принято не было: Г-жа Даморо, какъ и выше замѣчено, оставила Комическую Оперу. Но, покинувъ ее, Г-жа Даморо, безъ сомнѣнія, не покинетъ искусства, не перестанетъ пѣть въ публикѣ. Она еще слишкомъ молода для этого; голосъ ея еще не лишился ни своей прелести, ни своей несравненной гибкости. И притомъ, вѣдь искусство заключается не въ одномъ только Парижѣ. Дарованіе, сдѣлавшееся извѣстнымъ всей Европѣ, можетъ ожидать блестящихъ успѣховъ въ каждой другой столицѣ. Поблагодаримъ же стеченіе обстоятельствъ, безъ котораго мы, быть можетъ, никогда не видали бы у себя этой знаменитой артистки. Поблагодаримъ ее за пріѣздъ въ Петербургъ, и если она останется у насъ только въ продолженіе одного *сезона*, докажемъ ей, что она не ошиблась, надѣясь на благосклонность Русской публики, которая умѣетъ цѣнить истинное дарованіе.

І. Гилью.

СТОЛѢТНІЙ ЮБИЛЕЙ ОПЕРЫ, ВЪ БЕРЛИНѢ.

Королевскій Берлинскій Оперный Театръ праздновалъ недавно столѣтній юбилей заложенія, въ 1741 году, перваго опернаго театра въ Берлинѣ. Стеченіе публики было чрезвычайное. Представленіе, данное по этому случаю, было названо на афишѣ *Историческою музыкальною Антологіею*, и состояло изъ отрывковъ и сценъ знаменитѣйшихъ Нѣмецкихъ оперъ, написанныхъ въ теченіе вѣка; оно раздѣлялось на двѣ части, изъ коихъ первая была посвящена композиціямъ отъ 1741 до 1790 года, а вторая композиціямъ новѣйшимъ. Два первые нумера первой части имѣли неравную судьбу: въ началѣ была исполнена увертюра оперы Il Re pastore, написанной Фридрихомъ Великимъ, въ царствованіе котораго построенъ первый Берлинскій театръ; за тѣмъ слѣдовала сцена изъ *Клеопатры и Цесаря*, опера Грауна, игранной при открытіи этого театра, въ 1742 году. Увертюру Великаго Короля приняли съ восторгомъ, и по общему требованію повторили; но сцена изъ оперы Грауна, хотя исполненная музыкальныхъ красотъ, не произвела ни какого впечатлѣнія: причиною тому были театральные костюмы той эпохи, соблюденные во всей точности. Римскіе герои появились въ красныхъ Французскихъ кафтанахъ, шитыхъ золотомъ, въ напудреныхъ парикахъ à l'oiseau royal, въ шелковыхъ чулкахъ и въ башмакахъ съ красными каблуками, и сверхъ всего этого въ древнихъ шлемахъ; Царица Египетская вышла въ парчевомъ платьѣ, съ шелковыми цвѣтами и арабесками, съ бочками въ пять футовъ ширины, прическою непомѣрной высоты, на самой вершинѣ которой гнѣздилась крошечная пастушеская шляпка, и притомъ съ скипетромъ въ рукѣ! Публика не могла удержаться отъ смѣха, и захохотала такъ громко, что заглушила и пѣніе и оркестръ; актеры и особенно актрисы совершенно потерялись, сбились, удалились за кулисы, и должно было опустить завѣсу.—Прочіе нумера первой части, хотя избранные съ знаніемъ дѣла и разсудительно между твореніями Гассе, Фукса, Рейхарда и даже Генделя и Глука, не понравились публикѣ. За то, всѣ піесы второй части, заимствованныя у Моцарта, Винтера, Бетговена, Аббата Фоглера, Вебера, Мейербера и Мендельсона-Бартольди, были осыпаны рукоплесканіями. Эта часть началась увертюрою, написанною поной-

нымъ Королемъ Фридрихомъ Вильгельмомъ III, и поразившею тѣмъ пріятнѣе, что въ музыкальномъ свѣтѣ донынѣ были извѣстны изъ композицій покойнаго Короля только нѣсколько военныхъ маршей, напечатанныхъ въ общемъ собраніи Прусскихъ маршей. Рукопись этой замѣчательной композиціи найдена въ бумагахъ покойнаго Монарха, и утверждаютъ, что она никогда еще не была исполнена, даже въ семейномъ кругу вѣнчаннаго композитора.

СТРОГОСТЬ ПУБЛИКИ ВЪ ПРОШЛОМЪ СТОЛѢТІИ.

Старинные посѣтители театровъ не могли терпѣть, когда въ какой нибудь драмѣ невинность не торжествовала надъ злою судьбою, и когда злодѣи оставались безнаказанными. Въ слѣдствіе этого общепринятаго мнѣнія, котораго очень боялись всѣ директоры театровъ, въ минувшемъ столѣтіи долгое время не рѣшались умерщвлять на сценѣ любимаго публикою Принца Гамлета; окруженный мертвецами и умирающими, онъ читалъ длинный монологъ, въ которомъ давалъ обѣщаніе царствовать кротко и милостиво, и сверхъ того воздвигнуть монументъ надъ могилою Офеліи, для успокоенія души своей.—Хуже всего поступили въ этомъ отношеніи *наши дѣды и отцы* при представленіи драмы *Агнесы Бернской*, слѣдовательно уже за 60 лѣтъ предъ симъ. Большая часть публики была ожесточена всѣми несправедливостями, заключавшимися въ этой піесѣ, и на перекоръ истинному происшествію, послужившему сюжетомъ драмы, рѣшила, что интересная Агнеса не должна погибать въ волнахъ, а *жестокій тиранъ*, весьма слабо наказанный въ піесѣ, долженъ непремѣнно подвергнуться уголовной казни. Публика забушевала, и актеръ, представлявшій тирана, не смѣлъ показываться ни въ одномъ трактирѣ, изъ опасенія получить, если не казнь, то, по-крайней мѣрѣ, побои, слѣдовавшіе, по общему приговору публики, ненавистному тирану. Нѣмецкаго актера Валлершенка, игравшаго эту роль въ Зальцбургѣ, едва не закололи, за ужиномъ въ трактирѣ, обыкновенными столовыми ножами, и его спасла только подоспѣвшая на крикъ стража. Неизвѣстно до чего бы дошло это ожесточеніе публики, если бы не явился избавитель для артистовъ, Нѣмецкій писатель Шиканедеръ, который измѣнилъ окончаніе піесы, на перекоръ историческому происшествію, и вдругъ явилась на афишѣ надпись: Сегодня, при представленіи *Агнесы Бернской*, не она, а тиранъ Вицедомъ будетъ свергнутъ съ моста въ воду.» — Публика была въ восторгѣ, и при представленіи плакала отъ всей души!

ЗАМѢЧАНІЯ НА СТАТЬЮ: Н. А. ДМИТРЕВСКІЙ ПОМѢЩЕННУЮ ВЪ ПАНТЕОНѢ РУССКАГО И ВСѢХЪ ЕВРОПЕЙСКИХЪ ТЕАТРОВЪ.

Эта Біографія Дмитревскаго или, справедливѣе, повѣсть, написана Г-мъ Кони. Не входя въ разбирательство ея литературнаго достоинства, я замѣчу только, что она наполнена множествомъ ошибокъ и промаховъ, доказывающихъ только смѣлость Г-на сочинителя статьи, который берется писать о томъ, чего не знаетъ. Мы, коренные жители Ярославля, знакомые съ мѣстностію города и обычаями его жителей, только посмѣялись надъ вздоромъ, который разсказываетъ Г-нъ сочинитель, но другіе могутъ ему повѣрить и — обмануться, а потому я покорнѣйше прошу Редакцію *Репертуара*, берущаго въ будущемъ году и *Пантеонъ* подъ свою опеку — къ общему удовольствію любителей Театра, напечать мои замѣчанія.

а) Въ Біографіи сказано, что» *первоначальное открытіе Русскаго Театра было въ Праздникъ Св. Апостоловъ Петра и Павла, въ кожевенномъ амбарѣ купца Полушкина, когда онъ праздновалъ свое рожденіе.*» — Неужели Г. Кони не знаетъ, что Русскіе купцы вообще, и Ярославскіе въ особенности, день сво-

его рожденія не празднуютъ даже и теперь, а въ 1750 году и подавно не праздновали, а празднуютъ они день имянинъ — это другое дѣло, празднуютъ, начиная отъ бѣдняка до богача, всегда по силѣ и возможности каждаго? Такъ было и у Полушкина: онъ исправлялъ день своихъ *имянинъ*, а не *рожденія*. О томъ я слышалъ отъ старожиловъ Ярославскихъ; то же самое писалъ П. Н. Сумароковъ, вѣроятно, слышавшій объ этомъ событіи отъ самихъ Волкова и Дмитревскаго, но котораго числа и мѣсяца былъ этотъ праздникъ, не извѣстно.

б) «*Весь переулокъ, обхваченный заборомъ селитряныхъ, сѣрныхъ и кожевенныхъ заводовъ купца Полушкина, былъ унизанъ (?) любопытными*. Здѣсь Г. сочинитель всѣ заведенія Полушкина смѣшалъ въ одно мѣсто, между тѣмъ какъ на самомъ дѣлѣ они находились въ разныхъ мѣстахъ, а именно: домъ и при ономъ кожевенный заводъ находились внутри такъ называемаго Землянаго Города, въ приходѣ Николо-Надейнской Церкви. Каменный домъ, въ которомъ жилъ Полушкинъ, существуетъ понынѣ на *Пробойной Улицѣ*, возлѣ губернскихъ присутственныхъ мѣстъ, и принадлежитъ Г. Холмогорову; онъ теперь внутри и снаружи перестроенъ, но стѣны и подвалы тѣже. Нынѣшній лицевой фасадъ, при Полушкинѣ былъ обращенъ на дворъ, а дворовый на улицу, ибо тогда Пробойной Улицы не было, а находилась другая, *Ильинская*, по ту сторону дома (нынѣ застроенная присутственными мѣстами). Слѣдовательно, часть нынѣшней Пробойной Улицы и противолежащее мѣсто, нынѣ принадлежащее Г. Шишкину и мѣщанину Узденикову, вплоть до Николо-Надейнской Церкви, составляло собственность Полушкина. На этомъ-то мѣстѣ находился кожевенный заводъ, знаменитый по рожденію въ немъ Русскаго Театра. До 1831 года, на землѣ, принадлежащей теперь Г. Шишкину, существовало большое, продолговатое со сводами каменное зданіе, судя по архитектурѣ, построенное около 1700 года. Это былъ тотъ самый амбаръ, гдѣ въ первый разъ устроенъ былъ храмъ Мельпоменѣ и Таліи. Въ послѣдствіи времени, заводъ уничтоженъ, земля Полушкина, при новой планировкѣ города (по Высочайше утвержденному плану 1778 года), раздѣлена улицей на двѣ части, и поступила къ разнымъ владѣльцамъ, каменный же амбаръ долго служилъ складочнымъ мѣстомъ для хлѣбнаго вина, и наконецъ, для распространенія двора, предшественникомъ Г. Шишкина, Г-мъ Пономаревымъ сломанъ. Вотъ настоящее и подлинное мѣсто рожденія Русскаго Театра. Селитряный и сѣрно-купоросный заводы находились за городомъ, на берегу рѣки Волги, верстахъ въ трехъ или четырехъ отъ дома Полушкина; нынѣ это мѣсто принадлежитъ Г. Мойкову; прежніе селитряный и сѣрно-купоросный заводы замѣнены теперь водочнымъ и пивовареннымъ. Напротивъ завода, за оврагомъ, существуетъ чистая древняя сосновая роща, принадлежавшая прежде тоже Полушкину; она донынѣ сохраняетъ названіе *Полушкиной*, и служитъ, въ лѣтнее время, мѣстомъ пріятной прогулки для жителей Ярославля, куда они пріѣзжаютъ цѣлыми семействами, съ самоварами, чаемъ, закусками и проч., повеселиться и подышать чистымъ воздухомъ, на берегу величественной Волги.

в) Что касается до утвержденія Г-мъ сочинителемъ статьи, будто бы Полушкинъ угощалъ гостей своихъ «*Кизляркой и домашнимъ пивомъ*». Это утвержденіе доказываетъ, что Г. сочинитель не только плохо знаетъ тогдашній бытъ Русскій, но вообще весьма не далекъ въ самыхъ простыхъ историческихъ свѣдѣніяхъ: довольно сказать одно, что городъ Кизляръ, откуда привозится Кизлярская водка, только не задолго до того времени основанъ, слѣдовательно и не могъ снабжать Россію своей водкой; притомъ же, Кизлярскую водку пьютъ только съ чаемъ, а

о чаѣ въ то время и помину не было! Вмѣсто всего этого, у Русскихъ купцовъ были въ большомъ употребленіи разноягодныя домашнія наливки, разнородныя варенья и мореные пива и меды, а какъ Полушкинъ былъ богатый и извѣстный, не только въ Ярославлѣ, но и въ Петербургѣ купецъ, и притомъ Русскій хлѣбосолъ, слѣдовательно, у него недостатка не было не только въ отличныхъ наливкахъ, крѣпкихъ пивахъ и сладкихъ медахъ, но и въ заморскихъ винахъ.

г) «*Полушкинъ, въ смазныхъ Нѣмецкихъ сапогахъ, поглаживая рыжую бородку, стоялъ у входа и низко кланялся.*» — И нынѣ брадатые наши купцы привержены болѣе къ козловымъ, нежели къ смазнымъ сапогамъ; а въ то время смазныхъ сапоговъ и вовсе не носили, слѣдовательно, Полушкинъ былъ въ козловыхъ сапогахъ, и гладилъ не *бородку*, а *окладистую бороду*, ибо бородки носятъ только нынѣшніе Французско-Русскіе щеголи, а мы, Русскіе купцы, носили *бороды*.

д) «*Безпрестанно изъ маленькихъ дверей, гдѣ жилъ главный прикащикъ завода Ѳ. Г. Волковъ, съ братьями, прибѣгали въ сарай люди*». — Не знаю, съ чего вздумалось Г. Кони наименовать Ѳедора Григорьевича Волкова съ братьями *прикащиками Полушкина*, когда они были его *пасынки* или *почти усыновленныя дѣти*, ибо старикъ Полушкинъ женатъ былъ на вдовѣ, Костромской купчихѣ Волковой, у которой отъ перваго мужа были три сына, Ѳедоръ, Григорій и Гаврило; старшій завѣдывалъ всѣми делами своего отчима, бывалъ каждогодно въ Петербургѣ для продажи и покупки товаровъ, и тамъ-то, при видѣ Италіянскаго, Нѣмецкаго и Французскаго театровъ, родилась въ немъ мысль основать въ Ярославлѣ Русскій Театръ, что и исполнилъ онъ, не смотря на предразсудки многихъ изъ своихъ согражданъ, называвшихъ заведеніе театра дѣломъ еретическимъ, безполезнымъ и проч. Впрочемъ Волковъ былъ истинный Христіанинъ и примѣрный сынъ Церкви; онъ дѣлалъ отъ своего усердія многіе вклады въ свою приходскую Николо-Надейнскую церковь, которые и теперь можно видѣть въ разныхъ вещахъ. Особенно заслуживаетъ вниманія по красотѣ, тщательной отдѣлкѣ и позолотѣ иконостасъ въ холодной церкви, по его рисунку и его стараніемъ устроенный, нѣсколько похожій на Петро-Павловскій, что въ С. Петербургской Крѣпости, который, должно полагать, и взятъ въ образецъ, но въ меньшемъ размерѣ и со многими измѣненіями. Этотъ иконостасъ вполнѣ доказываетъ изящный вкусъ Волкова.

Въ заключеніе скажу, что И. А. Дмитревскій родился въ Ярославлѣ, 28-го Февраля 1734 года, слѣдовательно онъ умеръ 87-ми лѣтъ 8-ми мѣсяцовъ, а не 93-хъ, какъ сказано въ біографической повѣсти.

С. С.
Ярославскій купецъ.

НЕКРОЛОГІЯ.

Недавно скончался въ Парижѣ извѣстный драматическій писатель, Г. Теолонъ, долгое время съ любовью и усердіемъ трудившійся для Французской сцены. Жюль-Жаненъ, театральный критикъ *Журнала Преній* (Journal des Débats), слѣдующимъ образомъ говоритъ о кончинѣ этого писателя:

«Г. Теолонъ скончался на прошедшей недѣлѣ, вдругъ, сочинивъ и пропѣвъ послѣдній куплетъ свой. Онъ былъ человѣкъ ума необыкновеннаго, тонкаго, развязнаго, изящнаго, дѣятельнаго, творческаго. Никого изъ самыхъ искусныхъ театральныхъ *забавниковъ* (amuseurs) нашего времени нельзя сравнить съ Г. Теолономъ. Онъ родился изобрѣтателемъ, и обладалъ многими свойствами писателя комическаго: наблюдательностью, насмѣшкою, веселіемъ, непринужденностію. Подобно стариннымъ драматическимъ писателямъ, онъ жилъ со дня на день, и конечно, употребилъ болѣе усилій, чтобъ умереть въ бѣдности, нежели

бы стоило ему постараться, чтобъ скончаться въ замкѣ, который бы принадлежалъ ему.

«Часто говорятъ о Лопе-де-Вегѣ, Кальдеронѣ и ихъ удивительной плодовитости; но что она такое въ сравненіи съ плодовитостью Теолона (*)? До чего онъ ни прикасался, все превращалось въ водевиль или комедію. Въ одинъ мигъ назначалъ онъ всѣхъ дѣйствующихъ лицъ, всегда послушныхъ голосу своего повелителя. Разговорный языкъ его былъ простъ, естественъ и легокъ; онъ постыдился бы заимствовать острыя слова изъ книгъ, или списывать готовыя сцены изъ забытыхъ комедій. Веселіе его было не шумное, и не принуждало васъ смѣяться во что бы ни стало; онъ былъ недальновиденъ, но за то смотрѣлъ на вещи съ должной точки. — Таковъ былъ этотъ человѣкъ, многочисленные успѣхи котораго увлечены временемъ гораздо скорѣе, нежели можно было предполагать. Онъ, однако же, не дорожилъ своими произведеніями, и даже часто забывалъ названія самыхъ лучшихъ піесъ своихъ. Однажды, я самъ видѣлъ Теолона, хохотавшаго отъ всей души и рукоплескавшаго при представленіи комедіи, сочиненной имъ задолго предъ тѣмъ. Онъ совсѣмъ забылъ, что самъ былъ ея авторомъ.

«Вокругъ Теолона, въ продолженіе его жизни, появлялось множество громкихъ именъ и репутацій. Многіе пріобрѣтали успѣхи блистательнѣе, но не многочисленнѣе его. Изъ области, принадлежавшей ему по всѣмъ правамъ, начиная отъ Французской Комедіи до Комической Оперы, отъ Большой Оперы до Водевиля, отъ Театра des Variétés до Gymnase, онъ былъ изгнанъ мало по малу, и замѣщенъ другими, но не замѣненъ ими. Онъ, однако же, никогда не замѣчалъ этой несправедливости. Нисколько не защищаясь, онъ уступалъ мѣсто свое первому, изъявлявшему на то желаніе. Рождалась ли въ немъ новая идея — драгоцѣнная рѣдкость въ нашемъ вѣкѣ, — онъ не скрывалъ ее ни отъ кого, и ею обыкновенно пользовались другіе. Окончивъ прекрасную сцену, онъ ее разсказывалъ встрѣчному - поперечному. Какъ часто отдавалъ онъ, за безцѣнокъ — за женскій эшарпъ, за золотую пряжку, за розовую шляпку — половину водевиля, за который могъ бы пріобрѣсть нѣсколько десятинъ земли! — Изъ всѣхъ людей, продающихъ умъ свой первому покупщику, изъ всѣхъ изобрѣтателей, не сохраняющихъ ничего для самихъ себя; изъ всѣхъ счастливыхъ поэтическихъ *бродягъ*, довольныхъ малымъ, имени которыхъ не знаетъ ни одинъ банкиръ, ни одинъ нотаріусъ или маклеръ, словомъ, изъ всей беззаботной литературы, живущей и мыслящей на удачу, и изгладившей изъ своего словаря безпокойное слово: *завтра*, Теолонъ былъ послѣднимъ. За то, какъ онъ улыбался, когда ему показывали карету А*, его товарища, домъ Б*, другаго товарища его, помѣстье В*, также товарища его, академическія кресла Д*, товарища же его, Что! фермы, домы, мызы, Академія! восклицалъ Теолонъ. О Панаръ, о Пиронъ, и ты, Лесажъ, нашъ общій наставникъ, гдѣ вы, и что скажете вы о томъ?

«И такъ, во Вторникъ, несчастнаго Теолона отвезли въ послѣднее жилище, а на слѣдующій за тѣмъ день возвѣщали на Театрѣ Водевиля послѣднюю піесу Теолона. Какое малое разстояніе между прощальнымъ куплетомъ и литіей de profundis! Что дѣлать: театръ подобенъ смерти—его не остановитъ ничто. Подавайте намъ ежедневно и смѣхъ и горе. Ты умеръ, хорошо: тебя похоронятъ поутру, по вечеромъ, по обязанности, ты долженъ насъ смѣшить. Поутру мы приготовимъ для

(*) Замѣчательнѣйшія изъ его піесъ суть: La Clochette, les Rosières, le Chaperon Rouge, le Roi et le Laboureur, Jeanne d'Arc, Partie et Revanche (Усы), Partie carrée, les Maris ont tort, la Mère au bal et la fille à la maison, la Suite du Folliculaire, M. Jovial, ou l'huissier chansonnier (Стряпчій подъ столомъ), le Barbier Chatelain, Jovial en prison, le Bénéficiaire, le Centenaire, Kean, le Perè de la Débutante (Левъ Гурычъ Синичкинъ) и пр. и пр.

твоего гроба яму аршина въ три, и засыпемъ тебя землею, а вечеромъ, для твоего ума, нарядимся, будемъ хлопать и улыбаться. И такъ, любезнѣйшій другъ, завѣсь чело свое крепомъ чернымъ, а тѣло крепомъ розовымъ.

«Послѣдняя піеса Теолона называется: l'Ingénue de Paris, т. е. *Парижская невинная дѣвочка*. Эрнестина, при всей своей невинности, влюбляется въ Алберта, не отвергаетъ любви Г. Ришара, успокоиваетъ припадки ревности степеннаго Жермини, и утѣшаетъ молодую тетушку свою Дельфину... Однимъ словомъ, она настоящая Парижская невинная дѣвочка! — Слѣдя за драматическимъ ходомъ піесы, слушая радостный хохотъ, остроумныя шуточки, сладкія любовныя рѣчи, намъ не вѣрились, что видимъ предмогильную шутку, что за этою театральною маскою скрывается мертвая голова, и что только наканунѣ того дня преданы землѣ послѣдніе останки нашего автора. Дождь лилъ ливмя, вѣтеръ дулъ пронзительно; послѣдніе листья плачущей ивы жалостно носились надъ могилами. Бѣдный трупъ нашего автора замерзалъ въ саванѣ; рука его, не мало написавшая на своемъ вѣку костенѣла навсегда; уста его, издававшія столько радостныхъ пѣсенъ, уже леденѣли — точащій червь проникалъ въ сердце, не разъ ощущавшее пламенную любовь. А между тѣмъ, всѣхъ насъ еще смѣшила его радость, его умъ, его доброе и веселое расположеніе, вновь распустившееся на самомъ краю могилы. Какія противоположности бываютъ въ нашей жизни, и какъ былъ бы радъ самъ Теолонъ, если бъ могъ быть свидѣтелемъ этого контраста!»

— Сверхъ того умерла въ Парижѣ недавно Г-жа Жеводанъ, извѣстная въ драматическомъ свѣтѣ подъ именемъ Г-жи Девіень. Она родилась въ Ліонѣ въ 1765 г., дебютировала 7-го Апрѣля 1785 въ Парижѣ, въ роли Дорины, въ *Тартюфѣ*, и была принята на театръ въ томъ же году. Въ 1793 г. она была заключена въ темницу, наравнѣ съ прочими артистами и артистками, и потомъ, въ 1794 г., поступила въ труппу, изъ которой со временемъ образовался Французскій Театръ. Г-жа Девіень особенно отличалась въ роляхъ субретокъ, и сошла съ театра въ 1815 г.

— Германская сцена понесла недавно тяжкую потерю: 28-го Ноября скончался, послѣ продолжительной болѣзни, Дрезденскій актеръ Паули. Онъ пріобрѣлъ извѣстность на всѣхъ Нѣмецкихъ театрахъ, мастерскою игрою въ характерныхъ роляхъ, и отличался и въ драмѣ и въ высокой комедіи.

V. ДРАМАТИЧЕСКІЙ ТЕЛЕГРАФЪ.

РАЗНЫЯ ИЗВѢСТІЯ, ТОЛКИ И СЛУХИ.

Театральный Телеграфъ начнетъ вполнѣ дѣйствовать въ *Репертуарѣ* и *Пантеонѣ* только съ 1-го Января 1842 года, сообщая, *дважды* въ мѣсяцъ, всѣ извѣстія, вѣсти и слухи объ Европейскихъ Театрахъ и артистахъ. Въ нынѣшней книжкѣ *Репертуара* и *Пантеона* представляется только *перечень* любопытнѣйшихъ театральныхъ извѣстій конца 1841 годъ, не взирая на то, было ли упомянуто о томъ въ другихъ Русскихъ журналахъ. Съ 1-го Января 1842 года, каждая почта будетъ приносить новѣйшія извѣстія изъ-за границы, а корреспонденты *Репертуара* и *Пантеона*, въ Москвѣ и другихъ Русскихъ городахъ, гдѣ находятся театры, станутъ сообщать отечественныя новости.

— Намъ чрезвычайно пріятно украсить первую книжку нашего изданія новымъ доказательствомъ высокаго вниманія и милости, которыхъ удостоился лучшій артистъ нашъ, В. А. Каратыгинъ, по ходатайству попечительнаго Театральнаго начальства,—вниманія и милости, не менѣе лестныхъ заслужившему ихъ артисту, какъ и лицамъ, предстательствовавшимъ за него при Августѣйшемъ Покровителѣ изящныхъ искусствъ въ нашемъ отечествѣ. Россійскій Придворный Актеръ, Г. Каратыгинъ 1-й, получилъ отъ Его Превосходительства, Г. Директора Императорскихъ С. Петербургскихъ Театровъ, А. М Гедеонова, бумагу слѣдующаго содержанія:

«Согласно всеподданнѣйшему представленію моему о примѣрномъ усердіи и отличномъ талантѣ вашемъ, Государь Императоръ Высочайше повелѣть соизволилъ: по окончаніи вашей выслуги, въ благодарность за пожалованный пенсіонъ, то есть: съ 19-го Мая будущаго 1842 года, сверхъ прежде получаемаго вами отъ Дирекціи жалованья, производить вамъ, не въ примѣръ другимъ, еще изъ Кабинета Его Величества, по тысячѣ шести сотъ пятидесяти семи рубл. ежегодно, во уваженіе отличнаго таланта и усердія вашего.

«Поздравляя васъ съ симъ знакомъ Монаршаго благоволенія, я прошу васъ быть увѣреннымъ, что Высочайшее вниманіе, по ходатайству моему, истинно осчастливило меня, доставивъ мнѣ случай отдать дань справедливости первому отечественному таланту, и доказать вамъ мое совершенное уваженіе.»

— Можемъ порадовать любителей драматургіи надеждою на много новаго и важнаго по части драматической литературы. Два даровитые и дѣятельные драматическіе писатели написали или оканчиваютъ столько прекрасныхъ вещей, что самая взыскательная сцена могла бы довольствоваться ими въ теченіе года. Н. А. Полевой совершенно кончилъ превосходную драму свою: *Елена Глинская*, которая еще въ нынѣшнюю зиму, и даже очень скоро, будетъ играна на здѣшнемъ театрѣ; она будетъ напечатана во *второй* книжкѣ Репертуара и Пантеона. Кромѣ того, у Н. А. Полеваго кончены и ждутъ только окончательной отдѣлки: 1) *Мать Испанка*, драма въ трехъ дѣйствіяхъ, въ прозѣ. 2) *Государственная тайна*, комедія въ одномъ дѣйствіи, въ прозѣ. 3) *Неразлучные*, водевиль въ одномъ дѣйствіи. 4) *Пажъ-Невѣста*, водевиль-шутка въ одномъ дѣйствіи. 5) *Вампировъ*, комедія изъ современныхъ нравовъ, въ пяти дѣйствіяхъ, въ прозѣ. Въ

работѣ: 6) *Сарданапалъ*, трагедія въ пяти дѣйствіяхъ, въ стихахъ. 7) *Сакунтала*, Индѣйская драма въ пяти дѣйствіяхъ, въ прозѣ. 8) *Массинисса*, трагедія въ пяти дѣйствіяхъ, въ стихахъ. 9) Переводъ Шекспирова *Тимона*. 10) *Ломоносовъ*, трилогія въ прозѣ: *Рыбакъ, студентъ и профессоръ*.—П. Г. Ободовскій, который оказалъ незабвенныя услуги Русской Драматургіи въ частности и Русской Словесности вообще, перенося изъ малоизвѣстной Нѣмецкой и почти вовсе неизвѣстныхъ Италіянской и Испанской Словесностей лучшія сокровища на Русскую почву удачными переводами и передѣлками, въ которыхъ блеститъ самородный талантъ искуснаго передѣлывателя, П. Г. Ободовскій столько же восхищаетъ насъ своимъ дарованіемъ, сколько удивляетъ дѣятельностію. Онъ окончилъ новый переводъ: 1) *Донъ Карлоса*, трагедіи Шиллера, исправивъ и передѣлавъ многое противъ прежняго перевода. 2) Перевелъ трагедію Шиллера, въ стихахъ: *Димитрій Самозванецъ*, конченную послѣ смерти Шиллера Барономъ Мальтицемъ. 3) Передѣлалъ, въ стихахъ, драму соч. Гальма (автора Гризельды) *Адептъ*, давъ ей болѣе понятное заглавіе: *Талисманъ искуситель*. Оканчиваются и отдѣлываются у П. Г. Ободовскаго: 4) *Игра счастья*, драма переведенная съ Англійскаго на Нѣмецкій языкъ Тепферомъ; 5) Оригинальная драма, въ пяти дѣйствіяхъ, въ стихахъ: *Князья Шуйскіе*, съ прологомъ: *Сдача Кексгольма*; 6) *Жена Воеводы Морозова*, или *Русская хлѣбъ-соль*, оригинальная драма, въ прозѣ, въ двухъ дѣйствіяхъ. 7) *Ѳедотъ, да не тотъ, или Не хочу быть купчихой*, комедія въ прозѣ, подражаніе Испанской комедіи: No mas mastrador (т. е. не хочу вывѣски), соч. Дона Маріано Хозе де Лара. Комедія эта имѣла колоссальный успѣхъ на Мадритскомъ Театрѣ де ла Крусе. Почтенные авторы всѣхъ поименованныхъ здѣсь сочиненій, изъ особенной благосклонности своей къ *новой* редакціи *Репертуара и Пантеона*, предоставили всѣ свои творенія въ полное распоряженіе редакціи, и эти превосходныя піесы будутъ напечатаны въ этомъ изданіи, для славы Русской Драматургіи и для наслажденія ея любителей.

— Кромѣ того, лучшіе наши водевилисты: Д. Т. Ленскій, Н. А. Коровкинъ, П. А. Каратыгинъ, П. С. Ѳедоровъ и П. И. Григорьевъ, предоставили на выборъ редакціи труды свои, желая, изъ любви къ искусству, содѣйствовать успѣху *Репертуара и Пантеона*, послѣ ихъ *перерожденія* съ текущаго 1842 года, подъ благоустроенною редакціею, состоящею изъ литераторовъ, уже извѣстныхъ публикѣ и заслужившихъ ея благосклонное вниманіе.

— На этомъ же основаніи многіе недраматическіе писатели изъявили готовность свою содѣйствовать также успѣху *перерожденнаго* изданія. Н. И. Гречъ, между прочимъ, пишетъ для *Репертуара и Пантеона: Взглядъ на современное состояніе театровъ въ Италіи*. П. А. Корсаковъ, возвратившійся нынѣшнею осенью изъ чужихъ краевъ, обѣщалъ сообщить: *Русскій взглядъ на театры въ Парижѣ и Лондонѣ*. П. А. Корсаковъ долгое время служилъ при Дирекціи Театровъ, много переводилъ для сцены, и знаетъ хорошо это дѣло. Ѳ. В. Булгаринъ сообщилъ въ редакцію нѣсколько *юмористическихъ статей, въ своемъ родѣ*. Одна изъ этихъ статей помѣщена въ этой книжкѣ, другія будутъ напечатаны въ послѣдствіи. Н. А. Полевой также обѣщалъ театральную повѣсть для Репертуара. Многіе другіе литераторы также обѣщали украсить это изданіе своими трудами, но мы не можемъ назвать ихъ, потому что еще не знаемъ заглавія статей.

Вообще всѣ благомыслящіе литераторы, истинные любители Русскаго Слова и Драматургіи, приняли искреннее участіе въ *Репертуарѣ и Пантеонѣ*, и редакція имѣетъ полное право надѣяться, что это изданіе будетъ соотвѣтствовать своей цѣли и нынѣшнему состоянію Европейской Литературы. Литературная фирма редакціи: *новость, точность, выборъ и разнообразіе*.

— Намъ сообщаютъ изъ Ярославля извѣстія о вновь открытомъ тамъ, 27-го Ноября, Театрѣ, построенномъ С. Петерскимъ купцемъ Михайломъ Яковлевичемъ Алексѣевымъ,— безъ всякихъ корыстныхъ видовъ, изъ чистой любви къ искусству. Постройка театра начата въ 1841 году, и весь онъ поспѣлъ въ шесть мѣсяцевъ. Зала вмѣщаетъ въ себѣ 74 кресла, до 80-ти мѣстъ за креслами, два яруса ложъ, устроенныхъ безъ колоннъ, и надъ ними галерею и парадисъ. Полный сборъ простирается до 1000 р. асс. Для открытія театра, Г. Алексѣевъ со всею труппою своею, состоящею человѣкъ изъ двадцати, на сценѣ пропѣлъ народный гимнъ, и за тѣмъ начался спектакль. Давали водевиль: *Левъ Гурычъ Синичкинъ*. На слѣдующій день представлена драма: *Иголкинъ* и водевиль *Домъ на Петербургской Сторонѣ* и *Представленіе Французскаго водевиля въ Русской провинціи*. 30-го числа давали драму: *Стенька Разинъ*. Въ труппѣ Г. Алексѣева хвалятъ комика Громова, артиста Орлова, трагика Полякова и актрису Соловьеву. На Ярославскомъ Театрѣ есть и танцовщица, съ Московскаго Театра, Г-жа Кузнецова, танцовавшая въ одномъ изъ спектаклей *качучу*. Но, всего достойнѣе удивленія, что труппа Г-на Алексѣева ставитъ оперы: къ Декабрю она приготавливала *Цампу*, и, мало того, намѣрена приступить къ постановкѣ *Роберта*.

— Французскій Театръ въ Парижѣ, на которомъ все еще не рѣшена борьба между актрисами Рашель и Максимъ, давалъ въ послѣднее время Митридата, Марію Стюартъ и Ифигенію, въ которыхъ обѣ эти артистки играютъ вмѣстѣ. Въ Маріи Стюартъ Рашель выше своей соперницы, но въ Расиновыхъ піесахъ онѣ почти равны. На этомъ же театрѣ дебютировалъ недавно молодой трагическій артистъ, Г. Дарисъ, рѣдкость въ наше время, когда всѣ молодые артисты предпочитаютъ эффектную неистовую драму обдуманной и трудной трагедіи. Г. Дарисъ еще не совсѣмъ увѣренъ на сценѣ, но все таки составляетъ пріятное появленіе для театра, гдѣ съ юными трагическими артистками, каковы Рашель и Максимъ, играютъ одни старички старинной школы. — Сверхъ того дебютировала на томъ же театрѣ Г-жа Бурбье, бывшая долгое время на нашемъ Петербургскомъ Французскомъ Театрѣ. Она явилась въ роли Тисбы, въ *Венеціянской Актрисѣ*, и вообще понравилась Парижской публикѣ.

— Весьма замѣчательна новая комедія Скриба, Une Chaine, имѣвшая огромный успѣхъ на Французскомъ Театрѣ, въ Парижѣ.

— На томъ же театрѣ рѣшился недавно старинный споръ, продолжавшійся лѣтъ двадцать—о достоинствѣ трагедіи *Арбогастъ*, соч. Академика и Члена Палаты Перовъ, Г. Віене. Трагедія эта упала при первомъ представленіи, вопреки ожиданіямъ и надеждамъ автора ея, имѣвшаго какую-то непреодолимую слабость къ послѣднему изъ драматическихъ произведеній своихъ. Болѣе двадцати лѣтъ носились въ публикѣ слухи объ этой трагедіи, сочиненной еще въ то время, когда были въ модѣ трагедіи Люсъ де Лансеваля, Легуве, Бауръ-Лорміана, Ренуара, Жуи и Лебрена, и паденіе *Арбогаста* произвело столь сильное впечатлѣніе на автора ея, что онъ занемогъ, и немедленно взялъ свою піесу обратно, хотя, по законамъ театра, имѣлъ право требовать трехъ представленій ея. По этому, въ Парижскихъ журналахъ напечатали, что трагедія Г-на Віене была представлена *лишній разъ*. Г. Віене не ограничился этимъ. Оправившись отъ сильнаго и неожиданнаго потрясенія, онъ явился въ собраніе Коммиссіи драматическихъ писателей, собирающихся подъ его предсѣдательствомъ, и объявилъ тамъ, что онъ не можетъ болѣе считаться драматическимъ писателемъ, а проситъ объ увольненіи. Ничто не могло отклонить его отъ этого отчаяннаго рѣшенія, и во-

ротясь домой, онъ послалъ просьбу объ увольненіи его изъ Палаты Перовъ и изъ Французской Академіи. Результатъ еще не извѣстенъ, но, во всякомъ случаѣ, это первый примѣръ добровольнаго отреченія отъ академическихъ креселъ. — Для утѣшенія заслуженнаго литератора, къ нему явилась депутація актеровъ Французскаго Театра, для объявленія, что они, безъ тяжбъ и процессовъ, совершенно добровольно, поставятъ на сцену, тщательно и съ роскошью, одну изъ трехъ трагедій его, находящихся въ рукописи, и лежавшихъ въ Комитетѣ, вмѣстѣ съ Арбогастомъ, болѣе двадцати лѣтъ. При этомъ случаѣ, невольно вспоминаемъ анекдотъ. Когда Г. Віене отдалъ на разсмотрѣніе театральнаго Комитета четыре трагедіи вдругъ, еще при Лудовикѣ XVIII, извѣстный поэтъ Беранже только что былъ выпущенъ изъ тюрьмы за одну изъ пѣсень своихъ противъ дурныхъ и пристрастныхъ судей. Віене, встрѣтивъ его, спросилъ: «Что, любезнѣйшій? Въ шесть мѣсяцевъ заточенія, вы, я думаю, написали множество пѣсенокъ!» — Какъ множество? возразилъ поэтъ. Неужели вы думаете, что пѣсеньки писать такъ же легко, какъ трагедіи?

— Весьма замѣчательнымъ явленіемъ на Театрѣ Большой Оперы, въ Парижѣ, были въ послѣднее время, дебюты новаго тенора, Руанскаго бочара Путье (Poultier). Занимаясь своимъ мастерствомъ, онъ давно восхищалъ товарищей своихъ рѣдкимъ, высокимъ голосомъ. Слухи о томъ дошли до Парижскихъ любителей музыки, которые немедленно рѣшили образовать изъ него пѣвца, достойнаго самой взыскательной публики въ мірѣ. Въ продолженіе двухъ лѣтъ не щадили издержекъ для перевоспитанія простаго ремесленника въ артиста; не забыли ничего, начиная отъ грамматики и сольфеджей, до верховой ѣзды и фехтованья. Онъ наконецъ дебютировалъ—съ успѣхомъ посредственнымъ. Однако же, послѣдующіе дебюты его, въ *Нѣмой* (Фенеллѣ), увѣнчали старанія его, и роль Мазаніелло была пропѣта и сыграна имъ удачнѣе всѣхъ другихъ. Кромѣ того дебютировалъ на томъ театрѣ другой теноръ, Г. Делаге (Delahaye), въ трудной и опасной роли Роберта. Голосъ его вѣренъ, чистъ, метода весьма хорошая. Къ сожалѣнію, послѣ перваго дебюта онъ захворалъ, и долженъ былъ отложить на нѣкоторое время дальнѣйшіе дебюты. Въ оперѣ la Favorite дебютировала Г-жа Речіо (Recio), обладающая чистымъ и пространнымъ сопрано. Впрочемъ, Большая Опера ограничивалась Вильгельмомъ Теллемъ, Донъ Жуаномъ, Робертомъ, Жидовкою, Гугенотами и Фавориткою, въ ожиданіи двухъ новыхъ оперъ, *Кипрской Царицы* (la Reine de Chypre), музыка Галеви, и *Пертская Красавица*, музыка Адана. Первая изъ этихъ оперъ играна 22-го Декабря, съ блистательнымъ успѣхомъ.—Мейербера ожидаютъ со дня на день; по пріѣздѣ своемъ въ Парижъ онъ займется партиціею новой оперы *Пророкъ*.

— Парижская Комическая Опера, вѣрная принятой ею однажды системѣ, т. е. зная, что въ Парижѣ должно ежеминутно подавать алчущей публикѣ все новости да новости, придумала, за неимѣніемъ новостей, прибѣгнуть къ старому, забытому, и вновь поставила на сцену оперы, которыми восхищались наши родители. Появились: *Камилла*, *Ричардъ Львиное Сердце*, наконецъ даже *Жокондъ* и *Жанъ Парижскій*, и всѣ онѣ были приняты публикою съ такимъ же восторгомъ, съ какимъ бы она приняла оперы новыя. Въ нихъ отличалась молодая пѣвица Росси-Качія, которой предвѣщаютъ Европейскую извѣстность, наравнѣ съ бывшею примадонною того же театра, Г-жею Даморо-Чинти.—Въ Декабрѣ, играны, однакоже, на этомъ театрѣ двѣ новыя оперы. Первая изъ нихъ: *Юность Карла V* (la Jeunesse de Charles-Quint), соч. Мелесвиля и Дюверье, музыка Монфора. Сюжетомъ этой піесы служитъ любовное приключеніе изъ неистощимаго источника

похожденій, приписываемыхъ великому Императору. Музыка легкая, пріятная и правильная, и заключаетъ въ себѣ множество очень счастливыхъ мелодій. Вторая опера, M-lle de Mérange, соч. Левена и Брунсвика, музыка Генриха Потье. Эта M-lle de Mérange съ родни дѣвицѣ де Бель-Иль, съ тою разницею, что опера въ одномъ дѣйствіи, а извѣстная комедія Дюма въ пяти. Музыку написалъ новичекъ въ дѣлѣ, подающій самыя утѣшительныя надежды, хотя слѣдуетъ влеченію времени, и не щадитъ тромбоновъ, даже въ акомпаниментѣ простой пѣсеньки

— На Италіянскомъ Театрѣ въ Парижѣ, поставили вновь оперу *Луція Ламермурская*, Доницетти, и Turco in Italia, вѣчноюнаго Россини. Въ его же неподражаемомъ Barbiere di Siviglia дебютировалъ недавно съ успѣхомъ сынъ извѣстнаго пѣвца Лаблаша, въ роли Фигаро, которую донынѣ съ рѣдкимъ совершенствомъ игралъ его отецъ. Самъ Лаблашъ занималъ роль Бартоло, и придалъ ей, игрою и пѣніемъ, совершенно новый характеръ.

— На Театрѣ Сенъ-Мартенскихъ Воротъ, гдѣ играютъ главнѣйшіе трагики нынѣшней Французской сцены, Фридерикъ Леметръ и Бокажъ, ставятъ на сцену множество замѣчательныхъ піесъ: *Антони*, оставленнаго съ нѣкотораго времени, большую драму Леона Гослана, и трагедію молодаго поэта Адольфа Дюма, подъ заглавіемъ: *Моліеръ, Лудовикъ XII и Г-жа де ла Валіеръ*. Сверхъ того, надѣются получить отъ Виктора Гюго драму *Анна Австрійская*.

— Изъ послѣднихъ новостей на Парижскихъ Театрахъ назовемъ Lucienne, водевиль въ двухъ дѣйствіяхъ, основанный на безконечныхъ любовныхъ похожденіяхъ маркизовъ прошедшаго столѣтія; далѣе, Pour mon fils (*Для сына*), водевиль въ двухъ дѣйствіяхъ, соч. Баяра, очень понравился игрою Г-жи Дежазе; Les Enfans Blancs, драма въ пяти актахъ, соч. Малефиля; Claire Champrosé, драма въ одномъ дѣйствіи, въ стихахъ, основанная на Варѳоломеевой Ночи; Les Fées de Paris (*Парижскія Феи*), водевиль Баяра; Le Vicomte de Letorière, водевиль того же автора, и множество другихъ водевилей, появляющихся на одно мгновеніе на меньшихъ Парижскихъ Театрахъ.

— Знаменитый комикъ *Брюне*, любимецъ Парижской публики въ теченіе сорока лѣтъ, наконецъ рѣшительно оставляетъ сцену. Въ Декабрѣ прошлаго года, назначенъ былъ ему *послѣдній* бенефисъ, въ которомъ взялись участвовать всѣ комики и фарсеры Парижскихъ театровъ. Достойный соперникъ Брюне, *Потье*, также старый и заслуженый актеръ, взялся играть роль *канатнаго плясуна* (saltimbanque), которою онъ привлекалъ нѣкогда весь Парижъ. За мѣста въ театрѣ платили вдесятеро, чтобъ взглянуть въ послѣдній разъ на двухъ первыхъ фарсеровъ нашего вѣка. Ужъ вѣрно, что такихъ комиковъ какъ Брюне, Потье и покойный Варшавскій актеръ Жулковскій, производятъ вѣки, какъ Гарика, Тальму, Каратыгина.... Отъ благороднаго, умнаго фарса до каламбуровъ, вставляемыхъ въ водевиль: *Ложа 1-го яруса*, каламбуровъ, не принадлежащихъ автору Каратыгину, такъ далеко, какъ отъ солнца до города Зашиверска!

— Директоръ оркестра Большой Парижской Оперы изобрѣлъ способъ для сохраненія хоровъ на сценѣ въ одинаковомъ темпѣ съ оркестромъ; онъ придѣлалъ къ своему пульпету ножку, посредствомъ которой, при весьма простомъ механизмѣ, начало каждаго такта обозначается ударомъ о каждую кулису, такъ, что хористамъ отнынѣ будетъ легко находиться въ постоянной связи съ оркестромъ, даже не смотря на капельмейстера.

— На Лондонскихъ Театрахъ новостей въ послѣднее время было не много. Послѣ смерти Директора Италіянскаго Театра Лапорта, дирекцію принялъ на себя Лумлей, и немедленно отправился на твер-

дую землю — вербовать новыхъ пѣвцовъ. Извѣстный трагикъ Макреди, получившій привилегію на Дрюри ленскій Театръ, намѣревался въ концѣ Декабря начать свои попытки къ возстановленію старой драматической Литературы Англіи. На Ковентъ-Гарденскомъ Театрѣ появились двѣ новыя комедіи въ пяти актахъ: What will the world say? (*Что скажутъ въ свѣтѣ*), соч. Англійскаго водевилиста Меркъ-Лемова, и *Старыя Дѣвы*, соч. Шеридана Нольса. Онѣ не имѣли большаго успѣха. На томъ же театрѣ поставленъ въ большою роскошью новый балетъ, содержаніе котораго заимствовано изъ романа *Ганъ-Исландецъ*, Виктора Гюго.

— Очень замѣчателенъ на Ковентъ-Гарденскомъ театрѣ былъ дебютъ пѣвицы Миссъ Аделаиды Кембль, прославившей уже въ Италіи. «Эта молодая пѣвица,» говоритъ одинъ журналъ, «вполнѣ достойна своего знаменитаго имени. У нея превосходная трагическая головка Кембля, классическій профиль, пріятная и величественная наружность и превосходная способность съ величайшею истиною и изяществомъ оттѣнять всякое чувство, всякую страсть. Къ этимъ достоинствамъ присоединяется совершенно Италіянская метода пѣнія, такъ что Г-жа Кембль чрезвычайно напоминаетъ намъ Г-жа Пасту. Г-жа Кембль лучшая Норма изъ всѣхъ, доселѣ видѣнныхъ нами. Съ силою и величіемъ Гризи у Г-жи Кембль соединяется нѣжность, не доступная для первой. На Англійскихъ пѣвицъ она не походитъ нисколько; она, какъ мы сказали, Италіанская пѣвица на Англійской сценѣ; чистый, нѣжный голосокъ ея невольно уноситъ васъ въ Италію.»

— Въ Вѣнѣ играна съ большимъ успѣхомъ новая комическая опера, или лучше сказать фарсъ съ пѣніемъ: Das Mädel aus der Vorstadt, oder: Ehrlich währt am längsten (*Дѣвушка изъ предмѣстья*), написанный (въ подражаніе Поль-де-Коку) извѣстнымъ Вѣнскимъ комикомъ и писателемъ Нестроемъ, сочинителемъ піесъ: Zu ebener Erde, Das liederliche Kleeblat, der Talisman и пр.

— Извѣстный Германскій артистъ Зейдельманъ, одержимый долгое время тяжкою болѣзнію, и даже о смерти котораго разнеслись было слухи прошедшею осенью, недавно явился вновь на Берлинской сценѣ, въ первый разъ послѣ выздоровленія, въ роли Герцога Альбы, въ трагедіи *Эгмонтъ*, Гете. Любимый трагикъ былъ принятъ публикою съ восторгомъ.

— Въ Мюнхенѣ давали 3-го Декабря новую трагическую оперу тамошняго капельмейстера Лахнера: *Катарина Корнаро*, съ танцами и великолѣпнымъ спектаклемъ. Опера имѣла блистательный успѣхъ. Нынѣ, трауръ по вдовствующей Королевѣ прекратилъ въ Мюнхенѣ спектакли, которые подавали великія надежды на всю зиму. Такъ, напримѣръ, недавно играна тамъ же, въ первый разъ, трагедія Гуцкова: *Паткуль*, которая при тщательной обстановкѣ и раздачѣ главныхъ ролей лучшимъ артистамъ, имѣла успѣхъ.— Въ Мюнхенѣ же представлена въ первый разъ по возобновленіи, опера *Фиделіо*, Бетговена. Заглавную роль занимала Г-жа Стекль-Гейнефеттеръ, сестра Сабины Гейнефеттеръ, бывшей у насъ прошлою зимою.

— Кстати о Гейнефеттеръ. Другая сестра Сабины, Катинька Гейнефеттеръ, дебютировавшая въ Парижской Оперѣ съ блистательнымъ успѣхомъ, нынѣ чѣмъ-то прогнѣвила фельетониста газеты Temps. Послѣ непродолжительнаго отпуска являлась она недавно вновь въ *Гугенотахъ*, Мейербера. Въ Temps, по этому случаю, сказано: «Катинька Гейнефеттеръ прекрасно пѣла нѣкоторые пассажи своей роли, и между прочимъ: Ah t'aujourd'hui tout mein sank est à fous! Или: Seigneur Tieu, seul soutient, и т. д. Сверхъ того: Une femme qui l'atere, et qui mourra, mais en saufant ses chours. Изъ этого видно, продолжаетъ критикъ, что Катинька Гейнефеттеръ посвящена во всѣ таинства

Французскаго языка, и больше не нуждается въ упражненіяхъ.»

— Въ Копенгагенѣ учреждается Италіянская Опера, для которой ангажирована примадонною Г-жа Фаркони, пользующаяся въ Италіи значительною извѣстностію.

— Въ Бреславлѣ открытъ, въ Ноябрѣ, новый театръ, по закрытіи, за нѣсколько дней передъ тѣмъ, стариннаго, существовавшаго уже 60 лѣтъ. Новый театръ вообще хвалятъ въ архитектоническомъ отношеніи. Зала бѣлаго цвѣта, съ золотыми украшеніями и красною драпировкою. Надъ сценою видишь бюсты семи замѣчательнѣйшихъ Нѣмецкихъ драматическихъ писателей и композиторовъ. Боковыя ложи (называемыя у насъ литерными) освѣщены цвѣтными лампами. По произнесеніи пролога режисеромъ труппы, публика вызвала архитектора Лангганса, строителя театра, котораго тутъ же режисеръ увѣнчалъ лавровымъ вѣнкомъ.

— Въ Больньѣ недавно давали, на театрѣ Корсо, оперу, представленную пятерыми дѣтьми, изъ коихъ младшему еще не минуло пяти лѣтъ, а старшему не болѣе четырнадцати. Они играли цѣлыя оперы, подъ руководствомъ ихъ отца, и въ операхъ Betty, Elisir d'Amore, въ нѣкоторыхъ отрывкахъ изъ Севильскато Цирюльника и въ комическомъ дуэтѣ изъ Chiara di Rosenberg, возбудили неподдѣльныя рукоплесканія слушателей.

— Въ одномъ изъ послѣднихъ представленій Вильгельма Теля, въ Брюсселѣ, произошелъ случай, совершенно разстроившій главную трогательную сцену, когда Тель стрѣляетъ въ яблоко. Именно, съ Теля свалился парикъ: отъ этого расхохоталась не только публика, но и самъ грозный Геслеръ. Когда же кто-то изъ свиты Ландфогта поднялъ парикъ и унесъ его за кулисы, взглянувъ притомъ двусмысленно на лысину Теля, въ залѣ поднялся такой хохотъ, что едва не были принуждены опустить завѣсу.

— Знаменитый Римскій банкиръ, Князь Торлонія выписалъ на свой собственный счетъ, на нынѣшнюю зиму, труппу Французскихъ актеровъ и пѣвцовъ, которые будутъ представлять комедіи, водевили и комическія оперы на домашнемъ театрѣ Князя, въ его дворцѣ, въ Римѣ. На этихъ представленіяхъ будутъ присутствовать только особы, приглашенныя хозяиномъ.

— Свободныя искусства и художества скорѣе смягчатъ нравы Азіятцевъ, нежели регламенты, которыхъ некому ни понимать, ни приводить въ исполненіе. Вспомнимъ древній миѳъ объ Орѳеѣ, который звуками своей лиры усмирялъ не только дикарей, но чудовища, и заставлялъ плясать камни! Грубые и кровожадные соотчичи Магомета, Арабы, принявъ Греческое просвѣщеніе, были въ свое время образованнѣйшимъ народомъ въ Европѣ. Надѣемся хорошихъ послѣдствій отъ заведенія въ Константинополѣ *Италіянскаго Театра*. Открытіе происходило 1/13-го Ноября, 1841 года, представленіемъ *Нормы*, соч. Беллини. Примадонна труппы называется Г-жа Серафина Рубини, а контральто Г-жа Джульета Маччи. Бассъ, Северино Джіорджіо, имѣетъ слабый голосъ. Оркестръ и декораціи изрядные, судя по мѣстности. Европейская публика довольна этою оперою, Турецкіе чиновники въ восторгѣ. Не знаемъ, позволено ли прекраснымъ обитательницамъ гаремовъ посѣщать представленія оперы. Можно бы для этого сдѣлать ложи съ рѣшетками!

— Независимо отъ монумента, воздвигаемаго Моцарту въ Зальцбургѣ, его мѣстѣ рожденія, Австрійское Правительство рѣшило соорудить памятникъ этому знаменитому композитору на кладбищѣ Св. Максимиліана въ Вѣнѣ, гдѣ Моцартъ погребенъ. Министръ Внутреннихъ Дѣлъ письменно обратился къ вдовѣ Моцарта, (вышедшей въ послѣдствіи за мужъ за Г. Нисена), и просилъ ее указать могилу ея перваго супруга. Она отвѣчала ему, что не знаетъ точнаго мѣста, гдѣ погребенъ Моцартъ, такъ какъ въ то вре-

мя, когда онъ скончался (5-го Декабря 1791), въ Вѣнѣ хоронили простыхъ гражданъ безъ всякой церемоній и безъ проводовъ. Немедленно послѣ смерти мужа, она выѣхала изъ Вѣны, и возвратилась туда только черезъ двадцать два года, когда уже не было возможности дознаться, гдѣ именно погребенъ ея супругъ. Въ слѣдствіе того, постановили воздвигнуть памятникъ этотъ какъ можно ближе къ дому, въ которомъ Моцартъ умеръ.

— Въ улицѣ Ришелье, въ Парижѣ, на углу улицы Траверсіеръ, гдѣ донынѣ стоялъ полуразрушенный фонтанъ, обклеиваемый афишками и объявленіями, теперь воздвигаютъ фонтанъ въ честь Моліера. Эта постройка уже готова въ чернѣ; остается устроить бассейнъ, и за тѣмъ приступятъ къ скульптурнымъ украшеніямъ. Весь этотъ фонтанъ сооруженъ изъ тесанаго камня, и достигаетъ до четвертаго этажа сосѣднихъ домовъ. Онъ состоитъ изъ обширной ниши, или углубленія, съ отдѣльными колоннами по сторонамъ. Фронтонъ, простирающійся надъ ними, будетъ украшенъ статуей, генія, держащаго вѣнецъ, и разными изваяніями, съ атрибутами драматическаго искусства. Въ углубленіи будетъ находиться статуя Моліера, представленнаго сидящимъ, въ положеніи мечтающаго; по сторонамъ его будутъ поставлены статуи комедіи, серіозной и веселой. Изъ основанія будутъ выливаться каскады въ полукруглый бассейнъ. на фронтонѣ будетъ надписано только: A. Molière (Моліеру); На сторонахъ піедестала будетъ начертано: «Родился въ Парижѣ, 15-го Января 1622,» и «Скончался въ Парижѣ, 17-го Февраля 1673.» Домъ, въ которомъ онъ скончался, находится въ этой улицѣ, насупротивъ воздвигаемаго нынѣ памятника.—На піедесталѣ будутъ красоваться названія всѣхъ его піесъ.

РЕПЕРТУАРЪ

РУССКАГО

И

ПАНТЕОНЪ

ВСѢХЪ ЕВРОПЕЙСКИХЪ

ТЕАТРОВЪ,

НА 1842 ГОДЪ

ИЗДАВАВШІЙСЯ

К. Песоцкимъ.

БИБЛИОТЕКА
А. А. ЕЛИСЕЕВА

II.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

1842.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ,

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлено было въ Цензурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ.

Санктпетербургъ, Января 14 дня 1842 года.

Цензоръ *П. Корсаковъ.*

ПЕЧАТАНО ВЪ ТИПОГРАФІИ Н. ГРЕЧА.

I. ДРАМАТИЧЕСКІЯ ПРОИЗВЕДЕНІЯ.

ЕЛЕНА ГЛИНСКАЯ.

ДРАМАТИЧЕСКОЕ ПРЕДСТАВЛЕНІЕ ВЪ ПЯТИ ДѢЙСТВІЯХЪ.

СОЧИНЕНІЕ

Николая Полеваго.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА:

Елена, вдова Великаго Князя Василія, дочь Князя Василія Глинскаго, правительница.
Князь Михаилъ Глинскій, дядя ея.
Князь Иванъ Оболенскій, первый бояринъ Великокняжій.
Князь Симеонъ Бѣльскій, Князь Иванъ Бѣльскій, Князь Василій Шуйскій, Князь Андрей Шуйскій, Симеонъ Ляцкій: } бояре.
Болеслава Запольская, приближенная Елены.
Шихалей, Царь Казанскій.
Пахомко, придворный шутъ.
Марія, жена князя Оболенскаго.
Соломонія, первая супруга Вел. Кн. Василія.
Дьякъ Трушило.
Дьякъ.
Окольничій.
Посолъ Польскій.
Посолъ Крымскій.
Колдунъ Литовскій.
1, 2, 3, 4 — воеводы Русскіе.
Тѣнь предка Глинскихъ.
Бояре, воины Польскіе, воины Русскіе, вайделоты Литовскіе, духи и привидѣнія. Хоры духовъ.
Хоръ подругъ Соломоніи.

Дѣйствіе происходитъ въ Москвѣ и въ Литвѣ, во время малолѣтства Іоанна Грознаго, сына Елены Глинской.

ДѢЙСТВІЕ ПЕРВОЕ.

(БОЯРСКІЙ СОВѢТЪ).

Зала въ Кремлевскихъ теремахъ.

ЯВЛЕНІЕ I.

Дьякъ и Окольничій (*входятъ съ разныхъ сторонъ*).

Окольничій.

Ну, что бояре?

Дьякъ.

Что, бояре! Шумятъ....

Окольничій.

Шумятъ, да толкъ-то есть ли?

Дьякъ.

Какому толку быть, когда заставить
Молчать ихъ некому! Эхъ, братъ, не такъ бывало
Въ былое время дѣдушки Ивана!
Бывало — стукнетъ костылемъ, такъ въ пятки
Душа уйдетъ....

Окольничій.

Ну, что жъ? А нашъ покойный Князь

Василій Іоанновичъ, сказать грѣшно:
На видъ былъ тихъ и смиренъ, а когда
Нахмуритъ брови, поведетъ очами,
Да бородой пошевельнетъ..... Держи острѣе ухо!
Ты былъ ли вò Псковѣ?

Дьякъ.

Когда?

Окольничій

Какъ Вѣче
Великій Князь разрушилъ?

Дьякъ.

Нѣтъ.

Окольничій.

О, посмотрѣлъ бы ты,
Какимъ явился онъ удалымъ молодцомъ,
И какъ заговорилъ — вотъ словно, жемчугомъ
Посыпалось тогда изъ устъ его...
«Злодѣи вы, не Христіане, не люди! И громъ небесный,
И казнь земная васъ постигнетъ!».. Слово слово
Такъ и родило. Бѣднымъ Псковитянамъ
Сказать въ отвѣтъ словечка не пришлось....

Дьякъ.

Эхъ, братъ, Андрей Ѳомичъ! Плохой отвѣтъ
Безсильному предъ сильнымъ.... Богъ судья!
Не намъ судить дѣла Князей Великихъ —
А тутъ темна вода во облацѣхъ воздушныхъ...
Вѣдь Псковитяне....

Окольничій.

Что?

Дьякъ.

Да, Русскіе, какъ мы,
И Православные, какъ мы, всегда бывали,
И голову покорную несли.
За что же было такъ немилосердо
Ихъ и судить и осуждать? Вотъ Новгородъ иное —
Былъ городъ буйный, самохвальный: онъ Литвѣ Латинской
Себя передавалъ.... Ужъ эта мнѣ Литва!....

Окольничій.

Потише, другъ!

Дьякъ.

Вѣдь право: не за Псковъ ли насъ попуталъ Богъ?
Съ тѣхъ поръ....

Окольничій.

Эй, тише....

Дьякъ.

Никого вѣдь нѣтъ —
ся е, !...

Окольничій.

Да здѣсь у стѣнъ есть уши!

Дьякъ.

Пусть слушаютъ, а намъ хоть волкомъ выть.
Приходится.... Что это за порядокъ
На нашей Руси матушкѣ? Съ тѣхъ поръ,
Какъ Князь Василій Іоанновичъ бородку сбрилъ —
Онъ сбрилъ и тишину и счастье....

Окольничій.

Вотъ, бѣда велика—
Сбрить бороду!

Дьякъ.

Что? Охъ, ты, окаянный!
Наѣздился ты по землямъ Нѣмецкимъ,
Да говоришь такія рѣчи!... Этакъ ты, пожалуй
И табаку нанюхаться готовъ. .. травы проклятой!

Окольничій.

Типунъ бы на языкъ тебѣ!... Нѣтъ, вишь, Егоръ Петровичъ,
И самъ я вижу, что идетъ-то дѣло плохо,
Да разсуждать не наше дѣло.... Знаютъ старше насъ.

Дьякъ.

Да кто же старше насъ? Кто? Глинскіе, да Бѣльскій?
Да Ляцкій? Все Литва, да Ляхи....
Волки сѣрые въ овчарню забрались!
Какъ волка ни корми, а онъ все къ лѣсу смотритъ....

Окольничій.

Они родня Княгинѣ.

Дьякъ.

А она-то кто? Литвянка!

Окольничій.

Литва Литвѣ есть рознь. Родъ Глинскихъ
И Православіемъ и доблестію облеченъ. Князь Михаилъ
Смоленскъ намъ добылъ.

Дьякъ.

А потомъ на западню
Павелъ.....

Окольничій.

Страданьемъ долголѣтнимъ грѣхъ
Онъ выкупилъ.

Дьякъ.

Нѣтъ, кто свою присягу,
Хоть разъ одинъ нарушилъ, я тому не вѣрю.
И этотъ Глинскихъ родъ къ намъ на бѣду пришелъ —
Отселѣ злу начало, и грѣхи, и смуты.

Окольничій.

Припомни, что вѣдь нашъ Великій Князь
Иванъ Васильичъ, — сынъ Елены Глинской.

Дьякъ.

Дай, Господи, ему и счастья, и таланя,
Благослови въ немъ Русскую страну!
А какъ подумаешь....

Окольничій.

Что?

Дьякъ

Не безъ грѣха
Была женитьба Князя.... Отъ живой жены
Онъ женской прелестью былъ уловленъ,
И для Елены онъ не пожалѣлъ жены,
Съ которой двадцать лѣтъ жилъ счастливо и мирно....
Безчадство честное дороже, нежели.... И вотъ,
Вотъ по кончинѣ на крамолы отдалъ онъ
Народъ нашъ Православный.. . Гдѣ теперь опоры
Совѣта Княжескаго? Гдѣ премудрости свѣтила,
Которыхъ умъ проводитъ государство,
Какъ ладію среди мелей, утесовъ,
И въ пристань добрую ведетъ? Скажи!

Окольничій.

А Оболенскій Князь?

Дьякъ.

Да, Оболенскій Князь....
Уменъ и храбръ.... Да!....

Окольничій.

Что о немъ ты скажешь?

Дьякъ.

Что? Ничего?
Плохой тотъ паредворецъ,
Кто записался въ дворскую дружину,
А помолчать еще не научился, —
Ты самъ сказалъ: я слѣдую совѣту
И, вотъ, молчу! Пускай шумятъ другіе;
Безъ насъ есть здѣсь кому поговорить....
Найдутся....

Окольничій.

Да вотъ ужъ, кажется, бояре
Идутъ. Знать Дума Княжеская разошлась....

Дьякъ.

Придумала ль она добро отчизнѣ!
(*Поспѣшно расходятся*).

ЯВЛЕНІЕ II.

Василій и Андрей Шуйскіе, Симеонъ и Иванъ Бѣльскіе и Ляцкій.

Сим. Бѣльскій.

Нѣтъ! онъ что хочетъ говори, кричи, шуми,
А я ему не уступлю....

Вас. Шуйскій (*тихо*).

Уступишь!

Сим. Бѣльскій.

Нѣтъ! Боекъ на языкъ Князь Оболенскій!
Да что? Мы не бояре развѣ также?
Съ чего онъ взялъ? Попрекъ ему я даромъ
Не уступлю!

Андр. Шуйскій.

И я!

Ляцкій.

Когда пошло въ поттачку,
И я, и ты не правда ль, Князь Василій?

Вас. Шуйскій.

Посмотримъ.

Сим. Бѣльскій.

Все *посмотримъ*! Ты ни друга,
Ни брата, кажется, роднаго защитить
Не вздумаешь, пока не погадаешь,
Придется ли тебѣ тутъ прибыль!
Гдѣ совѣсть, Князь Василій? Бойся Бога!

Вас. Шуйскій.

Боишься ль ты Его, Князь Симеонъ!

Сим. Бѣльскій.

Боюсь, да ужъ за то и сотня Оболенскихъ
Меня не испугаетъ... Ну, чему ты усмѣхнулся,
Иванъ Петровичъ?

Ив. Бѣльскій.

Да тому, откуда бодрость
Взялась у васъ, бояре! Въ Княжескомъ Совѣтѣ
Вы все молчите, словно мудрецы
Пиѳагорейскіе, а здѣсь языкъ у васъ развязанъ....

Вас. Шуйскій.

Тамъ думу думать надо, а не говорить,
Да съ словъ и пошлины вѣдь нѣтъ.
Когда намъ дѣлать нечего, такъ душу отвести
Хоть бы словами позволяли—и то ладно!

Сим. Бѣльскій.

Эхъ! то-то и бѣда, бояре, что промежду насъ
Союза нѣтъ и дружбы! Вотъ одинъ
Какой-то Эллинской бранится бранью, а другой
Смѣется....

Вас. Шуйскій.

Что жъ намъ дѣлать?

Сим. Бѣльскій.

Что намъ дѣлать?
Дружно всѣмъ стоять, и одному другаго
Не выдавать. Когда бъ разноголосье
Не раздѣляло насъ въ совѣтахъ, что бы сдѣлалъ

Мальчишка этотъ Оболенскій? Что сама Княгиня
Посмѣла бы сказать Боярской Думѣ?

Ив. Бѣльскій.

Такъ видишь, что не въ Оболенскомъ вся задача,
А въ томъ, что мы нашли находку дорогую,
Да раздѣлить ее не сможемъ....

Сим. Бѣльскій.

Если бъ не былъ ты роднымъ мнѣ братомъ,
Князь! Я подумалъ бы....

Ив. Бѣльскій.

Что?

Сим. Бѣльскій

Ничего!...
Самъ разумѣй....

Ив. Бѣльскій.

Да, братья мы родные,
Но мыслимъ разно. Слушай, братъ, да не сердись,
Тебѣ я истину скажу. Послушай: ты крамолъ начало,
Ты думаешь не то, какъ повести отчизну
Къ добру и чести.... Властью завладѣть
Ты хочешь, власти ты желаешь! Нѣтъ, не Оболенскій
Тебя страшитъ, а то, что ты не первый въ Думѣ.
Ты доблести его готовъ сознать,
Когда бы онъ съ тобою подѣлился честью.

Андр. Шуйскій.

Въ немъ доблести? Какія?

Ив. Бѣльскій.

Мужъ совѣта,
На полѣ битвы храбрый воинъ.

Ляцкій.

Кто? Онъ храбрый воинъ?
Онъ? Оболенскій?

Андр. Шуйскій.

Мужъ совѣта безбородый —
Болтунъ, наглецъ!

Ляцкій.

Хвастунъ!

Вас. Шуйскій.

Куда жъ ты, Князь Иванъ?

Ив. Бѣльскій.

Домой, простите!

Ляцкій.

Дай совѣтъ; постой!
Скажи, что дѣлать намъ ты думаешь?

Ив. Бѣльскій.

Что дѣлать? Да, итти
Домой обѣдать, а потомъ немножко отдохнуть!

Андр. Шуйскій.

Вотъ, Князь Иванъ Петровичъ, ты своимъ умомъ
Не хочешь подѣлиться....

Ив. Бѣльскій.

Я дѣлиться радъ,
Да вы-то добраго совѣта слушать не хотите,
А зло совѣтовать, а страсти раздувать
И въ нихъ пожарѣ руки грѣть, — избавь Господь!

Андр. Шуйскій.

Ну, что жъ, спасибо, Князь Иванъ Петровичъ,
Что искренно ты пояснилъ намъ дѣло.
Давно ли ты поладилъ съ Оболенскимъ?
Ну, много ль заплатилъ за дружбу онъ, скажи?

—

ЯВЛЕНІЕ III.

Тѣ же и Михаилъ Глинскій.

Вас. Шуйскій.

Что такъ печаленъ, Князь Михайло Львовичъ?

Мих. Глинскій.

Сокрушаюсь сердцемъ, добрые бояре: ....
Участь Князя — рѣшена!

Сим. Бѣльскій.

Что жъ?

Мих. Глинскій.

Смерть!

Всѣ.

Смерть!

Мих. Глинскій.

Да, неумолимо, безпощадно;
Свирѣпое, опасное рѣшенье; всѣ совѣты тщетны!

Сим. Бѣльскій.

Что скажешь, Князь Иванъ?

Ив. Бѣльскій.

Скорблю,
Что увлеклась Великая Княгиня
Совѣтомъ злымъ. Георгія кончина
Давно ли поразила ужасомъ народъ,
И вотъ второму сыну Іоанна,
Родному дядѣ Государя — смерть.... О горе!
Предчувствую бѣды.... Михайло Львовичъ!
Уже-ли средства нѣтъ? Пойдемъ, уполимъ,
Падемъ къ ногамъ Княгини со слезами,
Да отвратитъ она позоръ и стыдъ отчизны!...
Безмолвенъ ты? — Бояре....

Андр. Шуйскій.

Что? бояре!
Заговорилъ и ты!

Ив. Бѣльскій.
О, сердце говоритъ!
Соединимтесь дружно, позабудемъ все,
Все, кромѣ правды — станемъ дружно....

Ляцкій.
Дай же руку
На гибель Оболенскаго!

Ив. Бѣльскій.
Нѣтъ! на погибель ближнихъ
Я не даю руки!

Сим. Бѣльскій.
Вѣдь онъ всему причина?
Долой его — и Князь Андрей спасенъ.
Когда не дорожитъ онъ головою дяди
Князей Великихъ — ну, такъ станетъ ли считать
Онъ наши головы? — Нѣтъ! тутъ одно рѣшенье —
Ему иль намъ остаться — тутъ конецъ одинъ!

Ляцкій.
Не попущу ему!

Андр. Шуйскій.
Соединимся!

Сим. Бѣльскій.
Съ вами я, бояре!
Что медлить и чего намъ ждать? Скорѣе къ дѣлу!

Ив. Бѣльскій.
Остановитесь, разсудите!

Ляцкій, Сим. Бѣльскій, Андр. Шуйскій.
Что тутъ разсуждать! —

—

ЯВЛЕНІЕ IV.

Тѣ же и Оболенскій.

Оболенскій.
Бояре! Что это? Или еще совѣтъ
Вы держите? Великая Княгиня
Вамъ, кажется, итти домой велѣла?

Сим. Бѣльскій.
Пойдемъ, когда захочемъ.

Оболенскій.
Захотите?
Гдѣ воля Княжая, тамъ нашей воли нѣтъ!

Андр. Шуйскій.
Кого ты называешь Княземъ, Оболенскій?
Тутъ надо погадать сперва, а тамъ сказать.

Оболенскій.
Къ чему такая рѣчь?

Сим. Бѣльскій.
Къ тому, что если ты
И Князь, такъ все не Князь надъ нами!

Ляцкій.
И не Великій Князь!

Андр. Шуйскій.
И не совѣтникъ нашъ!
Указывай другимъ, но знай, что Шуйскій
У Оболенскаго не приметъ повелѣнья!

Сим. Бѣльскій.
И Бѣльскій Симеонъ!

Ляцкій.
И Ляцкій тоже!

Оболенскій.
Что это? Видно, я къ болоту подошелъ:
Лягушки такъ и квакаютъ!

Андр. Шуйскій.
Кто? Мы лягушки?
Давно ли Дворъ Князей Великихъ
Болотомъ сдѣлался?

Оболенскій.
Съ тѣхъ поръ, какъ духъ крамолы
Васъ обуялъ, когда властителя кончина
Сняла съ безумства вашего вериги.

Андр. Шуйскій.
Ты смѣешь....

Мих. Глинскій.
Удержите гнѣвъ, князья, бояре!
Приличны ли такія ссоры въ совѣтѣ
Бояръ почетныхъ!

Андр. Шуйскій.
Пусть языкъ свой дерзкій
Удержитъ онъ сперва. Знать мало, что кровавой
Местью онъ опозорилъ родъ Князей Великихъ,
До нашихъ онъ головъ добраться хочетъ
И поносить насъ смѣетъ — намъ ли утерпѣть?
Казни, но не ругайся!

Ив. Бѣльскій.
Князь Андрей Васильичъ,
Умолкни, ради Бога! Удержись и ты,
Князь Иванъ Ѳедоровичъ! Время ль враждовать,
Когда грозятъ намъ страшныя бѣды?
Отвѣтствуй, правду ли сказалъ намъ Михаилъ:
Великая Княгиня изрекла ль свой приговоръ
Андрею Іоанновичу?

Оболенскій.
Да.

Ив. Бѣльскій.
Несправедливъ,
Жестокъ, безчеловѣченъ приговоръ такой!

Оболенскій.
Ты мнѣ некрасно говоришь о немъ;

Онъ изреченъ Великою Княгиней —
Поговорите съ ней, когда угодно;
Не я изрекъ его!

Ив. Бѣльскій.

Ты подтвердилъ его!
Мы несогласны были всѣ.

Оболенскій.

Я подтвердилъ,
Не отопрусь, и въ совѣсти отчета
Вамъ не даю. Тебѣ, Князь Шуйскій,
Совѣтую въ словахъ быть осторожнымъ,
А Бѣльскому—поменьше говорить?

Ив. Бѣльскій.

Нѣтъ! Я молчать не буду — я пойду,
Я убѣжду Княгиню!

Оболенскій.

Испытай — не худо!

Андр. Шуйскій.

А мнѣ твоя замѣтка, Оболенскій, не нужна:
Князь Шуйскій, коренной потомокъ,
Прямая отрасль рода Мономаха,
Попрека не оставитъ князю-самозванцу!

Оболенскій.

Князю-самозванцу? Много-ли твой дѣдъ
Отъ Вѣча получалъ на хлѣбъ и на одежду,
Когда онъ кланялся купцамъ Новогородскимъ,
И ихъ дружины на разбой водилъ?

Андр. Шуйскій.

По болѣе того, что дѣдъ твой получилъ,
Когда онъ продалъ душу Іоанну,
И бѣглецомъ въ Москву явился бить челомъ!

Мих. Глинскій.

Бояре! можно-ли? Вы позабыли.....

Андр. Шуйскій.

Нѣтъ,
Нѣтъ, я не позабылъ....

Оболенскій.

Онъ только промахнулся,
И камнемъ думая попасть въ меня,
Ударилъ въ лобъ Семена Бѣльскаго, и вотъ,
Смотри, какъ тотъ нахмурился — ну, слонно,
Онъ проглотилъ врача Нѣмецкаго лекарство!

Сим. Бѣльскій.

Онъ промахнулся — ну, такъ я не промахнусь,
И назову тебя, потомокъ знаменитый
Какой-то слободы великаго владѣльца,
Тѣмъ, что ты есть....

Оболенскій.

Смотри!
Вѣдь отъ дворца къ тюрьмѣ не далеко....

Ляцкій.

А тѣ руки къ мечу — еще поближе!

Оболенскій.

Ты тудаже, ты, казакъ Литовскій?
Молчать и — вонъ пти!

Андр. Шуйскій.

Смотри пожалуй,
Онъ говоритъ, какъ князь самодержавный!
Друзья, ему ль уступимъ мы?

Сим. Бѣльскій.

Нѣтъ! Никогда!

Мих. Глинскій.

Брань да вмѣнится тѣмъ, кто произнесъ ее.
Благоразуміе....

Оболенскій.

Да, гдѣ имъ взять его!

Сим. Бѣльскій.

Суди его намъ, мудрый Князь! Будь добръ!

Оболенскій.

Тюрьма васъ мудрости научитъ.

Вас. Шуйскій (*тихо*).

Ладно —
Тутъ не бывать добру: пойти, да повѣстить
Скорѣй Еленѣ, а они пускай пока грызутся.
(*Уходитъ*).

Сим. Бѣльскій.

Не ты ли насъ въ тюрьму отправишь, Князь?
Да только прежде голову свою побереги!

Мих. Глинскій.

Друзья, бояре, Князь!

Оболенскій.

Мое презрѣнье
Равно нахальству вашему! (*Хочетъ итти.*)

Ляцкій.

Нѣтъ! не презрѣнье—трусость!

Оболенскій (*горячо*).

Князь Оболенскій струситъ Ляцкаго рѣчей?
Литвинъ безмозглый!

Ляцкій.

Что ходить далеко —
Ты мой отвѣтъ увидишь здѣсь, на саблѣ.
(*Обнажаетъ саблю.*)

Оболенскій (*обнажаетъ мечь*).

Презрѣнный побродяга!

Сим. Бѣльскій.

За друзей защитой
Мечь Бѣльскаго всегда бывалъ! (*Обнажаетъ мечь*).

Мих. Глинскій.

О горе,
Горе царству безъ десницы сильной,
Безъ мудрыя главы властителя народа!

Андр. Шуйскій.

И Шуйскій отъ друзей не отстаетъ: расчетъ
въ обидѣ

Коротокъ будетъ; будь, что будетъ — смерть,
Смерть наглецу, ругателю бояръ!
(*Обнажаетъ мечъ.*)

Мих. Глинскій (*удерживая ихъ*).

Безумцы! Головами вы играть рѣшились,
Убійствомъ теремъ Княжескій безславить —
Побѣда, смерть — равно позорны вамъ!

Ляцкій.

Учи другихъ подъ старость; самъ ты дѣлалъ то же,
Когда бывалъ храбрѣе и моложе!

Всѣ.

Смерть злодѣю, смерть!
(*Устремляются на Оболенскаго.*)

Ив. Бѣльскій.

Остановитесь!

Оболенскій.

Подлые убійцы!
Васъ Оболенскому бояться.....

—

ЯВЛЕНІЕ V.

Тѣ же и Пахомко (*на палочкѣ верхомъ*).

Пахомко *поетъ*)

Пошелъ козелъ въ огородъ,
Насмѣшилъ козелъ народъ.
Борода была большая,
Голова была пустая!

Что это, бояре? Вы что-то разыгрались не передъ добромъ? Начали за здравіе, а свели за упокой! Здорово, дядюшка Шуйскій! Вотъ, говорили, что борода сѣдая — мудрость большая, анъ видно нѣтъ: и у козла борода-то порядочная, а онъ только годится отъ лошадей домовыхъ гонять — видно, сѣдина бываетъ не всегда серебряная!

Андр. Шуйскій.

Прочь, дуракъ!

Пахомко.

Э, бояринъ! что ты думаешь: испугаешь меня что ли дуракомъ? Да вѣдь это нынѣ почетное имя! Я, вотъ на Князя Ивана Ѳедоровича сошлюсь: не правда ли, Князь? —

Оболенскій (*смѣется*).

Правда, пріятель, правда! Глупость такая зараза, что хуже Черной Смерти; самъ вижу, что она пристаетъ отъ другихъ.....

Пахомко.

И вѣстимо. Одинъ баранъ полѣзетъ въ воду, и всѣ за нимъ полѣзутъ; только старшаго-то барана ухвати за рога, такъ все стадо твое будетъ. А ты, молодецъ успѣлъ ухватить, — да ужъ какого барана! Ну, бояре, дайте-ко я стану мирить васъ. Что толку-то изъ ссоры? Захочешь бороду погладить — хвать, анъ головы нѣтъ!

Андр. Шуйскій.

Шутъ смѣется надъ нами! По дѣломъ намъ, дуракамъ!

Пахомко.

И вѣстимо — четверо не сладили съ однимъ! Я на васъ Михайлу Львовичу пожалуюсь: такъ ли бывало онъ дѣлалъ? Молодецъ! Помнишь, какъ разсердился ты когда-то на пана Забрезинскаго, такъ не разсуждалъ долго.... Чикъ! — Голова Забрезинскаго слетѣла такъ, что тотъ и чихнуть не успѣлъ!...

Мих. Глинскій.

Изъ устъ безумія исходятъ мудрыя рѣчи. .. Шутъ! я не разсержусь на тебя!

Пахомко.

Ой-ли? А попадись бы тебѣ прежде подъ лихой часъ, чай спуску бы не далъ! Охъ! вы, народы православные! Всѣ-то вы подъ старость умны становитесь, а съ молоду такъ васъ и рукой не достанешь. Хоромы строите такіе, что и воронѣ въ сутки чрезъ нихъ не перелетѣть, а потомъ и косой сажени земли съ васъ много.

Сим. Бѣльскій (*влагая мечъ*).

Поворочу на миръ. Ты не прощаешь мнѣ, Князь Иванъ Ѳедоровичъ? А кажется, я тебѣ кланяюсь — чего жъ еще тебѣ! Не на колѣняхъ же молить тебя!

Мих. Глинскій.

Князья, бояре! Оставьте ссоры! Миръ и дружба; забудемъ прошедшее; гнѣвъ да уступитъ мѣсто умному миру.

Андр. Шуйскій.

Ты видишь, что мы просимъ прощенья.... Да Князь Иванъ Ѳедоровичъ и не глядитъ...

Оболенскій.

Я презиралъ вашу вражду, не боялся вашихъ мечей, — презираю дружбу вашу и миръ съ вами! (*Идетъ.*)

Пахомко.

Хе, хе, хе, братъ Ваня! Да ты брыкаешь не путемъ! Смотри, однако жъ, берегись, не плюй въ колодезь — годится водицы испить. Худой миръ все таки лучше доброй ссоры....

Оболенскій.

Я тебѣ передаю ихъ дружбу: возьми ее, если хочешь!

Пахомко.

А что мнѣ изъ нея? Вѣдь изъ нея шубы не сошьешь!

Андр. Шуйскій.

Ну! коли тебѣ наша дружба не нужна, такъ слушай — здѣсь не мѣсто говорить много....

Ляцкій.

И на что много говорить! Такъ ли я выскажу твои и мои мысли? — Пусть прежде тупой саблей отпилятъ мнѣ голову, чѣмъ я помирюсь съ тобою, Князь Оболенскій! Знай, что днемъ и ночью, прежде молитвы Богу, я буду поминать ненависть мою къ тебѣ....

Андр. Шуйскій.

Да, либо тебѣ жить — либо намъ!

Ив. Бѣльскій.

Чуждъ совѣта вашего преступнаго!

Пахомко.

И я и я чуждъ! Нѣтъ! я съ Княземъ Иваномъ другъ. — (*Андрею Шуйскому.*) У меня, какъ у брата твоего Василья, тотъ и господарь, кому везетъ, а Князю Ивану везетъ, да ужъ куда шибко!...

Ив. Бѣльскій

А гдѣ же Князь Василій?

Андр. Шуйскій.

Гдѣ онъ въ самомъ дѣлѣ?

Пахомко.

Гдѣ? Видно убрался подальше; онъ знаетъ, гдѣ раки-то зимуютъ, и спрятался въ ихъ нору, когда вы заиграли желѣзными игрушками....

Ив. Бѣльскій.

Великая Княгиня!

—

ЯВЛЕНІЕ VI.

Тѣ же, Елена, Вас. Шуйскій и Запольская.

Елена.

Мнѣ сказали, — правда ли, бояре, что дерзнули вы
Чертога княжескаго благочиніе нарушить
Безчиннымъ споромъ? — Я отвѣта жду.

Пахомко (*поетъ*).

Матушка! не разсердись;
Пошутили мы не много,
Да не всяко лыко въ строку,
Помирились, обнялись!

Елена.

Достойный васъ отвѣтчикъ — шутъ, дуракъ!

Пахомко.

Да, что же? шутка не мѣшаетъ дѣлу...

Елена

Прочь! (*Пахомко прячется*). Бояре!
Я требую отвѣта!

Андр. Шуйскій.

Кто донесъ тебѣ, Княгиня!

Елена.

Твой братъ Василій!

Андр. Шуйскій.

Если онъ сказалъ
И мы не отопремся. Оболенскій Князь
Насъ опозорилъ бранью непристойной
И мы отвѣтили ему надлежащимъ.

Елена.

Кто позволилъ вамъ
Великаго боярина и старшаго надъ вами
Въ чертогахъ нашихъ оскорблять?
Я головой велю ему васъ выдать!

Сим. Бѣльскій.

Ужъ прежде, матушка, Великая Княгиня,
Вели ты головы-то снять, а мы ему
Покорными быть не хотимъ.

Елена.

Умолкни, дерзкій!
Повелѣваю вамъ просить прощенья,
И если онъ проститъ, я васъ прощу....

Оболенскій.

Позволь, Великая Княгиня, вымолвить мнѣ слово:
Прошеніе мое не нужно имъ.
Презрительна ихъ дружба; равное презрѣнье,
А не прощенье будетъ имъ отвѣтомъ,
Когда они съ покорностью придутъ....

Ляцкій.

Я не пріиду къ тебѣ!

Сим. Бѣльскій.

И я!

Андр. Шуйскій.

И я!

Ляцкій.

Скорѣе въ степи,
Въ раздольныя Украинскія степи,
Туда, къ Дашковичу я убѣжать рѣшусь,
Но Оболенскому во вѣкъ не покорюсь!
Мнѣ сабля дастъ и хлѣба и одежду,
А солонъ хлѣбъ, когда его достать безчестьемъ
И униженіемъ велятъ! —

Елена.

При мнѣ, ты смѣешь....

Мих. Глинскій.

Великая Княгиня! допусти мнѣ слово:
Супругъ твой мудрый слушался меня:
Позволь мнѣ, старику, подать совѣтъ благой:
Гнѣвъ милостью смѣнять царямъ прилично.

Ты Богу угодишь, а я тебя еще
Любить сильнѣе буду — такъ любить....

Оболенскій.

Что за страдалецъ? Что такое?

Марія.

Къ нянѣ
Приходилъ.... какой-то мужъ благочестивый....
Юродивый онъ — что-ли.... говоритъ,
Слухъ носится....

Оболенскій.

Послушаемъ Московской сплетни...

Марія.

Что будто бы совѣтъ боярскій осудилъ....

Оболенскій (*въ сторону*).

Что говоритъ она?

Марія.

На смерть ... роднаго дядю....
Но ты меня пугаешь...
(*Оболенскій гнѣвно взглядываетъ на нее*).

Оболенскій.

Говори, когда ты начала!

Марія.

Роднаго дядю.... Старшаго Князя....
И если ты захочешь попросить, то можешь
Спасти его...

Оболенскій (*въ бѣшенствѣ*).

Кто смѣлъ тебѣ внушить
Такія рѣчи? — Говори, Марія, кто такой
Благочестивый мужъ? Зачѣмъ, какъ былъ онъ здѣсь?

Марія.

Ахъ! Ради Бога....

Оболенскій.

Няню, глупую старуху,
Сюда ее....

Марія.

Мой другъ!

Оболенскій.

О! ты не искренна со мной!
Смотри мнѣ въ очи прямо — ты лукавишь.

Марія.

Мой милый!

Оболенскій.

Говори мнѣ все—желанье
Смотрѣть на княжій теремъ, на Москву,
И толковать о томъ, о чемъ вамъ знать не должно...

Марія.

Но самъ ты виноватъ, зачѣмъ мнѣ не позволить,
На свѣтъ и на людей взглянуть хоть разъ...

Оболенскій.

Несчастная! Ты хочешь погубить себя... меня.—

Марія.

О Боже правосудный!

Оболенскій.

Знаешь ли, что если
Тебя увидятъ здѣсь, узнаютъ... знаешь ли, кто ты?...

Марія.

Я.... я.... не знаю!...

Оболенскій (*насмѣшливо*).

Будто ты не знаешь,
Будто няня выболтать всѣ тайны
Тебѣ не смѣла....

Марія.

Тайны?

Оболенскій.

Будто не сказала
Кто былъ супругъ сестры твоей. И ты
Со мной лукавишь? Я — глупецъ, я думалъ,
Что сердце женское коварству недоступно!

Марія.

О Боже! Какъ онъ страшенъ!

Оболенскій.

Родъ Сабуровыхъ въ тебѣ
Не измѣнилъ своей породы хитрой.

Марія.

Какъ? развѣ я Сабурова?

Оболенскій.

Притворство!

Марія (*не слушая его*).

Такъ развѣ о сестрѣ моей несчастной
Мнѣ няня, со слезами, говорила, какъ она
Плѣнила красотой властителя Москвы.
И онъ надѣлъ ей на главу княжой вѣнецъ,
И какъ потомъ плѣнился онъ другою,
И бѣдную сослалъ въ безвѣстные края,
И съ молодой Литвянкой счастливъ былъ!
О мой супругъ! Скажи мнѣ гдѣ она?
Гдѣ бѣдная сестра? Гдѣ мой отецъ?...

Оболенскій.

Не знаешь ты? (*тихо*) Измѣна, ложь — открыто
Здѣсь тайное убѣжище Маріи —
Старуха няня дастъ отвѣтъ за все,
И кто благочестивый этотъ мужъ....

Скажи Марія... (*Долго смотрѣвши на нее*) Нѣтъ
она невинна,
Она не знаетъ тайныхъ гибельныхъ сѣтей,
Какія злоба разстилаетъ вкругъ меня!
Сядь сюда, Марія..., Полно плакать.... ты раз
скажешь мнѣ
Все — я тебя прощаю - ты не знала... видишь
Не долженъ ли скрывать я отъ людей,
Что ты въ Москвѣ, что ты моя жена? —
Послушай.... я разскажу тебѣ....
Великій Князь Василій
Въ юности, женился на сестрѣ твоей.
Красавица была Соломонія,
Какъ ты, Марія! Богу не угодно было
Благословить ихъ бракъ дѣтьми. Тогда въ Мо
скву
Пріѣхалъ Глинскій Князь. Съ нимъ дочь была
Красавица. Василій престарѣлый
Былъ увлеченъ Елены красотой —
Сестру твою отвергнулъ онъ, сослалъ;
Вашъ славный родъ погибъ въ изгнаньѣ, въ
ссылкѣ.
И казнь постигла тѣхъ, кто прекословить смѣлъ.
Всѣ согласились съ Княземъ....

Марія.

Всѣ? И никто, никто
Не смѣлъ сказать еще правдивыхъ словъ?

Оболенскій.

О, ты его не знаешь,
Какъ трудно сильнымъ правду говорить!
Максимъ Премудрый, Беклемишевъ, мой отецъ
Осмѣлились — ихъ смерть постигла и изгнанье!
Тебя увидѣлъ я, тобой плѣнился я;
Ты въ сиротствѣ жила у тетки престарѣлой...
Ты, разлученная съ родными, ничего не знала,
И тетка говорить тебѣ не смѣла....

Марія.

А мой отецъ?

Оболенскій.

Онъ умеръ.

Марія.

Мать?

Оболенскій.

Не спрашивай меня.
Ты видишь ли, Марія, почему
Мой бракъ съ тобою я скрывалъ, какъ тайну?
Я головой любовь твою купилъ.
Василій умеръ — власть къ Еленѣ перешла,
Она Россіей правитъ именемъ сыновнимъ.

Марія.

И ты меня покинешь, какъ Василій
Мою сестру....

Оболенскій (*смущаясь*).

Я?... Боже сохрани!... Моя подруга,
Моя Марія.... Но съ твоею нянею
Мнѣ должно говорить, съ болтуньей старой....
Марія! Счастіе твое въ повиновеньѣ мнѣ! ..
И возвратить хотѣлъ сестрѣ твоей и роду
Богатство, славу — можетъ быть, я возвращу.

Марія.

Не отнимай любви — мнѣ ничего не надо!

Оболенскій.

Пошли мнѣ няню....

(*Марія уходитъ.*)

—

ЯВЛЕНІЕ VI.

Оболенскій (*одинъ*).

Слабую жену
Обманывать легко—но, Бога! Совѣсть - замол-
чи, злодѣйка!
Когда противъ Елены думалъ я возстать,
Предвидѣть могъ ли я что все ея рука,
Все мнѣ отдать готова будетъ — почести и славу
И первымъ въ совмищѣ бояръ меня поставитъ,
И... женщина... Елена!... Разгадалъ ли я?...
Вѣнецъ твой княжій — онъ... не защититъ тебя
Отъ страсти тайной.... Оболенскій, Оболенскій!
Судьба тебя лелѣетъ, по цвѣтамъ
Ведетъ тебя, но подъ цвѣтами
Таятся змѣи... (*Рѣшительно*) Все узнать! По-
томъ разсудимъ. Гдѣ,
Гдѣ няня? что она нейдетъ? Враги мои!
Вы все могли узнать, — сказать Еленѣ могутъ,
Тогда... Месть женщины ужасна... Нѣтъ, вра-
ги мои!
Перехитрить себя не дастъ вамъ Оболенскій.
Я сѣти ваши разорву, какъ паутину...
(*Уходитъ.*)

—

ЯВЛЕНІЕ VII.

Марія (*одна*).

Гдѣ онъ?... О Боже! Какъ онъ страшенъ,
Столь грознымъ въ первый разъ я видѣла его!
И зачѣмъ раскрылъ онъ бездну,
Отъ которой закружилась голова моя? —
Такъ, то была не сказка — быль? Отецъ, се-
стра!
Но онъ не все сказалъ, не все, онъ не Иванъ
Овчина.
Охъ! Сердце, сердце бѣдное! ты носишь,
Ты тоскуешь! — Черный воронъ
Здѣсь клюетъ — тоска кручина! —

—

ЯВЛЕНІЕ VIII.

(*Великолѣпная зала въ Кремлевскихъ чертогахъ*).
Елена и Вас. Шуйскій.

Шуйскій.

Великая Княгиня! все готово —
Мы твоего-велѣнья ждемъ.

Елена.

Ввести пословъ и Шихалея. Здѣсь ли Оболенскій?

Шуйскій.

Онъ въ Золотой Палатѣ.

(*Уходитъ.*)

Елена (*одна*).

Нѣтъ! Величіе и власть
Вы счастья не даете! Смуты и крамолы,
Заботы тяжкія мнѣ отравляютъ жизнь....
Женское ли дѣло править государствомъ?
Жизни, счастья сердце проситъ,
И любви, любви.... Суровый, старый мужъ,
Счастья я съ тобой не знала
И любви не знала я!....
А теперь, когда и день и ночь одно мечтанье,
Дума только объ одномъ —
Могу ли думать о затѣяхъ Крымцевъ,
О покореніи Казани, старомъ Сигизмундѣ? —
Ахъ! если бъ я могла, хоть въ хижинѣ убогой,
Съ нимъ позабыться въ счастьѣ и любви,
Хоть на минуту, на мгновенье....

(*Звуки трубъ*).

Ахъ!.. они идутъ!....
Притворимся — будемъ горды, неприступны.
Сильному легко казаться мудрымъ,
И Еленѣ станутъ удивляться,
Говорить о мудрости Елены — Ольгѣ,
Пудьхеріи, Ириѣ уподобятъ....
А Елена мудрая....

(*Горько улыбаясь.*)

Когда бъ умѣли люди,
Сквозь Царскую одежду, въ сердце заглянуть...

—

ЯВЛЕНІЕ IX.

Кн. В. Шуйскій, Кн. Оболенскій, Бояре, воины, Посолъ Польскій, Посолъ Крымскій, Елена на княжескомъ тронѣ. Окрестъ ея свита; царедворцы становятся около трона.

Шуйскій.

Великая Княгиня! Хана Крымскаго Посолъ
Тебѣ челомъ бьетъ отъ Орды и Хана.

Крымск. Посолъ.

Ханъ Исламъ Гирей, властитель мой великій,
Опора музульманъ, звѣзда Востока,
Привѣтъ тебѣ и дружбу изъявляетъ,
Княгиня Русская, доколѣ міръ стоитъ.

Елена.

Благодарю его. Скажи за чѣмъ ты присланъ?

Крымск. Посолъ.

Ты грамоты читала.

Елена.

И отвѣтъ
Ты слышалъ отъ Бояръ.

Крымск. Посолъ.

Позволь мнѣ слово,
Великая Княгиня: не доволенъ Ханъ
Твоимъ самоуправствомъ. Ты совѣтовъ злыхъ
Послушалась, и дружбу разрушаешь.

Елена.

Совѣтовъ я не слушаю ни чьихъ,
Сама я правлю Русскою землею.
Чего твой хочетъ Ханъ?

Крымск. Посолъ.

Оставь Казань.
Тамъ царствуетъ Сафа-Гирей великій;
Онъ другъ Исламу, грозенъ и могучъ.

Елена.

Давно ли сталъ у васъ великимъ онъ?
Присяжникъ вѣроломный, рабъ мой...

Крымск. Посолъ.

Но такія рѣчи
Къ дружбѣ не ведутъ!

Елена.

Нарушаю дружбы
Но Ханъ въ Казань вступается напрасно:
Сафа-Гирею тамъ не быть. Я такъ хочу!

Крымск. Посолъ.

Страшись же силы Крымской: съ будущей весной
Полки несмѣтные мы въ поле поведемъ;
Какъ рой пчелиный, мы твою покроемъ землю.
Ты будешь Богу отвѣчать за кровь и слезы.
Отколѣ гордость въ васъ? Оставь Казань
И дань плати Исламу!

Елена.

Ты, Мурза, ошибся,
Не дань—подарки, ты хотѣлъ сказать —
Подарки намъ готовы, если Ханъ
Высокомѣріе смиритъ — подарки будутъ....

Крымск. Посолъ.

Дань!

Онъ дани требуетъ, какую твой супругъ
Платилъ!

Елена.

Такъ нѣтъ же вамъ, ни дани, ни подарковъ!
Иди, скажи Исламу-Хану: съ будущей весной
Мы встрѣтить васъ готовы, а зимой
Немедленно изгонимъ изъ Казани
Раба, преступника Сафа-Гирея!

Крымск. Посолъ.

Хороши посулы!
Да, какъ-то вамъ прійдется ихъ исполнить.....

Оболенскій.

Стой, Татаринъ!
Ты смѣешь говорить столь дерзко, вѣдай,
Что если ты еще лишь слово скажешь,
То, вмѣсто Крыма, будешь ты въ тюрьмѣ!

Крымск. Посолъ.

Я Хана рѣчи говорю!

Оболенскій.

А далъ ли Ханъ твой
Двѣ головы тебѣ въ дорогу—на запасъ одну?

Крымск. Посолъ.

Вамъ не видать Казани!

Оболенскій.

Мы ее видали —
(*Указывая на свой мечъ*).
Отъ этого меча она скирлась;
И самъ я стѣны зажигалъ Казани вашей,
И Алегама, жалкаго Казанскаго Царя,
У ногъ Князей Великихъ зрѣли мы,
Во прахъ челомъ склоненнаго!

Крымск. Посолъ (*удерживая ярость*).

Великъ Аллахъ! Война.
Война васъ образумитъ! Изъ Казани, Крыма
Подвинутся на вашу Русь полки!

Елена.

Войны я вашей не боюсь.
(*Шуйскому*).
Ввести сюда
Раба и нашего слугу — Царя Казани!

Крымск. Посолъ.

Царя Казани!

Елена.

Шихалею мы дадимъ Казань.

—

ЯВЛЕНІЕ X.

Тѣ жк. Вводятъ Шихалея. Онъ падаетъ передъ Еленою на колѣни.

Крымск. Посолъ.

О, стыдъ! передъ гяуромъ на колѣняхъ!

Шихалей.

Рабъ твой и слуга
Ірахъ ногъ твоихъ цѣлуетъ и помилованья просить!

Елена.

Встань, Царь Казанскій, всѣ твои вины
Мы отпускаемъ, мы тебя прощаемъ.

Шихалей.

Песъ нечистый,
Источникъ клятвы возмутившій языкомъ,
Я вѣроломецъ былъ, я былъ предатель —
Разбойникъ, душегубецъ, но прими здѣсь клятву,
Великая Княгиня: если я отнынѣ
Хоть мысль преступную помыслю, пусть тогда
Кускомъ я первымъ подавлюсь, и первымъ словомъ
Проклятье изреку себѣ, отцу и дѣтямъ!
Что повелишь ты мнѣ?

Елена.

Тебѣ даемъ мы войско.
Сто тысячъ ты къ Казани поведешь,
Изгонишь злобнаго раба Сафа-Гирея;
Ты въ кандалахъ его въ Москву велишь влачить
И сядешь на его престолѣ.

Шихалей.

Я иду.
Но мой престолъ у ногъ твоихъ я ставлю:
Пусть будетъ онъ ступенькой, по которой
Къ побѣдѣ надъ врагами ступишь ты —
Я врагъ твоимъ врагамъ, я рабъ твой и слуга!

Крымск. Посолъ.

Хоть не при мнѣ безславь себя — не Царь
Рабъ, и не сынъ царей—слуга Царей Московскихъ!
(*Вслѣдъ*).
Довольно, торжествуй, Княгиня, но страшись:
И безъ Казани мы найдемъ довольно силы;
Мы съ Польшею въ союзѣ страшны будемъ!

Елена (*Польскому послу*).

Такъ твой Король въ союзѣ съ Крымскимъ Ханомъ?
Ты не о томъ ли присланъ возвѣстить?

Польскій Посолъ.

Мой Государь тобою оскорбленъ —
Онъ тщетно предлагалъ тебѣ миръ и дружбу.

Елена.

Мы ихъ принять готовы, но смѣшны
Условія, какія Сигизмундъ
Тамъ смѣетъ предлагать: отдать Смоленскъ,
Прислать пословъ къ нему для договора.....

Когда бывало, чтобы Русскіе послы
Къ вамъ въ Польшу ѣздили? А городъ нашъ Смоленскъ
Съ чего вамъ требовать? Онъ нашъ издревле,
Онъ вамъ побѣдой возвращенъ.

Польскій Посолъ (*хладнокровно*).
Еще одно условье
Ты позабыла: мой Король велѣлъ
Мнѣ бѣглецовъ потребовать Литовскихъ.

Елена.
У насъ ихъ нѣтъ: не бѣглецы, а вольные Князья
Къ вамъ въ службу переходятъ. Вашъ Король
Имъ запретить не можетъ и не смѣетъ перехода.

Польск. Посолъ.
Преступники, не вольные Князья къ вамъ убѣжали,
И мы ихъ требуемъ на судъ и казнь!

Елена.
Наименуй ихъ, кто они?

Польск. Посолъ.
Два брата Глинскихъ,
Ихъ дѣти, дочери...

Елена (*вспыхнувъ*).
Ты позабылся, дерзкій!
Ты смѣешь мать властителя Москвы
Бѣглянкою изъ Литвы назвать, и Глинскихъ
Родъ славный порицать измѣной....
(*Спокойно*).
Но Московскій Князь
Отвѣтъ вамъ дастъ. Благодари судьбу,
Что званіе посла въ тебѣ онъ уважаетъ,
Что твой языкъ калеными щипцами
Не повелитъ онъ вытянуть въ затылокъ!

Польск. Посолъ.
Нельзя ли показать Великаго мнѣ Князя,
Который смѣлою такъ дерзаетъ говорить
Съ великимъ Сигизмундомъ? Видѣлъ я младенца
Какого-то, и вкругъ него я видѣлъ
Мятежный сонмъ бояръ.... Еще я видѣлъ....

Елена (*подымаясь*).
Еще одно лишь слово....

Польск. Посолъ.
Вотъ оно, Елена.

Елена.
Ты смѣешь....

Польск. Посолъ.
Подданная Сигизмунда...

Елена.
Подданная эта
Сто тысячъ за себя отвѣтчиковъ поставитъ!....

Польск. Посолъ (*насмѣшливо*).
Поберегите силы: на Казань сто тысячъ,
На Крымъ сто тысячъ, противъ Польши сто...

Елена (*презрительно*).
Сосчитаешь послѣ; но чего ты хочешь?

Польск. Посолъ.
Миръ или война?

Оболенскій.
Позволь, Великая Княгиня, недостоинъ онъ
Отвѣта твоего. ...
(*Польскому послу*).
Война, Посолъ надменный,
Достойный представитель Короля
Слѣпаго, дряхлаго, безумнаго владыки!
Иди и вознести ему: не вы, а мы
Войну вамъ объявляемъ, и булатный Русскій мечъ
Отвѣтъ Москвы вамъ не замедлитъ пояснить!

Польск Посолъ.
Нѣтъ, мы отвѣтъ въ Москву принесемъ:
Олгерда слѣдъ еще не заросталъ—онъ свѣжъ!

Оболенскій.
Нѣтъ! бурями давно онъ заметенъ,
Засыпанъ Русскими снѣгами, и заросъ
Мечами, копьями, загороженъ полками,
Которымъ путь въ Литву давно знакомъ,
И отъ которыхъ трепеталъ вашъ Александръ,
И Сигизмундъ искалъ спасенья въ бѣгствѣ!
Ты малолѣтствомъ порицалъ насъ Князя?
Ты видѣть бы его хотѣлъ?... Онъ здѣсь,
Онъ въ Русскомъ сердцѣ, подъ стальной кольчугой,
Которой не разрубитъ мечъ Литовскій!
Ты видѣлъ сонмъ бояръ, мятежный, говоришь?
Тебѣ съ похмѣлья грезится Москва Литвою.
Мятежныхъ нѣтъ въ Москвѣ, средь доблестнаго совѣта
Опоръ совѣта и могучихъ воеводъ!
Измѣнники бѣжали къ Сигизмунду —
Ты ихъ найдешь въ бесѣдѣ Короля,
Когда воротиться въ свою Литву....
Скажи ему и имъ, что съ вѣрой въ Бога силъ
Противъ Казани, противъ Польши, противъ Крыма,
Мы двинемъ грозные полки, и въ гости
Къ вамъ въ Вильну явимся — попировать мечами
И поиграть желѣзомъ и свинцомъ. Пусть приготовитъ
Запасъ побольше: вѣдь гостей прійдетъ довольно:

Отъ бѣлокаменной Москвы до Вильны
Потянется почетный поѣздъ нашъ....
Скажи, что главный Русскій воевода,
Такъ говоритъ и сдержитъ слово!

Польск. Посолъ.

Кто же этотъ,
Столь грозный воевода?

Оболенскій.

Я. За честь и славу Руси,
За Князя Русскаго, за православье наше,
За нашу мать — Москву я голову мою
На брань несу, и на мечѣ моемъ, посолъ надменный,
Клянусь, что гибель вамъ и огнь палящій
Дотолѣ, будутъ свирѣпѣть, пока,
Какъ милости, попросите вы мира....
Соединяйтесь съ Крымомъ, съ нами Богъ и правда!

(*Радостный говоръ между Русскими.*)

Война война.

Елена (*вставъ*).

Война! Во имя Бога, Русская земля!
Богъ силъ побѣдой осѣнитъ хоругви наши!

Всѣ Русскіе.

Война, война!

Елена (*посламъ*).

Вы слышали отвѣтъ,
Послы изъ Крыма и изъ Польши? До свиданья!
Поклоны отнесите Королю и Хану....

Крымск. Посолъ (*ломая стрѣлу*).

Война! Стрѣлу я преломляю!

Польск. Посолъ (*обнажая мечъ*).

Симъ мечемъ
Войну вамъ объявляю!

(*Послы и ихъ свита уходятъ поспѣшно.*)

Елена (*среди Русскихъ*).

Знаменитый сонмъ
Бояръ и воеводъ, Царь Шихалей, и ты, нашъ первый воевода,
Великій Конюшій, Князь Оболенскій! посвѣтите
Дружинѣ воинственныхъ устройствомъ, и народу,
На Красной Площади, указъ прочтите нашъ,
Что, съ Божьей помощью, войну мы начинаемъ.
Пойдемте въ храмъ, и тамъ предъ алтаремъ,
Помолимся побѣдодавцу Богу!

Всѣ.

Да здравствуетъ Великій Князь! Ура!

(*Елена и всѣ за нею уходятъ, кромѣ Шуйскаго*).

Вас. Шуйскій (*одинъ*).

Ну, Оболенскій, другъ! на слово боекъ ты —
Посмотримъ, какъ-то на мечѣ ты ловокъ будешь....
Великій Конюшій! Смотри-ка.... Этакъ онъ
Въ Великіе Князья махнетъ!
А что? И въ самомъ дѣлѣ!
Вотъ мысль печальную мнѣ Господь послалъ...

ДѢЙСТВІЕ ТРЕТЬЕ.

ЛИТОВСКІЙ ЛѢСЪ.

Мрачный лѣсъ.

ЯВЛЕНІЕ I.

Литовскій колдунъ и вокругъ него

Вайделоты.

(*Буря и громъ. Изрѣдка слышны выстрѣлы*).

Хоръ.

Гремп пылай огонь Перкуна,
Стенай и плачь угрюмый лѣсъ!
Свершилась грозная судьбина
И кара гибельныхъ небесъ.

Колдунъ.

Гдѣ вы, могучіе потомки Гедимина?
Гдѣ, гдѣ вы Витовта отважные сыны?
Мечъ Русскій молніей сверкаетъ лучезарной,
И пала слава доблестной отчизны!
Давно-ли мы къ стѣнамъ Москвы
Съ хоругвію Олгерда подходили,
И дань несли намъ Русскіе Князья
И въ храмѣ Свентороговъ дивный огнь горѣлъ!
Плѣнъ и гибель пролетѣли,
И сѣдой сужитель алтарей,

Я пережилъ паденіе Богоцъ Литвы —
Ужли переживу паденье нашей славы?

—

ЯВЛЕНІЕ II.

Тѣ же и Симеонъ Бѣльскій.

Сим. Бѣльскій (*его несутъ раненаго*).

Дайте умереть — здѣсь..... Лучше умереть,
Чѣмъ славу зрѣть врага — побѣду, и безсильно
Ему покорствовать.... Идите въ бой — вы мнѣ не нужны....

(*Воины, принесшіе Бѣльскаго, уходятъ*).

Колдунъ (*подходитъ къ нему*).

Скажи намъ, храбрый воинъ — что бой?

Сим. Бѣльскій.

На что тебѣ?
Смѣяться хочешь ты надъ тѣмъ, кто умираетъ!

Колдунъ.

Смѣяться!

Сим. Бѣльскій.

Да, кто побѣжденъ — позоръ тому!

Колдунъ.

Не счастье ли играетъ нами? Битва —
Игра, и часто храбрый трусомъ побѣжденъ?

Сим. Бѣльскій.

Охъ! еслибъ такъ! — О, еслибъ, умирая,
Я видѣлъ счастія игру въ позорѣ нашемъ
Нѣтъ! то не случай былъ — онъ вождь не простой —
Со скрежетомъ зубовъ я говорю: онъ вождь великій!
Какъ быстро сдвинулъ онъ полки — какъ этотъ бой
Рѣшительный, кровавый, былъ расчитанъ —
Онъ въ Вильну отворилъ ему дорогу!
И въ брани видѣлъ я его — какъ ангелъ смерти
Онъ по рядамъ леталъ съ стальной сѣкирой....
Отчизна бѣдная — погибло все!

(*Забывается.*)

Колдунъ.

Нѣтъ, нѣтъ! не все погибло!
Когда намъ счастье измѣнила храбрость,
И силы человѣка слабы стать въ борьбу,
Мы силы ада двигнемъ — сильнаго вождя
Мы побѣдимъ очарованьемъ адскимъ!
Сюда, лѣсовъ Литовскихъ Вайделоты!
Внимайте, побѣдила насъ Москва, и Князь младенецъ,
Литванки Глинской сынъ, надъ старымъ Королемъ
Побѣду торжествуетъ. — Дышемъ наши силы,
Сзовемъ духовъ изъ ада и земли, огня, воды,
Вѣдьмъ Кіевскихъ и Финскихъ чародѣевъ,
Раздуемъ искру, запалимъ пожаръ —
Вождь Русскій, чьей рукой Москва сильна,
Опутанъ демонскою сѣтью властолюбья!
Задушимъ мы его въ таинственныхъ сѣтяхъ —
О, страшно онъ погибнетъ —
Мечтая взять вѣнецъ, онъ голову положитъ,
И съ голоной его падутъ главы столь многихъ;
Рѣкою кровь польется — позабудетъ Русь побѣды,
И растерзаютъ грудь ея крамолы и пражды,
И юныя ихъ властитель грознымъ будетъ Царству.
Совершайся ада месть!
Зло, раздоръ, погибель, брани,
Ухищренье, мщенье, лесть,
Съ адскимъ пламенникомъ въ длани
На могучаго вождя
Поспѣшите, поспѣшите!
Какъ туманомъ ослѣпите
Очи свѣтлыя его!
Будто хитрою змѣею.
Въ сердце, въ умъ его вползите,
Въ ядъ тлетворный обратите
Свѣтъ ума и солнца свѣтъ....
Мщенью, злобѣ вѣры нѣтъ!

(*Громъ — выстрѣлы усиливаются. Колдунъ и Вайделоты исчезаютъ*).

—

ЯВЛЕНІЕ III.

Поляки (*бѣгутъ черезъ сцену*).

Спасайтесь!

Русскіе (*преслѣдуютъ ихъ*).

Съ нами Богъ!

(*Симеонъ Бѣльскій и Оболенскій.*)

Оболенскій (*съ мечемъ*).

Сюда друзья! гоните,
Тамъ, черезъ лѣсъ! Захватывайте путь!
Дорогу имъ отрѣжьте — бейте сборъ....

(*Увидя Бѣльскаго*).

Что вижу я? Здѣсь Польскій вождь? Скорѣй поспѣшь!

Симеонъ Бѣльскій.

Прочь — вы враги!

Оболенскій.

Мы не враги, когда оконченъ бой!

Сим. Бѣльскій.

Вы побѣдили, и — вы Русскіе — нѣтъ смерть отраднѣе!

Оболенскій.

Кто это? Симеонъ! Тебя ли вижу я?
Ты ль, Симеонъ, измѣнникъ, врагъ мой лютый?

Сим. Бѣльскій (*подымаясь*).

То голосъ Оболенскаго.

Оболенскій.

Возьмите, — сберегите
Для казни жизни его!

Сим. Бѣльскій.

Стой, гордый побѣдитель!
Не твой я — Божій; не тебѣ, но Богу
Отвѣтъ свой дамъ! Не разлучай съ могилой,
Дай мнѣ спокойно умереть, съ отрадой,
Что за отчизну я животъ свой положилъ.

Оболенскій.

Ты за отчизну? Умирая, преступленье
Ты хочешь прикрывать коварной ложью!!

Сим. Бѣльскій.

Нѣтъ! я не лгу — однажды въ жизни
Нарушилъ я присягу родинѣ моей,
И тяжко былъ наказанъ, и очистилъ
Прощеньемъ Короля побѣгъ и стыдъ мой,
И голову за родину кладу. Князь Оболенскій!
Напомни смертный часъ — передъ могилой
Всѣ обольщенья исчезаютъ. Горе тѣмъ,
Кто правъ въ глазахъ людей, но въ сердцѣ
Находитъ судъ свой неумѣстный — берегись!
Когда изъ мутнаго потока истекаютъ
И храбрость и побѣда!.... Боже, духъ мой пріими!
(*Умираетъ*).

Оболенскій (*упирается на мечъ*).

И только? И отъ Бѣльскаго, могущаго въ бояхъ,
Не сытаго на почесть, буйнаго вельможи,
Горсть праха? (*Наклоняется и трогаетъ его.*)
Умеръ!
Богъ его прости!
О если избирать на здѣшнемъ бѣдномъ свѣтѣ—
Двѣ участи завидны — или въ битвѣ пасть
И душу положить за друга и за ближнихъ,
Иль первымъ быть однимъ, среди живыхъ людей,
Какъ солнце одиноко посреди свѣтилъ небесныхъ!
Блаженъ кто пролилъ за отчизну кровь и отдалъ душу.....
Но что же? Для чего меня хранила въ битвахъ
Десница Бога? Я щадилъ ли жизнь въ бояхъ?
И для чего стезей непостижимой
Меня къ величію вела и довела,
И въ сонмѣ избранныхъ — нѣтъ! ты средь нихъ не *первый*, Оболенскій;
Еще ты не властитель..... Трепетъ по костямъ,
Едва лишь помышленіе души коснется. ..
Когда хоругвь побѣды на стѣнахъ Казани
Я водрузилъ — я помню ночь — я помню сонъ ....
Подлѣ костровъ, подъ заревомъ Казани
Сонъ тяжкій мною овладѣлъ —
То сонъ ли былъ, или мечтанье на яву?
Мечталась мнѣ какая-то жена,
Закрытая воздушнымъ покрываломъ,
И она мнѣ подавала... Шапку Мономаха!
И умъ мой помутился, и съ тѣхъ поръ
Мнѣ не было услады, ни въ побѣдахъ,
Ни въ шумѣ брани, ни среди пировъ веселыхъ!
Нѣтъ дружбы для меня и нѣтъ любви —
Все мысль одна — проклятая губительная мысль!...
Свершись моя мечта, или исчезни,
Дай мнѣ покой — о, совершись хоть на мгновенье!...
Преступникъ! Славу добрую на что мѣняешь ты?
Проклятьемъ замѣнить благословенье, адомъ рай!..
Въ недоступной высотѣ
Великокняжескій святой престолъ поставленъ...
(*Задумывается.*)
А, если бъ могъ я въ будущее заглянуть....

—

ЯВЛЕНІЕ IV.

Оболенскій и Колдунъ. (*Колдунъ идетъ изъ лѣса.*)

Оболенскій.

Кто это? Привидѣнье полуночи или демонъ
Во образѣ бредущій человѣка?

Колдунъ.

Привѣтствую тебя, Великій Князь Московскій!!

Оболенскій.

Ты ошибаешься — здѣсь нѣтъ Князей Московскихъ!

Колдунъ.

Привѣтствую тебя, Великій Князь Московскій!

Оболенскій.

Ошибся старецъ ты!

Колдунъ.

Привѣтствую тебя,
Великій Князь Московскій!

Оболенскій.

Кто ты?

Колдунъ.

Лѣсовъ Литовскихъ житель,
Полвѣка я живу въ дремучихъ сихъ дубровахъ,

Ни что не скрыто предо мною — ни сердце человѣка,
Ни будущаго тайны. Изъ моей пещеры
Я вышелъ Русскаго вождя увидѣть, человѣка
Избраннаго судьбою на подвиги и царство!

Оболенскій.

Ты будущее можешь предсказать?

Колдунъ.

Могу ли?

Оболенскій.

Ты тайны можешь мнѣ открыть, которыхъ
Взоръ человѣка проникать не можетъ?

Колдунъ.

Могъ бы, но не смѣю! Содрогнется и безстрашный сердцемъ,
Когда предъ нимъ таинственной судьбы
Поднять туманные грядущаго покровы!

Оболенскій (*схвативъ его за руку*).

Старецъ! подними ихъ предо мной!

Колдунъ.

О, суетной пытливости рабы!
А если сердце затрепещетъ, если духъ
Въ тебѣ смутится, когда тайны грозныхъ судебъ
Лицемъ къ лицу увидишь ты?

Оболенскій.

Открой мнѣ ихъ:
Бери — я золота тебѣ дамъ много —

Колдунъ.

На что мнѣ золото? Имъ мудрости не купишь!
Твое исполню я желанье. Цѣпь свою сними
И скинь шеломъ — стань здѣсь — волшебнымъ кругомъ
Я очерчу тебя — ни шагу изъ него —
И имя Бога твоего призвать не смѣй,
Или погибнешь ты средь легіоновъ темныхъ!

Оболенскій (*цѣпенѣя отъ страха*).

Не содрагайся сердце и отъ устъ моихъ молитва прочь!

Колдунъ (*Речитативъ*).

Сюда, вы, духи темные, пріидите
Изъ лѣсовъ дремучихъ, подъ глубокихъ,
Пещеръ подземныхъ, изъ палящаго огня,
Изъ аера, гдѣ тучами грозите —
Сюда!

(*Громъ.*)

Хоръ духовъ.

Сѣйте громъ
Рѣшетомъ!
Жарьте змѣй
Для людей!
Поспѣшите, поспѣшите
Духи тьмы!

Колдунъ.

Открывайся тайна человѣку.
Скажись ему его судьба;
Да видитъ онъ грядущее очами,
Яснѣй, чѣмъ сердца тайны своего!

(*Видѣніе; мрачный лѣсъ исчезаетъ, видѣнъ волшебный котелъ съ огнемъ, и около него тяжущія привидѣнія*).

Хоръ духовъ.

Гей, гей, гей, гей!
На пагубу людей,
Мы собрались,
Мы принеслись!
Кипитъ котелъ очарованій
И гибнетъ человѣка умъ
Въ огнѣ волшебныхъ обаяній
И тяжкихъ и преступныхъ думъ!

(*Женщина является подъ покрываломъ, въ рукѣ ея вѣнецъ, въ другой кинжалъ*).

Оболенскій.

Она! опять она — вѣнецъ, кинжалъ и покрывало!
Сними его — дай видѣть, кто ты,
Проклятое видѣнье! кто ты, кто ты?

Голосъ.

Я Елена!

Оболенскій.

А золотой вѣнецъ — чей?

Голосъ.

Мономаховъ!

Оболенскій.

Кому его — кому?

Голосъ.

Тебѣ!

Оболенскій.

А сынъ Елены?

(*Привидѣніе подымаетъ кинжалъ*)

Никогда! нѣтъ, нѣтъ!
Будь проклята ты, адская мечта.... Господь! спаси меня! —

(*Онъ выбѣгаетъ изъ круга, и все исчезаетъ*).

Оболенскій (*запинаясь за тѣло Симеона Бѣльскаго*).

Что это? Не ступень ли къ трону? Трупъ!
Гдѣ я!

Колдунъ (*злобно*).

Что? Счастливѣй ты сталъ? Скажи —
Теперь ты будущее знаешь!

Оболенскій

Обоятель!
Я на кострѣ велю сожечь тебя!
Зачѣмъ ты страшную открылъ мнѣ тайну,
Зачѣмъ ты въ образы мечту мою облекъ!

Колдунъ.

Благодарю тебя!

Оболенскій (*почти шепотомъ*).

И мой онъ будетъ? вѣнецъ?
И не погибну я?

Колдунъ.

Нѣтъ! Долголѣтенъ, славенъ,
Ты будешь, но страшись: настанетъ часъ твой,
Когда двѣ свидятся сестры
Во мракѣ, средь ночной поры,
При свѣтѣ мѣсяца младаго;
Кольца страшися золотаго
И зелья берегись лихаго!
(*Насмѣшливо.*)
Привѣтствую тебя, Великій Князь Московскій!
(*Громъ. Колдунъ про падаетъ. Слышны трубы*).

—

ЯВЛЕНІЕ V.

Оболенскій и Воеводы.

1-й Воевода (*входя*).

Сюда! Онъ здѣсь — мы здѣсь его найдемъ!

2-й Воевода (*входя*).

Привѣтъ тебѣ, нашъ сильный повелитель!
Знамена Польши и Литвы тебѣ приносимъ.

3-й Воевода.

Изъ Москвы пріѣхалъ къ намъ Бояринъ. —

4-й Воевода.

Польскіе Послы тамъ ждутъ тебя.

1-й Воевода.

И славники рѣшенья ожидаютъ.

2-й Воевода.

И войско ждетъ побѣдоноснаго вождя.

Оболенскій.

Сюда Боярина введите и пословъ!
(*Входитъ Шуйскій, послы и воины*).

—

ЯВЛЕНІЕ VI.

Оболенскій Шуйскій.

Князь Василій Шуйскій! Ты ли?
За чѣмъ въ такой ты путь рѣшился дальній?

Василій Шуйскій.

Велѣніемъ Великія Княгини
Съ побѣдами тебя поздравить — гривну золотую
Вручить тебѣ, отечества спаситель!
Ханъ Крымскій, изумленный подвигомъ твоимъ,
Не смѣлъ на насъ подвигнуть хищныхъ ордъ,
И предлагаетъ миръ, и проситъ пощадить
Литву и Польшу. Рядъ твоихъ побѣдъ
Довольно безопасенъ нашу землю.
Миръ заключи. Спѣши — тебя въ Москву
Зоветъ на торжество Великая Княгиня!
И санъ тебѣ велѣла объявить
Намѣстника Смоленска и Казани!

Всѣ.

Ура! Намѣстникъ нашъ Смоленскимъ и Казанью!

Оболенскій.

Благодареніе, Князь Шуйскій. Вамъ товарищи мои,
Благодаренье!

Василій Шуйскій.

Но смущенъ ты, блѣденъ?
Не раненъ ли ты, Князь?

Оболенскій.

Нѣтъ!

Василій Шуйскій.

Славный подвигъ
Купилъ трудомъ ты тяжкимъ!

Оболенскій (*вздрогнувъ*).

Да,
Онъ дорогъ мнѣ пришелся.....

—

ЯВЛЕНІЕ VII.

Тѣ же и Польскій Посолъ.

Польскій Посолъ (*входитъ*).

Славный воевода!
Отъ Короля привѣтъ тебѣ!

Оболенскій.

А, панъ вельможный!
Ты видишь ли, сдержалъ я слово,
Какое далъ въ Москвѣ?

Польскій Посолъ.

Сдержалъ!

Оболенскій.

Что скажешь намъ теперь?

Польскій Посолъ.

Король прислалъ
Тебя просить о мирѣ. —

Оболенскій.

Вотъ — теперь давай мириться!
Пойдемъ и отдохнемъ за чашей круговой!
Сборъ трубить!

Всѣ.

Ура! Намѣстникъ надъ Смоленскимъ и Казанью!

—

ЯВЛЕНІЕ VIII.

(*Зала въ Кремлевскихъ чертогахъ*).

Елена (*одна*).

Онъ идетъ! Его увижу я!
Не трепещи, не бойся сердце — не печаль, а счастье,
Счастье онъ принесетъ съ собой — герой мой Оболенскій!
Тебя ли вижу? что съ тобой, Елена?
Ты какъ дитя, такъ весела, безпечна!
Да, меня любовь переродила — я дитя,
Я веселюсь..... Да, дайте подышать
Хоть разъ мнѣ въ жизни— вѣдь на счастье,
Вѣдь на радость Богъ создалъ человѣка!

—

ЯВЛЕНІЕ IX.

Елена, Глинскій и Шуйскій.

Шуйскій.

Великая Княгиня! Оболенскій близко;
Гдѣ повѣлишь его намъ встрѣтить? гдѣ принять?

Елена.

Гдѣ встрѣтить — гдѣ принять? На встрѣчу,
На встрѣчу всѣ къ нему, привѣтствуйте его,
Сюда героя приведите — пусть народъ, пусть войско,
Пусть вся Москва гремитъ ему побѣдныхъ хоронъ!
Онъ веселъ ли? Онъ счастливъ ли?

Шуйскій.

Да какъ не быть
Счастливымъ и веселымъ — улицы сверлвсь народомъ,
И только то и слышно: «Многія лѣта!
«Да здравствуетъ отечества спаситель!»
А онъ, какъ соколъ ясный, на конѣ лихомъ
Средь воеводъ и войска.....
(*Слышенъ торжественный маршъ.*)
Близко онъ!

Елена.

Онъ близко!

Шуйскій.

Я спѣшу къ нему на встрѣчу!
(*Уходитъ.*)

Елена (*смотря въ окно*).

Онъ пріѣхалъ —
Спасскія Ворота! Какъ шумитъ толпа —
Ликуй народъ мой — я тебѣ разсыплю
И золото, и серебро, и милость!

Глинскій (*тихо*).

Ея безумное веселье, — радость — чувство,
Котораго она не можетъ скрыть —
И Оболенскаго слова.... Великій Боже!
Или правдиво подозрѣнье?

Елена.

Онъ идетъ!

—

ЯВЛЕНІЕ X.

Прежніе, Шуйскій и Бояре.

Шуйскій.

Великій Княжій Конюшій, Намѣстникъ,
Смоленска и Казани, Воевода Русскихъ силъ,
Князь Иванъ Ѳедоровичъ Оболенскій
Челомъ ударить повелѣнья ждетъ....

Елена.

Введите,
Введите — встрѣтимъ радостно вождя побѣды!
(*Встрѣчаютъ; воины несутъ знамена*).

Оболенскій.

Великая Княгиня! предъ тобой колѣно
Смиренно преклоняя, дань ношу и поздравляю
Тебя съ побѣдою и съ миромъ благодатнымъ.

Елена.

Гдѣ намъ найти тебѣ награду, славный вождь!
Мой сынъ и я одолжены тебѣ спасеньемъ
Отъ замысловъ мнимаго врага.
Пріими же поздравленье наше, всѣхъ бояръ,
Россійской всей земли; и будь здравъ.

Оболенскій.

Вотъ пражіи хоругви, вотъ добыча и дары —
Къ ногамъ твоимъ я повергаю ихъ!

Елена.

Мы ихъ даримъ тебѣ — пускай напоминаютъ
Потомству твоему о славѣ предка.

Глинскій (*въ сторону*).

Тебя я понимаю, бѣдная Елена!
О страсти обманныя! неужели родъ Глинскихъ
Вамъ обреченъ на вѣки?

Елена.

Но дѣла забудемъ —
Веселью предадимся. Юный сынъ мой,
Мой Іоаннъ, ждетъ славнаго вождя, бояре!
Идите, ожидайте насъ въ Палатѣ Золотой,
Я сыну поспѣшу представить Князя:
Пусть учится изъ славнаго примѣра
Великимъ быть; пусть отъ рѣчи и взора
Могучаго силъ Русскихъ Воеводы —
Величіемъ въ немъ загорится сердце. Бѣденъ тотъ,
Въ комъ взоръ героя не зажжетъ порыва къ славѣ?
И даже...

(*Бояре и воины уходятъ*).

Князь Михаило Львовичъ!
Въ мой теремъ приведи мнѣ сына.

(*Глинскій уходитъ*).

—

ЯВЛЕНІЕ XI.

Оболенскій и Елена.

Елена (*послѣ нѣкотораго молчанія*).

Прости мнѣ, Князь — я слабая жена —
Краснорѣчивою быть вовсе не умѣю!

Оболенскій (*забываясь*).

О! говори — не знаю какъ, какимъ ты обаяньемъ
Рѣчь каждую проводишь въ сердце — говори—
Мнѣ выше всѣхъ наградъ твои слова!

Елена.

Изъ сердца рѣчь моя идетъ: когда бъ могла
Пересказать тебѣ, что здѣсь таится....

Оболенскій.

Великая Княгиня!

Елена.

Называй меня Еленой!
Я бѣдная вдова — забудь Княгиню —
О, полелѣй меня отрадной рѣчью...
Въ тебѣ защиту отъ враговъ я вижу,
И отъ крамолъ — въ тебѣ я счастье вижу,
Тобой живу, дышу—ты не Княгиню видишь—
Литовскую ты видишь урожденку,
Мы не привыкли волѣ фатою чувствъ таить,
Привольно мы живемъ, и въ теремахъ
Не заперты... Князь!

Оболенскій.

Повели: куда еще мнѣ должно
Поставить Русскаго орла?

Елена.

Не отпущу тебя я въ битвы!
Мнѣ жизнь твоя дороже; не побѣдъ — любви
Твоей, мой славный Князь!

Оболенскій.

Клянусь
У ногъ твоихъ, Княгиня.

Елена.

Назови меня Еленой,
Назови — дай разъ услышать это имя
На языкѣ любви!

Оболенскій.

Елена.

Елена,

Оболенскій!
О дивный сердцу голосъ! Я тебя ли слышу?
Увѣрься сердце: не мечта — онъ предо мной!

—

ЯВЛЕНІЕ XII.

Тѣ же и Глинскій.

Глинскій.

Твой сынъ, Великая Княгиня, ждетъ тебя.
Бояре ждутъ тебя въ Палатѣ Золотой.

Елена.

Пойдемъ!

Глинскій.

Позволь мнѣ — тайное извѣстье....
Я долженъ....

Елена

Послѣ...

Глинскій.

Послѣ будетъ поздно!

Елена даетъ знакъ Оболенскому; онъ уходитъ).

Елена.

Говори.

Глинскій.

Я видѣлъ сонъ, Елена.

Елена.

Чтожъ?
Не пересказывать ли ты его мнѣ хочешь?

Глинскій.

Да.

Елена.

Нашелъ ты время!

Глинскій.

Страшенъ былъ мой сонъ,
Онъ не обманчивъ былъ — я вижу,
Какъ на яву сбывается зловѣщій!

Елена.

Подди же, поколдуй, поворожи, что значитъ онъ,

Съ какой нибудь старухой посоветуй!

Глинскій.

Съ тобой совѣтовать мнѣ должно.
Елена! я безъ колдовства скажу — страшись,
Ты къ гибели себя ведешь!

Елена.

Какъ жаль!

Глинскій.

Его я видѣлъ, страшенъ онъ явился,
Нашъ предокъ Вошелгъ, самоубійца, тотъ,
Который каждый разъ, когда грозитъ бѣда,
Является потомству своему — его я видѣлъ!
(*Елена содрогается.*)
Ты содрогаешься? И для чего же слѣпо
Погибели предаться хочешь? Ты бѣды не видишь!

Елена.

Что жъ, не открылъ ли заговора ты,
Когда побѣдами крѣпка моя держава,
Когда склонилось все передо мной?
Въ какомъ углу еще гнѣздится ухищренье,
Кто заговорщикъ? Говори!

Глинскій.

Кто? ты сама
И Оболенскій. Да, Елена, я тебя проникъ:
Безумной страсти предаешься ты,
Позоришь ты себя предъ свѣтомъ; удержись,
Не погуби себя и насъ!

Елена.

Такъ дерзко требовать отчета смѣетъ кто отъ меня?

Глинскій.

Кто? Богъ, совѣсть — я!
Когда свой долгъ, свой санъ ты забываешь,
Я тебѣ его напоминаю.

Елена.

Видно, сонъ
Тебя перепугалъ: ты на яву мечтаешь.

Глинскій.

Не мечтаю я; осмѣлься, отрекись, скажи....

Елена.

Нѣтъ! я не отрекусь — передъ тобой,
Предъ цѣлымъ свѣтомъ я скажу: люблю его,
Его, героя моего! Тебѣ не смѣть судить
Меня, владычицу надъ Русскою землей!

Глинскій.

Елена Глинская, какія рѣчи!

Елена.

Дерзкій!
Кто право далъ тебѣ?

Глинскій.

Мои лѣта,
Мое родство; я дядя твой; я старшій въ родѣ Глинскихъ.
Мнѣ, умирая, твой супругъ,
Мнѣ честь твою бересть препоручилъ, Елена!
Ты забываешь долгъ вдовы и матери; къ чему
Ведетъ твоя любовь? Она тебѣ позоръ,
Она передаетъ тебя молвѣ народной....
О, ради Бога, мѣста гнѣву не давай....
Никто не смѣетъ истины тебѣ сказать,
Она царямъ подарокъ рѣдкій.... О, Елена!
Я падаю къ ногамъ твоимъ, я — Глинскій,
Глинскій Михаилъ!

Елена.

Встань, замолчи, старикъ!

Глинскій.

Нѣтъ! я не замолчу!

Елена.

Не раздражай меня; страшись — мой гнѣвъ...

Глинскій.

По каплѣ
Кровь источи мою — я не умолкну,
Какъ совѣсть неусыпная, какъ червь могильный
Не отступлю ни отъ тебя, ни отъ него....

Елена (*гнѣвно*).

Крамольникъ!
Ты, цѣлый вѣкъ измѣнами дышавшій,
Два раза клятвы преломившій, ты ли смѣешь
Мнѣ говорить, и долгу обучать другихъ?
Давно ли сталъ такъ праведенъ, Михайло Львовичъ?

Глинскій.

Терпи, старикъ, по прежнему возмездье, —
Расплата за грѣхи твои былые!

Елена.

Ты мнѣ, владычицѣ твоей, дерзаешь
Упрекать? Безчеловѣчный! Для чего мнѣ жить,
Когда ты жизнь мою отъемлешь такъ свирѣпо?

Глинскій.

Ты жить должна не для себя,
Для сына, для другихъ! На тронѣ,
Какъ на солнцѣ пятна: цѣлый міръ ихъ видитъ,
Лучи ихъ не скрываютъ....

Елена.

Кто взглянуть посмѣетъ
На солнце, тотъ ослѣпнетъ отъ лучей его!

Глинскій.

Нѣтъ, Елена, ты ошиблась: ты племянница моя,

Литвянка бѣглая, и на челѣ твоемъ
Не родовой, но подаренный случаемъ вѣнецъ:
Не омрачи его постыдной страстью; добродѣтель только
Тебя прославить можетъ, но страстей зараза
Тебѣ его тлетворнымъ ядомъ отравитъ....

Елена.

Ты забываешься, старикъ безумный!
Спасенный милостью моей отъ плахи
И отъ тюрьмы, гдѣ ты двѣнадцать лѣтъ томился....

Глинскій.

Угодно было Богу испытать нашъ родъ бѣдой.
Онъ насъ помиловалъ тобой; не возгордись,
И промыслы Святаго Провидѣнья
Благослови....

Елена.

Кого благословить мнѣ и за что?
За то ль, что злобствуя противъ враговъ своихъ,
Ты кровью ихъ упился и бѣжалъ въ Москву,
И погубилъ свой родъ, друзей и братьевъ?
Я помню, какъ скитались мы съ отцомъ
И съ братьями, и въ рубищахъ изгнанья
Границу Русскую переходили! Не за то ли
Благодарить, что молодость мою,
За выкупъ свой, за почести, за злато,
Все отдала потомъ больному старику?
Онъ далъ мнѣ свой вѣнецъ — что мнѣ въ вѣнцѣ,
Когда я горькими слезами выкупала
Мой грустный жребій.... Да, я все, все отдала
Ни радостей, ни счастья, ни любви
И ничего, чѣмъ жизнь красна,
Не знала я, все въ жизни погубила....
И ты еще дерзаешь упрекать,
Мое святое чувство смѣешь называть
Позоромъ, и послѣднюю изъ сердца радость вырвать!
Прочь, старая змѣя! Проклятье, страшное проклятье
Да будетъ на главѣ твоей; тебя щадила я,
Теперь щадить не буду....

Глинскій.

Удержись, Елена!

Елена.

Прочь, лицемѣръ! Никто не смѣетъ, не дерзнетъ
Взоръ возвести на высоту величья,
Которое купила счастьемъ жизни я!
Люблю его, любовь его вознаградитъ
Мнѣ жизнь прошедшую; она мой рай,
Она мнѣ все....

Глинскій.

Дочь брата моего,
Страшись Родительскою властью,!
Которую мнѣ передалъ отецъ твой,
Тебя я поражу на высотѣ величья.
Нѣтъ! Я не пощажу тебя! Мнѣ, на краю могилы,
Мнѣ нечего бояться.

Елена (*съ гнѣвомъ хлопая руками*).

Мы увидимъ! Стража!

—

ЯВЛЕНІЕ XIII.

Тѣже, Оболенскій, воины.

Елена (*указывая на Глинскаго*).

Въ цѣпи
Закуйте, въ кандалы его, сорвите украшенья
Боярскія — онъ недостоинъ ихъ!

Глинскій.

Меня?

Оболенскій.

Великая Княгиня! Что я слышу?

Елена.

Въ темную тюрьму, чтобъ дневный свѣтъ
Не проходилъ украдкой даже!

Глинскій.

Вижу судъ твой правый,
Боже!... Глинскихъ роду суждено погибнуть!
Да, я пойду въ тюрьму, а ты на пиръ Елена.
Но знай, что легче быть въ тюрьмѣ, въ цѣпяхъ,
Чѣмъ тамъ сидѣть съ тобой на пиршествѣ роскошномъ.
Прости, Елена! Обращаю рѣчь
Къ тебѣ, великій воевода: берегись,
Не опозорь побѣднаго вѣнца
Побѣдою постыдной и безславной
Надъ женщиной, забывшей долгъ и честь!

Оболенскій.

Когдабъ послѣдовалъ повѣрьямъ басурманскимъ,
И сѣдины твоей щадить бы не хотѣлъ....

Глинскій.

А вотъ она и ихъ щадить не хочетъ!

Елена.

Щадить тебя, крамольника!

Глинскій.

И какъ щадить? Я смѣлъ,
Я истину осмѣлился сказать....

Елена (*пишетъ поспѣшно что-то на бумагѣ, и отдаетъ стражѣ*).

Исполнить

Немедленно!

Глинскій.

Ты приговоръ мой подписала? такъ узнай
Завѣтъ послѣдній.... Нѣтъ! я все сказалъ....
(*Оболенскому*) Великій воевода!
Помни — горекъ плодъ грѣха!.. Елена!
Я замолчу, — но совѣсть. О! ея ужасенъ вопль!
(*Его уводятъ*).

—

ЯВЛЕНІЕ XIV.

Оболенскій и Елена.

Елена.

Ты понялъ ли какую жертву
Я приношу тебѣ? Умѣлъ ли оцѣнить?
(*Уходитъ*).

Оболенскій (*одинъ*).

Елена! ... Понялъ, страшная жена!...
Все понялъ я, и кровь моя кипитъ и стынетъ!
Любовь твоя безумна — будто чара
Вина, которую замялъ ужаснымъ словомъ
Могучій чародѣй.... Свѣти, моя звѣзда!
Пока ты не потухнешь — дайте эту чару,
Отдайте мнѣ испить ее до дна,
И обсунѣть среди славы и величья!
Какъ море бурное, она кипитъ страстями,
И каждый шагъ мой — гибель или слава....
И бурей воетъ кликъ побѣды, и любовь,
Такъ дышитъ смертью.... Прочь, сомнѣнья, прочь,
Не потухай моя звѣзда средь бурныхъ тучъ,
Плыви, мой челнъ, и не страшися скалъ,
И если пасть — пусть только гулъ паденья
Далеко разнесется по концамъ земли!

—

ЯВЛЕНІЕ XV.

Оболенскій, Вас. Шуйскій, бояре, Пахомко.

Шуйскій.

Великій Княжій Конюшій, Намѣстникъ
Смоленска и Казани, воевода Русскихъ силъ,
Князь Иванъ Ѳедоровичъ Оболенскій,
Великая Княгиня знать тебя велѣла!

Оболенскій.

Куда?

Шуйскій.

На пиръ, тамъ ждетъ тебя она и осиѣ Бояръ.

Оболенскій.

На пиръ!

Шуйскій

И Кремль наполнился народомъ,
Всѣ зрѣть тебя, великій вождь, хотятъ —
Явись народу!

Оболенскій (*тихо*).

Неужели величіе похоже
На гробъ — снаружи злато,
А трупъ внутри смердящій истлѣваетъ?
(*Громко.*)
Пойдемъ! (*Бояре слѣдуютъ за нимъ*).

—

ЯВЛЕНІЕ XVI.

Пахомко (*одинъ*).

Марія, бѣдная Марія! Онъ пируетъ,
А ты, затворница, ты плачешь. — Погоди,
Великій вождь! Я совѣсть разбужу твою,
И пуеть тюрьма была наградой Михаила.
Великая Елена! трепещи!
Тюрьма не скроетъ преступленья —
Я вамъ улику здѣсь поставлю на лицо!

—

ЯВЛЕНІЕ XVII.

Вас. Шуйскій и Пахомко.

Вас. Шуйскій (*мимоходомъ*).

Что ты тутъ мудрствуешь, Пахомушко?
Не звѣзды ли считаешь?

Пахомко.

Нѣтъ! ваши головы считаю, да нимъ
Не досчитываюсь.

Вас. Шуйскій.

И! Охота тебѣ! Поди туда, тамъ тебѣ
Дадутъ хорошій кусочикъ.

Пахомко.

Не подавиться бы, какъ большой кусъ дадутъ!

Вас. Шуйскій.

Проглотишь!

Пахомко.

Правда ль, дѣдушка, что Князь
Иванъ Ѳедоровичъ, вотъ здѣсь, проглотилъ
Михаила Львовича?

Вас. Шуйскій (*испугавшись*).

Молчи, дуракъ! намъ-то что за дѣло?
(*Уходитъ*).

ДѢЙСТВІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

КРЕМЛЕВСКІЙ ТЕРЕМЪ.

Домъ Оболенскаго.

ЯВЛЕНІЕ I.

Трунило и Пахомко.

Трунило.

Ну вотъ, что говорится, не думанно, не жданно! Слышу, стучатъ; иду, смотрю, анъ Пахомушко пріятель!

Пахомко.

Гора съ горой не сойдется, а человѣкъ съ человѣкомъ, и не радъ, а свидится.

Трунило.

Будто ты и не радъ меня видѣть?

Пахомко.

Какъ не радоваться! Свой своему по неволѣ другъ: вѣдь ты такой же шутъ, какъ я.

Трунило.

Бывалъ, а теперь, братъ, я ужъ не то!

Пахомко.

Въ самомъ дѣлѣ? Залетѣла ворона въ высокіе хоромы! Ты здѣсь расхаживаешь настоящимъ хозяиномъ,

Трунило.

И разумѣется. Чего хочу, то и волочу: брусничковки, смородиновки, хоть романеи, хоть мальвазіи — все тотчасъ явится, а ѣсть — чего душа хочетъ — ѣшь не хочу!

Пахомко.

Ты, кажется, и не спускаешь барскому погребу: вотъ у тебя и сулейка на столикѣ.

Трунило.

Да, я только что почалъ. Не хочешь ли приложиться?

Пахомко.

Кто отъ добра отказывается!

Трунило.

Садись же, садись, да потарабаримъ что нибудь. Ну ка! Твое здоровье!

Пахомко.

Благодаренъ, благодаренъ, Викулъ Петровичъ! Теперь твое — разомъ чокнемся!

Трунило.

Изволь, изволь! Ну, теперь опять твое...

Пахомко.

Смотри братъ, чтобы этимъ не проглотить намъ своего здоровья.

Трунило.

Э, была не была!

Пахомко.

Скажи-ка, однако жъ, что все это значитъ? а? что это за домъ такой? Что такое ты здѣсь?

Трунило.

Я! хе, хе, хе! Это палаты друга моего, и я у него управителемъ; будто не знаешь!

Пахомко.

Право, не знаю; я шелъ мимо, и не думалъ, чтобы въ такой глуши были здѣсь построены такія княжескія палаты, — спрашиваю у сосѣда, чей домъ? а онъ мнѣ сказалъ... чей бишь?

Трунило.

Стольника Овчины? Хе, хе хе!

Пахомко.

Да, да! точно Овчины! А я и думаю: кто такой Овчина? Кажись, я таки свою братью, дворскихъ людей, знаю....

Трунило.

А Овчины не знаешь? Ха, ха, ха! Выпьемъ-ка.

Пахомко.

Вотъ и спрашиваю: а кто же тутъ живетъ? Да Овчины, дескать нѣтъ, а живетъ тутъ управитель его, Викулъ Петровичъ Трунило, а я и кусь себя за языкъ. Да вѣдь это мой пріятель — и давай стучать....

Трунило.

Стукнемъ-ка хорошенько!

Пахомко.

Право, слово мнѣ все что-то не вѣрится! Какой Овчина, скажи — будь пріятель?

Трунило.

Много будешь знать.....

Пахомко.

Ну?

Трунило.

Скоро состарѣешься!

Пахомко.

Ну, такъ братъ, твоему Овчинѣ я не вѣрю, ты меня обманываешь. — Что за Овчина такая?

Трунило.

Ну, такая Овчина, разумѣется, котораго и на соболя не промѣняешь — Ха, ха, ха! (*Поетъ*).

Западала моя дороженька,
Частымъ е. е..ельничкомъ. .за...за

Пахомко.

Будто ты и хозяйничаешь здѣсь? Не вѣрю!

Трунило.

Хозяйничаю ли? Да вотъ видишь, у меня всѣ ключи, все на моемъ отчетѣ — приказываю, да и только — видишь.... какъ тебѣ другу не открыть, вѣдь ты меня любишь — поцѣлуемся, а я тебя, ну, вотъ, ей Богу, право слово, люблю....

Пахомко.

И я люблю тебя, какъ собака палку!

Трунило.

Хе! все шутцтъ!

Пахомко.

Неужели ты въ цѣломъ домѣ одинъ живешь? Экая горница! чудо, да и только — эта дверь куда?

Трунило.

Эта — туда....

Пахомко.

А эта?

Трунило.

А эта — тамъ маленькая закорючка, такъ-ничего.

Пахомко.

А! видно ты ее стережешь! Аль у хозяина-то зазноба, а ты сторожемъ?

Трунило.

Я тебѣ ничего не говорю... а коли хочешь, тамъ покажу.... Что дашь?

Пахомко (*въ сторону*).

Пару оплеухъ! (*Громко*) Что дать? Обманешь!

Трунило.

Ей Богу, право, вотъ и ключъ!

Пахомко.

А хочешь, я поворожу и узнаю самъ?

Трунило.

Ну ка!

Пахомко.

Постой. Сядь такъ! выпьемъ-ка еще!!

Трунило.

Выпьемъ, выпьемъ!

Пахомко.

Ну, дай сюда ключи!

Трунило.

Изволь! посмотримъ твоей удали! (*Пахомко отпираетъ дверь на лѣво, сзади Трунилы.*)

Пахомко.

Сиди же, не оглядывайся! Ходи земля ходенемъ, не быть тому умнымъ, кто рожденъ дуракомъ! Сиди же смирно! (*Онъ уходитъ въ дверь на лѣво.*)

Трунило.

Да, да, колдуй себѣ— много ты узнаешь! Нѣтъ, братъ, Пахомушка, нынче вѣдь не то время. Люди стали нынче поумнѣе бѣса твоего.

Пахомко (*возвратясь*).

Вертись земля по солнцу. (*за дверь.*) Посвѣтнимъ!

Трунило.

Вертись земля! хе, хе хе! Да, она что-то и въ самомъ дѣлѣ немножко вертится....

—

ЯВЛЕНІЕ II.

Тѣже и Марія.

Марія (*выходя изъ дверей*).

Я здѣсь, пойдемъ, веди меня!

Пахомко.

Тише!

Трунило.

Вотъ ужъ заговорилъ тоненькимъ голоскомъ — хитеръ, хитеръ! Что? угадалъ (*вдругъ оглядывается*).

Пахомко (*закрывая Марію*).

Постой! что ты? на что ты оглядываешься? Оборотись опять! вотъ я около тебя пойду. Будь дуракомъ, не грози кулакомъ, ѣзди на палочкѣ верхомъ! (*Онъ проводитъ Марію въ дверь назади (бросается на Трунилу, вертитъ его).*

Трунило.

Полно, полно! что ты?

Пахомко.

Теперь я спрячусь, а ты чудеса увидишь! (*въ сторону*) запру дверь. Пока онъ догадается.

пвыйдетъ, мы будемъ дал ! (*Убѣгаетъ за Маріею*).

—

ЯВЛЕНІЕ III.

Трунило (*одинъ*).

Чудеса увидишь! Ну, меня, братъ, не удивишь чудесами-то..... Что это мнѣ кажется будто дверь-то отворена.... (*ищетъ ключей*) Куда я ключи-то дѣвалъ? Что это со мной досталось.... Ну, немного лишечки хватилъ.... Что это тамъ собаки залаялись.... Постой, постой, дай посмотрѣть.... (*идетъ къ задней двери.*) Заперто! А эта... ну, ужъ эта, право отворена.... Эхъ! постой, постой.... ты тутъ посиди, а я схожу и еще принесу!...

(*Уходитъ*).

—

(*Кремлевскій дворецъ*).

ЯВЛЕНІЕ IV.

Оболенскій (*входитъ*).

Нѣтъ! гордости и ненависти ихъ
Ничто не усмиритъ. Какъ мнѣ,
Мнѣ, побѣдителю и первому вельможѣ,
Въ ея присутствіи дерзнуть оспорить мѣсто?
Тюрьма и плаха — ихъ ничто не вразумляетъ!
Какою ненавистью очи ихъ горѣли,
Когда заздравный кубокъ пили за мое здоровье!
Чего не вымыслитъ ихъ умъ на гибель мнѣ!
Василій Шуйскій раболѣпствуетъ коварно,
А братъ его....

—

Оболенскій и Трунило.

ЯВЛЕНІЕ V.

Трунило.

Батюшка, Князь! насилу-то я тебя нашелъ!

Оболенскій.

Зачѣмъ ты здѣсь? Что тебѣ надобно?

Трунило.

Отецъ и кормилецъ! руби мою голову.
(*Падаетъ на колѣни*).

Оболенскій.

Что такое сдѣлалось?

Трунило.

Руби голову! Согрѣшилъ: подшутилъ окаянный!

Оболенскій.

Говори!

Трунило.

Охъ! языкъ не ворочается!

Оболенскій.

Скажешь ли ты....

Трунило.

Помилуй, помилуй! (*шопотомъ*) Она ушла!

Оболенскій.

Какъ? ушла!

Трунило.

Ее нечистый унесъ!

Оболенскій.

Измѣнникъ! я велю жилы изъ тебя вытянуть!

Трунило.

Бей, сѣки, твори свою волю; служилъ я тебѣ вѣрою и правдою, но вѣдь съ чортомъ-то что же сдѣлать? Обернулась сорокой и улетѣла.

Оболенскій (*тихо*).

Я погибъ! (*громко*) Говори!

Трунило.

Нечего и говорить. Ее нѣтъ — слѣдъ простылъ! Пришелъ окаянный въ человѣческомъ образѣ, одурилъ меня, и она пропала!

Оболенскій.

Они узнали тайну мою и погубятъ меня! (*Трунилѣ.*) Помнишь ли, что я говорилъ тебѣ?

Трунило.

Помню, кормилецъ: ты обѣщалъ наградить меня, если Марія....

Оболенскій.

Не произноси ея имени! Ты помнишь только о наградѣ, а за измѣну, что я обѣщалъ?

Трунило.

Я измѣнилъ тебѣ? Да, лопни мои очи, если... Да, не попусти.... Да....

Оболенскій.

Я сдержу свое слово; пытка выскажетъ мнѣ твою измѣну, а плаха наградитъ тебя за нее!

Трунило.

Отецъ! Бояринъ милосердый! (*Падаетъ на землю*) Помилуй, помилуй! (*Ползетъ за жилы*).

Оболенскій (*въ двери*).

Послать ко мнѣ моего воеводу!

Трунило.

Ей, кормилецъ, не лгу, ей, не измѣнникъ помилуй! Господь тебя благословитъ! Помилуй!

—

ЯВЛЕНІЕ VI.

Тѣже и воевода.

Оболенскій.

Взять его, и до моего повелѣнья не дозволять ему видѣться и говорить ни съ кѣмъ! Ты головой отвѣчаешь!

Трунило (*отъ страха не можетъ говорить*).

Ба.... тю.... шка....

(*Воевода уволокаетъ его*).

—

ЯВЛЕНІЕ VII.

Оболенскій (*одинъ*).

О! разтерзать, пытать мерзавца! Но къ чему?
Что выкупитъ мнѣ голова его? Довольно крови,
Довольно жертвъ принесено! Что я узнаю?
Ихъ ненависть, свою погибель....

—

ЯВЛЕНІЕ VIII.

Оболенскій и Елена.

Елена.

Ты печаленъ, Иванъ Ѳедоровичъ? День торжества,
Быть можетъ, грустенъ для героя — странно, какъ
Судьба играетъ нами.... мыслить, веселиться —
И что жъ? Какъ воронъ черный налетаетъ грусть!
Позволь узнать вину твоей печали?

Оболенскій (*въ сторону*).

Что значитъ рѣчь? (*громко.*) Я буду откровеннѣ,
Великая Княгиня! Грустно мнѣ, что злоба,
Людская злоба такъ непримирима:
Она не цѣнитъ ни заслугъ, ни чести....

Елена.

Ужели знать людей еще не научился ты?
Ужели мыслилъ ты участіе снискать?
Мечталъ купить побѣдами признанье,
Добромъ сердца людей? Безумцы вознесутъ
Тебя, какъ свой кумиръ, сегодня — завтра
Они готовы въ прахъ тебя низвергнуть!

Оболенскій.

Ты можешь думать....

Елена.

Я узнала ихъ.
Я испытала ихъ бѣдами жизни,
Я видѣла какъ ихъ безжалостны сердца.
Какъ низки передъ силою, горды передъ слабымъ;
Я презирать ихъ научилась, я узнала,
Что и къ добру вести неволей должно ихъ...
Я добродѣтели ихъ вѣрить разучилась....

Оболенскій.

Ужели всѣ безъ исключенья....

Елена.

Нѣтъ, не всѣ,
Но многихъ ли не закружится голова,
Когда на высоту взойдутъ они величья?
Слабость также преступленье въ сильномъ....
Ужели женщинѣ указывать герою,
Какъ твердъ онъ долженъ быть? Смотри,
Вотъ Шуйскаго мнѣ тайныя извѣстья....
Трепещешь ты?

Оболенскій.

Нѣтъ! я не трепеталъ
Предъ смертью среди битвъ....

Елена.

Увидимъ.
Шуйскій пишетъ мнѣ...

Оболенскій.

Что пишетъ онъ?

Елена.

Что никому я вѣрить не должна,
Что тайная крамола межъ вельможъ таится...

Оболенскій.

Подлѣ тебя я стану — черезъ трупъ мой
Они тебя достигнутъ...

Елена.

Онъ доноситъ мнѣ,
Что и въ народѣ тайные есть толки,...
Презрѣнные! они дерзаютъ толковать,
Что я, Литвянка, захватила власть,
Они дѣла мои судить дерзаютъ!

Оболенскій.

Презрѣнье темному народу!

Елена.

Сожалѣть,
Не презирать должна я чернь пустую,
Крикунью жалкую. Но если бъ опереться
Могла бы я на мужа крѣпкаго душей,
Могла ему и власть свою отдать и съ нимъ душой
Дѣлиться... что посмѣли бы они,
Крамольные? Казалось мнѣ, что я нашла его.
Какъ онъ великъ, какъ онъ прекрасенъ мнѣ казался!

Оболенскій.

Казался!

Елена.

Да, да, онъ обманывалъ меня!

Оболенскій.

Они клевещутъ на меня!

Елена.

А! ты узналъ
О комъ я говорю? Ты знаешь ли, скажи,
Что тотъ, кому я сердце довѣряю,
Тотъ долженъ мнѣ всего себя отдать,
Всего, безъ раздѣленья—жизнь и будущность его,
И жизнь за гробомъ—все, все мнѣ; тогда
Нѣтъ жертвъ какихъ ему не принесла бы я,
И счастья въ мірѣ нѣтъ ужъ для меня другаго,
Оно лишь въ немъ, въ любви, въ душѣ его...
Смотри: мой дядя смѣлъ сказать мнѣ слово...

Оболенскій.

Прости ему...

Елена.

Простить! Не поздно ли?—Онъ умеръ!
Вотъ донесенье изъ темницы... Для кого же
Всѣмъ жертвовала?... Ты обманывалъ меня.

Оболенскій.

Скажи: въ чемъ обвинять меня дерзаютъ?

Елена.

Не въ измѣнѣ,
Не въ робости.... О! какъ мое забилось сердце!
Мысль одна, какъ жгучій огнь, отъ сердца
По жиламъ льется... Ты женатъ!
(*Оболенскій не можетъ отвѣчать*).
Твоя жена въ Москвѣ: на тайныя свиданья
Ты удаляешься, и отъ любви докучной
Въ ея объятьяхъ отдыхаешь ты....
Но знай, что слабость сердца выкуплю я страстно.
Нѣтъ! безнаказанно не посмѣешься ты!
Я жизнь тебѣ отдать готова; жизнью
Ты не расплатишься, когда умѣлъ изторгнуть
Признанье въ томъ. Что мнѣ измѣны? что побѣды?
Пусть гибнетъ все—нѣтъ! мнѣ не пережить...

Оболенскій.

Великая Княгиня?

Елена.

Ахъ! зачѣмъ ты далъ узнать
Мнѣ счастье неба, и увлекъ въ горящій адъ...

Оболенскій.

Позволь мнѣ оправдаться...

Елена.

Какъ? ты можешь оправдаться?
О, ради Бога, оправдайся, говори.... къ чему слова,
Ты могъ бы взоромъ оправдаться предо мной.
Все, все простила бы Елена Іоанну,
Она ему повѣрила бъ безъ словъ.. Но ты,
Ты, какъ преступникъ предъ царицей, робкій,
Нѣтъ! не любишь ты! любви не знаешь ты!...

Оболенскій.

Твои я съ изумленьемъ слушалъ рѣчи...

Елена.

Съ изумленьемъ только....

Оболенскій.

Съ трепетомъ...

Елена.

Ты можешь трепетать,
Ужли ты думалъ здѣсь меня превысить властью?
Знакъ одинъ, одно лишь слово....
Да, ты можешь трепетать!
Нѣтъ, Оболенскій, нѣтъ! не вѣрь рѣчамъ безумнымъ,
Не вѣрь... О Боже! оправдайся! вѣдь они клевещутъ...

—

ЯВЛЕНІЕ IX.

Тѣ же и Пахомко.

Елена.

Какъ ты осмѣлился войти сюда?

Пахомко.

Прости,
Великая Княгиня! Женщина къ тебѣ
Какая-то пришла, и важной тайны
Открытіе желаетъ сообщить...

Елена.

Что, если?...

Пахомко.

Вотъ она!

—

ЯВЛЕНІЕ X.

Тѣ же и Марія.

Пахомко.

Войди же, матушка, не бойся,
Ты судъ найдешь здѣсь правый и привѣтъ.
(*Онъ уходитъ*).

Елена.

Кто ты?

Марія.

Бѣдная жена!

Оболенскій (*содрогаясь взглядываетъ на Марію*).

Марія!

Елена (*яростно*).

Такъ ее зовутъ Маріей?

Говори, зачѣмъ ко мнѣ
Пришла ты, говори!

Марія (*на колѣняхъ*).

Я милости твоей ищу!

Елена.

Что жъ, золота тебѣ?
Ты бѣдная, ты нищая—возьми, возьми его скорѣе!

Марія (*гордо*).

Нѣтъ! я не нищая, я обвинить пришла
Супруга моего—онъ измѣнилъ мнѣ, онъ меня покинулъ,
Онъ увлеченъ другой любовью...

Елена.

Кто супругъ твой?

Марія (*указывая на Оболенскаго*).

Онъ!

Елена.

Онъ, а та, которой онъ пожертвовалъ тобою?

Марія.

Ты!

Елена.

Да, она красавица, прекрасна, молода,
Не мнѣ равняться съ ней — она прекрасна и любима!
Злодѣй! И ты два сердца растерзалъ....

Оболенскій.

Презрѣнной клеветы давно-ль сплетенью...

Елена.

Ты смѣешь...

Оболенскій.

Смѣю; какъ сообщницѣ злодѣевъ,
Клеветниковъ, повѣрить ты могла?
Она мнѣ не жена!

Марія.

Я не жена твоя?
Я не твоя Марія! Ты меня не узнаешь,
О мой супругъ! Великая Княгиня!
Онъ промѣнялъ любовь мою на почесть,
На славу, на чины.... Не вѣрь его любви;
Когда любовь мою жестокій отвергаетъ,
Онъ также и твою любовь отвергнетъ.

Елена.

Нѣтъ, не родился тотъ, кто посмѣяться
Осмѣлился бы надъ моей любовью!
Ты самъ ее Маріей называлъ... и улыбкѣ смѣешь...

Оболенскій.

Дочь твоихъ злодѣевъ — знаешь ли? Она Сабурова Марія. —

Елена.

Сабурова?

Оболенскій.

Давно помѣшана, безумная; она
Мечтаетъ, что ее супругъ оставилъ, и повсюду
Супруга ищетъ. Шутъ ее привелъ въ твои чертоги —
Они смѣются надъ тобой.

Марія.

Онъ называлъ меня безумной?

Елена.

Оболенскій! если правда —
Чѣмъ выкупить мою вину передъ тобой!
Говори, несчастная, кто ты? Марія? Ты
Сабурова? Кто подкупилъ тебя?
Иль ты безумствуешь?
Но сѣдой Оболенскій!
Что ты играешь головой своей!

Марія.

О Боже!
Нѣтъ, нѣтъ! Я не жена его — о ради Бога!
Великая Княгиня! я тебѣ его отдамъ,
Но только возведи его и въ честь, и въ славу —
Отдай ему свой тронъ. — Ахъ, онъ вѣнца достоинъ!
Весь міръ къ ногамъ его пусть упадетъ...

Елена.

Безумныя ли рѣчи?.. И она,
Какъ ангелъ хороша!... Чему мнѣ вѣрить?
Голова моя кружится...

(*Она идетъ*).

Оболенскій (*улыбаясь*).

Вѣрь рѣчамъ безсвязнымъ,
Когда рѣчамъ моимъ не хочешь вѣрить,
Не хочешь вѣрить сердцу моему!

Елена.

Нѣтъ! я самой себѣ не вѣрю...

(*Уходитъ.*)

Оболенскій.

Елена!

(*Маріи.*)

Трепещи, преступная злодѣйка!
Ты головы моей искала — я тебя любилъ,
Я совѣстью терзался, но теперь свободенъ я,
Тебя я ненавижу — трепещи!

(*Уходитъ за Еленою*)

—

ЯВЛЕНІЕ XI.

Марія и Пахомко.

Пахомко (*въ слѣдъ Оболенскому*).

Самъ затрепещешь,
Преступникъ, безсердечный мужъ!

Марія.

Что это было?
Гдѣ я? О чемъ ты плачешь?

Пахомко.

Горьки эти слезы,
Несчастная Марія! Плачу о судьбѣ людей...

Марія.

Мнѣ показалось—онъ былъ здѣсь, и онъ сказалъ, что онъ не супругъ мой, что я сумасшедшая... Нѣтъ, старикъ! Я не сумасшедшая, я только любила его...

Пахомко.

Пойдемъ!

Марія.

И онъ любилъ меня! Ахъ! какъ онъ любилъ меня.... (*Она плачетъ*).

Пахомко.

Пойдемъ скорѣй!

Марія.

Куда, къ нему?

Пахомко.

Да, къ нему!

Марія.

И онъ не отвергнетъ меня, не откажется отъ меня?.. Это былъ сонъ — я ошиблась — пойдемъ, пойдемъ! Веди меня — я не вижу дороги! ноги мои дрожатъ....

(*Пахомко уводитъ ее*).

ДѢЙСТВІЕ ПЯТОЕ.

Уединенная комната въ жилищѣ Соломоніи. На право отгородка, и въ ней дверь.

ЯВЛЕНІЕ I.

Соломонія (*сидитъ закрывши лице руками. Слышно пѣніе*).

Хоръ.

Житейское кипѣло море
Волнами, бурею страстей;
Вездѣ бѣды, печали, горе,
Но, въ тихой пристани твоей,
Ты успокоилъ насъ, Спаситель,
Страстей и моря укротитель!

Спаси насъ, Боже правосудный!
Даруй, да прейдемъ тихо мы,
Сей жизни путь терновый, трудный,
И побѣдимъ соблазны тьмы!

Соломонія (*подымаясь*).

Полно — замолчите, замолчите!
Подруги добрыя! Нѣтъ! мнѣ молитва не въ отраду;
Ни десять лѣтъ томленья, ни смиренье,
Ни слезы, ни печаль — ни что, ни что
Не задушило здѣсь палящаго огня,
Не залило кровавой жажды мщенья!
Василій! Я тебя давно простила —
Ей — не прощу! Отдайте сына мнѣ —
И передъ вами Княжескій престолъ...
Сближайся страшное мгновенье мести
А грѣхъ! а бездна адская?... О горе мнѣ!
Господь! спаси меня, помилуй....
(*Падая на колѣни.*)
Они идутъ... Они!
Поздно!

ЯВЛЕНІЕ II.

Марія и Пахомко (*входятъ*).

Соломонія.

Нѣтъ! не они — старикъ какой-то
И женщина— она больна, она страдаетъ —
Божій миръ? Кто перечтетъ въ тебѣ страдальцевъ!
Кто вы?
За чѣмъ пришли въ мое забвенное жилище?

Пахомко.

Я бѣдную привелъ къ тебѣ жену;
Ей въ мірѣ нѣтъ отрады. — Сирой
Ее въ твоемъ жилищѣ — въ цѣломъ мірѣ,
Убѣжища другаго не осталось ей!

Соломонія.

Такъ здѣсь она его найдетъ.—Пріиди не мнѣ,
Съ тобой я плакать, горе раздѣлить готова.
Но если мыслишь ты здѣсь миръ сыскать,
Когда ты въ мірѣ счастье оставляешь —
Здѣсь мира нѣтъ. —

Марія.

Не мира, а могилы
Прошу я, умоляю, ради Бога!

Соломонія.

Юная жена!
Какъ рано бури растерзали жизнь твою! —
Скажи: какое бѣдствіе тебя постигло?
Или ты матери лишилась и отца?

Марія.

Я ихъ почти не помню...,

Соломонія.

Сирота!

Марія.

Да, сирота —
Супругъ мой позабылъ меня, оставилъ,
Изгналъ, отрекся отъ меня.

Соломонія.

О! таковы они,
Злодѣи, и теперь, какъ видно!
Таковы они давно! —

Марія.

Не проклинай его!
Пусть будетъ счастливъ онъ.
Пусть слезы мнѣ и горе — радости ему....

Соломонія.

Твой видъ, надежда, рѣчи — все мнѣ говоритъ,
Что не простаго рода ты, страдалица младая—
Кто твой супругъ?

Марія.

Онъ славенъ средь бояръ —

Соломонія.

Бояринъ славный? Кто же разлучилъ васъ, говори?

Марія.

Не спрашивай — я говорить не смѣю!

Соломонія.

Ты не смѣешь? трепещу —
Да! этотъ голосъ, это сходство... Говори, кто ты?

Пахомко.

Великая Княгиня.

Соломонія.

Не Княгиня я!
Старикъ! Я не Княгиня — ты ошибся!

Пахомко.

Не ошибся я —
Пусть цѣлый міръ Княгиней называетъ
Литвянку, со главы твоей сорвавшую вѣнецъ;
Для подданныхъ, для вѣрныхъ слугъ твоихъ,
Онъ твой и — ты Великая Княгиня!

Соломонія.

Подосланъ ты, старикъ, извѣдать мысли,
Но знай, что я раба Вел кія Княгини....

Пахомко.

Ужели ты меня не узнаешь, Пахома,
Родителей твоихъ усерднаго слуги?
Я на рукахъ тебя въ младенчествѣ носилъ,
Я въ счастьѣ зрѣлъ тебя, потомъ и въ славѣ,
Властительницей Руси... Неужли лѣта,
И горе, и нарядъ мой шутовской
Такъ измѣнили... Но и въ рубищахъ тебя
Узналъ бы я...

Соломонія.

Пахомъ нашъ добрый... но она,
Но кто она?

Пахомко.

Она — Марія!

Соломонія.

Ты? Сестра?

Марія.

Сестра?
О, Боже праведный? Не вѣрю я!

Соломонія.

Увѣрься —
Смотри на слезы, блѣдное лицо — Марія!
Мое дитя, моя сестра, мой другъ! Благодарю,
Тебя, Создатель! Ты, за столько лѣтъ страданій,
Минутой счастья награждаешь.. Счастья!
Да, не счастье ль плакать вмѣстѣ? Десять лѣтъ
Тебя я не видала — мнѣ сказали, будто ты
Давно въ могилѣ....

Марія.

Лучше умереть — судьба моя
Ужасна!

Соломонія.

Погоди! мы дожиемъ еще до счастья —
Я сына, ты супруга — мы ихъ найдемъ...

Пахомко (*въ сторону*).

Сына! бѣдная вдова! Твой сынъ давно въ могилѣ!

Марія.

Ты возвратишь ли мнѣ и сердце
Супруга моего.

Соломонія.

Когда увидитъ онъ
Тебя сестрой Великія Княгини,
Во славѣ, въ почестяхъ — и сына моего
На княжескомъ престолѣ — онъ любви твоей,
Какъ милости попроситъ....

Марія.

Нѣтъ! любовь
Не покупаютъ! Разорвалось сердце... Какъ оно болитъ, горитъ —
Мнѣ жить не долго, приготовь могилу мнѣ,
И на рукахъ твоихъ дай умереть отрадно....

Соломонія.

И все, все отняла ты у меня —
Вѣнецъ, супруга, сына и сестру,

Марія.

Что это было?
Гдѣ я? О чемъ ты плачешь?

Пахомко.

Горьки эти слезы,
Несчастная Марія! Плачу о судьбѣ людей...

Марія.

Мнѣ показалось—онъ былъ здѣсь, и онъ сказалъ, что онъ не супругъ мой, что я сумасшедшая... Нѣтъ, старикъ! Я не сумасшедшая, я только любила его...

Пахомко.

Пойдемъ!

Марія.

И онъ любилъ меня! Ахъ! какъ онъ любилъ меня.... (*Она плачетъ*).

Пахомко.

Пойдемъ скорѣй!

Марія.

Куда, къ нему?

Пахомко.

Да, къ нему!

Марія.

И онъ не отвергнетъ меня, не откажется отъ меня?.. Это былъ сонъ — я ошиблась — пойдемъ, пойдемъ! Веди меня — я не вижу дороги! ноги мои дрожатъ....

(*Пахомко уводитъ ее*).

ДѢЙСТВІЕ ПЯТОЕ.

Уединенная комната въ жилищѣ Соломоніи. На право отгородка, и въ ней дверь.

ЯВЛЕНІЕ I.

Соломонія (*сидитъ закрывши лице руками. Слышно пѣніе*).

Хоръ.

Житейское кипѣло море
Волнами, бурею страстей;
Вездѣ бѣды, печали, горе,
Но, въ тихой пристани твоей,
Ты успокоилъ насъ, Спаситель,
Страстей и моря укротитель!

* * *

Спаси насъ, Боже правосудный!
Даруй, да прейдемъ тихо мы,
Сей жизни путь терновый, трудный,
И побѣдимъ соблазны тьмы!

Соломонія (*подымаясь*).

Полно — замолчите, замолчите!
Подруги добрыя! Нѣтъ! мнѣ молитва не въ отраду;
Ни десять лѣтъ томленья, ни смиренье,
Ни слезы, ни печаль — ни что, ни что
Не задушило здѣсь палящаго огня,
Не залило кровавой жажды мщенья!
Василій! Я тебя давно простила —
Ей — не прощу! Отдайте сына мнѣ —
И передъ вами Княжескій престолъ...
Сближайся страшное мгновенье мести
А грѣхъ! а бездна адская?... О горе мнѣ!
Господь! спаси меня, помилуй....
(*Падая на колѣни.*)
Они идутъ... Они!
Поздно!

ЯВЛЕНІЕ II.

Марія и Пахомко (*входятъ*).

Соломонія.

Нѣтъ! не они — старикъ какой-то
И женщина— она больна, она страдаетъ —
Божій миръ? Кто перечтетъ въ тебѣ страдальцевъ!
Кто вы?
За чѣмъ пришли въ мое забвенное жилище?

Пахомко.

Я бѣдную привелъ къ тебѣ жену;
Ей въ мірѣ нѣтъ отрады. — Сирой
Ее въ твоемъ жилищѣ — въ цѣломъ мірѣ,
Убѣжища другаго не осталось ей!

Соломонія.

Такъ здѣсь она его найдетъ.—Пріиди ко мнѣ,
Съ тобой я плакать, горе раздѣлить готова.
Но если мыслишь ты здѣсь миръ сыскать,
Когда ты въ мірѣ счастье оставляешь —
Здѣсь мира нѣтъ. —

Марія.

Не мира, а могилы
Прошу я, умоляю, ради Бога!

Соломонія.

Юная жена!
Какъ рано бури растерзали жизнь твою! —
Скажи: какое бѣдствіе тебя постигло?
Или ты матери лишилась и отца?

Марія.

Я ихъ почти не помню...,

Соломонія.

Сирота!

Марія.

Да, сирота —
Супругъ мой позабылъ меня, оставилъ,
Изгналъ, отрекся отъ меня.

Соломонія.

О! таковы они,
Злодѣи, и теперь, какъ видно!
Таковы они давно! —

Марія.

Не проклинай его!
Пусть будетъ счастливъ онъ,
Пусть слезы мнѣ и горе — радости ему....

Соломонія.

Твой видъ, надежда, рѣчи — все мнѣ говоритъ,
Что не простаго рода ты, страдалица младая—
Кто твой супругъ?

Марія.

Онъ славенъ средь бояръ —

Соломонія.

Бояринъ славный? Кто же разлучилъ насъ, говори?

Марія.

Не спрашивай — я говорить не смѣю!

Соломонія.

Ты не смѣешь? трепещу —
Да! этотъ голосъ, это сходство... Говори, кто ты?

Пахомко.

Великая Княгиня.

Соломонія.

Не Княгиня я!
Старикъ! Я не Княгиня — ты ошибся!

Пахомко.

Не ошибся я —
Пусть цѣлый міръ Княгиней называетъ
Литвянку, со главы твоей сорванную вѣнецъ;
Для подданныхъ, для вѣрныхъ слугъ твоихъ,
Онъ твой и — ты Великая Княгиня!

Соломонія.

Подосланъ ты, старикъ, извѣдать мысли,
Но знай, что я раба Великія Княгини....

Пахомко.

Ужели ты меня не узнаешь, Пахома,
Родителей твоихъ усерднаго слуги?
Я на рукахъ тебя въ младенчествѣ носилъ,
Я въ счастьѣ зрѣлъ тебя, потомъ и въ славѣ,
Властительницей Руси... Неужли лѣта,
И горе, и нарядъ мой шутовской
Такъ измѣнили... Но и въ рубищахъ тебя
Узналъ бы я...

Соломонія.

Пахомъ нашъ добрый... но она,
Но кто она?

Пахомко.

Она — Марія!

Соломонія.

Ты? Сестра?

Марія.

Сестра?
О, Боже праведный? Не вѣрю я!

Соломонія.

Увѣрься —
Смотри на слезы, блѣдное лицо — Марія!
Мое дитя, моя сестра, мой другъ! Благодарю,
Тебя, Создатель! Ты, за столько лѣтъ страданій,
Минутой счастья награждаешь.. Счастья!
Да, не счастье ль плакать вмѣстѣ? Десять лѣтъ
Тебя я не видала — мнѣ сказали, будто ты
Давно въ могилѣ....

Марія.

Лучше умереть — судьба моя
Ужасна!

Соломонія.

Погоди! мы дожиемъ еще до счастья —
Я сына, ты супруга — мы ихъ найдемъ...

Пахомко (*въ сторону*).

Сына! бѣдная вдова! Твой сынъ давно въ могилѣ!

Марія.

Ты возвратишь ли мнѣ и сердце
Супруга моего.

Соломонія.

Когда увидитъ онъ
Тебя сестрой Великія Княгини,
Во славѣ, въ почестяхъ — и сына моего
На княжескомъ престолѣ — онъ любви твоей,
Какъ милости попроситъ....

Марія.

Нѣтъ! любовь
Не покупаютъ! Разорвалось сердце... Какъ оно болитъ, горитъ —
Мнѣ жить не долго, приготовь могилу мнѣ,
И на рукахъ твоихъ дай умереть отрадно....

Соломонія.

И все, все отняла ты у меня —
Вѣнецъ, супруга, сына и сестру,

Елена! скоро мщеніе мое
Надъ головой твоей преступной зашумитъ!

Пахомко (*въ сторону*).

Безумствуетъ, несчастная!

Соломонія.

Ты слышишь?
Они идутъ! Пахомъ! бѣги, тебѣ нельзя здѣсь быть.

Пахомко.

Я не оставлю —

Соломонія.

Нѣтъ! съ Маріей не разстанусь я!
Иди, ты быть не долженъ здѣсь, они идутъ!

Пахомко.

Но кто они?

Соломонія.

Тѣ, кто сына возвратитъ мнѣ,
Кто счастье возвратитъ сестрѣ, а мнѣ вѣнецъ—
Повелѣвать еще не разучилась я....

Пахомко (*въ сторону*).

Она безумствуетъ, но я Марію не покину,
Ей жить не долго — дрлхлыми руками
Засыплю очи ей землей, и гдѣ нибудь
Укроюсь умереть.... о, суетны желанья человѣка!
(*Уходитъ*).

—

ЯВЛЕНІЕ III.

Соломонія и Марія.

Соломонія.

Утѣшься, милая сестра!
(*Слышенъ звонокъ*).
Ты слышишь?
Молись и вѣруй!... Тяжко было мнѣ рѣшиться,
И за меня молись.... Поди сюда, вотъ здѣсь,
Здѣсь десять лѣтъ молилась я, страдала
И плакала; теперь нѣтъ слезъ, и для чего
Мнѣ плакать? Ты со мной — и скоро,
Вся Русская земля передо мной
И передъ сыномъ станетъ на колѣни!

Марія.

Умереть!... какъ тяжко умирать, когда душѣ
Такъ жить хотѣлось!

Соломонія.

Нѣтъ! не умирай Марія!
Идутъ —
(*Она увлекаетъ Марію за отгородку направо*).

—

ЯВЛЕНІЕ IV.

Вас. Шуйскій и Соломонія.

Шуйскій.

Благослови Господь вступленье.
Матушка, Великая Княгиня! рабъ твой...
Твою облобызать позволь десницу!

Соломонія.

Князь Василій Шуйскій!
Привѣтствуемъ тебя. Зачѣмъ явился ты?

Шуйскій.

Готово все....

Соломонія.

Готово!

Шуйскій.

И одно осталось —
Благослови на дѣло!

Соломонія.

На какое дѣло?

Шуйскій.

Ты обѣщала мнѣ принять на душу
Грѣхъ....

Соломонія.

Грѣхъ на душу! какой?

Шуйскій.

Елены смерть.

Соломонія.

Князь Шуйскій! Грѣхъ такой кровавъ, тяжелъ.

Шуйскій.

Вспомни, какъ она тебя вѣнца лишила.

Соломонія.

Помню!

Шуйскій.

Какъ ты страдала десять лѣтъ.

Соломонія.

Я помню.

Шуйскій.

Ты сына обоймешь — припомни,
Какъ отъ тебя его отторгли....

Соломонія.

Помню, помню!
Пусть кровь ее на мнѣ. Иди!
Измѣнической крови, крови Глинскихъ,
Еретиковъ и колдуновъ проклятыхъ, не щади...
Нѣтъ, нѣтъ!..
Я не могу, не смѣю....

Шуйскій.

Какъ тебѣ угодно!
Елена не такимъ пощады не давала:
Велико-княжескихъ два брата, Бѣльскій, Шуйскій,
И ежели она узнаетъ, гдѣ твой сынъ сокрытъ,
Кровь драгоцѣнную пролить не усомнится!

Соломонія.

Сына? Кровь сына моего? Иди, иди!
Пусть на меня весь грѣхъ, весь ужасъ преступленья,
Проклятіе злодѣйства — я тебя освобождаю —

Предъ Богомъ, предъ людьми отвѣтчицей — я буду!

Шуйскій (*въ сторону*).

Ну! слава Богу! грѣхъ съ моей души
Она сняла — теперь.... (*громко.*) Прощай, Великая Княгиня,
Жди насъ—тебѣ извѣстьемъ не замедлимъ мы.

Соломонія.

И вина?

Шуйскій (*послѣдняго*).

Жди его.

(*Поспѣшно уходитъ*).

—

ЯВЛЕНІЕ V.

Соломонія и Марія.

Соломонія.

Сюда, Марія,
Ты слышала, Великой я Княгиней буду,
Великимъ Княземъ будетъ сынъ мой —
Смерть Еленѣ, смерть Литвинкѣ, еретицѣ,
Ворожѣѣ, колдуньѣ!...

Марія.

Смерть — а онъ?

Соломонія.

Нѣтъ?

Мой сынъ?

Марія.

Нѣтъ! Оболенскій, другъ Елены?

Соломонія.

Оболенскій —
Изменникъ! головой заплатитъ онъ злодѣйство,
Смерть братьевъ двухъ великокняжескихъ!

Марія.

Головой!
Сестра! скажи ему не будетъ ли пощады?

Соломонія.

Ему пощады! щадилъ ли онъ? Не онъ ли
На отцовскій престолъ возвелъ Елену?
Не онъ ли умерщвлялъ ее злодѣйствомъ?
Нѣтъ? наше торжество настало — долго
Его ждала я —, прочь печальныя одежды!
Гдѣ ризы свѣтлыя мои! Подайте ихъ!
На встрѣчу сына радостно пойду я —
Мой сынъ!

(*Она уходитъ поспѣшно*).

Марія (*одна*).

Ему грозитъ погибель, и такъ близки,
И онъ безпечно дремлетъ.... Боже! дай мнѣ силы
Дойти къ нему, сказать: спасайся! и у ногъ его
Упасть и умереть, и въ нѣтъ послѣдній
Проговорить ему: ты видишь ли, мой Князь,
Какъ я тебя любила? Ты найдешь ли сердце,
Которое любить бы такъ умѣло?
И онъ — о мысль отрадная! Любви привѣтомъ
Согрѣетъ мой послѣдній часъ.... Вечерній мракъ
Покрылъ Москву, и скоро все уснетъ; лишь преступленье
Не дремлетъ, но любовь моя не дремлетъ также..
Прости, сестра!.... я отрекаюсь отъ тебя, прости!...

(*Уходитъ*).

—

Кремлевскій чертогъ.

ЯВЛЕНІЕ VI.

Елена (*сидитъ въ креслахъ*), Оболенскій (*на колѣняхъ передъ нею*).

Елена.

О сила словъ волшебныхъ! вы любви чарующія рѣчи!
Я дождалась васъ, слышу васъ, и сердце
Такъ тихо бьется, и такъ весело, отрадно!

Оболенскій.

Еще ли ты не вѣришь?

Елена.

Нѣтъ! я вѣрю!
Она была обманщица. Коварство
Враговъ твоихъ, стремилась погубить тебя —
Прочь помышленья о другихъ; ты мой ли,
Мой ли безъ раздѣла?...

Оболенскій.

Жизнь мою я посвящу,
Отдамъ на счастіе....

Елена.

Твоей Елены?

Оболенскій.

Да, моей Елены!

Елена.

Для чего я не Царица міра,
И для чего ты не какой нибудь бѣднякъ,
Не нищій, не изгнанникъ....
Все отдала бы я тебѣ,
И предъ тобой сама колѣно преклонила!
Ты такъ дорогъ и славенъ:.... (*встаетъ*)
Нѣтъ еще наградѣ
Я отыщу тебя.
Мой Іоаннъ!
Чего ты хочешь? Не вѣнца ли
Великокняжескаго? Посмотри: вотъ княжее кольцо!
Я отдаю его тебѣ — тебя на тронъ съ собою
Я возведу ...

Оболенскій.

Кольцо?

Елена.

Передъ тобой преклонитъ
Главу вся Русская земля — супругъ Елены,
Великій Оболенскій!

Елена! скоро мщеніе мое
Надъ головой твоей преступной зашумитъ!

Пахомко (*въ сторону*).

Безумствуетъ, несчастная!

Соломонія.

Ты слышишь?
Они идутъ! Пахомъ! бѣги, тебѣ нельзя здѣсь быть.

Пахомко.

Я не оставлю —

Соломонія.

Нѣтъ! съ Маріей не разстанусь я!
Иди, ты быть не долженъ здѣсь, они идутъ!

Пахомко.

Но кто они?

Соломонія.

Тѣ, кто сына возвратитъ мнѣ,
Кто счастье возвратитъ сестрѣ, а мнѣ вѣнецъ—
Повелѣвать еще не разучилась я....

Пахомко (*въ сторону*).

Она безумствуетъ, но я Марію не покину,
Ей жить не долго — дряхлыми руками
Засыплю очи ей землей, и гдѣ нибудь
Укроюсь умереть.... о, суетны желанья человѣка!
(*Уходитъ*).

—

ЯВЛЕНІЕ III.

Соломонія и Марія.

Соломонія.

Утѣшься, милая сестра!
(*Слышенъ звонокъ*).
Ты слышишь?
Молись и вѣруй!... Тяжко было мнѣ рѣшиться,
И за меня молись.... Поди сюда, вотъ здѣсь,
Здѣсь десять лѣтъ молилась я, страдала
И плакала; теперь нѣтъ слезъ, и для чего
Мнѣ плакать? Ты со мной — и скоро,
Вся Русская земля передо мной
И передъ сыномъ станетъ на колѣни!

Марія.

Умереть!... какъ тяжко умирать, когда душѣ
Такъ жить хотѣлось!

Соломонія.

Нѣтъ! не умирай Марія!
Идутъ —
(*Она увлекаетъ Марію за отгородку направо*).

—

ЯВЛЕНІЕ IV.

Вас. Шуйскій и Соломонія.

Шуйскій.

Благослови Господь вступленье.
Матушка, Великая Княгиня! рабъ твой...
Твою облобызать позволь десницу!

Соломонія.

Князь Василій Шуйскій!
Привѣтствуемъ тебя. Зачѣмъ явился ты?

Шуйскій.

Готово все....

Соломонія.

Готово!

Шуйскій.

И одно осталось —
Благослови на дѣло!

Соломонія.

На какое дѣло?

Шуйскій.

Ты обѣщала мнѣ принять на душу
Грѣхъ....

Соломонія.

Грѣхъ на душу! какой?

Шуйскій.

Елены смерть.

Соломонія.

Князь Шуйскій! Грѣхъ такой кровавъ, тяжелъ.

Шуйскій.

Вспомни, какъ она тебя вѣнца лишила.

Соломонія.

Помню!

Шуйскій.

Какъ ты страдала десять лѣтъ.

Соломонія.

Я помню.

Шуйскій.

Ты сына обоймешь — припомни,
Какъ отъ тебя его отторгли....

Соломонія.

Помню, помню!
Пусть кровь ее на мнѣ. Иди!
Измѣнической крови, крови Глинскихъ,
Еретиковъ и колдуновъ проклятыхъ, не щади...
Нѣтъ, нѣтъ!..
Я не могу, не смѣю....

Шуйскій.

Какъ тебѣ угодно!
Елена не такимъ пощады не давала:
Велико-княжескихъ два брата, Бѣльскій, Шуйскій,
И ежели она узнаетъ, гдѣ твой сынъ сокрытъ,
Кровь драгоцѣнную пролить не усомнится!

Соломонія.

Сына? Кровь сына моего? Иди, иди!
Пусть на меня весь грѣхъ, весь ужасъ преступленья,
Проклятіе злодѣйства — я тебя освобождаю —

Предъ Богомъ, предъ людьми отвѣтчицей — я буду!

Шуйскій (*въ сторону*).

Ну! слава Богу! грѣхъ съ моей души
Она сняла — теперь.... (*громко.*) Прощай, Великая Княгиня,
Жди насъ—тебѣ извѣстьемъ не замедлимъ мы.

Соломонія.

И вина?

Шуйскій (*насмѣшливо*).

Жди его.

(*Поспѣшно уходитъ*).

—

ЯВЛЕНІЕ V.

Соломонія и Марія.

Соломонія.

Сюда, Марія,
Ты слышала, Великой я Княгиней буду,
Великимъ Княземъ будетъ сынъ мой —
Смерть Еленѣ, смерть Литвинкѣ, еретицѣ,
Ворожцѣ, колдуньѣ!...

Марія.

Смерть — а онъ?

Соломонія.

Нѣтъ?
Мой сынъ?

Марія.

Нѣтъ! Оболенскій, другъ Елены?

Соломонія.

Оболенскій —
Изменникъ! головой заплатитъ онъ злодѣйство,
Смерть братьевъ двухъ великокняжескихъ!

Марія.

Головой!
Сестра! скажи ему не будетъ ли пощады?

Соломонія.

Ему пощады! А щадилъ ли онъ? Не онъ ли
На отцовскій престолъ возвелъ Елену?
Не онъ ли учредилъ ее злодѣйствомъ?
Нѣтъ? наше торжество настало — долго
Его ждала я —, прочь печальныя одежды!
Гдѣ ризы свѣтлыя мои! Подайте ихъ!
На встрѣчу сына радостно пойду я —
Мой сынъ!

(*Она уходитъ поспѣшно*).

Марія (*одна*).

Ему грозитъ погибель, и такъ близки,
И онъ безпечно дремлетъ.... Боже! дай мнѣ силы
Дойти къ нему, сказать: спасайся! и у ногъ его
Упасть и умереть, и въ нитъ послѣдній
Проговорить ему: ты видишь ли, мой Князь,
Какъ я тебя любила? Ты найдешь ли сердце,
Которое любить бы такъ умѣло?
И онъ — о мысль отрадная! Любви привѣтомъ
Согрѣетъ мой послѣдній часъ.... Вечерній мракъ
Покрылъ Москву, и скоро все уснетъ; лишь преступленье
Не дремлетъ, но любовь моя не дремлетъ также..
Прости, сестра!.... я отрекаюсь отъ тебя, прости!...

(*Уходитъ*).

—

Кремлевскій чертогъ.

ЯВЛЕНІЕ VI.

Елена (*сидитъ въ креслахъ*), Оболенскій (*на колѣняхъ передъ нею*).

Елена.

О сила словъ волшебныхъ! вы любви чарующія рѣчи!
Я дождалась васъ, слышу васъ, и сердце
Такъ тихо бьется, и такъ весело, отрадно!

Оболенскій.

Еще ли ты не вѣришь?

Елена.

Нѣтъ! я вѣрю!
Она была обманщица. Коварство
Враговъ твоихъ, стремилась погубить тебя —
Прочь помышленья о другихъ; ты мой ли,
Мой ли безъ раздѣла?...

Оболенскій.

Жизнь мою я посвящу,
Отдамъ на счастіе....

Елена.

Твоей Елены?

Оболенскій.

Да, моей Елены!

Елена.

Для чего я не Царица міра,
И для чего я не какой нибудь бѣдякъ,
Не нищій, не изгнанникъ....
Все отдала бы я тебѣ,
И предъ тобой сама колѣно преклонила!
Ты такъ великъ и славенъ:.... (*встаетъ*)
Нѣтъ еще наградѣ
Я отыщу тебя.
Мой Іоаннъ!
Чего ты хочешь? Не вѣнца ли
Великокняжескаго? Посмотри: вотъ княжее кольцо!
Я отдаю его тебѣ — тебя на тронъ съ собою
Я возведу ...

Оболенскій.

Кольцо?

Елена.

Передъ тобой преклонись
Глава вся Русская земля — супругъ Елены,
Великій Оболенскій!

Оболенскій.

Нѣтъ, Елена! пусть твой сынъ
Пусть царствуетъ — тобою обладанье
Награда мнѣ! — Къ чему вѣнецъ?

Елена.

Такъ убѣжимъ —
Здѣсь холодно и страшно — убѣжимъ,
Укроемся далеко тамъ, гдѣ мы любви и счастью
Жизнь нашу безразлѣльно отдадимъ:
Не знаешь ты, какъ тяжелъ княжескій вѣнецъ!
Какъ грустно сиротство величья,
И какъ властителей печаленъ жребій... Взоръ блестящій твой
Твою мнѣ тайну высказалъ... Нѣтъ, нѣтъ!
Я чувствую, твоей душѣ потребны сильной
И власть, и мощь — я знаю,
Бѣдная любовь тебя не наградитъ —
Такъ говори, повелѣвай, мой Іоаннъ!
Смотри, какъ мнѣ завидуютъ Москва и Польша,
Завидуютъ, а я за мигъ любви одинъ...
О, какъ душно, тяжело мнѣ отъ излишка счастья?
Ужели и оно, какъ грусть, печаль, трепожитъ насъ!
Мой Іоаннъ!

Оболенскій

Елена.

(Въ глубинѣ сцены является тѣнь предка Глинскихъ въ длинномъ саванѣ.)

Елена *(нечаянно обращая взоръ, видитъ тѣнь)*

Боже!

(Съ ужасомъ вырывается изъ его объятій.)

Оболенскій.

Елена! что съ тобой, мой другъ?

Елена.

Онъ! онъ!
И рядомъ съ нимъ тѣнь Михаила,
И тѣнь Андрея — Бѣльскій!

Оболенскій.

Ты мечтаешь!
Здѣсь никого — здѣсь мы одни!

Елена.

Онъ говорилъ,
Что видѣлъ онъ его!

(Тѣнь подымаетъ руку и исчезаетъ.)

Исчезъ, пропалъ? мечта пустая?
Иль голосъ совѣсти преступной?

Оболенскій.

Какъ дитя,
Ты привидѣній испугалось. — О, поди сюда!
Я поцѣлуями тебя согрѣю. — Кровь ты смоешь
Слезами....

Елена *(съ ужасомъ.)*

И твои объятья — смерть!

Оболенскій.

Нѣтъ! жизнь
Кипитъ во мнѣ... Ты мнѣ вѣнецъ отдать согласна:
Отдай мнѣ княжее кольцо, моя Елена!

(Онъ вырываетъ у нее кольцо.)

Елена.

Онъ говорилъ, что странное явленье
Смерть Глинскихъ предвѣщаетъ.... Смерть?
Пусть смерть, но дайте мнѣ упиться счастьемъ
И любовью... Свѣтъ темнѣетъ.... Дайте мнѣ... воды
Залить огонь....

Оболенскій.

Чего боишься ты? Дитя! или Елена
Не знала, что союзъ нашъ страшенъ?. Духи тьмы
Его мнѣ предрекали — договоромъ съ ними
Запечатлѣлъ тобой я обладанье.... Отдохни,
Елена, успокойся, успокойся....

Елена.

Помогите!

(Падаетъ во креслы).

—

ЯВЛЕНІЕ VII.

Тѣже и Запольская.

Запольская.

Елена! Боже мой! какъ ты блѣдна!
Ахъ! что съ тобою....

Елена.

Ничего мой другъ;

Запольская.

Князь Оболенскій,
Смотри — Елена умираетъ, умираетъ.

Елена.

Мнѣ умереть, когда я жизнью воскресаю?..
Когда блаженство я впервые узнаю ..нрав тяжко!
Туда — туда... веди меня. — Мой другъ — мой Іоаннъ!

(Запольская сопровождаетъ ее.)

—

ЯВЛЕНІЕ VIII.

Оболенскій *(одинъ).*

Княжее кольцо!... мнѣ демонъ обѣщалъ его, и говорилъ,
Что я бояться долженъ: мнѣ кольца бояться,
Когда я не боялся совѣсть уступить.
Я растерзалъ Маріи сердце — все я отдалъ,
Все отдалъ за него... Рукѣ кровавой
Елены руку подалъ я, и пусть свѣтся адъ,
Пѣснь брачную мы воспоемъ, на трупахъ ратныхъ!
Елена — посѣщаетъ за мной... Нѣтъ! передъ ратью,

Передъ боярами явиться и я аз Ти.
Смотрите, вотъ оно — я вашъ властитель!

—

ЯВЛЕНІЕ IX.

Оболенскій и Елена. Шуйскій.

Шуйскій (*съ кубкомъ въ рукахъ.*)

Что тамъ за смятеніе? что такое сдѣлалось съ Великою Княгиней, Князь Иванъ Ѳедоровичъ?

Оболенскій.

Ничего. Ей немного нездоровится! Поди — что это у тебя?

Шуйскій. (*злобно улыбаясь*), Заморское доброе вино. Оно исцѣляетъ отъ всякихъ болѣзней! я несу его Еленѣ Васильевнѣ?

Оболенскій.

Поди же неси его поскорѣе... ва ныя дѣла отвлекаютъ меня... мнѣ должно поспѣшить!

Шуйскій.

Да, батюшка Иванъ Ѳедоровичъ! поспѣши — кто вѣдаетъ, что принесетъ намъ грядущій часъ.

(*уходитъ*)

Оболенскій.

Что онъ сказалъ? Грядущій часъ
Что принесетъ? Мигъ настоящій
Дороже будущихъ столѣтій...

—

ЯВЛЕНІЕ X.

Оболенскій и Марія.

Оболенскій.

Ты опять?
Ты здѣсь?

Марія.

Мои слабѣютъ силы — дай мнѣ руку!
Супругъ мой, не любви твоей просить,
Но жизнь твою спасти, но умереть
У ногъ твоихъ, тебя спасая, я пришла!

Оболенскій.

Марія ты блѣдна, дрожишь? Сядь!

Марія.

Сиши охранить Елену.—Тамъ, у сестры моей..

Оболенскій.

Ты видѣлась съ сестрой твоей?

Марія.

Да, и узнала тайну — страшный заговоръ — Василій Шуйскій — смерть тебѣ, смерть Еленѣ —

Оболенскій.

И ты спѣшила спасти меня!

Марія.

Да, спасти тебя, и просить за то усладить любовью, привѣтомъ твоимъ послѣдній часъ бѣдной Маріи?

Оболенскій.

А! врагъ коварный! Ты какъ змѣя подползъ и хотѣлъ уязвить меня.... Я раздавлю тебя, ничтожный злодѣй!... Марія! чѣмъ же заплатить мнѣ тебѣ?.... Княжескій вѣнецъ сорву я съ головы Елены и надѣну на твою голову! Сюда на грудь мою!

Марія.

О, дай мнѣ умереть на груди твоей!

(*Слышенъ шумъ.*)

Мой другъ! я трепещу — предупреди враговъ твоихъ!

Оболенскій.

Что мнѣ враги, когда я возвращаю сердце мое Маріи! Я не умѣлъ цѣнить тебя, и неужели узнаю тебя поздно?

(*Шумъ усиливается.*)

—

ЯВЛЕНІЕ XI.

Тѣ же и Запольская.

Запольская.

Ахъ! Князь!

Оболенскій.

Что тебѣ? говори.

Запольская.

Елена!

Оболенскій.

Она зоветъ меня?

Запольская.

Нѣтъ! она сама можетъ къ суду Божію! О, милая моя Елена!

(*Черезъ сцену бѣгутъ бояре, восклицая: умерла! умерла.*)

Оболенскій.

Умерла! Такъ что же? Вотъ Княжее кольцо! теперь я властитель Русской земли!

(*За сценой слышны клики: Да здравствуетъ Великій Князь Іоанну.*)

Слышишь ли? они мое провозглашаютъ имя!

Марія.

Нѣтъ! не твое! то имя Іоанна,
Елены сына, Русскаго владыки!

Оболенскій.

Я скипетръ у него исторгну.

Марія.

На главѣ его
Почіетъ Божіе благословеніе!.. Жизнь летитъ
Летитъ — все мчитъ съ собою! На колѣни передъ Богомъ,
Не оскверняй грѣхомъ минутъ послѣднихъ —
Ты не къ вѣнцу, ты къ смерти близокъ!
Враги тебѣ пощады не дадутъ —
Я не могла тебя спасти — умру съ тобой,
Умру — а тамъ — тебя не долго пережить меня —
Тебя я встрѣчу тамъ, и буду

Молиться и — Господь помилуетъ тебя!

(*Склоняется на его объятія.*).

Оболенскій.

Не умирай, Марія, не умирай!

—

ЯВЛЕНІЕ XII.

В. Шуйскій, Д. Бѣльскій, И. Шуйскій и многіе бояре (*выходятъ съ одной стороны.*) Толпа войска, Соломонія (*бѣжитъ съ другой стороны*).

Общій кликъ.

Да здравствуетъ Великій Князь Іоаннъ Васильевичъ!

Соломонія.

Она умерла! Литвянка умерла! вѣнецъ великокняжескій сыну моему, Русскіе люди! Сыну моему тронъ, великокняжескій престолъ!

Голоса.

Кто она? кто она?

В. Шуйскій.

Она сумасшедшая — она вырвалась изъ своего заточенія — она Соломонія Сабурова! Вы знаете, что сынъ ея давно умеръ!

Соломонія.

Умеръ! Лжешь, Василій Шуйскій! Ты говорилъ мнѣ, что онъ живъ!

В. Шуйскій.

Прочь, безумная! Да здравствуетъ Іоаннъ Васильевичъ!

(*Всѣ повторяютъ.*)

Соломонія.

Дерзкій! отрубите ему голову! Гдѣ Марія? гдѣ супругъ ея — она защититъ насъ... Онъ сильный бояринъ! (*Увидя безчувственную Марію*). И она умерла? Пойдемъ, пойдемъ къ моему сыну—они лгутъ, онъ не умеръ?

В. Шуйскій.

Люди Русскіе! Совѣтъ бояръ немедленно соберется и назначитъ правителя Государства на время малолѣтства Великаго Князя. Богу угодно было прекратить дни Великой Княгини. Но безопасность государства требуетъ прежде всего захватить злодѣя и измѣнника. Воины! возьмите Оболенскаго!

Марія (*приходитъ въ себя*).

Нѣтъ! я не отдамъ его — онъ мой!

(*Падаетъ въ его объятія.*)

Оболенскій.

Прочь, презрѣнные услужники! благоговѣйте передъ ерлѣбою, постигшею преступное величіе — благоговѣйте передъ невинной праведницы!

(*Онъ становится передъ Маріею на колѣни.*)

Марія.

Мой милый! есть за гробомъ жизнь!

(*Умираетъ.*)

Оболенскій.

Жизнь за гробомъ! Да, я знаю, вѣрю, что есть она, и страшусь помыслить о ней!—Я вижу, кровожадные, вижу жребій мой въ злобныхъ взорахъ вашихъ! — Непостижимый жребій! куда ты довелъ меня? Казнь очиститъ преступленіе мое... Она будетъ за меня молиться....

В. Шуйскій.

Возьмите у него мечъ!

Оболенскій.

Ты только меча-то моего и боишься? Но, его не вырвутъ у меня, я самъ его не отдамъ! Я могъ бы кликнуть къ рати, которую давно ли предводилъ къ побѣдамъ. — Друзья, за Оболенскаго!

(*Смятенный шумъ между войсками.*)

Слышишь? Вотъ они ужъ и отказываются на мой голосъ! Прочь обольщенія грѣха! — (*къ Маріи*) Благослови меня — до свиданія! — (*бросаетъ мечъ свой*). Вотъ онъ, залогъ побѣдъ Русской земли! Я иду въ тюрьму! Гдѣ наши палачи? Ужасы казни не страшнѣе пытокъ, терзающихъ душу преступника!

(*Расталкиваетъ толпу, и бѣжитъ вонъ.*)

Соломонія (*подлѣ Маріи*).

Тише! не разбудите ее! Баю, баю, дитя милое! Спи, сестрица, спи, моя невагляднаяя!

Всѣ.

Ура! Великій Князь Іоаннъ Васильевичъ! Ура, ура!

В. Шуйскій (*въ сторону*).

Кажется, правителемъ государства выбрать буду я? А какой злодѣй этотъ Оболенскій! Я давно говаривалъ: гордымъ Богъ противится, смиреннымъ благодать даетъ!

II. МАТЕРІЯЛЫ

ДЛЯ ИСТОРІИ ТЕАТРА, И СЛОВЕСНОСТЬ.

ОБЗОРЪ РУССКОЙ ДРАМАТИЧЕСКОЙ СЛОВЕСНОСТИ.

(*Статья Князя А. А. Шаховскаго.*)

ЭПОХА 1-я. ТРАГЕДІЯ.

Ученый, но не даровитый трудолюбецъ В. К. Тредьяковскій (*) добился до приноровленія Русскаго слова къ Эллинскому стихотворенію; а Ломоносовъ, силою обширнаго дара и сладкозвучіемъ стихотворства, уничтожилъ Польское риѳмованіе Ѳеофана Прокоповича и Князя Кантемира. Но Сумароковъ первый на новомъ еще Русскомъ языкѣ началъ писать трагедіи шестистопными ямбами, показалъ въ комедіяхъ образцы разговорной прозы, положилъ основу Русской сцены въ Кадетскомъ Корпусѣ, гдѣ онъ воспитывался и былъ офицеромъ, и представленіемъ своихъ твореній воспламенилъ Русское досужество Ѳ. Г. Волкова. Сумароковъ не даромъ почтенъ названіемъ отца Русскаго Театра! Часто слышу я нынѣ обычный вопросъ: геній ли Сумароковъ? (*) Да и нѣтъ, смотря потому, кто и какъ спрашиваетъ. Греко-Латинское слово *геніи*, вошло въ языкъ Христіанской Европы, не съ точнымъ или

(*) Профессоръ краснорѣчія Василій Кирилловичъ Тредьяковскій, конечно, снѣшонъ по тщетнымъ усиліямъ его во всѣхъ родахъ сочиненій, но какъ неусыпный, благонамѣренный и не вовсе безполезный труженикъ Русскаго Просвѣщенія, не заслуживаетъ личнаго позора, которымъ, можетъ быть и по ложнымъ разсказамъ, хотѣлъ его прикрыть сочинитель *Ледянаго Дома*. Щедро одаренный замысловатостью и воображеніемъ, но не безгрѣшный противъ Русскаго языка и разума, онъ, согрѣвъ Русское сердце *Послѣднимъ Новикомъ*, остудилъ его, какъ *замороженнаго мужа Украинца*, холоднымъ обливомъ прозы, которою онъ оскорбилъ всѣ знаменитыя жертвы властолюбія мирозданія, Барона. *К. Ш.*

(*) Латинское слово Genii, произведенное отъ заимствованнаго у Грековъ глагола Gignere (родить), подразумѣваетъ врожденное дарованіе и замѣняетъ языческое *демонъ* (вдохновитель), которое, по Христіанскому понятію, перемѣнилось въ наименованіе духа тьмы и зла. Въ наше время, общее Европейское изреченіе *геній* представляетъ, преданную человѣку внушителя высокихъ мыслей и подвиговъ; а новѣйшіе писатели олицетворяютъ его, по произволу, въ великихъ людяхъ, въ своихъ любимцахъ, въ друзьяхъ, а иногда и въ самихъ себѣ. Но уже въ послѣднемъ случаѣ они говорятъ: не *я* геній, а *мой* геній, какъ Сократъ говорилъ: *мой демонъ*!

неизмѣннымъ опредѣленіемъ, — и такъ тому вопросителю, который ближе къ буквальному смыслу, называетъ геніемъ врожденную способность къ произведенію изящнаго, или даже самого человѣка, упредившаго въ просвѣщеніи своихъ одноземцевъ и увлекшаго ихъ за собою, я отвѣчаю: да, Сумароковъ — геній! Тому же, кто словомъ геній хочетъ ознаменовать какой-то непостижимый даръ безусловнаго самотворчества, отвѣчаю: нѣтъ. Одинъ Богъ создалъ міръ изъ ничего, и самъ собою; такъ не токмо Сумароковъ, но едва ли и самъ чудеснѣйшій въ мірѣ Преобразователь нашего отечества, въ этомъ смыслѣ можетъ назваться геніемъ! Петръ Великій, сотворилъ свою Имперію изъ первобытнаго въ ней добра и благопріобрѣтеній Его предшественниковъ, по примѣрамъ мудрыхъ законодавцевъ, и не безъ совѣтовъ и содѣйствій, прояснителей и исполнителей Его сильной воли. Но не въ названіи дѣло, и Сумароковъ, геній или не геній, заслужилъ уваженіе и благодарность нашего отечества, какъ первый въ немъ новодѣлецъ пріятнѣйшаго способа къ народному просвѣщенію, хотя уже давнишняго въ другихъ странахъ, но небывалаго въ нашемъ отечествѣ. Чтобы безошибочнѣе судить о полезномъ дарованіи Русскаго первоначальнаго трагика, нужно перенестись въ его вѣкъ, вникнуть въ предварительныя средства, въ мѣстныя возможности, въ степень народнаго просвѣщенія, въ духъ времени, и не забывать, что драматическій писатель, хотя просвѣтитель, однако же и прислужникъ общества, необходимо долженъ, для его удовлетворенія и пользы своего искусства, приноровляться къ понятіямъ, навыкамъ и причудамъ зрителей, и что самые великіе театральные поэты, болѣе или менѣе увлекались мѣстностью и современностью въ ошибки, усмотрѣнныя безпристрастнымъ потомствомъ. Нынѣ, и не безъ основанія, упрекаютъ Софокла, Эврипида, Аристофана, Корнеля, Расина, Мольера и Шекспира за то самое, что, можетъ быть, наиболѣе привлекало и восхищало ихъ единоземцевъ и современниковъ.

Французскій языкъ и литература, образованные искусными писателями столицы и двора Лудовика XIV (*), уже тогда сдѣлались обще-Европейскими, а разнородность Вольтерова таланта, блестящаго замысловатостью и острословіемъ, очаровала Европейское высшее общество, и вскружила полупросвѣщенныя головы.

Блескъ ума Фернейскаго философа-стихотворца и шумъ его славы помрачали и заглушали вѣковыя истины, и закрывали сіяніе славы древнихъ и прежнихъ поэтовъ. Екатерина Великая, Фридрихъ Великій и Іосифъ II, вторые именами, но первые по дѣламъ, изъявляли больше чѣмъ благоволеніе искрометному факелу своего времени! И такъ, могъ ли молодой кадетскій офицеръ, воспитанный для военнаго дѣла и свѣтскаго общежитія, не увлечься знаменитостью, распространенною даже за Иртышъ! (**) Какъ бы ни было чрезмѣрно самонадѣяніе, которымъ упрекали Сумарокова, но смѣлъ ли онъ не благоговѣть передъ тѣмъ, противъ котораго не устояла ни классическая ученость, ни народная привязан-

(*) Буало писалъ къ Расину, бывшему тогда въ Провансѣ: «Пріѣзжай въ Парижъ, въ немъ только дѣлаются хорошіе стихи.» Дворъ Лудовика XIV служилъ образцемъ для всѣхъ Европейскихъ, кромѣ еще нашего. У насъ только со времени Лудовика XV ввелось Парижское общежитіе, языкъ и уже опишуренная литература.

(**) Вольтеровъ портретъ, такъ какъ нынѣ Наполеоновъ, висѣлъ на стѣнахъ нашихъ почтовыхъ дворовъ и трактировъ! Сочиненія его переводились во всей Россіи, а тѣ, которые не видали ни портретовъ, ни сочиненій его, знали имя Вольтера, слившееся, съ разными толками, отъ береговъ Двины до Китайской границы.

ность къ своей старинѣ, ни даже гордое своелюбіе Англичанъ? (*) Дерзало ли воображеніе его взлетѣть выше подмостковъ, сложенныхъ изъ огромныхъ томовъ энциклопедіи, съ которыхъ Вольтеръ морочилъ всю тогдашнюю знаменитость потѣшнымъ огнемъ своего всезнанія? Чего оставалось желать нашему придворному стихотворцу, провозглашенному уже Русскимъ Расиномъ, какъ сдѣлаться Русскимъ Вольтеромъ? И мы видимъ, что Сумароковъ, пустясь писать стихами и прозой во всѣхъ родахъ, захотѣлъ быть, какъ Вольтеръ, поэтомъ, ораторомъ, историкомъ и философомъ. Но, побѣжденный во всемъ или его великимъ соперникомъ, или счастливыми (**) послѣдователями, онъ остался трагикомъ, ни кѣмъ не побѣжденнымъ при жизни и заслужившимъ воспоминаніе и признательность потомства. Хотя сочиненія его и языкъ очень устарѣли, но въ нихъ Русскій толкъ не заглушенъ неугомоннымъ духомъ умоброженія, безпамятства и неблагодарности молодой Франціи (***), гдѣ, по замѣчанію Шатобріана, вѣка нынче считаются не столѣтіями, а едва десятью годами, которыхъ не переживаютъ ни слава поэта, ни благодарность соотчичей его, еще недавно восхищавшихся ею. Конечно, и у насъ не безъ перенимщиковъ всякой новизны, но очень мало такихъ, которые, умершихъ въ прошломъ году, или даже здоровехонько живущихъ писателей, причисляютъ, по Французскому календарю, къ прошло-вѣчнымъ. Есть у насъ также и небездарные драматическіе писатели уничтожающіе Сумарокова, какъ жалкато раболѣпца Французскихъ классиковъ, не замѣчая того, что они сами точно такъ же виноваты. Онъ перевелъ къ намъ театральное чужедѣлье, а они развѣ не о томъ же хлопочутъ? Онъ подражалъ Французамъ— а они не только передразниваютъ Французовъ, да еще наровятъ и въ Нѣмцы! Стало быть, ихъ дѣло одно и тоже, только времена другія. Но вотъ въ чемъ ощутительная разница между прежними и нынѣшними перенимателями: Сумароковъ писалъ трагедіи, хотя, по новости языка не всегда хорошими стихами, однакоже, стихами, а теперь пишутъ то, что выдается за трагедіи, ни прозой, ни стихами, не взирая на то, что вездѣ и всегда проза, похожая на стихи, а стихи, похожіе на прозу, считались ни къ чему негодными. Если взять въ соображеніе правила новыхъ драматурговъ, то едва ли Сумароковъ очень виноватъ въ томъ, что сжалъ Русскую сцену Французскими придумками и загородилъ трудностями, подсильными истинному дарованію. Поставленная имъ у входа въ драматургію тѣнь Аристотеля, вооруженная тремя единствами, и пугало новаго классицизма, высокопарно и чопорно вздернутаго на ходули, страшили посредственность, и ес-

(*) Гиббонъ, Попъ и многіе Англійскіе писатели, также какъ Виллардъ и едва не вся Нѣмецкая Словесность, увлеклись Вольтеромъ въ Французство.

(**) Сумароковъ, кромѣ трагедій, комедій, драмъ, оперъ, басень, эклогъ, эпистолъ, эпиграммъ, сонетовъ, стансовъ, рондо, загадокъ и прочихъ крупныхъ и мелкихъ стихотвореній, сочинилъ Исторію Стрѣлецкихъ бунтовъ, творилъ Похвальныя Слова, и философствовалъ въ письмахъ, изъ которыхъ въ одномъ къ Ѳ. Б. Гассиу, поддерживаетъ взбалмошное мнѣніе красворѣчиваго Ж. Ж. Руссо, что человѣкъ рожденъ ходить на четвереньках, а поднялся на дыбы противъ натуры. Это письмо, напечатанное въ X томѣ Сумароковыхъ Сочиненій, доказываетъ до чего доумничались и дописались философы прошлаго вѣка, и сколько мы тогда перенимали у нихъ нелѣпостей, надъ которыми нынѣ смѣемся.

Чужими бредпями прельщаяся вчера,
Надъ ними нынѣ мы смѣемся.
Такъ, жить чужимъ умомъ уняться намъ пора,
А врядъ ли скоро мы уймемся.

(***) Симъ названіемъ отличаются Французскіе новодумцы, и оно также прилично Франціи, какъ юноша въ мужья старухѣ, которую, не смотря на ея дряхлость, называютъ молодою.

ли она, покорившись условіямъ, вкрадывалась на театръ, то, не надѣлавъ ни какихъ проказъ, умирала тихою смертью. Бездарность же не смѣла и подумать о нынѣшнемъ своевольствѣ! Новые классики хотя и перехитрили древнихъ, приспособили, однако жь, свою слишкомъ чопорную трагедію къ ихъ драматической поэзіи, и заимствованныя у нихъ сочиненія Сумарокова приготовили положительно нашу театральную словесность къ постепенному усовершенствованію, уже очень замѣтному въ стихахъ Княжнина, въ твореніяхъ Озерова и въ трудахъ писателей, старавшихся воздвигнуть собственно Русскій Театръ, на основаніи, заложенномъ Сумароковымъ. Но буйственное вторженіе мнимаго Шекспировскаго романтисма завалило безсмыслицами и уродствами сцену, почти уже очищенную отъ прежняго раболѣпства Французской драматургіи, задушило уже сдѣланное по народному толку и духу, и загромоздило совершенно противной имъ Нѣмчизной. Можно ли ожидать чего либо прочнаго отъ такихъ передѣлывателей, которые, послѣ перваго ободрительнаго успѣха, падаютъ все ниже и ниже, пока вовсе не свалятся со сцены, иные безгласно и безславно, а иные еще въ добромъ гнѣвѣ, силясь доказать піитическія достоинства свои театральными сочиненіями, будто писанными не для театра!!! А для чего же?.. Но этотъ вопросъ, можетъ быть, разрѣшится послѣ, а теперь должно возвратиться хронологическимъ порядкомъ къ начальной трагедіи нашей.

Хоревъ, первый опытъ Сумарокова, показываетъ намѣреніе его поддѣлать еще не существовавшую нашу сцену подъ Французскую, и, въ угодность тогдашнему высшему обществу, не по-Корнелевски, а по-Вольтеровски (*). Но, чтобъ заманить и потѣшить хотя нѣсколько нашу народную гордость, которая, не смотря на нашу любовь къ чужеземному, не угасла вовсе въ Русскихъ сердцахъ, нашъ замысловатый трагикъ придумалъ обрусить слѣпки свои съ Французскихъ, или, правильнѣе, театральныхъ героевъ, нашими историческими именами, не лепавъ на нихъ вовсе не историческія дѣйствія и любовныя похожденія. Но какъ ихъ нельзя было найти въ лѣтописяхъ, то онъ придумывалъ ихъ по Французскимъ образцамъ, въ чемъ не имѣлъ недостатка. По сему соображенію, онъ назвалъ первыхъ своихъ трагическихъ героевъ именами первыхъ Князей Кіевскихъ; но какъ любовное приключеніе, плѣнившее воображеніе поэта, не согласовалось съ преданіемъ о *Кіѣ*, то онъ, по піитической вольности, превратилъ его изъ основателя въ завоевателя древняго Кіева, даже не взирая и на то, что сей городъ названъ его именемъ! *Завлохъ*, будто бывшій Князь Кіевскій, явился изъ міра фантазіи къ услугамъ сочинителя, и, по его волѣ, разбитъ и выгнанъ изъ своего владѣнія. Оставшаяся въ плѣну дочь его, *Оснельда*, плѣнила *Хорева*, молодаго брата побѣдоноснаго *Кія*: ихъ взаимная любовь, напоминая *Арисію* и *Ипполита* (Расиновой Федры), дѣлается источникомъ трагическаго, не древняго ужаса и состраданія, а новаго страха и жалости: производитъ занимательное и довольно умилительное драматическое дѣйствіе, и оживляетъ его боревіемъ страстей. Любовь возбуждаетъ нѣжнаго *Хорева* противъ дружбы, братства и долга повиновенія; заставляетъ его выпустить изъ темницы вторично побѣжденнаго и взятаго въ плѣнъ

(*) Корнель, придерживаясь Испанскаго Театра, не очень хлопоталъ о единствахъ Французскаго. Въ его *Сидѣ* нѣтъ опредѣлительности ни во времени, ни въ мѣстѣ; а Вольтеръ, силясь соединить всѣ новоклассическія правила съ сильными дѣйствіями, видѣнными имъ на Шекспировой сценѣ, нарушалъ тихомолкомъ первыя и не успѣвалъ во вторыхъ. Это всего замѣтнѣе въ его Семирамидѣ. *К. Ш.*

отца его возлюбленной, что воспламеняетъ гнѣвъ *Кія*, и гордый побѣдитель, оскорбленный надменностью обольстительницы брата его, требующей смерти, посылаетъ къ ней чашу съ ядомъ. Между тѣмъ, *Хоревъ*, вѣрный чести и славѣ, разбиваетъ войско освобожденнаго имъ изъ плѣна *Завлоха*, присылаетъ *Кію* его мечъ и приводитъ самого *Завлоха*, вторично взятаго въ плѣнъ. Этимъ подвигомъ *Хоревъ* укрощаетъ гнѣвъ своего брата. Но увы! уже поздно... *Оснельда* выпила ядъ, а *Хоревъ*, узнавъ о томъ, закалывается. Вся эта любовная небылица оправдывалась славными примѣрами изъ Вольтера! Почему же новодѣльцу Сумарокову, вопреки лѣтописи, не пережаловать *Кія* (причтеннаго нынѣшними мудрецами въ миѳамъ) изъ градостроителя въ градобрателя, не заставить влюбиться созданнаго авторомъ *Хорева* въ небывалую *Оснельду*, когда Вольтеръ заставилъ влюбиться изумляющаго вселенную законодателя Востока Магомета въ выдуманную дочь его злѣйшаго врага, и употребилъ сказочную любовь ея къ брату, въ оружіе отцеубійства; или низпровергъ многовѣчную Китайскую Имперію за то, что Татаринъ Чумиръ, или Чингисъ, влюбился въ дочь безъименнаго мандарина! Многими такими же любовными выдумками славился тогдашній Французскій Театръ, изъ котораго Сумароковъ необходимо долженъ былъ извлекать, что могъ, дабы угодить зрителямъ, предубѣжденнымъ противъ всего нефранцузскаго. Даже если бъ онъ самъ не участвовалъ въ ихъ предубѣжденіи, то пламенное желаніе развесть въ своемъ отечествѣ роскошные цвѣты чужеземнаго просвѣщенія заставило бъ его пересаживать тѣ отводки, которые были ему подручны, и для которыхъ нашъ цвѣтникъ уже былъ приготовленъ тогдашнимъ воспитаніемъ. Чрезмѣрный успѣхъ первой нашей трагедіи, представленной въ 1747 году, кадетами, на ихъ корпусномъ театрѣ, совершенно удовлетворилъ самолюбію сочинителя. *Хоревъ*, теперь ужъ обветшалый языкомъ, скудный поэзіею и жалкій истасканною по сценѣ любовью, — въ то время, когда наборъ словъ въ Александрійскій стихъ (*) и прінсканіе риѳмъ считалось почти чудесностью, и когда довольно было написать пѣсеньку, ямбомъ или хореемъ, чтобъ попасть въ разрядъ стихотворцевъ, — необходимо долженъ былъ восхитить избранныхъ зрителей, знавшихъ театръ по однимъ Французскимъ образцамъ. Этихъ любителей не могло возмутить преступленіе противъ истиннаго быта и правдоподобія; они къ этому были пріучены и *Семирамидой*, и *Танкредомъ*, и *Альзирой* и *Заирой* и множествомъ всклепанныхъ на исторію небылицъ, или притянутыхъ подъ три единства всякихъ невѣроятностей. Даже самое явное похищеніе изъ любезныхъ имъ Французскихъ поэтовъ тѣшило ихъ, тѣмъ больше, что многіе стихи, которые говоритъ, поддѣлываясь подъ Ипполита, *Хоревъ*, и теперь показались бы хорошими. (**) Вотъ, напримѣръ, открытіе его любви:

Я мнилъ, что я рожденъ къ единой только брани,
Карать противниковъ и *налагати* дани;
Но богъ любви тобой ту ярость умягчилъ.
Твой взоръ меня вздыхать и въ славѣ научилъ,
Когда твои глаза надежду мнѣ давали,
А безпристрастныя слова меня терзали.
Я слабости моей стыдился... и стенялъ,
И мыслію тогда *куды* не *забѣгалъ!*

(*) Французскіе стихи въ двѣнадцать слоговъ (замѣненные у насъ шестистопными ямбами), называются Александрійскими, потому что они введены въ употребленіе стихотворцами Александрійской школы (въ Египтѣ). Древнія сатиры Архилога, называемыя отличительно ямбами, доказываютъ, что это стихосложеніе не было обыкновеннымъ у Эллинскихъ поэтовъ, и употреблялось смѣшанно съ другими, даже въ драматическихъ сочиненіяхъ. *К. Ш.*

(**) Это мнѣніе почтеннаго автора сей статьи, а не редакціи *Репертуара. Ред.*

Елена! скоро мщеніе мое
Надъ головой твоей преступной зашумитъ!

Пахомко (*въ сторону*).

Безумствуетъ, несчастная!

Соломонія.

Ты слышишь?
Они идутъ! Пахомъ! бѣги, тебѣ нельзя здѣсь быть.

Пахомко.

Я не оставлю —

Соломонія.

Нѣтъ! съ Маріей не разстанусь я!
Иди, ты быть не долженъ здѣсь, они идутъ!

Пахомко.

Но кто они?

Соломонія.

Тѣ, кто сына возвратитъ мнѣ,
Кто счастье возвратитъ сестрѣ, а мнѣ вѣнецъ—
Повелѣвать еще не разучилась я....

Пахомко (*въ сторону*).

Она безумствуетъ, но я Марію не покину,
Ей жить не долго — дряхлыми руками
Засыплю очи ей землей, и гдѣ нибудь
Укроюсь умереть.... о, суетны желанья человѣка!
(*Уходитъ*).

—

ЯВЛЕНІЕ III.

Соломонія и Марія.

Соломонія.

Утѣшься, милая сестра!
(*Слышенъ звонокъ*).
Ты слышишь?
Молись и вѣруй!... Тяжко было мнѣ рѣшиться,
И за меня молись.... Поди сюда, вотъ здѣсь,
Здѣсь десять лѣтъ молилась я, страдала
И плакала; теперь нѣтъ слезъ, и для чего
Мнѣ плакать? Ты со мной — и скоро,
Вся Русская земля передо мной
И передъ сыномъ станетъ на колѣни!

Марія.

Умереть!... какъ тяжко умирать, когда душѣ
Такъ жить хотѣлось!

Соломонія.

Нѣтъ! не умирай Марія!
Идутъ —
(*Она увлекаетъ Марію за отгородку направо*).

—

ЯВЛЕНІЕ IV.

Вас. Шуйскій и Соломонія.

Шуйскій.

Благослови Господь вступленье.
Матушка, Великая Княгиня! рабъ твой...
Твою облобызать позволь десницу!

Соломонія.

Князь Василій Шуйскій!
Привѣтствуемъ тебя. Зачѣмъ явился ты?

Шуйскій.

Готово все....

Соломонія.

Готово!

Шуйскій.

И одно осталось —
Благослови на дѣло!

Соломонія.

На какое дѣло?

Шуйскій.

Ты обѣщала мнѣ принять на душу
Грѣхъ....

Соломонія.

Грѣхъ на душу! какой?

Шуйскій.

Елены смерть.

Соломонія.

Князь Шуйскій! Грѣхъ такой кровавъ, тяжелъ.

Шуйскій.

Вспомни, какъ она тебя вѣнца лишила.

Соломонія.

Помню!

Шуйскій.

Какъ ты страдала десять лѣтъ.

Соломонія.

Я помню.

Шуйскій.

Ты сына обоймешь — припомни,
Какъ отъ тебя его отторгли....

Соломонія.

Помню, помню!
Пусть кровь ее на мнѣ. Иди!
Измѣнической крови, крови Глинскихъ,
Еретиковъ и колдуновъ проклятыхъ, не щади...
Нѣтъ, нѣтъ!...
Я не могу, не смѣю....

Шуйскій.

Какъ тебѣ угодно!
Елена не такимъ пощады не давала:
Велико-княжескихъ два брата, Бѣльскій, Шуйскій,
И ежели она узнаетъ, гдѣ твой сынъ сокрытъ,
Кровь драгоцѣнную пролить не усомнится!

Соломонія.

Сына? Кровь сына моего? Иди, иди!
Пусть на меня весь грѣхъ, весь ужасъ преступленья,
Проклятіе злодѣйства — я тебя освобождаю —

Предъ Богомъ, предъ людьми отвѣтчицей — я буду!

Шуйскій (*въ сторону*).

Ну! слава Богу! грѣхъ съ моей души
Она сняла — теперь.... (*громко.*) Прощай, Великая Княгиня,
Жди насъ—тебѣ извѣстьемъ не замедлимъ мы.

Соломонія.

И сына?

Шуйскій (*наставительно*).

Жди его.

(*Поспѣшно уходитъ*).

—

ЯВЛЕНІЕ V.

Соломонія и Марія.

Соломонія.

Сюда, Марія,
Ты слышала, Великой я Княгиней буду,
Великимъ Княземъ будетъ сынъ мой —
Смерть Еленѣ, смерть Литвянкѣ, еретичкѣ,
Вѣдьмѣ, колдуньѣ!...

Марія.

Смерть — а онъ?

Соломонія.

Нѣтъ?

Мой сынъ?

Марія.

Нѣтъ! Оболенскій, другъ Елены?

Соломонія.

Оболенскій —
Изгнанникъ! головой заплатитъ онъ злодѣйство,
Смерть братьевъ двухъ великокняжескихъ!

Марія.

Головой!
Сестра! скажи ему не будетъ ли пощады?

Соломонія.

Ему пощады! А пощадилъ ли онъ? Не онъ ли
На отцовскій престолъ возвелъ Елену?
Не онъ ли учредилъ ее злодѣйствомъ?
Нѣтъ? наше торжество настало — долго
Его ждала я — прочь печальныя одежды!
Гдѣ ризы свѣтлыя мои! Подайте ихъ!
На встрѣчу сына радостно пойду я —
Мой сынъ!

(*Она уходитъ поспѣшно*).

Марія (*одна*).

Ему грозитъ погибель, и такъ близки,
И онъ безпечно дремлетъ.... Боже! дай мнѣ силы
Дойти къ нему, сказать: спасайся! и у ногъ его
Упасть и умереть, и въ нитъ послѣдній
Проговорить ему: ты видишь ли, мой Князь,
Какъ я тебя любила? Ты найдешь ли сердце,
Которое любить бы такъ умѣло?
И онъ — о мысль отрадная! Любви привѣтомъ
Согрѣетъ мой послѣдній часъ.... Вечерній мракъ
Покрылъ Москву, и скоро все уснетъ; лишь преступленье
Не дремлетъ, но любовь моя не дремлетъ также..
Прости, сестра!.... я отрекаюсь отъ тебя, прости!...

(*Уходитъ*).

—

Кремлевскій чертогъ.

ЯВЛЕНІЕ VI.

Елена (*сидитъ въ креслахъ*), Оболенскій (*на колѣняхъ передъ нею*).

Елена.

О сила словъ волшебныхъ! вы любви чарующія рѣчи!
Я дождалась васъ, слышу васъ, и сердце
Такъ тихо бьется, и такъ весело, отрадно!

Оболенскій.

Еще ли ты не вѣришь?

Елена.

Нѣтъ! я вѣрю!
Она была обманщица. Коварство
Врагомъ твоимъ, стремилась погубить тебя —
Прочь помышленья о другихъ; ты мой ли,
Мой ли безъ раздѣла?...

Оболенскій.

Жизнь мою я посвящу,
Отдамъ на счастіе....

Елена.

Твоей Елены?

Оболенскій.

Да, моей Елены!

Елена.

Для чего я не Царица міра,
И для чего ты не какой нибудь бѣдняк,
Не нищій, не мужикъ....
Все отдала бы я тебѣ,
И предъ тобой сама колѣно преклонила!
Ты такъ дорогъ и славенъ:.... (*встаетъ*)
Нѣтъ еще награды
Я отыщу тебя.
Мой Іоаннъ!
Чего ты хочешь? Не вѣнца ли
Великокняжескаго? Посмотри: вотъ княжее кольцо!
Я отдаю его тебѣ — тебя на тронъ съ собою
Я возведу ...

Оболенскій.

Кольцо?

Елена.

Передъ тобой преклоняя
Главу вся Русская земля — супругъ Елены,
Великій Оболенскій!

Оболенскій.

Нѣтъ, Елена! пусть твой сынъ
Пусть царствуетъ — тобою обладанье
Награда мнѣ! — Къ чему вѣнецъ?

Елена.

Такъ убѣжимъ —
Здѣсь холодно и страшно — убѣжимъ,
Укроемся далеко тамъ, гдѣ мы любви и счастью
Жизнь нашу безраздѣльно отдадимъ:
Не знаешь ты, какъ тяжелъ княжескій вѣнецъ!
Какъ грустно сиротство величья,
И какъ властителей печаленъ жребій... Взоръ блестящій твой
Твою мнѣ тайну высказалъ... Нѣтъ, нѣтъ!
Я чувствую, твоей душѣ потребны сильной
И власть, и мощь — я знаю,
Бѣдная любовь тебя не наградитъ —
Такъ говори, повелѣвай, мой Іоаннъ!
Смотри, какъ мнѣ завидуютъ Москва и Польша,
Завидуютъ, а я за тебя любви одинъ...
О, какъ душно, тяжело мнѣ отъ излишка счастья?
Ужели и оно, какъ грусть, печаль, тревожитъ насъ!
Мой Іоаннъ!

Оболенскій

Елена.

(*Въ глубинѣ сцены является тѣнь предка Глинскихъ въ длинномъ саванѣ.*)

Елена (*нечаянно обращая взоръ, видитъ тѣнь*).

Боже!

(*Съ ужасомъ вырывается изъ его объятій.*)

Оболенскій.

Елена! что съ тобой, мой другъ?

Елена.

Онъ! онъ!
И рядомъ съ нимъ тѣнь Михаила,
И тѣнь Андрея — Бѣльскій!

Оболенскій.

Ты мечтаешь!
Здѣсь никого — здѣсь мы одни!

Елена.

Онъ говорилъ,
Что видѣлъ онъ его!

(*Тѣнь подымаетъ руку и исчезаетъ.*)

Исчезъ, пропалъ? мечта пустая?
Иль голосъ совѣсти преступной?

Оболенскій.

Какъ дитя,
Ты привидѣній испугалось. — О, поди сюда!
Я поцѣлуями тебя согрѣю. — Кровь ты смоешь
Слезами....

Елена (*съ ужасомъ.*)

И твои объятья — смерть!

Оболенскій:

Нѣтъ! жизнь
Кипитъ во мнѣ... Ты мнѣ вѣнецъ отдать согласна:
Отдай мнѣ княжее кольцо, моя Елена!

(*Онъ вырываетъ у нее кольцо.*)

Елена.

Онъ говорилъ, что странное явленье
Смерть Глинскихъ предвѣщаетъ.... Смерть?
Пусть смерть, но дайте мнѣ упиться счастьемъ
И любовью... Свѣтъ темнѣетъ.... Дайте мнѣ... воды
Залить огонь....

Оболенскій.

Чего боишься ты? Дитя! или Елена
Не знала, что союзъ нашъ страшенъ?. Духи тьмы
Его мнѣ предрекали — договоромъ съ ними
Запечатлѣлъ тобой я обладанье.... Отдохни,
Елена, успокойся, успокойся....

Елена.

Помогите!

(*Падаетъ во креслы*).

—

ЯВЛЕНІЕ VII.

Тѣже и Запольская.

Запольская.

Елена! Боже мой! какъ ты блѣдна!
Ахъ! что съ тобою....

Елена.

Ничего мой другъ;

Запольская.

Князь Оболенскій,
Смотри — Елена умираетъ, умираетъ.

Елена.

Мнѣ умереть, когда я жизнью воскресаю?..
Когда блаженство я впервые узнаю ..какъ тяжко!
Туда — туда... веди меня. — Мой другъ — мой Іоаннъ!

(*Запольская сопровождаетъ ее.*)

—

ЯВЛЕНІЕ VIII.

Оболенскій (*одинъ*).

Княжее кольцо!... мнѣ демонъ обѣщалъ его,
И говорилъ,
Что я бояться долженъ: мнѣ польца бояться,
Когда я не боялся совѣсть уступить.
Я растерзалъ Маріи сердце — все я отдалъ,
Все отдалъ за него... Рукѣ кровавой
Елены руку подалъ я, и пусть смѣется адъ,
Пѣснь брачную мы воспоемъ, на трупахъ вражьихъ!
Елена — посѣщающая за мой... Нѣтъ! передъ ратью,

Передъ боярами явиться я й аз [illegible]
Смотрите, вотъ она — я вашъ властитель!

—

ЯВЛЕНІЕ IX.

Оболенскій и Васил. Шуйскій.

Шуйскій (съ испугомъ въ умѣ.)

Что тамъ за смятеніе? что такое сдѣлалось съ Великою Княгиней, Князь Иванъ Ѳедоровичъ?

Оболенскій.

Ничего. Ей немного нездоровится! Поди — что это у тебя?

Шуйскій. (*злобно улыбаясь*),

Заморское доброе вино. Оно исцѣляетъ отъ всякихъ болѣзней! я несу его Еленѣ Васильевнѣ?

Оболенскій.

Поди же неси его поскорѣе... на ныя дѣла отвлекаютъ меня... мнѣ должно поспѣшить!

Шуйскій.

Да, батюшка Иванъ Ѳедоровичъ! поспѣши — кто вѣдаетъ, что принесетъ намъ грядущій часъ.

(*уходитъ*)

Оболенскій.

Что онъ сказалъ? Грядущій часъ
Что принесетъ? Мигъ настоящій
Дороже будущихъ столѣтій...

—

ЯВЛЕНІЕ X.

Оболенскій и Марія.

Оболенскій.

Ты опять?
Ты здѣсь?

Марія.

Мои слабѣютъ силы — дай мнѣ руку!
Супругъ мой, не любви твоей просить,
Но жизнь твою спасти, но умереть
У ногъ твоихъ, тебя спасая, я пришла!

Оболенскій.

Марія ты блѣдна, дрожишь? Сядь!

Марія.

Сиди и охранитъ Елену. — Тамъ, у сестры моей..

Оболенскій.

Ты видѣлась съ сестрой твоей?

Марія.

Да, и узнала тайну — страшный заговоръ —
Василій Шуйскій — смерть тебѣ, смерть Еленѣ —

Оболенскій.

И ты спѣшила спасти меня!

Марія.

Да, спасти тебя, и просить за то усладить любовью, привѣтомъ твоимъ послѣдній часъ бѣдной Маріи?

Оболенскій.

А! врагъ коварный! Ты какъ змѣя подползъ и хотѣлъ ужалить меня.... Я раздавлю тебя, ничтожный злодѣй!... Марія! чѣмъ же заплатить мнѣ тебѣ?.... Княжескій вѣнецъ сорву я съ головы Елены и надѣну на твою голову! Сюда на грудь мою!

Марія.

О, дай мнѣ умереть на груди твоей!

(*Слышенъ шумъ.*)

Мой другъ! я трепещу — предупреди враговъ твоихъ!

Оболенскій.

Что мнѣ враги, когда я возвращаю сердце мое Маріи! Я не умѣлъ цѣнить тебя, и неужели узнаю тебя поздно?

(*Шумъ усиливается.*)

—

ЯВЛЕНІЕ XI.

Тѣ же и Заполъская.

Заполъская.

Ахъ! Князь!

Оболенскій.

Что тебѣ? говори.

Заполъская.

Елена!

Оболенскій.

Она зоветъ меня?

Заполъская.

Нѣтъ! она сама пошла къ суду Божію! О, милая моя Елена!

(*Черезъ сцену бѣгутъ бояре, восклицая: умерла! умерла.*)

Оболенскій.

Умерла! Такъ что же? Вотъ Княжее кольцо! теперь я властитель Русской земли!

(*За сценой слышны клики: Да здравствуетъ Великій Князь Іоаннъ.*)

Слышишь ли? они мое провозглашаютъ имя!

Марія.

Нѣтъ! не твое! то имя Іоанна,
Елены сына, Русскаго владыки!

Оболенскій.

Я скипетръ у него исторгну.

Марія.

На главѣ его
Почіетъ Божіе благословеніе!.. Жизнь летитъ
Летитъ — все мчатъ съ собою! На колѣни передъ Богомъ,
Не оскверняй грѣхомъ минутъ послѣднихъ —
Ты не къ вѣнцу, ты къ смерти близокъ!
Враги тебѣ пощады не дадутъ —
Я не могла тебя спасти — умру съ тобой,
Умру — а тамъ — тебѣ не долго пережить меня —
Тебя я встрѣчу тамъ, и буду

Молиться и — Господь помилуетъ тебя!

(*Склоняется въ его объятія.*).

Оболенскій.

Не умирай, Марія, не умирай!

—

ЯВЛЕНІЕ XII.

В. Шуйскій, Д. Бѣльскій, И. Шуйскій и многіе бояре (*выходятъ съ одной стороны.*) Толпа войска, Соломонія (*бѣжитъ съ другой стороны*).

Общій кликъ.

Да здравствуетъ Великій Князь Іоаннъ Васильевичъ!

Соломонія.

Она умерла! Литвянка умерла! вѣнецъ великокняжескій сыну моему, Русскіе люди! Сыну моему тронъ, великокняжескій престолъ!

Голоса.

Кто она? кто она?

В. Шуйскій.

Она сумасшедшая — она вырвалась изъ своего заточенія — она Соломонія Сабурова! Вы знаете, что сынъ ея давно умеръ!

Соломонія.

Умеръ! Лжешь, Василій Шуйскій! Ты говорилъ мнѣ, что онъ живъ!

В. Шуйскій.

Прочь, безумная! Да здравствуетъ Іоаннъ Васильевичъ!

(*Всѣ повторяютъ.*)

Соломонія.

Дерзкій! отрубите ему голову! Гдѣ Марія? гдѣ супругъ ея — она защититъ насъ... Онъ сильный бояринъ! (*Увидя безчувственную Марію*). И она умерла? Пойдемъ, пойдемъ къ моему сыну — они лгутъ, онъ не умеръ?

В. Шуйскій.

Люди Русскіе! Совѣтъ бояръ немедленно соберется и назначитъ правителя Государства на время малолѣтства Великаго Князя. Богу угодно было прекратить дни Великой Княгини. Но безопасность государства требуетъ прежде всего захватить злодѣя и измѣнника. Воины! возьмите Оболенскаго!

Марія (*поднимаясь отъ*).

Нѣтъ! я не отдамъ его — съ мной!

(*Падаетъ въ его объятія.*)

Оболенскій.

Прочь, презрѣнные услужники! благоговѣйте передъ судьбою, постигнувшею преступное величіе — благоговѣйте передъ невинной праведницы!

(*Онъ становится передъ Маріею на колѣни.*)

Марія.

Мой милый! есть за гробомъ жизнь!

(*Умираетъ.*)

Оболенскій.

Жалкъ за гробомъ! Да, я знаю, вѣрю, что есть она, и страшусь помыслить о ней! — Я вижу, кровожадные, вижу жребій мой въ злобныхъ взорахъ вашихъ! — Непостижимый жребій! куда ты довелъ меня? Казнь очиститъ преступленіе мое... Она будетъ за меня молиться...

В. Шуйскій.

Возьмите у него мечъ!

Оболенскій.

Ты только меча-то моего и боишься? Но, его не вырвутъ у меня, я самъ его не отдамъ! Я могъ бы кликнуть къ рати, которую давно ли предводилъ къ побѣдамъ. — Друзья, за Оболенскаго!

(*Смятенный шумъ между войскомъ.*)

Слышишь? Вотъ они ужъ и отказываются на мой голосъ! Прочь обольщенія грѣха! — (*къ Маріи*) Благослови меня — до свиданія! — (*бросаетъ мечъ свой*). Вотъ онъ, залогъ побѣдъ Русской земли! Я иду въ тюрьму! Гдѣ ваши палачи? Ужасы казни не страшнѣе пытокъ, терзающихъ душу преступника!

(*Расталкиваетъ толпу, и бѣжитъ вонъ.*)

Соломонія (*подлѣ Маріи*).

Тише! не разбудите ее! Баю, баю, дитя милое! Спи, сестрица, спи, моя ненаглядная!

Всѣ.

Ура! Великій Князь Іоаннъ Васильевичъ! Ура, ура!

В. Шуйскій (*въ сторону*).

Кажется, правителемъ государства выбрали буду я? А какой злодѣй этотъ Оболенскій! Я давно говаривалъ: гордымъ Богъ противится, смиреннымъ благодать даетъ!

II. МАТЕРІЯЛЫ

ДЛЯ ИСТОРІИ ТЕАТРА, И СЛОВЕСНОСТЬ.

ОБЗОРЪ РУССКОЙ ДРАМАТИЧЕСКОЙ СЛОВЕСНОСТИ.

(*Статья Князя А. А. Шаховскаго.*)

ЭПОХА 1-я. ТРАГЕДІЯ.

Ученый, но не даровитый трудолюбецъ В. К. Тредьяковскій (*) добился до принаровленія Русскаго слова къ Эллинскому стихотворенію; а Ломоносовъ, силою обширнаго дара и сладкозвучіемъ стихотворства, уничтожилъ Польское риѳмованіе Ѳеофана Прокоповича и Князя Кантемира. Но Сумароковъ первый на новомъ еще Русскомъ языкѣ началъ писать трагедіи шестистопными ямбами, показалъ въ комедіяхъ образцы разговорной прозы, положилъ основу Русской сцены въ Кадетскомъ Корпусѣ, гдѣ онъ воспитывался и былъ офицеромъ, и представленіемъ своихъ твореній воспламенилъ Русское досужество Ѳ. Г. Волкова. Сумароковъ не даромъ почтенъ названіемъ отца Русскаго Театра! Часто слышу я нынѣ обычный вопросъ: геній ли Сумароковъ? (*) Да и нѣтъ, смотря потому, кто и какъ спрашиваетъ. Греко-Латинское слово *генія*, вошло въ языкъ Христіанской Европы, не съ точнымъ или

(*) Профессоръ краснорѣчія Василій Кирилловичъ Тредьяковскій, конечно, снискалъ по тщетнымъ усиліямъ его во всѣхъ родахъ сочиненій, но къ неусыпный, благонамѣренный и не вовсе безполезный труженикъ Русскаго Просвѣщенія, не заслуживаетъ личнаго позора, которымъ, можетъ быть и по ложнымъ разсказамъ, хотѣлъ его прикрыть сочинитель *Ледяного Дома*. Щедро одаренный замысловатостью и воображеніемъ, но не безгрѣшный противъ Русскаго языка и радушія, онъ, согрѣвъ Русское сердце *Невскимъ Новикомъ*, озябилъ его, какъ *замороженнаго имъ Украинца*, холоднымъ обливомъ пронія, которою онъ оскорбилъ всѣ знаменитыя жертвы властолюбія лицемѣрнаго Барона. *К. Ш.*

(*) Латинское слово Genii, произведенное отъ заимствованнаго у Грековъ глагола Gignere (родить), подразумѣваетъ врожденное дарованіе и замѣняетъ языческое *демонъ* (вдохновитель), которое, по Христіанскому понятію, перемѣнилось въ наименованіе духа тьмы и зла. Въ наше время, общеевропейское изреченіе *геній* представляетъ предающаго человѣку внушителя высокихъ мыслей и подвиговъ; а новѣйшіе писатели олицетворяютъ его, по произволу, въ великихъ людяхъ, въ своихъ любимцахъ, въ друзьяхъ, а иногда и въ самихъ себѣ. Но уже въ послѣднемъ случаѣ они говорятъ: не я геній, а мой геній, какъ Смертъ говаривалъ: *мой демонъ*!

но *Аскольдъ*, списанный съ Вольтерова Американца *Замора*, мужественнѣе, театральнѣе и даже, если бъ сочинитель не назвалъ его Кіевскимъ уроженцемъ, то можно было бы подумать, что онъ хотѣлъ въ немъ представить Нормандскаго витязя, какимъ и дѣйствительно онъ былъ. *Ростиславъ*, блѣдный снимокъ съ *Хорева*. Не взирая, однако жъ, на это сходство и едва не повтореніе трагедіи одного автора, достоинство стихотворства, драматическая теплота и живость поставили *Семиру*, въ глазахъ зрителей и въ сужденіи критиковъ, выше *Хорева*. Преимуществу ея содѣйствовали: появленіе *Аскольда*, удачно перенятое у Вольтера; короткій, но быстрый разговоръ *Олега* съ *Аскольдомъ*, и хотя слишкомъ поднятый на Французскіе котурны характеръ *Семиры*, что явственно можетъ показать выписка нѣкоторыхъ стиховъ изъ самыхъ блистательныхъ явленій.

ЯВЛЕНІЕ I.

Семира, Избрана.

Семира.

Что въ горести меня любовь воспламеняла,
Я часто то тебѣ, Избрана, предвѣщала:
Сбылось ли то теперь?.. Рокъ муки тѣ принесъ.
Гдѣ помощи искать?.. Правители небесъ!
Въ тоскѣ и жалости, мой духъ изнемогаетъ,
И сердце томное крушится и страдаетъ!
Съ предальней высоты воззрите къ сей странѣ
И унывающей подайте помощь мнѣ.
Избрана, я хочу любовника оставить,
И, одолѣвъ себя, на вѣкъ себя прославить.

Эти хорошіе стихи и быстрое изложеніе характера Семиры уже приготовляютъ зрителей къ чему-то лучшему противъ слышаннаго и видѣннаго ими: правда, что Семира тотчасъ объясняетъ странную причину перемѣны мыслей своихъ:

Когда Аскольдъ, мой братъ, надежды и имѣлъ
Вселенной показать своихъ геройскихъ дѣлъ,
Я сердца своего тогда не принуждала;
А нынѣ честь моя совсѣмъ премѣнна стала;
Олегъ невольниковъ отъ узъ освободилъ,
И щедро изъ темницъ невольныхъ изпустилъ,
Чтобъ нашимъ подданнымъ, отдавъ имъ имъ свободу,
Явить себя отцемъ плѣненному народу.

Семира тогда соглашалась быть женою любящаго ее *Ростислава*, сына хищника ея наслѣдственнаго княжества, когда онъ держалъ въ темницахъ подданныхъ ея брата. Когда же, по великодушію, или, положимъ, изъ политическихъ видовъ, онъ имъ даруетъ свободу, она отказывается слѣдовать прежнимъ чувствамъ ея души. Это понятіе о чести, справедливости и какомъ-то геройствѣ, едвали существовало въ какомъ нибудь народѣ; и такая перемѣна мыслей, отъ благотворительнаго освобожденія, похожа на неблагодарность и духъ безотчетнаго своеволства, который только еще началъ проглядывать въ западныхъ образцахъ Сумароковыхъ сочиненій. Но каковъ онъ ни есть, Семира производитъ занимательныя и умилительныя дѣйствія трагедіи, и вотъ какъ ея сочинитель, припоминаніемъ *Зопира*, громогласитъ изъ устъ *Аскольда*:

ЯВЛЕНІЕ II.

Аскольдъ, *къ освобожденнымъ воинамъ, въ Олеговыхъ чертогахъ.*

Насталъ намъ день искать иль смерти иль свободы,
Умремъ иль побѣдимъ, о храбрые народы! (*)

(*) Частое употребленіе въ церковныхъ книгахъ собирательнаго имени, народъ, во множественномъ, говоря о жителяхъ одной страны, оправдываетъ Сумарокова, но не должно служить

Надежда есть, когда остался въ насъ животъ,
Безсильнымъ мужество даетъ побѣды плодъ.
Не страшно все тому, кто смерти не страшится,
Пускай хотя на насъ природа ополчится,
Что можетъ больше намъ несчастья приключить,
Какъ только въ храбрости насъ съ жизнью разлучить.
О градъ родительскій! Отечество драгое!
Гдѣ взросъ я въ пышности, въ веселіи, въ покоѣ!
Могу ли я забыть, что я въ тебѣ рожденъ,
И что отъ твоего престола отчужденъ.
О вѣрные рабы, отвержемъ плѣна бремя,
Настало то судьбой назначенное время,
Въ которо мы дожны вселенной показать,
Что намъ несвойственно подъ игомъ пребывать;
Пусть потеряніе свободы невозвратно,
Но въ долгъ отечества и смерть вкусить пріятно.
Кончина такова съ побѣдою равна,
И ею наша жизнь пребудетъ вѣкъ славна.

Нельзя не отдать справедливости этимъ, хотя и устарѣлымъ стихамъ, доказывающимъ, что Сумарокову недоставало хорошихъ примѣровъ, а не стихотворнаго дара.

Семира, *воспламененная братомъ и его воинами, восклицаетъ:*

Природа! для чего *я дѣвой рождена?*
Я тщетно къ бодрости теперь возбуждена;
Хоть съ ними въ равныя вдаюся я напасти,
Не буду въ храбрости имѣть я съ вами части!

Аскольдъ.

Непобѣдиму страсть стѣсняешь ты въ себѣ,
Довольно мужества, сестра моя, въ тебѣ.

Семира.

Довольно для меня, а для народа мало.

Послѣдній стихъ прекрасенъ; но вотъ еще образецъ сжатаго, живаго и сильнаго разговора, который дѣлаетъ главное достоинство Семиры. Олегъ открываетъ заговоръ освобожденнаго имъ Аскольда, призываетъ его къ себѣ и говоритъ:

Ты тщетно предпріялъ быть Княземъ сей странѣ,
И другомъ бывъ моимъ, сталъ ты злодѣемъ мнѣ!
Я мыслилъ о тебѣ такъ склонно, какъ о сынѣ,
И въ воздаяніе вражду я вижу нынѣ;
Всѣ милости забывъ, которы ты имѣлъ,
Ты встать противъ меня хотѣлъ, Аскольдъ!

Аскольдъ.

Хотѣлъ.

Олегъ.

Проси прощенія: пади передо мною.

Аскольдъ.

Коль мечъ мнѣ въ грудь вонзишь, паду передъ тобой,
А прежде никогда.

Олегъ.

Но смерть тебѣ грозитъ.

Аскольдъ.

Величества души она не поразитъ:

Это явленіе, и то, когда, можетъ быть, и слишкомъ высокопарная, но побѣжденная любовью *Семира*, упадая на колѣни предъ *Олегомъ*, говоритъ: «*Зри гордости Семиричой конецъ*», производили сильное дѣйствіе надъ зрителями, уже привыкшими къ стихамъ Княжнина, и видавшими трагедіи Озерова. Окончивающая трагедію перипеція, не такъ неожиданная, но явственнѣе приведенная, чѣмъ въ *Артистонѣ*, удовлетворяетъ, смертью и послѣдней волей *Аскольда*, соучастіе зрителей, къ любви *Семиры* и *Ростислава*.

образцемъ для писателей на новомъ Русскомъ языкѣ, въ которомъ многіе слова невозвратимо измѣнили старинное значеніе, какъ то: изрядно красно, животъ и проч. *К. Ш.*

Небольшая удача *Темиры и Селима*, и с ведливый успѣхъ *Семиры*, не остановили появленія, въ томъ же году, второй трагедіи Ломоносова, вѣроятно также вынужденной убѣжденіями Шувалова. Можетъ быть, надежда, что эпическое содержаніе драмы и Омировы герои больше удадутся стихотворцу, постигшему всю силу древней поэзіи, заставили нашего Мецената вторично превратить великаго лирика въ несчастнаго трагика. *Демофонтъ* Ломоносова напечатанъ въ 1752 году. Въ этой трагедіи нельзя не удивляться сладкозвучію стиха, красотѣ описательнаго стихотворства и странному соображенію всей трагедіи, доказывающему совершенное отсутствіе драматическаго дарованія. Вотъ въ чемъ дѣло: *Демофонтъ*, сынъ Царя *Тезея*, возвращаясь отъ *Трои*, выброшенъ бурею на Фракійскій берегъ и спасенный царевною *Феллидой*, влюбился въ *Иліону*, дочь *Пріама*, невѣсту *Полимнестора*, правителя Фракіи, который влюбленъ въ *Феллиду*, а *Феллидав* люблена въ *Демофонта*. Всѣ эти несчастные любовники, кружась попарно на театрѣ, должны вскружить голову и зрителей и читателей, не подвигая впередъ трагическаго дѣйствія; наконецъ *Феллида*, чтобъ удержать неблагодарнаго *льстеца Демофонта*, велитъ зажечь его корабли. Но *Демофонтъ*, раненый зажженою стрѣлой, умираетъ; *Феллида* закалывается. Этотъ пожаръ не разогрѣлъ однако жъ трагедіи, и какъ говоритъ Иліона:

Несчастливой любви несчастливый конецъ,
не разжа ни кого обилъ. Ломоносовъ, этимъ вторымъ и послѣднимъ опытомъ, совершенно оправдалъ прекрасные свои стихи Анакреону. Но описавъ сценическую суматоху великаго нашего стихотворца, въ доказательство неимовѣрной разницы между драматической и эпической поэзіей, нахожу нужнымъ, изъ уваженія къ памяти мудраго образователя Русскаго слова и вдохновеннаго поэта, выписать изъ его несчастной трагедіи превосходный разсказъ *Мемнона*, только возвратившемуся въ Сестъ, *Полимнестору*:

За полгода предъ симъ, когда здѣсь не былъ слухъ,
Гдѣ съ воинствомъ тебя водилъ геройскій духъ,
И послѣ, какъ пришла во градъ сей вѣсть плачевна,
Что Трою рушила въ конецъ судьбина гнѣвна —
Внезапно солнца видъ на всходѣ сталъ багровъ,
И тусклые лучи кидалъ изъ облаковъ;
Отъ берега вдали пучина почернѣла,
И буря къ намъ съ дождемъ и градомъ налетѣла,
Напала мгла, какъ ночь, ударилъ громный трескъ,
И мрачность разсѣкалъ лишь частый молній блескъ.
Поднявъ сѣды верхи, стремились волны яры·
И берегъ заревѣлъ, почувствовавъ удары.
Тогда сквозь мракъ едва увидѣть мы могли,
Что съ моря бурный вѣтръ несетъ къ намъ корабли,
Которы лютость волнъ то въ пропастяхъ скрываетъ,
То вздернувъ на бугры порывисто бросаетъ;
Раздранны парусы пловцы отдавъ *вѣтрамъ*,
Ужъ руки подняли къ закрытымъ небесамъ;
Мы чаяли тогда Энеева прихода
Съ остатками Троянъ, несчастнаго народа.
Объята жалостью, подвигнута бѣдой,
Царевна на берегъ безъ страха шла за мной.
Тутъ алчный Понтъ пожралъ три корабля предъ нами,
И въ части раздробивъ, извергъ на брегъ волнами.
Увидѣвъ, что съ водой тамъ бьется человѣкъ,
Съ рабами я спѣшилъ, и на песокъ извлекъ.
. . . . . .

Полимнесторъ.

Кто сей несчастный былъ?

Мемнонъ.

Царя Тезея сынъ —
Онъ сердца нашей царевны властелинъ!

Этотъ отвѣтъ *Мемноновъ*, кажется, только одинъ истинно драматическій стихъ во всей трагедіи: онъ ясно и коротко показываетъ завязку драмы; но Княжнинъ, въ своей *Дидонѣ*, показалъ, какъ и самый пиитическій разсказъ о бурѣ можетъ быть въ то же время драматическимъ дѣйствіемъ. Вотъ отвѣтъ *Энея Антенору*, винящему страсть его къ *Дидонѣ*:

Воспомни, Антеноръ, какъ алчный понтъ ревѣлъ
И поглотить онъ весь Пріамовъ родъ хотѣлъ;
Какъ волны до небесъ свирѣпствуя вздымались,
И въ тотъ же часъ отъ тучъ до ада низвергались.
День оный въ страшну ночь Нептунъ преобратилъ,
Разящій только огнь во мракѣ намъ свѣтилъ.
Спасенья не было; боговъ тогда мы звали;
А боги въ помощи несчастнымъ *отрицали*.
Ужъ адовы врата отверзлися тогда,
Въ разбиты корабли вливалася вода,
Втекала съ нею смерть... Прекрасная Дидона
Къ моленью нашему подвиглася со трона,
И жалостей боговъ на помощь притекла,
Она изъ челюстей насъ смерти извлекла.
Трояне, боги, я, неблагодарны будемъ,
Когда Дидонины щедроты позабудемъ.

Это не только эпическое повѣствованіе, но полное дѣйствіе той страсти, на которой основана вся трагедія. *Эней*, чтобъ оправдать ее, воспоминаетъ обвинителю своему весь смертельный страхъ, который ихъ постигъ: тутъ громъ, молнія, буря, смерть, и самые боги представлены немилосердыми, ужасными, для того, чтобы возвысить щедроты прекрасной *Дидоны*. Все это превосходно! Съ какимъ искусствомъ, съ какою быстротою, постепенностью, поэтъ, доведя разсказъ до конечной гибели, перерываетъ его восторгомъ господствующей страсти, и обращаетъ всѣ ужасныя воспоминанія въ ея пользу. Княжнинъ, справедливо обвиняемый въ заимствованіи у чужеземныхъ писателей многаго и многаго, первый самымъ дѣломъ открылъ намъ тайны драматическаго искусства и стихотворства, и смѣло могъ называться сценическимъ поэтомъ. Но прежде, чѣмъ лѣтописный обзоръ дойдетъ до его твореній, должно еще досмотрѣть сочиненія его тестя и предшественника, Сумарокова.

(Окончаніе впредь.)

ЛЮБОВЬ АКТРИСЪ.

Въ любви всего пріятнѣе предпочтеніе, которое намъ оказываютъ. Оно бываетъ двухъ родовъ. Одно оказывается женщиною скромною, привыкшею сидѣть дома, которая прячется отъ всѣхъ, кромѣ васъ, и превращаетъ домъ свой въ непроницаемый храмъ, а свиданія прикрываетъ тайною. Другое оказывается смѣлою женщиною, которая желаетъ нравиться всѣмъ безъ изъятія, а допускаетъ до сердца только одного избраннаго. Элементы этой послѣдней любви, когда она не притворна,

суть удивленіе, чувствительность, гордость. — три неразлучные круга, въ которыхъ не найдешь ни начала, ни конца. Такая любовь начинается глазами, сердце трепещетъ, а голова упоена побѣдою. Слова мои должно въ особенности приложить къ любви актрисъ; разсмотримъ же аналитически всѣ три элемента этой любви.

Чаще всего на сценѣ прельщаетъ насъ красота; но мы тотчасъ д маемъ, что эта самая красота, пожираемая нашими глазами, прельщала уже тысячи другихъ глазъ, которые были не безкорыстнѣе нашихъ; сколько не имѣли бы мы достоинствъ и отличій, какъ ни были бы мы тщеславны, все таки должны предположить, что въ залѣ, гдѣ 1200 или 2000 зрителей, есть, покрайней мѣрѣ, сотня головъ лучше нашей, сто фраковъ, сшитыхъ красивѣе нашего, сто галстуховъ, повязанныхъ лучше нашего, сто паръ перчатокъ желтѣе и свѣжѣе нашей пары. — Актриса все-таки, смотрѣла на насъ нѣсколько разъ.— Однако жъ, постараемся сохранить хладнокровіе и разсмотримъ одного изъ сотни соперниковъ нашихъ; она и на него смотритъ! Ударъ нанесенъ, ударъ чувствительный и глубокій; мы надѣялись прежде, что ея прелестные глаза ищутъ только насъ. Такъ вселяется любовь, съ ревностію и опасеніемъ, и съ неувѣренностію въ самомъ себѣ. Предположите теперь, что послѣ обыкновенныхъ интригъ, надушенныхъ записочекъ, просьбъ, моленій, послѣ поджиданій на улицѣ и ежедневныхъ посѣщеній театра, вамъ удалось восторжествовать, и судите о счастіи, которое доставлено успѣхомъ, по трудамъ вашимъ и по мученіямъ, отъ него происходящимъ.

Если сильныя потрясенія дѣйствуютъ на страсти точно такъ же, какъ сильный вѣтеръ на горящую смолу, то замѣчено, что самый сильный пожаръ скорѣе потухаетъ. Любовь встрѣчаетъ въ театрѣ столько ударовъ, что душа не можетъ наслаждаться тою полнотою блаженства, какую даетъ спокойствіе послѣ опасеній; можно сравнить любовь актрисъ съ лодочками, безпрерывно волнующимися на океанѣ, даже въ то время, когда онѣ притянуты къ берегу. Въ обыкновенномъ мірѣ, любовь живетъ и увеличивается препятствіями, потому что чувствуетъ нужду въ спокойствіи, въ безмятежности. Въ театральныхъ страстяхъ этого быть не можетъ. Театральный міръ и нашъ міръ ежедневный — двѣ сферы, вращающіяся на совершенно различныхъ законахъ; правила, имѣющія ходъ въ первомъ, становятся нелѣпы во второмъ; люди, попадающіе изъ перваго во второй, непремѣнно должны когда нибудь возвратиться къ прежней родинѣ.

У насъ любовь требуетъ нераздѣльности. Признаемся, что и въ нашемъ обществѣ, идея эта — ложь; но въ театрѣ она еще болѣе лжива! Больше избраннаго любовника, актриса льститъ другому любовнику, ревнивому, страшному и опасному,— публикѣ. Она жертвуетъ всѣмъ и собою этому грозному тирану. Избранникъ актрисы — просто рабъ всѣхъ тѣхъ, которые сидятъ въ первыхъ рядахъ креселъ; я говорю о такомъ избранникѣ, который соединяетъ въ себѣ всѣ три элемента любви, потому что любящій изъ одной гордости не заботится о предметѣ любви своей: онъ не блѣднѣетъ отъ свистковъ, не сердится, когда шикаютъ его актрисѣ. А кто истинно любитъ, тотъ всегда и всего боится. Онъ дрожитъ передъ всѣми, начиная отъ директора театра до самаго скромнаго машиниста, отъ франта, сидящаго въ креслахъ, до лавочника, забравшагося въ раекъ. Когда любятъ такого человѣка, онъ ни съ чѣмъ въ мірѣ не можетъ сравнить своего счастія. Онъ обожаетъ идеальную любовницу, наслаждается настоящимъ и прошедшимъ; когда видитъ, что глаза его пріятельницы обращаются на другихъ, онъ покоряется и признаетъ власть публики; когда же, напротивъ, жестъ или взоръ прямо обра-

щены къ нему; онъ думаетъ: — «она видитъ только меня одного въ этомъ океанѣ любопытныхъ головъ!» Когда онъ сидитъ въ тѣни, въ углу, котораго она не знаетъ, и когда замѣчаетъ, что она его ищетъ, то пьетъ чашу неизъяснимаго удовольствія; если она ошибется или забудетъ реплику, потому что ищетъ его, онъ едва не умираетъ отъ радости и восторга. Есть ли любовное свиданіе, могущее сравниться съ тѣмъ, которое назначаетъ актриса своему возлюбленному въ театральной залѣ, наполненной народомъ? Можетъ ли какая нибудь женщина говорить такія сладкія рѣчи, какія произноситъ актриса въ самой дрянной роли; рѣчи самыя обыкновенныя, но получающія особенную цѣну отъ того, что любовникъ прилагаетъ ихъ къ самому себѣ: напримѣръ: «Я люблю тебя!» — или: «Не могу жить безъ него!» — или: «Гдѣ не могу видѣться съ тобою, и тамъ ищетъ тебя моя любовь!» — Нѣтъ! ничто не можетъ быть полнѣе этой любви въ театрѣ, но именно въ театрѣ; за кулисами или въ будуарѣ, дѣйствительность приводитъ обыкновенную развязку.....

Кто любитъ актрису изъ гордости и счастливъ только тѣмъ, что обладаетъ женщиною, за которою многіе ухаживаютъ, тотъ дѣйствуетъ совсѣмъ иначе. Онъ надѣваетъ изящный галстухъ, входитъ съ шумомъ въ ближайшій къ сценѣ бенуаръ, въ ту минуту, когда *страсть* его выходитъ на сцену; онъ ложится на перегородку ложи, смотритъ безъ лорнета и зрительной трубки, и выказываетъ бѣлизну своихъ перчатокъ на бархатѣ, которымъ обитъ передокъ ложи; онъ старается обратить на себя вниманіе своей *сопрано* кашлемъ; дѣлаетъ ей разные знаки; если бенуаръ близко къ сценѣ, онъ даже говоритъ съ нею и мѣшаетъ ей читать роль какъ должно. Публика не понимаетъ въ чемъ дѣло, и сердится. Несчастная жертва, находясь между обоими своими повелителями, изъ которыхъ одинъ хочетъ шутить надъ другимъ, представляетъ обоимъ неестественную, составную физіономію, и не удовлетворяетъ ни того, ни другаго; она похожа на тѣхъ несчастныхъ львовъ, которые, сидя въ клѣткахъ, бѣсятся на невидимыхъ мошекъ и кажутся раздраженными безъ причины. Но, на сценѣ, фигуранты смѣются, актеры въ полголоса говорятъ другъ другу соблазнительныя замѣчанія, вовсе не принадлежащія къ ихъ ролямъ, — и нашъ гордый любовникъ старался и трудился не даромъ!

Любовники подобнаго рода не требуютъ отъ актрисъ ни таинственныхъ знаковъ со сцены, ни нѣжныхъ измѣненій голоса, ни утонченныхъ намѣковъ изъ словъ роли. Они не стараются прилежно слѣдить за исполненіемъ роли, для поддержанія таланта или духа своей любовницы, и для замѣчаній на счетъ недостатковъ ея игры. Они не знаютъ, какое счастіе быть единственнымъ судьею, котораго рѣшенія актриса записываетъ въ душѣ, среди столькихъ приговоровъ, произносимыхъ столь многими другими судьями! Они желаютъ одного: чтобы во время антракта знакомая ручка, покрытая бриллiантовыми перстнями, назначила имъ часъ свиданія; они соглашаются или отказываютъ, съ шумными тѣлодвиженіями, чтобы всѣ видѣли, что назначеніе свиданія относится именно къ нимъ, а не къ кому нибудь другому. Впрочемъ, такой любовникъ ни мало не заботится о томъ, что другіе глаза производятъ на его актрису взаимное впечатлѣніе; онъ не думаетъ даже о тысячѣ случаевъ соблазна за кулисами. Анализируйте счастіе этого человѣка: показаться въ публикѣ изящно одѣтымъ; знать, что туалетъ его пропадетъ не даромъ; чувствовать, что ему завидуютъ; наконецъ, думать, что его и сладденіе гораздо сильнѣе наслажденія, ощущаемаго другими!

Вообще люди, понимающіе, что можетъ быть прелестно въ любви актрисъ, рѣдко бываютъ ихъ любовниками. Для надлежа-

щей опѣки. Дедемоны, мало быть французомъ, пѣть куплетъ и курить сигару. Рѣдко выростаютъ сильныя страсти въ атмосферѣ ужиновъ и попоекъ, а всякая театральная любовь приводитъ наконецъ къ ужинамъ и попойкамъ. Дездемона садится въ наемную карету съ Кассіо, по окончаніи спектакля, часовъ въ одиннадцать; ей надоѣли уже вздохи, плачъ, всѣ страстные извороты голоса; ей не хочется снова начинать ту же роль. По окончаніи спектакля, она бросаетъ и забываетъ ремесло первой любовницы. Тогда ей нужны весельчаки, умѣющіе пѣть и любезные болтуны, снабженные порядочными ушами для принятія разныхъ сплетней, и длинными языками, для передачи язвительныхъ разсказовъ. Чѣмъ долѣе могутъ они хохотать, тѣмъ болѣе могутъ нравиться; актриса не хочетъ драмъ у себя дома; она такъ же мало къ нимъ привыкла, какъ и всѣ строгіе нравственнички, посѣщающіе театръ рѣдко. По этому-то актрисы часто ѣздятъ въ театръ, и смѣются или плачутъ не менѣе прочихъ зрительницъ. Актриса находитъ въ театрѣ такое удовольствіе, какъ и вы; у ней есть моменты героической любви, пока она играетъ, но она очень, очень рѣдко переноситъ ихъ въ свою домашнюю, обыкновенную жизнь.

Не надѣйтесь же возжечь сильную страсть въ актрисѣ, еще менѣе поддержать ее на нѣкоторое время. Съ той или другой стороны, найдется ледъ для утушенія самаго жаркаго пламени. Если любовникъ принимаетъ любовь свою за что нибудь дѣльное, то всѣ увѣряютъ его, что онъ шутитъ; если актриса влюбится не на шутку, то человѣкъ, породившій въ ней необыкновенную любовь, не можетъ поддержать ее. Во всякомъ случаѣ, обыкновенное займетъ мѣсто чрезвычайнаго, и любовь кончится тривіальностію.

Я знаю два примѣра обоихъ родовъ любви, которые дадутъ вамъ мѣрку, по которой вы можете измѣрять всѣ театральныя страсти. Первый дастъ вамъ образецъ игры случая и любовныхъ бѣдствій.

На одномъ изъ второстепенныхъ Парижскихъ театровъ была молодая, преумная и прехорошенькая актриса, игравшая роли *кокетокъ*. Она играла въ водевилѣ, въ драмѣ, въ комическихъ операхъ, въ комедіяхъ. Публика чрезвычайно любила ее; а потаенныхъ обожателей было у ней черезъ чуръ много. Однако жъ, не смотря на ихъ многочисленность, актриса часто выглядывала изъ-за своихъ обожателей на другихъ искателей, и намѣревалась выбрать одного изъ нихъ. Я зналъ одного изъ этихъ искателей. Онъ былъ молодъ! занималъ видное мѣсто, отличался неподдѣльнымъ умомъ, пріятною наружностію, и ненавистію къ женщинамъ вообще. Онъ исцалъ страсти необыкновенной, которая сожгла, разрушила бы его; но онъ умѣлъ, могъ бы любить.

Актриса зачванилась, когда онъ началъ за нею ухаживать; замѣтивъ ея гордость, молодой человѣкъ бросилъ ее. Въ этотъ же театръ хаживалъ высокій мужчина, который умѣлъ только дразнить актеровъ и играть съ ними въ банкъ; впрочемъ, онъ зналъ музыку и пѣлъ довольно порядочно. Актриса влюбилась въ него. Какъ онъ обрадовался! Первая актриса! Мы думали, что восторгъ задушитъ его; но скоро увидѣли, что нѣтъ на какой опасности. Цѣлый мѣсяцъ, все шло очень хорошо. Какъ онъ веселъ! говорила сначала актриса. — Онъ всегда веселъ, повторяла она черезъ нѣсколько времени. — Онъ черезъ чуръ веселъ, сказала она наконецъ. По самому рѣдкому капризу, эта женщина хотѣла любить разъ въ жизнь свою, стремилась всѣми силами къ этой цѣли, и никакъ не могла достигнуть до нея. Я видѣлъ, какъ она старалась ухаживать, нравиться, любить... Когда она выходила на сцену, то прежде всѣхъ заглядывала на своего красиваго пѣвуна; уходя со сцены, всегда прощалась съ нимъ незамѣтнымъ для публики жестомъ. Однажды ей надобно было стать на колѣни, и сказать:

«Люблю тебя!... Говорю это твоей тѣни! о! люблю тебя!» Она обернулась къ бенуару, въ которомъ всегда сиживалъ ея возлюбленный, и проговорила ему эти слова съ такимъ выраженіемъ, что едва не упала безъ чувствъ. А что онъ дѣлалъ въ это время? Самую уморительную гримасу: прилокилъ обѣ руки къ носу и вытянулъ пальцы, такъ какъ дѣлаютъ маленькіе шалуны, встрѣчая старухъ на улицахъ. Такъ случалось тысячу разъ; наконецъ она рѣшилась разстаться съ нимъ, и упрекала его за то, что всѣмъ для него жертвовала, рискуя потерять *другихъ*. Эта женщина, отвергнувшая дѣльнаго человѣка, искала истинной любви, а предалась шуту; и наконецъ пришла къ той же цѣли, ни мало не жалѣя о своей истинной любви.

Другой примѣръ можетъ служить доказательствомъ противнаго. Георгъ Г., поэтъ и философъ, нашелъ на сценѣ одного изъ водевильныхъ театровъ женщину, способную возбудить любовь въ человѣкѣ, знакомомъ съ закулисною жизнію. Долго ждалъ онъ, долго ухаживалъ, хотя актриса не принадлежала къ числу самыхъ строгихъ добродѣтелей; наконецъ добился желаемаго, и актриса полюбила его такъ же сильно, какъ онъ любилъ ее. Что прельщало его? Онъ не могъ терпѣть водевиля, а актриса была хороша только въ водевиляхъ; но она играла ихъ съ видимою скукою, которая заставляла ожидать чего-то необыкновеннаго, и Георгъ плѣнился водевилемъ, которому данъ былъ новый, невиданный цвѣтъ. Однако жъ, одно изъ условій этой любви составляло его несчастіе: ему приказано было сидѣть ежедневно въ театрѣ, и всегда на одномъ и томъ же мѣстѣ, въ бенуарѣ. Онъ долженъ былъ сносить поклоны капельдинера и принимать отъ него афишу, сложенную такъ, что можно было читать только ту піесу, въ которой играла его возлюбленная. Георгъ никогда не говорилъ ни слова о своей любви, но у капельдинеровъ, приставленныхъ къ бенуарамъ, течетъ въ жилахъ Меннатоссеева кровь. Сначала другъ вашъ провелъ нѣсколько несравненныхъ вечеровъ. Жизнь его и ея начиналась съ наступленіемъ вечера, и актриса умирала отъ любви, покоряясь сильному вліянію его пылкой страсти и собственной своей симпатіи. Бѣдный Жоржъ выслушалъ столько куплетовъ, что наконецъ у него на языкѣ безпрерывно вертѣлся какой нибудь куплетъ, а ритурнели оркестра бродили у него въ головѣ ежеминутно. Наконецъ онъ пришелъ въ негодованіе, поклялся не ходить въ театръ и сообщилъ намѣреніе свое актрисѣ, зная, что можетъ быть огорчитъ ее. Отгадайте, чѣмъ пожертвовала для него эта женщина, ежедневно упивающаяся рукоплесканіями своего партера? Когда вышелъ срокъ ея контракту, она сошла со сцены и бросила свои тріумфы для обыкновенной, прозаической жизни. Вотъ истинная любовь!

До этого необыкновеннаго самопожертвованія, равенство царствовало въ ихъ домѣ. Актриса владѣла сценою, Георгъ — своимъ кабинетомъ и своими занятіями Когда театральная королева сняла свою діадему, она всею своею тяжестію упала на чело поэта, и, увѣряю васъ, что это была невыносимая тяжесть. Онъ безпрерывно повторялъ актрисѣ, что еще болѣе будетъ любить ее въ уединеніи; она вѣрила ему и скрывала оскорбленія неудовлетвореннаго самолюбія. Однако жъ, иногда она жалѣла о богатыхъ нарядахъ и эффектахъ сцены, и увѣряла, что жалѣетъ о нихъ единственно потому, что въ прежнее время она могла сильнѣе и удобнѣе привлекать и плѣнять Георга. Черезъ шесть мѣсяцевъ, потерявъ пуританское терпѣніе, онъ признался ей, что она казалась ему прежде гораздо прелестнѣе, и попросилъ ее спѣть какую нибудь арію. Она запѣла лучшіе свои куплеты. Тогда оба предались восторгу воспоминаній: онъ, отъ мотивовъ, напо-

минавшихъ ему то блаженное время, когда его обожали самымъ лестнымъ образомъ; она, отъ того, что попала на знакомую дорогу, на прежнія свои радости. Черезъ недѣлю, она дебютировала на томъ же театрѣ. Георгъ поѣхалъ въ театръ, но, выходя изъ него, глубоко вздыхалъ, потому что актриса взглянула на него только одинъ разъ. Черезъ нѣсколько времени капельдинеръ не складывалъ уже своей афиши, потому что обычный посѣтитель уже не являлся на прежнее мѣсто.

Актриса не жалѣла о немъ, но даже удивлялась, что могла, въ продолженіе шести мѣсяцевъ, играть безъ скуки роль *чувствительной любовницы*.

Она не любила Георга, скажете вы. Ошибаетесь: она истинно любила его; я хотѣлъ только показать, что страсти въ театрѣ не продолжительны, въ нихъ не можетъ быть ни постоянства, ни даже привычки.

ГРОШЕВЫЕ ТЕАТРЫ ВЪ ЛОНДОНѢ.

(Изъ записокъ путешественника.)

Во время пребыванія моего въ Швейцаріи, я долго не могъ понять, зачѣмъ Англійскіе туристы, вписывая имена свои въ такъ называемыя «книги путешественниковъ», всегда обозначаютъ притомъ свои Лондонскіе адресы. Къ чему бы это? думалъ я тогда. Для того могутъ быть любопытны такія подробности? Тѣ, которые ведутъ съ этими господами переписку, безъ сомнѣнія, знаютъ куда посылать свои письма, а тѣ, которые думаютъ завести ее съ ними, навѣрное, не будутъ искать адресовъ ихъ въ Швейцарскихъ «книгахъ путешественниковъ». На что жъ бы записывались они? — Загадку эту разрѣшилъ мнѣ одинъ Англичанинъ. «Видите ли, сказалъ онъ: отъ мѣста, гдѣ живете вы въ Лондонѣ, зависитъ для васъ очень многое: отъ него зависитъ ваша, какъ говоримъ мы, *респектабельность*. Если вы поставите подъ вашимъ именемъ, напримѣръ, Portman-Square, каждый, кто знаетъ Лондонъ, непремѣнно сочтетъ васъ человѣкомъ съ «респектабельными» доходами, съ независимымъ состояніемъ, а слѣдовательно и съ «респектабельнымъ характеромъ». Онъ будетъ думать о васъ такъ потому, что въ Портманъ-Скверѣ, гдѣ квартиры очень дороги и нѣтъ ни одной лавки, живутъ только люди порядочные. Но бѣда вамъ, если вы вздумаете подписать Oxford-Street: ни одинъ житель Лондона не приметъ васъ за «респектабельнаго» человѣка, хотя Оксфордъ-Стритъ принадлежитъ къ числу лучшихъ Лондонскихъ улицъ, и только во стѣ шагахъ отъ Портменъ-Сквера. Да, именно такъ. Будьте вы себѣ богаты и пребогаты, но когда поселитесь въ Оксфордъ-Стритѣ, Лондонцы не дадутъ вамъ титула

«респектабельнаго», не дадутъ отъ того, что въ этой улицѣ живутъ все купцы да ремесленники. Теперь вы поняли, зачѣмъ туристы наши пишутъ свои адресы въ книгахъ путешественниковъ?» Слова эти вполнѣ воскресли въ моей памяти, когда пришли мнѣ на мысль тѣ дешевые театры, которые называютъ въ Лондонѣ *грошевыми* (penny-theatre), и которые имѣлъ я случай знать хорошо. Бѣдные грошевые театры! Они чрезвычайно любопытны для каждаго иностранца, но такъ не «респектабельны,» что въ высшемъ кругу Лондонскомъ страшно назвать кварталы, гдѣ они находятся. Говорить о нихъ тамъ, значитъ скомпрометировать себя. Но вамъ, читатель, мы не побоимся разсказать, что это за театры.

Грошевые театры находятся только въ самыхъ бѣдныхъ кварталахъ Лондона, въ Ratcliffe-higway, Commercial-road, Mile-end-road, St. George's in the fields, New Cut, King's cross, Paddington и т. п. Обычные посѣтители ихъ — люди самаго простаго званія и преимущественно дѣти. Зданія ихъ, повидимому, были выстроены совершенно для другой цѣли. Одни изъ нихъ, вѣроятно, были нѣкогда конюшнями, а другія сараями. Вообще, судя по наружности ихъ, можно смѣло сказать, что они первоначально были «out-door-houses», т. е. строеніями, предназначенными для хозяйственныхъ надобностей. И въ самой внутренности ихъ сдѣланы только необходимѣйшія перемѣны. Тамъ, гдѣ стѣны не прикрыты, — а прикрыты онѣ очень экономно, торчатъ голые кирпичи; ложъ, галерей и креселъ вы не увидите почти ни въ одномъ изъ нихъ. Въ нѣкоторыхъ, весьма немногихъ, впрочемъ, есть перегородка, отдѣляющая мѣста для директоровъ и незанятыхъ актеровъ отъ прочихъ мѣстъ; вообще же зрители помѣщаются въ нихъ, безъ всякаго разбора, на лавкахъ, расположенныхъ въ видѣ амфитеатра. Между лавками, всегда зіяетъ какая-то страшная пропасть, слегка прикрытая досками; лѣстница, которая ведетъ къ нимъ изъ входа, завѣшеннаго какою нибудь незавидною матеріею, обыкновенно бываетъ болѣе или менѣе изломана. Первая лавка находится непосредственно подлѣ сцѣны. Изъ этого, однако жъ, не слѣдуетъ, чтобы въ грошевыхъ театрахъ не было музыкантовъ. Оркестръ въ такомъ театрѣ есть почти всегда; но за то какой оркестръ! Три скрипача, и никогда болѣе! И знаете ли, гдѣ они помѣщаются? Когда погода хороша, они гудятъ за театромъ; въ противномъ же случаѣ, передъ началомъ представленія, въ театрѣ, у входа, а во время антрактовъ на самой верхней лавкѣ, или около лѣстницы. Сцена, вмѣстѣ съ пятью или шестью передними лавками, занимаетъ всю ширину зданія, но глубина ея такъ незначительна, что актеры стараются сколь возможно менѣе *распространяться* въ жестикаціи, и ходятъ по сценѣ самыми малыми шагами. Кулисы, впрочемъ, нисколько не виновны въ этомъ *стѣсненномъ положеніи*: ихъ всего на все три перемѣны, и притомъ онѣ плотно ставятся по боковымъ стѣнамъ. Нѣсколько штукъ деревьевъ, намалеванныхъ на нихъ, изображаютъ лѣсъ, а два дома, по одному на каждой сторонѣ, городъ. Когда дѣйствіе должно происходить въ комнатѣ, являются двѣ вытянутыя ширмы съ двумя окнами. Вотъ и все. Остальное извольте дополнять воображеніемъ. Освѣщеніе грошевыхъ театровъ составляетъ самую благословенную симметрію со всѣмъ, описаннымъ мною. Ни въ одномъ изъ нихъ не насчиталъ я менѣе семи, и ни въ одномъ болѣе двадцати грошевыхъ свѣчъ.

И что жъ вы думаете: между этими общипанными театрами существуютъ свои аристократы и свои плебеи, т. е. между ними есть *большіе* и *маленькіе* театры! Сколько же всѣхъ ихъ вообще, сказать вамъ не могу, потому что не знаю навѣрное. Одни насчитываютъ ихъ до

осмидесяти, другіе до ста. Самый малый изъ числа «большихъ», вмѣщаетъ въ себѣ до ста зрителей, а самый большой, находящійся въ Паддингтонѣ — до двухъ тысячъ, но сборы какъ тѣхъ, такъ и другихъ, столь ничточны, что директоры ихъ, не смотря на всю скудость обстановки піесъ, разорились бы, если бъ давали только по одному представленію въ вечеръ. Потому-то на каждомъ грошевомъ театрѣ дается по нѣскольку спектаклей въ одинъ и тотъ же вечеръ, и чѣмъ меньше театръ, тѣмъ ревностнѣе прибѣгаютъ содержатели его къ этому спасительному средству. На иныхъ бываетъ по семи представленій ежедневно. Каждое изъ нихъ, по принятымъ правиламъ, продолжается не болѣе трехъ четвертей часа, и состоитъ изъ трехъ отдѣленій: двадцати-минутной трагедіи, такой же комедіи или фарса и пяти-минутнаго пѣнія. По закрытіи завѣсы, «почтеннѣйшая публика» приглашается или выбраться, или заплатить снова по одному пенни «съ персоны». Заплатившіе этотъ вожделѣнный пенни спокойно остаются на мѣстахъ, между тѣмъ какъ прочіе зрители должны уходить сколь возможно поспѣшнѣе. И горе имъ, если они замѣшкаются! Они уже «не почтеннѣйшіе!» Кассиръ, который пренизко кланяется каждому входящему, считаетъ себя въ правѣ понуждать словомъ и даже дѣломъ того изъ уходящихъ, кто остановится случайно. На большихъ грошевыхъ театрахъ дается обыкновенно по два спектакля въ вечеръ (болѣе трехъ на нихъ не бываетъ никогда), продолжающихся часа по полутора. Распредѣленіе это даетъ имъ возможность поступать съ представляемыми піесами несравненно сострадательнѣе, чѣмъ на маленькихъ, гдѣ уродуютъ самымъ безжалостнымъ образомъ не только что либо вседневное, но даже Гамлета, Макбета и особенно Отелло, Шекспира. Несчастный Отелло сдѣлался любимою ихъ піесою, быть можетъ, потому что актеры ихъ, для исполненія роли Мавра, не считаютъ нужнымъ дѣлать какихъ либо особенныхъ расходовъ, и находятъ для того очень достаточнымъ выпачкать себѣ лице да руки сажею изъ первой встрѣчной трубы.

Срокъ, опредѣленный на этихъ театрахъ для представленія піесъ, не измѣняется ни въ какомъ случаѣ. Если, напримѣръ, на одномъ изъ нихъ принято правиломъ, чтобы пяти-актная трагедія продолжалась полчаса, такъ и должна она кончиться ровно въ тридцать минутъ — ни секунды долѣе! Играется, положимъ, третье дѣйствіе, а времени до истеченія получаса остается пять минутъ: чтожъ, директоръ не задумается, и просто воскликнетъ во всеуслышаніе time up! — finish the piece! (Срокъ прошелъ! кончай!) и піеса кончается какъ нибудь... Случись же ей не кончиться — директоръ церемониться не станетъ: при тридцать первой минутѣ завѣса опустится непремѣнно. Я видѣлъ, однажды, на грошевомъ театрѣ Отелло. Шло третье дѣйствіе, какъ вдругъ раздались роковыя слова директора: the time is up — commit the murder, and down with the curtain! и прежде нежели успѣлъ я опомниться, Дездемона была заколота, и завѣса опустилась. Однако жъ, кстати объ Отелло, должно сказать, что Шекспировскія и другія старинныя піесы играются на грошевыхъ театрахъ единственно въ случаѣ недостатка новѣйшихъ піесъ, которыми они вообще весьма богаты. Иные изъ нихъ даютъ отъ двѣнадцати до четырнадцати новинокъ въ недѣлю. Новинки эти поставляютъ имъ, по большей части, ихъ собственные, домашніе драматурги, которыхъ мелкіе театры имѣютъ по одному, большіе же по два и по три. Эти господа (они вмѣстѣ съ тѣмъ и актеры), не любятъ тратить много времени надъ обработкою своихъ произведеній. Набросавъ кое-какъ самый легкій очеркъ, они, безъ дальнѣйшихъ хлопотъ, отдаютъ его на

сцену. Слова для ролей въ подобныхъ піесахъ придумываютъ тѣ артисты, которые исполняютъ ихъ; но, о названіи этихъ произведеній, авторы ихъ хлопочутъ гораздо болѣе, нежели о всемъ прочемъ, потому что о немъ заботится директоръ столько же, какъ и о томъ, чтобы піеса кончилась въ положенный срокъ. Чѣмъ ужаснѣе или чѣмъ нелѣпѣе приберутъ они титулъ, тѣмъ лучше: посѣтители грошевыхъ театровъ, люди не слабонервные, и любятъ только необычайно страшное и уродливо-комическое. Впрочемъ, трагедія беретъ въ ихъ мнѣніи значительный перевѣсъ надъ комедіею. Драматурги знаютъ это, и угощаютъ свою публику такими ужасами, что, право, волосы становятся дыбомъ. Вотъ, напримѣръ, одно изъ объявленій грошевыхъ театровъ, которое сохранилось у меня въ памяти и которое передаю съ дипломатическою точностію: On Thursday next will be performed at Smith's Grand Theatre: the Red-nosed Monster, or the Tyrant of the Mountains. (Въ будущій Четвертокъ, на большомъ театрѣ Смита представлено будетъ: Краснопосое чудовище, или Тиранъ горъ). Дѣйствующія лица: Red-nosed Monster. The Assassin (убійца). The Ruffian of the hut (Разбойникъ). The villain of the valley (Злодѣй изъ долины). wife of the red-nosed monster. Daughter of the Assassin. To conclude with the Blood-stained Handkerschif, or the murder in the cottage. The characters by the company. (Въ заключеніе спектакля дано будетъ: Окровавленный Платокъ, или убійство въ загородномъ домѣ. Роли исполняютъ Гг. театральные артисты).

Для большаго интереса, на грошевыхъ театрахъ являются по временамъ и животныя. Конечно, слоновъ и лошадей на ихъ маленькихъ сценахъ вы не увидите, но за то собакамъ тамъ полный просторъ и я помню, что директоръ одного изъ нихъ обѣщалъ вывести въ піесѣ даже медвѣдя. Не знаю, впрочемъ, собственной ли персоной появился этотъ медвѣдь, или выведенъ былъ только исправляющій его должность.

Вы, безъ сомнѣнія, удивитесь, когда я скажу вамъ, что положительно дурно играютъ только на малыхъ грошевыхъ театрахъ, и что на большихъ играютъ нерѣдко очень хорошо. Причина превосходства послѣднихъ самая ясная: артисты ихъ получаютъ болѣе жалованье, чѣмъ артисты первыхъ, не обязаны играть по семи разъ въ вечеръ, и слѣдовательно не имѣютъ надобности слишкомъ урѣзывать и коверкать своихъ ролей. А то, согласитесь, хоть какой актеръ собьется наконецъ рѣшительно съ толку, когда ему порой вдругъ прикажутъ перескочить изъ третьяго акта въ пятый, и изъ ревности заколоть ту, которой онъ, за минуту предъ тѣмъ, довѣрялъ безусловно и клялся съ вѣчной вѣрности. Сверхъ того, большіе театры выигрываютъ много тѣмъ, что въ труппы ихъ переходятъ, при первой возможности, всѣ лучшіе артисты ихъ мелкихъ собратій, и очень часто, по разнымъ обстоятельствамъ, поступаютъ хорошіе актеры и актрисы съ *настоящихъ* театровъ. Но, какъ большіе, такъ и малые платятъ своимъ артистамъ крайне скудное жалованье. Малые выдаютъ каждому и каждой изъ нихъ десять пенсовъ въ день или пять шиллинговъ въ недѣлю; большіе, четырнадцать пенсовъ въ день или семь шиллинговъ въ недѣлю. И притомъ, актеры эти весьма не часто имѣютъ какіе либо сторонніе доходы, между тѣмъ какъ должны иногда содержать жалованьемъ многочисленныя семейства. «Чѣмъ же живутъ эти бѣдные люди?» быть можетъ, спросите вы. Отвѣчать на вопросъ вашъ я не возьмусь тѣмъ болѣе, что даже въ Лондонѣ иные не могутъ понять, чѣмъ живутъ они. Вотъ вамъ примѣръ. Одинъ мирный судья, разсматривая просьбу какого-то труженика грошеваго театра, которому долгое время не выдавали жалованья, замѣтилъ этому артисту: «Вы не

хотите, однако жъ, сказать, что десятью пенсами вы можете содержать цѣлые сутки себя, жену и пятерыхъ дѣтей?»— «Можемъ или не можемъ,» отвѣчалъ актеръ, «а должны.»— «Да это физически не возможно,» замѣтилъ снова судья. Ваша милость,» возразилъ на это жалующійся, «изволите говорить сущую правду, но мы, бѣдняки, не знаемъ роскоши, называемой физическою невозможностію.»

Кромѣ этихъ десяти или четырнадцати пенсовъ дается, кажется, каждому два бенефиса въ годъ. Костюмы доставляетъ дирекція. Но подъ словомъ костюмъ, она разумѣетъ одну *характерную* одежду, требуя, чтобы въ тѣхъ піесахъ, въ которыхъ нужно вседневное платье, артисты довольствовались своимъ собственнымъ костюмомъ. Обстоятельство это служитъ поводомъ къ презабавнымъ вещамъ: благодаря ему, на грошевыхъ театрахъ можно нерѣдко увидать франта въ такомъ сюртукѣ, который изношенъ до послѣдней крайности, или печальную вдову въ томъ же платье, въ которомъ она вѣнчалась наканунѣ. Но и съ самими костюмами бываетъ здѣсь, по большей части, не лучше. Цезарь носитъ здѣсь драгунскую саблю, Макбетъ рас аживаетъ въ треугольной шляпѣ, очень похожій на шляпу Наполеона, Ричардъ щеголяетъ въ гусарскомъ мундирѣ, а рыцари, въ случаѣ недостатка въ шлемахъ, надѣваютъ уланскія шапки.

Но есть минуты, въ которыя артисты грошевыхъ театровъ бываютъ истинно жалки. Это въ то время, когда, по ходу піесы, они должны что либо ѣсть или пить на сценѣ. Вы не можете себѣ представить съ какою жадностію бросаются они на блюда и бутылки, и рвутъ другъ друга — рвутъ, споря и ссорясь, чтобы вы думали? кусокъ сыра, ломоть хлѣба, бутылку пива, которые экономный режиссеръ предлагаетъ имъ вмѣсто дорогихъ кушаньевъ и шампанскаго, приготовленныхъ для нихъ щедрымъ воображеніемъ автора піесы. И съ какою жадностію поглощаютъ они потомъ свою бѣдную добычу! Въ это время когда вполнѣ становится понятенъ весь ужасъ и бѣдности, роли и публика для нихъ не существуютъ. Только о самихъ себѣ, только о своемъ голодѣ думаютъ они тогда. А «почтеннѣйшая» смотритъ на такія сцены съ величайшею снисходительностію; она даже ободряетъ голодныхъ артистовъ, и настоятельно требуетъ, чтобы имъ подавали не мнимыя кушанья, не пустыя бутылки, а настоящій сыръ, настоящее пиво. Я самъ былъ свидѣтелемъ подобной сцены, происходившей на одномъ маленькомъ грошевомъ театрѣ и столь оригинальной, что я сначала готовъ былъ счесть ее явленіемъ изъ самой піесы.

Піеса, послужившая поводомъ къ ней, называется: «Мать и дочь, или вотъ вамъ и жаркое!» Мать носитъ титулъ герцогини, а дочь — королевы (на грошевыхъ театрахъ, главныя дѣйствующія лица всегда имѣютъ важный санъ). Содержаніе піесы — сколько можно понять его — состоитъ въ томъ, что какой-то первый министръ крѣпко ухаживаетъ какъ за королевою, такъ и за герцогинею, и что обѣ онѣ втайнѣ любятъ его, отъ всей души ненавидя другъ друга. Въ глаза, онѣ осыпаютъ другъ друга нѣжными ласками; но за глаза, каждая изъ нихъ старается всѣми силами вредить соперницѣ въ мнѣніи перваго министра, а министръ, разгадавшій ту и другую, притворяется передъ ними страстнымъ обожателемъ, смѣясь между тѣмъ съ своею любовницею надъ матерью и дочерью. Однако жъ, это наконецъ обнаруживается: одинъ принцъ срываетъ личину съ перваго министра. Озлобленныя соперницы вцѣпляются предателю въ волосы и готовятся выцарапать ему глаза, но онъ увертывается и уходитъ, оставивъ въ рукахъ ихъ свой парикъ.

Въ этой піесѣ, министръ, между прочимъ, извѣщаетъ нашихъ соперницъ, что

онъ собственноручно убилъ на охотѣ кабана, и проситъ позволенія прислать имъ часть своей добычи, уже въ видѣ жаркаго. «Ахъ, сдѣлайте милость,» отвѣчаетъ королева, «мы съѣдимъ его за ваше здоровье.» — «И притомъ въ дружескомъ vis-à-vis; не правда ли, возлюбленная дочь моя?» присовокупляетъ герцогиня. «О!» восклицаетъ министръ, еслибъ при этой эдемской трапезѣ могъ присутствовать еще третій, онъ былъ бы счастливъ выше всякаго выраженія.» —Не угодно ли вамъ откушать вмѣстѣ съ нами? спрашиваетъ королева. Министръ благодаритъ, соглашается, и всѣ трое начинаютъ преважно толковать, что они голодны до нельзя. Министръ спѣшитъ за жаркимъ, королева приказываетъ накрыть столъ, на три прибора. Потомъ, мать и дочь берутъ другъ друга за руки, и уходятъ для того, чтобы — какъ говорятъ онѣ, въ ихъ общемъ будуарѣ одѣться къ обѣду. «Будуаръ» находился за деревянною перегородкою, на правой сторонѣ сцены, съ которою сообщался онъ посредствомъ двери. Въ эту-то дверь скрылись наши принцессы. Минуты двѣ на сценѣ было тихо и пусто. Но когда появился на ней тафельдекерь, и началъ накрывать на столъ, въ будуарѣ послышался шопотъ, по временамъ столь громкій, что я могъ не только разслушать слова, которыя произносились тамъ, но даже различить голоса тѣхъ, кто произносилъ ихъ. «Да, сегодня она не получитъ ничего: я ужъ поставлю на своемъ,» сказала королева. «Но подумайте, сдѣлайте милость....» замѣтилъ министръ умоляющимъ тономъ. — «Не хочу ни о чемъ думать: будетъ по моему,» гнѣвно воскликнула королева и, поспѣшно отворивъ дверь, выставила одну ногу на сцену. Могучая рука министра крѣпко схватила ее за платье, но самъ онъ не показался изъ за стѣны будуара. — «Я предлагаю вамъ....» сказалъ онъ. — «Знаю я ваши предложенія» возразила королева и — посредствомъ собственного усилія, или благодаря тому, что министръ сжалился наконецъ надъ ея дорогимъ платьемъ, я не знаю,—высвободилась изъ рукъ своего обожателя. Блѣдная, гнѣвная какъ озлобленная львица, величественно ходила она по узкому помосту сцены, и помостъ страшно скрипѣлъ подъ ея мощными стопами. «Я предлагаю вамъ.....» робко сказалъ снова все еще невидимый министръ, «я прошу васъ..... только сегодня уступите ей, а завтра вы получите—непремѣнно.—«Однажды на всегда говорю вамъ» отвѣчала королева съ энергическою твердостію, «этого быть не можетъ. Да я и не вижу вовсе,» присовокупила она потомъ, болѣе кроткимъ тономъ, «почему другія должны *получать его* чаще меня.» — «Чаще! — какое безстыдство!» воскликнула въ будуарѣ герцогиня, и ринулась къ двери. Министръ хотѣлъ было заступить ей дорогу, но она оттолкнула его, и въ одно мгновеніе очутилась передъ королевою, лицемъ къ лицу и съ судорожно сжатыми кулаками. Глаза ея сверкали сильнымъ гнѣвомъ, и на королеву градомъ посыпались упреки. Герцогиня увѣряла, что на прошлой недѣлѣ она *получила его* только однажды, а королева — два раза, что королева никогда не бываетъ довольно своею порціею, что она рада забрать весь театральный сборъ, и пр. и пр. Губы королевы дрожали, но она стояла молча, и только въ ту минуту, когда потокъ упрековъ уставшей герцогини прервался на мигъ, возгласила, гордо подавъ голову: «Миссъ, вы очень хорошо знаете, что говорите не правду.» — «Я говорю правду, сударыня,» подхватила герцогиня, «you starvationlo.. ki g' ooman.»—«Стыдно и говорить-то съ вами, — you good-for-nothing indiv.dwal; возразила королева.

Сначала, какъ и выше замѣчено, считалъ я эту сцену принадлежностію піесы, однимъ изъ тѣхъ явленій, въ которыхъ актеры возвѣщаютъ свой выходъ

громкимъ разговоромъ за кулисами. Скоро, однако жъ, я понялъ, что она не входитъ въ составъ піесы, а просто импровизована нашими героинями, которыя, какъ нельзя серіознѣе, ссорятся за ожидаемый ими кусокъ жареной свинины. Ссора эта шла все живѣе и живѣе. Первый министръ выставилъ было голову изъ-за двери, но герцогиня поспѣшно подошла къ нему и сдѣлала движеніе столь выразительное, что онъ скрылся немедленно. Послѣ этого эпизода, надежда на примиреніе исчезла тѣмъ болѣе, что даже смиренный тафельдекерь, находившійся въ то время на сценѣ, повидимому очень забавлялся ссорою, и нисколько не помышлялъ о ея прекращеніи. Мнѣ стало какъ-то страшно, когда я подумалъ о той минутѣ, въ которую долженствовалъ появиться самый предметъ раздора матери и дочери. Если одна мысль объ этомъ жаркомъ такъ сильно волнуетъ страсти, то что же произойдетъ, когда до враждующихъ долетитъ его соблазнительный запахъ? А положеніе актрисъ не предвѣщало ничего добраго. Онѣ уже не перебранивались: на сценѣ царствовало зловѣщее молчаніе. Королева стояла выставивъ правую ногу впередъ и опершись правою рукою на спинку стула, между тѣмъ какъ лѣвая рука ея была крѣпко сжата. Герцогиня, скрестивъ руки на груди, ходила скорыми шагами по діагонали сцены. Наконецъ, близъ того мѣста, гдѣ находился тафельдекерь, не много приподнялась завѣса, и изъ за кулисъ выставилась рука съ блюдомъ, на которомъ покоилось спорное жаркое, въ видѣ котлетки; тафельдекерь принялъ блюдо, но не передавая его *по принадлежности*, взялъ котлетку безъ церемоніи пальцами и, съ явнымъ предательствомъ, понесъ ко рту. Онъ сдѣлалъ все это очень проворно, но герцогиня была еще проворнѣе. Сильный ударъ костляваго кулака ея немедленно отправили котлетку снова на блюдо, и прекраснорѣчиво напомнилъ испуганному тафельдекерю о его долгѣ и званіи: блюдо было постановлено на столъ.

Герцогиня подошла къ столу; королева схватила всѣ ножи и вилки. Мать и дочь взглянули другъ на друга; уменя пробѣжала дрожь по всѣмъ членамъ. Вдругъ, въ эту минуту, на одной изъ верхнихъ лавокъ сказалъ кто-то: «Да за чѣмъ вы не раздѣлите пополамъ?» И вслѣдъ за тѣмъ воскликнулъ одинъ сидѣвшій близъ меня мальчикъ: «Конечно тогда бы вы поравнялись.» Предложеніе это, видно, заставило театральное начальство понять всю великость угрожавшей опасности, потому что тогда же появился на сценѣ режиссеръ, и, ставъ между соперницами, сказалъ ласково: «Право, милушки, раздѣлите, да и концы въ воду.» — «Ну, хорошо: на этотъ разъ я согласна,» отвѣчала королева, подумавъ съ минуту, и, съ видомъ величайшаго снисхожденія, разрѣзала котлетку на двѣ равныя части. Герцогиня молча согласилась на раздѣлъ, и дамы наши думали было начать кушать стоя, какъ вдругъ изъ-за перегородки послышался плачъ ребенка, и долетѣли до зрителей слѣдующія слова: пожалуйте сюда, г-жа Юпксъ, (*) поскорѣе пожалуйте: Любелла проситъ груди. Закулисный призывъ относился къ королевѣ, и королева, или лучше сказать, мистриссъ Юпксъ, для долга матери, забыла свой сценическій долгъ, но не забыла жаркаго: блюдо и котлетку она взяла съ собою. . . . . Герцогиня осталась ни-съ чѣмъ.

Очеркъ этотъ можетъ служить доказательствомъ той дружеской короткости, которая существуетъ между артистами и публикою грошевыхъ театровъ. Другихъ примѣровъ, болѣе сильныхъ, я приводить не буду, и скажу только, что они напоминаютъ мнѣ объ одномъ бѣдномъ Нѣмецкомъ театрѣ, гдѣ мож-

(*) Iunks.

но было за четыре гроша купить себѣ одно изъ первыхъ мѣстъ и въ придачу — право говорить съ актерами во время представленія. Впрочемъ, актеры этой странствующей труппы вовсе не были обязаны вступать въ разговоръ съ публикою, между тѣмъ какъ артисты грошевыхъ театровъ должны отвѣчать на каждый вопросъ зрителя. Отъ этого у нихъ, каждый вечеръ, происходятъ то краткіе, то довольно долгіе переговоры съ публикою, восхищающіе «почтеннѣйшую» и нерѣдко, въ самомъ дѣлѣ, очень забавные. Жаль, однако жъ, весьма жаль, что грошевые театры посѣщаются столь охотно дѣтьми. Вліяніе ихъ истинно пагубно для нравственности маленькихъ любителей. Цѣлыя тысячи дѣтей находятъ въ піесахъ ихъ отвратительнѣйшія картины порока, и притомъ такъ страстно любятъ ихъ представленія, что крадутъ разныя вещи и продаютъ для того, чтобы на вырученныя деньги купить билетъ, хоть на одинъ спектакль.

Въ послѣднее время, число грошевыхъ театровъ значительно увеличилось. Но это еще не есть доказательство прибыли подобныхъ *заведеній*. Вѣдь деньги собираютъ они пенсами, а расходуютъ шиллингами — если даже не фунтами стерлинговъ! Да и сколько должны они дѣлать издержекъ! Плата актерамъ, плата музыкантамъ (по шести пенсовъ каждому въ день), расходы на освѣщеніе, которые всякій вечеръ простираются отъ 6 до 20 шиллинговъ, расходы на гардеробъ, на кулисы, взносъ городскихъ сборовъ и, наконецъ, бездна разныхъ мелкихъ издержекъ, все это, вмѣстѣ взятое, должно составлять не маловажную сумму. Впрочемъ, подробности финансовыхъ оборотовъ сихъ мнѣ извѣстны, и потому объ этомъ предметѣ я распространяться болѣе не буду.

МОЛІЕРЪ И ЕГО КЛЮЧНИЦА.

Это было въ Декабрѣ 1664 года. На часахъ только что пробило четыре пополудни, а уже было темно, какъ ночью. Холодный, мелкій дождь, перемѣшанный съ градомъ, дѣлалъ еще печальнѣе видъ улицъ, которыя, благодаря оттепели, покрылись ручейками, грязью и льдистымъ черепомъ. Сырость проникала всюду и заставляла зябнуть даже въ комнатахъ, повидимому, совершенно защищенныхъ отъ холода. Въ это-то время возвратился домой одинъ высокій, блѣдный мужчина, и, тотчасъ по приходѣ, спросилъ у своей старой ключницы: «Развела ли ты огонь, Лафоре?»

Добрая старушка немедленно принялась раздувать уголья, тлѣвшія въ каминѣ, и пламя вспыхнуло въ немъ весело, а господинъ ея, между тѣмъ, снялъ съ себя широкій плащъ и огромный, безобразный парикъ. Потомъ онъ надѣлъ небольшую шапочку, черный бархатный халатъ, усѣлся въ большое кресло, и поставилъ ноги на рѣшетку камина.

Расположившись такимъ образомъ, онъ вполнѣ предался пріятному чувству, ко-

торое пробудилось въ немъ, когда животворная теплота согрѣла его члены; чело его прояснилось, глаза засіяли необычайнымъ блескомъ. Вскорѣ, однако жъ, это счастливое расположеніе духа исчезло, уступивъ мѣсто глубокому унынію; при красноватомъ свѣтѣ, который по временамъ бросало на него пламя, можно было видѣть, что лице его выражало какую-то тяжкую печаль, а на устахъ блуждала горькая усмѣшка.

Вдругъ ключница его вошла въ комнату, и извѣстила, что кто-то проситъ позволенія видѣть его.

«Я желалъ бы сегодня быть одинъ, Лафоре; мнѣ нездоровится, мнѣ грустно.» — «Ваша милость слишкомъ много пишете! Вы всю кровь себѣ перепортили. Я ужъ не разъ говорила вамъ это, да и господинъ Монвиленъ говорилъ вамъ то же самое. Только, ваша милость, не изволили слушаться ни меня, ни другихъ..... Стало, прикажете сказать молодому господину, чтобы онъ пришелъ въ другое время?» — «Скажи.» — «Но этотъ бѣдный молодой человѣкъ приходитъ ужъ не впервые.... Вѣдь сама я ему сказала: сдѣлайте милость, пожалуйте къ намъ въ четыре часа, и если пожалуете, то навѣрное застанете барина: онъ, видите, всегда бываетъ въ пятомъ часу дома, въ тѣ дни, когда не играютъ въ театрѣ..... а сегодня вѣдь не играютъ..... Но ужъ если теперь нельзя, такъ онъ прійдетъ завтра.» — «Тебѣ, кажется, очень понравился этотъ молодой человѣкъ, Лафоре?» — «И конечно, понравился: онъ такой нарядный, такой тихенькій, да такой, знаете, не веселый! «А что, господинъ Покеленъ де Моліеръ у себя? Могу ли я имѣть честь видѣть его? Не потрудитесь ли вы, сударыня, спросить у него, угодно ли будетъ ему принять меня?» Вотъ вѣдь какъ онъ спрашиваетъ всегда о васъ..... и когда спрашиваетъ, голосочекъ такъ и дрожитъ у него, видно со страха, а глазки дѣлаетъ прежалостливые.... Онъ вамъ полюбится съ перваго взгляда.» — «Ну, ну, хорошо: введи сюда твоего фаворита.»

Старушка не ошиблась: молодой человѣкъ подошелъ къ Моліеру съ такою скромностію, съ такою граціозною стыдливостію, что больной принялъ его гораздо ласковѣе, чѣмъ принимаютъ обыкновенно людей незнакомыхъ.

— Фамилія моя — Расинъ, робко прошепталъ молодой человѣкъ; мнѣ хотѣлось бы, чтобы вы удостоили меня совѣтомъ.... Я, изволите видѣть, написалъ героическую піесу.

— Опасное поприще избрали вы себѣ, грустно отвѣчалъ Моліеръ, очень опасное! И если васъ не влечетъ къ нему призваніе всемогущее, непреодолимое, покиньте его, покиньте для какого нибудь другаго пути.

Пораженный этимъ вступленіемъ, Расинъ не отвѣчалъ ни слова, а Моліеръ снова погрузился въ свои мрачныя думы.

— Мнѣ бываетъ невыразимо тяжело, сказалъ наконецъ Моліеръ, когда я вижу, что какой нибудь молодой человѣкъ, богатый надеждами и воображеніемъ, мѣняетъ радости своей юности, мѣняетъ свою веселость, свою безпечную улыбку, свое тихое семейное счастіе на всегдашнія безпокойства и огорченія, которыя готовитъ ему драматическое поприще. О, эта чаша славы — чаша страданія! Всю жизнь отравляетъ она..... И вамъ надобно будетъ испить ее, и вамъ суждено будетъ сдѣлаться жертвою клеветы, преслѣдованій, завистливой ненависти и, статься можетъ, даже бѣдности!

Онъ склонился головою на руку, по щекамъ его текли слезы.

— Но, прошу васъ, простите меня, сказалъ онъ, помолчавъ съ минуту: я слишкомъ увлекся моими печальными воспоминаніями..... Какъ называется ваша піеса?

— Ѳеагенъ и Харикле, отвѣчалъ Ра-

синъ. Она со мною... Если вы дозволите, я прочту вамъ нѣсколько стиховъ....

Когда Расинъ окончилъ чтеніе, Моліеръ, приподнялся съ своего кресла, и сказалъ, схвативъ молодаго человѣка за руку:

Вы будете великимъ поэтомъ, сынъ мой! Піеса ваша можетъ имѣть на сценѣ такой успѣхъ, которымъ удовольствовались бы очень многіе. Но я не хочу, чтобъ вы ограничились имъ: дебютъ вашъ долженъ быть блистателенъ. Сгрячьте же вашего Ѳеагена, и напишите другую трагедію. Театръ мой открытъ для васъ..... Между тѣмъ, я хорошо знаю, что Ипокрена не Пактоль и что, при недостаткѣ въ деньгахъ, нельзя написать ничего хорошаго. А потому, прошу васъ, примите эти сто луидоровъ....

— Богъ мой! Какое великодушіе! Благодарность моя....

— Благодарить вамъ меня не за что. Я оказываю вамъ эту услугу въ отплату за одолженіе, которое было сдѣлано въ то время, когда я начиналъ писать. Я не въ займы вамъ даю, а уплачиваю мой старинный долгъ. Но, сдѣлайте милость, примитесь поскорѣе за работу и принесите мнѣ новую трагедію. Римскимъ міромъ завладѣлъ старикъ Корнель. Подумайте о Грекахъ: Софоклъ и Эврипидъ образцы превосходные. Однако жъ, вы только изучайте этихъ поэтовъ, а не подражайте имъ рабски. Подражать должно одной природѣ!

— О, благодарю, благодарю васъ, благодѣтель мой!

Молодой человѣкъ плакалъ и осыпалъ поцѣлуями руки Моліера.

— Успокойтесь же, мой другъ, и простимся: теперь уже поздно, а я нездоровъ. Вы видите, Г-жа Лафоре уже въ другой разъ шепчетъ мнѣ на ухо, что мнѣ пора ложиться. Прощайте. Не забудьте, что для васъ я всегда дома, и что къ обѣду вы всегда желанный гость мой.

— Ѳ, воскликнулъ Расинъ уходя, никогда, никогда не заплачу я неблагодарностію за ваши благодѣянія.

— Дай Богъ, чтобы онъ сдержалъ свое обѣщаніе, сказалъ Моліеръ, и не поступилъ, какъ всѣ другіе.

.....Спустя недѣлю, Г-жа Лафоре спросила у своего господина: «Ваша милость, прикажете ли сегодня поставить приборъ для господина Расина? Вотъ ужъ семь дней я ставлю его по напрасну.» Въ знакъ отвѣта, Моліеръ отрицательно покачалъ головою.

— Видно Господинъ Расинъ болѣнъ?

— Ради самаго Господа, Лафоре, не произноси никогда имени его въ моемъ присутствіи. Неблагодарный!

Г-жа Лафоре уронила изъ рукъ корзинку съ серебряною посудою.

— Онъ, неблагодарный! Царь ты мой небесный! Кому же можно послѣ этого вѣрить?

— Да, Лафоре, онъ поступилъ со мною не благодарно. Видишь ли: я теперь уже не нуженъ ему. Онъ отдалъ свою піесу въ Театръ Бургундскаго Дворца, потому что тамъ дали ему нѣсколько лишнихъ луидоровъ. Да если бъ еще только это было! А то онъ написалъ на меня ѣдкую эпиграмму, и вотъ теперь — теперь прошелъ мимо меня, не взявшись за шляпу. Ты знаешь, Лафоре, какъ я обласкалъ его, какъ я любилъ его. Но пусть будетъ, что будетъ: эгоистомъ я все таки не сдѣлаюсь.

— Господинъ Расинъ, Господинъ Расинъ такъ поступилъ? Или, Господи, нѣтъ уже на свѣтѣ ни благодарности, ни добродѣтели? Хоть бы онъ прислалъ назадъ тѣ прекрасныя сорочки, которыя вы дали ему! Вѣдь онѣ были совсѣмъ новенькія!... Но кто это такъ стучитъ въ дверь? Э, какой-то нищій! Богъ подастъ, голубчикъ, ступай.

— Не сюда ли вошелъ одинъ высокій, блѣдный господинъ? спросилъ нищій. Да, точно сюда: это онъ сидитъ въ горни-

цѣ... Ваша милость подали мнѣ милостыню?

— Да! Ну, такъ что жъ?

—То, сударь, что вы, знать, по ошибкѣ бросили мнѣ въ шляпу двойной луидоръ, такъ я и принесъ его вамъ назадъ.

— Прошу покорно: вотъ куда забралась честность!

Нищій видимо оскорбился этими словами.

—Прости, прости меня рѣдкая, благородная душа! Ты возвратилъ мнѣ святую вѣру въ добродѣтель.... Возьми свой луидоръ: онъ еще недостаточная награда за твой поступокъ.

Бѣднякъ ушелъ.

— Честный человѣкъ! воскликнулъ Моліеръ.

«Что жъ бы это значило такое? подхватила Г-жа Лафоре. Пусть же попробуютъ прійти еще какіе молодые люди, да попросятъ всякихъ милостей и сорочекъ, ужъ я ихъ отдѣлаю по свойски!»

— «Стало быть, ты теперь не намѣрена никого принимать подъ свое покровительство? Не будешь никого впускать ко мнѣ, когда мнѣ нездоровится?»

«Никого, совершенно никого! Но кто же опять стучитъ въ дверь?... А, это господинъ Баронъ!»

— Здравствуйте, батюшка, сказалъ Баронъ (*), входя въ комнату; здравствуйте, Лафоре. Я только что былъ свидѣтелемъ печальнаго зрѣлища, другъ мой. Одинъ бѣдный актеръ—его зовутъ Мондоржъ, сидитъ просто безъ куска хлѣба.

— Мондоржъ! воскликнулъ Моліеръ. Онъ нѣкогда былъ моимъ товарищемъ. Сколько надобно дать ему, Баронъ?

— Луидора четыре, думаю я.

— Дай ему четыре луидора отъ меня, и вотъ эти двадцать отъ своего имени. Щедрость приличнѣе молодости, чѣмъ старости. А ты, Лафоре, пошли ему мой бархатный кафтанъ, вышитый золотомъ: я не потерплю, чтобы мой старый товарищъ сносилъ нужду.

— Ахъ, ваша милость, сказала Лафоре тономъ, въ которомъ замѣтно было и неудовольствіе и радость. Вы настоящій эгоистъ! Знать, ужъ вы никогда не перемѣнитесь.

— Да, не перемѣнюсь! Если есть неблагодарные люди, такъ есть и вѣрные, испытанные друзья. Не правда ли, Баронъ?

Баронъ схватилъ руку Моліера и благоговѣйно прижалъ ее къ устамъ своимъ.

Спустя годъ послѣ того, онъ сдѣлался *искреннимъ другомъ* жены Моліера.

(*) Знаменитый актеръ Баронъ былъ первымъ учеником Моліера.

III. ТЕАТРАЛЬНАЯ ХРОНИКА.

АЛЕКСАНДРИНСКІЙ ТЕАТРЪ.

С. Петербургъ, 14-го Января.

Александринскій Театръ, въ теченіе первой половины сего мѣсяца, не богатъ былъ новостями, а потому и хроника наша будетъ очень невелика.

3-го Января, представленъ, въ первый разъ по возобновленіи, водевиль Князя А. А. Шаховскаго: *Пурсоньякъ Фалелей* или *Рохусъ въ новомъ видѣ*. Этотъ водевиль не болѣе какъ святочный фарсъ, но фарсъ, написанный умнымъ человѣкомъ, а потому и возобновленіе его на Петербургской сценѣ есть дѣло не лишнее. Для тѣхъ, кто не знаетъ этого водевиля, мы разскажемъ его содержаніе.

У Гусарскаго Полковника Суражева есть дочь, которую онъ хочетъ отдать за Хрустилина, сына его стариннаго друга, и въ которую влюбленъ Адъютантъ Аглаевъ. Дѣйствіе происходитъ въ домѣ Фитюлькина, гдѣ находится Штабъ-Квартира. Сынъ Суражева и всѣ его пріятели, гусарскіе офицеры, воображаютъ, что женихъ любушки есть какой нибудь неуклюжій провинціялъ, и уговариваются подтрунить надъ нимъ, сыграть съ нимъ комедію, сдѣлать изъ него нѣчто въ родѣ Пурсоньяка или Рохуса Пумперникеля, или по-просту Фалелея, что, по словамъ піессы, значитъ одно и то же. Такъ какъ дѣло происходитъ на святкахъ, то они пользуются этимъ временемъ, чтобы въ маскарадныхъ костюмахъ одурачить Хрустилина.

Пріѣзжаетъ Хрустилинъ, гусаръ и адъютантъ. Первое лицо, какое попадается ему въ домѣ, это болтунья горничная, которая, никакъ не воображая, чтобы Хрустилинъ былъ женихъ любушки, разсказываетъ ему про всѣ затѣи молодежи. Хрустилинъ, во время предувѣдомленный, сбирается самъ проучить проказниковъ и одѣвается толстымъ, неуклюжимъ провинціяломъ (само собой разумѣется, роль эту играетъ Г. Самойловъ). Проказы начинаются съ того, что Фитюлькинъ, хозяинъ дома и предметъ всѣхъ забавъ и шалостей молодежи, хочетъ увѣрить Хрустилина, что онъ знакомъ съ нимъ, и что даже разъ далъ ему пощечину; Хрустилинъ отъ этого не отпирается, но говоритъ только, что отецъ его настоятельно требовалъ отыскать наглеца, который осмѣлился оскорбить такимъ образомъ честь его фамиліи, и обрубить ему носъ и уши, а потому — прибавляетъ Хрустилинъ, обращаясь къ Фитюлькину, я очень радъ, что нашелъ тебя, и вызываетъ его на дуэль. Слѣдуетъ забавная сцена дуэли и трусости Фитюлькина: является жена

Фитюлькина, которая также въ заговорѣ противъ Хрустилина; она съ нахальствомъ бросается къ нему на шею, какъ къ старому другу и похитителю сердца; Хрустилинъ и отъ этого не прочь, и узнавъ прежде отъ горничной, что Фитюлькинъ человѣкъ ревнивый, и что онъ сильно подозрѣваетъ жену свою въ связи — во в семя оно, съ неизвѣстнымъ молодымъ человѣкомъ, съ которымъ видѣли жену его вдвоемъ, за городомъ, Хрустилинъ разсказываетъ всѣ подробности этой загородной прогулки, которую, будто бы, совершилъ онъ съ женой Фитюлькина Новая забавная сцена отчаянія Фитюлькиныхъ, мужа отъ ревности, жены отъ стыда, который она на себя накликала. Короче, такія продѣлки повторяются еще, а въ это время Хрустилинъ успѣваетъ познакомиться съ своей суженой, полюбить ее и понравиться ей. Съ окончаніемъ мистификаціи оканчивается піеса, довольно позабавившая публику, благодаря прекрасной игрѣ Г. Мартынова.

7-го Января былъ бенефисъ Г. Брянскаго. Г. Брянскій выбралъ на этотъ разъ старую піесу, *Эсмеральду*, въ которой роль Квазимодо есть самая лучшая роль во всемъ амплуа Г. Брянскаго. Послѣ Эсмеральды шелъ въ первый разъ водевиль *Левъ Гурычъ и Ульяна Осиповна Синичкины*, неудачная поддѣлка подъ прекрасную піесу Д. Т. Ленскаго.

Левъ Гурычъ женатъ на второй женѣ (первая жена его, какъ вы помните, была *Никитишна*). Онъ актеръ на провинціяльномъ театрѣ; настаетъ день его бенефиса, въ которомъ хочетъ онъ выпустить на сцену, для перваго дебюта, дочь свою Лизу. Но зависть, которая есть такъ же на провинціяльныхъ театрахъ, какъ и на столичныхъ, зависть заставляетъ танцовщицу Зефирину строить ковы молодой дебютанткѣ, и она, отказавшись, за болѣзнію, лично участвовать въ бенефисѣ Синичкина, успѣваетъ склонить къ тому же трагика Громогласова и пѣвца Медова, безъ которыхъ бенефисъ Синичкина никакъ итти не можетъ. Синичкину предстоитъ трудная задача — склонить упрямыхъ актеровъ и заставить ихъ играть въ своемъ бенефисѣ; но онъ малый сметливый, и хорошо знаетъ сердце человѣческое. Прежде всѣхъ онъ идетъ къ трагику Громогласову (роль эту чрезвычайно вѣрно и натурально играетъ Г. Толченовъ 1-й), и разсыпаясь передъ нимъ въ похвалахъ его дарованію, называя его Тальмой и Каратыгинымъ, лестію успѣваетъ задѣть его самолюбіе, и тотъ даетъ слово играть.

Синичкинъ отправляется къ пѣвцу: того успѣваетъ онъ склонить на свою сторону другимъ способомъ: онъ, по видимому, радуется, что Медовъ не можетъ играть въ его бенефисъ, потому что мѣсто его займетъ его соперникъ, о которомъ, будто бы, очень хлопочутъ сильные покровители, такъ, что въ театрѣ составилась уже цѣлая партія, чтобъ поддержать новаго пѣвца и уронить Медова. Зависть и здѣсь взяла свое, и Медовъ, не только что соглашается, но требуетъ, чтобъ ему, а никому другому отдана была назначенная въ піесѣ роль. Синичкинъ и здѣсь торжествуетъ.

Остается побѣдить послѣднее препятствіе — танцовщицу. Онъ отправляется къ ней и дѣйствуетъ на нее не однимъ средствомъ, а многими, всѣми вмѣстѣ; онъ то разсыпается въ похвалахъ ея таланту, то увѣряетъ въ безпредѣльной любви своей къ ней, то обращается къ ея сердцу, нѣжному и доброму, и наконецъ, что дѣйствуетъ сильнѣе всего, открывъ въ домѣ этой танцовщицы обожателей ея, стараго Барона Кола и глупаго Князя Вѣтренскаго, онъ сводитъ ихъ вмѣстѣ, заводитъ между ними ссору и примиряетъ ихъ вновь. Танцовщица побѣждена.

До сихъ поръ, за исключеніемъ куплетовъ, нелѣпыхъ и даже безсмысленныхъ, все было бы очень хорошо, особенно ко-

гда бы этотъ сюжетъ достался въ хорошія руки. Но пятый актъ или картина, какъ сказано на афишѣ, высочайшій вздоръ и нелѣпость. Богъ знаетъ почему ни одинъ изъ трехъ, то есть ни танцовщица, ни трагикъ, ни пѣвецъ, не хотятъ играть, у Синичкина отнимаютъ бенефисъ, онъ хочетъ взять бенефисъ насильно, выводитъ свою дочь и жену, которая, въ подраженіе Синичкину Д. Т. Ленскаго, сходитъ въ оркестръ, какъ Лиза, вретъ всякій вздоръ передъ публикой, поетъ съ женой своей Русскую пѣсню, и пр. и пр. Въ это время кто-то кричитъ ему изъ райка: *Отдай назадъ мой двугривенный!* Синичкинъ, разглашается, поетъ куплетъ къ публикѣ, и съ послѣдними словами, обращенными къ громогласному витязю Райка: *Ты свой двугривенный получишь*, піеса оканчивается. Все это страхъ какъ напоминаетъ старинный водевиль: *Бенефиціантъ*.

О дѣятельности нашихъ артистовъ и ихъ успѣхахъ поговоримъ въ пространной статьѣ, когда наберется болѣе матеріяловъ.

РЕПЕРТУАРЪ.

ОБЗОРЪ

ДѢЯТЕЛЬНОСТИ ПАРИЖСКИХЪ ТЕАТРОВЪ И ТРУДОВЪ ФРАНЦУЗСКИХЪ ДРАМАТИЧЕСКИХЪ АВТОРОВЪ И КОМПОЗИТОРОВЪ ВЪ 1841 ГОДУ.

Королевская Академія Музыки. Карманьола, оп. 2 д; Фрейшицъ, оп. 3 д; Гизелла или Вилли, пантомимный балетъ; Ліонель и Фоскари, лирическая сцена; Кипрская Королева, оп. 5 д.

Французскій Театръ. Второй мужъ, к. 2 д. въ стихахъ; Совѣтникъ-Докладчикъ, к. 3 д. въ прозѣ; Гладіаторъ, тр. 5 д. Королевскій дубъ, к. 3 д. въ стихахъ; Покровительница, к. 1 д. Бракъ при Лудовикѣ XV, к. 5 д. Претендентка, к. 5 д. Валліа, тр. 5 д. Арбогастъ, тр. 5 д. Цѣпь, к. 5 д.

Комическая Опера. Гитаристъ, оп. 3 д. Алмазный вѣнецъ, оп. 3 д. Повѣшенный, оп. 1 д.; Простодушная (l'Ingénue), оп. 1 д.; Маска, оп. 1 д.; Два вора, оп. 1 д.; Братъ и мужъ, оп. 1 д.; Пра-бабушка, оп. 1 д.; Желѣзная рука оп. 3 д.; Юность Карла V, оп. 2 д.; Дѣвица де Меранжъ, оп. 1 д.

Италіянскій Театръ. Beatrice di Tenda; Il Turco in Italia; Весталка.

Одеонъ. Акціонеръ, прол. въ стихахъ; Матьё Люкъ, др. 5 д.; Молодой человѣкъ, др. 3 д.; Любовь и благоразуміе, к. 1 д., въ стихахъ; Приключеніе Сентъ Фуа, к. 1 д.; Клара Шапрозе, др. 1 д.; въ стихахъ; Бѣлые (Les Enfans blancs), др. 3 д.; Жизнь актера, к. 4 д.; Charge à paver, к. 1 д., въ стихахъ; Іоаннъ, В. К. Россійскій и нѣсколько возобновленныхъ піесъ стариннаго репертуара.

Театръ Возрожденія. Жемчужная Фея, (Fée aux perles) в.; Праздникъ дураковъ (Fête de Fous), др.; Миръ или война, к.; Дочь обойщика, в.; Захарія, др.; Тесть, в.; Урокъ молодымъ дѣвушкамъ, др.

Театръ Гимназіи. Аббатъ волокита, Златой Тѣлецъ, Тиранъ жены своей, Три львицы, Тиридатъ, Рекрутъ VIII года Французской Республики, Амелія или невѣстка, Адріенна или Театръ и семейство. Добрый Геній, Капиталистъ Фанъ Брукъ, Мужъ на старинный ладъ, Калистъ, Пожилая вдова, Парижскія Феи, Штильбергскія красавицы, водевили.

Театръ Водевилей. — Tailleur de la Cité. Старинная любовь, Ночь въ сералѣ, Путешественникъ и путешественница (un Monsieur et une Dame), Племянникъ Колпачника, En Pénitence, Хорошенькая плясунья, Все кончилось благополучно, Хористъ Флоридоръ, Они квиты между собою (Manche à manche), Золотая метла, Потишонъ, Три звѣздочки, Призваніе, Уголовный преступникъ, Вѣрное средство, Чудовище женщина, Похищеніе Сабинянокъ, Трое въ корзинѣ, Зизина, Слѣпой и его палка, Парижская простодушная дѣвушка (l'Ingénue de Paris), Для моего сына, Dérivatif, водевили.

Сверхъ того: Буду актеромъ (подъ названіемъ Дебютанта), Водевилистъ и les Chevilles de maître Adam, игранныя на другихъ театрахъ.

Театръ Разнообразія. — Гостепріимство, Дѣдушка Марсель, Descente de la Courtille, Bombés, Послушникъ, Мужъ своей кухарки, Школьный учитель, Старый другъ, За 15 минутъ до полудня, Deux Dames au Violon, Г-жа де Валансе, Сборъ глупостей, Неутѣшная, Дѣдушка Тренкфоръ, Анжели, Іовъ и Иванъ, Эндиміонъ, Владѣлецъ Бодрикурскій, Пчелы, Люсіена, Feu Péterskott, Легко-Конный Полкъ Королевы (Chevau-légers de la Reine), водевили.

Сверхъ того: Баронъ Фельсгеймъ и Г. Боттъ, игранные на Театрѣ Водевилей.

Пале-Рояльскій Театръ. Г-жа де Крустиньякъ, Дѣвица Монтансье, Г-жа Камюсъ, Pénitens blancs, Tyran de café, Отпускъ на десять часовъ, Двѣ свадьбы, Maîtresse de Poste, Экономія Г. Кабошара, Дѣвица Садлю, Сестра Жокриса, Лукреція, Пріятель мой Піеро, Дурной глазъ, Вили, Капралъ и его землячка, Виконтъ де Леторьеръ, водевили.

Сверхъ того: Модистка Занета, в., представленный на театрѣ Гимназіи, подъ названіемъ: Посланникъ.

Театръ Веселости. — Феликсъ, в., Grâce de Dieu, в.; Парижскіе нищіе, др.; Г. Мезьеръ, в.; Мать дебютантки, в.; Понтоны, др.; Бенедиктъ, или два двоюродныхъ брата; Хористъ, в.; Лавуазенъ, др.

Театръ Ambigu. Пробужденіе Ambigu, Прологъ съ куплетами; Жакъ-Кёръ, др.; Гаданье, в.; Послушникъ Фабій, др.; Гроза забіякъ, в; Ванны, в.; Волчья яма (Piège à loup), в.; Викторенъ де Морбиганъ, в.; Леконба, др.; Питомцы гвардіи, в.; Павелъ и Виргинія, в.; Regaillette; Новичокъ и драгунъ, в.; Фельетонъ в.

Театръ Сенъ-Мартъ-Воротъ. Лондонскій мальчишка (Le Gamin de Londres), в.; Полина, др.; Андалузка, бал.; Кукушка, в.; Jous gras aux Enfers, бал.; Парикмахеръ Наполеона, др.; Г. Грибулье, в.; Tarfadets, бал.; Два слесаря, др.; Бокерская ярмарка, бал.; Габрина, др.; Престо, или лакей безъ мѣста, к. въ стихахъ; Убійца изъ человѣколюбія, бал.; Любовь и Ариометика, в.; Первый дебютъ Картуша, в; Жаннинъ Бретанецъ, др.; Сновидѣніе Пигмаліона, б.; 1841 и 1941. г., или Нынѣ и черезъ сто лѣтъ, в.

Сверхъ того: Двое кривыхъ, в., представленный на Пале-Рояльскомъ Театрѣ; Рюи-Бла и Изгнанникъ, др., представленныя на Театрѣ Возрожденія; Говорунъ, игранный въ т. Лувуа, и Корсеръ Поль, др., игранная въ Пантеонѣ.

Циркъ. — Послѣднее желаніе Наполеона, др.; Цыганка, или Французы въ Испаніи, др.; Г. Дюгиньонъ, пан. б., Мюратъ, др.; Г. Моренъ, в.

Театръ драматическихъ шалостей. Двѣ сестры,; др. Dette à la Bamboche

Невольница, Столяръ Андрей, Заговорщикъ Озакуа, Фіакръ, Вдова всей большой арміи, Львиная помада, Boulevard du Crime, Пажи и Золотошвейка, Moulin de la Galette, Любовь Психеи, Кошка привратницы, Молокососы, Веніаминъ — Заячье сердце, Судъ Париса, водевили. Сверхъ того: Луарскій солдатъ (возобновленіе).

Театръ Choiseul. — Сынъ колпачника, Динета, Сердце ремесленника, Грозные (Enfans Terribles), Женевьева Брабантская, Младенчество Карла VIII, Утки, Красная шляпа, Отецъ ремесленника, водевили.

Пантеонъ — Первая и послѣдняя любовь, к.; Игра въ Домино, в.; Это моя комната, в.; Микромегасъ, в., Любовный Элексиръ, в.; Гассанъ или мщеніе, др.; Звѣзда Пантеона, в.; Дѣвушка въ синихъ чулкахъ, в.; Химическія зажигательныя спички, в.; Loustic, в.; Бочаръ Жордикъ, в.; Бракъ — союзъ прелестный, в.; Смоленскъ, в.; Бурная ночь, в.; Семейная жизнь, в.; Любовь на кровлѣ, в.; Пять чувствъ, в.; Гризетки въ Африкѣ, в.; Солдатъ Рейнской Арміи, др.; Пылкая душа, в.; Dur à entre, в.; Домашнія несчастія, в. Caricature aux Enfers, в.

Сверхъ того: Опытъ неудача, піеса, представленіе которой отложено до другаго времени.

Сентъ-Антуанскій Театръ. — Французы, списанные съ натуры ими самими, в.; Семейство мостовщика, в.; Цирюльникъ Бомарше, в.; Страсти, др.; Стрѣлокъ Робертъ, др.; Племянница Пасторя, в.; Hurluberlu, в.; Croix de l'Etang, др.; Лисица и ежъ, в.; Романтическій любовникъ и Классическій мужъ, в.; Пѣхотинецъ, в.; Жена изгнанника, др. в.; Моя прачка, в.; Донъ Карлосъ, др.; Изгнанка медали, в.; Подпоручикъ Большой Арміи, в.; Чинъ отца моего, др. в.; Еще одинъ прекрасный день, в.; Непріятный жилецъ, в.; Мещанскій Жансіонъ, в.; Ferme de Thoiry, в.; Mariéta, в.; Венсенскіе застрѣльщики, в.; Вальпургіевская ночь, в.; Фойе Большой Оперы. в.; Кантарелли, или два тенора, в.; Симонъ, др. в.; Подъ открытымъ небомъ, в., Они и онѣ (Ces Messieurs et ces Dames), в.; Пажъ Королевы, в.; Лицомъ къ лицу (Nez à Nez) в., Венеціянскія свинцовыя темницы, др.; Доротея, или путешествіе по кровлямъ, в; Вечеръ въ Кухнѣ, в.

Театръ комическихъ развлеченій (Délassemens Comiques), — Старинный бульваръ, в.; Самохвалъ, в.; Качели, в.; Ночь столяра, в.; Первый успѣхъ Жана-Батиста, в.; Букетъ и банкетъ. в.; Адель, или честь бѣдной дѣвушки, др. в.; Dodore le Casseux, в.; Давидъ разсѣянный, в.; Два пенсіона в.; Добродѣтельная женщина, в.; 1842 годъ въ Бюліонской Отели, в.

И того:

Королевская Академія музыки 5 піесъ (въ томъ числѣ 1 балетъ и 1 лир. сцена.)

Французскій Театръ: 10 п. (7 ком. и 3 тр.)

Комическая Опера 11 оперъ.

Италіянскій Театръ: 3 оперы.

Одеонъ: 10 п. (1 тр., 5 ком. и 4 др.).

Театръ Возрожденія: 7 п. (1 ком., 3 др. и 3 вод.)

Театръ Гимназіи: 15 вод.

Театръ Водевилей: 24 вод.

Театръ Разнообразія: 22 вод.

Пале-Роялскій Театръ: 17 вод.

Театръ Веселости: 9 п. (3 др. и 6 вод.).

Athénée-Comique: 11 п. (1 др. и 10 вод.)

Театръ Porte-Saint-Martin: 12 п. (1 ком. 5 др. 6 бал. и 6 вод.)

Цирки: 5 п. (3 др. 1 бал. и 1 вод.)

Театръ драматическихъ пантомимъ: 16 п. (1 др. и 15 вод.).

Театръ Choiseul: 9 вод.

Пантеонъ: 23 п. (1 ком. 2 др. и 20 вод.)

Сентъ-Антуанскій Театръ: 34 п. (5 др. и 29 вод.).

Театръ комическихъ развлеченій: 12 вод.

Всего: 264 піесы, а именно: 15 комедій, 4 трагедіи, 30 драмъ, 18 оперъ, 8 пантомимыхъ балетовъ и 188 водевилей. Піесы эти написаны 203 авторами, въ числѣ которыхъ находятся три дамы и четырнадцать композиторовъ.

Въ 1840 году было только 254 сценическія новинки, но число написавшихъ ихъ авторовъ простиралось до 211.

Изъ числа піесъ, игранныхъ въ прошломъ году, наиболѣе блестящій успѣхъ имѣли: Гизелла—на сценѣ Королевской Академіи Музыки; Цѣпь — на Французскомъ Театрѣ; Ричардъ львиное сердце, въ комической Оперѣ; Парижскія феи — *въ Гимназіи;* Слѣпой и Для моего сына — на театрѣ Водевилей La Descente de la Courtille и Школьный учитель, на театрѣ Разнообразія; Капралъ и его землячка и Вик. Леторьеръ — на Пале-Рояльскомъ театрѣ; La Grâce de Dieu — на театрѣ Веселости; Павелъ и Виргинія — на Ambigu; Два слесаря и Обзоръ 1841 года — на театрѣ Porte Saint-Martin; Мюратъ, въ Циркѣ Вдова всей большой арміи, на Театрѣ драматическихъ шалостей.

Наиболѣе плодовитыми авторами въ 1841 году были: Гг. Баяръ и Дюпети; каждый изъ нихъ написалъ по десяти піесъ (Въ 1840 г. одинъ Теолонъ написалъ такое же количество). За ними слѣдуютъ: Деннери, (8 п.); Анисе, Фердинандъ Лалу; Розье, Кормонъ, Клервиль, (каждый 7 п.), Скрибъ, Дюмануаръ, Мельвиль и Лорансенъ (каждый 6 п.)

Авторы, піесы которыхъ представлены въ 1841 году, суть:

Адеми, Адольфъ Д., Альберикъ Секонъ, Альбуазъ, Альфредъ, Альфонсъ, Альзе, Анселo, Ансело (Г-жа), Анисе Буржуа, Араго (Яковъ), Арну, Арверъ, Асленъ, Асленъ, (Эдуардъ).

Баронъ отецъ, Барончелли (Фелиціанъ), Баяръ, Бартелеми, Бошери (*Роланъ*), Беро (*Антони*), Бертонъ (*Люджеръ*), Буле, Буржуа (*Евгеній*), Бризбаръ, Бриссонъ, Бро (*Альфонсъ*), Брюнъ, Брунсвикъ.

Вальдоръ (*Гжа*), Вале (*Поль*), Ваэ (*Густавъ*), Вальи (*Жюль*), Валори (*Мурье*), Вандербурхъ, Варенъ (*водевилистъ*), Варенъ (*хореграфъ*), Варнеръ, Вейра, Віенне, Вильверъ, Ворбель.

Габріель, Галеви (*Леонъ*) Гарнье, Геталь, Гостейнъ, Готье (*Теофилъ*), Гонзалесъ (*Эммануилъ*) Гранже, Гене сынъ, Гино (*Евгеній*), Гюаръ (*Лудовикъ*), Гомберъ.

Даръ, Дартуа (*Арманъ*), Даврку́ръ, Дартигъ, Дальтейнгемъ (*Габріель, урожденная Суме*), Даніель, (*Карлъ*), Давенъ, Делабуле, Декуръ (*Евгеній*), Деформжъ, Делатуръ де Сентъ-Ибаръ, Делеріа, Делапортъ (*Мишель*), Делану (*Корделье*), Деннери (*Адольфъ*), Деландъ, Денойе Деперисъ, Дессарсенъ (*покойный*), Дево (*Евгеній*), Дино (*Евгеній*), Деверже, Доменилъ (*Лудовикъ*), Довенъ (*Карлъ*), Дюбрель, Дютертръ, Дюма (*Александръ*), Дюмануаръ, Дюмерсанъ, Дюпети (*Карлъ*), Дюпоръ (*Поль*), Дюпенъ (*Генрихъ*), Дюпре, Дюверъ, Дюверье, Дюпюи, Дусе (*Камилла*).

Жемъ, Жанети (*Жоржъ*), Жоанни, Жуанъ.

Ипполитъ.

Кармушъ, Картье, Клервиль, Клавель, Коньяры братья, Комберусъ, Корали, Кордье, Кормонъ, Куальякъ, Курси (*Фредерикъ*), Курье (*Луи-Поль*)

Лаба (*Евгеній*), Лаби, Лабрусъ, Лакамбъ, Лафиттъ, Лафонъ (*Карлъ*), Лагардъ (*Алексисъ*), Лажарьетъ, Лавинь, (*Казиміръ*), Лайа (*Леонъ*), Лефевръ, Лефранъ (*Огюстъ*), Лемуанъ (*Густавъ*), Леонъ (*Галеви*) Леонсъ, Левенъ, Лоне, Лорансенъ, Лорансонъ Лоранъ, Лозанъ, Локруа, Лонпре (*Александръ*), Лопе, Любизъ (*Мартенъ*), Люринъ.

Мальянъ, Мальяръ, Мальфиль, Маке (*Огюстъ*), Марше, Маслеиъ, Массонъ (*Митель*), Мельвиль, Менисье, Мишель (*Маркъ*), Монье, Морисъ Моренъ (*Альберъ*), Моро, Мюре (*Теодоръ*).

Піенъ (*Евгеній*).

Ожье, Оже (*Ипполитъ*).

Паччини, Палліонти, Парфе(*Ноэль*), Палье (*Леонъ*), Піа (*Феликсъ*), Полакъ, Поль-де-Кокъ, Потье (*Карлъ*), Пурсе де Баронъ, Пьеронъ (*Евгеній*).

Равель братья, Реньо (*Потеронъ*), Рокуръ, Роже де Бовуаръ, Рошфоръ, Романьи, Розье.

Сальвадоръ, Сальва (*Адольфъ*), Сентинъ (*Ксавье*), Сентъ-Аманъ, Сенъ-Жоржъ, Сенъ-Жерменъ, Сентъ-Ивъ (*Deadde*), Сельмаръ, Скрибъ, Симоненъ, Сиро ienъ (*Поль*), Соважъ, Суме (*Александръ*), Суме (*Эмилій*) Сю (*Евгеній.*).

Теолонъ, Тирпенъ, Турнеминъ, Тюлли,

Шабо де Буань, Шардонъ, Шабина, Шоффе (*Эдмъ*).

Фа (*Жоржъ*), Фердинандъ Лалу, Фолле (*Н,*) Фонтенъ (*Эмиль*), Фрадель (*В*). Фуше (*Поль*), Фурнье.

Композиторы: Аданъ, (*Адольфъ*), Беллини, Бооэльдье сынъ (*Адріанъ*), Веберъ, Гилеви, Жераръ, Карлини, Кастнеръ, Клаписсонъ, Колле, Меркаданте, Монфоръ, Оберъ, Потье.

Въ 1841 году были нѣсколько времени закрыты четыре театра: Возрожденія, Ambigu Comique, Пантеонъ и Сентъ-Антуанскій.

Одеонъ былъ возобновленъ, а прежній театръ Саки совершенно перестроенъ и предназначенъ для представленія *водевилей*.

Авторы, композиторы и актеры, умершіе въ 1841 году:

Авторы: Дезожье (*старшій*), Баронъ Даллардъ, Одъ, Теолонъ.

Композиторы : Карулли, Феликсъ Бланджини, Тюркасъ.

Актеры: Арманъ Домергъ, Арманъ Круазетъ, Мёнье (*въ Орлеанѣ*), Тотенъ, Эмильенъ (*Эмиль Вальэ*), Эдуаръ (*Дезире-Фортюне-Лу*), Вальневъ, Гонтье, Лапортъ сынъ, Лапортъ отецъ (*старинный арлекинъ театра Водевилей*).

Актрисы: Вдова Севестъ, дѣвица Шальбо, Аделина, Бле, Ре, Девіеннъ.

IV. СМѢСЬ.

КУПЛЕТЫ.

ПАВЕЛЪ СТЕПАНОВИЧЪ МОЧАЛОВЪ ВЪ ПРОВИНЦІИ.

Водевиль, подъ этимъ заглавіемъ, игранный и въ Москвѣ и въ Петербургѣ, и переделанный изъ анекдота *Лекенъ въ Провансѣ*, напечатаннаго въ первой книжкѣ *Репертуара и Пантеона*, изобилуетъ, какъ всѣ піесы Д. Т. Ленскаго, веселыми и остроумными куплетами. Напримѣръ, вотъ какъ Чердаковскій, содержатель провинціяльнаго театра, ожидающій пріѣзда Мочалова, разсказываетъ своей племянницѣ, что въ одну минуту расхватали всѣ билеты:

Повѣришь, въ эти двѣ недѣли
Мнѣ до того ужъ надоѣли,
Что не глядѣлъ бы я на свѣтъ;
Вѣдь только слышишь: «дай билетъ!»
Въ театръ всѣ лезутъ, какъ шальные!
Ну, право, кажется, иные
Готовы чорту душу дать,
Чтобъ мѣсто хоть въ раю достать!

—

Вотъ куплетъ Маши, племянницы Г-на Чердаковскаго. Она доказываетъ любовь къ ней актера Клопикова тѣмъ, что онъ презираетъ для нее шиканіемъ и свистомъ публика:

Матросъ или солдатъ, и въ бурю, и въ сраженье,
Въ отважности своей находятъ вѣрный щитъ;
Но вѣдь плохой актеръ — прежалкое творенье,
И противъ публики ему ужъ нѣтъ защиты;
Свистъ пуль или картечъ, конечно, страхъ не веселъ,
А буря на морѣ и ихъ еще тошнѣй,
Согласна въ этомъ я; но шиканье изъ креселъ,
Ей Богу, кажется, въ пять тысячъ разъ страшнѣй!

—

Далѣе, Клопиковъ, котораго принимаютъ за Мочалова, не узнавая П. С. Мочалова, толкуетъ ему слѣдующимъ образомъ о трагическомъ искусствѣ:

Вотъ я вамъ данъ сейчасъ урокъ,
Учитесь и перенимайте:
Во-первыхъ, руки въ потолокъ,
И шире ноздри раздувайте.
(Становится въ позитуру).
Сейчасъ ужъ видно, что герой!
Смотрите, брови какъ играютъ....
(Принимая свое обыкновенное положеніе).
Въ трагедіяхъ, почтенный мой,
Не то, что ходятъ — выступаютъ.

—

Клопиковъ, разсказывая Мочалову, какъ вмѣсто его онъ игралъ въ трагедіи Коварство и Любовь, и для большей храбрости высушилъ разомъ двѣ бутылки шампанскаго, поетъ:

Я оглохъ, я опалѣлъ
И отъ вина, и отъ испуга;
Съ начала до конца ревѣлъ,
Какъ быкъ или по сто пудъ бѣгуна!
Наделомъ, всѣхъ я удивилъ,
И тему дьявольскую упросилъ:
Лунѣ ногу отдавилъ
И Президенту носъ расквасилъ.

ЗЯТЮШКА,

Водевиль Ленскаго, игранный только въ Москвѣ, также заключаетъ въ себѣ нѣкоторые забавные куплеты. Нѣкто Г. Фиксатуаръ разсказываетъ слѣдующимъ образомъ про свой родъ, свою фамилію:

Мой прадѣдъ, дѣдъ, отецъ и братья
Собой примѣръ мнѣ подаютъ.
Фиксатуары, безъ изъятья,
Въ числѣ любезныхъ здѣсь слыютъ.
И можно ль грубымъ быть мужчинѣ,
Когда онъ тону набрался
Въ галантерейномъ магазинѣ
И за прилавкомъ родился!

На вопросъ: большое ли у него знакомство? Фиксатуаръ отвѣчаетъ: «Да-съ, въ долговой книгѣ,» — и поетъ:

Мои карманы только знаютъ
Знакомство это какъ вредитъ:
На деньги мало покупаютъ,
А норовятъ все взять въ кредитъ.
Продашь иному волокитѣ,
Прійдешь за деньгами — въ отвѣтъ:
«Вы завтра,» — говоритъ, — «прійдите!»
А это *завтра* — на сто лѣтъ.

—

Вотъ какимъ образомъ Г. Леду жалуется на тещу свою, которая не даетъ ему ни минуты отдохнуть:

Мнѣ дома хочется съ женой
Побыть вдвоемъ, поприласкаться,
А теща все меня съ собой
Таскаетъ рыскать и слоняться!
Теперь при той и при другой
Я, просто, жалкое созданье:
Всевышній, за грѣхи съ одной,
Другую далъ мнѣ въ наказанье.

—

Теща Г-на Леду, разнѣжившись, заплакала. Онъ поетъ на это:

Дамы всѣ безъ исключенья
Преслезливыя творенья;
Имъ заплакать ни почемъ:
Слезы бьютъ изъ глазъ ключемъ!
Плачутъ съ радости, съ печали,
Плачутъ отъ чепца, отъ шали;
Плачутъ, если мужъ умретъ,
Плачутъ, если онъ живетъ;
Плачутъ, если нѣтъ мотачки;
Плачутъ даже отъ собачки,
Отъ того и отъ сего....
Словомъ, плачутъ отъ всего!

—

Въ Ноябрѣ прошлаго года, Кастиль-Блазъ, возвращаясь откуда-то домой, услышалъ, удивительно пріятный мужской голосъ. Осмотрѣвшись, онъ увидѣлъ молодаго человѣка, который передъ однимъ домомъ пѣлъ пренѣжный романсъ. Молодой человѣкъ пѣлъ такъ хорошо, такъ правильно, что Кастиль-Блазъ счелъ его пѣвцомъ съ какого нибудь театра. Вдругъ окно дома, передъ которымъ стоялъ незнакомецъ, отворилось: изъ него выглянула старуха, и сказала сердито: «Господинъ живописецъ, если вы не уйдете теперь же и не перестанете тревожить вашимъ пѣніемъ моей Маріеты, я кликну жандармовъ. Ужъ я сказала вамъ, при вашей бѣдности вамъ нечего думать о моей бѣдной дочери.» Незнакомецъ скромно пошелъ прочь отъ оконъ своей милой, но Кастиль-Блазъ подошелъ къ нему, и спросилъ: «Ваша живопись не приноситъ вамъ ничего: угодно ли вамъ быть пѣвцомъ? Я доставлю вамъ 10,000 франковъ ежегодно.» Молодой человѣкъ подумалъ, что надъ нимъ смѣются; вскорѣ, однако жъ, онъ понялъ, что Кастиль-Блазъ не шутитъ, и условился съ нимъ. Этотъ удалый теноръ называется — Монре.

— Парижскіе журналы вопятъ, что почти всѣ актрисы собираются ѣхать въ Петербургъ, и только бредятъ Петербургомъ, потому что у насъ артистовъ вообще не освистываютъ, очень благосклонны къ прекрасному полу, и что журналы наши скромны, какъ пятнадцатилѣтнія дѣ-

вицы! Многіе жестоко ошибутся въ своихъ расчетахъ, и, право, было бы хорошо, если бъ какой нибудь Французъ, изъ состраданья, напечаталъ правду о Петербургѣ! Парижане все еще воображаютъ себѣ, что мы полудикіе, говорящіе по-Французски, и что мы всѣмъ восхищаемся, что только прикатитъ къ намъ изъ Парижа! Давайте намъ такихъ артистокъ, какъ Г-жа Алланъ, Г-жа Александръ-Мейеръ, мы скажетъ вамъ спасибо! А балласта у насъ и своего довольно!

— Одинъ Англичанинъ даритъ Оле-Булю по 100 ф. ст. каждый разъ, что виртуозъ этотъ играетъ, въ его присутствіи, что-либо изъ Моцарта. По случаю такой рѣдкой щедрости, кто-то спросилъ Оле-Буля, что сдѣлаетъ онъ, если умретъ его богатый поклонникъ. «Я надѣну трауръ на мою скрипку, отвѣчалъ артистъ, потому что тогда порвется самая лучшая струна ея.»

— Одна извѣстная Парижская актриса, жившая неподалеку отъ этой столицы, на дачѣ, какъ-то все *забывала* платить за наемъ своихъ хорошенькихъ комнатокъ. Домъ, въ которомъ жила она, былъ проданъ. Послѣ того прошло полгода, а наша актриса и не думала платить. Наконецъ новый хозяинъ ея, потерявъ все терпѣніе, явился къ ней, и сурово сказалъ: «Предмѣстникъ мой не получалъ съ васъ, сударыня, ничего; я тоже не получаю ровно ничего: такъ не угодно ли будетъ вамъ выѣхать изъ моего дома..... я охотно уступлю вамъ все, что вы должны мнѣ.» — «Ахъ, Богъ мой! отвѣчала актриса, что вы говорите? Я слишкомъ привыкла къ этимъ комнатамъ..... мнѣ тяжело будетъ разстаться съ ними... Знаете-ли что? Я ужъ лучше надбавлю вамъ плату!»

— Послѣ недавней смерти молодой Парижской фигурантки, Г-жи Гобли, остались и проданы съ публичнаго торга слѣдующія вещи: 83 Персидскія шали, 113 Французскихъ кашемировыхъ платковъ, 38 Турецкихъ платковъ, 18,000 паръ перчатокъ, 3486 ящичковъ съ духами, 6000 паръ шелковыхъ башмаковъ, 874 платья, 10 манто, 1040 головныхъ уборовъ, 280 браслетовъ, 540 разныхъ дорогихъ бездѣлушекъ, 36 паръ брилліантовыхъ серегъ, 16 жемчужныхъ и столькоже брилліантовыхъ ожерельевъ, 5 паръ чулокъ, 6 сорочекъ, 609 заштопанныхъ носовыхъ платковъ, двѣ бѣлыхъ простыни и цѣлая библіотека романовъ.

— Французскія газеты, которыя весьма любятъ трунить, увѣряютъ, что въ Штутгардтѣ есть музыкальный пудель, который уже пріобрѣлъ извѣстность своими критическими статьями. Онѣ называютъ его *Fréron à quatre pattes*. (Фреронъ, какъ извѣстно, былъ остроумный Французскій критикъ). «Со временъ знаменитаго пуделя док. Фауста, говорятъ въ Gazette de Paris, Германія еще не видала собаки столь замѣчательной, какъ эта. Въ Штутгардтѣ, на каждое представленіе, присылаютъ этому пуделю билетъ. Артисты страшатся лая его несравненно болѣе, чѣмъ свистковъ; должно надѣяться, что животное, одаренное такимъ рѣдкимъ талантомъ, не умретъ въ какомъ нибудь Нѣмецкомъ захолустьѣ; его съ мы нетерпѣніемъ ожидаемъ къ себѣ въ Парижъ и, слышно, что нѣкоторыя газеты предполагаютъ поручить ему редакцію своихъ музыкальныхъ фельетоновъ.»

— Гендель былъ нѣкогда директоромъ Опернаго Театра въ Лондонѣ, и самъ дирижировалъ оркестромъ. Артистамъ онъ акомпанировалъ на арфѣ, и притомъ съ такимъ совершенствомъ, что публика, нерѣдко забывъ о пѣвцѣ или пѣвицѣ, съ глубокимъ вниманіемъ слушала акомпаниментъ. Одинъ Италіянецъ оскорбился этимъ весьма сильно. Онъ поклялся, что если въ другой разъ публика забудетъ о немъ для арфы, онъ спрыгнетъ со сцены пря-

мо на этотъ инструментъ. Гендель, узнавъ о затеѣ Италіянца, сказалъ ему прехладнокровно: «Я слышалъ, что вы намѣрены спрыгнуть со сцены. Сдѣлайте жъ милость, назначьте день, въ который предполагаете вы совершить этотъ подвигъ.. Я извѣщу о томъ публику.... Видите ли: вашъ прыжокъ доставитъ мнѣ несравненно болѣе денегъ, чѣмъ ваше пѣніе.»

— Фанни Эльслеръ, какъ извѣстно, собрала въ Америкѣ до 2-хъ милліоновъ долларовъ, и положила ихъ въ Анг ійскій Банкъ. Узнавъ объ этомъ, кто-то недавно спросилъ ее, будетъ ли она, такъ разбогатѣвъ, еще танцовать въ Европѣ. «Буду, отвѣчала Фанни, непремѣнно буду: съ радости.»

— Листъ утверждаетъ, что съ тѣхъ поръ, какъ Венгерцы подарили ему саблю, онъ безпрестанно воюетъ съ журналистами, осыпающими его насмѣшками, и, на бѣду свою, рѣшительно не можетъ вытащить изъ ноженъ эту саблю.

— Римскій Карнавалъ начался съ большимъ блескомъ, и любимою оперою публику теперь *Лукреція Борджіа* Доницетти. Намъ пишутъ изъ Флоренціи, что Русскіе пѣвцы Томаринскій и Михайловъ (бывшій Остроумовъ), изучавшіе пѣніе у знаменитыхъ маэстровъ этого города, отправлялись въ Римъ, на время Карнавала, и будутъ пѣть на тамошнемъ Театрѣ Аполлона.

— Въ Нью-Орлеанѣ, одинъ богачъ выстроилъ пароходъ, на которомъ даютъ сценическія представленія. Этотъ паровой театръ разъѣзжаетъ по водѣ изъ города въ городъ, и собираетъ весьма много денегъ.

— Въ одной Французской газетѣ было напечатано слѣдующее: «Когда Таліони танцуетъ, она Француженка; когда любитъ — Италіянка; когда хлопочетъ о хозяйствѣ — Нѣмка; когда говоритъ о своемъ талантѣ — Шведка; а когда встѣчается съ бѣднымъ — настоящая Англичанка.» Этотъ комплиментъ кто-то передалъ нашей Сильфидѣ. Выслушавъ его, она воскликнула съ улыбкою: «Я тоже Русская: — я *холодно* принимаю излишнія похвалы!»

АНЕКДОТЫ.

Довольно плохой актеръ, замѣтивъ, что одинъ изъ театральныхъ машинистовъ, сидя за кулисами, считаетъ по пальцамъ спросилъ у него: «Что ты считаешь, Сидоровъ?» — Да считаю сколько у насъ плохихъ актеровъ.— «Ну сколько же?»— Съ вами, сударь, восемь.» — Ахъ ты, негодяй! вскричалъ актеръ, давъ ему пощечину. — «Нѣтъ, нѣтъ! я ошибся, безъ васъ семь!»

— Ты вчера пѣлъ ужасно невѣрно! сказалъ одинъ хористъ незавидному оперному пѣвцу, когда они сошлись, на слѣдующее утро, на репетиціи. — «Помилуй, братецъ! Развѣ ты не замѣтилъ, что каждый разъ, какъ я начиналъ пѣть, оркестръ, нарочно, игралъ фальшиво..»

— Одинъ Нѣмецкій оперный пѣвецъ, лишившись голоса, опредѣлился въ конукторы на желѣзной дорогѣ. — «Какъ рѣшились вы на это?» спросилъ у него знакомый его, садясь въ вагонъ — «Чтожъ, мнѣ не привыкать къ свистку,» смиренно отвѣчалъ бывшій пѣвецъ.

НЕКРОЛОГІЯ.

Александра Михайловна Щепкина.

31-го Декабря прошедшаго года скончалась въ Москвѣ дочь нашего единственнаго комика, М. С Щепкина, *Александра Михайловна*. Хотя она не была актрисою ex officio, а играла только въ бенефисы отца своего, но тѣмъ не менѣе потеря ея чувствительна для нашей сцены.

Если не ошибаемся, А. М. Щепкина явилась въ первый разъ на сцену въ роли дочери Шайлока, въ *Венеціянскомъ купцѣ* Шекспира, кажется, въ 1834 году. Ея смуглое лицо, блестящіе черные глаза чрезвычайно шли къ роли жидовки, которую она занимала, и

публика приняла молодую артистку, дочь заслуженаго и любимаго актера, съ громкимъ одобреніемъ.

На слѣдующій годъ, покойная А. М. Щепкина явилась въ роли Дорины, въ Тартюфѣ или Фарисеѣ, перевед. г-мъ Норовымъ. Трудная роль Дорины была выполнена ею и весьма умно и отчетливо, къ чему не мало содѣйствовало руководство ея талантливаго отца.

Потомъ Щепкина являлась на Московской сценѣ въ роляхъ *Кетти*, *Натали Полтавки*, *Лизаньки* (въ піесѣ *Пятидесятилѣтній Дядюшка*, соч. Виссаріона Бѣлынскаго) и н. др. Эти роли выполнены были ею съ большимъ или меньшимъ успѣхомъ; вообще роли молодыхъ свѣтскихъ дѣвушекъ какъ-то не шли къ ней: она не была въ нихъ развязна, ловка, можетъ быть и потому, что не была записною артисткою. Роли простодушныхъ, наивныхъ дѣвушекъ, провинціялокъ выполняла она гораздо удачнѣе. Но, безъ сомнѣнія, лучшими ролями покойной Александры Михайловны Щепкиной были — роль Вариньки въ *Украинской невѣстѣ*, комедіи-водвилѣ, передѣланномъ изъ «Angeline ou La Chamrenoise» Княземъ А. А. Шаховскимъ, и прелестная роль Тетены въ *Москалѣ Чаривникѣ*, оригинальномъ созданіи Котляревскаго, народнаго Малороссійскаго поэта.

Обѣ эти піесы появились на Московской сценѣ 9-го Февраля 1840 года, въ бенефисъ знаменитаго отца покойной артистки. «Украинская невѣста» явилась, впрочемъ, во второй разъ послѣ двухъ лѣтъ, и это не удивительно: Ал. Мих. Щепкина, не принадлежа собственно къ театру, показывалась на сцену только въ бенефисы своего отца; кромѣ же ея, въ Москвѣ некому было выполнить роли Вареньки, и вообще всѣхъ Малороссійскихъ ролей.

Москвичи, я думаю, еще не забыли ого с ѣтлаго впечатлѣнія, которое произвела на публику игра покойной Щепкиной, въ обѣихъ названныхъ нами піесахъ: это было такъ недавно, и притомъ же прекрасное не забывается.

Мы вкратцѣ разскажемъ содержаніе обѣихъ піесъ, чтобъ яснѣе показать превосходное исполненіе обѣихъ ролей покойной А. М. Щепкиной.

Графъ, отставной генералъ, имѣетъ твердое и доброе намѣреніе женить племянника, гусарскаго офицера Виктора, на дочери своего умершаго друга и своей питомицѣ, Варинькѣ. Но дядя хочетъ чтобы дѣло не обошлось безъ проказъ, потому что племянникъ порядочный проказникъ. И вотъ онъ въ заговорѣ съ Варенькой: убѣждаетъ ее явиться своему жениху совершенною Малороссійскою панночкой. Панночку представили жениху, — женихъ такъ и ахнулъ: Онъ разговорился съ этой дѣвочкой, равной ему, образованному свѣтскому молодому человѣку, наряженной въ костюмъ, что носили за полстолѣтія; онъ замѣтилъ въ ней умъ и чувство достоинства.... но, не смотря на это, Варинька все таки какой-то антикъ! Викторъ въ отчаяніи, и рѣшается, во что бы то ни слово, — не жениться на ней. Но вотъ начинается мистификація: къ Варинькѣ пріѣзжаетъ сестра ея, молодая, образованная дѣвушка, и Викторъ въ восторгъ отъ этой сестры, не подозрѣвая нисколько, что онъ въ восторгѣ отъ той же самой Вареньки: такъ измѣнили ее костюмъ и образованные пріемы. Однако же, Виктору приходитъ въ голову счастливая мысль просить дядю позволить ему жениться на этой сестрѣ, вмѣсто той, на этой барышнѣ, а не на той панночкѣ: вѣдь дядю это все равно! Но упрямый дядя не согласенъ, и Викторъ, когда передъ нимъ явилась опять прежняя панночка, убѣждаетъ ее самое отъ него отказаться. Панночка отказалась, но этотъ отказъ, какъ говорится, срѣзалъ бѣднаго Виктора: въ панночкѣ онъ узналъ ту самую милую, образо-

ванную дѣвушку, отъ которой давича пришелъ въ восхищенье. Дядя однако, улаживаетъ все дѣло. Вотъ содержаніе «Украинской невѣсты.»

Мы живо, очень живо помнимъ то впечатлѣніе, которое такъ надолго оставило въ насъ выполненіе роли Вариньки покойною Ал. Мих. Щепкиной. Лучшею похвалою ея таланту тамъ, гдѣ главная задача роли состояла въ искусной мистификаціи, можетъ служить вопросъ наивно предложенный однимъ изъ нашихъ сосѣдей въ партерѣ, когда дѣвица Щепкина какъ будто вся перемѣнялась, вмѣстѣ съ перемѣною костюма и нарѣчія: *скажите, неужели это одна и та же?* Да, это было такъ. Мы какъ теперь слышимъ ее Малороссійское «Эге!» — на разные кадансы, въ отвѣтъ жениху, бѣдствующему о совершенной необразованности своей нареченной невѣсты, вспоминаемъ, какъ, при самомъ началѣ піесы не выходя еще на сцену, она пропѣла съ арфой эту прелестную пѣсню:

Віютъ вѣтры, віютъ буйны,
Ажъ деревья гнутся
Ой! якъ болитъ мое сердце,
А слезы не льются.

Есть же люди, що и моей
Завидуютъ долѣ.
Чи счастлива та былинка
Що росте у полѣ,

Ой у полѣ на пясоч у,
Безъ росы на солнцѣ:
Тяжко жити безъ милаго
Не въ своей сторонцѣ!

Вспоминаемъ, съ какою неподражаемою наивностію она разсказывала, изумленному ея Малороссійской простотой, жениху о своихъ успѣхахъ: объ умѣньѣ «и варенье варить, вини солить, ягодники сготовлять, и мало ли що есть, да я вдругъ не вспомню.» Однимъ словомъ, мы видѣли Малороссійскую панночку, которой не измѣнилъ ни одинъ взглядъ, ни одинъ звукъ, ни одно движеніе! И что же общаго между этой панночкой и той милой дѣвушкой — явленіемъ изъ другаго, образованнаго міра! Надо было быть тутъ и слышать съ какимъ достоинствомъ были пропѣты эти слова:

«Когда бъ того любила,
Кто любитъ не меня...»

когда Викторъ убѣдилъ панночку отказаться отъ него, и передъ нимъ вдругъ явилась образованная и уже любимая имъ дѣвушка. Глубокое, сознательное чувство собственнаго достоинства ни на минуту не покидало покойной Ал. Мих. Щепкиной, во всей этой роли, созданной изъ одной мистификаціи. Любители искусства, видѣвшіе ее тутъ, не только должны еще помнить, но вѣрно будутъ долго и долго помнить игру Ал. Мих. въ роли Вариньки потомъ что они видѣли тутъ, въ роли ей художественно созданной и исполненной, одно изъ явленій изящнаго, взятое изъ поэтическаго міра Малороссіи, и превосходно олицетворенное дарованіемъ.

Перейдемъ къ «Москалю-Чаривнику.» Эта оригинальная опера Котляревскаго, содержаніе которой взято изъ міра Малороссійскихъ простолюдиновъ, была напечатана. Однако жъ, передадимъ въ немногихъ словахъ въ чемъ дѣло. Тетяна, молоденькая и хорошенькая жена стараго казака Михайлы Чупруна, куда-то отлучившагося, привлекла на себя вниманіе Фунтика, горожанина, канцеляриста и пресмѣшнаго Малороссійскаго parvenu. Онъ объясняется ей въ любви и привязанности, когда вдругъ входитъ къ нимъ солдатъ пришедшій на постой, лихой служака, кровный Русскій солдатъ, что всюду хозяинъ, куда судьба ни забрось его. Хозяйка не подала ему ужина, солдатъ, отправляясь голодный спать, спрашиваетъ у нея, что это за фрачная фигура. «Се мій родичъ» отвѣ-

чаетъ ему оторопѣвшая Тетяна. Солдатъ уходитъ, смекнувши самъ про себя дѣломъ. Начинается брань Финтика на солдата, когда вдругъ пріѣзжаетъ мужъ. Жаль Тетянѣ Финтика, жалкаго, а потому и безгрѣшнаго селадона, и она прячетъ его подъ печь и закрываетъ заслонкой. Мужъ возвратившись, громко разболтался съ женкою; солдатъ приходитъ къ нимъ на этотъ говоръ, и вотъ какъ разъ поладилъ съ хозяиномъ. Хозяину есть и ужинъ и горѣлка, а солдату того и надобно. Развеселились они, поютъ себѣ пѣсни, и вздумалъ солдатъ прикинуться колдуномъ (чародѣикомъ): вѣдь онъ видѣлъ куда Тетяна спрятала Финтика! «Хотите», говоритъ солдатъ хозяевамъ, «я вамъ на лице представлю любаго изъ вашихъ знакомыхъ?» Опьянѣвшій Чупрунъ никакъ не придумаетъ кого бы. Тетяна называетъ Финтика, хозяинъ соглашается. Солдатъ завязываетъ ему и Тетянѣ глаза, и когда опять развязываетъ ихъ, Финтикъ на лице. Однако же, Тетянѣ совѣстно отвязаться этимъ, небезгрѣшнымъ образомъ отъ своего обирателя, и она все разказываетъ мужу. Мужъ собирается было побить ее адона, но тотъ падаетъ на колѣни, и тѣмъ избавляется отъ такихъ убѣдительныхъ увѣщаній.

Ал. Мих. Щепкина исполнила роль Тетяны превосходно. Нѣсколько Малороссійскихъ народныхъ пѣсень были ею пропѣты съ неподражаемымъ искусствомъ и граціей. Заключительный куплетъ, обращенный къ партеру, вызвалъ изъ толпы, какъ теперь помнимъ, громкія и единодушныя рукоплесканія. Вотъ этотъ куплетъ:

«Паничи, остерегайтесь,
«Не запальчиво влюбляйтесь,
«Бо кто ласый до чужбинъ,
«Той скоштуе и дубинъ —

Какъ эти наивныя, простонародные слова шли къ дѣлу! Артистка, выведенная, по требованію публики, знаменитымъ своимъ отцемъ, была осыпана рукоплесканіями. Всеобщее и постоянное участіе Московской публики въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ къ талантливой, всегда полной достоинства, игрѣ А. М. Щепкиной, всего лучше ручается за то, что публика умѣла цѣнить даровитость молодой артистки. Да, мы не боимся назвать этимъ именемъ покойную А. М. Щепкину, хотя она собственно и не принадлежала къ театру, и показывалась только въ бенефисы отца, какъ мы о томъ говорили выше. Намъ, жившимъ въ Москвѣ, очень памятно, сколько бывало услышишь передъ бенефисомъ М. С. Щепкина вопросовъ о томъ, будутъ ли въ бенефисѣ участвовать его дочери, Публика, однако жъ, болѣе любила Александру Михайловну. И мы опять повторимъ, что для Малороссійскихъ ролей — она незамѣнима. Если даже въ игрѣ ея, какъ дѣвушки, не свыкшейся со сценой была замѣтна иногда какая-торобкая нерѣшительность, то кто же, хоть разъ видѣвшій на сценѣ покойную Александру Михайловну не согласится, что въ самой этой нерѣшительности было столько легкости, граціи, простоты неподдѣльной, достоинства истиннаго и глубокаго, что зритель выходилъ изъ театра, совершенно очарованный игрой талантливой, вѣрной природы. Являйся А. М. чаще на сцену — это прошло бы само собою, но — воля ваша! едва ли тогда было бы лучше: мы столько видѣли этого искусства не въ смыслѣ творчества, а только въ смыслѣ умнаго и часто холоднаго постиженія роли, что, право, иногда не побоимся зѣвнуть или глазѣть по сторонамъ, не опасаясь недосмотрѣть и, стало быть, потерять что нибудь. Мы не сравниваемъ покойной Ал. М. съ Г-жами Орловой и Дюръ, за роли которыхъ она никогда и не бралась, но утверждаемъ смѣло, что она могла бы, соперничать со славою Г-жи Орловой, которая, послѣ г-жи Репиной, занимаетъ

первыя амплуа и въ драмахъ, и въ комедіяхъ, и въ водевиляхъ, покойной Асенковой, которая тоже не замѣнима на Петербургской сценѣ. Но, скажемъ, что едва ли эти обѣ артистки могли бы исполнить тѣ роли, которыя съ такою вѣрностію и успѣхомъ исполняла покойная Ал—а. Михайловна, — роли Малороссійскихъ дѣвушекъ и молодыхъ женщинъ. Вотъ гдѣ было ея настоящее и важное сценическое значеніе, и почему именно чувствительна подобная потеря для Русской сцены вообще и для Московской въ особенности.

Кромѣ Москвы, Г-жа Щепкина играла и на Петербургской сценѣ въ 1838-мъ году, и была принимаема нашею публикою съ восторгомъ, не смотря на то, что тогда во всемъ блескѣ красоты и молодости была на сценѣ В. Н. Асенкова.

Болѣе всего Щепкина играла на провинціяльныхъ театрахъ, въ лѣтнее время, въ Тулѣ, въ Казани, въ Одессѣ и т. д., и вездѣ принимаема была съ новымъ единодушнымъ одобреніемъ.

Умеръ недавно знаменитый декораціонный живописецъ Театра La Scala въ Миланѣ, Доменико Менонци. Онъ особенно отличался искусствомъ писать сценическіе пейзажи.

— Въ прошломъ Декабрѣ, умеръ въ Лондонѣ любимый въ Англіи драматическій писатель, Бирчъ (Birch). Онъ долго былъ Лондонскимъ Альдерманомъ.

V. ДРАМАТИЧЕСКІЙ ТЕЛЕГРАФЪ.

РАЗНЫЯ ИЗВѢСТІЯ, ТОЛКИ И СЛУХИ.

Любопытнѣйшими новостями Петербургскаго драматическаго міра можно назвать готовящіеся бенефисы Г-на и Г-жи Каратыгиныхъ — обѣихъ перлъ нашей сцены. Бенефисъ В. А. Каратыгина назначенъ на 19-е Января. Онъ будетъ составленъ изъ драмы *Боецъ* (Гладіаторъ), въ пяти дѣйствіяхъ, соч. Суме, передѣланной, въ стихахъ, самимъ бенефиціантомъ; далѣе будетъ дана комедія въ одномъ дѣйствіи: *Павелъ Павловичъ съ супругою*, передѣланная изъ старинной комедіи П. А. Каратыгинымъ, и, наконецъ, *Симонъ Сиротинка, или Морякъ и Пихотинецъ*, водевиль въ одномъ дѣйствіи, переведенный съ Французскаго. — Бенефисъ А. М. Каратыгиной, назначенный на 4-е Февраля, будетъ составленъ изъ драмы *Нѣмой*, въ четырехъ актахъ, передѣланной съ Французскаго; комедіи въ одномъ дѣйствіи: *Загадка, или На хотѣнье есть терпѣнье*, переведенной съ Нѣмецкаго, и водевиля въ одномъ дѣйствіи: Вдова или тюрьма! переведеннаго съ Французскаго.

— Только, что узнали мы, что драма Н. А. Полеваго: *Елена Глинская*, помѣщенная въ нынѣшней книжкѣ нашего изданія, уже разучивается нашими артистами, и будетъ играла въ первыхъ числахъ Февраля. Музыку къ ней написалъ Л. Мауреръ.

— Въ Москвѣ, 16-го Января, въ бенефисъ Д. Т. Ленскаго предполагали дать: *Боярская спѣсь и Анютины глазки*, водевиль, и *Фортункинъ, или Мужъ съ мѣста, а другой на мѣсто*, водевиль. Обѣ піесы написаны талантливымъ бенефиціантомъ.

— Въ бенефисъ Г. Пино, превосходнаго машиниста Московскихъ Театровъ, которому Малый Театръ обязанъ устройствомъ сцены, данъ будетъ волшебный водевиль въ 3-хъ дѣйствіяхъ, въ 12 картинахъ, подъ названіемъ: *Вотъ, такъ пилюли! Что ни въ ротъ, то спасибо!* передѣланный съ Французскаго Д. Т. Ленскимъ. Этотъ водевиль, безъ сомнѣнія, привлечетъ всю Московскую публику, какъ по достоинству піесы, такъ и по заслугамъ бенефиціанта. Водевиль этотъ имѣлъ такой же успѣхъ въ Парижѣ, какъ у насъ Русалка.

ПАРИЖСКІЯ ТЕАТРЫ.

Théâtre du Grand Opéra. *La Reine de Chypre*, опера соч. Сенъ Жоржа, музыка Галеви. Племянница Венеціянскаго Сенатора Корнаро, Катарина любитъ Французскаго рыцаря Жерара, и любима имъ страстно, но противъ воли и для спасенія жизни Жерара выходитъ за Іакова Лузиніана, Короля Кипрскаго. Жераръ по-

слѣдовавшій за него въ Кипръ, едва не падаетъ тамъ жертвою убійцъ, но его спасаетъ Лузиніанъ, котораго онъ не знаетъ, и слѣдовательно, не подозрѣваетъ, что избавитель его — соперникъ. Замысливъ, изъ ревности, убить супруга своей Катарины, онъ рѣшается его поразить при выходѣ изъ церкви, послѣ брачнаго обряда, бросается на него съ обнаженною шпагою, и узнаетъ своего избавителя. Жерара, разумѣется, заключаютъ въ темницу, но освобожденный Лузиніаномъ, онъ покидаетъ Кипръ и вступаетъ въ орденъ рыцарей Храма. Черезъ два года, когда Катарина уже начинала забывать про Жерара, вдругъ, по приказанію грознаго Венеціянскаго Совѣта Десяти, отравляютъ Лузиніана; она, въ отмщеніе за то, побѣждаетъ Венеціянскій флотъ.—Опера поставлена съ удивительнымъ великолѣпіемъ. Музыка не уступаетъ *Жидовкѣ*, того же композитора; особенно хорошъ пятый актъ. Странно, что Галеви не написалъ къ ней увертюры.

Théâtre de la Gaîte. *La Voisin*, мелодрама въ пяти актахъ, основана на модномъ предметѣ нынѣшнихъ Парижскихъ бульварныхъ драмъ — на отравленіи, вошедшемъ во всеобщее употребленіе со времени процесса Г-жи Лафаржъ. Авторы этой драмы заставляютъ дѣйствующихъ лицъ толковать и разсуждать объ отравленіяхъ и другихъ тому подобныхъ преступленіяхъ съ величайшею непринужденностію, будто бы дѣло шло о самомъ простомъ предпріятіи.

Théâtre du Vaudeville. *Le Dérivatif*, водевиль въ одномъ дѣйствіи, соч. Арну. Нѣкто Трюшонъ боится всего и пугается всему: жена его дѣлаетъ глазки, онъ дрожитъ; онъ желаетъ попасть въ представители отечества въ Палатѣ Депутатовъ, и страшится неудачи; наконецъ ловкій молодой человѣкъ, Эрнестъ де Монжиронъ, рѣшается помочь ему въ этомъ дѣлѣ, но за то требуетъ отъ бѣднаго Трюшона — почти невозможной жертвы. Въ этой бѣдѣ, Трюшонъ прибѣгаетъ къ помощи другаго молодаго человѣка, который бы, полюбезничавъ съ его женою, отбилъ охоту у Монжирона волочиться за Г-жею Трюшонъ; но — вотъ бѣда: это болеутолительное средство, этотъ dérivatif — дѣйствуетъ такъ сильно, что нравится женѣ несчастнаго Трюшона гораздо больше Монжирона, и она влюбляется въ него не на шутку. Піеска эта понравилась.

Gymnase. *Les jolies filles de Stilberg*, водевиль въ одномъ дѣйствіи, принадлежитъ къ числу піесокъ, въ которыхъ хорошенькія актрисы могутъ повеселиться и подурачиться въ военныхъ мундирахъ. Пажи, живущіе въ какомъ-то Нѣмецкомъ замкѣ, устроиваютъ тамъ сельскій балъ, который вдругъ прерывается пріѣздомъ уланскаго полка. Увы! Пажи обезоружены, должны сдаться, но — уланы эти просто *хорошенькія дѣвушки* изъ Стильберга, не приглашенныя на балъ Пажами, и мстящія имъ за эту невѣжливость. При такихъ водевиляхъ, мы всегда невольно вздыхаемъ. Кто теперь могъ бы оживить ихъ на Петербургской сценѣ? Увы!...

Odéon. *Une charge à payer*, комедія въ одномъ дѣйствіи, въ стихахъ, принадлежитъ къ числу двѣнадцати тысячъ комедій, изъ которыхъ, по окончаніи представленія, вы не запомните ничего, къ числу комедій, которыя, просто, не ведутъ ни къ чему.

Variétés. *Les Chevau Légers de la Reine*, водевиль въ трехъ дѣйствіяхъ, веселая піеска, заглавіе которой, *Легкоконный полкъ Королевы*, достаточно показываетъ, что тутъ дѣло идетъ о любви и непостоянствѣ, о ревности и примиреніи.

Théâtre de la Porte St. Martin. 1841 et 1941, *ou aujourd'hui et dans cent ans*, фантастическій водевиль въ двухъ дѣйствіяхъ, написанный — на рѣдкость, съ умомъ, замысловато, не оскорбляя никого. Это ничто иное, какъ обозрѣніе ми-

дувшаго года и воображаемое изображеніе Парижа черезъ сто лѣтъ спустя: вездѣ мраморъ; улицы натираются полотерами; при выходѣ со двора вамъ всыпаетъ вашъ камердинеръ въ карманъ горсть золота; уже не мужчины строятъ куры женщинамъ а женщины мужчинамъ; въ жаждѣ вамъ стоитъ только нагнуться и черпнуть *фрапированнаго* шампанскаго; къ вамъ подбѣгаетъ неизвѣстный человѣкъ, и приставляя къ горлу пистолетъ, восклицаетъ: возьмите кошелекъ [illegible], или *смерть вамъ*; наконецъ въ Парижѣ уже есть улица Бальзака, площадь Альфонса Карра, галерея Жанена — и все это говорится на сценѣ прессеріозно. За то, тѣмъ больше хохота въ публикѣ.

Le Marchand de Londres, драма въ трехъ дѣйствіяхъ — томъ же *Джарвисъ, страдалецъ чести*, игранный въ Парижѣ на Театрѣ du Gymnase, и извѣстный всѣмъ у насъ, въ Петербургѣ. Авторы его, Александръ Дюма и Лафонъ, нѣсколько поисправили ходъ піесы, завязку, и тѣмъ дали болѣе драматическаго достоинства піесѣ, интересной по основной идеѣ.

— Г-жа Бурбье не выдержала дебютовъ въ первомъ Французскомъ Театрѣ, въ Парижѣ au Théâtre Français), не взирая на сильную поддержку знаменитаго Жюль-Жанена. Хитрый фельетонистъ успѣлъ привлечь вниманіе публики своими росказнями. Онъ выдумалъ, будто Г-жа Бурбье пріѣхала къ намъ, въ Петербургъ, *пятнадцатилѣтнимъ ребенкомъ*, составила у насъ и въ Европѣ колоссальную репутацію, и возгратилась въ Парижъ *въ полномъ цвѣтѣ красоты и молодости* — перенявъ Русскія манеры и т. п. Правда что рѣдкая актриса умѣетъ такъ хорошо одѣваться, какъ Г-жа Бурбье, и на это именно оперся Жюль-Жаненъ, превозносея ея туалетъ и увѣряя публику, что она увидитъ чудо изъ чудесъ! — Но Парижская публика не то, что наша: Парижане неумолимы! Холодно смотрѣли они на нѣсколько дебютовъ Г-жи Бурбье, а наконецъ не вытерпѣли, — Г-жа Бурбье пала въ драмѣ: Henri III et sa cour, (Дюма), въ Voeur, Реньяра. Въ послѣднемъ фельетонѣ своемъ въ Jou n. des Débats ([illegible] Января), Жюль-Жаненъ сталъ отдѣлываться ироніей и мистификаціей, увѣряя, будто Г-жа Бурбье упала отъ того, что играла въ піесахъ, привезенныхъ съ собою изъ Россіи и сочиненныхъ Русскими поэтами, вопреки Французскому вкусу и обычаямъ. Этимъ онъ хотѣлъ дать почувствовать, что Г-жѣ Бурбье не надлежало играть *въ устарѣлыхъ* піесахъ, которыя будто бы въ чести, у насъ, въ Петербургѣ! Жюль-Жаненъ задѣлъ жестоко этимъ Александра Дюма, а не насъ! Онъ не знаетъ нашей образованной публики, у которой вкусъ къ изящному, по крайней мѣрѣ равенъ вкусу Парижанъ. И у насъ Henri III et sa cour не имѣла большаго успѣха, но прошла тихо, потому что, по нашимъ обычаямъ, мы оказываемъ наше неудовольствіе молчаніемъ, и не звѣрскимъ ревомъ, какъ въ Парижѣ. Смѣемъ сказать даже, что изящное лучше у насъ постигается во Французскомъ Театрѣ, нежели въ Парижѣ, потому что нашъ Французскій Театръ наполняется людьми высшаго общества и высшаго образованія. Г-жу Бурбье мы оцѣняли всегда какъ grande utilité не болѣе, и въ нѣкоторыхъ сценахъ охотно ей аплодировали, но никто и никогда не называлъ ее Петербургскою Г-жею Марсъ, какъ говоритъ Жюль-Жаненъ!

— Парижскій Французскій Театръ лишается обѣихъ лучшихъ актрисъ для ролей молодыхъ первыхъ любовницъ въ комедіи, Г-жъ Плесси и Дозъ: обѣ онѣ выходятъ замужъ. Говорятъ, что Скрибъ, расчитывавшій въ послѣднихъ піесахъ своихъ въ особенности на этихъ обѣихъ артистокъ, неутѣшенъ отъ этого неожиданнаго для него извѣстія.

— На Италіянскомъ Театрѣ въ Парижѣ давали, въ первый разъ, *Весталку*, Меркаданте. Исполнена она была прекрасно

и принята Парижскими меломанами весьма благосклонно.

ЛОНДОНСКІЕ ТЕАТРЫ

Старый Дрюриленскій Театръ, въ Лондонѣ, въ которомъ въ послѣдніе годы давались только концерты и представленія Нѣмецкой Оперы, нынѣ возвращенъ первоначальному назначенію своему, національной драмѣ. 27-го Декабря происходило открытіе его Шекспировскимъ *Венеціянскимъ Купцомъ*, въ которомъ Мекреди отличился въ роли Шейлока. Вообще, теперь Шекспиръ въ большой модѣ. Въ слѣдующее представленіе была дана трагедія *Веронскіе дворяне*, до сихъ поръ являвшаяся только въ видѣ оперы. Въ Геймаркетскомъ Театрѣ, въ которомъ актеръ Валлакъ поступилъ на мѣсто Мекреди, представленъ на дняхъ *Отелло*.

— Новый откупщикъ Лондонской Италіянской Оперы, Г. Лумлей, отправившійся на твердую землю вербовать пѣвцовъ и пѣвицъ, ангажировалъ пѣвицу Мольтени и пѣвцевъ Санти, Гуаска и Ранкони, которыхъ еще не слыхали въ Лондонѣ. Гризи, Персіани, Маріо и Лаблашъ также возвратятся туда; Тамбурини ѣдетъ въ Италію. Изъ новыхъ піесъ, которыя будутъ представлены, называютъ: Весталку Меркаданте и Марію Подилья, Доницетти. Театръ будетъ открытъ 26-го Февраля.

— Нынѣшнюю зиму, на *Театрѣ Принцевъ* будетъ играть Французская труппа, въ которой участвуютъ нѣсколько первостепенныхъ Парижскихъ артистовъ. Гжа Плесси, которая, какъ пишутъ во Французскихъ газетахъ, выходитъ за мужъ, будетъ получать въ Лондонѣ 1000 франковъ и сверхъ того 40 франк. *разовыхъ* за каждое представленіе; Гжа Дежазе — столько же; Буффе 1500 франковъ. На его долю, прійдется двѣнадцать представленій въ мѣсяцъ. Г-жа Плесси будетъ играть тамъ въ Апрѣлѣ, Гжа Дежазе въ Маѣ, а Буффе въ Іюнѣ.

— На Ковентъ-Гарденскомъ Театрѣ, въ Лондонѣ, монтируютъ теперь оперу Меркаданте: *Elena da Feltro*. Въ этой-то піесѣ испыталъ несчастный Нурри (въ Неаполѣ), ту неудачу, которая довела его до сумасшествія и самоубійства. Она избрана для бенефиса Г-жею Аделаидою Кембль.

МАДРИТСКІЕ ТЕАТРЫ.

Мадритскіе театры la Cruz и del Principe, говоритъ одинъ Германскій путешественникъ, отличаются изяществомъ и величиною своею; на первомъ изъ нихъ даютъ преимущественно Италіянскія оперы; на второмъ—Испанскія піесы. Новый большой театръ, также какъ и находящійся противъ него пышный королевскій дворецъ, еще не совѣмъ окончены. Есть еще одинъ маленькій театръ, но онъ и не заслуживаетъ особаго вниманія. Посѣтивъ одинъ изъ Мадридскихъ театровъ въ первый разъ, я видѣлъ, между прочимъ, піеску, подобную которой имѣемъ и мы, Нѣмцы. — Въ этой піескѣ, называющейся у Испанцевъ: El compositor y la Estrangera, все дѣло состоитъ въ томъ, что какой-то бѣдный композиторъ находитъ случайно свою разбогатѣвшую дочь, въ которую влюбленъ пріятель его, бѣдный поэтъ. — Она произвела глубокое впечатлѣніе на публику. Я самъ былъ сильно растроганъ ею; она такъ много пробудила въ душѣ моей милыхъ, *родныхъ* ей воспоминаній. Черезъ нѣсколько дней потомъ видѣлъ я новѣйшую Испанскую трагедію: *Іаковъ II*, которую давали тогда въ первый разъ. Въ ней изображается тотъ эпизодъ изъ Англійской Исторіи, въ которомъ власть королевская перешла въ этой странѣ изъ рукъ Карла II къ Іакову. Въ эстетическомъ отношеніи, трагедія эта не имѣетъ ни какого достоинства; языкъ ея — просто высокопарная декламація. Цѣль ея состоитъ, повидимому, въ томъ, чтобы выставить

нынѣшнюю любовь Испанцевъ къ Англичанамъ. Она исполнена восторженными похвалами Англіи вообще и Англійскому образу правленія въ особенности.

— Рубини производитъ въ Мадритѣ всеобщій восторгъ. Повременныя изданія Eco del comercio, Correo nacional и и. д. осыпаютъ его похвалами. Тамошній Музыкальный Лицей, наименовавшій его своимъ почетнымъ членомъ, далъ въ честь его празднество. Президентъ Лицея произнесъ при этомъ случаѣ восторженную рѣчь. Рубини отвѣчалъ на нее слѣдующимъ образомъ: «Благосклонный пріемъ вашъ лестенъ для меня тѣмъ болѣе, что онъ сдѣланъ мнѣ въ отечествѣ знаменитой Гарсіи и безсмертной Малибранъ, дружбою которой я имѣлъ счастіе пользоваться. Память о немъ навсегда сохранится въ душѣ моей; примите же за него мою глубокую, искреннюю благодарность!» Слова эти были приняты съ оглушительными рукоплесканіями. Потомъ было опредѣлено поставить бюстъ Рубини въ залѣ засѣданій Лицея: подобной чести Лицей не оказывалъ еще ни одному артисту. При первомъ выходѣ Рубини на сцену, Королева бросила ему свой букетъ цвѣтовъ: это послужило сигналомъ къ продолжительнымъ, громовымъ аплодисментамъ. Послѣ представленія, онъ, цѣлые два часа, принималъ въ своей ложѣ (въ гардеробѣ) первѣйшихъ сановниковъ Мадритскихъ.

ТЕАТРЫ ВЪ ГЕРМАНІИ.

Трауръ въ Мюнхенѣ по вдовствующей Королевѣ кончился, и 1-го Января тамъ было назначено блистательное представленіе, на которое ожидали Королевы. По предписанію Его Величества, была возвѣщена новая опера Лахнера *Катарина Корнаро*, о первомъ представленіи которой мы уже извѣщали. Капелмейстеръ Лахнеръ заплатилъ Парижскому писателю Сенъ-Жоржу 1600 фр. за слова этой оперы, съ тѣмъ, разумѣется, что Сенъ-Жоржъ не отдастъ того же текста ни какому другому композитору. Вдругъ, къ крайнему удивленію, узнаетъ Лахнеръ, что въ Парижѣ давали 22-го Декабря, на Театрѣ Большой Оперы, *Кипрскую Королеву*, съ музыкою Галеви, на слова Сенъ-Жоржа—которая ничто иное, какъ та же *Катарина Корнаро*. Въ извѣстіяхъ о Парижскихъ Театрахъ мы сообщаемъ содержаніе этой оперы.

— Въ Мюнхенѣ, послѣ многократныхъ возвѣщеній, были наконецъ представлены: *Избавитель* (der Lebensretter), сценическая шутка съ пѣніемъ, слова А. Фельдмана, музыка Рёта, и *Die Macht des Augenblicks*, драму въ трехъ отдѣленіяхъ, соч. А. Гейгеля. Первая изъ этихъ піесъ исполнена остротъ и мѣстныхъ намѣковъ; относительно послѣдней должно сказать, что первый актъ ея растянутъ, второй нѣсколько лучше, третій же можетъ нравиться только той части публики, которая восхищается драматическими чудовищностями.

— Огромный успѣхъ, увѣнчавшій въ Берлинѣ представленіе *Антигоны*, Софокла, внушилъ дирекціи Дрезденскаго Королевскаго Театра монтировать драму *Мальтійскіе Кавалеры*, за нѣсколько лѣтъ предъ симъ игранную въ Лейпцигѣ, — драму, въ которой есть хоры въ древнемъ родѣ. Она была недавно дана, но не имѣла успѣха, не смотря на необычайно великолѣпную обстановку и на прекрасное исполненіе. Замѣчательно, что хоры ея находились не въ оркестрѣ, какъ хоры Антигоны, въ Берлинѣ, а въ ложахъ третьей и четвертой галереи. Это размѣщеніе производило превосходный эффектъ, особенно въ то время, когда хоры пѣли вмѣстѣ.

— Въ Берлинѣ съ большимъ одобреніемъ принята новая піеса подъ названіемъ: *Мраморное сердце* (Das Marmorherz). Слова ея написаны Гафнеромъ, а музыка Адольфомъ Мюллеромъ. Слышно, впрочемъ, что основная идея этой піесы

заимствована Гафнеромъ изъ одной повѣсти Гауфа, и что музыка Мюллера могла бы быть лучше.

— Представленія Италіянской труппы въ Берлинѣ по прежнему многолюдны и блистательны. Репертуаръ ея донынѣ состоялъ изъ *Отело, Нормы, Beatrice di Tenda, Луціи, Лукреціи Борджіи, Elisir d'Amore* и *Италіянки въ Алжирѣ*, а теперь монтируетъ она *Ченерентолу* и *il nuovo Mose*. Нѣкоторые артисты этой труппы отправились въ Стокгольмъ.

— Ораторія Штетинскаго капельмейстера Лёве, *Іоаннъ Гуссъ*, исполненная недавно въ Берлинѣ, есть прекрасное, но не геніяльное произведеніе. Особенной похвалы заслуживаютъ въ ней хоры и инструментовка; стиль же ея не повсюду самостоятеленъ; во многихъ мѣстахъ, онъ какъ-то колеблется между стилемъ ораторіи и оперы. Исполнена была она въ Берлинѣ превосходно.

— *Антигона* Софокла, къ которой написалъ Мендельсонъ-Бартольди музыку, будетъ скоро дана въ Лейпцигѣ.

— Г-жа фонъ Вейсентурнъ написала новую піесу, подъ названіемъ: *Приступъ Смоленска* (die Bestürmung von Smolensk). Піеса эта богата эффектными сценами. Она была недавно дана въ Вѣнѣ, и принята тамошнею публикою благосклонно. Изъ артистовъ, которые участвовали въ представленіи ея, особенно хорошъ былъ Г. Лёве, занимавшій роль казака Урскова (Urskoff). Кстати объ этомъ новомъ произведеніи Г-жи фонъ Вейсентурнъ скажемъ, что ея прежнія драматическія сочиненія составляютъ нынѣ уже 14 томовъ и, по большей части, весьма любимы въ Германіи. Они, впрочемъ, и стоятъ этой любви, потому что Г-жа Вейсентурнъ вообще отличается живостію своего воображенія, своимъ знаніемъ вѣрно обрисовывать характеры и умѣньемъ заставлять своихъ дѣйствующихъ лицъ говорить языкомъ правильнымъ и изящнымъ.

— Въ Берлинѣ два карлика и одна карлица представляютъ пантомиму, въ которой главное дѣйствующее лицо — Наполеонъ. Эти микроскопическіе артисты — по фамиліи Брокштедтъ — перестали рости съ третьяго года отъ рожденія; оттого въ наружности ихъ и теперь есть что-то дѣтское. Старшій братъ, Генрихъ, имѣетъ нынѣ 19 лѣтъ; ростомъ онъ всего 35 вершковъ, а вѣситъ 26 фунтовъ; сестра его, Марія, которой исполнилось 15 лѣтъ, ниже его 3 вершками и вѣситъ не болѣе 23 фунтовъ; наконецъ, младшій братъ, Христіанъ, имѣющій 10 лѣтъ, не выше 28 вершковъ, и вѣситъ 16 фунтовъ! Сложены они, особенно дѣвушка, довольно пропорціонально, только головки у нихъ нѣсколько велики, въ сравненіи съ прочими частями тѣла. Голосъ у нихъ развитъ слабо; однако жъ, при вниманіи, можно разслышать всѣ слова ихъ. Роль Наполеона обыкновенно занимаетъ Христіанъ.

— Новая піеса Нестроя: *Рудольфъ, Принцъ Корсиканскій*, играна въ Вѣнѣ и упала. (Она заимствована изъ прекраснаго разсказа Фанъ-деръ-Фельде: Принцъ Фридрихъ).

— Въ Вѣнѣ дана была, въ первый разъ, но не имѣла успѣха, опера *Ричаръ и Матильда*. Слова ея переведены съ Французскаго, а музыка аранжирована изъ извѣстной оперы: *La Favorite*.

— Новую комедію Скриба, Une Chaine уже играютъ на Французскомъ Театрѣ въ Берлинѣ, и вскорѣ дадутъ тамъ же по-Нѣмецки. Переводъ ея на Нѣмецкій языкъ порученъ дирекціею заслуженному артисту и писателю, Эрнсту Девріенту.

— Въ Дармштадтѣ вызвана весьма хорошая Французская труппа. Артисты этой труппы будутъ играть, два раза въ недѣлю, на тамошнемъ Велико-Герцогскомъ Театрѣ. Для перваго дебюта, какъ видно изъ заграничныхъ извѣстій, — долженствовали они сыграть слѣдующія піесы: *Les Enfans d'Edouard* Казиміра Дела

вина, *L'Héritière*, Скриба и *Discours de Rentrée*, Ружмона. Слѣдовательно, теперь въ Германіи четыре Французскихъ Театра, а именно: въ Берлинѣ, въ Вѣнѣ, въ Дрезденѣ и въ Дармштадтѣ.

— Въ Гамбургѣ дана была недавно, въ первый разъ, трагедія Фольгейма: *Донъ-Себастіани*. Піеса эта имѣла такой успѣхъ, которому подобнаго тамъ не запомнятъ. Во время представленія ея, актеръ, занимавшій въ ней главную роль, и актриса, избравшая ее для своего бенефиса, были вызваны четыре раза, а самъ авторъ — три раза. Говорятъ, что *Донъ-Себастіани* будетъ скоро представленъ въ Берлинѣ.

— Въ Неаполѣ, на Фіорентинскомъ Тзатрѣ, были даны съ большимъ успѣхомъ двѣ новыя трагедіи: *Gesualdo*, Паскаля Франческони, и *Isabella del Fiesco*, Грегоріо Даллессандріа. Піесы эти, доставившія авторамъ установленное отъ Неаполитанскаго Правительства театральное вознагражденіе, нынѣ напечатаны.

РЕПЕРТУАРЪ

РУССКАГО

И

ПАНТЕОНЪ

ВСѢХЪ ЕВРОПЕЙСКИХЪ

ТЕАТРОВЪ,

НА 1842 ГОДЪ

ИЗДАВАЕМЫЙ

Н. Песоцкимъ.

БИБЛИОТЕКА
А. А. ЕЛИСЕЕВА

III.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.
1842.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ,

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлено было въ Цензурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ.

Санктпетербургъ, Января 31 дня 1842 года.

Цензоры: *П. Корсаковъ и А. Очкинъ.*

ПЕЧАТАНО ВЪ ТИПОГРАФІИ Н. ГРЕЧА.

I. ДРАМАТИЧЕСКІЯ ПРОИЗВЕДЕНІЯ.

ЦѢПЬ,

КОМЕДІЯ ВЪ ПЯТИ ДѢЙСТВІЯХЪ, ВЪ ПРОЗѢ,

СОЧИНЕНІЕ

Е. Скриба.

Переводъ съ Французскаго.

Представлена, въ первый разъ, въ Парижѣ, на Французскомъ Театрѣ (Théâtre Français), 29-го Ноября нов. ст. 1841 года.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА:

Эммерикъ д'Альвре, молодой композиторъ.
Клерамбо, негоціянтъ, его дядя.
Де Сенъ-Жеранъ, Контръ-Адмиралъ.
Гекторъ Баландаръ, адвокатъ.
Алина, дочь Клерамбо.
Луиза, жена Сенъ-Жерана.
Слуга Сенъ-Жерана.
Слуга Эммерика.
Слуга.
Нотаріусъ.

Дѣйствіе происходитъ въ Парижѣ.

ДѢЙСТВІЕ ПЕРВОЕ.

Театръ представляетъ красиво убранную комнату артиста. Направо стоятъ фортепіаны; возлѣ нихъ, насупротивъ зрителей, столъ, покрытый богатымъ ковромъ. На столѣ разбросаны альбомы, ноты.

ЯВЛЕНІЕ I.

Гекторъ *входитъ въ заднюю дверь;* Эммерикъ *сидитъ за фортепіанами, поддерживая голову рукою.*

Гекторъ, *весело.*

Это я, другъ мой.... профанъ въ храмѣ искусствъ!

Эммерикъ (*поднимая голову*).

Здравствуй, любезный Гекторъ.

Гекторъ.

Я помѣшалъ тебѣ? Ты, кажется, работалъ, отыскивалъ какую нибудь мелодію?

Эммерикъ.

Нѣтъ.... я не дѣлалъ ничего.

Гекторъ.

Тѣмъ хуже! Мы ждемъ отъ тебя втораго творенія, которое было бы достойно перваго дебюта.... Въ двадцать пять лѣтъ имѣть на первой лирической сценѣ успѣхъ, который вскружилъ всѣмъ голову!... Превосходно, единственно!... И мнѣ, адвокату первой инстанціи, можно сказать съ гордостію въ Палатѣ: «Эммерикъ д'Альбре мой землякъ, другъ дѣтства. Мы родились въ Бордо, и никогда не разлучались.» (*Подаетъ ему письмо.*) Вотъ письмо: я получилъ его сегодня утромъ; оно было адресовано на мое имя.

Эммерикъ (*положивъ письмо въ карманъ*).

Благодарю.... Письмо это отвлекло тебя отъ занятій....

Гекторъ.

Нисколько! Мнѣ надобно итти въ Палату только часовъ въ двѣнадцать. Еще успѣю. (*Дотрогивается до кармана, куда Эммерикъ вложилъ письмо*). Это письмо вѣроятно касается процесса, о которомъ ты хотѣлъ со мною поговорить.

Эммерикъ.

Да, мой другъ.

Гекторъ.

Всегда готовъ служить тебѣ.... Такой кліентъ, какъ ты, можетъ выставить адвоката въ блистательномъ свѣтѣ.

Эммерикъ.

Тебѣ это не нужно.... Благодаря своей дѣятельности, дарованіямъ, а особенно репутаціи честнаго человѣка, ты принадлежишь къ лучшимъ адвокатамъ въ Парижѣ.

Гекторъ.

Что дѣлать? Теперь это единственное средство отличиться..... Адвокатъ съ такими достоинствами—человѣкъ оригинальный.... и оттого число моихъ кліентовъ удвоилось.

Эммерикъ.

Такъ же какъ и доходы... Говорятъ, будто ты получаешь въ годъ до сорока тысячъ франковъ.

Гекторъ.

Немногимъ побольше, немногимъ поменьше.... Я прозябаю въ пыли приказныхъ дѣлъ, посреди аукціоновъ и конфискацій недвижимыхъ имуществъ, или, въ важныхъ оказіяхъ защищаю въ судѣ какое нибудь дѣло о чрезполосномъ владѣніи, за которое не хочетъ приняться ни одинъ адвокатъ. А что пользы? Меня не знаетъ никто, кромѣ кліента, который обращается ко мнѣ въ день процесса, и часто забываетъ обо мнѣ, когда надобно подумать о вознагражденіи!... Другое дѣло твоя жизнь! Какое блистательное поприще! Рукоплесканія, богатство, слава! Жизнь артиста—жизнь наслажденій. Утро ты проводишь съ хорошенькими актрисами; вечеромъ посѣщаешь высшее общество, гдѣ музыка въ такой чести, что (*понижая голосъ*) многія знатныя дамы, такъ, по крайней мѣрѣ, я слышалъ, герцогини, маркизы, просто бѣгаютъ за тобою....

Эммерикъ (*съ живостію*).

Что, что?

Гекторъ.

Изъ любви къ музыкѣ! — Кстати: у меня есть до тебя просьба.... Скоро будутъ давать твою новую оперу.

Эммерикъ.

Теперь пока разучиваютъ первое дѣйствіе, а больше ничего не написано....

Гекторъ.

Сдѣлай одолженіе, возьми меня на репетицію.

Эммерикъ.

Съ удовольствіемъ.

Гекторъ.

Какъ я благодаренъ тебѣ! (*Съ замышательствомъ.*) Но могу ли я попасть на сцену, за кулисы; не могу ли говорить съ актрисами?

Эммерикъ.

Разумѣется....

Гекторъ.

Странно что-то!

Эммерикъ (*смѣясь*).

Помилуй!

Гекторъ.

Еще просьба.... Если бы ты выхлопоталъ мнѣ, у какой нибудь герцогини Сенъ-Жерменскаго Предмѣстья, приглашеніе на балъ или на концертъ....

Эммерикъ.

Изволь.

Гекторъ.

Чтобы я могъ показать, или, по крайней мѣрѣ, чтобы у меня видѣли пригласительный билетъ.... Это мнѣ весьма нужно.

Эммерикъ.

Зачѣмъ?

Гекторъ (*таинственно*).

Я намѣренъ жениться.

Эммерикъ (*съ живостію*).

И хорошо сдѣлаешь; особенно если по любви.

Гекторъ.

Да, мой другъ, по любви.... и по необходимости! Прекрасная дѣвица, прекрасное приданое, которымъ я могу заплатить за свое званіе.... На первый случай, отецъ даетъ двѣсти тысячъ франковъ, а послѣ дастъ еще.... Онъ богатый купецъ изъ Берси. Дочка его, Викторія Жиро, мнѣ очень нравится.... Она мила и отлично воспитана.... Училась живописи и музыкѣ.

Эммерикъ.

А, у ней есть голосъ?

Гекторъ.

По счастію, нѣтъ. Она, какъ и я, поетъ фальшиво, и въ этомъ отношеніи у насъ будетъ согласіе!... Но вотъ въ чемъ мы никогда не сойдемся: Викторія, дѣвица съ поэтическимъ воображеніемъ; она мечтала о мужѣ идеальномъ, туманномъ; ей нужна сильная страсть.... а я просто адвокатъ, который никогда ни за кѣмъ не волочился.... у меня на то и времени не было! Всю недѣлю я занятъ. Только одинъ разъ, до адвокатства, я какъ-то влюбился.... Но о гризеткѣ не стоитъ и вспоминать....

Эммерикъ.

Однако жъ, между гризетками есть много премиленькихъ.

Гекторъ (*презрительно*).

Да, конечно, есть и между ними порядочныя.... Да нѣтъ ничего благороднаго.... Поѣздки на ослахъ въ Монморанси, пикники, обѣды на травкѣ, хохотъ!... Скука!

Эммерикъ.

Превесело!

Гекторъ.

И все это ни къ чему не ведетъ.... Вотъ, если бы я, какъ ты, былъ человѣкъ модный, если бы могъ похвастаться разными приключеніями, Викторія Жиро обожала бы меня.... Третьяго дня, я ей сказалъ, что мы съ тобою друзья.... Ты не сердишься, любезный другъ?... Слова мои произвели чудесное дѣйствіе!... А когда она узнаетъ, что я попаду за кулисы, особенно къ герцогинямъ, тогда я стану въ ея глазахъ еще выше.

Эммерикъ.

Понимаю.

Гекторъ.

Признаться, я всегда мечталъ о герцогиняхъ.... Бывало, вечеркомъ, послѣ занятій, когда я былъ еще главнымъ писцомъ у нотаріуса, пойду къ подъѣзду Большой Оперы или Италіянскаго Театра,

любуюсь богатыми нарядами герцогинь, ихъ гордою, величественною осанкою, ливреями лакеевъ, гербами экипажей, и думаю: неужели есть счастливцы, которыхъ любятъ такія женщины? Быть любимымъ маркизою, графинею, даже баронессою, должно быть неизъяснимое наслажденіе!... Я возвращался домой, пѣшкомъ, обрызганный грязью при ихъ проѣздѣ.... Тутъ я вспоминалъ о тебѣ: товарищъ мой, Эммерикъ, счастливъ!... И только въ этомъ завидовалъ я тебѣ...

Эммерикъ.

Напрасно! Помнишь л ты басню объ Икарѣ?

Гекторъ.

Какъ не помнить! Адвокатство еще не выбило у меня изъ головы миѳологіи.... Но ты, слава Богу, не Икаръ; ты не падаешь...

Эммерикъ.

А скоро упаду!... Вихрь высшихъ странъ, къ которымъ я хотѣлъ подняться, мѣшаетъ мнѣ упрочить состояніе почетное, независимое, какъ, напримѣръ, твое.... Модный, пустой свѣтъ, гдѣ я не могъ пріобрѣсти ни какихъ успѣховъ, и куда попалъ по неволѣ, совершенно отвлекаетъ меня отъ дѣла.... Свѣтскія удовольствія часто соединены съ такими обязанностями, которыя не имѣютъ ни малѣйшаго отношенія къ избранному нами поприщу... Да, вотъ, напримѣръ, письмо, что ты принесъ.... (*Вынимаетъ письмо изъ кармана*).

Гекторъ.

Вѣдь оно касается процесса?

Эммерикъ (*улыбается иронически, и распечатываетъ письмо*).

Да, процесса, который давно уже кончился.... Чтобы отвратить подозрѣніе, чтобы имя мое не обратило на себя вниманія моихъ знакомыхъ, письма адресуются къ тебѣ, адвокату.... Какъ не подумать, что письмо непремѣнно дѣловое.

Гекторъ.

Вѣрно, любовная записочка отъ какой нибудь маркизы?

Эммерикъ.

Маркиза напоминаетъ мнѣ, что завтра, въ Оперѣ, чрезвычайный спектакль, бенефисъ, что я долженъ ѣхать съ нею.

Гекторъ (*съ живостію*).

Какъ, вмѣстѣ, въ одной каретѣ?... И потомъ сидѣть въ ея ложѣ?

Эммерикъ (*садясь за столъ*).

Разумѣется.... Но ложи всѣ заняты, а достать все таки надобно.... (*Вынимаетъ билетъ изъ ящика, и показываетъ его*). Нумеръ десятый, съ правой стороны, между колоннами. Знаешь ли, чего мнѣ это стоитъ?

Гекторъ.

Вѣроятно, франковъ 25 или 30 за мѣсто.

Эммерикъ (*съ нетерпѣніемъ*).

Я говорю не объ этомъ.... (*Онъ бросаетъ на столъ конвертъ, и прячетъ между бумагами письмо, которое держалъ въ рукѣ; потомъ запечатываетъ въ другой конвертъ, вынутый изъ стола, билетъ, кладетъ въ карманъ, и встаетъ въ продолженіе слѣдующихъ фразъ*), но о рысканьѣ, о потерѣ времени.... Вчера, цѣлый день, пробѣгалъ я за ложею, вмѣсто того, чтобы сидѣть за фортепіанами, и писать квинтетъ, котораго мотивъ изгладился у меня изъ памяти.... квинтетъ, котораго дожидались актеры.... Вотъ отчего я не работаю, отчего моя опера никогда не будетъ кончена!

Гекторъ.

Тѣмъ хуже! Я знаю многихъ, которые давно и съ нетерпѣніемъ готовятся къ первому представленію.

Эммерикъ.

Кто же это?

Гекторъ.

Твои родные, Г. Клерамбо, твой дядя, и дочь его, прекрасная Алина.

Эммерикъ.

Моя кузина?....

Гекторъ,

Если я не ошибаюсь, она нарочно для этого пріѣхала въ Парижъ.... Она давно желала....

Эммерикъ.

Въ самомъ дѣлѣ?

Гекторъ.

Ея изнурительная болѣзнь....

Эммерикъ.

Бѣдная Алина! Я видѣлъ, какъ она страдала....

Гекторъ.

Теперь, другое дѣло! Она свѣжа и мила, какъ амурчикъ.... Алина увѣрила отца, что столичный воздухъ поможетъ ей.... Какъ же, послѣ этого, первому негоціянту въ Бордо, отцу такой дочери, не ѣхать!..

Эммерикъ.

Скоро ли они пріѣдутъ!

Гекторъ.

Я думаю, ужъ пріѣхали.

Эммерикъ.

Почему же ты знаешь?

Гекторъ.

Да вѣдь я занимаюсь дѣлами Г. Клерамбо!... Развѣ ты забылъ, что я выигралъ ему запутанный процессъ, и что по этому случаю ѣздилъ, въ прошедшемъ году, два раза въ Бордо?.... Онъ поручилъ мнѣ нанять для него квартиру.

Эммерикъ.

Что же ты?

Гекторъ.

Мнѣ кажется, что на углу Ришельевской Улицы и Италіянскаго Бульвара есть очень удобный домъ....

Эммерикъ.

Ты нанялъ въ домѣ, гдѣ я живу?...

Гекторъ.

Первый этажъ, по 2000 франковъ въ мѣсяцъ.... Дядя твой богатъ, и притомъ пріятно жить въ одномъ домѣ съ племянникомъ.

Эммерикъ (*бросается ему на шею*).

Другъ мой! какая чудесная мысль! Какъ весело увидѣть родныхъ!... Алина, сестра моя, подруга, ученица!... Мы будемъ вмѣстѣ заниматься музыкою.

Гекторъ.

И ни шагъ не отпустимъ ихъ отъ себя.

Эммерикъ.

Ты будешь ходить съ дядюшкою.

Гекторъ.

Вездѣ перебываемъ.... Въ Судѣ....

Эммерикъ.

На первомъ представленіи моей оперы.

Гекторъ.

Которая не кончена!...

Эммерикъ (*съ живостію*).

Будетъ кончена!... Хочу, чтобы Алина была свидѣтельницею торжества.... Въ этомъ дѣлѣ, она знаетъ толкъ. У нея прекрасный голосъ, вкусъ.... Сажусь за работу (*бѣжитъ къ фортепіанамъ*). Иквинтетъ вспомнилъ; мотивъ не пропалъ.... слушай.

Гекторъ (*беретъ стулъ*).

Какъ пріятно! (*Останавливается*) Перестань!

Эммерикъ (*останавливаясь.*)

Что такое?

Гекторъ. (*прислушиваясь.*)

Кто-то идетъ по лѣстницѣ..... Слышишь?

Эммерикъ (*также прислушивается*).

Да, да!... Знакомый голосъ!....

(*Дверь отворяется.*)

—

ЯВЛЕНІЕ II.

Гекторъ, Клерамбо, Алина, Эммерикъ.

Эммерикъ (*кричитъ издали*).

Дядюшка!.... Кузина!... (*Бѣжитъ къ Алинѣ и обнимаетъ ее нѣсколько разъ.*) Милая Алина! Какъ я счастливъ, что опять васъ вижу!....

Клерамбо (*становится между ними*). (*)

Ну!... а меня?....

Гекторъ (*пожимая ему руку*).

Добрый дядюшка! (*Смотритъ на Алину.*) Съ прошедшаго года, съ тѣхъ поръ, какъ я былъ у васъ въ Бордо.... кузина моя похорошѣла.

Алина.

А паненька говорилъ, что нисколько...

Клерамбо (*беретъ ее за руку*).

Поклонись же нашему другу, нашему адвокату, Г. Баландару, и поблагодари его за выборъ квартиры.

Алина.

Квартира очень мила!

Клерамбо.

А вы и не писали мнѣ, что племянникъ живетъ въ этомъ же домѣ...

Гекторъ.

Я хотѣлъ сдѣлать вамъ сюрпризъ.

Алина.

Однимъ этажемъ ниже!... Какъ будетъ удобно для кузена... (*Потупивъ глаза обращается къ отцу*) посѣщать насъ...

Клерамбо (*грубо*).

Я этого не требую.... Хочу, чтобы онъ обращался съ нами безъ чиновъ.... какъ и мы съ нимъ... Видишь, мы прямо пріѣхали къ тебѣ съ визитомъ; но это не возлагаетъ на тебя ни малѣйшей обязанности.

Эммерикъ.

Помилуйте, дядюшка!....

Клерамбо.

Тебѣ надобно работать.... Артистъ долженъ трудится.

Эммерикъ.

На все можно найти время.... Моя обязанность всегда быть съ вами.... Я васъ повезу въ общества.

Клерамбо.

Благодарю покорно....

Гекторъ (*Клерамбо*).

Онъ живетъ въ высшемъ кругу.

Клерамбо.

Тѣмъ хуже! Нравственность этого круга устрашаетъ меня за молодую дѣвицу.

Эммерикъ.

Кто вамъ это сказалъ?

Клерамбо.

Ваши книги и журналы.... Вѣдь мы въ Бордо читаемъ все, что выходитъ въ Парижѣ.

Эммерикъ (*беретъ его за руку, съ видомъ состраданія*).

Бѣдный дядюшка!....

Клерамбо.

А что такое?

Эммерикъ (*улыбаясь*).

О васъ надобно пожалѣть, если вы судите по книгамъ и журналамъ..... Наши нравы гораздо благороднѣе всѣхъ

(*) Гекторъ, Алина, Клерамбо, Эммерикъ.

сочиненій.... Поживите съ нами, и вы найдете еще благопристойность, хорошій тонъ въ гостиныхъ, добродѣтель въ семейномъ кругу, хорошихъ хозяекъ въ свѣтѣ, однимъ словомъ, вездѣ найдете честныхъ людей.... даже въ Палатѣ.... Спросите у Баландара.

Клерамбо.

Этотъ человѣкъ — другое дѣло! Я его знаю... онъ изъ Бордо..... Въ наше время трудно найти (*смотритъ на племянника*) такую скромность, такую чистоту нравовъ.... Рано или поздно, онъ всетаки оканчиваетъ процессы, а другіе....

Эммерикъ.

Вы сами видите....

Клерамбо.

Исключеніе ничего не доказываетъ.... Ты, племянникъ, всегда смотришь на вещи съ хорошей стороны, какъ покойный твой батюшка, мой любезнѣйшій своякъ.... Онъ, бывало, вѣчно живетъ въ идеальномъ мірѣ, а я въ положительномъ.... Изъ любви къ твоей матери, моей бѣдной сестрѣ, я хотѣлъ взять его въ товарищи по торговлѣ.... Можно было бы нажить состояніе независимое.... Такъ нѣтъ! Вмѣсто того, чтобы продолжать службу въ купеческомъ флотѣ, гдѣ платятъ хорошія деньги.... онъ перешелъ въ военный флотъ.....

Эммерикъ.

Гдѣ награждаютъ эполетами.... славою....

Клерамбо.

И ядрами!.... Отецъ твой убитъ подъ Навариномъ, и на мое попеченіе оставилъ вдову, мою сестру, которая скоро послѣдовала за нимъ.... Тебя мнѣ хотѣлось пріучить къ торговымъ дѣламъ.... Ты началъ бы съ прикащика... (*взглянувъ на дочь*), а потомъ дальше, и дальше.... Можетъ быть, въ Бордо, домъ Клерамбо не прекратился бы никогда... Но, куда!... Вдругъ стали мнѣ твердить со всѣхъ сторонъ, что племянникъ мой имѣетъ наклонность.... дарованіе.... геній!....

Эммерикъ.

Вы не такъ судите, дядюшка.... Я не хотѣлъ быть вамъ въ тягость, хотѣлъ возблагодарить васъ за благодѣянія....

Клерамбо.

Благодѣянія!... Да кто тебѣ говорилъ о нихъ?...

Эммерикъ.

Я никогда ихъ не забуду!

Клерамбо.

Такъ неужели только для этого надобно было бросить меня.... и погнаться за геніемъ.... Кто внушилъ тебѣ такія мысли?.... Ужъ вѣрно не я!... Кто пристрастилъ тебя къ музыкѣ?... Да я въ жизнь свою не могъ понять ни одной ноты!....

Гекторъ (*проходитъ мимо Алины, и подаетъ руку Клерамбо*).

Весьма пріятно найти товарища.... (*Алина становится между Клерамбо и Эммерикомъ*) (*).... Я тоже никогда не понималъ музыки, а люблю это искусство.

Клерамбо.

А я ненавижу всѣ искусства вообще, и музыку въ особенности!.... Къ чему годны живописцы, музыканты?.... Нарушать семейное спокойствіе, кружить головы молоденькимъ дѣвушкамъ, заставлять ихъ терять за фортепіанами время, которое онѣ могли бы употребить на веденіе счетныхъ книгъ.

Алина.

Папенька!

Клерамбо.

До тебя это не касается.... Ты занимаешься у меня счетными книгами и корреспонденціею....

Алина.

И хозяйствомъ....

(*) Гекторъ, Клерамбо, Алина, Эммерикъ.

Клерамбо.

Правда! Но, если я имѣю неудовольствіе слышать каждый день: «Дочь наша поетъ какъ Малибранъ....» такъ ужъ въ этомъ я нисколько не виноватъ.... Вся вина падаетъ на племянника.... Поправить дѣло невозможно.... время упущено. Бывало, сижу въ конторѣ, а сестрица съ братцомъ поднимутъ такой шумъ, что лучше бѣги вонъ!... Любезный племянничекъ сочинялъ еще въ дѣтствѣ, и вмѣстѣ съ Алиною все время проводилъ за финалами, квинтетами, дуэтами.... И теперь ты все тотъ же. «Люблю тебя.... Всю жизнь любить меня ты будешь....» А какъ можно запретить?... Дочь одна... боишься потерять ее, и по неволѣ измѣнишь своимъ правиламъ.... Но если бы Палата, которая уже уничтожила литературную собственность.... если бы она, руководствуясь бережливостію и усовершенствованіями, уничтожила вдругъ искусства и артистовъ, я первый закричалъ бы: браво, браво!... Тамъ есть нѣкто, не припомню его имени, но онъ можетъ твердо надѣяться на мой голосъ, доколѣ я буду избирателемъ... Этотъ пріятель желалъ бы изломать всѣ арфы, всѣ фортепіаны, и обратить ихъ въ Жакардавы станки!... Вотъ, такой человѣкъ понимаетъ, что значитъ промышленость и общія выгоды....

Гекторъ.

Кромѣ выгодъ Эрара и Плейеля.

Клерамбо.

А мнѣ какое до нихъ дѣло!

Алина.

Нѣтъ, папенька, это дѣло и для васъ не совсѣмъ постороннее.... Вспомните, когда вы были на представленіи оперы Эммерика.... (*Обращается къ Эммерику.*) Вашу оперу недавно давали въ Бордо, и съ какимъ успѣхомъ!... Всѣ были въ восторгѣ!... А я, я въ это время вполнѣ была счастлива, я имѣла полное право гордиться.... При оглушительныхъ крикахъ, я старалась быть смиренною, потупляла глаза, краснѣла отъ вашей славы, какъ будто сама участвовала въ вашемъ торжествѣ... Тутъ, впрочемъ, нѣтъ ничего удивительнаго.... Вы, Эммерикъ, нашъ родной.... Вспомните, папенька, что было послѣ втораго дѣйствія, послѣ чудеснаго дуэта, исполненнаго любви.... Всѣ зрители рукоплескали, вызывали отсутствующаго автора, своего земляка.... и, по какому-то невольному движенію, обратились потомъ къ нашей ложѣ, привѣтствовали насъ радостными восклицаніями, дѣлали насъ участниками славы Эммерика.... Нѣтъ, папенька, вы не могли оставаться равнодушными.

Клерамбо.

Помилуй, не то....

Алина.

Да, папенька, я сама видѣла.... вы плакали, вы были восхищены.... вы дрожали....

Клерамбо.

Не мудрено.... я перепугался.... тебѣ сдѣлалось дурно.

Эммерикъ.

Возможно ли?

Клерамбо.

Музыка всегда производитъ на Алину сильное дѣйствіе, музыка, какая бы то ни была.... А когда дочери моей сдѣлается дурно, я забываю все, готовъ все отдать....

Алина.

Я это знаю, папенька, и никогда не употребляю во зло вашей привязанности.

Клерамбо.

Да, ты скоро пришла въ себя.

Алина.

И ни о чемъ васъ не просила.

Клерамбо.

Правда! Только, чтобъ впередъ этого не было!...

Алина.

Да вѣдь эта музыка такъ мила!

Всѣ говорили: «онъ никогда лучше не напишетъ....,» а я отвѣчала: «непремѣнно напишетъ еще лучше....» Не правда ли, Эммерикъ? Вѣдь ваше второе сочиненіе будетъ еще лучше?

Эммерикъ.

Постараюсь, Алина.

Алина.

На зло имъ, напишите какъ можно лучше.... А сегодня вечеромъ, сыграйте намъ что нибудь?....

Эммерикъ.

Съ большимъ удовольствіемъ.

Гекторъ (*говоритъ Алинѣ съ довольнымъ видомъ.*)

Я отправляюсь на репетицію!

Алина.

Вы, Г. Баландаръ?

Гекторъ.

Эммерикъ обѣщалъ взять меня съ собою.

Алина.

Стало быть, и намъ можно быть на репетиціи?...

Эммерикъ.

Если удостоите....

Клерамбо.

Однако жъ, пора.... не надобно мѣшать... Простись съ братомъ, и пойдемъ. (*Беретъ Алину за руку и отходитъ; между тѣмъ Эммерикъ становится по лѣвую сторону, возлѣ Гектора.*) (*)

Алина.

Еще минуту... Какъ весело быть въ комнатѣ молодаго человѣка, разумѣется, съ папенькою.... У Эммерика прекрасная квартира, чудесныя фортепіаны.... Такъ вотъ гдѣ вы работаете, гдѣ находите такія восхитительныя мелодіи..... (*Беретъ со стола тетрадь.*) Это ваша опера.... Можно посмотрѣть?....

(*) Гекторъ, Эммерикъ, Клерамбо, Алина.

Клерамбо.

Что ты, вѣдь это нескромность, Алина!..

Эммерикъ.

Въ чемъ?...

Гекторъ.

Для того-то опера и написана, чтобы всѣ ее видѣли.

Алина.

А эту оперу Эммерика навѣрное всѣ увидятъ.... И такъ, начать можно съ меня.... (*Возвращается на аванъ-сцену, читая рукопись.*) Тутъ есть и стихи....

«Въ тебѣ моя душа, вся жизнь, все бытіе!
«А безъ тебя мнѣ—смерть!... Свиданье — возрожденье!»

Клерамбо (*поднимаетъ упавшую бумажку*).

Да, не дурно!... А вотъ это что: «Ахъ, какъ я радуюсь завтрашнему вечеру, въ оперѣ!»

Алина (*съ безпокойствомъ*).

Мой другъ....

Клерамбо (*Эммерику*).

Извини.... племянникъ. (*Обращаясь къ Алинѣ.*) Что съ тобою, Алина?

Алина (*стараясь прійти въ себя*).

Ничего, папенька!.... Отдайте письмо Эммерику.

Эммерикъ (*въ смущеніи*).

Нѣтъ, Алина, письмо это писано не ко мнѣ....

Алина.

Къ кому же?

Эммерикъ (*запинаясь*).

Къ Баландару.

Гекторъ.

Ко мнѣ!....

Клерамбо (*смѣется*).

А какъ бы насъ убѣдить....

Эммерикъ (*идетъ къ столу, на право*).

Очень легко.... вотъ адресъ... почеркъ одинъ и тотъ же... посмотрите: «Господину Баландару, адвокату, и проч.» — (*Возвращается на прежнее мѣсто.*)

Алина (*радостно*).

Возможно ли?....

Гекторъ (*тихо Эммерику*).

Послушай, что это значитъ?...

Эммерикъ.

Молчи.

Клерамбо (*съ изумленіемъ разсматриваетъ конвертъ вмѣстѣ съ дочерью*).

Точно!... Печать съ гербомъ.... Знатная дама!.... Ну кто бы подумалъ! Гекторъ Баландаръ, котораго я считалъ цѣломудреннѣйшимъ изъ всѣхъ адвокатовъ... первой инстанціи.....

Гекторъ (*удерживаемый Эммерикомъ*).

Что жъ, это не мѣшаетъ....

Клерамбо.

Теперь судите же о другихъ!.... стыдно сударь!

Гекторъ (*становится между Клерамбо и Алиною*).

Выслушайте меня.

Эммерикъ.

Онъ пришелъ посовѣтоваться о ложѣ въ оперу, и узнать, какъ бы достать ее.

—

ЯВЛЕНІЕ III.

Гекторъ, Эммерикъ, Клерамбо, Алина, Оливье.

Оливье.

Спрашиваетъ Г. Клерамбо, и съ дочерью.

Алина.

Кто?

Оливье.

Баринъ лѣтъ сорока; онъ въ вашихъ комнатахъ.

Алина.

Вѣрно, папенька крестный. Онъ обѣщалъ къ намъ прійти....

Клерамбо.

Какъ можно заставлять дожидаться вельможу.... Пера....

Алина.

До скораго свиданія, Эммерикъ!... Прощайте Г. Баландаръ. . . . Не забудьте о ложѣ....

Гекторъ.

Да помилуйте.. .

Клерамбо.

(*Обращаясь къ Эммерику.*)

Ну, что? Не правду ли говорилъ я тебѣ, что въ Парижѣ....!

Алина.

(*Въ глубинѣ театра.*)

А вы остаетесь, папенька?

Клерамбо.

Сію минуту, Алина.... Безнравственность вкралась даже въ приказъ.... Иду, иду... (*Уходитъ съ Алиною.*)

—

ЯВЛЕНІЕ IV.

Эммерикъ, Гекторъ.

Эммерикъ (*удерживая Гектора, который идетъ къ дверямъ*).

Нѣтъ, говорю тебя, оставайся....

Гекторъ.

Я долженъ.....

Эммерикъ.

Къ чему?.... Какое тебѣ дѣло?....

Гекторъ.

Такое, что твой дядя кліентъ богатый

и нравственный, а ты выставилъ меня въ неблагопріятномъ видѣ..... Если черезъ письмо, черезъ побѣду, которую ты мнѣ приписалъ, я лишусь его довѣренности.....

Эммерикъ.

Будь покоенъ!

Гекторъ.

Зачѣмъ же ты, холостой человѣкъ, отрекаешься отъ своего счастіе, и передаешь его мнѣ, человѣку женатому, или почти женатому?....

Эммерикъ.

Зачѣмъ?.... Одна мысль, что Алина могла бы подумать....

Гекторъ (*съ жаромъ*).

Тому, что совершенно справедливо.

Эммерикъ.

Конечно.... Но когда я увидѣлъ, что она блѣднѣетъ, въ смущеніи, я самъ не зналъ, что дѣлалъ и говорилъ.....

Гекторъ.

Стало быть, ты любишь Алину

Эммерикъ.

Помилуй?... Развѣ я могу, развѣ я долженъ думать о томъ?

Гекторъ.

А почему же и не думать?

Эммерикъ.

Дядя мой чрезвычайно богатъ.... а я?....

Гекторъ.

На его сторонѣ богатство, на твоей талантъ: почему жъ этому и не соединиться?

Эммерикъ.

А слышалъ ли ты, что онъ говорилъ здѣсь?... Онъ ненавидитъ искусства и артистовъ!.....

Гекторъ.

За то дочь ихъ любитъ, и его заставитъ полюбить.

Эммерикъ.

Никогда!

Гекторъ.

Она упроситъ его.

Эммерикъ.

Онъ неумолимъ.

Гекторъ.

Ну, такъ упадетъ въ обморокъ, а ты знаешь, что для отца этотъ аргументъ безъ возраженія.

Эммерикъ.

Дѣло, во всякомъ случаѣ, невозможное!... Если бы ты зналъ, если бы я могъ, если бы я смѣлъ сказать тебѣ....

Гекторъ.

Слѣдовательно, есть другія причины?

Эммерикъ.

Да... есть....

Гекторъ.

Съ кѣмъ же и быть тебѣ откровеннымъ, какъ не съ другомъ и адвокатомъ.

Эммерикъ.

Выслушай меня!... Я уѣхалъ изъ Бордо, четыре года назадъ. Кузинѣ моей было тогда лѣтъ тринадцать или четырнадцать. Въ сравненіи со мною, она была ребенокъ. Я пріѣхалъ въ Парижъ, исполненный пылкаго честолюбія, мечтая объ успѣхахъ, славѣ, богатствѣ.... Я не зналъ безчисленныхъ препятствій, которыя останавливаютъ артиста при первомъ вступленіи на избранное имъ поприще. Какимъ образомъ могъ я доказать людямъ, что имѣю дарованія, что во мнѣ горитъ творческій огнь?... Живописцу нужны полотно и кисть; безъ подпоры, безъ покровителя, одинъ, на своемъ чердакѣ, онъ сочиняетъ картину, которую всѣ увидятъ на слѣдующей выставкѣ: «Остановитесь, взгляните; тутъ есть признаки таланта, быть можетъ, даже генія!...» Нельзя и сравнивать судьбу живописца съ судьбою композитора, несчастнаго музыканта, который, одинъ съ своимъ вдохновеніемъ, чувствуетъ въ себѣ мелодическіе звуки, и не можетъ передать ихъ слушателямъ!.... Чтобы обратить на себя вниманіе, онъ не можетъ, какъ живопи-

сецъ, купить полотно и другіе необходимые предметы; ему нуженъ жалкій либретто, или такъ называемая поэма, которой никто не хочетъ писать для неопытнаго композитора; ему нужны театръ, пѣвцы, оркестръ, публика, которой бы онъ сказалъ: «Слушайте!....» Для меня ничего не существовало!... Обольстительныя мечты уступили мѣсто унынію и безнадежности.... Я уже сталъ помышлять о бѣдности, позорѣ и, быть можетъ, о возвращеніи на родину съ прежнею неизвѣстностію.... Я былъ въ отчаяніи, хотѣлъ лучше умереть, нежели ѣхать назадъ въ Бордо!....

Гекторъ.

Ты никогда не говорилъ мнѣ объ этомъ.

Эммерикъ.

Объ успѣхахъ люди говорятъ охотно, но несбывшіяся надежды, оскорбленное самолюбіе стараются скрывать, какъ бы жестоко ни страдали подъ гнетомъ несчастія..... Однажды вечеромъ, я былъ въ богатой гостиной Сенъ-Жрменскаго Предмѣстія, куда открылъ себѣ входъ игрою на фортепіанахъ. Здѣсь, посреди красавицъ, поставленныхъ на первомъ мѣстѣ истинною красотою или модою, я увидѣлъ молодую женщину, которую окружали двадцать поклонниковъ, графы, маркизы..... То была гордая, надменная красавица.... Но гордость возвышала ее; казалось, эта женщина была рождена для того, чтобы повелѣвать.... Всѣ молодые франты, всѣ вельможи, падая ницъ передъ моднымъ идоломъ, вымаливали взгляда, которымъ она никого не награждала!.... Грустное лице мое, вѣроятно, обратило на себя вниманіе красавицы, или, по благородству чувствъ, она догадалась, что надобно помочь несчастному.... Она сѣла возлѣ меня.... Я трепеталъ... До тѣхъ поръ я еще не смѣлъ любоваться вполнѣ ея красотою....

Гекторъ.

Она сѣла возлѣ тебя!... Какое счастіе!

Эммерикъ.

Она не вымолвила еще ни одного слова, а я уже прочиталъ въ ея взорѣ: «Что съ вами?....» Черезъ нѣсколько минутъ, невольно открылъ я свои страданія и отчаяніе.... Слушая меня, она улыбалась тою ангельскою улыбкою, которая сулитъ помощь и покровительство.... Когда я кончилъ, красавица подозвала къ себѣ, движеніемъ опахала, одного изъ тѣхъ, кто, за минуту передъ тѣмъ, былъ въ числѣ ея ревностныхъ поклонниковъ.

Гекторъ.

Вѣрно какого нибудь герцога, маркиза?

Эммерикъ.

Нѣтъ.

Гекторъ.

Министра Внутреннихъ Дѣлъ?

Эммерикъ.

Просто литература, который перомъ умѣлъ создать себѣ независимость, въ чемъ его безпрестанно упрекали! Въ нашъ вѣкъ, когда всѣ мѣтятъ въ геніи, онъ не имѣлъ въ себѣ ничего геніяльнаго; впрочемъ, былъ человѣкъ не глупый, а главное счастливый, потому что, въ продолженіе двадцати лѣтъ, пріобрѣталъ постоянные успѣхи. Вотъ что именно было мнѣ нужно! «Послушайте, сказала ему моя покровительница; вы сей часъ очень мило толковали мнѣ о своей преданности: даю вамъ случай доказать ее на самомъ дѣлѣ. Вотъ молодой композиторъ, вамъ незнакомый.... но я его знаю.... Дайте ему оперу такую, гдѣ бы вы думали не о себѣ, а о немъ.... ему нуженъ успѣхъ.» На другой день, я получилъ поэму, а чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ, пріобрѣлъ имя, славу, деньги и пріятную будущность....

Гекторъ.

Превосходно! Я боготворилъ бы такую женщину!

Эммерикъ.

Неужели я поступилъ иначе? Одна мысль овладѣла мною: вездѣ быть съ этою женщиною, на балахъ, въ концертахъ, я, скры-

вясь въ толпѣ народа, съ упоеніемъ смотрѣть на нее!... Говорятъ, будто любовь воспламеняется въ уединенія.... Нѣтъ, она могущественнѣе въ свѣтѣ, въ роскошныхъ собраніяхъ, при блескѣ люстръ и нарядовъ, въ тѣхъ великолѣпныхъ гостиныхъ, гдѣ наша повелительница является еще прекраснѣе посреди окружающихъ ее поклонниковъ, гдѣ всѣ страсти раздражены препятствіями и принужденіемъ, гдѣ цѣлый вечеръ проходитъ въ ожиданія или обмѣнѣ одного взгляда.... Однимъ словомъ..... благородная женщина, гордая своимъ саномъ и славою, молодая, прекрасная, всѣми любимая, предметъ зависти, наконецъ тронулась моею признательностію, моею любовію, быть можетъ, и славою, которую сама создала!.....

Гекторъ.

И ты не причисляешь себя къ счастливѣйшимъ смертнымъ?

Эммерикъ.

Да, я счастливъ....

Гекторъ.

За такое счастіе я отдалъ бы всѣхъ своихъ кліентовъ, и хорошо понимаю, что тебѣ нечего желать.

Эммерикъ.

Твоя правда! Но когда успокоится бредъ, пройдетъ лихорадочное состояніе—разсудокъ начинаетъ освѣщать ослѣпленные глаза. Обольстительное, сладостное положеніе мало по малу выказывается въ настоящемъ видѣ, положеніемъ ложнымъ, страшнымъ, опаснымъ! Проводить жизнь въ вѣчной скрытности и обманѣ, безпрестанно наблюдать за своими поступками, словами, взглядами; не смѣть никому повѣрить своего счастія или страданій, нарушать семейное спокойствіе, обманывать человѣка, который подаетъ вамъ руку и даже награждаетъ дружбою, вотъ ежедневная жизнь такого человѣка, какъ я!.... И если, въ минуты досады, стыда, раскаянія, чувствуешь въ себѣ довольно мужества, чтобы отказаться отъ счастія, источника столькихъ страданій, если подумаешь о жизни, чуждой волненій, жизни, съ которою неразлучны тишина и спокойствіе, первыя потребности художника; если, наконецъ, станешь мечтать о мирномъ, семейномъ кругѣ—благодарность, долгъ запрещаютъ вамъ подобныя мысли... честный, благородный человѣкъ принадлежитъ вполнѣ той, которая всѣмъ для него пожертвовала.... Тутъ только замѣчаемъ мы, что уже не властны располагать будущностію..... и, какъ бы ни были пріятны узы, которыя насъ удерживаютъ или связываютъ, цѣпи изъ цвѣтовъ — все таки цѣпи!

Гекторъ.

Вѣроятно, ты можешь въ чемъ нибудь упрекнуть ее?

Эммерикъ.

Къ несчастію, ни въ чемъ!... Добра, любезна, предана.... она на все рѣшится для меня.

Гекторъ.

Но въ чемъ нибудь она виновата же?

Эммерикъ.

Виноватъ во всемъ я!... Самая ужасная вина моя, къ которой она, вѣрно, не причастна, и противъ которой нѣтъ ни какихъ средствъ.... я чувствую, что....

Гекторъ.

Не любишь ее!...

Эммерикъ (*съ живостію*).

Не то хотѣлъ я сказать.... Я люблю ее, уважаю, почитаю; желалъ бы найти случай пожертвовать за нее жизнію: тогда бы мы расквитались....

Гекторъ.

Все же это значитъ, что ты не любишь ее.

Эммерикъ.

Я люблю ее меньше, или, вѣрнѣе, люблю иначе, съ тѣхъ поръ, какъ годъ на-

задъ, увидѣлъ, къ своему несчастію, другую....

Гекторъ.

Алину?

Эммерикъ.

Да.... Въ прошедшемъ году, когда Алина, которую я оставилъ ребенкомъ, явилась передо мною, украшенная всѣми прелестями юности; когда я могъ любоваться ея невинностію, ея чистымъ характеромъ, ея дѣтскимъ сердцемъ, я замѣтилъ, что привязанность ея ко мнѣ не измѣнилась, не охладѣла.... Алина видѣла во мнѣ брата, друга, мужа.... (*Съ любовію.*) Я, мужъ Алины!... (*Съ отчаяніемъ.*) А цѣпи, которыхъ я не могу разорвать?...

Гекторъ.

Не можешь?

Эммерикъ.

Потому что не могу быть измѣнникомъ, неблагодарнымъ. Я обязанъ ей всѣмъ; безъ нея я бы не достигъ до цѣли, и за такія благодѣянія, за любовь—отплатить ей низкимъ забвеніемъ.... именно низкимъ, потому что теперь она въ опасности!... Не смотря на величайшую осторожность, которою я старался сопровождать всѣ свои поступки, зависть, ненависть готовы пробудиться; различные слухи уже ходятъ по городу, и даютъ пищу подозрительности; мужъ знаетъ о насмѣшкахъ; онъ сталъ недовѣрчивъ.... Разрывъ откроетъ ему все, потому что въ горести, въ отчаяніи, она не пощадитъ ничего..... Репутація, состояніе, жизнь ея — все погибнетъ?.... Нѣтъ, нѣтъ, судьба моя рѣшена... я не могу поступать иначе; невольно долженъ я на вѣки быть привязаннымъ къ той цѣпи, къ которой жадно стремился, и за которую, можетъ быть, мнѣ еще завидуютъ!....

Гекторъ.

Но если бы можно было найти средство?

Эммерикъ (*съ нетерпѣніемъ.*)

Средствъ нѣтъ ни какихъ! (*Обращается къ вошедшему слугѣ.*) Что тебѣ надобно? Кто тамъ?

—

ЯВЛЕНІЕ V.

Эммерикъ, Оливье, Гекторъ.

Оливье (*въ глубинѣ театра*).

Прикажите принять?

Эммерикъ (*съ нетерпѣніемъ*).

Я не принимаю; мнѣ некогда.

Оливье.

Такъ вотъ карточка....

Эммерикъ.

Дома нѣтъ, и только! (*Оливье кладетъ карточку на столикъ, который на лѣво, и хочетъ удалиться. Гекторъ идетъ черезъ сцену, а Эммерикъ, подойдя къ Оливье, отдаетъ ему запечатанный въ конвертъ билетъ на ложу, который вынулъ изъ кармана.*) Возьми; неси куда слѣдуетъ....

Оливье.

Слушаю-съ....

Гекторъ (*перешелъ въ это время на лѣвую сторону, и взялъ карточку, брошенную слугою на столикъ*).

Графъ де Сенъ-Жеранъ, Перъ Франціи...

Эммерикъ (*съ живостію*).

Графъ де Сенъ-Жеранъ? Что это значитъ? Гдѣ же онъ?

Оливье.

Внизу, у вашего дядюшки.

Эммерикъ.

Проси скорѣе!

(*Слуга уходитъ*

—

ЯВЛЕНІЕ VI.

Гекторъ, Эммерикъ.

Гекторъ (*все еще держитъ карточку.*)

Сенъ-Жеранъ... Перъ.... не родня ли онъ тому страшному моряку, тому отчаянному дуэлисту, который недавно произведенъ въ Контръ-Адмиралы, и который обыкновенно убиваетъ своего противника?....

Эммерикъ (*холодно*).

Онъ самый.

Гекторъ.

И ты хочешь принять его?

Эммерикъ.

Почему же нѣтъ?

Гекторъ.

Да онъ, вѣрно, ужасный человѣкъ.... ругается, пьетъ.... всегда съ трубкою или саблею!... А я человѣкъ мирный или, вѣрнѣе, приказный, люблю только тѣхъ, которые дерутся.... въ Судѣ.

Эммерикъ.

Ты не любишь моряковъ?

Гекторъ.

Боюсь ихъ, особенно этого...

—

ЯВЛЕНІЕ VII.

Гекторъ, Сенъ-Жеранъ, Эммерикъ. Оливье.

Оливье (*докладываетъ*).

Контръ-Адмиралъ, Графъ де Сенъ-Жеранъ.

(*Эммерикъ и Гекторъ идутъ къ Графу на встрѣчу.*)

Сенъ-Жеранъ.

Господа! Не безпокойтесь, сдѣлайте милость. Если вы станете церемониться, я уйду....

Эммерикъ.

Помилуйте, Графъ....

Сенъ-Жеранъ.

Вы хотите заставить меня раскаяться, что я пришелъ утромъ.... за просто.... Я былъ у вашего дядюшки, и, не смотря на то, что могъ прервать какое нибудь образцовое произведеніе, хотѣлъ пожать у друга руку.

Эммерикъ.

Благодарю, Графъ....

Сенъ-Жеранъ.

Вотъ невыгодная сторона таланта и знаменитости: надобро сносить восторги и визиты любителей.

Гекторъ.

Вы, Графъ, любитель?

Сенъ-Жеранъ.

Да, абонированъ въ Италіянской Оперѣ! Какъ страстный дилеттантъ, я боготворилъ Италіянскую музыку. (*Обращается къ Эммерику.*) Вы примирили меня съ Французскою музыкою, которой мнѣ давно хотѣлось послушать.... Я терпѣть не могу шума и грома....

Гекторъ.

Вы не любите?.....

Сенъ-Жеранъ.

Готовъ бѣжать на край свѣта. (*Эммерику.*) Я пришелъ напомнить вамъ объ удовольствіи, которое вы обѣщали мнѣ доставить.... быть на первой репетиціи вашей оперы.

Гекторъ (*съ важностію*).

Я также буду на этой репетиціи.

Сенъ-Жеранъ.

Въ такомъ случаѣ, мнѣ готовится двойное наслажденіе.... Я почту за удоволь-

ствіе сидѣть съ вами рядомъ. Вы, вѣрно, какъ и я, любитель?

Гекторъ.

Нѣтъ, Графъ, я не любитель и не вельможа.

Сенъ-Жеранъ.

Стало быть, еще лучше.... артистъ?

Гекторъ.

Я адвокатъ.

Эммерикъ.

Позвольте, Графъ, рекомендовать вамъ моего лучшаго друга, Гектора Баландара.

Сенъ-Жеранъ.

Адвоката, извѣстнаго честностію и благородствомъ!... Видите, что рекомендація не нужна..... мы уже знакомы... онъ вашъ другъ?

Эммерикъ.

Я поручаю ему всѣ дѣла.

Сенъ-Жеранъ.

Слѣдовательно, я могу поговорить съ вами объ одномъ дѣлѣ въ его присутствіи.

Эммерикъ.

Вы, Графъ, пожаловали ко мнѣ.....

Сенъ-Жеранъ (*улыбаясь*).

На репетицію.... Да, еще по другому дѣлу.... Сядемъ-те.

(*Гекторъ беретъ стулъ и подаетъ его Сенъ-Жерану; Эммерикъ тоже беретъ стулъ, равно какъ и Гекторъ, для себя.*)

Сенъ-Жеранъ (*Гектору, который не садится.*).

Что же вы? садитесь, прошу покорно...

Гекторъ.

Нѣтъ, Графъ.

Сенъ-Жеранъ (*принуждаетъ адвоката сѣсть, и самъ садится.*)

Помилуйте, сдѣлайте одолженіе!...

Гекторъ.

Стою ли я такой чести!... Я имѣю удовольствіе говорить съ Графомъ Сенъ-Жераномъ, Контръ-Адмираломъ?

Сенъ-Жеранъ.

Такъ точно.

Гекторъ.

Съ тѣмъ самымъ, который недавно хотѣлъ взлетѣть на воздухъ съ кораблемъ....

Сенъ-Жеранъ.

Вы не ошиблись....

Гекторъ.

Простите моему невѣжеству.... До сихъ поръ я видѣлъ моряковъ только на сценѣ, и думалъ, что всѣ ихъ разговоры ограничиваются парусами и снастями.

Сенъ-Жеранъ (*улыбаясь*).

Можетъ быть, есть и такіе моряки.... Я, впрочемъ, ихъ не знаю!

Гекторъ.

Вѣрно меня обманули на счетъ васъ, какъ и на счетъ трехъ дуэлей....

Сенъ-Жеранъ.

Дуэли другое дѣло. — Разсказы о нихъ, къ несчастію, справедливы.

Гекторъ.

Какъ? вы, человѣкъ ласковый, вѣжливый....

Сенъ-Жеранъ.

Хочу оправдать себя передъ вами, чтобы вы не имѣли обо мнѣ слишкомъ дурнаго мнѣнія... Я всегда былъ человѣкъ тихій, спокойный, приверженный къ порядку, къ тому же я Перъ Франціи и женатъ.... все это, согласенъ, въ наше время подаетъ поводъ къ насмѣшкамъ. Но я человѣкъ странный еще въ другомъ отношеніи: ни надъ нѣмъ не люблю насмѣхаться, и не люблю также....

Гекторъ.

Понимаю.

Сенъ-Жеранъ.

Въ свободное отъ службы время, я, на сякій случай, не забывалъ шпаги и пи-

столета, но послѣ трехъ несчастныхъ случаевъ....

Гекторъ.

Несчастныхъ для вашихъ противниковъ, которые всѣ трое были убиты на повалъ....

Сенъ-Жеранъ.

Да; насмѣшники зимолкли, я примирился съ цѣлымъ свѣтомъ, и возвратился къ своему природному характеру, имѣя полное право быть человѣкомъ честнымъ и мирнымъ.... Теперь вы знаете мое правило.

Гекторъ.

И не употреблю его во зло, не смотря на то, что оно дѣйствительно.... Однакожъ, вы хотѣли, Графъ, поговорить съ нами о дѣлахъ..... Дѣла — моя сфера!

Эммерикъ.

Признаюсь, я жду съ нетерпѣніемъ.

Сенъ-Жеранъ (*улыбаясь*).

Право?... Такъ приступимъ же къ дѣлу. Вы, любезный Эммерикъ, молодой человѣкъ достойный уваженія: люблю васъ за ваше дарованіе... и еще по другимъ причинамъ. Отецъ вашъ, поступившій на службу изъ купеческаго званія, былъ флотскимъ капитаномъ, а я, младшій сынъ благородной Бретанской фамиліи, мичманомъ.... Въ то время, молодые дворяне, служившіе во флотѣ, должны были отличить себя чѣмъ нибудь, чтобы получить чинъ.... Почтенный вашъ батюшка далъ мнѣ случай отличиться... Онъ полюбилъ меня, всегда выставлялъ впередъ, то есть, возлѣ себя, и, въ послѣдній разъ, я имѣлъ честь быть раненымъ тѣмъ самымъ ядромъ, которое его убило на мѣстѣ.....

Эммерикъ.

Графъ!

Сенъ-Жеранъ.

Вы понимаете, что такія дѣла не забываются, и что есть люди, у которыхъ мы вѣчно въ долгу. Если бы вы пошли по слѣдамъ покойнаго родителя, моя дружба могла бы принести вамъ пользу, но и теперь, на другомъ поприщѣ, я не долженъ забывать васъ.... Къ сожалѣнію, я находился въ дальной экспедиціи, когда вы пріѣхали въ Парижъ.... Черезъ годъ, я попалъ на первое представленіе вашей оперы, и хоть я не принадлежу къ числу забіякъ, но горе было бы тому, кто бы не захотѣлъ кричать браво!... По счастію, всѣ мы дѣйствовали согласно... И такъ, не сдѣлавъ ничего для вашей репутаціи и для вашей славы, я рѣшился устроить ваше счастіе, ваше состояніе.... я хочу женить васъ!

Эммерикъ.

Вы, Графъ?

Гекторъ.

Неужели?

Сенъ-Жеранъ.

Такъ точно!... Артистъ долженъ непремѣнно жениться: его внѣшняя жизнь окружена горестями, скукою, жестокими непріятностями, и онъ погибъ бы совершенно, если бы, у себя въ домѣ, не находилъ вознагражденія за всѣ несчастія, не находилъ любви, семейнаго блага. Артисту ежеминутно нуженъ такой другъ, который бы одушевлялъ его бодрость, утѣшалъ въ горѣ, раздѣлялъ съ нимъ торжество, воспламенялъ его, однимъ словомъ—жена!... Сердце его разтерзано несправедливою, варварскою критикою; въ свѣтѣ, онъ долженъ прикрывать улыбкою внутреннее бѣшенство, удерживать слезы.... Передъ кѣмъ же осмѣлится онъ плакать?.... Передъ женою, которая будетъ плакать съ нимъ вмѣстѣ.....

Эммерикъ.

Все это справедливо.

Сенъ-Жеранъ.

Не такъ ли?

Эммерикъ.

Но при моемъ невѣрномъ положеніи, безъ обезпеченной будущности.....

Сенъ-Жеранъ.

Я не забылъ этого.... Артисты рѣдко наживаютъ состояніе; имъ надобно давать готовое.... богатую наслѣдницу, которая, устраняя всѣ матеріяльныя заботы, даетъ возможность свободно слѣдовать вдохновенію.... Что бы вы сказали, напримѣръ, о единственной дочери богатаго негоціянта изъ Бордо.... вашего дядюшки....

Гекторъ (*вставая*).

Боже мой!...

Эммерикъ (*такъ же*).

Невозможно!....

Сенъ-Жеранъ (*вставая вскорѣ послѣ нихъ*).

До васъ это не касается.... предоставьте все дѣло мнѣ.... Если бы не было никакихъ препятствій, если бы все сладилось легко, я не оказалъ бы услуги, а я хочу чѣмъ нибудь услужить.... Алина моя крестница; мнѣ дорого ея счастіе.... Главное, любите ли вы ее?

Эммерикъ.

Я, Графъ?

Гекторъ (*съ живостію*).

Влюбленъ по уши, просто безъ ума отъ своей кузины... Вотъ, сію минуту, мы говорили о ней... Эммерикъ не смѣлъ даже надѣяться получить руку Алины.

Сенъ-Жеранъ.

Но обѣщаете ли вы мнѣ составить ея счастіе, когда она будетъ вашею женою?

Эммерикъ.

Клянусь честію!...

Сенъ-Жеранъ (*беретъ его за руку*).

Хорошо!... (*Холодно.*) Она ваша!

Эммерикъ и Гекторъ (*вскрикиваютъ*).

Какъ?

Сенъ-Жеранъ.

Я отдаю вамъ Алину!....

Эммерикъ.

Вы, Графъ?...

Сенъ-Жеранъ.

Да, и въ придачу сто тысячъ франковъ... Это на первый случай.... послѣ увидимъ....

Гекторъ.

Позвольте, позвольте.... Я, какъ человѣкъ дѣловой, не оканчиваю дѣлъ съ такою поспѣшностію, и прошу объяснить мнѣ все по порядку.

Сенъ-Жеранъ.

Извольте! Я уже сказалъ вамъ, что люблю крестницу почти столько же, какъ и васъ.... Она иногда писала ко мнѣ.... крестница моя пишетъ очень хорошо.... но объ Эммерикѣ ни слова! Я, однако жъ, догадался — вѣроятно и вы, — что Алина къ нему не равнодушна... Не трудно было, впрочемъ, и догадаться: она заболѣла, въ прошедшемъ году, въ тотъ самый день, когда отецъ ея сталъ говорить ей о желаніи своемъ имѣть зятемъ какого-то богатаго Медокскаго помѣщика... Узнавъ, что они пріѣхали въ Парижъ, я тотчасъ же рѣшился приступить къ дѣлу.

Гекторъ (*потирая руки*).

На абордажъ!... (*въ сторону*) До смерти люблю моряковъ!

Эммерикъ.

Что же отвѣчалъ вамъ дядюшка?

Сенъ-Жеранъ.

Что отвѣчалъ?.... Отказалъ наотрѣзъ!

Эммерикъ.

Боже мой!

Сенъ-Жеранъ.

И даже не совсѣмъ учтиво попросилъ меня, стараго друга, кума, не напоминать ему объ этомъ дѣлѣ.

Гекторъ.

Чортъ побери!... Я бы сей часъ ушелъ....

Сенъ-Жеранъ.

А я остался, и вотъ что отвѣчалъ ему: «Любезный кумъ! Помнишь ли ты тотъ

день, когда Англичане захватили твои три корабля съ товарами, когда торговый домъ Клерамбо готовъ былъ объявить себя банкротомъ, когда, наконецъ, одинъ почтенный негоціянтъ заперся въ кабинетѣ, и хотѣлъ размозжить себѣ голову, чтобы не быть свидѣтелемъ своего позора?.... Въ это время, къ нему постучались въ дверь, и сказали, что три его корабля приведены на рейдъ Капитаномъ Сенъ-Жераномъ..., Какъ теперь вижу почтеннаго негоціянта!... Онъ бросился ко мнѣ въ объятія. «Все мое имущество, говорилъ онъ, принадлежитъ вамъ»..... Въ то время я отказался, а теперь прошу удѣлить мнѣ изъ всего имущества драгоцѣннѣйшую частицу.... дочь! Неужели ты откажешь?...

Эммерикъ и Гекторъ.

Что же онъ?

Сенъ-Жеранъ.

Что? Вѣдь я предъявилъ ему старый вексель, по которому надобно же было наконецъ уплатить.... Старые купцы всегда жестоки, но ни за что не измѣнятъ своей подписи.... Клерамбо передалъ мнѣ дочь, и сказалъ: «Изволь! Вотъ уплата!»

Эммерикъ.

Графъ!... Спаситель мой!...

Сенъ-Жеранъ.

Передалъ, однакожъ, съ двумя условіями.... Не пугайтесь.... Первое условіе — купцы, кромѣ денегъ, имѣютъ свою спѣсь, и хотятъ чтобы зять, человѣкъ безъ состоянія, что нибудь да значилъ.... (*Съ живостію*). Требованіе справедливое, и это наше дѣло! Второе условіе гораздо легче....

Эммерикъ и Гекторъ.

Какое же?

Сенъ-Жеранъ.

«Хоть я и придерживаюсь, сказалъ мнѣ Клерамбо, людей нравственныхъ, однакожъ не простираю своихъ требованій до того, чтобы зять мой былъ образецъ разсудка и мудрости... Я даже прощу ему проказы молодыхъ лѣтъ, проказы мимолетные, которые не имѣютъ завтрашняго дня, и проходятъ безвозвратно.»

Гекторъ.

Единственный отецъ!

Сенъ-Жеранъ.

«Но, заботясь о счастіи дочери, не хочу, чтобы зять мой имѣлъ связь дѣйствительную, серіозную, которая бы могла повредить ему въ будущемъ...»

Эммерикъ (*въ сторону*).

Несчастный!

Сенъ-Жеранъ.

«Вы, другъ его, и будущій зять мой дайте мнѣ слово, что такой опасности нѣтъ, и я соглашусь сію же минуту.»

Эммерикъ.

Что же вы отвѣчали, Графъ?...

Сенъ-Жеранъ (*улыбаясь*).

Я поклялся, что вы не имѣете ни какой подобной связи.... Вы, кажется, встревожены?...

Эммерикъ (*въ волненіи*).

Потому что....

Сенъ-Жеранъ.

Продолжайте....

Гекторъ.

Именно.... онъ давно связанъ узами....

Эммерикъ (*съ живостію Сенъ-Жерану*).

Клянусь, я расторгну ихъ.... Съ нынѣшняго дня, между нами все кончено, и на вѣки....

Гекторъ.

Дѣло! И не трудно!...

Сенъ-Жеранъ (*качая головою*).

Нѣтъ, молодые люди, не такъ легко, какъ вы думаете....

Эммерикъ.

Но если я рѣшился.

Гекторъ.

Если онъ твердо намѣренъ.

Сенъ-Жеранъ.

Это ничего не значитъ.... Честь семейства или мужа, отчаяніе бѣдной женщины, ея любовь, слезы, собственная ваша слабость, тысячи непредвидѣнныхъ обстоятельствъ ежеминутно скрѣпляютъ звенья этой золотой цѣпи, которая мягка какъ свинецъ, когда ее носишь, и превращается въ желѣзную, когда ее хочешь разорвать... Я испыталъ это на себѣ.... Я любилъ также! Неосторожные друзья, желая уничтожить во мнѣ безумную страсть, предложили мнѣ богатую, знатную партію.... обширныя помѣстья въ нашихъ колоніяхъ, дочь маркиза, а что всего лучше, молодую, прекрасную женщину, которая, въ другое время, могла бы воспламенить во мнѣ истинную любовь.... Противу воли подчинивъ себя игу, и долго борясь съ роковою страстію, я оставался безчувственнымъ къ наслажденіямъ брачнаго союза... Я не обращалъ вниманія на жену, пренебрегалъ ею; но жена моя, по счастію, не знала тайны моей холодности, моего равнодушія...Все это можетъ, однако жъ, случиться.... И такъ, вы видите, что тесть вашъ правъ....

Эммерикъ.

Нѣтъ, вы можете сказать ему, что я свободенъ! Сегодня же, кротостію и разсудкомъ, я надѣюсь убѣдить эту женщину....

Гекторъ (*Сенъ-Жерану, который недовѣрчиво покачиваетъ головою*).

Я въ этомъ порукою.... мы вдвоемъ...

Сенъ-Жеранъ.

Втроемъ!...

Эммерикъ (*оборачиваясь*).

Кто тамъ?

ЯВЛЕНІЕ VII.

Гекторъ, Сенъ-Жеранъ, Эммерикъ и Оливье (*который выходитъ изъ задней двери на право, и приближается къ Эммерику*).

Оливье (*въ полголоса*).

Я принесъ, сударь, письмо.

Эммерикъ (*съ живостію*).

Хорошо, хорошо!...

Оливье (*также*).

Отвѣта не нужно.... Васъ ждутъ....

Эммерикъ (*Оливье, который уходитъ*).

Знаю, знаю!...

Сенъ-Жеранъ.

И я знаю....

Гекторъ (*Сенъ-Жерану*).

Письмо отъ извѣстной особы.... Мѣшкать нечего; надобно ѣхать.... не правда ли?

Сенъ-Жеранъ (*беретъ за руку Эммерика, который дрожитъ*).

Вотъ вы и дрожите!... Смѣлѣе!..

Эммерикъ.

Постараюсь!

Гекторъ (*смотритъ на часы*).

А у меня еще есть дѣло въ четвертомъ отдѣленіи.... Надобно отправляться въ Судъ.

Сенъ-Жеранъ.

Не угодно ли, я подвезу васъ.... карета моя здѣсь....

Гекторъ.

Помилуйте, Графъ!.. (*въ сторону*). Карета Пера, Контръ-Адмирала!... Если бы Викторія видѣла, какъ я поѣду....

Сенъ-Жеранъ.

Я давно уважаю васъ, Г. Баландеръ, какъ человѣка и адвоката, и хочу пого-

ворить съ вами о дѣлѣ, собственно своемъ, о значительномъ процессѣ....

Гекторъ.

Готовъ къ вашимъ услугамъ! На всѣхъ парусахъ... иду на непріятеля!

Сенъ-Жеранъ.

И прекрасно!

Гекторъ.

По первой командѣ, или со всѣхъ батарей!

Сенъ-Жеранъ.

Дорогою мы обо всемъ переговоримъ.

Гекторъ (*улыбаясь*).

И такъ, вы хотите взять меня на буксиръ?...

Сенъ-Жеранъ (*беретъ Гектора подъ руку и уводитъ*).

Разумѣется!.. Я поѣду потомъ въ Люксанбурскій Дворецъ, въ Палату Перовъ.

Эммерикъ (*беретъ шляпу*)

А я иду къ ней...

ДѢЙСТВІЕ ВТОРОЕ.

Театръ представляетъ богатую гостиную Жанъ-Жерменскаго предмѣстья. Въ глубинѣ театра и по бокамъ двери. По обѣимъ сторонамъ столы.

ЯВЛЕНІЕ I.

Луиза *сидитъ на лѣво, у стола, держитъ въ рукахъ вышиванье, но не работаетъ*. Сенъ-Жеранъ *входитъ изъ задней двери*.

Луиза (*оборачиваясь*).

Какъ рано! А рѣчь, которую вы хотѣли говорить въ Палатѣ Перовъ?...

Сенъ-Жеранъ.

Засѣданіе отложено... Я узналъ о томъ въ Судѣ...

Луиза.

Вы были въ Судѣ?

Сенъ-Жеранъ.

Что же дѣлать, когда связался съ процессами и адвокатами... а у меня есть отличный...

Луиза.

Процессъ?

Сенъ-Жеранъ.

Нѣтъ, адвокатъ.

Луиза.

Все рано!

Сенъ-Жеранъ.

Я объяснилъ ему дорогою дѣло по наслѣдству вашего дядюшки...

Луиза.

Объясненіе довольно трудное!

Сенъ-Жеранъ.

Правда! Онъ, однако жъ, тотчасъ понялъ меня, и лучше нежели я самъ понимаю дѣло... Человѣкъ опытный! Онъ зайдетъ къ намъ изъ Суда, куда я отвезъ его.... Я было хотѣлъ ѣхать въ Люксанбуръ, но встрѣтилъ въ галереѣ Виконта де Боже....

Луиза.

У Виконта тоже процессъ?

Сенъ-Жеранъ.

Да, съ женою о разводной!... Онъ только что выигралъ дѣло.... Виконтъ сказалъ мнѣ, что засѣданіе отложено, и что онъ не услышитъ моей рѣчи.... Для него сегодня радостный день....

Луиза.

А васъ, Графъ, опечалило извѣстіе объ отсрочкѣ засѣданія?...

Сенъ-Жеранъ.

Нѣтъ, нисколько.... потому что застаю васъ на единѣ, а это такъ рѣдко....

Луиза.

И къ тому же прескучно!

Сенъ-Жеранъ (*беретъ стулъ и садится возлѣ Луизы*).

Напротивъ!... Вмѣсто того, чтобы говорить рѣчь, я буду теперь слушать: это гораздо пріятнѣе.

Луиза (*оборачивается къ Графу*).

Знаете ли, Графъ, что вы дѣлаетесь очень милы и любезны!...

Сенъ-Жеранъ.

А знаете ли, Графиня, съ котораго времени?

Луиза.

Я не помню чиселъ...

Сенъ-Жеранъ.

То есть, вы не замѣтили... Кажется, съ тѣхъ поръ, какъ вы стали кокеткою!... Вы удивляетесь?...

Луиза.

Нисколько! По счастію, кокетство всегда влечетъ за собою такія послѣдствія... Въ первые три года замужства, я жила въ совершенномъ уединеніи, никого не видала, тщетно ожидала мужа, который обо мнѣ не думалъ, увлеченный большими прелестями...

Сенъ-Жеранъ.

Что вы хотите сказать, Графиня?

Луиза (*иронически*).

Прелестями славы! Въ то время, когда я была въ пренебреженіи, забыта, заживо похоронена въ двадцать лѣтъ, никто не нарушалъ молчанія и спокойствія моей могилы... я хотѣла сказать, моего дома... И вы, Графъ, какъ весь свѣтъ, не заботились даже о моемъ существованіи. Но теперь, когда доказано, что я существую, когда свѣтъ ухаживаетъ за мною, когда меня окружаютъ поклонники, когда я рѣшилась обратить на себя вниманіе, не по внутренней наклонности, но единственно отъ утомительнаго бездѣйствія, теперь и вы, Графъ, пробудились отъ шума, который не умолкаетъ вокругъ меня... Отъ нетерпѣнія, или изъ любопытства, вы взглянули на ту, на которую всѣ смотрѣли, и — что жъ это ваша жена!... Встрѣча неожиданная! Для насъ обоихъ она было какимъ-то очарованіемъ, особенно для меня... потому что я не могла оставаться равнодушною къ такой трогательной случайности!

Сенъ-Жеранъ.

Смѣйтесь, Графиня, надо мною!... Вы совершенно правы! Но, могло ли быть иначе?... Всю мою жизнь поглощали помыслы о честолюбіи, славѣ, богатствѣ....

Луиза.

Можетъ быть, и еще о чемъ нибудь?

Сенъ-Жеранъ.

Можетъ быть!... Но время, размышленіе, когда, два года назадъ, я получилъ рану, отъ которой едва не умеръ.... Я былъ вполнѣ увѣренъ въ смерти своей, такъ какъ въ журналахъ даже напечатали заранѣе....

Луиза.

Да, я помню.

Сенъ-Жеранъ.

Тогда же далъ я себѣ обѣтъ, когда нибудь сознаться во всѣхъ своихъ проступкахъ... недостаткахъ... заблужденіяхъ.

Луиза (*улыбаясь*).

Когда нибудь?... Когда впереди будетъ много времени!...

Сенъ-Жеранъ (*улыбаясь.*)

Разумѣется, чтобы можно было поговорить и о вашихъ недостаткахъ...

Луиза.

Стало быть, у меня есть....

Сенъ-Жеранъ (*покачивая головою*).

Кажется....

Луиза (*съ живостію*).

Какіе же именно? Говорите.... (*Видя, что Графъ колеблется*). Назовите хоть одинъ!

Сенъ-Жеранъ.

Вы поставляете меня въ затруднительное положеніе....

Луиза (*съ торжествомъ*).

Вотъ видите!...

Сенъ-Жеранъ (*улыбаясь*).

Я не знаю, съ чего начать....

Луиза.

Что это значитъ, Графъ!

Сенъ-Жеранъ.

Во-первыхъ: вы горды.... Впрочемъ, гордость очень идетъ къ вамъ.... и вы имѣете столько правъ на это, что никто не осмѣлится упрекать васъ.... Во-вторыхъ....

Луиза.

Есть еще и во вторыхъ!...

Сенъ-Жеранъ.

Непремѣнно!... Вы легко прощаете обиду... И тутъ не можетъ быть упрека: я, на вашемъ мѣстѣ, поступалъ бы точно такъ же..... Проступки тѣхъ, кого я люблю, быть можетъ, нашли бы во мнѣ судію строгаго, неумолимаго; но если бы я зналъ эти проступки, или подозрѣвалъ въ нихъ, то желалъ бы откровеннаго въ нихъ сознанія.... Откровенность — главное дѣло!... А мнѣ кажется.... и вотъ мой главный упрекъ... что вы иногда не откровенны....

Луиза (*вставая*).

Полноте, сударь, я сейчасъ вамъ хотѣла сказать....

Сенъ-Жеранъ.

Что такое?

Луиза.

То, въ чемъ двадцать разъ я хотѣла вамъ признаться, и даже теперь....

Сенъ-Жеранъ.

Вы не смѣете договорить.... Мнѣ кажется, вы дрожите?....

Луиза.

Ошибаетесь, Графъ!... Но вы не знаете, какую благородную любовь питала я къ вамъ!... Когда мнѣ, восемнадцатилѣтней дѣвицѣ, предложили жениха безъ состоянія, вдвое старше меня, всѣ думали, что я откажусь.... А я согласилась, потому что женихъ мой былъ человѣкъ съ достоинствами, съ душею, вся жизнь котораго мнѣ была извѣстна.... Да, Графъ, я, лучше нежели вы сами, могла бы исчислить всѣ сраженія, въ которыхъ вы участвовали, всѣ ваши подвиги, ваши раны.... Я почитала себя счастливою, что могу обогатить того, кто приносилъ мнѣ славу... я гордилась вами, гордилась вашимъ именемъ, а въ мои лѣта, такое чувство легко могло бы превратиться въ любовь. Вамъ стоило небольшаго труда пріобрѣсти сердце, которое стремилось къ вашему сердцу.... но вы не хотѣли... Не знаю, что тогда поставило между нами преграду....

Сенъ-Жеранъ (*въ смущеніи*).

И до сихъ поръ вы никогда не жаловались мнѣ!...

Луиза.

Помилуйте! Что въ жалобахъ, упрекахъ, ревности?... Вы сами признаете во мнѣ нѣкоторую гордость.... Я молчала.... Самолюбіе, гордость, въ которой вы меня сей часъ упрекали, ободряли меня къ борьбѣ и побѣдѣ; а когда, въ послѣдствіи, вы обратили на меня вниманіе, новое, сильнѣйшее препятствіе разлучало насъ: воспоминаніе о прошедшемъ и мое равнодушіе.... Теперь, можете ли еще обвинять меня въ недостаткѣ откровенности?...

Сенъ-Жеранъ (*откровенно*).

Нѣтъ, Графиня. Вы правы, и вашъ разсказъ не только не лишилъ меня надежды и мужества, но, напротивъ того, утвердилъ во мнѣ одно желаніе.... загладить прежніе проступки, и заботливостію, любовію, ежеминутнымъ самоотверженіемъ, снова пріобрѣсти сердце, котораго я ли-

шился... или, покрайней мѣрѣ, попытаться въ томъ. Этого вы не можете запретить мнѣ....

Луиза.

Конечно, не могу.

Сенъ-Жеранъ.

Я, хоть и мужъ вашъ, но могу, какъ и всѣ, стараться нравиться вамъ..... Оно гораздо труднѣе, слѣдовательно, и принесетъ мнѣ больше чести.... Къ несчастію, теперь у меня нѣтъ ни времени, ни случая: черезъ нѣсколько дней, я долженъ, по порученію начальства, выйти въ море, къ Антильскимъ Островамъ.

Луиза (*съ живостію*).

Вы уѣзжаете?

Сенъ-Жеранъ.

И нахожу прекрасный случай познакомиться съ вашими помѣстьями на Мартиникѣ, гдѣ васъ давно ожидаютъ, и гдѣ, по дѣлу о наслѣдствѣ, можетъ быть, потребуется ваше присутствіе. Я не говорю вамъ объ удовольствіи видѣть васъ на моемъ кораблѣ, на которомъ вы повелѣвали бы неограниченно.... Чтобы рѣшиться на такое путешествіе, должно бы любить... а вы, Графиня....

Луиза.

Я.... не люблю моря... вы это знаете!

Сенъ-Жеранъ.

Благодаренъ и за такой отвѣтъ!... Но, нѣтъ ли другой причины, которая бы васъ удерживала въ Парижѣ?...

Луиза (*встревоженная*).

Что вы хотите сказать?

Сенъ-Жеранъ.

Простите и меня за мою откровенность.... Желаніе нравиться и блистать, въ чемъ вы даже не запираетесь, влечетъ за вами толпу поклонниковъ, которыхъ вы отъ себя не удаляете. Я знаю васъ, Луиза, и никогда дѣйствительное подозрѣніе не западало въ мою душу... Но ваша молодость, мои частыя отлучки, ваше положеніе, успѣхи въ свѣтѣ, могли пробудить зависть или оскорбить людское тщеславіе!.... Какъ легко пустому франту запятнать имя чистѣйшей женщины!.... Мнѣ показалось, что двѣ или три старухи уже обращались ко мнѣ съ намеками и съ насмѣшками... я началъ наблюдать, и мнѣ показалось....

Луиза.

Что такое?...

Сенъ-Жеранъ.

Вы встревожены?

Луиза.

Не встревожена, но мнѣ хочется знать..

Сенъ-Жеранъ.

Что я замѣтилъ!... Мнѣ показалось, что вашъ двоюродный братецъ, Виконтъ де Ланжакъ....

Луиза (*смѣется*).

Виконтъ де Ланжакъ!...

Сенъ-Жеранъ.

Этотъ франтъ Среднихъ Вѣковъ, который стыдится нашего столѣтія, и за котораго краснѣетъ наше столѣтіе, этотъ конюхъ-дворянинъ, который гонится на Марсовомъ Полѣ изъ-за пустяковъ....

Луиза (*смѣется*).

И выигрываетъ на всѣхъ скачкахъ...

Сенъ-Жеранъ.

Вы должны сознаться, что онъ всюду слѣдуетъ, за вами открыто волочится.... И еще вчера....

Луиза.

Правда!... но я не могу ему запретить любить меня....

Сенъ-Жеранъ.

А я могу запретить ему вамъ о томъ говорить, признаваться въ любви.... и если онъ осмѣлится....

Луиза.

Что же вы сдѣлаете?

Сенъ-Жеранъ (*хладнокровно*).

Что сдѣлаю?... Лишу его возможности волочиться за кѣмъ бы то не было!

Луиза (*холодно*).

Пойдите!

Сенъ-Жеранъ (*холодно*).

Честное слово!

Луиза.

Не можетъ быть!...

Сенъ-Жеранъ.

Онъ глупый мальчишка!

Луиза (*смѣется*).

За это нельзя же убивать людей!... Вамъ пришлось бы тогда вѣчно держать въ рукѣ шпагу!... Для вашей же пользы, прошу васъ...

Сенъ-Жеранъ.

Такъ и быть.... изъ угожденія вамъ.... Но и я, съ своей стороны, попрошу у васъ услуги....

Луиза (*съ живостію*).

Съ большимъ удовольствіемъ, если могу...

Сенъ-Жеранъ.

Я долженъ поговорить съ вами о сынѣ стараго моего друга, Эммерикѣ д'Альбре, молодомъ человѣкѣ съ величайшимъ дарованіями, котораго люблю, и котораго, можетъ быть именно по этому, не любите вы.

Луиза.

Помилуйте!

Сенъ-Жеранъ.

По крайней мѣрѣ, не смотря на всѣ мои старанія, онъ бываетъ у насъ рѣдко... на его мѣстѣ, я поступалъ бы точно такъ же.... вы его принимаете ужасно холодно... Конечно это сообразно съ свѣтскими правилами, но не такъ должно принимать артиста: они дорожатъ не вечерами, не пышными обѣдами, но открытымъ, радушнымъ пріемомъ... Впрочемъ, съ Эммерикомъ я не считаюсь визитами: когда онъ не навѣщаетъ меня, я самъ отправляюсь къ нему... Я только что былъ у него.

Луиза.

Вы?...

Сенъ-Жеранъ.

У него-то я и встрѣтилъ образцоваго адвоката, удивительнаго практика, о которомъ я вамъ говорилъ... Гектора Баландара...

Луиза (*въ волненіи*).

Баландара.

Сенъ-Жеранъ.

Вы его знаете?

Луиза.

Нисколько... но я читала его фамилію...

Сенъ-Жеранъ.

Вѣрно, въ журналахъ, въ аукціонныхъ продажахъ. Мы съ Баландаромъ придумали для друга нашего, Эммерика, отличное дѣло... Я разскажу вамъ, когда оно будетъ рѣшено... оно еще не кончено, а до тѣхъ поръ лучше молчать... Между тѣмъ, д'Альбре написалъ оперу, которая ставитъ его въ главѣ Французской Школы, и отечество должно вознаградить его...

Луиза.

Такъ что жъ?

Сенъ-Жеранъ.

Я могъ бы ходатайствовать за него у Министра, вашего дяди, но при сужденіи о послѣднемъ проектѣ закона, я говорилъ....

Луиза.

Противъ него.

Сенъ-Жеранъ.

Нѣтъ, за него... и мое ходатайство походило бы на просьбу, тогда какъ вы, племянница его...

Луиза.

Вы хотите, чтобы я...

Сенъ-Жеранъ.

Для меня было бы это гораздо пріятнѣе; но если вамъ не угодно...

Луиза.

Мнѣ, ничего... и для васъ, Графъ?...

Слуга (*докладываетъ*).

Г. Эммерикъ д'Альбре.

Сенъ-Жеранъ.

Проси!

—

ЯВЛЕНІЕ II.

Луиза, Эммерикъ, Сенъ-Жеранъ.

Эммерикъ (*почтительно подходитъ къ Луизѣ, и кланяется*).

Ваша здоровье, Графиня?

Луиза (*отдаетъ поклонъ, и отвѣчаетъ холодно*).

Покорно Благодарю... (*Садится на лево за пяльцы*). Вамъ нужно говорить съ Графомъ о дѣлахъ... я вамъ не помѣшаю...

Сенъ-Жеранъ (*отходитъ Эммерика на право, и говоритъ ему въ полголоса*).

Вѣрно, вамъ есть что поразсказать мнѣ... Вы отъ нея?

Эммерикъ (*встревоженный*).

То есть...

Сенъ-Жеранъ.

А обѣщаніе-то ваше?

Эммерикъ.

Я исполнилъ его... и, признаюсь, не безъ труда.... Но говорить не могъ ни о чемъ... Я засталъ тамъ неожиданныхъ гостей.

Сенъ-Жеранъ (*смѣется*).

И обрадовались тому.

Эммерикъ (*простодушно*).

Конечно! Все, что можетъ замедлить такое объясненіе...

Сенъ-Жеранъ.

Видите ли, что говорилъ я вамъ?.... Не всегда можно расторгнуть такую связь...

Эммерикъ.

Клянусь вамъ, что исполню обѣщаніе.

Сенъ-Жеранъ.

Такъ надобно воротиться, объяснить все дѣло... Чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше...

Эммерикъ.

Ваша правда!

Сенъ-Жеранъ.

Прекрасно. Мы еще увидимся сегодня, когда все будетъ кончено?...

Эммерикъ.

По позже, вечеркомъ... надѣюсь...

Сенъ-Жеранъ.

Я жду друга вашего, Баландара: онъ обѣщалъ зайти ко мнѣ послѣ присутствія.... Надобно приготовить всѣ бумаги по процессу... Вы позволите?...

Эммерикъ (*кланяется*).

Помилуйте, Графъ!...

Сенъ-Жеранъ (*подаетъ ему руку*).

И такъ, до скораго свиданія!...

(*Уходитъ въ заднюю дверь*).

—

ЯВЛЕНІЕ III.

Луиза, Эммерикъ.

Эммерикъ (*послѣ нѣкотораго раздумья, подходитъ къ Луизѣ, которая все еще занимается вышиваньемъ.*)

Вы получили, Графиня, билетъ на ложу въ оперу, который я имѣлъ честь послать къ вамъ?

Луиза (*улыбаясь*).

Да.... я имѣла эту честь.... прелест-

нѣйшая ложа.... въ бель-этажѣ, между колоннами.... та самая, которую я желала имѣть..... Сколько хлопотъ причинила я вамъ... какая же я эгоистка.... я думала только о себѣ самой.... объ удовольствіи провести цѣлый вечеръ.... съ вами и подлѣ васъ.

Эммерикъ (*въ замѣшательствѣ*).

Конечно.... но вокругъ васъ всегда бываетъ столько...

Луиза (*весело и вставая*).

Мы будемъ не на единѣ, что дѣлать и мнѣ едва удастся взглянуть на васъ, едва удастся сказать вамъ нѣсколько словъ, но я буду знать, что вы близъ меня, позади моего кресла.... (*Съ живостію.*) Не безпокойтесь: я не обернусь.... но если бы мнѣ вздумалось.... отъ меня бы зависѣло, и это очень много.... А удовольствіе блистать въ вашихъ глазахъ..... Я буду прекрасна, и всѣ будутъ смотрѣть на меня. (*Съ живостію*) Я на это не буду обращать вниманія, увѣряю васъ, но вы, надѣюсь, замѣтите это.... А спектакль, каковъ бы онъ ни былъ, покажется мнѣ — заранѣе даю вамъ слово — восхитительнымъ!

Эммерикъ.

Право, не знаю какъ сказать вамъ....

Луиза.

Что такое?

Эммерикъ.

Что я не могу ѣхать завтра.... вмѣстѣ съ вами въ театрѣ.

Луиза.

Бож мой, уже не горе ли? не случилось съ вами какого нибудь несчастія?... Быть не можетъ! Васъ вѣрно задерживаютъ дѣла... тѣ самыя, о которыхъ мнѣ только что говорили... Да? Если такъ, займитесь ими... займитесь непремѣнно; я не поѣду въ театръ.... найду предлогъ... откажусь отъ этого удовольствія... Да и что за удовольствіе для меня, если не будетъ васъ!... Но вѣдь дѣла не помѣшаютъ вамъ у насъ сегодня обѣдать и провести вечеръ?... И такъ, прошу васъ?

Эммерикъ.

Меня!....

Луиза.

Да, я могу.... я имѣю право пригласить васъ... Меня уже упрекали за то, что я никогда не приглашаю васъ..... Но я все не смѣла.... не могла рѣшиться... у меня столько причинъ....

Эммерикъ.

Знаю....

Луиза.

Столько причинъ страшиться.... всѣ наблюдаютъ за нами, и какъ будто, угадываютъ.... ревность соперниковъ начинаютъ пробуждаться....

Эммерикъ (*съ живостію.*)

Да, точно.....

Луиза.

Есть и другія гораздо бо́льшія опасности, другіе упреки, другія страданія... мои собственныя.... Я вамъ не говорю о нихъ! Но черезъ нѣсколько дней все измѣнится къ лучшему: мы будемъ свободны, спокойны... потому что *онъ* уѣзжаетъ... *онъ* самъ сказывалъ мнѣ объ этомъ. — (*Съ живостію.*) Вы и не знаете, что меня хотѣли везти съ собою! Мнѣ!... покинуть Парижъ!... покинуть васъ!... Никогда!...

Эммерикъ (*въ сторону*).

Боже!

Луиза.

Впрочемъ, сегодня за обѣдомъ, или вечеромъ, вамъ, навѣрное, скажутъ о томъ.

Эммерикъ.

Нѣтъ, Луиза..... Я къ вамъ не пріѣду.

Луиза (*съ удивленіемъ*).

Какъ? Ни сегодня, ни завтра?

Эммерикъ.

Ни завтра.

Луиза.

Такъ когда же, мой другъ, когда же?

Эммерикъ.

Никогда! Я не долженъ васъ видѣть!...

Луиза.

Невозможно!... Я ослышалась; вы ли это сказали!

Эммерикъ.

Нѣтъ.... это голосъ сильнѣе моего.... голосъ чести и благодарности. Для меня, есть въ жизни страданія тяжелѣе самыхъ угрызеній совѣсти!... благодѣянія, противъ которыхъ я борюсь тщетно! дружба, которая тяготѣетъ надо мною и подавляетъ меня!.... Дружба вашего мужа!... Я ему слишкомъ много обязанъ!

Луиза.

А мнѣ, сударь, мнѣ, развѣ вы не обязаны ни чѣмъ?... Развѣ вы думаете, что упреки, подобные вашимъ, въ первый разъ доходятъ до души моей?.. Развѣ вы думаете, что мнѣ не такъ же тяжелы какъ вамъ, измѣна и притворство? Знайте же, что за минуту до вашего прихода, тронувшись его откровенностью, его благороднымъ сердцемъ, я хотѣла признаться ему во всемъ!!...

Эммерикъ.

Боже!

Луиза.

Я подумала о васъ и остановилась... Да, сударь, мнѣ стало страшно за васъ.... за васъ однихъ! Себя я бы спасла: я спросила бы у него, не имѣю ли я права отмстить ему за то, что онъ мною пожертвовалъ, пожертвовалъ почти тотчасъ послѣ свадьбы, — для другой..... Безмолвно перенесла я это оскорбленіе... У меня есть письма.... я берегу ихъ... Это моя защита, мое оправданіе— если еще есть для меня въ свѣтѣ оправданіе!

Эммерикъ.

Полно-те, Граѳиня!

Луиза.

Нѣтъ... нѣтъ... я не обманываю себя!... Быть можетъ, я не преступна въ его глазахъ, но преступна сама предъ собою; вы знаете, однако жъ, какъ я долго противилась склонности, которая увлекала меня. Я даже восторжествовала бы надъ ней, если бъ меня не обмануло роковое извѣстіе.... Я сочла себя свободною! Но тогда, не смотря на разстояніе, которое, по мнѣнію свѣта, находилось между вами и мной, я предложила вамъ мое состояніе, мою руку, я васъ любила; и когда извѣстіе объ этой смерти, разнесшееся ложно.... наконецъ были опровергнуто.... любовь, которую я считала благородною и законною, превратилось въ вѣроломство.... я была преступна.... не имѣла права васъ любить.... когда именно полюбила васъ еще пламеннѣе прежняго.... полюбила навсегда!...

Эммерикъ.

О, не васъ, а меня должно обвинять: преступенъ я одинъ!

Луиза.

Тѣмъ съ большею радостію прощу я васъ!... и ежели нѣтъ другихъ причинъ.

Эммерикъ.

Есть..... онѣ касаются собственно до меня... зависятъ отъ меня самого.... отъ моей воли....

Луиза.

Такъ вы покидаете меня добровольно?... Невозможно!... Вы обманываете меня!..., Вы отворачиваетесь.... Боже мой! Неужели онъ можетъ ревновать къ Ланжаку!...

Эммерикъ (*съ живостію*).

Ланжакъ!

Луиза (*радостно*).

Ревнивъ!.... Онъ ревнивъ!... Прекрасно!

Я этого не ожидала, и страшилась, что вы вовсе не ревнивы; какъ же я ошиблась.... А еще сегодня, утромъ, думала я: онъ даже не замѣтилъ.... между тѣмъ, какъ другой.... Признаюсь съ нѣкотораго времени, я замѣчала, что вы холодны ко мнѣ.... равнодушны..,. по крайней мѣрѣ, я страшилась этого.... вѣдь когда любишь, боишься всего! И вотъ я, чтобы помучить васъ, чтобы заставить васъ ревновать, начала кокетничать съ досады, или лучше сказать изъ любви..... Конечно, это дурно.... Сознаюсь въ томъ, каюсь.... Но я наказана за это и только вчера замѣтила всю вину свою: этотъ фанфаронъ, котораго одобряла я только молчаніемъ, осмѣлиться, помогая мнѣ садиться въ карету, подать мнѣ записочку.

Эммерикъ (*гнѣвно*).

Возможно ли?

Луиза (*съ живостію*).

Я бросила бы ее передъ нимъ же.... разорвала бы ее въ глазахъ его, если бъ не былъ тутъ же Г. де Сенъ-Жерана.... Вѣдь вы знаете его: Виконтъ погибъ бы.... и, противу воли, я была принуждена....

Эммерикъ.

Вы сохранили эту записку?

Луиза.

Да, чтобы отдать ее вамъ.... чтобы показать вамъ.... она тамъ, въ моемъ бюро.... вы увидите сами....

Эммерикъ.

Не безпокойтесь.... сударыня!

Луиза (*съ живостію*).

И притомъ я еще забыла — признаюсь вамъ во всемъ — забыла, что вчера вечеромъ Виконтъ умолялъ меня позволить ему быть въ моей ложѣ.

Эммерикъ.

Вы позволили ему?

Луиза (*нѣжно.*)

Нѣтъ, отказала.... въ душѣ моей была надежда, что вы будете.... что я проведу этотъ вечеръ съ вами.—Теперь, когда я такъ покорно и съ такимъ раскаяніемъ созналась вамъ во всемъ,— скажите,— неужели не разсѣется и вашъ страшный гнѣвъ? Неужели не заслуживаетъ снисхожденія это мѣсто, которое я отстояла для васъ съ такимъ трудомъ?

Эммерикъ (*въ волненіи*).

Луиза!

Луиза (*ласково*).

Вы пріѣдете, не правда ли?....Зачѣмъ же еще отказываться?...

Эммерикъ.

За тѣмъ, что я долженъ.... за тѣмъ, что противъ моей воли.... я едва не забылъ принятаго много рѣшенія... и что...

Луиза (*сурово*).

И что... досада или самолюбіе не позволяютъ вамъ уступить..... Стыдно, сударь.... очень стыдно! Передъ тѣмъ, кого любишь, не должно ни гордиться, ни быть тщеславнымъ. — Вамъ не угодно было исполнить просьбъ моихъ, такъ я стану приказывать: вы завтра будете у меня въ ложѣ, въ оперѣ, если вы любите меня.... если жъ вы не пріѣдете—мы не увидимся никогда!

(*Она уходитъ въ тѣ двери, которыя налѣво.*)

—

ЯВЛЕНІЕ IV.

Эммерикъ (*одинъ*).

Нѣтъ!... нѣтъ!... У меня никогда не достанетъ на это силъ! И покамѣстъ я буду видѣть ее... покамѣстъ буду слышать звукъ ея голоса, чтобъ ни говорили, у меня не достанетъ силъ сказать ей, что я вѣроломенъ и неблагодаренъ. (*Онъ кладетъ шляпу на столъ, находящійся на лѣвой сторонѣ сцены.*) Если у меня не достаетъ смѣлости все высказать, надобно, по крайней мѣрѣ, удалиться въ безмолвіи.... Такъ какъ она сама предлагаетъ мнѣ средство къ разрыву.... я воспользуюсь

пользуюсь имъ... и завтра не поѣду.... нѣтъ, не поѣду въ оперу! Клянусь, что не поѣду!... Она пойметъ меня, и все кончится безъ шума, безъ объясненій!

—

ЯВЛЕНІЕ V.

Эммерикъ, Гекторъ (*входитъ въ среднюю дверь.*)

Эммерикъ.

А, это ты?

Гекторъ.

Да, мой другъ, я: совѣтникъ и повѣренный Г. де Сенъ-Жерана.... кліентъ чудесный, котораго ты доставилъ мнѣ!... Я нарочно пріѣхалъ сюда, чтобы потолковать съ нимъ о процессѣ... Который, просто, стоялъ въ дрейфѣ; но, при моей помощи,... мы выберемся въ открытое море и будемъ такъ лавировать....

Эммерикъ.

Однако, берегись.... тебя можно принять за моряка!

Гекторъ.

Твоя правда! но я всегда совершенно *сродняюсь* съ моими кліентами.... А ты зачѣмъ здѣсь? Тоже по тому дѣлу..... по твоему?

Эммерикъ.

Да.

Гекторъ (*съ живостію и въ полголоса*). Разсказывай же.... ты былъ у нея?

Эммерикъ.

Да.... я только что пріѣхалъ съ другаго конца Парижа.

Гекторъ.

Ну?

Эммерикъ.

Все кончено..... то есть расторгнуто.... или, по крайней мѣрѣ, можно сказать...

Гекторъ.

Славно! А Сенъ-Жеранъ увѣрялъ, что никакъ отъ этого не отвяжешься. Поздравляю и тебя и себя.

Эммерикъ.

Это почему?

Гекторъ.

Потому.... что чуть не попался въ просакъ еще разъ!.... Утромъ, я еще не зналъ о послѣдствіяхъ дружбы съ тобою!... такая дружба черезъ чуръ опасна.... Кстати: я только что былъ у твоего дядюшки... онъ тебя ждетъ.

Эммерикъ.

Знаю. Я обѣщалъ выѣхать съ нимъ и съ Алиною.

Гекторъ.

Но угадай, кого встрѣтилъ я у него?.. съ кѣмъ разговаривала дочь его?... съ Викторіей Жиро!

Эммерикъ.

Твоей невѣстой?

Гекторъ.

Она знакома съ его дочерью..... Г. Жиро торгуетъ винами и при ежегодной покупкѣ Медока и Сентъ-Эмиліона, часто возилъ съ собою въ Бордо свою дочь, къ дядѣ твоему Клерамбо, своему корреспонденту... тамъ онѣ и подружились.

Эммерикъ.

Такъ чтожъ въ томъ за бѣда?

Гекторъ.

Какъ, ты не догадываешься? Алина разсказала ей вѣрно все?... Всѣ молоденькія дѣвушки страхъ какъ болтливы! Она разсказала ей о моей небывалой побѣдѣ, которую ты приписалъ мнѣ... о письмѣ... о страсти... которымъ я, между тѣмъ, служу только прикрытіемъ...

Эммерикъ (*стараясь успокоить его*). Можетъ быть, другъ мой!....

Гекторъ.

Тутъ нѣтъ ни какого: можетъ быть!... Я увѣренъ въ томъ, потому, что когда я выходилъ изъ кабинета твоего дяди, Викторія сказала мнѣ: «Такъ вотъ какъ, Г. Гекторъ Баландаръ нынѣ изволитъ плѣнять знатныхъ дамъ.... переписываетс

съ графинями, съ баронессами.» Видишь ли, что ты надѣлалъ!.... Я началъ было отнѣкиваться, не выдавая тебя, но такъ не ловко, что слова мои сочли за скромность.... Право, теперь намъ не повѣрятъ, хоть бы мы сказали сущую истину.

Эммерикъ.

Такъ чтожъ: не будемъ ничего говорить.

Гекторъ.

Ничего не говорить!... А свадьба-то моя? Вѣдь она разстроится!... я погибъ!...

Эммерикъ.

Дай мнѣ только нѣсколько дней сроку, и я оправдаю тебя передъ Жиро; я представлю такія доказательства, которымъ нельзя будетъ не повѣрить!...

Гекторъ.

Сдѣлай милость!.... У Викторіи чудесные, черные глаза.... какъ у настоящей Испанки, хоть она и родилась въ Берси.... Сверхъ того у нея двѣсти тысячъ франковъ приданаго.... и когда влюбленъ....

Эммерикъ (*улыбаясь*).

Въ приданое?

Гекторъ.

Совсѣмъ нѣтъ!... Но все это до такой степени сливается, что я былъ бы въ отчаяніи отдѣлить одно отъ другаго... въ моемъ сердцѣ! Признаюсь, дюбезнѣйшій, хорошо, что ты все кончилъ, скажу тебя откровенно.... о твоей связи начали уже поговаривать....

Эммерикъ.

Почему ты это знаешь?

Гекторъ.

Я только что слышалъ о томъ, самъ не зная ничего!...

Эммерикъ.

Гдѣ?

Гекторъ.

Совсѣмъ не въ таинственномъ мѣстѣ, а просто у Тортони, въ кофейнѣ.... Я зашелъ туда отъ твоего дядюшки... это насупротивъ его квартиры. Тамъ завтракали трое молодыхъ людей, громко разговаривая.... Одинъ изъ нихъ произнесъ твое имя.... Онъ былъ высокій съ бѣлокурою бородою, въ видѣ опрокинутой пирамиды.... фигура самая Вертеровская, длинная, задумчивая, блѣдная.

Эммерикъ (*въ сторону*).

Виконтъ де Ланжакъ.

Гекторъ (*продолжая*).

«Да, сказалъ ему сосѣдъ его, я подозрѣваю, что молодой композиторъ счастливѣе тебя!... «Пари держу, что завтра онъ займетъ въ ея ложѣ, то мѣсто, въ которомъ она отказала тебѣ....» —Я не допущу его!—«А какимъ образомъ? позвольте васъ спросить?» —Графиня моя родственница я имѣю право пещись о ея репутаціи, и если мужъ ея не видитъ ничего... я воспротивлюсь этому.... напишу Эммерику, что запрещаю ему быть завтра въ ея ложѣ.» — Вотъ еще! — «Напишу ему... вы свидѣтели.... и, божусь, онъ не поѣдетъ, или.....»

Эммерикъ.

Какая дерзость!

Гекторъ.

Да тебѣ что за дѣло до этого? Вѣдь ты ее больше ужъ не увидишь, между вами все кончено!

Эммерикъ.

Теперь не можетъ быть кончено ничего!

Гекторъ.

Отчего же?

Эммерикъ.

Оттого, что еще за минуту, у нее.... эта проклятая ложа!... знаешь...

Гекторъ.

Какъ-же: между колоннами, десятый нумеръ; я не забылъ.

Эммерикъ.

Она предложила мнѣ мѣсто въ этой ложѣ, и сказала: Вы будете завтра, или мы разстанемся навсегда!.... Я рѣшился было не ѣхать.

Гекторъ.

Превосходно!

Эммерикъ.

Но теперь, послѣ того, что ты сказалъ мнѣ.... дѣло идетъ о моей чести, и меня ничто не остановитъ!

Гекторъ.

Помилуй! что съ тобою? Положимъ, что я не сказалъ тебѣ ничего....

Эммерикъ.

А дерзкое письмо его, которое я, безъ сомнѣнія, найду у себя дома?... Онъ можетъ подумать, что я со страха слушаюсь его!... Нѣтъ, нѣтъ!... поѣду!

Гекторъ.

Не поѣдешь!

Эммерикъ.

Говорю тебѣ, что поѣду!

Гекторъ.

Говорю тебѣ, что нѣтъ!... А, Графъ! (*Идетъ къ нему на встрѣчу.*)

—

ЯВЛЕНІЕ VI.

Эммерикъ, Гекторъ, Г. де Сенъ-Жеранъ (*онъ входитъ съ лѣвой стороны, съ бумагами въ рукѣ, и кладетъ на столъ, стоящій на лѣвой же сторонѣ.*)

Г. де Сенъ-Жеранъ.

Что здѣсь такое между вами, господа?

Гекторъ.

Будьте нашимъ судьею, Графъ.

Эммерикъ (*въ сторону, съ ужасомъ*).

Боже мой!

Г. де Сенъ-Жеранъ.

Я принесъ вамъ бумаги по нашему дѣлу.

Гекторъ.

А я намѣренъ предложить на ваше разрѣшеніе другое дѣло.....

Эммерикъ.

Гекторъ, умоляю тебя!.....

Гекторъ.

Вотъ еще!.... Зачѣмъ же ты не слушаешься.... Надо же, чтобъ люди разсудительные руководили вами....

Г. де Сенъ Жеранъ.

Правда. Въ чемъ же дѣло?

Эммерикъ.

Нѣтъ, не смѣй сказать ни слова!

Гекторъ.

Я адвокатъ, мой другъ, и буду говорить; изложу обстоятельства дѣла, а судъ (*указывая на Сенъ-Жерана*), произнесетъ приговоръ. Онъ, (*указывая на Эммерика*) пріѣхалъ съ другаго конца Парижа.... отъ нея... онъ вѣдь намъ обѣщалъ.

Г. де Сенъ-Жеранъ.

Такъ вы ѣздили туда опять?... Прекрасно!

Гекторъ.

Да, прекрасно... Онъ, знаете ли, все кончилъ...

Г. де Сенъ-Жеранъ.

Превосходно!

Гекторъ.

Конечно, но вотъ что не превосходно... по неожиданному случаю....

Г. де Сенъ-Жеранъ.

Не говорилъ ли я вамъ? Такіе случаи встрѣчаются всегда именно въ ту минуту, когда думаешь, что все кончено.

Гекторъ.

Пустое хватовство!.... Ложа на завтрашній спектакль въ Оперѣ.

Эммерикъ.

Гекторъ, ради Бога!

Гекторъ.

Сердись сколько хочешь.

Эммерикъ (*съ гнѣвомъ*).

Я и разсержусь.

Г. де Сенъ-Жеранъ (*становясь между ними*).

Но нельзя ли, друзья мои, уладить какъ нибудь это важное дѣло.... и если я могу помочь....

Гекторъ.

Этого-то и желаю я только.... лишь только вы примете участіе, все уладится.

Эммерикъ (*въ сторону*).

Мы погибли!

Гекторъ.

Ему, видите, сказали: если вы завтра не будете у меня въ ложѣ, мы разойдемся навсегда!....

Эммерикъ (*съ гнѣвомъ*).

Гекторъ!....

Гекторъ.

Это его собственныя слова.... Ты самъ такъ сказалъ мнѣ.... и все было между ними кончено, какъ вдругъ какой-то дерзкій соперникъ запрещаетъ Эммерику ѣхать въ театръ. Эммерикъ сначала рѣшился не быть въ театрѣ, а теперь говоритъ....

Г. де Сенъ-Жеранъ.

Что будетъ?

Гекторъ.

Согласитесь, что это нелѣпо!

Г. де Сенъ-Жеранъ.

Нисколько; очень натурально!...

Эммерикъ (*съ живостію*)

Не правда ли, Графъ?

Г. де Сенъ-Жеранъ.

Я поступилъ бы точно такъ же....

Гекторъ (*въ изумленіи*).

Я васъ больше не понимаю!

Г. де Сенъ-Жеранъ.

Что тутъ непонятнаго?о.... и если вы хотите положиться на мое рѣшеніе....

Гекторъ и Эммерикъ.

Охотно!

Г. де Сенъ-Жеранъ (*съ важностію*).

Такъ какъ Эммерикъ рѣшился на всегда разстаться съ этою женщиною, онъ уже не долженъ ее видѣть.

Гекторъ.

Браво!

Г. де Сенъ-Жеранъ.

Не долженъ и являться въ ея ложѣ.

Гекторъ.

Славно обсужено!

Г. де Сенъ-Жеранъ.

Пусть прійдетъ въ ложу ко мнѣ.... У насъ есть своя....

Эммерикъ (*въ изумленіи*).

Графъ!....

Г. де Сенъ-Жеранъ.

Съ будущимъ тестемъ своимъ и невѣстою, которыхъ я самъ приглашу....

Эммерикъ.

Позвольте!...

Г. де Сенъ-Жеранъ.

Въ глазахъ того, кто угрожалъ ему!... Вы укажете мнѣ его.... и въ антрактѣ я васъ возьму подъ руку, мы подойдемъ къ нему, и я скажу ему, въ присутствіи всѣхъ которые будутъ подлѣ него, что я пригласилъ въ мою ложу васъ и вашу *невѣсту*, что вы сначала не соглашались принять моего приглашенія... И если тогда покажется на лицѣ его хоть самая легкая улыбка или сомнѣніе, я позволю вамъ требовать у него удовлетворенія... даже буду вашимъ секундантомъ.

Гекторъ.

Боже!

Г. Сенъ-Жеранъ.

Должно знать, друзья мои, что послѣ разрыва почти всегда выходишь на дуэль, или случается что нибудь въ этомъ родѣ...

Эммерикъ.

Знаю, Графъ, готовъ и даже желаю этого... Я буду въ вашей ложѣ, непремѣнно!

Гекторъ.

И прекрасно! А между тѣмъ, ты можешь возвратиться къ твоему дядюшкѣ, который нетерпѣливо ждетъ тебя, и передать ему приглашеніе Графа.

Г. де Сенъ-Жеранъ.

Конечно! Только ступайте поскорѣй; а мы, покамѣстъ, поговоримъ о нашемъ дѣлѣ. (*Эммерикъ подходитъ къ столу, на которомъ оставилъ онъ свою шляпу*).

Гекторъ.

Къ вашимъ услугамъ.

Г. де Сенъ-Жеранъ.

И если Г. Баландару угодно будетъ завтра быть вмѣстѣ съ друзьями своими... съ нами въ Оперѣ...

Гекторъ.

Помилуйте, Графъ?.... много благодаренъ (*Тихо Эммерику*). О Викторія!... Если бъ она тоже могла быть тамъ! (*Громко*). Но я боюсь безпокоить васъ...

Г. де Сенъ-Жеранъ (*улыбаясь*).

Нисколько!... Ложа у насъ просторная... въ бель-этажѣ, нумеръ 10.... между колоннами.

Эммерикъ и Гекторъ (*въ изумленіи и въ сторону*).

Боже!

(*Эммерикъ, который уже взялъ шляпу и собирался было выйти, останавливается*).

Г. де Сенъ-Жеранъ.

Весь Парижъ тамъ будетъ! Мѣста на расхватъ! Жена съ трудомъ могла выпросить эту ложу у одной своей пріятельницы.... (*Оборачивается къ Эммерику, который подаетъ знаки Гектору*). Что такое?... Что съ вами?...

Эммерикъ.

Ничего... Графъ... смущеніе... сильное волненіе душевное... послѣдствіе очень естественное...

Г. де Сенъ-Жеранъ.

Нашего разговора.... Поѣзжайте же къ Алинѣ... къ вашей невѣстѣ.... Вы успокоитесь при одномъ видѣ ея... До скораго свиданія! (*Эммерикъ выходитъ въ сильномъ смущеніи*).

—

ЯВЛЕНІЕ VII.

Гекторъ, Г. де Сенъ-Жеранъ.

Г. де Сенъ-Жеранъ (*проводивъ Эммерика*).

Бѣдный молодой человѣкъ!... Онъ, въ самомъ дѣлѣ, совершенно разстроенъ.... (*Смотря на Гектора*). Да и вы тоже?..

Гекторъ (*въ сторону*).

Вся кровь во мнѣ застыла.

Г. де Сенъ-Жеранъ.

Такое же растревоженное лице...

Гекторъ (*заикаясь*)..

Я.... я такъ люблю этого... этого милаго Эммерика... что... что все, что онъ чувствуетъ онъ....

Г. де Сенъ-Жеранъ (*смѣясь*).

Понимаю!... У Ореста и Пилада была одна душа... но не одинаковое лице... а ваше — безподобно!...

Гекторъ.

Вы слишкомъ милостивы! (*въ сторону*). Самъ не знаю, что говорю.

Г. де Сенъ-Жеранъ.

Поговоримъ, однако жъ, о нашемъ дѣлѣ.... Вы можете дать добрый совѣтъ.... Проницательность ваша во всемъ и осо-

бенно въ важныхъ дѣлахъ меня восхищаетъ..... Вотъ бумаги, о которыхъ я говорилъ вамъ. (*Показывая на столъ, который находится на лѣвой сторонѣ сцены*). Разсмотримъ-те ихъ вмѣстѣ.

(*Переходитъ черезъ сцену и садится у стола, противъ Гектора*).

Гекторъ (*между тѣмъ въ сторону, стоя на правой сторонѣ театра, у самой авансцены*).

Такой ужасный человѣкъ! Ну, если откроется... и я былъ сообщникомъ Эммерика....

Г. де Сенъ-Жеранъ (*подзывая его къ себѣ*).

Но угодно ли...

Гекторъ.

Я готовъ, Графъ.

(*Садится противъ него*).

Г. де Сенъ Жеранъ.

Вотъ, во-первыхъ, акты, доказывающіе родство наше... и наши права на наслѣдство....

Гекторъ (*все еще въ смущеніи*).

Да, Графъ... И такъ, наслѣдство....

Г. де Сенъ-Жеранъ.

То самое, о которомъ я уже говорилъ вамъ... послѣ дяди.... который умеръ въ Мартиникѣ, не оставивъ дѣтей... Дядя жены моей.

Гекторъ.

Вашей жены... (*забываясь невольно*). О, если бъ я зналъ!....

Г. де Сенъ-Жеранъ.

Что такое?

Гекторъ (*стараясь поправить свою ошибку*).

Что вашъ Мартиникскій дядюшка скончался, не оставивъ дѣтей....

Г. де Сенъ-Жеранъ.

Но вамъ это было извѣстно... Я уже объяснялъ вамъ... и по бумагамъ, вы видите, что нашъ дядя....

Гекторъ.

Мартиникскій?

Г. де Сенъ-Жеранъ.

Нѣтъ... отецъ этого дяди женился на дѣвицѣ изъ фамиліи Сенъ-Дизье, тетки жены моей.... такъ что, съ обѣихъ сторонъ, наслѣдство приходилось намъ: и она была тетка моей жены.... По нашей же родословной... дѣдъ нашъ .. Вы понимаете.

Гекторъ (*въ смущеніи и съ живостію*).

Понимаю.... понимаю совершенно.... Вашъ дѣдъ, его тетка...

Г. де Сенъ-Жеранъ (*со смѣхомъ*).

Что?... Что вы говорите?

Гекторъ.

Виноватъ! Виноватъ! (*Въ сторону*). Господи! какъ я себѣ вредю... (*Громко.*) У меня, Графъ, мигрень... головная боль, которая меня совершенно сбиваетъ....

Г. де Сенъ-Жеранъ.

Въ самомъ дѣлѣ.... рука ваша холодна,...

Гекторъ

А голова моя горитъ.

Г. де Сенъ-Жеранъ.

Такъ мнѣ должно извиниться передъ вами, что я говорилъ съ вами... о дѣлахъ въ такую минуту... мы потолкуемъ послѣ.

Гекторъ (*отирая себѣ лобъ*).

Отдыхаю!

Г. де Сенъ-Жеранъ.

Тѣмъ болѣе, что вотъ и жена моя.

Гекторъ (*въ сторону*).

Меня опять обнялъ страхъ!

—

ЯВЛЕНІЕ VIII.

Г. де Сенъ-Жеранъ, Луиза (*входитъ поспѣшно*) Гекторъ.

Луиза (*Г. де Сенъ-Жерану*).

Ахъ, подумайте... какая счастливая встрѣча...

Г. де Сенъ-Жеранъ (*прерывая ее*).

Честь имѣю представить тебѣ Г. Гектора Баландара, нашъ повѣренный... нашъ другъ...

(*Луиза низко приседаетъ*).

Гекторъ (*въ сторону*).

Какъ она хороша!... Все таки лучше не смотрѣть на нее.

Г. де Сенъ-Жеранъ (*улыбаясь*).

Человѣкъ съ талантомъ.... когда не болитъ у него голова.

Гекторъ (*стараясь улыбнуться*).

Правда.... а я очень подверженъ... (*Останавливаясь*). Что же я говорю такое?

Г. де Сенъ-Жеранъ (*Гектору*).

Вы слишкомъ скромны... (*Луизѣ.*) я осмѣлился, не предувѣдомивъ васъ, пригласить Г. Баландара, на завтрашній спектакль, въ вашу ложу.

Луиза (*чрезвычайно ласково*).

Вы могли быть заранѣе увѣрены, что я буду согласна и благодарна...

Г. де Сенъ-Жеранъ.

Г. Баландаръ пріѣдетъ вмѣстѣ съ другомъ своимъ, Эммерикомъ д'Альбре, который далъ мнѣ слово.

Луиза (*дѣлаетъ радостное движеніе; потомъ, спохватясь, говоритъ холодно*).

Хорошо.... я очень рада.

Г. де Сенъ-Жеранъ (*улыбаясь*).

То есть, это вамъ непріятно.

Луиза.

Нисколько!

Г. де Сенъ-Жеранъ.

Богъ мой! Я это вижу... вѣдь я васъ знаю.

Луиза.

Вы ошибаетесь.

Гекторъ (*въ сторону*).

Боюсь, чтобъ они не замѣтили по глазамъ моимъ.

Луиза.

А въ доказательство скажу вамъ, что вы — какъ сами того желали — можете передать ему радостное извѣстіе.

Г. де Сенъ-Жеранъ.

Какъ такъ?

Луиза (*съ живостію и весело*).

О, случай единственный... неоцѣненный... но сегодня я удивительно счастлива.... мнѣ все удается!

Гекторъ (*въ сторону*).

Не такъ, какъ мнѣ.

Луиза.

Я собиралась ѣхать, знаете, куда вы просили меня съѣздить, какъ вдругъ въѣзжаетъ къ намъ на дворъ карета. Я хотѣла было сказать, что не принимаю, но узнала, что пріѣхалъ, кто бы вы думали?.. Дядюшка!

Гекторъ (*съ живостію, въ сторону*).

Съ Марти.... Что я говорю?... Онъ уже умеръ!

Луиза.

Онъ такъ любитъ меня, а я такъ рѣдко вижусь съ нимъ! Впрочемъ, оно очень натурально... Министрамъ некогда заботиться о своихъ родныхъ и друзьяхъ..... они вполнѣ преданы...

Г. де Сенъ-Жеранъ (*холодно*).

Врагамъ своимъ!

Луиза (*весело*).

Да!... Я тотъ же часъ подумала о моей или, лучше сказать, о вашей просьбѣ... и, министръ, улыбаясь благосклонно, удостоилъ сказать мнѣ въ отвѣтъ, что это человѣкъ съ дарованіемъ.... оно и правда.... и что онъ уже думалъ о немъ... что, можетъ быть, и не правда.... Но это ему приноситъ лишь болѣе чести.

Г. де Сенъ-Жеранъ.

Стало быть, ему обѣщано?

Луиза (*весело*).

Обѣщано!

Г. де Сенъ-Жеранъ (*подходя къ Гектору*)

Слышите ли?... Вашему другу, Эммерику, пожалованъ орденъ.

Гекторъ (*запинаясь*).

Я... въ восхищеніи!...

Г. де Сенъ-Жеранъ (*съ улыбкою*).

Не вы одни будете въ восхищеніи.... есть люди, которымъ это извѣстіе доставитъ еще болѣе радости.

Луиза.

Кому же?

Г. де Сенъ-Жеранъ (*говоритъ ижеть на ухо, въ полголоса*).

Его тестю и невѣстѣ.

Луиза (*съ изумленіемъ*).

Его тестю?

Г. де Сенъ-Жеранъ (*весело и все еще въ полголоса*).

Да!... этимъ-то дѣломъ и занимались мы... покамѣстъ оно еще не было совершенно кончено, о немъ не возможно было говорить... Теперь оно уладилось... свадьба его зависѣла отъ милости, которую вы ему выхлопотали (*Гектору.*) Чѣмъ скорѣе передаются добрыя вѣсти, тѣмъ лучше, и я спѣшу обрадовать этимъ извѣстіемъ его тестя....

Луиза (*въ сторону*).

Такъ вотъ что значили его смущеніе, его отказъ... О, какое вѣроломство!

(*Луиза стоитъ на лѣвой сторонѣ сцены. Г. де Сенъ-Жеранъ, взявъ со стола бумаги, входитъ въ кабинетъ, находящійся на лѣвой же сторонѣ, и не затворяетъ за собою двери. Гекторъ тихо идетъ къ средней двери. Луиза оборачивается и замѣчаетъ, что онъ хочетъ уйти*).

Луиза (*стараясь скрыть свое смущеніе и принять на себя веселый видъ*).

Г.... Баландаръ....

Гекторъ (*возвращается и подходитъ къ ней*).

Графиня.... (*въ сторону, и смотря на Луизу*) Боже мой, какъ она дрожитъ!... Да и я туда же.

Луиза (*стараясь улыбнуться*).

И такъ, Эммерикъ д'Альбре женится?

Гекторъ (*отвѣчаетъ ей съ смущеніемъ, смотря, между тѣмъ, на дверь кабинета*).

Да.... по крайней мѣрѣ, думаетъ жениться.... то есть, объ этомъ говорятъ неопредѣленно...

Луиза (*съ притворнымъ спокойствіемъ*).

А на комъ?

Гекторъ (*понижая голосъ*).

Не знаю... не слыхалъ...

Луиза.

Вы.... вы его искренній другъ?

Гекторъ.

Онъ очень скрытенъ... и никогда ничего не сказываетъ....

Луиза (*съ болѣе примѣтнымъ волненіемъ*).

Какъ зовутъ его будущаго тестя?... Гдѣ живетъ онъ?

Гекторъ.

Я не знаю ничего.

(*Въ эту минуту входитъ Г. де Сенъ-Жеранъ, съ письмомъ въ рукѣ.*)

Г. де Сенъ-Жеранъ.

Вотъ мое посланіе къ тестю.... я тотчасъ отправлю его....

(*Луиза подходитъ къ столу, находящемуся на правой сторонѣ сцены, и звонитъ. Въ глубинѣ театра появляется лакей, въ ливреѣ*).

Луиза (*переходитъ черезъ сцену, беретъ у мужа письмо и говоритъ лакею.*)

Жюльенъ!.... ты отнесешь это письмо (*съ видимымъ трепетомъ читаетъ адресъ*) Г-ну.... Клеранбо.... негоціянту.... на Италіянскомъ Бульварѣ, въ Hôtel de Castille.

Г. де Сенъ-Жеранъ. (*лакею.*)

Сію же минуту! Теперь всѣ родные уже вѣроятно собрались!

Луиза (*у аванъ-сцены съ рѣшимостію*).

Тѣмъ лучше!.... (*лакею*). Карету!

Гекторъ (*въ сторону*).

Боже милосердый!... Все погибло!

(*Лакей уходитъ въ среднюю дверь; Г. де Сенъ-Жеранъ и жена его въ лѣвую, Гекторъ кланяется имъ и поспѣшно выходитъ въ среднюю дверь.*)

ДѢЙСТВІЕ ТРЕТЬЕ.

Театръ представляетъ красивую комнату въ квартирѣ Г-на Клеранбо. Двери въ глубинѣ и по сторонахъ. На лѣво столъ, съ письменнымъ приборомъ.

ЯВЛЕНІЕ I.

Клеранбо, Алина (*входя поспѣшно*).

Алина.

Такъ это письмо отъ моего крестнаго батюшки, отъ Г. де Сенъ-Жерана?

Клеранбо.

Отъ него, милая моя, отъ него.... оно доставлено мнѣ — его лакеемъ.

Алина.

И вы не показали мнѣ его!... Стало быть, вѣсти не радостныя?....

Клеранбо.

Хорошо, если бъ онѣ были нерадостныя.

Алина.

Почему же?

Клеранбо.

Почему! Почему!... Потому что, давъ обѣщаніе, я держу его; а я далъ слово согласиться на вашу свадьбу, если Эммерикъ....

Алина.

Получитъ орденъ?...(*радостно.*) Чтожъ?

Клеранбо (*сердито.*)

Чтожъ! онъ получилъ!

Алина.

Въ самомъ дѣлѣ? И это васъ сердитъ?

Клеранбо.

Нѣтъ,.... но я думалъ.... предполагалъ, что будетъ труднѣе.... Съ этѣмъ проклятымъ Сенъ-Жераномъ невозможно надѣяться на препятствія. Онъ хлопочетъ всюду за него, во всемъ ручается за

его.... Я, такъ, на вѣтеръ, сказалъ словца два, три ужъ объ условіяхъ, а онъ и контрактъ написалъ.... Онъ увѣдомилъ нотаріуса и нашихъ немногихъ здѣшнихъ знакомыхъ... и непремѣнно хочетъ, чтобы мы подписали этотъ контрактъ сегодня же.... потому что послѣ завтра онъ ѣдетъ въ Мартинику.

Алина.

Такъ надобно поспѣшить... Онъ правъ: безъ него мы обойтись не можемъ.

Клеранбо.

Конечно; но все это дѣлается слишкомъ скоро..... Я люблю наслаждаться счастіемъ спокойно, и когда меня торопятъ, когда меня не предваряютъ... я, просто, теряюсь; у меня ничего не будетъ готово.

Алина.

Потому что вы не хотите этимъ заняться, милый папенька!.. и это право не хорошо?... Я не выговариваю вамъ за это.... но, видите, даже противъ своей воли мы должны исполнять дѣла охотно. Чтоже дурнаго находите вы въ Эммерикѣ?

Клеранбо (*сердито*).

Что?...

Алина.

Онъ человѣкъ благородный.... человѣкъ съ талантомъ, всѣми уважаемый...

Клеранбо (*съ гнѣвомъ*).

Что дурнаго?...

Алина.

Онъ сынъ любимаго нашего брата... вы сами воспитали его... онъ одинъ только и есть у васъ родной.... и развѣ онъ не радъ броситься за насъ въ огонь?

Клеранбо (*внѣ себя*).

Что дурнаго?.... То, сударыня, что ты любишь его слишкомъ сильно.

Алина.

Вы сами виноваты въ томъ.... потому что несправедливы съ нимъ.... Надобно же вознаградить его.... И если вы не перемѣнитесь, берегитесь, папенька: я буду любить его еще больше..... Но ежели бы, напротивъ того, вы принимали его ласково, по-дружески....

Клеранбо.

Въ самомъ дѣлѣ?

Лакей (*входя*).

Г. д'Альбре.

Алина (*въ полголоса*).

Вотъ и онъ... Встрѣтьте его... дайте ему руку... поцѣлуйте его....

Клеранбо.

Какъ? Ты хочешь, чтобы....

Алина (*также въ полголоса*).

Или, если вамъ угодно, я сама....

Клеранбо (*съ живостію*).

Нѣтъ, нѣтъ... (*Бѣжитъ на встрѣчу къ Эммерику.*) Другъ мой!... милый племянникъ!

—

ЯВЛЕНІЕ II.

Клеранбо, Эммерикъ, Алина.

(*Эммерикъ бросается въ объятія къ Клеранбо, который цѣлуетъ его.*)

Алина (*съ одобрительнымъ видомъ отцу.*)

Вотъ такъ, хорошо! (*Эммерику.*) Я до безумія люблю папеньку.... онъ отъ всей души желаетъ, чтобы состоялась наша свадьба.

Эммерикъ (*радостно, обращаясь къ Клеранбо.*)

О, правду ли слышу я!

Клеранбо.

Конечно..... я всегда желалъ этого.... и хотя не признавался вамъ, это было моею любимою мечтою... Съ самой ранней твоей молодости, я считалъ тебя будущимъ мужемъ Алины; я предназначалъ тебѣ

ее вмѣстѣ съ нашимъ торговымъ домомъ.... Видишь ли: я любилъ тебя, какъ сына, и вотъ почему возненавидѣлъ.... когда ты обманулъ всѣ надежды мои.... когда ты предпочелъ фортепіяно конторѣ.... и каватины—банковымъ билетамъ.... Между ими разница большая.

Алина.

Не всегда!

Клеранбо.

И когда ты уѣхалъ изъ Бордо... когда я узналъ, что ты живешь въ Парижѣ... въ Парижѣ и въ Оперѣ... признаюсь откровенно, я счелъ тебя погибшимъ... Однакожъ я подумалъ: это его дѣло... спасемъ, по крайней мѣрѣ, дочь... и вотъ почему, опасаясь...

Алина.

Чего?

Клеранбо (*подходя къ ней*)

Тебѣ нѣтъ надобности знать о томъ. (*Эммерику*). Но мнѣ, отцу семейства.... это мое дѣло... я долженъ всего страшиться!.. Я долженъ быть недовѣрчивымъ за нее, потому что она не можетъ подозрѣвать, и умѣетъ только любить... вѣдь я отвѣчаю за ея спокойствіе, за ея радости, ея мечты... и несчастія ея не прощу никому, ни даже себѣ самому.

Алина.

Какого же несчастія ожидать мнѣ съ нимъ и съ вами?

Клеранбо.

Конечно! Я часто думалъ: покамѣстъ я буду живъ, все еще пойдетъ хорошо... она будетъ повѣрять мнѣ свое горе, т. е., если у ней будетъ что на сердцѣ... но когда я умру! когда некому будетъ утѣшать ее.... Я знаю ее лучше, чѣмъ ты.... она какъ разъ умретъ....

Алина (*улыбаясь*).

Помилуйте!

Клеранбо.

А будто бы это уже почти не случилось?.. Знаешь ли, отчего она была такъ больна?... отчего она все блекла? Отчого, что ты не писалъ къ намъ цѣлыхъ шесть мѣсяцевъ.

Алина (*прилагая ему руку ко рту.*)

Батюшка!

Клеранбо.

И съ полученія перваго письма, здоровье, свѣжесть, все возвратилось.

Алина.

Неправда!...

Клеранбо.

Говорю тебѣ, что она умретъ съ горя, если мужъ разлюбитъ ее, или полюбитъ другую.

Алина.

Батюшка!... Да возможно ли это?

Эммерикъ (*съ живостію*).

Ахъ! Алина!

Алина.

Запрещаю вамъ оправдываться. (*Ласкаво*). Запрещаю вамъ! (*Отцу*). Развѣ вы думаете, что Эммерикъ похожъ на Гектора Баландара, который любитъ Викторію, хочетъ на ней жениться, и получаетъ письма отъ какой-то знатной дамы?... (*Эммерику*). Вы не поступите такъ никогда! Это ужасно... Но я ужъ предувѣдомила Викторію, я все разсказала ей: обманывать не должно никого! (*Эммерикъ содрогается*). Что съ вами?

Эммерикъ (*съ живостію*).

Ничего.... я думаю о бѣдномъ Баландарѣ, который, впрочемъ, истинно любитъ эту дѣвушку.... и которому, безъ сомнѣнія, вы повредили.

Алина.

Вообразите.... не очень! Право, удивительно! Представьте себѣ: Викторія болѣе

удивилась, нежели оскорбилась... ей только хотѣлось узнать имя этой знатной дамы... (*Простодушно*). Вы его не знаете, Эммерикъ?

Эммерикъ (*въ смущеніи*).

Нѣтъ.... нѣтъ, не знаю.

Клеранбо (*пожимая плечами*).

Какъ будто бы онъ тебѣ скажетъ!

Алина (*довѣрчиво*).

Онъ все скажетъ мнѣ, потому что любитъ меня!... Въ награду за это я обрадую его пріятнымъ извѣстіемъ. Мой крестный батюшка, Г. де Сенъ-Жеранъ, пишетъ папенькѣ, что вамъ пожалованъ орденъ.

Клеранбо.

По стараніямъ жены его: она сама выпросила этотъ орденъ у министра, своего дяди.

Алина.

Добрая, милая женщина! Вы знакомы съ ней, Эммерикъ? Она должна быть прелестна?

Клеранбо.

Всѣ о ней того же мнѣнія.

Алина.

О, какъ и я буду любить, благословлять ее!... Ей сдѣлаемъ мы нашъ первый свадебный визитъ... Жаль только, что уже не будетъ здѣсь тогда Г. де Сенъ-Жерана... Онъ уѣзжаетъ.... вотъ почему мы принуждены торопиться, и подпишемъ контрактъ сегодня же вечеромъ... (*Потупляя глаза.*) Если, только и вамъ это не будетъ такъ же непріятно, какъ и батюшкѣ....

Эммерикъ (*нѣжно*).

Алина! моя несравненная Алина!

Клеранбо (*становясь между ними.*)

Позвольте... позвольте: мнѣ еще нужно кое-что сказать.

Алина.

Что же еще?

Клеранбо.

Ему, ему одному. (*Подаетъ знакъ Алинѣ, чтобы она отошла*). Побудь тамъ. (*Эммерику, отведя его на правую сторону сцены.*) Признаюсь откровенно, что я подозрѣвалъ тебя.... мнѣ говорили.... такъ, неопредѣленно.... о какой-то связи... Но старый другъ мой, Сенъ-Жеранъ, поклялся мнѣ въ противномъ. Безъ этого, я не согласился бы никогда! Да, до чего бы ужъ ни дошло дѣло, я бросилъ бы все... Сенъ-Жеранъ поклялся мнѣ, что ты не имѣешь ни какой связи, которая могла бы поколебать твое семейное счастіе.

Эммерикъ.

Дядюшка!

Клеранбо.

Вѣрю, но требую отъ тебя той же клятвы. Но это кто?

—

ЯВЛЕНІЕ III.

Алина, Клеранбо, Эммерикъ, и Гекторъ.

Гекторъ (*входя поспѣшно и обращаясь къ Эммерику*).

Другъ мой! Другъ мой! (*Замѣтивъ Клерамбо и его дочь*). Извините... я не видалъ васъ.

Клеранбо.

Какъ вы разстроены! Точно будто васъ преслѣдуютъ.

Алина.

И какъ будто вы испугались чего.

Гекторъ (*въ смущеніи*).

Нѣтъ, но я... видите ли... я бѣжалъ... шелъ очень шибко.... Мнѣ надобно было посовѣтоваться съ Эммерикомъ объ одномъ важномъ дѣлѣ... которое касается собственно до меня....

(*Клеранбо отходитъ отъ нихъ, садится подлѣ стола, находящагося на лѣвой сторонѣ сцены, и начинаетъ перелистывать брошюры.*)

Алина (*подойдя къ Эммерику, говоритъ ему тихо*).

Вѣрно объ утренней.... знатной дамѣ?

Эммерикъ (*съ безпокойствомъ*).

Быть можетъ.

Алина.

Онъ долженъ, однако жъ, поступать осторожнѣе, если хочетъ жениться на Викторіи... Вѣдь мужъ не долженъ любить никого, кромѣ жены своей!

Эммерикъ.

Конечно....

Алина.

Такъ поговорите съ нимъ объ этомъ; скажите ему.... я оставляю васъ.

(*Она становится подлѣ отца, и начинаетъ читать черезъ его плечо*).

Эммерикъ (*поспѣшно подходя къ Гектору, который находится на правой сторонѣ сцены*).

Чтожъ, такое случилось? и почему прибѣжалъ ты ко мнѣ?

Гекторъ (*въ полголоса*).

Скажи, что тебѣ надобно быть на репетиціи, возьми шляпу и бѣги отсюда.

Эммерикъ.

Что это значитъ.

Гекторъ.

Бѣги, говорю я тебѣ, или быть бѣдѣ!

Эммерикъ.

Зачѣмъ?

Гекторъ.

Затѣмъ, что *она* сію минуту пріѣдетъ сюда.

Эммерикъ.

Кто она?

Гекторъ.

Графиня! Я бѣжалъ изо всѣхъ силъ... и опередилъ ее только нѣсколькими минутами.

Эммерикъ.

О, Боже!... Нельзя ли какъ остановить?...

Гекторъ.

Ужъ поздно!... Вотъ она....

—

ЯВЛЕНІЕ IV.

Клеранбо, Алина, Луиза (*она выходитъ изъ средней двери, прежде лакея, которому долженствовало доложить о ея пріѣздѣ*), Гекторъ, Эммерикъ.

Луиза (*остановясь на нѣсколько времени въ глубинѣ театра, и смотря на всѣхъ*).

Вотъ они!

(*Алина и Клеранбо смотрятъ на нее съ удивленіемъ. Луиза идетъ къ Эммерику.*)

Гекторъ (*бѣжитъ къ ней на встрѣчу, и представляетъ ее Клеранбо.*)

Графиня де Сенъ-Жеранъ!

(*Лакей уходитъ.*)

Клеранбо.

Жена нашего друга!...

Алина.

Нашего благодѣтеля!... (*Бѣжитъ къ ней*). Наша благодѣтельница...

Клеранбо.

Удостоивающая насъ своимъ посѣщеніемъ....

Луиза (*смотря на Эммерика, съ сильнымъ волненіемъ.*)

Мужъ мой не нускалъ меня, но я пріѣхала съ утра, такъ желала я познакомиться съ его крестницей... и съ стариннымъ, задушевномъ другомъ, Г-мъ Клеранбо.

Клеранбо.

Вы слишкомъ милостивы... намъ бы слѣдовало предварить васъ... быть у васъ первымъ... но мы только что пріѣхали... (*Беретъ Алину за руку*)... Честь имѣю представить вамъ дочь мою, Алину.. крестницу вашего супруга...

Луиза (*не преставая смотрѣть на Алину.*)

А!...(*стараясь удержаться*). Она очень хороша собою...

Клеранбо (*простодушно*).

Недурна!... по крайней мѣрѣ для того, кто никогда не выѣзжалъ изъ Бордо. Вы, сударыня, никогда не изволили оставлять Парижа, и намъ было трудно познакомиться... но теперь, когда она помолвлена съ Г. Эммерикомъ, я надѣюсь...

Гекторъ и Эммерикъ (*въ сторону.*)

Боже!

Луиза.

Помолвлена!... (*съ досадою*). Очень радуюсь за васъ, Г. Эммерикъ д'Альбре...

Алина (*подходя къ ней*).

Благодаря вамъ, Графиня... у меня недостаетъ словъ для благодарности... Вамъ одной я обязана... за все, и за согласіе батюшки, и...

Эммерикъ (*стараясь прервать ее*).

Алина!

Алина.

Зачѣмъ. же скрывать отъ Графини нашу благодарность.... наше счастіе?

Клеранбо.

Которое устроено ею...

Луиза (*съ досадою.*)

Еще не совсѣмъ!...

Алина.

А развѣ есть препятствія?

Луиза (*смотря на Эммерика*).

Быть можетъ!...

Гекторъ (*съ живостію*).

Вѣроятно, касательно награжденіе его орденомъ?

Клеранбо.

Какія же?

Луиза (*стараясь скрыть свое смущеніе*).

Я хотѣла поговорить о томъ съ Г-нъ д'Альбре, котораго не надѣялась встрѣтить здѣсь (*Клеранбо и Алинѣ*). Не пугайтесь; ему... ему одному скажу я... что думаю... о....

Гекторъ (*съ живостію.*)

Объ этихъ препятствіяхъ....

Клеранбо (*кланяясь*).

Мы оставляемъ васъ!...

Алина (*Луизѣ.*)

Боже мой! Неужели должно еще откладывать и ждать?...

Эммерикъ (*тихо Гектору*).

Уведи же ее.

Клеранбо (*тихо дочери*).

Пойдемъ... пойдемъ, Алина!

(*Онъ выходитъ первый въ лѣвую дверь.*)

Алина (*сдѣлавъ нѣсколько шаговъ, останавливается.*)

Прощайте, Графиня.

Луиза (*прощаясь знакомъ руки и стараясь умѣрить свое нетерпѣніе.*)

Прощайте!... Прощайте!...

(*Алина хочетъ подойти къ ней; Гекторъ останавливаетъ ее и уводитъ.*)

Алина (*уходя, Гектору*).

Вѣдь ужасно, если опять будутъ препятствія!

(*Оба уходятъ въ лѣвую дверь.*)

—

ЯВЛЕНІЕ V.

Луиза, Эммерикъ.

Луиза.

Наконецъ, мы одни!... Я желала видѣть и убѣдиться... на дѣлѣ, что это не сонъ, и что меня не обманываютъ!... Но нѣтъ... это истина, и въ этотъ разъ обмана нѣтъ... Возможно ли? еще сегодня утромъ увѣряли вы меня въ любви и вѣрности, а уже шли переговоры о вашей свадьбѣ! Какіе переговоры... она была совершенно слажена... о ней знали ваши друзья, знали всѣ, кромѣ меня одной!... (*Насмѣшливо*). Но зачѣмъ же боялись высказать мнѣ о томъ? Васъ пугали препятствія, требованія съ моей стороны, или можетъ быть, вы страшились за мою жизнь при вашей потерѣ... Такой излишней внимательности я не ожидала... но ждала чести, откровенности, прав ивости... Теперь вижу, что я слишкомъ многого требовала отъ васъ!...

Эммерикъ.

Вините меня за малодушіе, но не за скрытность: мысль объ этой свадьбѣ возникла у Г. де Сенъ-Жерана... клянусь вамъ въ томъ... только сегодня утромъ... и я спѣшилъ къ вамъ, чтобъ признаться во всемъ... При видѣ вашемъ, рѣшимость моя исчезла: у меня не достало силъ сознаться вамъ въ чувствѣ...

Луиза.

Которому я не повѣрила бы... Не ужели, сударь, вы станете меня увѣрять что полюбили невѣсту вашу только съ нынѣшняго утра, тогдакакъ вы съ нею знакомы съ дѣтства... что вы о ней и не думали... Не ужели я повѣрю, что фамильный планъ и расчетъ Г. де Сенъ-Жерана, въ одну ми-нуту, породилъ въ васъ пламенную любовь?...

Эммерикъ.

Да, Графиня, это правда...

Луиза.

Я желала бы вѣрить этому для васъ, для вашей чести, чтобы имѣть право сохранить къ вамъ хоть каплю уваженія... но, къ несчастію, Г. Клеранбо чрезвычайно богатъ...

Эммерикъ.

Графиня!...

Луиза (*съ гнѣвомъ*).

Да... это свадьба по расчету... вы жертвуете мною изъ денегъ...

Эммерикъ.

Нѣтъ! нѣтъ!... клянусь вамъ!

Луиза.

Не вѣрю ни словамъ, ни клятвамъ вашимъ; убѣдить меня могутъ только ваши поступки... Извольте жъ теперь, въ моемъ присутствіи, объявить вашему дядѣ, что отказываетесь навсегда отъ руки его дочери!... Вы должны это сдѣлать: этого требую отъ васъ я, которой вы всѣмъ обязаны!...

Эммерикъ (*поспѣшно прерывая ее*).

Ахъ! вамъ нечего напоминать мнѣ о благодѣяніяхъ: благодарность будетъ всегда приковывать меня къ вамъ, будьте въ томъ увѣрены, такъ какъ меня не отторгаютъ отъ васъ даже нынѣшніе упреки.... Да!... вы знатны, а я лишь артистъ, но, возвышенный вашею любовью и небольшою извѣстностію я равнялся вамъ.. Пусть на это кричитъ сколько хочетъ вся ваша знать.... а талантъ все таки что нибудь да значитъ....

Луиза (*стараясь прервать его.*)

Вы ошибаетесь, сударь: я не имѣю ни желанія, ни права...

Эммерикъ.

Поступать со мною, какъ съ рабомъ приказывать мнѣ...

Луиза.

И такъ, въ послѣдній разъ.... простите гордости, воспламеняющейся во мнѣ противъ воли.... Дайте мнѣ только время, и силу расторгнуть эти роковыя узы.... которыя мучатъ меня...тягостны мнѣ столько же, какъ и вамъ.... Не одинъ разъ я уже пыталась въ томъ.... упрекала сама себя, и всегда страшилась успѣха.... Проступки ваши дадутъ мнѣ рѣшимость, которой недоставало моему сердцу.... Какъ ни жестока такая помощь, она приходитъ мнѣ отъ васъ, и я благодарна за нее... она дастъ мнѣ силы снова пріобрѣсти уваженіе къ самой себѣ.... восторжествовать надъ страстью, которая не такъ велика, какъ вы думали, и какъ думала я сама!... Быть можетъ, въ сердцѣ моемъ болѣе гордости, чѣмъ любви... быть можетъ, мнѣ легче бъ было лишиться васъ, чѣмъ быть оставленной вами... И даже теперь, когда я васъ вижу каковы въ самомъ дѣлѣ вы, а не такимъ, какимъ представляло мнѣ васъ воображеніе, кажется, что я могу забыть васъ... могу перестать васъ любить и даже..... (*страстно*) Нѣтъ, нѣтъ!... я не такова, какъ вы... не могу васъ обманывать... я люблю васъ... люблю по-прежнему!

Эммерикъ.

Боже мой!... Если насъ услышатъ!

Луиза (*съ гнѣвомъ*).

А, такъ слово это васъ пугаетъ... вы боитесь его слышать... (*Останавливаясь, по знаку, сдѣланному Эммерикомъ, и понижая голосъ*). Не бойтесь, сударь: я не выдамъ васъ... Вамъ есть на то большія поруки: мое происхожденіе и то имя, которое я ношу... я не обезчещу ихъ шумною сценою: довольно и того, что я посягнула на нихъ моимъ проступкомъ!.. До сихъ поръ я думала, что для насъ, самая тяжкая казнь заключается въ измѣнѣ долгу; но теперь, благодаря вамъ, понимаю казнь еще большую: краснѣть за того, кому пожертвовала всѣмъ! Жалѣю только о томъ, что вымолила для васъ знакъ почести, которой вы не достойны.

Эммерикъ.

О, слава Богу вы сами растрогли нашу связь! Ваши оскорбленія избавили меня отъ цѣпей моихъ и даже отъ угрызеній совѣсти... Я женюсь на Алинѣ!

Луиза.

Вы женитесь на ней?

—

ЯВЛЕНІЕ IV.

Жюльенъ, *входитъ поспѣшно*, Луиза, Эммерикъ.

Луиза.

Ты здѣсь, Жюльенъ? Почему?

Жюльенъ (*Графинѣ, въ полголоса.*)

Графъ изволилъ возвратиться.... Онъ спрашивалъ о Вашемъ Сіятельствѣ.... Графъ очень разстроенъ...

Луиза (*въ сторону.*)

Боже!... (*Громко и давая Жюльену знакъ, чтобы онъ вышелъ. Жюльенъ выходитъ.*) Ступай! я буду сію же минуту!.. (*Она поспѣшно идетъ къ средней двери.*)

Эммерикъ (*идя за нею.*)

Графиня... ради самаго Неба!

Луиза (*оборачиваясь.*)

Прощайте, сударь, прощайте на всегда!

(*Уходитъ.*)

—

ЯВЛЕНІЕ VII.

Эммерикъ *одинъ.*

А!... (*Закрываетъ, на нѣсколько секундъ, лице руками; потомъ весело смотритъ вокругъ себя.*) Свободенъ!... Я свободенъ наконецъ!... Возраждаюсь.... освобождаюсь отъ рабства!....

—

ЯВЛЕНІЕ VIII.

Гекторъ (*не смѣя войти, выглядываетъ изъ лѣвой двери*), Эммерикъ.

Эммерикъ (*подбѣгая къ нему.*)

Другъ мой! милый Гекторъ!

Гекторъ.

Что съ тобою?

Эммерикъ (*бросаясь къ нему на шею*).

Обними меня!... Все кончено...

Гекторъ.

Неужели?

Эммерикъ.

Я теперь свободенъ... а могу располагать собою... все расторгнуто, и на всегда!

Гекторъ.

Да услышитъ тебя Небо!....

Эммерикъ.

Ты еще сомнѣваешься?

Гекторъ.

Нѣтъ... не то, чтобы... Но, какъ говорилъ сегодня утромъ... (*Боязливо*). не хочу никого называть..... я все боюсь, чтобы какое нибудь непредвидѣнное обстоятельство не перевернуло всего опять по-прежнему; меня ужасно перепугало наше отчаянное положеніе...

Эммерикъ.

Твоя правда! Несчастная женщина!

Гекторъ.

Ты ужъ и тоскуешь по ней?

Эммерикъ.

Нѣтъ: жалѣю ее.

Гекторъ.

А я такъ жалѣю только о тѣхъ, кого противъ воли вмѣшиваютъ въ опасныя приключенія! которыя до нихъ нисколько не касаются! Если бы видѣлъ, ты не узналъ бы меня. Я просто одурѣлъ.

Эммерикъ.

Бѣдный Баландаръ!

Гекторъ.

А я еще завидовалъ твоему счастію, и думалъ Богъ знаетъ что о знатныхъ дамахъ! Нѣтъ, полно! Да здравствуетъ Викторія Жиро!... Вѣдь она здѣсь....

Эммерикъ.

Какъ такъ?

Гекторъ.

Здѣсь сегодня будутъ гости... одни друзья... и она пріѣхала первая.

Эммерикъ.

А я скомпрометировалъ тебя передъ нею!... Я пойду къ ней.... и, подъ условіемъ тайны, открою истину.

Гекторъ (*удерживая его.*)

Избави тебя Богъ...

Эммерикъ.

Почему?

Гекторъ.

Ты не можешь себѣ представить до какой степени я возвысился сегодня въ ея мнѣніи... Она ласкова.... любезна.... все заводитъ рѣчь о той страстишкѣ, которую ты изволилъ навязать мнѣ на шею, потому что она не вѣрила, чтобы я могъ внушить такую страсть.... Видно, страсти нынче въ модѣ и прилипчивы... Стоитъ только начать одному.... пойдутъ и всѣ!

Эммерикъ (*улыбаясь*).

И Викторія?

Гекторъ.

Не я виноватъ, а ты!... Я вовсе не

хотѣлъ прослыть повѣсой; но теперь, когда меня всѣ признали тѣмъ, разочаровывать не должно... потому что... видишь..... лишивъ меня всей вины, ты лишишь меня и всѣхъ преимуществъ!

Эммерикъ.

Правда! Оставляю при тебѣ все, на сколько угодно времени!

Гекторъ (*взявъ его за руку*).

Спасибо!... Понимаешь ли ты теперь мое счастіе?

Эммерикъ.

Оно не равняется моему... Вотъ Алина. (*Идетъ на встрѣчу къ Алинѣ, которая входитъ съ лѣвой стороны.*)

—

ЯВЛЕНІЕ IX.

Алина, Эммерикъ, Гекторъ.

Алина.

Что же это такое, господа? Мнѣ должно самой прійти за вами!.... Г-жа де Сенъ-Жеранъ уже уѣхала... Что же это за препятствія такія?

Эммерикъ.

Ничего, ничего.

Гекторъ.

Препятствій нѣтъ ни какихъ.

Алина (*весело*).

Ну, слава Богу! Всѣ ужъ собрались... только нѣтъ нотаріуса да крестнаго папеньки.... самыхъ необходимыхъ изъ всѣхъ... исключая, разумѣется, насъ! Но что же вы, Г. Баландаръ? Викторія цѣлые полчаса ищетъ васъ, и уже два раза спрашивала у меня, гдѣ вы.

Гекторъ (*Эммерику тихо*).

Видишь... она не можетъ пробыть безъ меня ни минуты... Лечу къ ней.

(*Уходитъ.*)

Алина (*подходя къ лакеямъ, которые являются въ глубинѣ театра*).

Приготовьтесь подавать мороженое и пуншъ.... Да скорѣе.

Лакей.

Слушаюсь, сударыня.

Эммерикъ (*улыбаясь*).

Вы поспѣваете всюду!

Алина.

Это наша обязанность... а когда выйду за васъ, еще не то будетъ! (*Показывая на гостиную, находящуюся съ лѣвой стороны.*) Я пойду туда, и вы тоже прійдете?.... Еще подумаютъ, что я тамъ долго не возвращаюсь, потому что заговорилась съ вами.... Можетъ быть, и правда... (*Убѣгая.*) До свиданія! (*Ударивъ себя въ лобъ.*) Ахъ!... вотъ вы все хвалите мою память... я забыла отдать вамъ записочку..... Ее принесъ вашъ грумъ.

Эммерикъ (*смотря на Алину и принимая отъ нея письмо*).

Благодарю. (*Взглянувъ на почеркъ*) О, Боже!... (*Поспѣшно переходитъ на другую сторону сцены. Алина между тѣмъ оборачивается къ лакеямъ, которые входятъ, черезъ среднюю дверь, съ мороженымъ, и пр.*)

Алина.

Ты отнеси это въ большую гостиную... (*Другому лакею.*) Ты — въ батюшкину комнату и въ будуаръ.... Да не забудь поставить столы для картъ... (*Эммерику.*) Чтожъ, идете?

Эммерикъ (*въ сильномъ смущеніи*).

Иду... иду... сію минуту...

(*Алина уходитъ въ правую дверь, которая ведетъ въ будуаръ, между тѣмъ,*

какъ Гекторъ выходитъ съ противоположной стороны, изъ гостиной.)

Гекторъ (*съ живостію*)

Мороженаго!.. Мороженаго!.. для Викторій? (*Замѣтивъ Эммерика, который стоитъ у стола на лѣвой сторонѣ сцены.*) Что съ тобою? Ты падаешь? Тебѣ дурно?... Не отъ избытка ли радости? (*Бѣжитъ къ нему.*) Другъ мой!

Эммерикъ (*съ живостію*).

Молчи... молчи...

Гекторъ.

Да что съ тобою?

Эммерикъ.

Отъ нея.... отъ Графини... На, читай.

Гекторъ (*читая.*)

«Мужъ знаетъ все.... Ему все извѣстно!» (*Дрожа.*) Нѣтъ силъ дочитать.

Эммерикъ (*взявъ у него записку*).

«Вы одни въ свѣтѣ можете защитить меня или помочь мнѣ совѣтомъ. Я теперь у васъ . . . ожидаю васъ.»

Гекторъ (*съ гнѣвомъ*).

Не говорилъ ли я тебѣ? Этому не будетъ конца.... не будетъ конца никогда!

Эммерикъ (*съ отчаяніемъ*).

И когда же случается все это: именно въ самую счастливую минуту моей жизни! Прощай, мой другъ, прощай!

Гекторъ.

Развѣ ты идешь къ ней?

Эммерикъ.

Могу ли не итти, если во мнѣ еще есть сколько нибудь совѣсти? Я виною .... что она лишилась всего, и званія, и богатства, и добраго имени. И притомъ не оскорбилъ, не обезчестилъ ли благороднаго человѣка....

Гекторъ.

Ахъ! не говори мнѣ, сдѣлай милость, этого.

Эммерикъ.

И завтра, безъ сомнѣнія,... Впрочемъ, это должно было случиться.... жизнь моя принадлежитъ ему..я самъ отдамъ ее ему...

Гекторъ (*внѣ себя*.

Ты не выйдешь отсюда!

Эммерикъ.

Ни слова болѣе!... Постараемся лучше быть хладнокровнѣе... Прежде всего надобно подумать объ этой несчастной женщинѣ... о ея отъѣздѣ... бѣгствѣ... Надобно денегъ, и много денегъ.... а у меня ихъ нѣтъ!

Гекторъ.

Все равно! у меня есть....

Эммерикъ.

И какъ скоро она будетъ въ безопасности!... Пойдемъ! (*Останавливаясь.*) Но дядюшка... но Алина?...

Гекторъ (*подходя къ гостиной*).

А всѣ приглашенные!... А контрактъ!

Эммерикъ.

Невозможно!... Я откажусь! Но видѣть горесть, отчаяніе Алины.... перенести упреки отца ея... и всѣ толки и пересуды!.... Нѣтъ... нѣтъ... это выше силъ моихъ! Я имъ еще ничего не скажу сегодня... пусть узнаютъ завтра.... завтра ты извѣстишь ихъ обо всемъ, когда я буду убитъ....

Гекторъ.

Что ты это говоришь?

Эммерикъ (*холодно*).

Развѣ можетъ кончиться иначе?

Гекторъ (*внѣ себя*).

Убитъ!... Убитъ!... Да я не хочу этого.

Эммерикъ.

Молчи.

Гекторъ.

Что это значитъ! Выйти на дуэль и быть

убитымъ, или бѣжать за границу для женщины, которую болѣе не любишь!... И для нея покинуть....

Эммерикъ.

Да молчи же!

—

ЯВЛЕНІЕ X.

Гекторъ, Эммерикъ, Алина (*выходитъ изъ будуара съ правой стороны.*)

Алина (*съ живостію.*)

Что здѣсь такое? (*Гектору.*) Ахъ, Богъ мой! Какъ вы блѣдны, Г. Баландаръ!

Гекторъ.

Я.... да.... я и не скрываюсь...

Алина.

И было бы довольно трудно... Что же случилось съ вами?

Гекторъ (*съ смущеніемъ.*)

Я хотѣлъ... не могу... сказать... или объяснить вамъ.

Эммерикъ (*тихо.*)

Это тайна.

Алина (*съ живостію.*)

Вы скажете мнѣ ее?

Эммерикъ.

Непремѣнно. (*Гектору, тихо и указывая на среднюю дверь.*) Погляди за нею.

Гекторъ (*въ испугѣ.*)

Я?.. А если между тѣмъ?..

Эммерикъ.

Что?

Гекторъ.

Пріѣдетъ... мужъ.

Эммерикъ (*толкая его.*)

Я тотчасъ прійду къ вамъ..... Ступай же...

Гекторъ (*въ сторону.*)

Ну, мой другъ, Баландаръ, въ другой разъ не попадешься... И нѣтъ ни какой возможности отдѣлаться... Осужденъ на вѣки... (*Встрѣтивъ взглядъ Эммерика.*) Иду, мой другъ, иду. (*Уходя.*) Тутъ, просто, съ ума сойдешь.

(*Уходитъ.*

—

ЯВЛЕНІЕ XI.

Алина (*провожая его глазами, и весело.*)

Да онъ презабавенъ, этотъ Баландаръ. (*Подбѣгая къ Эммерику.*) Разскажите жъ мнѣ скорѣе, что у него за тайна?

Эммерикъ (*съ смущеніемъ*).

Его тайна?

Алина (*замѣтивъ его смущеніе*).

Стало быть, это очень серіозно?

Эммерикъ.

Да, очень серіозно.

Алина.

Опять та же дама, та же страсть?

Эммерикъ.

Да... да... таже роковая страсть, за которую онъ жестоко наказанъ.

Алина.

И по дѣламъ.... Онъ стоитъ того.

Эммерикъ.

Вы правы.... но вѣдь дѣло идетъ о его жизни.

Алина.

Ахъ, бѣдняжка!

Эммерикъ.

Дуэль.

Алина.

Возможно ли!

Эммерикъ.

И такъ какъ я буду его секундантомъ...

Алина (*съ живостію.*)

Для секундантамъ нѣтъ опасности?

Эммерикъ.

Ни какой.

Алина.

Какъ я рада!

Эммерикъ.

Но намъ должно уѣхать обоимъ... мнѣ надобно теперь же отправиться къ нему.... такъ, чтобы этого не замѣтилъ ни вашъ батюшка, ни кто другой....

Алина.

Особенно Викторія....

Эммерикъ.

Надобно отложить подписку контракта... подождать до завтра.... и для этого должно придумать такой предлогъ, который бы не касался до меня....

Алина (*съ живостію.*)

Я найду его... берусь за это...

Эммерикъ.

Возможно ли?

Алина (*нѣжно.*)

Для васъ я готова на все!... И притомъ, мнѣ такъ пріятно быть вашей повѣренной.. Ужъ не безпокойтесь: я сохраню вашу тайну....

Эммерикъ (*въ сторону.*)

Несчастный!

Алина.

Берегитесь: батюшка идетъ сюда... Да кажитесь же повеселѣе... какъ я!

—

ЯВЛЕНІЕ XII.

Клеранбо, Эммерикъ, Алина.

Клеранбо.

Вообразите, какая досада: Г. де Сенъ-Жеранъ... мой другъ...

Алина.

Мой крестный батюшка... и нашъ свидѣтель... Что же?

Клеранбо.

Пишетъ ко мнѣ, что его задерживаетъ важное дѣло.

Эммерикъ (*въ сторону*).

Угадываю, что это за дѣло...

Клеранбо.

Онъ не можетъ быть у насъ сегодня... и даже просить не дожидаться его... Я, просто, въ отчаяніи...

Алина.

И я также...

Клеранбо.

Однако жъ, нотаріусъ здѣсь... знакомые наши тоже всѣ здѣсь... Пойдемте же....

Алина (*тихо Эммерику*).

Не бойтесь. (*Громко отцу.*) Нѣтъ, папенька, нѣтъ: оно не прилично.

Клеранбо.

Что не прилично?

Алина.

Свадьбу нашу устроилъ крестный батюшка... Онъ долженъ быть у насъ и свидѣтелемъ.... такъ какъ же безъ него?.... (*Тихо Эммерику.*) Хорошо?

(*Эммерикъ пожимаетъ ей руку.*)

Клеранбо.

Но онъ самъ позволяетъ...

Алина (*подходя къ отцу, смотритъ на Эммерика*).

Все равно... мы отложимъ до завтра... потому что надобно же для друга...

Клеранбо (*съ жаромъ*).

Быть неучтивымъ со всѣми другими!.... Ты сама такъ торопилась....

Алина.

За то теперь не тороплюсь.

Клеранбо.

Ты еще сегодня утромъ не хотѣла ждать ни одного дня, ни одного часа....

Алина.

Такова у меня была прихоть, а теперь другая.

Клеранбо.

Замолчишь ли ты?

Алина.

Капризъ...

Клеранбо.

Да перестанешь ли ты?... Что подумаетъ о тебѣ женихъ?

Алина (*нѣжно смотря на Эммерика*).

Надѣюсь.... ничего дурнаго...

Клеранбо (*подходя къ Эммерику.*)

Племянникъ... прошу васъ.... не судите по этому, что у нея дурной характеръ... Я ее не узнаю... сегодня.

—

ЯВЛЕНІЕ XIII.

Алина, Клеранбо, Эммерикъ, Гекторъ.

Гекторъ (*подходя къ Эммерику, говоритъ ему тихо*).

Она спрашиваетъ и ждетъ тебя.... И если ты не будешь...

Эммерикъ (*также*).

Сію минуту.

Клеранбо (*дочери.*)

Пойдемъ же, сударыня; по крайней мѣрѣ извинимся передъ гостями....

Алина (*отцу, который идетъ къ гостиной.*)

Иду за вами, папенька. (*Клеранбо уходитъ, Алина Эммерику.*) Довольны ли вы мною, Эммерикъ?

Гекторъ.

Какъ?...

Алина (*съ упрекомъ*).

О, какъ вы огорчаете друзей вашихъ, Г. Баландаръ!

Гекторъ (*удивляясь*).

Я?...

Алина.

Однако жъ, поѣзжайте, скорѣе. (*Подходя къ лѣвой двери.*) Прощайте... до скораго свиданія...

Эммерикъ (*смотря на Алину*)

И отказаться отъ такого счастія!

Алина.

До завтра!

Гекторъ (*увлекая Эммерика*).

Пойдемъ же!

ДѢЙСТВІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

Та же декорація, какъ и въ третьемъ дѣйствіи.

ЯВЛЕНІЕ I.

Гекторъ (*входя въ среднюю дверь.*)

Да... мнѣ надобно переговорить съ Г. Клеранбо... Я не думалъ, чтобы теперь у него уже были гости.... (*Подходитъ къ авансцену.*) Подожду... Ну, какую я провелъ ночь! Вчера вечеромъ я обѣщалъ Эммерику пріѣхать сюда ранехонько, чтобы ко всему приготовить его тестя.... Вчера мы рѣшили, что Г-жа де Сенъ-Жеранъ должна бѣжать изъ своего

дома сегодня утромъ... Мы тоже опредѣлили, что Эммерикъ, если только его не убьютъ... поѣдетъ съ нею въ Швейцарію... если жъ его убьютъ, съ нею поѣду я!.. (*Горестно.*) А мои дѣла!.... Я не спалъ всю ночь: мнѣ все грезились шпаги и пистолеты... Чортъ знаетъ, что мнѣ не мерещилось!... Нѣтъ, рѣшительно — знатный свѣтъ опаснѣе нашего, и любовь въ экипажахъ гораздо хуже пѣшеходной! Плебейскія интрижки можно кончить, когда вздумаешь... Я, бывало, чудо какъ умѣлъ отдѣлываться..... Стоило только написать на угадъ: «Я знаю все.... Мы болѣе не увидимся съ вами...» И у меня никогда не требовали ни какихъ объясненій, а здѣсь.... конца нѣтъ!... Мой страшный кліентъ, словно призракъ какой, все передо мною... (*Замѣтивъ Сенъ-Жерана, который выходитъ съ лѣвой стороны.*) Ну, вотъ, опять онъ!

—

ЯВЛЕНІЕ II.

Г. де Сенъ-Жеранъ, Гекторъ.

Гекторъ.

Какъ?.. Это вы, Графъ.... какъ вы рано выѣхали сегодня?

Г. де Сенъ-Жеранъ.

Я уже возвращаюсь домой!.. Клеранбо встаетъ рано, а мнѣ хотѣлось извиниться передъ нимъ въ моей вчерашней неучтивости... объяснить ему, почему я не могъ быть при подписаніи контракта.

Гекторъ (*въ сторону*).

Стало быть, тестю все извѣстно, и я пріѣхалъ понапрасну.

Г. де Сенъ-Жеранъ.

Кстати, мнѣ надобно также переговорить съ вами, Г Баландаръ.

Гекторъ (*въ сторону.*)

Богъ мой!

Г. де Сенъ-Жеранъ.

Я получилъ вчера... двѣ, три странички вашихъ замѣчаній по моему дѣлу.. (*Улыбаясь.*) У васъ тогда уже не болѣла голова... Я замѣтилъ это безъ труда, потому что никогда не читалъ ничего изложеннаго съ большею точностію, ясностію и разсудительностію... Нечего сказать, мастерски!

Гекторъ (*кланяясь.*)

Графъ!

Г. де Сенъ-Жеранъ.

Нѣтъ... нѣтъ, тутъ уже не о чемъ спорить; теперь считаю дѣло мое выиграннымъ... Мнѣ слѣдовало бы тотчасъ же быть у васъ, или письменно благодарить васъ; но, извините, вчера одно непредвидѣнное и непріятное обстоятельство...

Гекторъ (*въ сторону.*)

Что, если бъ мнѣ удалось какъ нибудь уладить. (*Громко.*) Обстоятельство истинно несчастное....

Г. де Сенъ-Жеранъ (*улыбаясь*).

Какъ? Оно уже извѣстно?...

Гекторъ (*смутясь.*)

Мнѣ, мнѣ... одному... Случай... сношенія.... и дружба.... которая соединяетъ меня....

Г. де Сенъ-Жеранъ.

Дружба.... довольно незавидная....

Гекторъ.

Конечно.... Но развѣ нельзя, для общей пользы, уладить это дѣло....

Г. де Сенъ-Жеранъ.

Оно ужъ кончено....

Гекторъ.

Вы уже видѣлись съ нимъ сегодня?.. Еще только семь часовъ...

Г. де Сенъ-Жеранъ.

Мы стрѣлялись въ пять...

Гекторъ.

Умеръ... умеръ... Вы убили его?

Г. де Сенъ-Жеранъ.

Слѣдовало бы, по настоящему!... Но я вспомнилъ, что вчера утромъ, разговаривая о немъ, я необдуманно обѣщалъ.... Это и спасло его! Я просто направилъ пулю въ лѣвое плечо...

Гекторъ.

Боже!... И попали?

Г. де Сенъ-Жеранъ.

Еще бы не попасть!

Гекторъ (*съ сердцемъ и дрожа*).

Но это ужасно, Гравъ.... безчеловѣчно!

Г. де Сенъ-Жеранъ.

Вы защищаете его?

Гекторъ (*внѣ себя.*)

Да съ... я только адвокатъ... но все равно... Когда дѣло идетъ о другѣ...

Г. де Сенъ-Жеранъ (*холодно и взявъ его за руку*).

Прежде нежели будете обвинять меня, прочитайте, сударь. Если бъ вы нашли такое письмо у жены вашей...

Гекторъ (*взглянувъ на письмо, въ сторону*).

Боже!.... Почеркъ не Эммерика!

Г. де Сенъ-Жеранъ.

Волочиться за моей женой... жаловаться на ея равнодушіе и даже писать къ ней любовное объясненіе, особенно такимъ слогомъ!... такъ и быть еще... Но эти двѣ строчки, которыя относятся ко мнѣ одному... (*Перечитывая письмо.*) «Какъ намедни говорили въ клубѣ нашемъ.... этотъ ужасный адмиралъ, съ своей морской подзорной трубой, не видитъ, что дѣлается у него передъ носомъ...» Могъ ли я оставить безъ наказанія такое оскорбленіе?... такія слова, произнесенныя публично, въ клубѣ, этимъ виконтомъ, котораго вы защищаете?...

Гекторъ (*въ сторону.*)

Такъ онъ виконтъ?...

Г. де Сенъ-Жеранъ.

Съ моей стороны была сдѣлана только одна ошибка, ... когда письмо это случайно попало въ мои руки, я, въ первомъ порывѣ, не могъ скрыть моего бѣшенства передъ своимъ каммердинеромъ... Потомъ тотчасъ, однако жъ, я успокоился: жена моя ничего не должна была знать объ этомъ оскорбленіи, которое она не безъ причины отъ меня скрывала... Прежде всего хотѣлъ я написать къ Эммерику, и просить его, чтобы онъ былъ моимъ секундантомъ, но это испугало бы его невѣсту. Я рѣшился взять въ секунданты одного изъ моихъ офицеровъ, лейтенанта, съ которымъ сегодня утромъ отправился я къ Г-ну де Лапжаку...

Гекторъ.

Г-ну де Ланжаку?

Де Сенъ-Жеранъ.

Пріятелю вашему, какъ вы мнѣ сказывали...

Гекторъ.

Я хотѣлъ сказать, моему кліенту... всѣ мои кліенты мнѣ пріятели... Но теперь, когда мнѣ извѣстно, что произошло между вами, совсѣмъ другое дѣло... я больше съ ними не знакомъ.

Де Сенъ-Жеранъ.

Благодарю васъ...

Гекторъ.

Я прошу только объ одномъ — чтобъ рана не была опасна...

Де Сенъ-Жеранъ (*съ видомъ равнодушія*).

Не знаю... надѣюсь... Впрочемъ, я не хотѣлъ никому говорить объ этомъ приключеніи, кромѣ Г-на Клеранбо и его зятя, и потому я далъ знать Эммерику, что дожидаюсь его здѣсь...

Гекторъ (*въ сторону*).

Мы спасены! Побѣгу предупредить Эммерика... Боже! вотъ и онъ самъ.

—

ЯВЛЕНІЯ III.

Эммерикъ, Сенъ-Жеранъ, Гекторъ.

Эммерикъ, блѣдный, въ застегнутомъ фракѣ, подходитъ, держа ящикъ съ пистолетами, къ Сенъ-Жерану, не смотря на знаки Гектора, котораго онъ не видитъ.

Эммерикъ (*въ волненіи*).

Вы присылали мнѣ сказать, милостивый государь, что дожидаетесь меня здѣсь, у моего тестя, и я являюсь къ вашимъ услугамъ...

Гекторъ (*въ сторону*).

Кончено!..

Де Сенъ-Жеранъ (*удивленный*).

Къ моимъ услугамъ?...Какимъ и для чего?..

Эммерикъ (*тоже*).

Я не понимаю, милостивый государь, какъ вы еще спрашиваете меня объ этомъ?

Гекторъ (*съ живостію къ Сенъ-Жерану*).

Дѣйствительно, онъ былъ въ правѣ этого надѣяться... я видѣлся съ нимъ сегодня, и разсказалъ ему все .. онъ собирался быть вашимъ секундантомъ; онъ за тѣмъ и пришелъ.

Де Сенъ-Жеранъ.

Въ самомъ дѣлѣ? Очень благодаренъ вамъ, любезнѣйшій; я тотчасъ подумалъ о васъ.

Гекторъ.

Это самое говорилъ мнѣ Графъ сію минуту.

Эммерикъ (*съ удивленіемъ*).

О Боже! что это значитъ?

Гекторъ (*подходя къ нему*).

Къ несчастію, все уже кончено. Оставь пистолеты, они болѣе не нужны. (*Беретъ изъ рукъ его пистолеты и шляпу и кладетъ ихъ на столъ*). Дуэль была сегодня утромъ.

Де Сенъ-Жеранъ

Въ пять часовъ.

Гекторъ (*съ живостію*).

И Г-нъ де Ланжакъ раненъ.

Эммерикъ.

Раненъ!

Гекторъ (*съ живостію*).

Не пугайся, онъ раненъ не опасно; это, какъ я тебѣ говорилъ, научитъ его быть осторожнѣе въ выраженіяхъ своихъ; добрый урокъ ему.

Эммерикъ (*смотритъ на него съ волненіемъ*).

Да, да, конечно.

Гекторъ (*также*).

Котораго онъ не забудетъ.

Де Сенъ-Жеранъ.

Надѣюсь..... Тесть вашъ, которому разсказалъ я всю исторію, объявилъ мнѣ, что ни вы, ни крестница моя, не хотѣли подписать контракта безъ меня, и я вдвойнѣ былъ виноватъ передъ вами; онъ простилъ меня съ условіемъ, что я пріѣду запросто позавтракать съ вами; я не смѣлъ отказаться. Теперь спѣшу окончить, до моего завтрашняго отъѣзда, кой-какія дѣла, изъ которыхъ одно касается до васъ. И такъ, до свиданія! (*Какъ будто хочетъ итти. Эммерикъ и Гекторъ показываютъ радостное движеніе*). А потомъ, ввечеру, нашъ свадебный контрактъ на этотъ разъ совершится уже безъ отлагательства.

Гекторъ (*въ сторону*).

Дай-то Господи!

Де Сенъ-Жеранъ.

И если будетъ время, мы поѣдемъ въ оперу... на это рѣшительное представленіе..... и такъ постараемся отыскать вашего противника.

Гекторъ (*съ непритворною радостію*).

Котораго мы не найдемъ!

Де Сенъ-Жеранъ.

Почему такъ?

Гекторъ (*въ замѣшательствѣ*).

То есть.... я полагаю, что не найдемъ.

Де Сенъ-Жеранъ.

Все равно; мы будемъ тамъ. Прощайте, друзья мои.

Гекторъ.

Прощайте Графъ....

(*Сенъ-Жеранъ уходитъ. Гекторъ, не кончивши фразы, падаетъ убитый въ кресла, стоящія на лѣво, между тѣмъ какъ Эммерикъ садится съ другой стороны, на право*).

—

ЯВЛЕНІЕ IV.

Гекторъ, Эммерикъ.

Гекторъ.

Еще прошла туча!

Эммерикъ.

Я ужъ не знаю, что со мною дѣлается!

Гекторъ.

И я тоже. Такіе волненія и ужасы сокращаютъ жизнь; я просто захвораю.

Эммерикъ (*не выходя еще изъ своего удивленія*).

Это былъ Ланжакъ? И безъ твоего присутствія духа.....

Гекторъ.

А у меня его еще никогда не бывало; я такъ испугался, что невольно пробудилась во мнѣ твердость духа..... Я видѣлъ, что все погибло!

Эммерикъ (*встаетъ съ живостію и идетъ на лѣвую сторону*).

Ахъ, Боже мой!

Гекторъ.

Что съ тобою?

Эммерикъ.

А его жена?

Гекторъ.

Гдѣ она?

Эммерикъ.

У меня. Она только что пришла ко мнѣ, чтобы бѣжать со мною, уѣхать.....

Гекторъ.

Новый страхъ! Долго ли это будетъ? Пойдемъ скорѣе (*Бѣжитъ къ двери и видитъ Луизу, которая входитъ блѣдная и растроенная. Онъ вскрикиваетъ*).

—

ЯВЛЕНІЕ V.

Эммерикъ, Луиза, Гекторъ.

Луиза (*Быстро войдя въ дверь во глубинѣ сцены, не видитъ сначала Эммерика, который прошелъ на лѣвую сторону, и замѣчая только Гектора, который находится передъ ней, она бѣжитъ къ нему*). Я узнала карету.... я видѣла ее изъ окна.... она уѣхала.... они будутъ драться.... они будутъ драться.... Бѣгите скорѣе.... онъ убьетъ Эммерика.... (*Она оборачивается, видитъ его и съ крикомъ бросается въ его объятія*).

Эммерикъ.

Успокойтесь, дуэль уже кончилась.

Гекторъ (*съ живостію*).

Только не съ нимъ!

Эммерикъ.

Съ Г-мъ де Ланжакомъ.

Луиза.

Возможно ли?

Гекторъ (*также*).

Онъ нашелъ письмо его въ вашей шкатулкѣ.

Эммерикъ.

Въ той же, гдѣ вы спрятали мои письма... Вашъ лакей, преданный намъ, съ ужасомъ прибѣжалъ извѣстить васъ о бѣшенствѣ Г-на де Сенъ-Жерана.

Луиза.

Вотъ, что значитъ быть виновною!.. Я думала, что ужъ все открыто.

Эммерикъ.

А между тѣмъ, все спасено.

Гекторъ.

Но надобно какъ можно скорѣе удалиться отсюда... Взойдите на верхъ... я побѣгу за каретой.

Эммерикъ.

Пусть она дожидается внизу.

Гекторъ.

Хорошо... я извѣщу тебя... Ахъ, этотъ ящикъ!

(*Возвращаясь, онъ беретъ со стола, находящагося на лѣво, шляпу и ящикъ съ пистолетами, и уноситъ ихъ съ собою*).

—

ЯВЛЕНІЕ VI.

Эммерикъ, Луиза.

Эммерикъ.

Да, надобно воротиться домой прежде Г-на де Сенъ-Жерана. . . . если онъ спроситъ о васъ. . . . если не застанетъ васъ....

Луиза (*въ величайшемъ волненіи*).

Понимаю... ваша правда.... Но простите меня.... въ моей душѣ столько различныхъ ощущеній... Страхъ и радость... По словамъ вашимъ, вы оставили меня, чтобы готовиться къ отъѣзду: я думала, что вы обманули меня; считала васъ убитымъ, и тогда... противъ воли... я вышла отъ васъ... сбѣжала съ лѣстницы... Я потерялась...

Эммерикъ (*съ безпокойствомъ осматриваясь кругомъ*).

Пойдемте; намъ должно думать только о вашей безопасности.

Луиза (*не слушаетъ его*).

Да, да... Неужели!... вы жертвовали всѣмъ для меня... семействомъ, отечествомъ... Столько любви, не смотря на мои оскорбленія!... Видите ли, что мы еще любимъ другъ друга; что теперь, когда соединила насъ опасность, ничто уже не можетъ разлучить насъ!... что жъ касается до этой свадьбы...

Эммерикъ (*съ ужасомъ*).

Что вы говорите?...

Луиза (*съ живостію*).

Вы дали слово, я знаю!.. И связаны имъ теперь... Но я... я берусь устроить все это дѣло.

Эммерикъ (*въ ужасѣ*).

Боже мой!.. Пойдемте, говорю вамъ... вамъ нельзя оставаться здѣсь.

Луиза.

Почему же?

Эммерикъ.

Если васъ увидятъ здѣсь, утромъ, у моего дяди...

Луиза.

Ваша правда, — я объ этомъ не подумала.

Эммерикъ.

Взойдите ко мнѣ.. подождемъ Баландара.

(*Идутъ къ дверямъ, и останавливаются*).

Нѣтъ, послушайте... тамъ говорятъ...

Алина (*за кулисами*).

Какъ, онъ уже пришелъ?

Эммерикъ.

Голосъ моей кузины.

Луиза (*испугавшись*).

Ахъ, ради Бога, чтобъ она меня не видала!..

Эммерикъ (*показывая ей дверь на право*).

Сюда, сюда, — ничего не бойтесь...

Луиза (*колеблется*).

Но... однако жъ...

Эммерикъ.

Нѣтъ, ради Бога!.. Если вы меня любите!..

(*Луиза входитъ въ кабинетъ на право; Эммерикъ затворяетъ за нею дверь*).

—

ЯВЛЕНІЕ VII.

Алина, Эммерикъ.

Алина (*выходитъ изъ задней двери, и весело бѣжитъ къ Эммерику*).

Возможно ли... такъ рано!.. Ахъ, какъ

это мило!... Я этого ожидала... Я говорила сама себѣ: онъ знаетъ, что я очень безпокоюсь... такъ вѣрно прійдетъ... для меня, и, можетъ быть, отчасти и для себя.

Эммерикъ (*смущеніи*).

О, безъ сомнѣнія.

Алина.

Ну, что новаго? Что эта скверная дуэль?

Эммерикъ.

Была... сегодня поутру...

Алина (*съ живостію*).

А Г. Баландаръ?

Эммерикъ.

Цѣлехонекъ.

Алина.

Слава Богу! А противникъ его?

Эммерикъ (*съ смущеніемъ смотритъ на дверь съ правой стороны*).

Не знаю... мнѣ не извѣстно...

Алина.

Да какъ же, когда вы сами были тамъ, секундантомъ?

Эммерикъ (*также*).

То есть, я хочу сказать, что не знаю будутъ ли послѣдствія....

Алина.

Такъ, стало-быть, онъ раненъ.

Эммерикъ (*съ живостію*).

Да, да... Мнѣ казалось, что я уже сказалъ вамъ.

Алина.

Совсѣмъ нѣтъ!.. А каковъ же Г-нъ Баландаръ! Кто бы могъ подумать?.. Драться такимъ образомъ! Ранить человѣка... Я обѣщала вамъ хранить тайну, но дѣло слишкомъ важно и ужасно.

Эммерикъ.

Алина!

Алина.

Нѣтъ, я не могу не предупредить Викторіи, что она выходитъ замужъ за человѣка сварливаго, забіяку, головорѣза!...

Эммерикъ.

Ради Бога!

Алина (*съ живостію*).

Онъ вашъ другъ, но и Викторія также другъ мнѣ, и такъ какъ дѣло идетъ о ея счастіи....

—

ЯВЛЕНІЕ VIII.

Алина, Эммерикъ, Клеранбо.

Клеранбо.

Что такое? что такое? Ужъ и вмѣстѣ!

Алина (*весело*).

Ахъ, папенька, не обращайте вниманія на это, мы спорили съ Эммерикомъ. Кстати (*бѣжитъ къ отцу и цѣлуетъ его*). Здравствуйте, папенька! Вѣдь я всегда съ вами первыми здороваюсь.

Клеранбо (*съ улыбкой смотритъ на Эммерика*).

Не нынче, однако же!... Мнѣ сказали, что Баландаръ здѣсь и меня спрашиваетъ. (*Алинѣ, которая шепотомъ разговариваетъ съ Эммерикомъ*). Да что жъ ты тамъ дѣлаешь? Вѣдь твой крестный отецъ нынче у насъ завтракаетъ.

Алина.

Ахъ, да!

Клеранбо.

А ты ничего не приказываешь... ни о чемъ не думаешь... даже и хозяйствомъ не занимаешься... Смотри, вѣдь этакъ и Эммерикъ откажется отъ тебя...

Алина (*Эммерику*).

Будто правда? Иду и закажу завтракъ, на славу! (*Идетъ въ глубину театра*).

Клеранбо (*подходя къ Эммерику*).

А я займусь приданымъ; пора, пора подумать объ этомъ.

Алина (*возвращается и подходитъ къ отцу*).

О, я увѣрена, что онъ женился бы на мнѣ и безъ приданаго!.. Не правда ли?..

Клеранбо (*обращаясь къ ней*).

Да будешь ли ты меня слушаться?.. Смотри, у тебя ничего не будетъ готово... Ступай скорѣе,—тѣмъ скорѣе возвратишься къ Эммерику.

Алина (*весело*).

И вы говорите еще, что я васъ не слушаюсь!.. Сейчасъ ворочусь.

(*Она поспѣшно вбѣгаетъ въ дверь съ лѣвой стороны; Клеранбо тихо слѣдуетъ за нею; въ это время Луиза растворяетъ не много дверь съ правой стороны*).

Луиза (*тихо*).

Можно мнѣ теперь выйти?

Эммерикъ (*съ живостію затворяя дверь*).

Нѣтъ еще...

Клеранбо (*оборачиваясь, и видя, что Эммерикъ затворилъ дверь, идетъ назадъ*).

А?.. Что такое? Кто-то затворилъ эту дверь...

Эммерикъ (*въ смущеніи*).

Можетъ быть... я не видалъ...

Клеранбо (*идетъ справа*).

Мнѣ послышался чей-тѣ голосъ...

Эммерикъ (*удерживая его за руку*).

Вѣроятно я сказалъ что нибудь.

Клеранбо.

Кому?..

Эммерикъ.

Кому?.. Баландару?.. Мнѣ показалось, что онъ въ вашемъ кабинетѣ...

—

ЯВЛЕНІЕ IX.

Гекторъ, Эммерикъ, Клеранбо.

Гекторъ (*подошедъ къ Эммерику, говоритъ ему въ полголоса.*)

Карета нанята.

Эммерикъ (*вздрогнувъ, говоритъ ему шепотомъ.*)

Хорошо.

Гекторъ (*также.*)

Я пойду къ тебѣ на верхъ, предупредить ее.

Эммерикъ (*также.*)

Не надо.

(*Гекторъ отходитъ, а Клеранбо приближается къ Эммерику.*)

Клеранбо (*въ полголоса*).

Вотъ Баландаръ здѣсь.

Эммерикъ (*въ смущеніи.*)

Меня это очень удивляетъ.

Клеранбо (*также*).

А меня не удивляетъ, потому что мнѣ показалось, будто здѣсь мелькнуло женское платье.

Эммерикъ.

Кто нибудь изъ домашнихъ...

Клеранбо.

Никто не проходилъ черезъ залу.

Эммерикъ.

Ваша правда, но, можетъ быть, по другой лѣстницѣ, другой выходъ....

Клеранбо.

Другаго выхода нѣтъ.

Эммерикъ (*въ величайшемъ смущеніи*).

Такъ я не знаю, не могу понять... я ошибся... и вы также.

Клеранбо (*подходя къ двери*).

Въ этомъ очень легко увѣриться..... *останавливается*). Но вотъ дочь!...

—

ЯВЛЕНІЕ X.

Гекторъ, Алина, де Сенъ-Жеранъ, Эммерикъ, Клеранбо.

Алина (*входитъ весело.*)

Мой крестный папенька пріѣхалъ...

Клеранбо (*идетъ къ нему на встрѣчу*).

Милости просимъ.

Эммерикъ (*въ сторону*).

Какая досада!

Алина (*удерживая Гектора, который хочетъ уйти*).

Нѣтъ, вы не уѣдете, я не отпущу васъ; останьтесь позавтракать съ нами.

(*Клеранбо пошелъ на встрѣчу Сенъ-Жерана и жметъ его руку; Эммерикъ, въ смущеніи и нерѣшительности, хотѣлъ подойти къ двери на право, и увидѣлъ передъ собой Клеранбо, который, оставивъ Сенъ-Жерана, не перестаетъ внимательно слѣдить за Эммерикомъ; Эммерикъ отходитъ въ другую сторону.*)

Сенъ-Жеранъ (*Алинѣ.*)

Я опять заставилъ себя дожидаться, а между тѣмъ не потерялъ понапрасну времени. Даже не заѣзжая домой, я отправился въ канцелярію орденскаго капитула, чтобы взять тамъ сюрпризъ, который я готовилъ для моей крестницы.... Но тамъ такъ медлятъ... я долженъ былъ прождать до сихъ поръ...

Алина.

Въ самомъ дѣлѣ!

Сенъ-Жеранъ (*въ полголоса Алинѣ.*)

И привожу патентъ, который при мнѣ заготовили... ново-произведенному кавалеру — твоему жениху. Ты его отдашь ему сама ввечеру, когда будемъ подписывать свадебный контрактъ.

Алина.

О, какъ вы добры!

Клеранбо (*подходитъ къ Сенъ-Жерану, и въ волненіи говоритъ ему.*)

Я еще долженъ попросить отъ васъ услуги, другъ мой... мнѣ нуженъ совѣтъ...

Гекторъ (*выходя въ передъ*).

Я здѣсь!

Клеранбо (*Гектору*).

Благодарю!.... Пожалуйста подождите насъ въ маленькой гостиной, вмѣстѣ съ дочерью.... мы сейчасъ прійдемъ къ вамъ.

Алина (*Гектору*).

Это вѣрно на счетъ приданаго... Пойдемте.

Гекторъ.

Что это, вашъ батюшка какъ будто разстроенъ?

Алина (*весело*).

Онъ очень проголодался, я въ томъ увѣрена. Будьте покойны, до завтрака не долго. Пойдемте же, Г. Баландаръ.

(*Она съ Гекторомъ уходитъ въ боковую дверь, на лѣво; Клеранбо проходитъ черезъ сцену, чтобы удостовѣриться, дѣйствительно ли ушли они.*)

—

ЯВЛЕНІЕ XI.

Клеранбо, Сенъ-Жеранъ, Эммерикъ.

Сенъ-Жеранъ.

Ну, говорите, что вамъ надо?

Клеранбо (*съ волненіемъ*).

Я хотѣлъ напомнить вамъ, другъ мой, что прося меня отдать дочь за моего племянника, вы поручились за него... Вы клялись, такъ же какъ и онъ клялся честію, что въ его поведеніи не будетъ ничего скрытнаго, ни какихъ интригъ, ни какихъ сношеній, которыя могли бы нарушить счастіе моей дочери.... Только на такомъ условіи я согласился, вы знаете...

Сенъ-Жеранъ.

Конечно; но къ чему все это?

Клеранбо.

Къ тому, другъ мой, что вамъ не должно ни удивляться, ни сердиться на меня, если я беру свое слово назадъ.

Сенъ-Жеранъ.

Помилуйте?

Эммерикъ.

Но, ради Бога, что я сдѣлалъ?

Клеранбо.

И онъ еще смѣетъ спрашивать!... когда сейчасъ, здѣсь, въ моемъ домѣ, у своей невѣсты, онъ тайно принималъ женщину (*Переходя черезъ сцену*), которая спрятана здѣсь, вотъ въ этой комнатѣ.

Эммерикъ (*становится передъ Клеранбо, который хочетъ войти*).

Милостивый Государь!...

Клеранбо.

Вотъ и доказательство, онъ не хочетъ пустить меня сюда.

Эммерикъ (*съ нетерпѣніемъ.*)

Потому что... потому что, не смотря на всю мою любовь и уваженіе къ вамъ, я не хочу, послѣ свадьбы своей, попасть подъ надзоръ и терпѣть безпрестанныя подозрѣнія... а чтобы избавиться отъ нихъ въ послѣдствіи, должно теперь же...

Сенъ-Жеранъ.

Мнѣ кажется, все это справедливо.

Клеранбо.

Однако жъ, женское платье, которое я видѣлъ...

Эммерикъ (*съ смущеніи*).

Можетъ быть, но повторяю вамъ, что ту женщину, которая прошла черезъ эту комнату, я едва видѣлъ, мелькомъ... она изъ вашего дома.

Клеранбо (*хочетъ войти въ комнату*).

Ну, такъ посмотримъ.

Эммерикъ (*становится передъ нимъ*).

То есть, что вы не вѣрите мнѣ на слово, и что недовѣріе ваше....

Клеранбо.

Недовѣрія къ вамъ я не имѣю, но все таки хочу видѣть самъ...

Эммерикъ.

И вотъ именно что меня оскорбляетъ... я этого не стерплю.

Сенъ-Жеранъ (*съ улыбкой*).

Не сердитесь, друзья мои. Я здѣсь человѣкъ посторонній: хотите избрать меня въ судьи.

Эммерикъ (*съ живостію бросается къ нему и занимаетъ мѣсто между Сенъ-Жераномъ, который находится съ лѣвой стороны, и Клеранбо, который съ правой стороны отъ зрителей*).

Нѣтъ! нѣтъ!..

Сенъ-Жеранъ (*съ удивленіемъ*).

Да почему же?

Эммерикъ (*въ смущеніи все смотритъ на Клеранбо, который направляетъ шаги къ двери на право*).

Потому что онъ не повѣритъ даже вамъ... Онъ не вѣритъ никому.

Сенъ-Жеранъ (*улыбаясь отходитъ и садится въ кресла, съ лѣвой стороны*).

Это правда.

Эммерикъ (*смотритъ на Клеранбо, съ умоляющимъ взоромъ*).

Даже моему честному слову!...

Клеранбо (*который шелъ къ роковой двери, останавливается на минуту въ нерѣшительности и удивленіи*). Право, не знаю, что мнѣ дѣлать... (*Эммерикъ изъявляетъ радость*). Нѣтъ, я долженъ!.. (*Бросается въ комнату на право; Эммерикъ остается въ недоумѣніи, и приходитъ въ себя только услышавъ голосъ Сенъ-Жерана*).

—

ЯВЛЕНІЕ XII.

Сенъ-Жеранъ, Эммерикъ.

Сенъ-Жеранъ (*сидя въ креслахъ, по лѣвую сторону, подаетъ знакъ Эммерику, чтобы тотъ подошелъ къ нему*).

Скажите мнѣ. (*Въ полголоса*). Въ самомъ дѣлѣ, нѣтъ ли тамъ.....(*показывая на дверь*) неужели, противъ вашей воли тутъ она... опять она?..

Эммерикъ (*съ живостію*).

Нѣтъ, клянусь вамъ, никого?..

Сенъ-Жеранъ (*холодно*).

Вѣрю вамъ, иначе вы избрали бы меня судьею своимъ... разумѣется ты могъ быть увѣренъ, что я взялъ бы твою сторону...

—

ЯВЛЕНІЕ XIII.

Сенъ-Жеранъ *сидитъ по лѣвую сторону*, Эммерикъ *стоитъ подлѣ него*; Клеранбо *выходитъ изъ комнаты съ правой стороны и затворяетъ за собою дверь. Онъ блѣденъ, внѣ себя, едва держится на ногахъ, а между тѣмъ притворяется веселымъ*).

Сенъ-Жеранъ (*смотритъ на него*).

Ну, что? *Клеранбо хочетъ говорить и не можетъ*). Что же ты?

Клеранбо (*стараясь засмѣяться*).

Ничего... ровно ничего... ничего рѣшительно....

Эммерикъ (*Сенъ-Жерану*).

Я говорилъ вамъ...

Сенъ-Жеранъ (*смотритъ на Клеранбо и смѣется*).

Онъ еще по сію пору не можетъ прійти въ себя...

Клеранбо.

Совсѣмъ нѣтъ... То есть, очень можетъ быть... Я такъ удивленъ, не увидѣвши ничего... И теперь понимаю, что... что...

Сенъ-Жеранъ (*подходя къ нему*).

Что вы совершенно несправедливы въ своихъ подозрѣніяхъ, вы никому не вѣрите.... Вотъ вамъ урокъ на будущее время.

Клеранбо.

Да, я воспользуюсь этимъ урокомъ.

Сенъ-Жеранъ.

И поспѣшите свадьбой (*Клеранбо дѣлаетъ движеніе*). Да, я требую, чтобъ вы сдержали ваше слово, вы мнѣ его дали. Я требую настоятельно, и теперь, мой любезный, когда вы не можете привести ни доказательствъ, ни подозрѣній!...

Клеранбо (*невольно выходя изъ себя*).

Напротивъ!..

Сенъ-Жеранъ.

Какъ, развѣ тамъ?...

Клеранбо.

Небыло никого, рѣшительно никого!.. Но вы мнѣ говорите о подозрѣніяхъ, и потому-то я сказалъ: *напротивъ*... Те-

перь у меня подозрѣній нѣтъ ни какихъ, и моя довѣренность...

Сенъ-Жеранъ.

Безпредѣльна...

Клеранбо.

Разумѣется.

Сенъ-Жеранъ.

Про то-то я и говорю: теперь нѣтъ ни какихъ препятствій; все кончено. Руку, руку—и сегодня вечеромъ контрактъ!

Клеранбо (*запинаясь*).

Да, любезнѣйшій, да...

Сенъ-Жеранъ.

Чтожъ касается до той статьи, которую мы передѣлали сегодня утромъ (*Эммерику*), на счетъ приданаго... мы пересмотрѣли и кое-что прибавили...

Эммерикъ (*со стыдомъ*).

О, Боже мой!

Сенъ-Жеранъ.

Вы пошлете ее къ нотаріусу?

Клеранбо (*ходитъ въ волненіи*).

Да, тотчасъ, другъ мой, тотчасъ... Я прійду къ вамъ... Ступайте къ моей дочери, я прійду....

Сенъ-Жеранъ (*весело идетъ къ двери на лѣво*).

А завтракъ!..

Эммерикъ (*подходитъ къ Клеранбо*).

Но, ради Бога!..

Клеранбо (*тихимъ и торжественнымъ голосомъ*).

Я самъ выведу ее.

Сенъ-Жеранъ (*обращаясь къ Эммерику*).

Ну, что же?

Клеранбо.

Ступайте, ступайте, васъ дожидаются. (*Эммерикъ выходитъ, съ Сенъ-Жераномъ, въ дверь съ лѣвой стороны*).

—

ЯВЛЕНІЕ XIV.

Клеранбо *идетъ отворять дверь на право, потомъ* Луиза.

Клеранбо.

Спѣшите, сударыня; теперь нѣтъ ни какой опасности.

Луиза (*колеблется и опирается на кресло, которое подлѣ нея*).

У меня подгибаются колѣни.

Клеранбо (*въ испугѣ*).

Ради Бога...

Луиза.

Вы спасли мнѣ жизнь и честь... Заклинаю васъ, выслушайте меня..

Клеранбо (*смотря на дверь съ лѣвой стороны*).

Сюда могутъ войти.

Луиза (*внѣ себя*).

Какое дѣло?... Если и я въ свою очередь могу спасти васъ!.. Если я помѣшаю браку, на который ни вы, ни я не можемъ согласиться! (*Спохватившись*). Простите меня, простите: я не хотѣла оскорбить васъ, напротивъ... я желаю лишь счастія вамъ и вашей дочери... Она не будетъ счастлива, онъ не будетъ любить ее.

Клеранбо.

И такъ, эти связи, какъ онъ говорилъ, не были расторгнуты?..

Луиза.

О, да!.. вчера... здѣсь же именно... Ахъ, тогда была у меня сила, у меня была твердость; я думала, что онъ не любитъ меня больше (*съ радостію*). Но я ошибалась, и онъ также. Какъ скоро онъ узналъ объ опасности....

Клеранбо.

Возможно ли?

Луиза.

Онъ хотѣлъ все бросить, хотѣлъ ѣхать со мною.

Клеранбо (*сурово*).

Съ вами?

Луиза.

О, ради Бога, не убивайте меня!.. Я знаю, какъ я виновна; но кому довѣрить мои мученья и страхъ?... я сирота!.. Если бъ у меня былъ отецъ, я упала бы къ ногамъ его, и сказала бы ему: Сжальтесь надо мной, простите моему разстроенному уму... защитите меня отъ самой себя — избавьте меня отъ погибели... (*Падаетъ передъ нимъ на колѣни*). Я... я въ силахъ только любить его!..

Клеранбо (*тронутый, старается поднять ее*).

Сударыня, сударыня... Дитя мое!..

Луиза (*радостно встаетъ*).

Дитя ваше! Вы сказали это?!..

Клеранбо.

Да, я долженъ пещись о васъ... но ступайте, ради Бога!..

Луиза.

Иду... повинуюсь вамъ... если поклянетесь, что эта свадьба не состоится...

Клеранбо (*смотритъ на дверь съ лѣвой стороны*).

Идутъ... можетъ быть, мужъ вашъ.

Луиза.

Мой судья!.. Онъ все узнаетъ.. (*Съ радостію*). Нѣтъ, Эммерикъ.

—

ЯВЛЕНІЕ XV.

Эммерикъ, Клеранбо, Луиза.

Эммерикъ (*бросается къ Клеранбо*).

Благодѣтель мой!

Клеранбо (*строгимъ голосомъ Эммерику, показывая на Луизу*).

Вы знаете сами, что теперь бракъ вашъ невозможенъ?..

Луиза (*вскрикивая*).

Ѣду! (*выходитъ въ заднюю дверь*).

Эммерикъ (*съ отчаяніемъ*).

Ахъ, что вы сдѣлали?

Клеранбо.

Исполнилъ долгъ свой... Я все перескажу дочери.

—

ЯВЛЕНІЕ XVI.

Алина, Эммерикъ, Клеранбо.

Алина (*выходитъ изъ дверей съ лѣвой стороны, и подбѣгаетъ къ Эммерику*).

Что же вы, а завтракать? Васъ обѣихъ дожидаются...

Клеранбо.

Идемъ, идемъ, другъ мой! (*Смотря на Эммерика, котораго увлекаетъ за собою Алина*). Ему быть моимъ зятемъ!.. Никогда!..

ДѢЙСТВІЕ ПЯТОЕ.

Та же декорація, что и въ предъидущемъ дѣйствіи.

ЯВЛЕНІЕ I.

Алина, Гекторъ.

Гекторъ.

Да, сударыня, я исполнилъ ваше порученіе, и послѣ стола тотчасъ побѣжалъ къ Викторіи Жиро, пригласить ее, отъ вашего имени, сегодня, на вечеръ.

Алина.

И она обѣщала быть.

Гекторъ.

Да, и такъ мило, такъ обворожительно.... Она позволила мнѣ зайти за нею, вести ее сюда, а ея отецъ, виноторговецъ, Г-нъ Жиро, который смотритъ на это въ простотѣ сердца, сказалъ, провожая меня: «Не знаю, мой любезный, можетъ быть и ошибаюсь, но, право, мнѣ кажется, что она васъ любитъ.» Да, онъ сказалъ мнѣ это!

Алина

Можетъ ли быть?

Гекторъ.

Слово въ слово, И если бы я хотѣлъ похвастать, что совсѣмъ не въ моемъ характерѣ, я могъ бы подумать, что онъ сказалъ правду: In vino veritas...

Алина (*не понимаетъ его*).

Что такое?

Гекторъ.

Ничего, это по-Латинѣ... Но въ такой радости, по чувству благодарности къ ней, не хочу имѣть отъ нея тайны — и скажу ей все.

Алина (*протягивая ему руку*).

Вотъ это прекрасно, и я послѣ этого мирюсь съ вами.... Но, впрочемъ, говорить ей нечего: я уже все разсказала ей...

Гекторъ.

Какъ?...

Алина.

И про дуэль вашу, какъ вы ранили вашего противника...

Гекторъ (*въ испугѣ*).

Помилуйте?

Алина.

Я должна была это сдѣлать.

Гекторъ (*прежнимъ тономъ*).

Все погибло!

Алина.

Напротивъ, она съ удивленіемъ и съ восторгомъ воскликнула: «Баландаръ дрался!... Баландаръ выходилъ на дуэль!»... И потомъ, если бъ вы видѣли, съ какимъ участіемъ распрашивала она о васъ.

Гекторъ (*внѣ себя*).

Она меня любитъ!

Алина.

Поклявшись сначала, что никогда не будетъ называться madame Баландаръ. Ей именно не нравилось ваше имя, — она сама призналась мнѣ въ этомъ.

Гекторъ.

Ну, такъ ей стóитъ назваться только madame Гекторъ... вѣдь она любитъ людей храбрыхъ, когда любитъ меня...

Алина.

Непонятная вещь!

Гекторъ.

Какъ, и вы...

Алина.

Я говорю о ея воинственномъ воображеніи....

Гекторъ.

Которое можетъ представить опасную сторону... Согласитесь сами, если, чтобъ ей нравиться, надобно было бы драться каждую недѣлю... Вы, конечно, скажете мнѣ, кто разъ доказалъ свою храбрость, тому ужъ нечего...

Алина.

Разумѣется. Но скажите мнѣ... вѣдь вы знаете все... отчего Эммерикъ за завтракомъ былъ такъ печаленъ и молчаливъ?

Гекторъ (*весело*).

Я не замѣтилъ... я ѣлъ, пилъ, говорилъ.... Я былъ такъ радъ, когда наконецъ услышалъ, что уѣхала карета.

Алина.

Что?... Какая карета?

Гекторъ (*спохватившись*).

Ничего... пренесносный кліентъ, котораго я старался избѣжать... А при томъ же, всякъ счастливъ по-своему: я когда счастливъ, такъ весь наружу, а онъ наслаждается счастіемъ своимъ безмолвно.

Алина.

Нѣтъ, тутъ что-то есть... Когда уѣхали вы и мой крестный папенька, батюшка подошелъ ко мнѣ, и хотѣлъ что-то сказать, но Эммерикъ удержалъ его, и хоть они говорили тихо, но я могла разслышать слова: «Я самъ.... ради Бога, я самъ.... Даю вамъ слово»...

Гекторъ.

Что это значитъ?

Алина (*весело*).

Какія-то дѣла, которыя касались батюшки... потому что онъ вышелъ, и оставилъ насъ однихъ... оно нисколько меня не испугало... говорятъ, что это принято между женихомъ и невѣстою... Эммерикъ съ трепетомъ сказалъ мнѣ: Алина!... я долженъ признаться вамъ... вы должны знать, что люблю васъ болѣе всего на свѣтѣ... что я не могу жить безъ васъ... (*весело*). Къ чему вздумалось ему открывать эту тайну?... Развѣ надобно еще говорить о томъ?... Но когда онъ говорилъ это, мнѣ показалось, что у него въ глазахъ были слезы....

Гекторъ (*въ сторону*).

Боже мой!

Алина.

Я говорю *мнѣ показалось*, потому что онъ убѣжалъ даже не взглянувъ на меня.

Гекторъ (*въ сторону, съ досадой*).

Ея правда... что нибудь да есть!...

Алина.

Что жъ можетъ быть такое? Не догадываетесь ли вы?

Гекторъ.

Кто знаетъ?... Какая нибудь неудача... Его очень безпокоитъ и тревожитъ новая опера... и для васъ, особенно... если вы его любите за его славу, какъ Викторія любитъ меня за мою храбрость...

Алина.

Полноте... Это не можетъ быть!

Гекторъ.

Развѣ какое нибудь затрудненіе въ его финансахъ... онъ, вѣдь артистъ... долги, можетъ статься, въ которыхъ онъ не хочетъ признаться вашему батюшкѣ.

Алина.

Вы думаете?... Но, вотъ и онъ... Оставьте насъ, пожалуйста....

Гекторъ (*подходитъ къ Эммерику, который выходитъ изъ боковой двери съ лѣвой стороны*).

Что еще?...

Эммерикъ (*въ величайшемъ безпокойствѣ*).

Скажу тебѣ послѣ... Оставь насъ...

Гекторъ (*въ сторону*).

Нечего дѣлать.... когда этого хотятъ оба... Пойдемъ за Викторіей...

(*Уходитъ*).

—

ЯВЛЕНІЕ II.

Алина, Эммерикъ.

Эммерикъ (*въ сторону и смотря на Алину*).

Въ этотъ разъ, буду ли я имѣть болѣе твердости... Однако жъ надо... я обѣщалъ отцу ея самому разрушить счастіе и всѣ мои надежды.

Алина (*въ сторону*).

Немножко похитрить, и я, вѣрно, узнаю, что его такъ тревожитъ.

Эммерикъ (*въ замѣшательствѣ*).

Алина!...

Алина.

Ну, что?

Эммерикъ (*также*).

Вы говорили съ Баландаромъ...

Алина.

Да, о самыхъ обыкновенныхъ предметахъ, о молодыхъ людяхъ, друзьяхъ его... (*съ живостію.*) И мы говорили, что очень естественно, когда молодой человѣкъ, пріѣзжающій въ Парижъ безъ состоянія... какой бы талантъ у него ни былъ, не можетъ тотчасъ упрочить свое положеніе и жить въ независимости... Пока дождешься успѣха, надобно существовать... слѣдовательно, очень естественно, что онъ принужденъ занимать, входить въ долги. (*Движеніе Эммерика*). Тутъ нѣтъ ничего дурнаго.... напротивъ, тѣмъ болѣе должно его за это уважать.

Эммерикъ (*съ удивленіемъ*).

Къ чему вы мнѣ это говорите?

Алина.

Къ чему?... Очень натурально, что не хотитъ открыться своему тестю... а тесть не понимаетъ или смотритъ на вещи съ дурной стороны... но двоюродная сестра... невѣста.... я, напримѣръ...

Эммерикъ.

Какъ? вы можете думать? Васъ обманули... клянусь честію... увѣряю васъ!...

Алина.

Ахъ, тѣмъ хуже!...

Эммерикъ.

И вы хотѣли...

Алина.

Все раздѣлить съ вами... Теперь оно меня привело бы въ восторгъ... а скоро это будетъ и долгъ мой... Почему же и вы не слѣдуете моему примѣру?... Развѣ и горести ваши не принадлежатъ мнѣ?

Эммерикъ.

Ахъ, чѣмъ болѣе слушаю васъ, тѣмъ болѣе вижу невозможность повѣрить ихъ вамъ.

Алина.

А я такъ понимаю теперь.

Эммерикъ (*испугавшись*).

Что вы говорите?

Алина.

Конечно, я буду гордиться вашими успѣхами, буду счастлива, нося имя, которое всякій произноситъ съ уваженіемъ... но не въ дни вашего торжества буду я любить васъ болѣе всего... Въ упоеніи славы, я для васъ буду лишняя... Да, у самаго искуснаго, у самаго счастливаго артиста бываютъ дни сомнительной или роковой борьбы... Тогда-то буду я подлѣ васъ... сердце мое будетъ биться вашими опасеніями и вашими надеждами. Чтобы ободрить васъ, я скажу: Не унывайте! или буду бояться вмѣстѣ съ вами... А если намъ суждено будетъ пасть... о, какъ я тогда буду любить васъ!.. да, тогда я буду необходима вамъ... любовь моя будетъ возрастать съ вашими горестями.... и если вы сомнѣваетесь въ этомъ... попробуйте быть несчастными—увидите...

Эммерикъ.

О, вы лучшее, превосходнѣйшее существо на землѣ!...

Алина.

Нѣтъ, нѣтъ... но я знала, что попаду на настоящую причину... И такъ, полноте же... Прочь всякая боязнь, всякое опасеніе... вы не должны имѣть ихъ болѣе... (*Съ любовію*) У меня ихъ больше нѣтъ... А посмотрите, какая блистательная будущность открывается передъ нами!... друзья, уваженіе... хорошее состояніе... и, что лучше всего — счастіе... мы такъ страстно любимъ другъ друга... мы молоды оба, и еще долго можемъ любить...

Эммерикъ (*внѣ себя*).

О, вѣчно, всю жизнь!... (*останавливаясь*) Нѣтъ, не то я хотѣлъ, не то долженъ былъ сказать... но, слушая ее, я забылся, видѣлъ передъ собою болѣе, нежели друга.... видѣлъ жену...

Алина (*бросаясь къ нему въ объятія*).

Да, да, не правда ли?

Эммерикъ (*съ восклицаніемъ, прижимаетъ ее къ сердцу*).

О !!

—

ЯВЛЕНІЕ III.

Эммерикъ, Алина, Клеранбо.

Клеранбо (*подходя, съ сердцемъ*).

Что это я вижу?

Алина.

Не безпокойтесь, папенька; мы было поспорили, а теперь помирились... Вотъ и все.

Клеранбо.

Такъ-то держите вы слово ваше, милостивый государь?

Алина.

Велика бѣда!... Въ день сговора...

Клеранбо.

Оставь насъ.

Алина.

Какъ папенька сердитъ... Болѣе меня.. (*смотритъ на Эммерика*) я ему простила.

Клеранбо.

Прошу тебя — оставь насъ.

Алина (*подходя къ нему*).

Сейчасъ, папенька... но я хотѣла попросить васъ...

Клеранбо (*съ нетерпѣніемъ*).

Говорятъ тебѣ, хорошо; я не забуду ни о чемъ....

Алина.

Прекрасно! Вы забыли самое главное: жены моего крестнаго отца, Г-жи де Сенъ-Жеранъ, вы и не позвали... это ужасная неучтивость, которую, впрочемъ, я загладила отъ вашего имени... и она пріѣдетъ, будьте спокойны... Иду, иду. (*Весело подбѣгаетъ къ Эммерику*). Прощайте, Эммерикъ. (*Взглянувъ на отца, приседаетъ съ серіознымъ видомъ*. Прощайте-съ.

—

ЯВЛЕНІЕ IV.

Клеранбо, Эммерикъ.

Клеранбо.

Вы хотѣли сказать сами, а не черезъ меня... и я предпочелъ это... потому что мнѣ она могла бы, пожалуй, не повѣрить. Вы взялись объявить моей дочери, что не любите ея, что любите другую, и, не смотря на ваше честное слово...

Эммерикъ.

Требуйте отъ меня такихъ клятвъ, которыя не противны были бы чести, и не заставляли бы меня быть лжецомъ... Повторяю вамъ, я не люблю никого на свѣтѣ, кромѣ Алины, что съ Г-жею де Сенъ-Жеранъ кончено все... и что она пришла сюда совершенно противъ моей воли

Клеранбо.

И послѣ свадьбы вашей, она, также противъ вашей воли, составитъ несчастіе моей дочери.

Эммерикъ.

Никогда!... Она ошибалась... Она приняла за любовь мой отъѣздъ... жертву, которая составляла мое несчастіе... Но теперь, когда она внѣ всякой опасности, я болѣе съ нею не увижусь... Ничто не измѣнитъ моего намѣренія.

Клеранбо.

Можете ли вы это знать? Вы не были здѣсь, когда она, заливаясь слезами, бросилась къ ногамъ моимъ, и при видѣ этой бѣдной женщины, разстроенной, блѣдной, въ молодости уже въ такомъ несчастіи, и притомъ красавицы... я былъ тронутъ, не имѣлъ силы упрекать ей... я думаю даже, что простилъ ей... я, милостивый государь, я, шестидесяти лѣтъ отъ роду, а вамъ только двадцатьпять.

Эммерикъ.

О, Боже мой!

Клеранбо.

Нѣтъ, я не подвергну счастія и всей будущности моей дочери такой опасности; не говорю ужъ о толкахъ и пересудахъ, обыкновенныхъ слѣдствіяхъ подобныхъ связей... не говорю объ отчаяніи благороднаго человѣка... который никогда не проститъ!.... нѣтъ!... Положимъ, что случай, благопріятствовавшій вамъ до сихъ поръ, закроетъ всѣмъ глаза; но вы не закроете глазъ моей дочери... и мнѣ видѣть, какъ она, бѣдное дитя, пораженное въ сердце, будетъ изнывать въ слезахъ, умретъ, можетъ быть, не жалуясь, не обвиняя васъ... Но я буду обвинять себя, я... я, который все зналъ, и ничего не предвидѣлъ, я, который, для избавленія ея отъ минутной горести, повергъ бы ее въ вѣчныя страданія и несчастія.... Нѣтъ, нѣтъ! я рѣшился, и...

Эммерикъ.

Если васъ не устрашаетъ мое отчаяніе, по крайней мѣрѣ, должно устрашить отчаяніе вашей дочери.

Клеранбо.

Я самъ буду утѣшать ее, увезу ее, уѣду съ нею, буду исполнять всѣ ея желанія, кромѣ этого одного... и со временемъ, при моемъ состояніи... притомъ же, вы не одни на свѣтѣ... она забудетъ васъ... другія мысли.

Эммерикъ.

Никогда!...

Клеранбо.

Я прикажу ей, я отецъ ея... или, по крайней мѣрѣ, постараюсь, чтобъ она полюбила другаго... это единственное средство спасенія... тогда какъ если бъ она была за мужемъ... (*хочетъ итти*) Однимъ словомъ, такъ какъ вы не рѣшились сдержать слова и сказать ей, что отказываетесь...

Эммерикъ.

Я хотѣлъ, я пытался... это выше силъ моихъ... И если бъ она была здѣсь, я бы могъ только пасть къ ея и къ вашимъ ногамъ... Такая жестокость не въ вашемъ характерѣ... я вижу, вы тронуты моею горестію...

Клеранбо.

Можетъ быть, потому что я, противъ воли своей, жалѣю о тебя — я тебя люблю, всегда буду любить, какъ племянника, но не какъ зятя... И такъ какъ ты не можешь болѣе ни видѣться, ни говорить съ нею, напиши къ ней, — это еще лучше, убѣдительнѣе... (*показывая на столъ съ лѣвой стороны.*) Садись здѣсь, и пиши.

Эммерикъ.

Что мнѣ сказать ей!

Клеранбо.

Я продиктую тебѣ: «Алина! Должно быть откровеннымъ: я васъ болѣе не люблю...»

Эммерикъ.

Но еще разъ повторяю вамъ, что люблю ее самою искреннею, самою чистою, самою истинною, самою пламенною любовію, и напишу все, что вамъ угодно, — кромѣ этого.

Клеранбо (*съ нетерпѣніемъ*).

Ну, такъ придумаемъ другой предлогъ. (*Диктуетъ*): «Я васъ люблю.»

Эммерикъ.

Это другое дѣло (*нѣжно.*) «Я васъ люблю!»..

Клеранбо.

«Но долженъ признаться вамъ, что вашъ характеръ...

Эммерикъ (*останавливается, и съ жаромъ*).

Характеръ самый кроткій, самый любезный...

Клеранбо.

Совершенно согласенъ.

Эммерикъ (*такъ же*).

Умъ, любезность, превосходное сердце!....

Клеранбо (*съ жаромъ*).

Повѣрю.

Эммерикъ (*съ живостію*).

Вы сами сознаетесь въ этомъ; видите, что я ничего не могу сказать противъ ея характера; это было бы нелѣпо, неправдоподобно... Она никогда этому не повѣритъ.

Клеранбо (*съ сердцемъ*).

Надобно, однако жъ, кончить,... и скажете ли вы или нѣтъ о причинѣ вашего отказа, но отказаться должно... потому что честь друга и безопасность вашей жизни не позволяютъ мнѣ говорить и высказать всю правду.

Эммерикъ (*къ себѣ*).

О, когда такъ, говорите... это лучше!.. Если надо умереть... то пусть же другой возьметъ на себя трудъ позаботиться объ этомъ; по крайней мѣрѣ, не я самъ подпишу себѣ смертный приговоръ—подпишете его вы.

Клеранбо.

Милостивый государь!... Боже мой! Сенъ-Жеранъ.

Эммерикъ (*разрываетъ бумагу, которую началъ было писать*).

Тѣмъ лучше! Говорите все при немъ, вы имѣете на то право.

Клеранбо.

Я!...

—

ЯВЛЕНІЕ V.

Эммерикъ, Клеранбо, Г. де Сенъ-Жеранъ.

Сенъ-Жеранъ.

Что такое? Что еще?

Клеранбо (*въ смущеніи*).

Что... ничего, мой другъ, ничего.

Сенъ-Жеранъ.

То есть, что тестюшка съ зятюшкой все спорятъ. (*Къ Клеранбо*) А если ты и теперь такъ же правъ, какъ тогда, поутру.... Въ чемъ дѣло?...

Клеранбо (*въ смущеніи*).

Я ему что-то диктовалъ... онъ писалъ... нѣтъ, не хотѣлъ писать...

Сенъ-Жеранъ (*смотря на Эммерика*).

Къ той женщинѣ...

Клеранбо (*также*).

Къ той женщинѣ, которая отъ него не отказывается... напротивъ...

Сенъ-Жеранъ.

Такъ онъ опять съ нею видѣлся?

Клеранбо (*также*).

Нѣтъ, нѣтъ... это я... она приходила сюда... она противится этому браку... она мнѣ сама сказала это.

Сенъ-Жеранъ.

Такъ онъ еще любитъ ее?

Эммерикъ (*съ презрѣніемъ и досадой*).

Я?.. Я ненавижу ее!

Сенъ-Жеранъ (*Эммерику*).

Такъ должно написать къ ней. (*къ Клеранбо*) А онъ не хочетъ.

Клеранбо.

Да.

Сенъ-Жеранъ (*строго*).

Онъ не правъ... подобныя связи не распутываются, а разрываются вдругъ, ра-

зомъ.... когда дѣло до дошло того... такъ ужъ нечего ни церемониться, ни деликатничать... А притомъ, такъ какъ эта любовь сдѣлалась для тебя несносною, надобно не писать къ ней, но сказать... прямо, въ глаза...

Клеранбо (*съ живостію*).

Этого не достаточно.

Сенъ-Жеранъ (*съ удивленіемъ*).

Какъ?

Клеранбо.

Этого недостаточно было бы для меня... которому она объявила, что никогда не согласится на эту свадьбу... А до тѣхъ поръ, пока она не согласится и не станетъ сама просить меня...

Эммерикъ (*съ сердцемъ*).

А это не возможно...

Сенъ-Жеранъ (*также*).

Да ты просто отрекаешься отъ своего слова.

Клеранбо (*также*).

Разумѣется... я этого-то и хочу.

Лакей.

Г-жа де Сенъ-Жеранъ.

—

ЯВЛЕНІЕ VI.

Эммерикъ, Сенъ-Жеранъ, Луиза, Клеранбо.

Клеранбо (*въ смущеніи*).

Графиня!

(*Луиза низко ему приседаетъ*).

Сенъ-Жеранъ.

Жена моя... пріѣхала на вечеръ... для подписанія контракта свадьбы.... которая теперь разстроилась.

Луиза (*въ радостію, которую старается скрыть*).

Можетъ ли быть?

Сенъ-Жеранъ (*съ досадою*).

Да.... новыя препятствія.... (*показывая на Эммерика*). Онъ отказывается...

Луиза (*съ радостію*).

Да почему же?

Сенъ-Жеранъ (*Луизѣ, въ полголоса*).

Изъ-за женщины...

Луиза (*съ радостію и нѣжно*).

Вѣрно, онъ очень любитъ ее?

Сенъ-Жеранъ (*также*).

Напротивъ, онъ ее ненавидитъ, проклинаетъ...

Луиза (*въ сторону*).

Боже мой!

Эммерикъ (*съ живостію*).

Позвольте!

Клеранбо (*также*).

Онъ этого не сказалъ.

Сенъ-Жеранъ (*также*).

Какъ не сказалъ?... Здѣсь, на этомъ самомъ мѣстѣ... онъ сознался, что эта любовь тяготитъ его, что она для него несносна.

Луиза (*тронутая*).

Но какъ же такія чувства могутъ быть неизвѣстны этой женщинѣ?

Сенъ-Жеранъ (*также въ полголоса*).

Почемъ я знаю? Какія-то глупыя церемоніи, неумѣстная деликатность мѣшала сказать ей это прямо. (*Громко и настойчиво*). Я же говорю рѣшительно, что она должна узнать это, если бъ даже мнѣ самому пришлось ей высказать?

Луиза (*съ живостію*).

Вы совершенно правы.

Сенъ-Жеранъ.

Не правда ли?

Эммерикъ (*съ живостію*).

Ради Бога!...

Сенъ-Жеранъ (*показывая на Эммерика*).

Онъ не хочетъ... не смѣетъ... Посмотрите, пожалуйста... одна мыслью тѣмъ приводитъ его въ ужасъ...

Луиза (*съ презрѣніемъ смотритъ на Эммерика, который потупляетъ глаза*).

Да, вы говорите правду.

С ъ-Жеранъ (*къ Клеранбо*).

Теперь, другъ мой, я знаю только одно средство. Я пойду, приведу сюда мою крестницу: можетъ быть, присутствіе ея придастъ ему твердость, которой теперь недостаетъ у него; а не то, я буду думать также, какъ и ты, что онъ не достоинъ ея, если хоть на минуту станетъ колебаться въ выборѣ между тою, которую любитъ, и тою, которой болѣе не любитъ... (*Выходитъ въ боковую дверь въ правой сторонѣ*).

—

ЯВЛЕНІЕ VII.

Луиза, Эммерикъ, Клеранбо.

Луиза (*падаетъ въ кресла съ лѣвой стороны, подлѣ стола*).

Ахъ!..

Эммерикъ (*слѣдитъ взоромъ за С. Жераномъ, который входитъ въ боковую дверь съ правой стороны, потомъ приближается къ Луизѣ*).

Ради Бога... Выслушайте меня!...

Луиза (*дѣлаетъ ему рукою знакъ, чтобы онъ удалился*).

Оставьте меня!

Клеранбо (*подходя къ ней*).

Да, сударыня, вѣрьте... ручаюсь вамъ..

Луиза (*дѣлаетъ знакъ рукою, чтобы онъ замолчалъ*).

Довольно!...

Взглянувъ на столъ, на которомъ лежитъ перо и бумагу, она садится къ столу и въ сильномъ волненіи начинаетъ писать очень поспѣшно.

—

ЯВЛЕНІЕ VIII.

Луиза *у стола съ лѣвой стороны, пишетъ*; Клеранбо, Эммерикъ, Гекторъ *выходитъ изъ задней двери.*

Гекторъ (*бѣжитъ къ Эммерику*).

Другъ мой! я привезъ Викторію съ ея отцемъ... Благодаря тебѣ, она согласна... выйти за меня замужъ... Завтра подписываемъ контрактъ.

Эммерикъ (*указывая ему на Луизу*).

Тише!

Гекторъ.

Мы пропали .. Она здѣсь!...

Клеранбо (*Эммерику указывая ему на Гектора*).

Такъ онъ знаетъ?

Гекторъ (*въ полголова*).

О, да, совершенно противъ воли.

Эммерикъ (*смотритъ направо*).

Идутъ...

Клеранбо (*Луизѣ*).

Ради Бога, сударыня, берегитесь... Сюда идутъ...

Луиза (*продолжая писать*).

Оставьте меня! прошу васъ!...

Эммерикъ (*смотритъ въ правую сторону*).

Г-нъ де Сенъ-Жеранъ!

Гекторъ (*къ Клеранбо*).

Ея мужъ!...

Клеранбо (*Луизѣ*).

Вашъ мужъ!...

Луиза (*холодно*).

Такъ чтожъ ?...

—

ЯВЛЕНІЕ IX.

Луиза *за столомъ пишетъ*; Клеранбо и Гекторъ *предъ нею, стараются закрыть ее*; Эммерикъ *идетъ на встрѣчу къ* Сенъ-Жерану, *который выходитъ изъ боковой двери, держа* Алину *за руку.*

Сенъ-Жеранъ.

Пожалуйте, Алина, пожалуйте... вы узнаете зачѣмъ.

Алина (*весело*).

Зачѣмъ принимать таинственный видъ... Я очень знаю для чего... подписать контрактъ.... нотаріусъ уже пріѣхалъ... и я прикажу все приготовить...

(*Идетъ въ глубину театра, приказываетъ лакеямъ поставить посреди сцены столъ и кресла, и потомъ выходитъ въ заднюю дверь, и, спустя нѣсколько минутъ, возвращается съ нотаріусомъ*).

—

ЯВЛЕНІЕ X.

Луиза, Клеранбо, Гекторъ, Эммерикъ, С. Жеранъ.

Луиза (*въ ту минуту, когда Алина выходитъ, встаетъ изъ-застола, подходитъ къ Клеранбо, и передаетъ ему потихоньку письмо.*)

Прочтите сударь.

Клеранбо.

Боже мой!

((*Луиза отъ него отходитъ.*)

Гекторъ (*съ живостію подходитъ къ ней*).

Какъ?

С. Жеранъ (*находившійся, въ отдаленіи съ правой стороны, обращается въ эту минуту Клеранбо и къ Гектору*).

Что такое?

Клеранбо (*въ смущеніи*).

Письмо!

Сенъ-Жеранъ.

Когда жъ вы его получили?

Клеранбо (*въ смущеніи показываетъ на Гектора, который стоитъ подлѣ него*).

Да, да... вотъ Баландаръ мнѣ его принесъ....

Гекторъ (*въ сторону*).

Опять я!

Сенъ-Жеранъ (*подходитъ*).

Письмо отъ нея, посмотримъ!...

Гекторъ (*стоя между ними обоими, протягиваетъ руку чтобъ закрыть письмо*).

Мнѣ приказано не показывать этого письма никому, кромѣ Г. Клеранбо...

Клеранбо.

Правда.

Сенъ-Жеранъ.

Когда такъ... ну, такъ читайте же...

Луиза (*съ достоинствомъ*).

Да, читайте, читайте въ слухъ!...

Клеранбо (*читая съ чувствомъ*).

Умоляю васъ, милостивый государь, отдать дочь вашу за Эммерика д'Альбре, потому что между нимъ и мною все и навсегда кончено; клянусь вамъ въ этомъ, и если вы можете еще сомнѣваться, это письмо, отъ котораго зависятъ жизнь и счастіе мое, послужитъ вамъ вѣрнымъ ручательствомъ моего слова. Письмо подписано.....

Гекторъ и Эммерикъ.

Возможно ли?

Клеранбо.

Подписано, говорю я вамъ.

Сенъ-Жеранъ.

Что жъ!... эта женщина... хотя и виновата... но...

Клеранбо (*перебирая его поспѣшно*).

Неправда ли? (*съ жаромъ, убирая рукой по письму, которое онъ сложилъ*).

Прекрасно!.. Превосходно!....

—

ЯВЛЕНІЕ XI.

Алина, Луиза, Клеранбо, Сенъ-Жеранъ, Гекторъ, Эммерикъ.

Алина (*входитъ изъ заднихъ дверей и слышитъ только послѣднія слова*).

Что такое, папенька, что такое?

Клеранбо (*съ живостію.*)

До тебя не касается... Гдѣ нотаріусъ?

Алина.

Вотъ онъ.

(*Всѣ обращаются и идутъ къ приготовленнымъ мѣстамъ; нотаріусъ сидитъ у стола, на которомъ множество восковыхъ свѣчъ, только двѣ изъ нихъ зажжены; по правую сторону полукругомъ разставлены кресла.*)

Клеранбо.

Прекрасно!

Сенъ-Жеранъ.

Ну, давайте подписывать.

Алина.

Какое счастіе!

(*Алина и Эммерикъ помѣщаются одинъ по правую, а другая по лѣвую сторону нотаріуса; онъ подаетъ имъ перо, они оба подписываютъ.*)

Клеранбо (*находящійся съ лѣвой стороны отъ зрителя, проходитъ черезъ театръ, свертывая въ трубочку письмо, которое онъ держалъ.*)

А что касается до этого письма...

(*Подходитъ къ столу съ правой стороны, лицемъ къ зрителямъ, и подноситъ письмо къ одной изъ зажженныхъ свѣчей.*

Луиза.

Что вы дѣлаете?

Клеранбо (*съ выраженіемъ смотря на Луизу.*)

Для меня довольно ясно... (*Зажигаетъ письмомъ другія свѣчи,* но Г-ну нотаріусу не темно ли?...

(*Нотаріусъ наклоняется, благодаря его*).

Сенъ-Жеранъ (*женѣ своей, указывая на Клеранбо*).

Точно, можно вполнѣ повѣрить.

(*Актеры становятся въ слѣдующемъ порядкѣ: Луиза, Сенъ-Жеранъ впереди, съ лѣвой стороны; Алина стоитъ позади стола, подлѣ нотаріуса, нотаріусъ сидитъ; Эммерикъ стоитъ подлѣ него позади стола; Клеранбо съ правой стороны передъ столомъ; Гекторъ съ правой стороны отъ зрителей, съ края на авансценѣ*).

Клеранбо (*подписываетъ стоя, по правую сторону, передъ столомъ*).

Сегодня контрактъ, а черезъ нѣсколько дней и свадьба, потому что мы ѣдемъ въ Бордо, всѣ вмѣстѣ.

Сенъ-Жеранъ (*подписываетъ стоя, по лѣвую сторону передъ столомъ*).

Какъ вы счастливы! И я также ѣду завтра.

(*Переходитъ на лѣвую сторону, къ женѣ*) Но ѣду одинъ. (*Сенъ-Жеранъ и Луиза на авансценѣ; Клеранбо проходитъ позади стола и садится подлѣ нотаріуса; нотаріусъ, Алина, Гекторъ*).

Луиза.

Но, можетъ быть....

Сенъ-Жеранъ (*съ живостію*).

Что такое?... Что такое?...

Луиза (*на авансценѣ съ мужемъ*).

Сегодня утромъ меня увѣрили... мнѣ даже доказали, что присутствіе мое въ Мартиникѣ необходимо!...

Сенъ-Жеранъ.

Кто жъ это?

Луиза.

Вашъ адвокатъ... Г-нъ Баландаръ.

Гекторъ (*въ сторону*).

Опять я!... Да что жъ это я за всеобщій стряпчій!

Сенъ-Жеранъ (*съ радостію*).

Вотъ безподобно... а вы такъ боялись моря!...

Луиза (*въ безпокойствѣ стараясь улыбнуться*).

Ваша правда... но есть слабости, которыя должно превозмочь стыда ради.... и это очень легко... когда чувствуешь неприличіе...(*подходитъ къ столу*) Не моя ли очередь... Г-нъ нотаріусъ?

Алина (*подаетъ ей перо*).

Вотъ здѣсь... подлѣ меня....

Гекторъ (*смотритъ на Луизу, которая подписываетъ*).

Наконецъ!... И не безъ хлопотъ!

Алина (*Гектору*).

Теперь вамъ, Г. Баландаръ.

Гекторъ (*беретъ перо*).

О Викторія!.... (*подходитъ къ столу*). Скоро и мы такъ будемъ подписывать!... (*Сенъ-Жеранъ сидитъ съ лѣвой стороны, Луиза подлѣ него, потомъ Клеранбо, нотаріусъ, также сидятъ; Алина за столомъ, подлѣ него; Гекторъ стоя подписываетъ, Эммерикъ подлѣ него, съ правой стороны сцены*).

Алина (*Гектору на ухо, когда тотъ подписываетъ*).

Признаться... Счастье лучше богатырства....

Гекторъ (*тихо Эммерику*).

Слышишь!

Алина (*также*).

Пусть же это послужитъ вамъ урокомъ, и впередъ будьте осторожнѣе!..

Гектотъ.

Да, сударыня... (*сжимая руку Эммерика*). Это мы вамъ искренно обѣщаемъ!

(*Всѣ сидятъ или собрались вокругъ стола. Завѣса опускается*).

II. МАТЕРІЯЛЫ

ДЛЯ ИСТОРІИ ТЕАТРА, И СЛОВЕСНОСТЬ.

ОБЗОРЪ РУССКОЙ ДРАМАТИЧЕСКОЙ СЛОВЕСНОСТИ.

(Статья Князя А. А. Шаховскаго.)

ЭПОХА 1-Я. ТРАГЕДІЯ.

(Окончаніе.)

Въ 1758 году, представлена на Императорскомъ Театрѣ трагедія *Ярополкъ и Демиза*, и, кажется, безъ большаго успѣха. О ней даже ни одинъ изъ самыхъ жаркихъ защитниковъ Сумарокова не вспоминаетъ, и она, по справедливости, не заслуживаетъ воспоминаній, не представляя ни какихъ сценическихъ и стихотворныхъ красотъ. Изъ всѣхъ любовныхъ небылицъ тогдашняго театра, нѣтъ ни одной ничтожнѣе ея. Какой-то небывалый Князь Россійскій, будто бы сынъ Кія, Владисанъ, хотѣлъ женить единственнаго сына и наслѣдника своего, Ярополка, неизвѣстно на какой сосѣдственной Княжнѣ; но Ярополкъ, влюбленный въ Демизу, дочь Владисанова Вельможи, Силотѣла, противится сему государственному союзу. Демиза, влюбленная въ Ярополка, отрекается за него выйти за мужъ. Но этого не довольно для Владисана; онъ требуетъ, чтобъ она непремѣнно вышла за другаго, хоть бы за кого нибудь! Что же изъ этого слѣдуетъ? Безконечная элегія между любовниками, безконечныя угрозы Владисана, то сыну, то его любовницѣ, то ея отцу. Наконецъ, Владисанъ заключаетъ всѣхъ ихъ въ темницы и даже наперсника своего Русина, и велитъ казнить Демизу, за то, что она хочетъ скрыться въ пустыню, а не хочетъ выходить замужъ ни за него, кромѣ Ярополка. Эшафотъ, какъ разсказываетъ Русинъ, выбѣжавшій изъ тюрьмы, готовъ; Демиза на немъ; стража ведетъ Ярополка. Возлѣ эшафота, страстный любовникъ вырывается у стражи, призываетъ на помощь народъ, и отнимаетъ любовницу изъ рукъ палача. Русинъ, услышавъ объ этомъ возмущеніи, беретъ мечъ, бѣжитъ съ винами на лобное мѣсто; но дѣло обошлось безъ казни. Добродѣтельная Демиза убѣждаетъ любовника и народъ повиноваться Государю, который, приказавъ Русину привести всѣ дѣйствующія лица, говоритъ:

«Мой сынъ противъ меня съ оружіемъ возсталъ,
Не сына я себѣ, но тигра воспиталъ;

Удобно ли сказать, тебя зря въ жизни злостной,
Разбойникъ сей рожденъ отъ крови вѣнценосной.»

Послѣ такихъ ругательныхъ словъ и тигрень, и разбойникомъ, должно бы ожидать ужасныхъ бѣдъ; но, страсть Сумарокова къ внезапнымъ перемѣнамъ, перевернула все по-своему. Преступный сынъ и ни въ чемъ не виновная Демиза и Силотѣлъ приводятся стражею предъ разъяреннаго Владисана. Ярополкъ, объявя въ четырехъ стихахъ, что ему нельзя больше жить на свѣтѣ, говоритъ:

«Къ Демизѣ уменьшить я страсти не умѣлъ,
Но предпріятія другаго не имѣлъ,
Какъ лишь любовницу отъ смерти злой избавить,
Ее съ собою взять и городъ сей оставить.

Владисанъ (*спрашиваетъ Демизу*).

Чего достоишь онъ?

Демиза (*отвѣчаетъ*).

Достойны мы умреть:
Стремись послѣдній жаръ любви нашей зрѣть,
И будь вѣрности ты нашея свидѣтель.»

Что же въ этихъ стихахъ очень умилительнаго и убѣдительнаго? Однако же, оскорбленному Государю и отцу, который за минуту предъ тѣмъ кричалъ, что онъ породилъ не сына, а тигра, спрашиваемъ: удобно ли сказать ему, что сей разбойникъ рожденъ отъ вѣнценосной крови? Онъ внезапно восклицаетъ:

«Но превосходная Демизы добродѣтель,
Иной даетъ уставъ и гонитъ казни прочь...
Ты мнѣ любезный сынъ, ты мнѣ любезна дочь!»

И соединяя любезнаго сына съ любезною дочерью, заключаетъ трагедію въ Вольтеровскомъ родѣ, только набожнѣе:

«А я уже того не позабуду въ вѣкъ,
Что я хотя и Царь, такой же человѣкъ!
И что я множество зря смертныхъ подъ ногами,
Такая жъ, какъ они, былинка предъ богами!»

Если бъ Ярополкъ и Демиза, Гамлетъ, и будто бы Новгородскій Князь Вышеславъ были единственными трагедіями Сумарокова, то, конечно, ему самому не бывать бы отцемъ Русскаго Театра. Кажется, что *Семира* истощила послѣдній запасъ драматической занимательности, умиленія, чувствъ и даже стихотворства ея сочинителя! Сумароковъ, въ девятнадцать лѣтъ такъ истратилъ воображеніе свое на тогдашнюю трагическую любовь, что хотя въ *Вышеславѣ* онъ выдумалъ поднять ее на ходули великодушія, и испестрить умозрительными изреченіями, но не могъ уже обновить устарѣлаго. Вотъ содержаніе этой новой погудки на старый ладъ. Какой-то, будто Новгородскій Великій Князь Вышеславъ, завоевалъ Искорость, взялъ въ плѣнъ Княжну Искоростскую Зениду, и сгоряча, въ радости отъ побѣды, не разсмотрѣвъ плѣнницы, подарилъ ее Искоростскому Князю Любочесту, за то, что онъ ему усердно служилъ при истребленіи своего отечества. Но когда Вышеславъ вглядѣлся хорошенько въ свой неосторожный подарокъ, то самъ смертельно влюбился въ чужую невѣсту, также какъ и женихъ ея былъ смертельно въ нее влюбленъ, и эта буквально смертельная любовь доказывается двукратнымъ поднятіемъ оружія на самоубійство. Но дѣло обошлось безъ кровопролитія. Зенида воспылала взаимною страстью къ Вышеславу, и вотъ съ какой быстротой и простотой эта страсть объявляется при самомъ женихѣ. Великій Князь, догадавшись, что подаренная имъ невѣста любитъ кого-то другаго, а не жениха своего, требуетъ отъ нея настоятельно, чтобъ она объявила, при женихѣ, имя ея любовника.

Вышеславъ.

Я знать хочу кто онъ,
И если хочешь ты въ винѣ ему прощенья—
Скажи, я удаю его безъ оскорбленья.

Зенида.

Не принуждай меня!

Вышеславъ.

Терпѣніе гублю!

Зенида.

Такъ вѣдай, Государь: увы! тебя люблю! —

Любочестъ.

Жестокая, ты мнѣ мученіе сугубишь!

Вышеславъ.

Къ чему, несчастная, несчастнаго ты любишь!

Зенида.

Почто зовешь ты, Князь, несчастнымъ и себя?

Вышеславъ.

Такъ вѣдай, что и ты, и я люблю тебя!

Это короткое и ясное признаніе не отбило однако жъ охоты у Любочеста отъ женитьбы, и не помѣшало Великому Князю сдержать свое Княжеское слово, а Зенидѣ ему повиноваться. Она, по уходѣ Вышеслава, говоритъ своему жениху:

Послѣдуй пагубной и безполезной страсти,
А мнѣ оплакивать дай лютыя напасти!

Любочестъ.

Постой, жестокая, послѣднее внемли!
Змѣя ты, фурія, тма ада на земли!
Неколебимая, мучительница люта!
Пришла уже твоя послѣдняя минута!

Онъ вынимаетъ кинжалъ, но не колетъ, а падаетъ на колѣни предъ змѣей и фуріей, и въ этомъ, казалось бы, еще нѣтъ большаго преступленія, да на бѣду, Вышеславъ издали увидѣлъ поднятый кинжалъ, и хотя засталъ пугателя уже на колѣняхъ, однако жъ, съ перваго слова, осуждаетъ его на казнь и посылаетъ въ темницу, изъ которой, по обыкновенію всѣхъ Сумароковыхъ трагедій, онъ уходитъ, собираетъ войска, нападаетъ и сражается. Князь его побѣждаетъ, беретъ въ полонъ, и прочая — по прежнему! Зенида великодушно заступается за нелюбимаго. Вышеславъ великодушно прощаетъ его, великодушно снова отдаетъ ему, уже разъ подаренную невѣсту; она великодушно говоритъ жениху: *ступай, я слѣдую ко храму за злодѣемъ*; отчаянный любовникъ выхватываетъ мечъ и хочетъ заколоться; соперникъ великодушно удерживаетъ его руку, восклицая:

Любочестъ.

Владѣй, о Государь, и скиптромъ и Зенидой.

Зенида и Вышеславъ.

Перемѣняется мечтой въ веселье сонъ!

Зенида.

Не въ явѣ мнѣ сіе: пріятный вижу сонъ.

Я не думаю, чтобы то же могли сказать и зрители этой трагедіи; но вѣроятно, что усыпленіе многихъ изъ нихъ разбудило задремавшій на лаврахъ даръ Сумарокова.

Вышеславъ, представленный въ 1768 году, на Придворномъ Театрѣ, не имѣлъ очень блестящаго успѣха. Иванъ Аѳанасьевичъ Дмитревскій сказывалъ, что замѣченное нѣкоторыми просвѣщенными любителями театра, и въ томъ числѣ, кажется, и имъ, охлажденіе даже и Парижской публики къ прискучившимъ ей повтореніямъ однѣхъ и тѣхъ же театральныхъ любезныхъ нѣжностей, заставило дащего, тогда еще единственнаго трагика изыскивать новые способы къ поддержанію его славы, и они ему очень естественно должны были представиться тамъ же, откуда онъ заимствовалъ прежнія. Вольтеръ уже сочинилъ или перенялъ у Италіянскаго поэта Маффеи трагедію *Меропу* (*), безъ

(*) Хотя Лагарпъ увѣряетъ, что Вольтеръ подражалъ въ Меропѣ, какъ Расинъ въ своей Ифигеніи въ Авлидѣ, Эврипиду; но этого быть не могло, ибо Эврипидова трагедія *Кресфонтъ*, въ которой онъ изобразилъ бѣдствіе Меропы, не дошла до насъ, а Маффеи сочинилъ свою *Меропу* по словамъ Аристотеля, нашедшаго содержаніе ея однимъ изъ самыхъ трагическихъ, и упомянувшаго въ своихъ сочиненіяхъ о нѣкоторыхъ сценахъ Эврипида. Изъ этого ясно видно, что Вольтеръ взялъ ее просто и прямо у современника своего, Маффеи, и чтобъ это благопріобрѣтеніе представить не кражею, а пріятельскимъ займомъ, онъ посвятилъ этотъ трудъ своему заимодавцу, Маффеи, такъ же какъ Магомета, на-

примѣси любовной страсти, а другую, даже безъ женщинъ, выцѣдилъ изъ осмѣяннаго имъ же Шекспирова *Юлія Цесаря*. Сумароковъ это зналъ, но не дерзнулъ на такой смѣлый подвигъ; однако жъ, хотя не безъ примѣси кое-какой любви, рѣшился представить на нашей сценѣ, уже не подъ Русскими именами, не театральную небылицу, а важное историческое событіе, и возбудить въ сердцахъ Русскихъ зрителей священный ужасъ и умиленіе бѣдственной судьбы ихъ Церкви и отечества, подъ тиранствомъ *Самозванца*. (*)

Вольтеръ уже показалъ, откуда можно почерпать истинно трагическія дѣйствія и силу, и его вѣрный подражатель захотѣлъ воспользоваться симъ богатымъ источникомъ, однако жъ, съ процѣжью сквозь узкую воронку Французской драматургіи. Шекспировъ *Ричардъ* III, злодѣй и хищникъ престола, хотя не вовсе схожій съ *Самозванцемъ*, возбудилъ въ Сумароковѣ желаніе воспользоваться, если не ходомъ и формой драматической хроники, то нѣкоторыми отдѣльными красотами ея, а именно народностью и лѣтописнымъ содержаніемъ. Сумароковъ, можетъ статься, и безъ точнаго намѣренія, а внезапнымъ вдохновеніемъ его дара, двинулъ нашу трагедію, отъ Французскихъ вымысловъ и предразсудковъ, къ Русскому быту и толку, но все таки придержался, въ характерѣ самаго Лжедимитрія, глупыхъ театральныхъ тирановъ фабрики очень умнаго Вольтера, и чуть ли не перешелъ за границы ихъ чистосердечія съ наперсниками и даже естественно-возможной довѣренности, съ которою Самозванецъ открываетъ злодѣйскую душу своему мнимому приверженцу, Пармену (*).

Зла фурія во мнѣ смятенно сердце гложетъ;
Злодѣйская душа спокойна быть не можетъ!

Послѣ такого душевнаго покаянія, удивительно, что наперсникъ не побоялся отвѣчать, вѣрно съ неслыханною ни какимъ тиранамъ искренностью:

званнаго сначала *Фанатиномъ*, Папѣ Бенедикту XIV, чтобъ избавиться отъ упрековъ, въ нетатолическихъ намекахъ. Кстатѣ о *Магометѣ*, я вспомнилъ о давнишнемъ переводѣ куплета, замысловатаго пѣсенника Колло, на эту трагедію:

Хоть Магомета безъ умолка
И хвалятъ прозой и стихомъ,
А все бъ Корнель сказалъ о немъ:
Что въ немъ ни связи нѣтъ, ни толка;
И что написанъ онъ глупцомъ —
Съ большимъ умомъ.

Это же, кажется, можно сказать и о большей части Вольтеровыхъ трагедій, бывшихъ долго образцами нашимъ трагикамъ, хотя, по несчастію, къ нимъ не подходитъ послѣдній стихъ куплета.

(*) Трое извѣстныхъ сочинителей нашихъ изображали на нашей сценѣ Самозванца, послѣ Сумарокова. Нарѣжный, въ томъ же видѣ, только въ прозѣ и въ формѣ Шекспировыхъ хроникъ; достославный поэтъ нашъ Пушкинъ, держась Исторіи Карамзина, сперва монастырскимъ служкой, потомъ легкомысленнымъ, страстнымъ и заносчивымъ пришлецомъ, занимающимъ второе лице его трагедіи (Борисъ Годуновъ). Наконецъ, А. С. Хомяковъ видѣлъ въ Самозванцѣ, можетъ быть, по указанію Шиллера, взбалмошнаго, любострастнаго, прельщеннаго блескомъ просвѣщенія и славолюбиваго Польскаго наѣздника, только сердцемъ Русскаго, грезящаго славою и величіемъ обманутаго имъ отечества. Но это чувство, предполагаемое въ воспитанникѣ и извержецѣ враговъ Церкви и силы нашей, кажется мнѣ очень погрѣшительно противъ Исторіи и вѣроподобія, хотя многія историческія стихотворныя и сценическія красоты трагедіи А. С. Хомякова заставляютъ признавать въ ней прекрасный даръ поэта, который, еслибъ захотѣлъ всей душей предаться драматической поэзіи, могъ бы сильно содѣйствовать къ сотворенію народной нашей трагедіи.

(*) Кажется, что Сумароковъ подразумѣвалъ въ Парменѣ Боярина Басманова, воцарившаго Лжедимитрія, котораго не могъ представить, вопреки Исторіи, измѣнившимъ своему своренію; но едва ли Самозванецъ могъ быть такъ простодушенъ съ кѣмъ бы то ни было. И какой злодѣй называлъ себя, да еще и по своей волѣ — злодѣемъ?

«Ты много варварства и звѣрства сотворилъ,
Ты мучишь подданныхъ, Россію разорилъ;
Тирански плаваешь ты въ дѣйствіяхъ без чинныхъ,
Ссылаешь и казнишь людей ни въ чемъ не винныхъ
Противъ отечества неутомимъ твой жаръ
Прекрасный сталъ сей градъ темницею бояръ;
Отечества сыны всѣ счастьемъ одинаки,
И здравіе твое брегутъ одни Поляки;
Восточной церкви здѣсь законъ совсѣмъ падетъ,
Подъ иго Польское Царь Русскій насъ ведетъ.
И ежели на зло влечетъ тебя природа,»
Преодолѣй ее, и будь отцемъ народа!

Изъ сего, хотя не очень вѣроятнаго, чистосердечія обоихъ дѣйствующихъ лицъ зрители уже знаютъ, кто стоитъ предъ ними, но все таки въ этихъ стихахъ наконецъ послышался на сценѣ голосъ Исторіи, заглушенной жалобнымъ плачемъ небылицъ. Сумароковъ попалъ на тропу, проложенную древними трагиками къ душамъ ихъ соотечественниковъ, готовыхъ съ жадностію соучаствовать горестной судьбѣ ихъ родины, и пробуждать въ сердцахъ своихъ чувства ихъ предковъ. Самозванецъ отвѣчаетъ:

«Въ законѣ Климентъ мя присягой обязалъ,
А Польскій мнѣ народъ услуги оказалъ,
Такъ милостей моихъ Россія не причастна
Коль Польской святости не хочетъ быть подвластна.»

Этотъ отвѣтъ, хотя и плохими стихами, тотчасъ объясняетъ, что дѣло идетъ о Вѣрѣ Святой Россіи, и Русскіе души должны дрогнуть за все для нихъ священное. Самый разговоръ ученика Іезуитовъ съ православнымъ Парменомъ для нихъ завлекателенъ; это уже не любовное празднословіе, котораго почти не слышно въ этой народной трагедіи. Вотъ какъ Самозванецъ говорилъ о страсти своей къ Ксеніи, дочери Шуйскаго:

Грызенья совѣсти и много мукъ терплю.
Но мука мнѣ и то, что Ксенію люблю.

Ксенія, по очень естественному чувству благороднаго сердца, ненавидитъ злодѣя своего отечества, и по театральному обыкновенію влюблена въ придуманнаго Галицкаго Князя Георгія, который ея также любитъ.—Но, выходя съ нею на сцену, онъ, не сказавъ ни слова о любви восклицаетъ:

«О ты плачевный Кремль! Сталъ нынѣ ты свидѣтель,
Что здѣсь низвержена съ престола добродѣтель,
Томящаясь Москва въ уныніи дрожитъ,
Блаженство въ горести изъ стѣнъ ея бѣжитъ;
Дни свѣтлы кажутся густой темнѣе нощи,
Прекрасны вкругъ Москвы покрыты мракомъ рощи,
Когда торжественный шумитъ во градѣ звонъ
Мнѣ мнится, что твердитъ онъ града общій стонъ.«

Нынѣ, небольшіе драматическіе стихотворцы, пишутъ стихи глаже этихъ, именно оттого, что шероховатость проложенной цѣликомъ дороги сравнялась временемъ; но часто ли мы слышимъ такой вѣрный отголосокъ Русскаго сердца и живое изображеніе бѣдствій Москвы, довершенное Ксеніей:

«Извергетъ еретикъ толпой своихъ рабовъ
Тѣла Святыхъ мужей, ругаясь, изъ гробовъ;
Въ Россіи имена ихъ вѣчно истребятся,
И домы Божіи въ Москвѣ опустошатся...
Народъ сорви вѣнецъ съ главы творца всѣхъ мукъ,
Сѣчьми, изторгни скипетръ изъ варваровскихъ рукъ!»

Это уже не двухголосный плачъ Хорева съ Оснельдой, или Ильмены съ Труворомъ; нѣтъ, это порывы глубокой скорби потомковъ Святаго Владиміра, говоръ Святой Руси о своей Церкви, о своей родинѣ;

они не тревожатъ сердца доброхотныхъ зрителей испугомъ отъ сказочныхъ небылицъ, жалостью къ выдуманнымъ невзгодамъ, но исполняютъ Русскую душу священнымъ ужасомъ и умилительнымъ состраданіемъ древней, истинной трагедіи, проявленной у насъ *Кающимся грѣшникомъ*, проясненной *Эдипомъ въ Аѳинахъ*, и невзначай проникнувшей на нашу сцену съ *Димитріемъ Самозванцемъ*. Такъ, я вижу въ этой трагедіи зароненное зерно собственно-Русской народной драмы; оно уже пустило корень въ нашу свѣжую почву, возрастило цвѣтоносный стебель, который хотя портятъ неудачныя прививки, но надѣюсь, что искусная рука даровитаго вертоградаря обобьетъ пустоцвѣтъ, очиститъ негодные побѣги и оплодотворитъ обрусѣлое прозябеніе, возникшее въ сочиненіи Сумарокова и проявившееся въ его *Самозванцѣ!*

Вводная любовь Георгія и Ксеніи вовлекаетъ въ соучастіе соотечественныхъ имъ зрителей, хотя и ни къ чему не служитъ для сущности трагедіи, которая движется и идетъ, довольно быстро и естественно однимъ дѣйствіемъ ненавистнаго Французско-театральнаго характера *Лжедимитрія*. Но его безумство, изувѣрство, любострастіе и ослѣпленіе представлены и самой Исторіей, какъ пантіе гнѣва Божія, въ казнь и ужасъ хищничества и самозванства, образумленія для крамольниковъ, мутившихъ наше отечество! Сумароковъ, конечно, не безгрѣшенъ въ заимствованіи, но уже не передъ Французами, а предъ Англичанами: онъ присвоилъ, и довольно удачно, себѣ и своему *Лжедимитрію*, что извлекъ изъ глубины сердца *Ричарда III* всепостигающій даръ Шекспира. И вотъ какъ сильно раздался, на Русской сценѣ, крикъ, устрашенной неминуемою гибелью совѣсти злодѣя и хищника! Самозванецъ, испуганный на площади вспыхнувшимъ мятежемъ, воспоминая всѣ свои злодѣянія, самъ приходитъ отъ нихъ въ ужасъ, и восклицаетъ:

«Я гибну, можество народа погубя!...
Бѣги, тиранъ, бѣги! Кого бѣжать?...Себя!...
Не вижу ни кого инаго предъ собою.
Увы! Куда бѣжать, твой адъ вездѣ съ тобою!
Убійца здѣсь... бѣги!... Но я убійца сей!
Страшуся самъ себя и тѣни я моей!
Отмщу!... Кому?... Себѣ... Себя ли не вижу?...
Люблю себя; за что люблю?... того не вижу.
Все вопитъ на меня: грабежъ, неправый судъ,
Всѣ страшныя дѣла, всѣ купно вопіютъ.
Живу къ несчастію, умру ко счастью ближнихъ,
Завидна участь мнѣ людей и самыхъ нижнихъ:
И нищій въ бѣдности спокоенъ иногда;
А я здѣсь царствую, и мучуся всегда!
Терпи и погибай, возшедъ на тронъ обманомъ,
Гони и будь гонимъ, живи, умри тираномъ!»

Шекспировъ Ричардъ приходитъ въ такое изступленіе отъ появленія грозныхъ тѣней всѣхъ имъ убитыхъ, но для слабодушнаго орудія чужевѣрной политики, кажется, довольно было ужаса близкой казни къ приведенію до такого же разстройства ума, въ которое непоколебимый ни какимъ чувствомъ человѣчества духъ адской гордыни изверга Ричарда, могъ ввергнуться только одною сверхъестественною силою. Если это заимствованіе у великаго Англійскаго поэта и не совсѣмъ сообразно съ истиной, то уже оно полезно отклоненіемъ нашей трагедіи отъ Французскаго классицисма, и возбужденіемъ участія къ поэзіи и трагедіи въ Русскихъ зрителяхъ. Сумароковъ постепенно усиливалъ это соучастіе довольно быстро возрастающимъ страхомъ и надеждою о судьбѣ нашего отечества, и не трудно себѣ вообразить, какое дѣйствіе произвелъ въ сердцахъ зрителей набатъ, возвѣстившій гибель Самозванца. Впечатлѣніе было такъ

сильно, что и самая едва не смѣшная перенесція не могла его ослабить. Лжедимитрій велитъ привесть къ себѣ Ксенію, какъ видно забытую уже торжествующими на площади отцемъ и любовникомъ, схватываетъ ее за руку, поднимаетъ кинжалъ, при вбѣжавшихъ уже на сцену Шуйскомъ и Георгіи, и восклицаетъ: «*Увяньте, розы!*»... Но розы не увяли; Парменъ, о которомъ никто не думалъ, вырываетъ Ксенію изъ рукъ убійцы, а онъ закалывается, говоря:

Иди душа во адъ, и буди вѣчно плѣнна!
Ахъ, если бы со мной погибла вся вселенна!...

И это не вовсе счастливая иппербола, такъ же какъ и стихи изъ сочиненнаго со сцены *Димитрія Самозванца* (*) еще съ восторгомъ повторяются нашими стариками, потому только, что эти стихи оканчиваютъ первую трагедію, сочиненную по Русскому духу, толку и сердцу. Никогда не забуду, что я чувствовалъ, увидя въ первый разъ сію народную любимицу! Лжедимитрія представлялъ, въ бенефисъ Яковлева, престарѣлый учитель его, Дмитревскій (**) Его опытность, замѣнявшая, сколько возможно, давно испарившійся жаръ вдохновеннаго дарованія, внушало мнѣ больше жалости къ старику, чѣмъ удивленія къ его искусству. Прочіе актеры, помнится, были ниже своихъ невысокихъ ролей. Вообще обстановка піесы и бѣдность всѣхъ принадлежностей показывали тогдашнее пренебреженіе къ Русскому Театру. Однако же ни въ какой изъ превосходно представляемыхъ Французскихъ трагедій Корнеля и Расина сердце мое такъ не билось. Обветшалое стихотворство Сумарокова и искажаемый часто Русскій языкъ не оскорбляли моего слуха; его поражало только то, что безпрестанно раздавалось въ душѣ моей. Воображеніе мое, воспламененное любовію къ нашей Церкви и Отечеству, уносилось на Красную Площадь, то, сострадая стону Москвы, заглушаемому буйнымъ самохвальствомъ иновѣрцевъ, то радовалось крику Святой Руси, на бодрыя воззванія Шуйскаго. Наконецъ, набатъ, ударившій по волѣ Божіей, въ казнь хищничества и святотатства, потрясъ мою душу; огонь пробѣжалъ изъ сердца по всѣмъ моимъ жиламъ; взрывъ радушнаго рукоплесканія огромилъ театръ, и трагедія исполнила свое дѣло! Я еще тогда не изучалъ Греческихъ трагиковъ, но почувствовалъ разницу священнаго ужаса и умиленія древней трагедіи со страхомъ и жалостью новой, и понялъ истину Ѳукидидова предпочтенія Эсхиловой драмы Демосѳеновымъ рѣчамъ (*). Потомъ, читая Эсхиловыхъ *Персовъ*, и припомня дѣйствіе, произведенное *Димитріемъ Самозванцемъ* надъ Русскими зрителями, я живо вообразилъ восторгъ Аѳинскаго народа, при славномъ разсказѣ о Саламинской побѣдѣ, которому, прекрасно, но безъ пользы для нашего театра, подражалъ Ломоносовъ въ трагедіи *Темира и Селимъ*. Жаль, что ему недоставало драматическаго дарованія Сумарокова, или что Сумароковъ не имѣлъ его обширныхъ знаній и піитическаго слова. Но, какъ бы то ни было, мы обязаны Сумарокову благодарностью вообще за его полезные для

(*) Въ 1798 году онъ былъ представленъ, въ послѣдній разъ, на Гатчинскомъ Театрѣ.

(**) Это было въ 1793 году. Дмитревскій представлялъ Самозванца съ маленькими усиками, написанными тушью, въ пудрѣ, незавитыхъ волосахъ, перевязанныхъ на затылкѣ черною лентой съ бантомъ, что называлось тогда queue de renard. На немъ была шапка, съ горностаевымъ околышемъ, съ висящею алою бархатною тульею и съ большою бусовою кистью, и золотое ґлазетовое полукафтанье, съ загнутыми полами, на маленькихъ бочкахъ, или фижмахъ. Всѣ актеры были напудрены. Борода тогда еще не смѣла появляться на сценѣ!

(*) Ѳукидидъ утверждалъ, что представленія Эсхиловыхъ трагедій сильнѣе рѣчей Демосѳеновыхъ воспламеняли молодыхъ Аѳинянъ на отечественную брань.

Русской сцены труды, а особенно за первую трагедію, прояснившую высокую цѣль и благотворныя дѣйствія первобытнаго театра и самаго достоинства драматической поэзіи и поэта! Нельзя утвердительно сказать, вникнулъ ли нашъ первый трагикъ въ сущность своего мудраго дѣла, или только случайно угадалъ его, и былъ ли его *Димитрій Самозванецъ* слѣдствіемъ соображенія всего видѣннаго на разныхъ театрахъ, или позднею вспышкою врожденнаго дара, который, однако же, не воспламенилъ его близкихъ послѣдователей, да и въ немъ самомъ только блеснулъ и тотчасъ потухъ. Для чего Сумароковъ не кончилъ своего драматическаго поприща, конечно, лучшимъ изъ его твореній, и не заставилъ насъ жалѣть о его безвременномъ сходѣ со сцены; или, почему чрезвычайный успѣхъ *Димитрія Самозванца* не возбудилъ въ его сочинителѣ ревностнаго желанія продолжать и усовершенствовать начатую имъ народную драму?... Но, увы! Онъ, въ 1744 году, написалъ *Мстислава*, и эта послѣдняя трагедія не была сладкозвучною пѣснью нашего драматическаго лебедя, а очень слабымъ отголоскомъ напѣва Французскаго соловья! Вольтеръ, въ 1734 году, сочинилъ будто историческую трагедію, *Аделаида дю Геклень*; она упала въ 1752 году; онъ переслалъ ея изъ Берлина, переряженную и перекрещенную въ *Амалію*, или *Герцога де Фуа*: она зашаталась на Парижской сценѣ, но прелестная актриса Госсень кое-какъ удержала ее отъ совершеннаго паденія (*). Сумароковъ уже заимствовалъ изъ этого сопричества родныхъ братьевъ, содержаніемъ *Синава и Трувора*; но страсть къ перенесціямъ заставила его, наконецъ, перенесть и всю почти трагедію на нашъ театръ. Вандомъ, послѣ разныхъ любовныхъ хлопотъ, въ изступленіи несчастной страсти, приказываетъ своему приверженцу отрубить голову его счастливому сопернику и брату, и возвѣстить эту казнь пушечнымъ выстрѣломъ. Добрый человѣкъ-приверженецъ исполняетъ только послѣднее приказаніе, и прячетъ брата до удобнаго времени. Вандомъ, въ отчаяніи отъ пушечнаго вѣстрѣла, раскаивается, проклинаетъ свою безумную страсть, и хочетъ убить себя: добрый приверженецъ мѣшаетъ самоубійству, выводитъ брата, и трагическій испугъ кончается очень покойно. Изъ всего этого Сумароковъ только перемѣнилъ пушечный выстрѣлъ на колокольный звонъ, и имена братьевъ. Да пусть бы онъ вскленалъ опять такую небылицу на небывалыхъ Ростиславовъ, Ярополковъ или Вышеславовъ, а то какъ ему не совѣстно было переродить въ бѣшенаго Француза Вандома нашего удалаго единоборца Мстислава Тмутараканскаго, а въ жалкаго любовника Немура, красу Русскаго Государства Ярослава Великаго! Этимъ грѣхомъ противъ Русской правды заключилъ Сумароковъ свои творенія, въ которыхъ оставилъ образцы всѣхъ родовъ драматическихъ зрѣлищъ. Кромѣ многихъ трагедій, онъ написалъ 12 комедій, перенялъ только что появившуюся у Французовъ драму въ стихахъ и прозѣ,

(*) Вотъ переводъ эпиграммы, ходившей по рукамъ въ Парижѣ, послѣ втораго появленія этой двуименной трагедіи:

Аделаида дю Геклень
Въ Амалію перероднлась,
Въ Берлинѣ разрядилась;
Но какъ прелестная Госсень
Омолодить ее ни билась,
Да не могла!
Домой старуха возвратилась,
На сцену только появилась —
И умерла!

12 лѣтъ, послѣ этого ушиба, славный актеръ Лекень, перевернувъ *Амалію* опять въ *Аделаиду*, или *Герцога Вандомскаго*, представилъ ее Парижской публикѣ. Его чрезвычайный талантъ помогъ благосклонному принятію; но и воскрешенная имъ *Аделаида* не надолго пережила своего воскресителя.

заимствовалъ у Кино лирическую оперу, и ввелъ торжественный прологъ. Но ни одно изъ его сочиненій не осталось на театрѣ. Та же участь постигла, еще въ живыхъ, великаго Шекспира. Зависть, вражда и нововведенія столкнули со сцены, имъ же возвышенной, всѣ его творенія, но они торжественно снова воцарились на Англійской сценѣ, къ чести гордящихся ими Англичанъ, а со всѣмъ моимъ уваженіемъ къ отцу нашего театра, я увѣренъ, что Сумароковъ навсегда оставленъ своимъ дѣтищемъ, Русскимъ Театромъ, и ни мало не желаю его возвращенія; не потому, чтобы языкъ Сумарокова для насъ устарѣлъ больше, чѣмъ языкъ Шекспира для Англичанъ, не потому, что теперь и вовсе не-поэты пишутъ стихи глаже Сумарокова, а потому что въ Англіи только временно пристрастіе къ блеску Французскаго классицисма затмило сіяніе Шекспировскаго самороднаго генія, и что при первомъ возбужденіи народной гордости отдана справедливость великому мужу, творцу Англійскаго Театра. Напротивъ же, Сумароково даровитое, но безусловное подражаніе Французскому Театру было главною причиною его быстраго возвышенія и постепеннаго уничтоженія. Чѣмъ Русскій Театръ ближе къ сердцу и толку народному, тѣмъ болѣе будетъ онъ чуждаться прежняго раболѣпнаго подражанія Французскому и нынѣшнему Французо-Нѣмецкому Театру. Театръ вездѣ и всегда былъ и будетъ отголоскомъ народности, но мы развѣ только насмѣшливостью и воинственностью похожи на Французовъ; на Нѣмцевъ же ни чѣмъ. У нихъ свой разумъ, свои доблести, свои почтенныя свойства, повѣрья, понятія и бытъ, а у Русскихъ свои молодечество, радушіе, смѣтливость, досужество, и тотъ кто лучше разгадаетъ наши свойства и будетъ въ силахъ имъ угодить, утвердитъ нашу сцену на основаніи древнемъ и на подстройкахъ новыхъ театровъ. Надѣюсь, что Обзоръ Русской Драматической Словесности покажетъ ясно постепенность сего вожделѣннаго творчества и близкую возможность оживленія народной сцены. Наши безпристрастные зрители не показываютъ исключительной или настойчивой привязанности ни къ какому вводимому къ намъ роду зрѣлищъ, довольствуются своимъ недурнымъ, любятъ свое хорошее, даже предпочтительно чужому, и ожидаютъ своего же лучшаго, чтобъ совершенно прилепиться къ нему. Сумароковъ и послѣдователи его нравились, конечно не безъ причины и не безъ достоинства, а по мѣрѣ улучшенія нашей театральной словесности, перестали нравиться. Но достоинство ихъ не истребилось, и справедливость, имъ отдаваемая, можетъ быть не безполезна для нашихъ писателей, читателей и зрителей. Исторія Театра, также какъ и другія Исторіи, умудряетъ прошедшимъ настоящее и будущее, и я буду очень радъ, если моя долговременная опытность и словоохотливая старость послужатъ къ чему нибудь путному для моихъ соотчичей (*). Войдя въ нужныя, по моему мнѣнію, подробности о начальныхъ твореніяхъ нашихъ трагиковъ, не буду разсматривать повременные успѣхи продолжителей, такъ сказать, Сумароковской трагедіи; она уже не существуетъ, и тѣмъ лучше. Только бы новоперенимаемое драматическое бѣснованіе не довело до худшаго! Но я надѣюсь, что Русскій толкъ не допуститъ нашъ театръ до такой крайности! Прежде показанія нѣкоторыхъ счастливыхъ измѣненій первой нашей трагедіи, просвѣщеннымъ, умнымъ и даровитымъ стихотворцемъ, Я. Б. Княжнинымъ, я обязанъ напомнить о драматическихъ сочиненіяхъ Хераскова, Майкова и Ни-

(*) Редакція вполнѣ признаетъ заслуги для театра почтеннаго Князя А. А. Шаховскаго, и со всѣми любителями отечественной Словесности желаетъ, чтобъ онъ продолжалъ свои любопытныя и поучительныя записки о Русской сценѣ и Драматической Словесности. *Ред.*

колева, отличавшихся на Русской сценѣ удачными подражаніями. Сумарокову и не очень значущими нововведеніями, или новоподражаніями.

ПРИМѢЧАНІЯ.

(а). Переводы Священныхъ Книгъ, лѣтописи Преподобнаго Нестора и его продолжателей, Риторика, написанная на Русскомъ языкѣ для Великаго Князя Святополка (отысканная Преосвященнымъ Филаретомъ, Митрополитомъ Московскимъ), Духовное завѣщаніе Владиміра Мономаха, прославленнаго знаніемъ иностранныхъ языковъ и писаній. Пѣснь о Полку Игоря, и наконецъ зданія и мозаики Кіевскихъ древнихъ Церквей: гробница Ярослава Великаго и вновь открываемые и отыскиваемые памятники Византійскихъ искусствъ, кажется, должны убѣдить нашихъ скептиковъ-Пибуристовъ о давнишнемъ преимуществѣ нашего народообразованія передъ Западною Европою! У насъ уже въ XI вѣкѣ преподавалось краснорѣчіе и богатѣло Русское слово сокровищами, сохранившимися отъ древнихъ Грековъ, въ единовѣрной Византійской Имперіи. А еще въ 1417 году, Французскій Констабль, взятый въ плѣнъ Англичанами, не могъ, за неграмотностью, утвердить письменно своего уговора, и потребовалъ взятаго у него меча, на которомъ было вырѣзано его имя, чтобъ приложить его къ предложенной ему бумагѣ.

(б). Въ это время, когда Папа Левъ X, покровительствовалъ поэзіи и художества, ученый Бембо и другіе просвѣщеннѣйшіе Кардиналы старались возстановить древнюю трагедію, въ Католическомъ Римѣ, Галликанская Церковь проклинала въ Парижѣ театръ, съ его авторами, музыкантами и всѣми на немъ или для него дѣйствующими! Это не только не Христіанское но и не Папское гоненіе останавливало успѣхи драматическаго искусства, способствовавшаго къ очищенію и распространенію языка, а съ нимъ вмѣстѣ и вліянія Французской Литературы на всю Европу. Лудовикъ XIV, въ противодѣйствіе Галликанскому изувѣрству, издалъ законъ, по которому всѣ вступающіе на сцену, сохраняя свои родовыя права и достоинства и не унижались въ гражданскомъ быту, (ne dérogent point); но не взирая на то, страхъ Галликанскаго отдѣленія отъ Церкви сильно дѣйствовалъ даже на людей очень просвѣщенныхъ!

Славный сочинитель театральной музыки, Италіянецъ Люлли, опасно занемогъ, и его духовникъ, для спасенія души, принудилъ больнаго бросить въ огонь партитуру музыки, написанной имъ для новой оперы; Кино сочинитель либрето этой оперы, узнавъ съ ужасомъ о сожженіи его надежды на большой успѣхъ: спросилъ почти выздоровѣвшаго Люлли, правда ли это?—«Да, отвѣчалъ смиренно Италіянецъ, я для рая сжегъ мою прекрасную партитуру, а для театра оставилъ копію! Эта Іезуитская увертка, передъ Богомъ, или какъ они ее называютъ, умственное отреченіе (restriction mentale) спасли музыку, которую теперь никто бы не хотѣлъ слушать. Но невѣжественное смѣшеніе Галликанскимъ Духовенствомъ языческихъ обрядовъ древнихъ театральныхъ зрѣлищъ, съ сущностью драматической поэзіи, рано лишило Французскій театръ превосходныхъ твореній его великаго трагика. Расинъ, по мнѣнію современныхъ писателей, по увѣщанію духовника, въ самой силѣ своего генія, пересталъ писать для театра, и послѣ долгаго отреченія, склонясь на просьбу Г-жи Ментенонъ, тайной супруги Лудовика XIV, сочинилъ, и то не для публичной сцены а для ея воспитанницъ, (въ учебномъ заведеніи Сенъ-Сиро) двѣ библейскія трагедіи *Эсиирь* и *Гоголію*, завѣщая сыну, не отдавать послѣднюю на театръ, и эта превосходнѣйшая изъ его трагедій и ближайшая по смыслу и формамъ къ древней Аѳинской, доказываетъ, какъ вреденъ для Французской Литературы былъ страхъ ложной набожности.

Увѣряютъ что Грессе, сочинитель превосходной комедіи *Злоязычный* (le Méchant), убоясь угрозъ Галликанскаго Духовенства, лишилъ Французскую сцену и литературу прекрасныхъ произведеній, для которыхъ Богъ далъ ему рѣдкія дарованія. А сколько еще людей, одаренныхъ можетъ быть не меньшими способностями, не смѣли ими пользоваться отъ непонятія Галликанскимъ Духовенствомъ Святаго Ученія первыхъ Христіанскихъ Іерарховъ! Возставая противъ еще существовавшаго или возобновленнаго Юліаномъ Отступникомъ идолослуженія, пастыри первой Христіанской Церкви уничтожали всѣ языческіе обряды, въ которые включали и зрѣлища, дававшіяся Аѳинами всей Греціи, во время Діонисійскихъ и Ленійскихъ праздниковъ, ибо предъ трагическимъ представленіемъ, на самомъ театрѣ, приносился въ жертву Вакху бѣлый козелъ, отчего произошло названіе трагедіи, переведенное въ Славянскихъ книгахъ: козлогласіемъ. Но о древней комедіи ничего не упоминается, вѣроятно потому, что съ нею не соединялось ни какого жертвоприношенія, это доказываетъ, что идолопоклонство и сценическое соучастіе ложныхъ боговъ въ трагическихъ зрѣлищахъ дѣлало ихъ

противными Христіанству, а не самое существованіе драматической поэзіи и театра. Уже слишкомъ 600 лѣтъ послѣ Эсхила и даже Эврипида, любострастіе Греческихъ и Римскихъ театровъ возмутило чистыя души и строгую нравственность Христіанскихъ учителей противъ представляемаго на нихъ разврата. Но злоупотребленіе благонамѣренныхъ учрежденій должно ли разрушать ихъ до основанія? Напротивъ, мудрое отдѣленіе временнаго зла отъ существеннаго добра предписывается и древнею и новою мудростью, что мы и видимъ при первомъ проявленіи въ Россіи драматической поэзіи, и что, даже въ наше время, не хочетъ еще понять едва возникшее изъ развалинъ Французской Церкви Галликанское Духовенство, чему я самъ былъ свидѣтелемъ.

Въ 1802 году, когда Наполеонъ (еще Первый Консулъ Бонапарте), отъ душевнаго ли убѣжденія, или правительственной мудрости, возстановлялъ религію въ обезбоженной Франціи, и еще съ креста Церкви Инвалидовъ не успѣли снять Якобинской шапки, священникъ прихода Св. Рока, не хотѣлъ отпѣвать умершей съ Христіанскою Вѣрою танцовщицы Шамеруа, и, по Галликанскому преданію, не впустилъ принесеннаго тѣла ея въ церковь, что произвело сильное волненіе въ стекшемся на похороны народѣ. Послѣ спора и шума даже послышались едва замолкшіе Якобинскіе крики, и въ память недавно потушенной революціи, упрямый священникъ былъ бы повѣшенъ на фонарномъ столбѣ чернью, привыкшею къ злодѣйству, если бы не подоспѣли жандармы, и не отвели упрямца къ Парижскому Архіепископу, который сильными мѣрами возстановилъ спокойствіе. Вскорѣ послѣ этого происшествія, обѣдая въ Парижѣ у родственника моего, П. Ѳ. Балкъ-Полева, славный по словамъ Жилберта, *внѣ Парижа*, стихотворецъ Лагарпъ, возсталъ противъ Архипастырскаго рѣшенія, и жалѣлъ, что повѣшали осужденнаго Архіепископомъ священнику сдѣлаться мученикомъ усердія своего къ Церкви! Чрезъ нѣсколько дней послѣ этого разговора, я былъ у знаменитой Г-жи Жанлисъ, (жившей въ Библіотекѣ Арсенала), и разсказалъ ей о чудной набожности бывшаго Вольтерова обожателя, Лагарпа. Блѣдное, желтое лице сухой старухи вспыхнуло, быстрые глаза ея засверкали. Она выдвинулась изъ за своихъ глубокихъ креселъ, и я услышалъ ужасныя нареканія бывшему нѣкогда любимцу ея, изъ которыхъ у меня остались только въ памяти: «Предатель, перемётчикъ, прислужникъ всѣмъ безбожникамъ, Тартюфъ, который самъ ни чему не вѣря, хочетъ увѣрить въ своемъ обращеніи къ набожности!» Такими вовсе не-Христіанскими изреченіями, нравоучительная воспитательница Принцевъ старалась меня увѣрить, что Лагарпъ, какъ прежде, такъ и тогда, все тотъ же лицемѣръ, и что его обращеніе къ религіи только коммерческій расчетъ! Я, слушая довольно длинную инвекцію, не зналъ чему вѣрить, обращенію ли Г-на Лагарпа или безпристрастію Г-жи Жанлисъ, которая, какъ я слышалъ, ожесточилась за нескромное выраженіе о прежнемъ Парнасскомъ повѣренномъ своемъ, который, уже во время ея невзгоды, сказалъ относительно къ ея первымъ сочиненіямъ, что онъ перемывалъ черное бѣлье Г-жи де Жанлисъ. Съ другой стороны, слишкомъ ретивое вступленіе бывшаго друга философовъ за безразсудный поступокъ Католическаго фанатика, кажется мнѣ переусиленнымъ желаніемъ увѣрить, въ чемъ самъ не былъ убѣжденъ!

Письмо, полученное мною отъ поэта Бленъ-де-Сенморъ, извѣщающее о смерти Лагарпа, заставляетъ меня думать, что общее мнѣніе Парижскихъ словесниковъ не совсѣмъ противорѣчитъ словамъ Г-жи де Жанлисъ.

ВЗГЛЯДЪ РУССКАГО
НА ЛОНДОНСКІЕ ТЕАТРЫ.

(Выдержка изъ путеваго журнала.)

Въ числѣ публичныхъ увеселеній Лондона первое мѣсто занимаютъ театры, а въ числѣ ихъ Италіянская Опера—славная Парижская опера (Opéra Italien), перенесенная на великолѣпный Королевинъ Театръ (Queen's or Her Majesty's Theatre) въ Лондонѣ. Гризи, Персіани, Лаблашъ, Рубини, Маріо, Тамбурини и самые хоры, все здѣсь на цѣлое лѣто, съ прибавкою Нѣмецкой примадоны, Г-жи Леве. Не видать этого теара и не слыхать очаровательнаго пѣнія всѣхъ этихъ волшебниковъ мелодіи, значитъ или не любить театра и музыки, или *быть членомъ Англійской Верхней Палаты*.... Это что *за исторія?* спросятъ меня небывалые *лѣтомъ* въ Лондонѣ. Это чистая Исторія, мм. гг. и государыни; это *черта нравовъ* верховной Англійской аристократіи: Лорды, Маркизы (Earls) и Баронеты Великобританніи, эти дилеттанты музыки, эти столпы Италіянской Оперы, иждивеніемъ коихъ вся эта драгоцѣнная труппа выписывается изъ Парижа на лѣтніе мѣсяцы, непремѣнно умрутъ со скуки, если ее не будетъ, и скорѣе умрутъ, чѣмъ измѣнятъ правилу — *не показываться въ Лондонѣ до открытія Парламентскихъ засѣданій;* а до нихъ остается еще добрыхъ девять дней! Всѣ домы этихъ господъ, даже и живущихъ incognito въ Лондонѣ, заперты, всѣ окна ихъ забѣлены или завѣшены снаружи, pour ne pas déroger à l' étiquette du suprême bon ton. Но, какъ мы не Лорды, и мнѣ въ особенности некогда ждать до открытія Парламента (19 Августа н. с.), то я и рѣшился послушать отъ души соловьевъ Италіи, перелетѣвшихъ для утѣшенія нашего за Британскій Каналъ. Чтобы удостоиться быть въ числѣ сихъ избранныхъ, мало заплатить втрое за мѣсто, не исключая и партера; надобно быть и *одѣту по бальному*, по праздничному: непремѣнно въ черномъ фракѣ, галстухѣ, жилетѣ и такихъ же брюкахъ. Послѣднее есть новѣйшая уступка, сдѣланная геніемъ приличій — непреодолимому генію моды (*). Есть, однако же, и другая уступка для людей, менѣе ущедренныхъ дарами Плутуса и Фортуны чѣмъ Великобританскіе набобы. Билеты (tickets) на одинокія мѣста въ партерѣ и *стáляхъ* (boxs) можно получать 15-ю процентами дешевле, чѣмъ мѣста сіи продаются въ кассѣ. Дѣло вотъ какъ дѣлается: нѣкоторые аферисты, большею частію книгопродавцы и содержатели гостиницъ, за ужасную цѣну, платимую другими, абонируютъ ложи; при ложѣ выдается на каждое представленіе по нѣскольку билетовъ въ партеръ и стали, смотря по ярусу ложъ, и спекуляторы-абоненты такъ мастерски распоряжаются своимъ дѣломъ, что

(*) Прежде не иначе впускали зрителей, какъ въ башмакахъ и шелковыхъ чулкахъ.

ложа приходится имъ почти даромъ. Въ подрывъ дирекціи, они открыто продаютъ желающимъ частные билеты въ партеръ и стали, съ пониженіемъ цѣны, такъ что у дирекціи покупаютъ частныя мѣста одни незнакомые съ своеобычнымъ Лондономъ, а другіе только тогда, когда билеты абонентовъ уже всѣ разобраны. Такъ сдѣлали и мы, по совѣту нашихъ общихъ пріятелей: намъ принесли три билета въ партеръ, по 8 шил. 6 пенсовъ каждый (они стоятъ по 10 шил. въ кассѣ театра); цѣна сталей 50 проц. болѣе, а цѣнамъ ложъ нѣтъ и счета: такъ дорого здѣсь наслажденіе для любителей изящнаго! И вотъ мы, за цѣлой вереницей опередившихъ насъ посѣтителей оперы, пробрались кое-какъ въ театръ, и проворно усѣлись на свободныя мѣста 4-хъ лавокъ партера. Но что это за лавка! Безъ спинки, вся на воздухѣ и такъ прижата къ передней, что ни ногъ дѣть некуда, ни прислониться не къ чему! Тутъ только узнали мы своими боками, спинами и колѣнами, что всѣ лавки не иначе снабжены спинками, какъ черезъ одну, и вотъ единственная причина, по которой здѣшніе знахари, прежде насъ пришедшіе, усѣлись за нами. Какъ ни несносны были мѣста наши, а особливо мое, (*) но наслажденія вечера сего наградили насъ съ избыткомъ за выдержанную мною пытку. Играли оперу-трагедію «Марино Фаліеро», муз. Донидзетти. Хоры, большею частію составленные изъ хористовъ Парижской Оперы, были отличны, не смотря что шепелянье кое-гдѣ обличало участіе въ нихъ и туземныхъ пѣвчихъ. Въ первомъ актѣ явился, въ роли Израэля, одинъ Тамбурини: актеръ прекрасный; физіономія чисто Италіянская, метода пѣнія хорошая, но голосъ его показался мнѣ нѣсколько *утомленнымъ*, или вѣрнѣе—онъ былъ отъ природы une voix voilée: позже, въ дуэтѣ съ Лаблашемъ, онъ произвелъ на меня пріятнѣйшее впечатлѣніе, но когда въ роли Фернандо, племянника Дожева, зарокотала живая струна неподражаемаго Рубини, то я не зналъ, голосъ ли человѣка я слышу или небесное пѣніе? Ни съ чѣмъ не умѣю сравнить его волшебнаго pianissimo, къ которому онъ переходитъ съ такою мягкостію и постепенностью отъ самаго сильнаго sforzando! Это просто соловей въ образѣ человѣка. И какъ у него все это свободно, естественно: ни малѣйшаго судорожнаго движенія при самыхъ трудныхъ переливахъ голоса! Что за очаровательныя фіоритуры! Какой огонь, какая жизнь и какая обработка голоса, въ его пѣніи! Пѣвцовъ, каковъ Рубини, судьба раждаетъ счетомъ, и едвали другаго, подобнаго ему, имѣетъ вся пѣвучая мелодическая Италія! Не слыхать Рубини имѣя возможность слышать его, значитъ быть или Англійскимъ аристократическимъ денди или вандаломъ! Однимъ словомъ, онъ такъ превосходно, такъ сердечно спѣлъ лебединую свою арію во 2-мъ актѣ, что неистовыя «браво» заѣзжихъ дилеттантовъ оторвали отъ книжекъ своихъ и самыхъ холодныхъ Англичанъ (*), перешедшихъ изъ одной крайности въ другую: чудаки сіи потребовали ея повторенія. Маріо, второй теноръ, очень хорошо спѣлъ одну свою баркаролу, по видимому, сочиненную для его голоса, и принужденъ былъ также повторить ее. Г-жа Леве, видная, красивая женщина, обладаетъ великимъ голосомъ, но далека отъ прелестной Гризи. Какъ актриса, она весьма примѣчательна, но хотя въ пѣніи и фіо-

(*) Передо мною вертѣлась огромнѣйшая лысая голова какого-то неугомоннаго Джонъ-Буля: преогромнѣйшее театральное солнце! Виски торчали вовсѣ стороны, въ родѣ солнечнаго сіянія, и отсвѣчивали мнѣ сцену. Такъ и хотѣлось остановить ихъ perpetuum mobile!

(*) Еще новая странность Британіи: вы найдете здѣсь сотню слушателей, постоянно слѣдящихъ не актера или пѣвца на сценѣ: читая либретто, въ которомъ не понимаютъ ни слова, силятся они увѣрить другихъ, что *собаку съѣли* на Италіянскомъ языкѣ.

ритурахъ ея видно явное, похвальное желаніе подражать методѣ Рубиніевой; копія эта рѣзко отличается отъ своего оригинала: вскрикиванье и вовсе неграціозное открываніе рта не украшаютъ, конечно, сію Германскую примадонну. Были, однако жъ, мѣста, гдѣ и Леве увлекала силою своей дикціи и прекрасной игры: таковы минуты признанія ея мужу въ невѣрности, и послѣдняя ея сцена!... Она исполнила ихъ прекрасно, и заставила забыть, что она не Италіянка и соперница знаменитой Гризи. Что сказать теперь объ Орестѣ своего Пилада, Рибини, о славномъ Лаблашѣ. Это чудо человѣкъ, и какъ пѣвецъ, и какъ актеръ: тоже въ басѣ, что другъ его, Рубини, въ теноробаритонѣ. Если бъ Лаблашъ захотѣлъ, то ни какой оркестъ не покрылъ бы громоваго его голоса, но у Лаблаша столько же методы, какъ и у Рубини: онъ полный властелинъ своего огромнаго, не человѣческаго голоса, и обузданіе его есть такое мастерство, которымъ едва ли владѣлъ до него и знаменитый Фишеръ, бывшій, лѣтъ за тридцать назадъ, первымъ басистомъ Европы. Это органъ Фрейбургскій или Гарлемскій, подъ перстами мастера-органиста: изъ страшной бури, онъ переходитъ въ пріятное scherzando со всею легкостію тенориста. А что за актеръ? Сколько души въ этомъ тучномъ человѣкѣ, въ этой неповоротливой тушѣ, которая съ перваго взгляда кажется созданною не для сладкихъ звуковъ гармоніи, не для пламенной геніяльной оперы, а для атлетическаго единоборства. Ничего нельзя вообразить себѣ превосходнѣе Лаблаша, въ ужасной сценѣ 5-го акта съ его женою, гдѣ она, послѣ смерти ея любовника, Фернандо, признается въ невѣрности своему супругу. Холодъ пробѣгаетъ по жиламъ зрителя, когда гигантъ Лаблашъ (Marino Faliero) схватываетъ ее за волосы, и ударомъ могучей руки своей повергаетъ на землю; ничего столь трагически *раздирательнаго*, какъ слово речитатива Лаблашева, когда онъ вскрикиваетъ: *и ты мнѣ измѣнила!* Но за то, сколько патетизма въ томъ же самомъ голосѣ страшнаго карателя мужа, когда онъ, переходя отъ мести къ состраданію и любви, передъ казнью своею прощаетъ свою невѣрную Елену! Все это такъ естественно, такъ изящно, что ни какое искусство не можетъ ничего прибавить къ игрѣ и интонаціи славнаго басиста. Нельзя не подивиться также и искусству maestro, такъ хорошо написавшаго эту оперу для своего любимца, ибо вся она видимо написана для Лаблаша, и актеръ и пѣвецъ, которому бы вздумалось подражать ему, даже на условіи столь же огромныхъ музыкальныхъ и сценическихъ дарованій, непремѣнно долженъ видѣть свой подлинникъ, чтобы постичь весь высокій трагизмъ этой роли!... По окончаніи представленія, Лаблашъ и Г-жа Лёве были единодушно вызваны публикою, и получили справедливую дань всеобщихъ рукоплесканій.

Я говорилъ о Лаблашѣ какъ объ отличномъ артистѣ; теперь не могу умолчать, что я слышалъ объ этомъ геніяльномъ артистѣ, какъ о человѣкѣ. Лаблашъ родомъ Неаполитанецъ, и отличается высокимъ образованіемъ: примѣрный отецъ семейства, онъ одаренъ всѣми качествами ума и сердца, и, какъ истинный геній, любитъ все прекрасное, все изящное, даже и въ соперникѣ своего искусства: вотъ разгадка той дружбы, которая связываетъ его съ двойникомъ его, Рубини. Одни мелкіе таланты завидуютъ успѣхамъ другихъ дарованій: люди геніяльные, художники въ душѣ, радуются, наслаждаются ими. Домъ Лаблаша есть rendez-vous всего умнаго, любезнаго, арена душевныхъ наслажденій для многочисленныхъ друзей его и любителей изящнаго во всѣхъ родахъ. Вотъ разгадка и того всеобщаго уваженія, которымъ пользуется этотъ даровитый артистъ во Франціи и въ Италіи. Объ этомъ чудѣ-человѣкѣ раз-

сказывали мнѣ множество анекдотовъ, одинъ другаго забавнѣе. Вотъ, покамѣстъ, два, принадлежащіе къ будущей біографіи сего великаго артиста, совершенно его характеризующіе. Никто столько не получалъ подарковъ какъ Лаблашъ, любимецъ всѣхъ Дворовъ и столицъ, которыхъ онъ восхищалъ своимъ необыкновеннымъ талантомъ: у него столько табакерокъ, что для каждаго дня въ году онъ имѣетъ по одной (*). Нынѣшняя Королева Викторія недавно пожаловала ему новую, драгоцѣнную табакерку, и шутя сказала ему: «J'espère, monsieur Lablache, que vous trouverez un jour dans l'année pour faire usage de mon cadeau». — Madame, отвѣчалъ артистъ: vous me voyez tout confus de ne pouvoir pas le faire: tous mes jours sont pris.... На это Королева отвѣчала ему: «Eh bien Mr. Lablache: ma tabatière vous servira pour les années bisextiles». Другой анекдотъ довольно хорошо характеризуетъ разсѣяніе Лаблаша. Находясь однажды въ Неаполѣ, онъ позванъ былъ къ Королю, который весьма любитъ Лаблаша, какъ великаго артиста и добродушнѣйшаго изъ людей. Когда онъ явился во дворецъ, Король былъ занятъ, и пѣвецъ долженъ былъ дожидаться въ пріемной залѣ. Жаръ былъ ужасный, а въ открытыхъ галереяхъ ходилъ сквозной вѣтеръ; толстякъ Лаблашъ, весь въ поту, опасаясь простуды, попросилъ у окружавшихъ его позволенія прикрыться шляпой: дорожа здоровьемъ его, всѣ единодушно пригласили его это сдѣлать. Лаблашъ, заговорясь съ придворными, не замѣчалъ, какъ текло время; вдругъ отворяются двери въ пріемную, и Лаблаша зовутъ къ Королю: онъ бросается опрометью, и забывъ, что шляпа на головѣ его, схватываетъ другую, и такъ является къ Королю. Увидя такую странность, Король не могъ удержаться отъ смѣха, и спросилъ Лаблаша: зачѣмъ держитъ онъ шляпу въ рукахъ? Лаблашъ смутился и отвѣчалъ, что иначе не смѣлъ онъ предстать предъ лице своего Монарха. «А другая шляпа, на головѣ?» возразилъ Король, продолжая смѣяться. Лаблашъ, смутясь еще болѣе, схватился за голову: тутъ только открылось, что у него двѣ шляпы, своя на головѣ, а чужая въ рукахъ. Разсѣяніе это до того разстроило Лаблаша, что онъ совершенно потерялся и готовъ былъ бѣжать, если бы Король, съ отличающимъ его благоволеніемъ, не удержалъ и не ободрилъ перепуганнаго артиста. Не правда ли, что въ этомъ характерѣ есть много сходства съ нашимъ Хемницеромъ и Французскимъ Лафонтеномъ? На театрѣ, онъ вовсе другой человѣкъ, чѣмъ въ обществѣ. Пѣніе его отличается отрывчивостью и силою нотъ, и вотъ въ чемъ манера его не похожа на методу Рубини, неподражаемаго въ мягкомъ adagio.

(*) Одинъ шутникъ Французъ Д.... сравнивалъ его, въ этомъ случаѣ, съ покойнымъ дипломатомъ Англійскимъ, Лордомъ Кастльре, прозваннымъ нѣкогда «L'Homme aux tabatières».

—

Нѣсколько дней спустя.

Я видѣлъ Лаблаша еще разъ сегодня, а съ нимъ и всѣ знаменитости здѣшней оперы: Г-жъ Гризи и Персіани. По возвращеніи моемъ изъ Гемптонъ-Коурта, одинъ примѣчательный Французскій industriel, Г. Ремюза, родственникъ знаменитаго оріенталиста, человѣкъ, о которомъ стоитъ поговорить особо, пригласилъ меня въ свою ложу. Мы отправились въ театръ цѣлою компаніею: Гг. Ремюза, Таше, дель Брюкъ и я въ ложу, а коломбійцы Ривасъ и Устарисъ въ стали. Въ этотъ день былъ бенефисъ любимой здѣшней танцовщицы, Черито. Огромный Королевинъ Театръ былъ набитъ биткомъ: пять этажей ложъ, бенуары и такъ называемыя ложи *омнибусы*, (*) стали, партеръ, галереи и раекъ (составляющій 6-й и 7-й ярусы въ углубленіи потолка противъ сцены); пустаго

(*) Обширныя боковыя ложи, въ одномъ ярусѣ съ бенуарами.

мѣста не было ни одного. Играли оперу «La Gazza Ladra» (Сорока Воровка), сцену изъ оперы «Lucia di Lammermoor,» балетъ «L' Elève de l'Amour», актъ изъ Хитаны, видѣнныя нами третьяго дня, и новый дивертиссементъ. Въ Сорокѣ Воровкѣ, Лаблашъ явился совершенно новымъ актеромъ, и столько же превосходнымъ buffo caricato, какъ и трагикомъ. Онъ игралъ роль судьи съ такимъ благороднымъ комизмомъ и юморомъ, что нельзя было не смѣяться, а пѣлъ такъ хорошо, что нельзя было слушать его безъ восхищенія: настоящій протей сцены, всегда превосходный и вездѣ разнообразный. Гризи превзошла мое ожиданіе въ роли служанки, мнимой преступницы, и пѣла съ такою душою и искусствомъ, что всѣ мы заслушались ее, не смотря на громкое болтанье нѣкоторыхъ Англійскихъ дилеттантовъ обоего пола, сидѣвшихъ въ сосѣдней ложѣ Надо признаться, что и физика Г-жи Гризи самая выгодная для сцены. Не будучи, что называютъ, красавицей, она женщина видная и довольно хороша собою, не смотря на свои 36 лѣтъ; но когда женщина эта одушевится, она истинно прекрасна! Тамбурини поразилъ меня сегодня въ роли отца Нинеты, и поразилъ вдвойнѣ: патетизмомъ игры своей и необыкновеннымъ *сходствомъ* своимъ... съ кѣмъ бы вы думали?—съ великимъ Наполеономъ! Послѣднее — просто случайность, сознанная всѣми, когда Тамбурини наденетъ военный мундиръ и причешетъ волосы, какъ убиралъ ихъ нѣкогда *маленькій капралъ*. Но первое есть плодъ ученія и любви къ своему званію, неотъемлемое достоинство истиннаго артиста. Сцена прощанія его съ дочерью, въ концѣ 1-го акта, была до высочайшей степени трогательна, и произвела неистовый восторгъ въ цѣлой публикѣ: а произвесть его здѣсь, кромѣ таланта великаго или гаерства какого нибудь шута, довольно трудно. Самый голосъ Тамбурини, какъ пѣвца, былъ сегодня гораздо чище; но воля Г. Тамбурини — онъ все-таки не естественъ: онъ не споетъ вамъ ни одной ноты безъ триллера (cadence) или фіоритуры: избытокъ сего украшенія превращается наконецъ въ какое-то гоготанье, ржаніе или козлопѣніе. Хотя бы на меня за это возстали всѣ поклонники Тамбурини, я не перемѣню своего мнѣнія, которое раздѣляютъ со мной многіе хроматики и музыканты, судившіе о пѣніи Тамбурини.—Что сказать о Флавіо, второмъ тенорѣ? Въ иной труппѣ его бы расхвалили, но близость Лаблаша и Рубини много вредили синьору Флавіо въ роли любовника героини піесы. Хоры шли довольно изрядно. Но когда появилась славная Персіани, и запѣла свою арію (въ Lucia di Lammermoor), то все затрепетало отъ наслажденія, и самая болтовня несносныхъ Англійскихъ денди и ихъ идоловъ, умолкла; каждое слово артистки было слышно, каждая нота раздавалась, какъ звукъ колокольчика или флейты. Ей уступала въ этомъ пальму первенства и сама великая Малибранъ, отдававшая ей всю должную справедливость. (*) Къ величайшему прискорбію моему, пѣніе Рубини не соотвѣтствовало общему ожиданію. Онъ былъ сегодня не въ духѣ, и не смотря на это, дуэтъ ихъ былъ прелесть! А что бы онъ былъ, если бы Рубини

(*) Такія дружескія соперничества талантовъ весьма не рѣдки. Г. Гаррисъ, Піемонтіецъ, мужъ одной примадоны, съ успѣхомъ игравшей въ Палермѣ и Миланѣ, ангажированной на два года въ Гаванну и отъѣзжающей туда черезъ двѣ недѣли, разсказывалъ мнѣ одинъ любопытный анекдотъ о театральной войнѣ, происшедшей недавно въ Палермѣ. Война сія возгорѣлась за двухъ Французскихъ пѣвицъ Алесъ и Пиксисъ, соперницъ по искусству и пріятельницъ по душѣ.. Алесъ превосходила соперницу свою красотою и граціею; Пиксисъ превосходила ее въ искусствѣ пѣнія, и въ Палермѣ образовались двѣ партіи дилеттантовъ, въ пользу каждой изъ двухъ примадоннъ. Въ дни, бенефисовъ двухъ пѣвицъ, у соперниковъ доходило дѣло до драки: одна партія шикала, другая бросала вѣнки и кричала

захотѣлъ явиться тѣмъ, чѣмъ онъ есть? (*) Я говорилъ уже выше о различіи методы его съ методою Лаблаша, которому онъ уступаетъ въ игрѣ, какъ актеръ: по этой части, какъ слышалъ я, есть у него въ Италіи довольно знаменитый соперникъ, Моріани. Но, если онъ превосходитъ его въ vivace, то далеко уступаетъ сопернику своему, Рубини, въ неподражаемомъ andante. Про этого Моріани новѣйшіе Италіянцы составили каламбуръ: *Moriani* e perfetto, quand'egli dove *Morir* sulla scena». (Моріани превосходенъ, когда ему слѣдуетъ умирать на сценѣ). Объ актерѣ-пѣвцѣ Маріо разсказывали мнѣ довольно любопытныя подробности. Онъ сынъ маркиза, бывшаго военнымъ губернаторомъ Ниццы, и вступивъ на сцену, по страсти къ пѣнію и къ театру, и противъ воли отца, принудилъ его, *стыда ради*, оставить постъ свой и удалиться въ свой замокъ. Такова сценоманія въ Италіи! Таковы потомки древнихъ гражданъ міровластителя Рима! Можно ли послѣ сего дивиться уничиженію нынѣшней Италіи?

Въ антрактахъ Италіянскихъ Оперъ, кромѣ отрывчатыхъ музыкальныхъ сценъ, даютъ здѣсь обыкновенно небольшіе балеты и дивертиссементы. Мнѣ случилось видѣть нѣкоторые, напримѣръ: «L'Elève de l'amour» небольшой балетъ, даванный недавно у насъ въ Россіи. Но Петербургскій зритель грубо обманется въ своихъ ожиданіяхъ, если захочетъ увидѣть здѣсь нашу великолѣпную постановку или тотъ ensemble, которымъ отличаются наши балеты: *Далеко кулику до Петрова дня!* Двѣ танцовщицы—едва не боготворимая здѣсь Миланская грація *Черито* (Cerito) и Французская солистка Парижской Оперы, Г-жа Стефанъ, да два танцора, Матьё и Алберъ—вотъ все, что привлекаетъ Лондонскую публику въ «Воспитанницѣ Амура»; самъ амуръ, тощая и слабая дѣвочка, довольно плохъ, а corps de ballet никуда не годится. Но плутовка Черито истинно прелестна. Она умѣла поддѣлаться подъ вкусъ Англійской публики: зная, что обладаетъ прекраснѣйшимъ бюстомъ и миленькою физіономіею, она, со всею роскошью пламенной Италіянки, не скупится на самыя очаровательныя позы и тѣлодвиженія. Она такъ легка и гибка, что ее прозвали здѣсь Сильфидою, и подъ этимъ именемъ литографировали ея портретъ. Нельзя представить себѣ ничего

браво; ссора усилилась; палки со шпагами обнажились, и едва не дошло до кровопролитія; а что всего страннѣе: сама полиція приняла участіе въ этой распрѣ, такъ что представленіе (бенефисъ Г-жи Пиксисъ) едва не остановилось. По счастію, нашелся какой-то миротворецъ со стороны противной, уговорившій своихъ товарищей отложить торжество своего идола до ея бенефиса. Предваряя повтореніе этой сцены, на слѣдующее утро обнародовано запрещеніе правительства бросать вѣнки. Что же вышло? Въ бенефисъ Г-жи Алесъ, одинъ Сициліянскій вельможа не устыдился взойти на сцену, и отъ имени своихъ кліентовъ надѣлъ вѣнокъ на чело бенефиціантки. Всего забавнѣе, что обѣ соперницы, набивъ довольно туго кошельки свои и бумажники отъ щедротъ Палермскихъ дилеттантовъ (какъ двѣ сестрицы пріятельницы), отправились на одномъ и томъ же кораблѣ пожинать новые лавры торжествъ и новые дары фортуны по другимъ театрамъ Италіи.

(*) Говорятъ, что Рубини, получающій отъ голоса своего по 100,000 фр. ежегоднаго дохода, бережетъ иногда свой золотой рудникъ, чтобы какъ можно долѣе пользоваться его богатствомъ. И умно дѣлаетъ! Въ сыромъ климатѣ Англіи, онъ бы скоро его исчерпалъ. Всѣ журналы за него. онъ ихъ *вѣрный подписчикъ*, и не боится оппозиціи. Для тѣхъ, кому неизвѣстна эта продѣлка, не мѣшаетъ сказать о семъ нѣсколько словъ. Вотъ какъ это бываетъ: Редакторъ театральнаго фельстона или газеты, какъ, наприм., Г. Морисъ, въ Парижѣ, приноситъ актеру или пѣвцу свой реестръ и *требуетъ*, а не *проситъ* подписаться на столько-то экземпляровъ, смотря по жалованью, получаемому актеромъ. Подписавшійся можетъ быть увѣренъ, что его непремѣнно будутъ хвалить, и на оборотъ. Иные артисты, какъ, наприм., получающіе высокое жалованье, принуждены иногда брать до 25-ти экземпляровъ. И послѣ этого, извольте вѣрить журнальнымъ объявленіямъ!..

подобнаго (не говорю *столь изящнаго*), даже видѣвшему Таліони и восхищавшемуся ею: это просто одна изъ Александрійскихъ дѣвъ, восхищавшихъ Римъ за его Лукулловскими пирами; олицетворенная Luxuria, à faire damner le sévère Anglais! Прелестница эта не являлась еще въ Парижской Большой Оперѣ; но слава ея прогремѣла уже въ бюллетеняхъ извѣстнаго Жюль-Жанена: «La Taglioni était venue rapier à la porte de l'opera, говоритъ онъ: mais l'echo a répondu—Ceritol» Нѣкоторые Французы увѣряли меня, что явясь на сцену ихъ оперы, Черито должна будетъ отказаться отъ своихъ manières de cabaret; что танцорка Стефанъ имѣетъ во сто разъ болѣе граціи и мастерства, чѣмъ роскошная прелестница Черито! и т. п. Но кто можетъ опредѣлить границы изящнаго въ танцахъ, когда сами они суть не натура, а роскошь искусства? По крайности, здѣсь, въ Лондонѣ я былъ свидѣтелемъ величайшаго торжества молодой волшебницы Черито. Послѣ прелестно проплясаннаго ею съ Алберомъ *Стирійскаго па*, (the Steerienne) два букета цвѣтовъ полетѣли въ честь ея на сцену, при неистовыхъ плескахъ и гикахъ двухъ тысячъ зрителей, переполнявшихъ весь Италіянскій Театръ въ бенефисъ своей любимицы. И надобно сознаться, что Черито была пластически прелестна въ этомъ изобрѣтенномъ ею па. Не спрашивайте почему онъ названъ Стирійскимъ! Ни костюмъ, ни самый танецъ не соотвѣтствуютъ своему названію, но надобно же было окрестить какъ нибудь эту *новую новость*! Понесчастію, букетомёты немного опоздали и худо цѣлили: одинъ букетъ изъ ложъ палъ на сцену, послѣ спуска завѣсы, и поднятъ бутафорскимъ помощникомъ; другой шлепнулъ по лысинѣ какого-то музыканта, и какъ на букетѣ не было адреса, то онъ... гдѣ самолюбіе не гнѣздится?... вѣроятно, принявъ посылку за дань уваженія къ своей плохой игрѣ, преспокойно воткнулъ букетъ въ петлицу своего чернаго фрака.. Еще нѣсколько словъ объ оркестрѣ здѣшней оперы: не смотря на шутку мою, онъ превосходенъ, и уступитъ развѣ одному Парижскому въ числѣ и искусствѣ музыкантовъ, разумѣется, примачей, а не секундистовъ.

30 Іюля (11 Августа), былъ я въ національномъ Геймаркетскомъ Театрѣ; играли комедію въ двухъ дѣйствіяхъ Foreign-affaires or the Court of Queen Anne (Иностранные дѣла, или Дворъ Королевы Анны), кажется, передѣланную съ Французскаго и которой мы не застали но за то насмотрѣлись вдоволь на проказы любимца здѣшней публики, Вренча (Wrench) «въ My Friend the Captain, a new Farce (Другъ мой капитанъ, новый, фарсъ). Все дѣло въ томъ, что *Мистеръ Фридерикъ Донъ-Броунъ* captain by Courtesy т.е. *названный капитанъ*, въ продолженіе цѣлыхъ двухъ актовъ надуваетъ на каждомъ шагу друга своего, провинціяла *Габріеля Споксвеля*, a natural victim (*естественную жертву*); въ 1-мъ актѣ съѣдаетъ его обѣдъ, выпиваетъ его вино и пиво; при помощи вора слуги, *Тома Трига*, a Tiger (Тигра), обираетъ его мебель, надѣваетъ на себя новый его пальто и новую шляпу; выманиваетъ у него кошелекъ съ деньгами и, оставя его расплачиваться съ портнымъ и съ преслѣдующими его заимодавцами, выскакиваетъ въ окно. Во 2-мъ актѣ, преслѣдуемый полиціею, тотъ же мошенникъ вскакиваетъ въ окно другаго дома, опрокидываетъ столъ съ фарфоромъ, встрѣчается съ служанкою дома, узнаетъ отъ нее, что сюда ожидаютъ жениха хозяйской дочери, Патти, богатой, *набитой* дурѣ, невѣстѣ-облупленнаго имъ дуриа; называется его знатнымъ родственникомъ, и втирается въ милость къ ея родителямъ. Отецъ дѣвушки, Г. Тейдмаршъ, родъ Панталона Италіянскихъ арлекинадъ, а мать — родъ Ксантипы, жены Сократовой. Въ ожиданіи жениха, мнимый капитанъ вскруживаетъ голову дурѣ невѣстѣ, цѣлуется съ нею въ ви-

у Эродныхъ, и она, отзывая мать въ сторону, говоритъ ей, что хочетъ выйти замужъ за этого рыцаря фортуны. Отецъ противится, дочь даетъ любовнику ночное *рандеву* въ библіотекѣ. Является другая дѣвушка, пріятельница Патти и племянница отца ея, Клара Сельборнъ, которой негодяй строилъ куры, и которая влюблена въ него и хочетъ быть свидѣтельницею его невѣрности. Между тѣмъ приходитъ и дурень Сноксвель, открывающій обокравшаго его плута, такъ глупъ, что даетъ себя обмануть вторично: мнимый капитанъ не даетъ ему говорить и выталкиваетъ его à coups de pieds, подъ видомъ объясненія: потомъ, напоивъ его пьянаго, приводитъ назадъ. Ночная сцена въ 3-мъ дѣйствіи, въ темнотѣ. Всѣ другъ друга ищутъ, капитанъ сталкивается dos à dos съ хозяйскою дочерью и начинаетъ съ ней объясняться; свиданіе прервано приходомъ Карла Сельборна, производящаго страшную кутерьму; но подъ конецъ все улаживается: двѣ пары женятся, и въ дуракахъ остается.... a natural victim, Габріель Сноксвель. Вотъ и все. Таковы нынѣшніе фарсы, замѣнившіе у Англичанъ неблагопристойные, но умныя комедіи Шеридана, Ванбрёга и Шадуэля. Одна изъ нихъ, однако жъ, the Scool for scandal возвѣщена на афишѣ, для дебюта Американскаго актера *Пласида* и лучшаго Англійскаго трагика, *Мекреди*. Актеры эти довольно хороши и въ комедіи, а Мекреди, обладающій самымъ звучнымъ органомъ, весьма хорошъ и въ трагедіи. Онъ занимаетъ роли нашего Я. Г. Брянскаго. Я видѣлъ Мекреди въ новой трагедіи Шеридана-Ноульса (Cheridane Knowles) младшаго (*) — «Виргиній,» которая имѣла здѣсь an immense success (*огромный успѣхъ*), какъ то возвѣщено было и въ газетахъ и на афишахъ. Аппія игралъ *Валлакъ*, замѣнившій *Кина* младшаго, далеко отставшаго отъ своего геніяльнаго отца, хотя онъ гораздо выше Пласида и Валлака. Я видѣлъ его въ послѣднемъ представленіи — «Ромео и Юліи», съ Миссъ Еленою Три (Tree), гдѣ они мнѣ очень понравились. Но о сравненіи всѣхъ этихъ трагиковъ и самаго Мекреди, въ «Королѣ Лирѣ,» съ нашимъ В. А. Каратыгинымъ—и словъ нѣтъ! Они далеко отъ него, a cent lieues, какъ говорятъ Французы. Кинъ играетъ теперь... на бѣдномъ Ричмондскомъ Театрѣ! (*) Но отличнѣйшій комическій актеръ Геймаркетскаго Театра, безъ сомнѣнія *Вренчъ*. Онъ прекрасно игралъ роль мнимаго капитана. Комическія актрисы весьма посредственны, и развѣ одну Мистрисъ Елену Фаусить, игравшую роль Виргиніи, можно назвать настоящею актрисой. Но здѣсь есть другая особа, которая всѣмъ кружитъ голову, это лихая, лѣтъ 25-ти, Француженка, *Селеста*, пожаловавшая сюда съ Парижскаго пантомимнаго Театра de la Porte St. Martin. Года за три назадъ ее почти не замѣтили въ Лондонѣ; но когда она воротилась сюда изъ Америки, гдѣ два года торжествъ, *едва ли заслуженныхъ*, пріобрѣли ей *условную* славу, она принята была съ восторгомъ, и имя ея, для *вящшаго привлеченія публики*, выставляется на афишѣ съ тремя особенными удивительными знаками (! !! !!!). Таково колесо фортуны! Проживъ въ Америкѣ, Селеста, едва не боготворимая теперь въ Лондонѣ, безъ зазрѣнія совѣсти ломаетъ Англійскій выговоръ на Французскій ладъ, выходитъ иногда и въ драмахъ (въ *мужскихъ* роляхъ); но главная арена торжествъ ея — *пантомима*. Англійскіе бумагомаратели кропаютъ для нея librettos, гдѣ она болѣе отличается ловкими переодѣваніями, чѣмъ настоящею мимикою. Такова точно и плохая мелодрама The Frensh Spy (*Фран-*

(*) Нарочно такъ назвали его въ отличіе отъ извѣстнаго автора «Школы злословія».

(*) Основателемъ театра сего былъ знаменитый его отецъ.

цузъ шпіонъ, гдѣ я видѣлъ Селесту. Дѣйствіе представляетъ взятіе Алжира: на сцену выведены *Маршалъ Бурмонъ съ своимъ штабомъ* и *маркитанткими*, *чтобы протанцовать въ дивертиссементъ!* Дей Алжирскій, Гуссейнъ-Паша, въ видѣ и костюмѣ какого-то безбородаго пирата, съ своимъ кальяномъ, и арабъ пустыни, Гаметъ, съ Алжирскими агами и офицерами. Дѣло въ томъ, что мнимый шпіонъ есть Французская дама (a French Lady), которой женихъ, полковникъ де Курси, попалъ въ плѣнъ къ Алжирцамъ, и изъ любви къ которому Матильда де Мери является сперва нѣмымъ Французско-уланскимъ офицеромъ, не смотря на нѣмоту свою, командуетъ пѣхотой, а потомъ надѣваетъ платье какого-то Гамета, восточнаго стрѣльца, и съ лукомъ въ рукѣ расхаживаетъ по Алжиру, хотя подобныхъ луконосцевъ тамъ давно уже не видали. Приключенія ея, опасности, коимъ подвергается, тайныя передачи писемъ на лукѣ плѣнному полковнику—вотъ завязка этой преглупой піессы, лишенной всякаго правдоподобія, и кончающейся бомбардированіемъ и взятіемъ цитадели. Въ піессѣ этой солдаты и маркитантки составляютъ такъ называемый здѣсь балетъ, истинную пародію на балеты! Граціозо піесы — актеръ Оксбери, въ роли Тони Бернарда, недавняго рекрута (of the new levée) составляетъ отраду любителей фарса, раздѣляющихъ рукоплесканія свои между *неподражаемою*(!) *Селестой* и этимъ шутомъ. И вотъ піессы, которыми восхищается Лондонская публика, за неимѣніемъ или не желаніемъ лучшихъ. Честь и слава ея изящному вкусу!

—

Августа 1/13 были мы цѣлымъ обществомъ въ простонародномъ театрѣ New-Strand Theatre, недавно открытомъ для публики. Театръ этотъ образуетъ передъ сценою правильный полукругъ, и такъ малъ, что въ немъ едва помѣститься нѣсколько сотъ человѣкъ, если бы даже всѣ мѣста его были заняты. На немъ играются мелодрамы и фарсы *бурлеско*, любимый родъ здѣшнихъ піесъ. Костюмы и декораціи хуже нашихъ балаганныхъ, и при всемъ томъ, театръ этотъ всегда полонъ. Актеры были бы не дурны (*), если бы не было здѣсь *въ обязанности имъ* утрировать всѣ свои роли: истины и натуры не ищите на здѣшней сценѣ; но за то на ней есть натура условная, натура Англійскихъ Гогартовыхъ карикатуръ: здѣсь вы всѣхъ ихъ увидите въ дѣйствіи. Представленіе началось разными аллегорическими картинами; но главная піеса, привлекающая здѣшнихъ дилеттантовъ, была «Barnaby Rudge», піеса нелѣпая, какъ и всѣ мелодрамы, но заключающая въ себѣ политическую цѣль, и совершенно въ духѣ нынѣшняго времени, т. е. въ духѣ господствующей здѣсь партіи *виговъ* (**). Цѣль этой піесы доказать бѣдность и развратъ народа, каменное равнодушіе и низость торіевъ.

Чтобы дать идею о шарлатанствѣ Англійскихъ афишъ, нужно списать хоть эту. Вотъ она съ переводомъ:

(*) Одну только Мистрисъ Килли можно назвать истинно *превосходною* въ роли Барнеби Роджа; Миссъ Скотъ была очень хороша въ роли матери. Другіе любимцы здѣшней публики, Директоръ Страндскаго театра Голь (Hall), Леси (Lacey) Сандерсъ, Рей, Г-жи Мельвиль Фосбрукъ и Ли, портили талантъ свой самою жалкою угодливостью безвкуснѣйшей своей публикѣ. Карикатурность ихъ выходила изъ всѣхъ предѣловъ условнаго комизма. Самая красота послѣдней актрисы не помогала; жаль было смотрѣть на нее въ иныхъ сценахъ, напоминавшихъ Вольтерову la belle et bête Corysandre.

(**) Теперь листъ перевернулся, и мѣсто ихъ заняли Торіи.

BARNABY RUDGE
OR THE RIOTS OF LONDON IN 1780.

New scenery by Mr. Gordoy. Dresses by M. Nathan. Machinery by M. Breckell. *Proporties* by Mr. Purvis. The piece written and adaptet expresly for this Theatre by *M. Stirling*.

Characters in the history:

Mr. Haredale, a gentleman of ruined fortune	*Mr. Maynard.*
Mr. (afterwards sir John) Chester, a man of the world and a Disciple of the Chesterfield code	*Mr. I. W. Ray.*
Edward Chester, his son. Loved and loving	*Mr. Conway.*
Gabriel Vargen, Locksmith and Bellhanger	*Mr. Cullenpord.*
John Willett, Landlord of the Maypole	*Mr. Corrie.*
Joe Willett, his boy	*Mr. Everett.*
Simon Tappersit, an apprentice under protest a United Bull-dog, Captain general of theprenticeknights	*Mr. Attwood.*
Tom Cobbs, an Exciseman	*Mr. Bottler.*
Salomon Daisy	*Mr. Deane.*
The Stranger, a Mysstery	*Mr. Laccy.*
Maypole Hugh, the ostler	*Mr. Hall.*
Dennis, the Hangman	*Mr. Sanders.*
Barnaby Rudge (the idiot boy)	*Mrs. Keeley.*
Reak, a Valet	*Master Ryan.*

БАРНЕБИ РОДЖЪ,
или Лондонскіе мятежи въ 1780.

Новое сценическое представленіе Г. Гордоя. Костюмы Н. Натана. Машины Г. Брекеля. *Характеристика* (обстановка) Г. Порвиса. Піеса написана и приспособлена именно къ здѣшнему театру *Г. Стирлингомъ* (*).

Историческіе характеры:

Г. Гарведаль, разоренный джентльменъ	*Г. Мейнардъ.*
Г. (въ послѣдствіи Сэръ Джонъ) Честеръ, свѣтскій человѣкъ, ученикъ Честерфильдова Кодекса (**)	*Г. Д. В. Рей.*
Эдуардъ Честеръ, его сынъ, любимый и влюбленый	*Г. Конуэй.*
Габріэль Варденъ, слесарь и привѣшиватель дверныхъ колокольчиковъ	*Г. Колленпордъ.*
Джонъ Уиллетъ, Майпольскій трактирщикъ	*Г. Корри.*
Джоэ Уиллетъ, его прислужникъ	*Г. Эверетъ.*
Симонъ Тепперсайтъ, подмастерье, преслѣдуемый закономъ, членъ общества бульдоговъ, главный начальникъ разгульныхъ подмастерьевъ	*Г. Атвудъ.*
Томъ Коббъ, акцизный сборщикъ	*Г. Ботлеръ.*
Самсонъ Дейзи	*Г. Денъ.*
Прихожій, неизвѣстный	*Г. Леси.*
Майпольскій Гогъ, конюхъ	*Г. Голлъ.*
Деннисъ, палачъ	*Г. Сандеръ.*
Барнеби Роджъ (дурачокъ)	*Г-жа Кили.*
Рекъ, слуга	*Г. Рейанъ.*

(*) Стало быть писатель, не есть сочинитель піесы, а просто фабрикантъ, исполнитель, которому изобрѣтатель далъ идею цѣлаго, костюмеръ нарисовалъ платье, машинистъ назначилъ перемѣны декораціи, а обстановщикъ начерталъ свойства (характеры) его лицъ! Что же онъ самъ? Не поденщикъ ли? Піеса сія взята изъ простонародной повѣсти Боза, до того привлекшей всеобщее вниманіе публики, что извѣстный Чарльсъ Диккенсъ, сдѣлавъ изъ нее историческій романъ, публикуетъ его, по нынѣшней модѣ, выпусками.

(**) Т. е. Кодекса аристократическихъ Beaux или Dandy's.

Mob, soldiers, citizens etc.
Miss Emma Haredale, Niece to Mr. Haredale . . *Miss Lee.*

Mr. Varden, a Saint. . . *Mrs. Fosbroke.*
Dolly Warden, Lacksmiths Daughter . . . . . *Miss Terry.*

Sarra Miggs, a spinster and injuried innocent . *Mrs. Melville.*
Mrs Rudge, Barnaby's Mother . . . . . *Miss S. Scot.*

Synopsis of the local, scenery, tableaux, taken from the etchings of Phiz, etc.

ACT I.

Maypole at Chegwell!

A cold customer and warm fireside, cross questions and short answers, strange guests, a story, the uurder at the old manor house, Fathers and Sohns, the dispute, Rebellion, and Flight — Tableau.

A Street in the Outkirts of London 1775.

The Idiot-boy, Robbery and assassination; a saret Witness, the Alarm, a friend in need—Tableau!

House of Gabriel Varden, the Locksmith Clerckenwell.

The solitary Watcher — Tableau! Love laughts at Locksmith's and their Prentices, a Stratagen, the United Bull dog, happy family, a suffering Saint.

Parlour et Workshop at Varden.

The illused'prentice knight, a study; Tableau! A runaway et runaway meeting, a soldier lad plot et counterplot, the letter, a happy day and its gloomy consequences — Tableau!

The Widow's home.

Meeting, misery et mystery, a Widow's mite, de Idiot boy and his only Companion, danger et stealth inbidden guest, wild forest life, snare for the Wicked, the dream, threatenad evil, a Mother's comfort, a Mother's joy — Tableau!

Oak parlour in the Maypole.

Out of Town, the family party, Love's

Народъ, солдаты, граждане и пр.
Мисъ Эмма Гаредаль, племянница Гаредаля . . . *Дѣв. Ли.*
Мистрисъ Варденъ, святоша . . . . . *Г-жа Фосбрукъ.*
Долли Варденъ, слесарева дочь . . . . . *Дѣв. Терри.*
Сарра Мигсъ, прялья, оскорбляемая невинность (старуха). . . . . *Г-жа Мельвилъ.*
Г-жа Роджъ, мать Барнеби *Дѣв. Скотъ.*

Очеркъ сценическихъ мѣстностей, картины, составленныя по гравюрамъ Физа, и проч.

ДѢЙСТВІЕ I.

Гостинница Майпольская у Чегуэля.

Холодные гости и теплый очагъ.—Перекрестные. вопросы и короткіе отвѣты.—Странные гости.—Разсказъ воспитателя въ замкѣ отца и сына.—Ссора, возмущеніе и побѣгъ — Картина!

Улица въ кварталѣ Оуткенртсъ въ Лондонѣ 1775.

Дурачокъ.—Разбой и смертоубійство.—Тайный свидѣтель.—Испугъ.—Другъ въ нуждѣ. — Картина!

Домъ Габріэля Вардена, слесаря на Клеркенуэлѣ.

Уединенный сторожъ.—Картина!—Любовь насмѣхается надъ слесаремъ и его ученикомъ.—Хитрость.—Общество соединенныхъ бульдоговъ.—Счастливое семейство.—Страждущая святоша.

Бесѣдная и мастерская Вардена.

Обвороженный подмастерье.—Ученье.—Картина!—Побѣгъ и встрѣча на побѣгѣ.—Солдатъ молодецъ.—Заговоръ и отводъ.—Письмо.—Счастливый день и его печальныя слѣдствія. — Картина!

Жилище вдовы.

Встрѣча.—Нищета и таинственность.—Лепта вдовицы.—Дурачокъ и его единственный товарищъ.—Опасность и покража.—Незваный гость.—Жизнь въ дикомъ лѣсу.—Ловушка для злодѣя. — Сонъ. — Угрожающая бѣда.—Материнскій пріютъ. — Материнская радость.—Картина!

Дубовая зала въ Майполѣ.

За городомъ.—Семейная прогулка. —

messenger, a Fop of the last century, a Fathers bargain, honey not hearts, the Barnaby, Raugh Hugh.

ACT II.

The old Manor House.

The English Gentleman, the poor dependant—Tableau! Guilt and innocence, departure, a Woman's secret, the Lover's surprised—Tableau! Youth, Love and Folly.

Varden's house.

A card, the spy, friedly call, cordial meeting, saents et sinners, a compact.

Chester chambers in the Temple.

A morning lecture on the Arts, Fathers et sons, a friend from the Country, the stolen letter, home et logic, Drink to the Drink—Tableau! Filial love, happy Mother, hopeful son—Tableau! The chair.

The House of Mrs. Rudge.

The Mystery, an honest rival, Honour and Honesty, The ruined family.

The Wanderer's rest.

The hoart's Yearning for Gold. Sunny prospects, Chilling Words, a traveller. Weep for the blind, disovery and threat, the bargain. Flight from home, swet home—Tableau! The Widow and the son.

The boot, a low public house near the foundleng Hospital.

The united Bull-dogs, a new member—Tableau!

The patriot hist, a noble captain, Sons of Freedom.

NO POPERY DANCE.

Westminster Bridge leading to the Hall, 1780.

Old Friends, Street rows, the shalengo—Tableau! A secret foe, the wanderers, the boy and the patriot, order and disorder, Last scène, The forsaken Home.

THE RIOTS OF LONDON.

Justice to the Guilty, Conflagration of London, and the mistery revealed amidst the Flames of the

Burning City!

Вѣстникъ любви. — Франтъ послѣдняго столѣтія.—Родительское согласіе. —Медъ на сердце!—Барнеби.—Грубый Гогъ.

ДѢЙСТВІЕ II.

Старый замокъ.

Англійскій помѣщикъ.—Бѣдные подчиненные.—Картина!—Вина и невинность.—Отъѣздъ. — Женская тайна.—Пойманные любовники.—Картина!—Юность.—Любовь и безразсудство.

Домъ Вардена.

Стебель.—Шпіонъ.—Дружескій зовъ.—Радушная встрѣча. — Святоши и грѣшники. — Договоръ.

Честеровы комнаты въ Темплѣ.

Утреннее беллетрическое чтеніе.—Отцы и сыновья. — Деревенскій пріятель. — Украденное письмо.—Квартира и логика —Глотокъ за глоткомъ.—Картина.—Дѣтская любовь.—Счастливая мать.—Полный надежды сынъ—Картина!—Каѳедра(бочка)!

Домъ Г-жи Роджъ.

Тайна.—Честный соперникъ.—Честь и честность.—Разоренное семейство.

Остатки бродяжничества.

Куча состраданія за золото.—Свѣтлая перспектива. — Ледяныя слова.—Странникъ.—Слезы о слѣпцѣ.—Открытіе и угроза.—Уговоръ.—Побѣгъ изъ дому.—Любезный домъ.—Картина!—Вдова съ сыномъ.

Бутъ, домъ призрѣнія близъ госпиталя найденышей.

Собраніе бульдоговъ.—Новый членъ.—Картина.

Патріотическое утишье.—Благородный начальникъ.—Чада свободы.

ПРОЧЬ ПЛЯСКИ ПАПИСМА.

Мостъ Вестминстерскій, дорога къ палатамъ, 1780.

Старые пріятели.—Ряды улицъ.—Поединокъ,—Картина!—Тайный врагъ. —Странники.—Дурачокъ и патріоты.—Порядокъ и безпорядокъ! —Послѣдняя сцена.—Покинутое жилище.

ЛОНДОНСКІЕ МЯТЕЖИ.

Кара виновному. —Пожаръ въ Лондонѣ и открытіе тайны при пламени

Горящаго города!

Герой этой піесы мальчикъ, полудурье (idiot) *Барнеби Роджъ*, добрый геній, противопоставленный закоснѣлому злодѣю, который во все продолженіе піесы грабитъ и рѣжетъ людей. Мальчикъ этотъ съ тетеревомъ за плечами и съ палкою въ рукѣ, не смотря на слабоуміе свое, исправляетъ разныя посылки, и тѣмъ кормитъ себя и бѣдную мать свою. Онъ одинъ былъ свидѣтелемъ убійства, совершеннаго злодѣемъ во 2-й картинѣ, и въ концѣ піесы обнаруживаетъ его. Злодѣй этотъ его отецъ, приходящій не разъ грабить домъ несчастной матери добряка *Барнеби*, котораго онъ готовъ былъ убить, если бы тотъ открылъ его въ видѣ слѣпца, просившаго у нихъ милостыни. Правосудная казнь постигаетъ злодѣя въ концѣ піесы, въ которой нѣтъ ни связи, ни толку, но за то бездна эффектныхъ картинъ, привлекающихъ Англійскую публику. Въ піесѣ сей, не смѣю назвать ее даже и мелодрамою—чего—чего хочешь, того спросишь: въ ней нѣтъ сюжета и бездна сюжетовъ, отъ которыхъ идетъ голова кругомъ; тутъ есть и аристократъ, чокающійся съ грязнымъ мерзавцемъ, и покушеніе противъ *дѣвушки* въ лѣсу, и спасеніе ея полудурьемъ *Барнеби*, и драка подъ кулачки, и сцена пьяныхъ, неистовыхъ бульдоговъ (людей-псовъ)—черни, подкупаемой на выборъ депутата, есть и народный *ораторъ на бочкѣ*, и дуэль, и Гогартовскія карикатуры въ лицахъ, и обольщенія, и таинственность, и зажигатели, которые даютъ нести знамя свое глупенькому Барнеби, и *мятежъ*, и набатъ, и стрѣльба, и палачъ—недостаетъ только одного .... *здраваго смысла*!

Здѣсь слѣдуетъ вопросъ: «какая польза обществу отъ представленія подобныхъ сценъ?»

Но при всей чудовищности этой возмутительной піесы, здѣсь представляютъ другую, еще болѣе неистовую; она играна болѣе 100 разъ на всѣхъ Лондонскихъ театрахъ, и называется *Джекъ Шеферъ* (Jack Shepher). Если вѣрить тѣмъ, которые ее видѣли, то въ ней *преподается полный курсъ мошенничества и воровства*. Передъ осмотромъ *Ньюгетской Тюрьмы*, мнѣ разсказывали, что въ ней находится еще нѣсколько мальчиковъ, принявшихся за кражу тотчасъ по выходѣ изъ представленія этой мерзости. Я самъ видѣлъ двухъ изъ нихъ, которыхъ стараются обратить на путь истины въ Ньюгетской Тюремной Школѣ. Такой *систематическій развратъ* народа Англійскаго, съ разрѣшенія Лорда Чамберлейна (*Лорда Кахмергера*) мало приноситъ чести ихъ безграничной свободѣ, ибо злоупотребленіе ея вышло изъ границъ. Конечно, въ піесѣ Джекъ Шеферъ есть нравственная развязка: злодѣя ведутъ на висѣлицу, и онъ кается передъ смертью. Но порокъ представленъ здѣсь въ такомъ *привлекательномъ видѣ*, что окончаніе забывается послѣ долгихъ наслажденій гнуснѣйшимъ развратомъ. Что пользы въ двухъ и трехъ часовыхъ проповѣдяхъ, за которыми зѣваетъ половина Англійской публики? Что проку во всѣхъ внѣшнихъ признакахъ набожности, каково, напримѣръ, закрытіе лавокъ, театровъ и *аптекъ* (!) по воскресеньямъ, если въ будни народъ читаетъ противное Слову Божію во всѣхъ газетахъ, если всѣ мерзости, всѣ неистовства составляютъ лучшую забаву его на сценѣ? Личина святошества ничего не доказываетъ въ пользу религіозной нравственности. Не далѣе какъ на прошлой недѣлѣ напечатанъ былъ въ газетѣ Times разговоръ судьи съ приговореннымъ къ смерти грабителемъ: преступникъ публично сознавался ему, что онъ *ничему не вритъ* и не имѣетъ ни какого понятія о религіи. Не угодно ль другаго примѣра? Вотъ онъ: у родной сестры Пастора въ Г.., родился сынъ, ему уже болѣе 3-хъ мѣсяцевъ, и мальчикъ не крещенъ еще и понынѣ! Примѣровъ такихъ можно насчитать тысячи, если угодно. Я самъ видѣлъ многихъ Англичанъ и въ Англіи, и внѣ оной.

которые едва признаютъ таинствами Крещеніе и Евхаристію, не говоря уже о прочихъ. И этотъ народъ надменныхъ святошъ назовемъ мы религіознымъ!... Конечно, промышленость ихъ изумительна; успѣхи въ наукахъ, доставляющихъ золото, неимовѣрны, но съ сожалѣніемъ сознать должно, что *положительность* заступила у нихъ мѣсто *нравственности и истинной вѣры! Человѣкъ въ чести своей не уразумѣ*... Вотъ диктонъ, который можно приложить къ настоящей Англіи въ нравственномъ смыслѣ. *Золото и комфортъ—настоящіе идолы Англіи!* и это столь же положительно, какъ и величіе Англіи въ промышлено-торговомъ ея отношеніи...

Изъ другихъ театровъ, открытыхъ при мнѣ, могу упомянуть съ нѣкоторою похвалою объ *Англійской національной Оперѣ* (English Opera), куда привлекаютъ слушателей извѣстный пѣвецъ Киля (Keely) и пѣвица Уэйлетъ, занимая роли любимой публикою Г-жи Вестрисъ. Веселая оперетка или *бурлетта* «Любовникъ на прокатъ (The Locen of a Lover, a laughable Burletta)» успѣшно пересаженная сюда съ Олимпическаго Театра, чрезвычайно понравилась публикѣ. Успѣхъ новой пѣвицы въ роли Гертруды и *совершенство* (какъ говорятъ Англичане) (*) любимца публики Киля, въ характерѣ Петра Спейка (Peter Spyk)—были *неимовѣрны*; не смѣю прибавить: *и вполнѣ* заслужены. Есть, однако жъ, баллада

«Ill marry him to morrow,»

которую Г-жа *Уэйлетъ* поетъ съ такимъ чувствомъ, что руки ваши невольно слѣдуютъ примѣру другихъ, и вы апплодируете даровитой примадоннѣ, и вы принимаете участіе въ общемъ крикѣ публики: bis! encore! Свистящій Англійскій выговоръ принимаетъ въ устахъ этой женщины какую-то сердечную бархатную мягкость. Два другіе актера—*Гренби* (Granby) и фарсёръ *Серль* (Serle) суть единственные, послѣ двухъ первыхъ, которыхъ можно видѣть съ удовольствіемъ на этой сценѣ. Остальное—unter aller Kritik!

Театръ *Дрюриленскій* (Drurylane Theatre) былъ закрытъ; на немъ давались въ мое время такъ называемые «Лѣтніе концерты,» на которыхъ дилеттантовъ восхищали увертюра Вильгельма Теля и вся Локова, музыка «Макбета». Представленія на театрѣ семъ, состоящемъ подъ вѣдѣніемъ Мекреди, предполагали открыть послѣ моего отъѣзда.

Для Г-жи Вестрисъ написана, какъ слышно, новая комедія, сочиненія автора піесы «London assurance», которая, по мнѣнію нѣкоторыхъ журналистовъ, должна быть more admirable than that very succesfull and talented production. Правда ли это? Увидимъ въ послѣдствіи.

На Театрѣ *Адельфи* (Adelphy Theatre) представляютъ публикѣ Китайскія тѣни и піесы съ Бенгальскимъ освѣщеніемъ, которыя являются и исчезаютъ съ своими «allegorical Tableaux» подобно великолѣпнымъ тѣнямъ, для которыхъ они написаны.

Но кто перечтетъ всѣ роды публичныхъ увеселеній Лондона, устроенныхъ для потѣхи публики балаганной? Я далъ два образчика, отъ продолженія—избавляю читателей и самого себя; восхищаться ими и ставить по три удивительныхъ (! !! !!!) предоставляю Великобританскимъ газетчикамъ и ихъ достойнымъ кліентамъ!

4 Августа 1841.
Лондонъ.

Н. Корсаковъ.

(*) Когда отыграли піесу сію, одинъ Англійскій дилеттантъ спросилъ меня: «What can be more perfect than Keely's Peter Spyk?» — «Mr. Bouffé in Michel Perrin» отвѣчалъ я, if you have seen him on the parisian Theatre «Gymnase Dramatique.» Надобно было видѣть съ какимъ презрѣніемъ посмотрѣлъ на меня, сѣвернаго варвара, надменный сосѣдъ мой, Британецъ.

ТАЛЬМА НА ДАЧѢ.

Извѣстно, что Наполеонъ любилъ и уважалъ Тальму; но, при всей славѣ, знаменитый трагикъ, точно такъ же какъ его страстный другъ и покровитель, мучился одною мыслію: обоихъ снѣдало честолюбіе. Одинъ мечталъ о завоеваніи міра, другой объ обладаніи нѣсколькими десятинами земли за городомъ.

Случилось однажды, что отыскивая травку незапыленную, незагрязненную, не помятую городскими охотниками, Тальма нечаянно очутился близъ Брануа. Надобно же было, чтобы именно въ эту лачугу продавали часть имѣнія, извѣстнаго подъ названіемъ *Маленькой Мидаиы*. Тальма скоро сторговался, и поручилъ своему архитектору, сломавъ гидравлическій снарядъ, построить, вмѣсто его, красивую дачу. Знаменитый артистъ, превратившись въ помѣщика, отличался удивительною страстію къ постройкамъ: онъ безпрестанно строилъ, ломалъ и опять строилъ. Одинъ разъ, когда домъ былъ уже совершенно готовъ, Тальма узналъ, что продается участокъ земли противъ его дачи, перейдя черезъ дорогу. Тальма отправился къ владѣльцу этого участка.

— Ваше мѣсто было бы гораздо удобнѣе для моего дома; видъ былъ бы лучше.

«Да, хладнокровно отвѣчалъ сосѣдъ трагика: но теперь уже поздно.»

— А почему же? спросилъ нетерпѣливый Тальма.

«Потому что домъ вашъ готовъ.»

По мнѣнію великаго трагика, такая причина была неосновательна. Онъ тотчасъ приказалъ ломать вновь выстроенный домъ, и перенести его на другую сторону дороги. Это обстоятельство дало поводъ къ слѣдующему анекдоту:

Наполеонъ часто и совсѣмъ неожиданно призывалъ къ себѣ Тальму, иногда для того, чтобы поговорить о спектаклѣ въ Тюльери, а иногда для совѣтовъ объ искусствѣ или о театральной администраціи. Каммеръ-лакей былъ посланъ въ Брануа. Какъ прежде его посылали нѣсколько разъ на дачу трагика, то, зная ея мѣстоположеніе, онъ прямо отправился къ дому, который уже не существовалъ. Это случилось подъ вечеръ. Каммеръ-лакей сталъ ощупью искать звонка; не тутъ-то было... Посланный бранится, посылаетъ всѣхъ къ чорту. Проходящій мимо крестьянинъ спрашиваетъ его, что онъ ищетъ.

— Домъ Г. Тальмы.

«Да вонъ домъ Г. Тальмы, позади васъ.»

Бѣдный каммеръ-лакей не могъ опомниться отъ изумленія. Незнакомый съ странностями артистовъ, онъ не могъ понять, какимъ образомъ совершенно новый домъ перескочилъ съ одного мѣста на другое.

Тальма особенно любилъ жить въ Брануа: это было его убѣжище, куда не достигалъ шумъ свѣта, и гдѣ умирали монотонныя рукоплесканія. Въ свободное время Тальма проводилъ вечера на дачѣ, и вы никогда не угадаете въ чемъ состояло его любимѣйшее развлеченіе. Смывъ румяны и сбросивъ Римскую тогу, великій артистъ снова румянился и переодѣвался, не для того, чтобы явиться на сценѣ Французскаго Театра, но чтобы войти въ какую-то хижину, которая была

выстроена въ саду. Здѣсь, въ присутствіи знакомыхъ и друзей, Тальма забывалъ свое трагическое достоинство, и Манлій являлся... въ курткѣ, въ рыжемъ парикѣ Жокриса и Жаде-Русселя! Это истинный фактъ. Но всего забавнѣе то, что сыгравъ *Жокриса въ отчаяніи*, Тальма обращался къ собранію, и говорилъ съ гордостію:

— Не правда ли, вѣдь я лучше Брюне?

Можно себѣ вообразить, каковъ былъ Тальма, когда своимъ могущественнымъ голосомъ выражалъ отчаяніе Жокриса! И что же? Великій трагикъ высоко ставилъ подобныя представленія, оправдывая собою истину, что всѣ геніяльные люди именно и гордятся тѣми достоинствами, которыхъ не имѣютъ.

— Пріѣзжайте ко мнѣ на дачу, говаривалъ Тальма своимъ пріятелямъ, если хотѣлъ оказать имъ особенное отличіе.

Въ Брюнуа же, вскорѣ послѣ первыхъ представленій *Школы стариковъ*, случилась слѣдующая странная сцена.

Извѣстно, съ какимъ успѣхомъ исполнялъ Тальма роль старика, столь слабаго передъ молодою женою, и столь великаго передъ оскорбленною честію; но едва ли кто знаетъ, что блистательный успѣхъ роли должно, частію, приписать дѣйствію истинной страсти. Во время репетицій *Школы стариковъ*, вдругъ пришло Тальмѣ въ голову, почему онъ, первый трагикъ въ Европѣ, до сихъ поръ не влюбленъ въ первую комическую актрису! Дѣло въ томъ, что Тальма дѣйствительно влюбился въ Г-жу Марсъ... Когда восхищенная публика смотрѣла на обоихъ артистовъ, на борьбу ихъ, основанную на любви и кокетствѣ, вѣрно, никто не воображалъ, чтобы подъ одушевленною личиною скрывалась истинная страсть, достигшая до степени пароксизма.

Марсъ пріѣхала однажды въ Брюнуа, къ обѣду. Тальма, полагая, что это самая благопріятная минута для страстнаго объясненія, бросился передъ Марсъ на колѣни. Марсъ со вниманіемъ выслушала его, и потомъ, принявъ фамиліярный тонъ, весьма обыкновенный между артистами, сказала съ своею очаровательною улыбкою:

— Выслушай меня, бѣдный Тальма: ты влюбленъ не въ меня, а въ искусство.

«Въ самомъ дѣлѣ, это правда!» отвѣчалъ Тальма наивно, исцѣленный въ одно мгновеніе, и со смѣхомъ сталъ вытирать свои колѣни...

Въ художническомъ отношеніи, скромная дача Тальмы имѣла, вѣроятно, вліяніе на будущность трагика. Не въ ея ли прекрасныхъ аллеяхъ испытывалъ онъ дѣйствіе своего могучаго органа надъ деревенскими дѣтьми, которыми любилъ окружать себя? Нужно ли было создать новую роль, надобно ли было повторить старую, которая, при каждомъ представленіи, являлась почти новымъ созданіемъ, Тальма тотчасъ уѣзжалъ въ Брюнуа. Здѣсь, передъ зеркаломъ, одинъ съ своею ролью, онъ слѣдилъ за всѣми ея оттѣнками, обсуживалъ, измѣнялъ свою страсть, какъ посторонній человѣкъ.

Замѣчательно, что при многосложномъ его репертуарѣ, каждая страсть, каждое трагическое положеніе такъ глубоко напечатлѣвалось въ памяти Тальмы, что онъ припоминалъ ихъ себѣ безъ книги, безъ тетради, и, уничтоживъ какую нибудь черту, забывалъ уничтоженное и замѣнялъ ее болѣе приличною чертою.

По смерти Тальмы, дача его была продана. Между ревностными охотниками на Брюнуа, явились Бертранъ, директоръ Канатныхъ плясуновъ, и Саки, директрисса акробатовъ. Третій конкурентъ, профанъ, надбавилъ сумму до двухъ сотъ сорока тысячъ франковъ, и такимъ образомъ лишилъ ихъ надежды имѣть въ *драматическихъ* рукахъ помѣстье, соединенное съ прекраснѣйшими воспоминаніями.

III. ТЕАТРАЛЬНАЯ ХРОНИКА.

АЛЕКСАНДРИНСКІЙ ТЕАТРЪ.

Самое замѣчательное явленіе на сценѣ Александринскаго Театра, во второй половинѣ истекшаго мѣсяца, былъ, безъ сомнѣнія, бенефисъ В. А. Каратыгина, 19-го Января. Спектакль начался водевилемъ *Симонъ-Сиротинка*, переведеннымъ съ Французскаго Г-мъ Соловьевымъ. Водевиль этотъ знакомъ читателямъ Репертуара (См. XI-ю книжку 1841-го года), и потому мы не станемъ разсказывать его содержанія.

Главную роль въ этомъ водевилѣ—роль Симона, занималъ Г-нъ Шемаевъ, который, по справедливости, удостоился за нее вызова.

Послѣ этого водевиля дана была трагедія въ стихахъ, *Александра Суме*, написанная имъ общими силами съ дочерью своею, *Маріею д'Альтенгеймъ*. Суме принадлежитъ къ числу самыхъ трудолюбивыхъ, талантливыхъ и благонамѣренныхъ Французскихъ писателей. Онъ смотритъ на искусство съ чистой, благородной точки зрѣнія, и воздѣлываетъ его усердно. Послѣ первыхъ успѣховъ своихъ, онъ удалился изъ Парижа, провелъ нѣсколько времени въ путешествіи по Италіи, безмятежно наслаждаясь природой, искусствомъ и бесѣдою съ Музами. Плодомъ этого артистическаго путешествія были *Божественная Эпопея* (La divine Epopée) поэма, которой первое изданіе разошлось въ Парижѣ въ три недѣли; комедія *Королевскій Дубъ* (Le chêne du Roi), въ трехъ дѣйствіяхъ и въ стихахъ, наконецъ трагедія *Гладіаторъ*.

Сюжетъ этой трагедіи вовсе не историческій, хотя нѣкоторыя дѣйствующія лица въ ней, повидимому, взяты изъ исторіи, и главная идея въ основаніе положена историческая. Авторъ избралъ канвою для своей драмы тотъ моментъ исторіи, когда надъ одряхлѣвшимъ Римомъ занималась первая заря Христіанства, когда въ столицѣ древняго міра раздались первые клики его. Эпоха великая, для которой, по нашему мнѣнію, слишкомъ тѣсны рамы трагедіи.

Впрочемъ, главное дѣйствующее лицо—Гладіаторъ, совершенно отдѣлёно отъ основной идеи драмы: если на немъ сосредоточится вниманіе зрителя, то зритель совершенно не будетъ въ состояніи дать себѣ отчета въ томъ, что авторъ хотѣлъ сказать, какую мысль хотѣлъ выразить своей драмой; если же основная идея драмы сосредоточитъ вниманіе зрителя на себѣ, тогда лицо Гладіатора блѣднымъ призракомъ проскользнетъ по душѣ его, какъ лицо эпизодическое, весьма мало связанное съ самою драмой.

Дѣйствіе въ Римѣ. Христіане украдкою совершаютъ свое богослуженіе въ катакомбахъ, или подземныхъ пещерахъ; число ихъ еще слишкомъ не велико, между тѣмъ какъ гоненія противъ Христіанства съ каждымъ днемъ воздвигаются

болѣе и болѣе. Главою всѣхъ Христіанъ, средоточіемъ, куда они прибѣгаютъ, служитъ старецъ Оригенъ, пустынникъ и пламенный проповѣдникъ Слова Божія. Между его учениками - неофитами особенно отличается красотою тѣла и чистотою души молодая Неодемія, сперва невольница, а потомъ невѣста Флавіана, знатнаго и богатаго Римлянина, который ея любви предпочелъ любовь Фаустины, развратной матери юнаго Цесаря Гордіана.

Фаустина не можетъ перенести такого оскорбленія, и готова мстить, чѣмъ только можетъ, и Флавіану, и Неодеміи. Но и противъ Фаустины есть также мститель — гладіаторъ, котораго жена, по приказанію Фаустины, была зарѣзана во время беременности своей, для того, чтобы изъ крови недоношеннаго ребенка ея сдѣлать, по совѣту врачей, лекарство для новорожденнаго Цесаря Гордіана. Жена гладіатора умерла, но новорожденный ребенокъ (дочь) остался живъ и здоровъ; шрамъ на плечѣ, сдѣланный во время операціи матери, былъ единственнымъ поврежденіемъ, какое сдѣлали дочери ея. Гладіаторъ похитилъ этого ребенка изъ дворца Фаустины, увезъ его въ Египетъ, воспитывалъ тамъ въ пустынѣ; но разъ, когда онъ былъ на охотѣ, дочь его похитили, и съ тѣхъ поръ она пропала безъ вѣсти.

Гладіаторъ возвратился въ Римъ, пылая мщеніемъ противъ жестокой и развратной Фаустины; тщетны были всѣ труды его отыскать дочь свою, которую ищетъ также и Фаустина — цѣною золота. Надобно сказать, что, по словамъ одной волшебницы, судьба Цесаря Гордіана тѣсно связана съ судьбою дочери гладіатора: жизнь и смерть перваго зависятъ отъ жизни и смерти второй. Фаустина знаетъ это, и вотъ почему она такъ заботится объ отысканіи пропавшей дочери гладіатора.

Между тѣмъ, такъ заботясь объ участи своего сына, эта *нѣжная* мать никакъ не можетъ простить измѣнившему ей любовнику; она взяла въ службу къ себѣ гладіатора, повѣрила ему свои преступные замыслы, и тотъ, чтобы имѣть случай лучше отмстить ей, притворно согласился. Разъ, прокравшись въ чертоги Флавіана, встрѣтила она Неодемію и напала на нее всею силою своего сатанинскаго краснорѣчія: не успѣвъ ничего сдѣлать угрозами, она прибѣгла къ хитрости — хотѣла ревностію разбить въ дребезги сердце ея; но Гладіаторъ былъ тутъ, вѣрный своему посту, и въ минуту разрушилъ ея замыслы, успокоивъ Неодемію и объяснивъ ей все дѣло.

Но такія обстоятельства заставляютъ поспѣшать соединеніемъ Неодеміи съ Флавіаномъ. И вотъ женихъ и невѣста (хотя и *тайная христіанка*) во храмѣ Юноны. Жрецъ приступаетъ уже къ обряду ихъ соединенія, который, между нами сказать, никогда не существовалъ на дѣлѣ въ такомъ видѣ, въ какомъ представляетъ авторъ. По опредѣленію Римскихъ законовъ, *бракъ есть соединеніе мужчины съ женщиною* (Nuptiae sive matrimonium est viri et mulieris conjunctio), стало быть жрецу тутъ и дѣлать нечего! Вдругъ врывается во храмъ толпа народа, влекущаго за собой старца Оригена, который дерзнулъ всенародно смѣяться надъ Римскими богами. Жрецъ требуетъ поклоненія истукану, возвѣщая смерть въ противномъ случаѣ. Оригенъ мужественно встрѣчаетъ его проклятія и угрозы, оставаясь твердымъ и непреклоннымъ. Величіе души старца такъ поразило юную Неодемію, что она не утерпѣла, и въ порывѣ Христіанскаго героизма, опрокинувъ жертвенникъ Юноны, воскликнула во услышаніе: И *я Христіанка*! Народъ приходитъ еще въ большее волненіе, и побуждаемый жрецомъ, обрекаетъ на смерть Оригена и Неодемію.

Циркъ, усѣянный несчѣтнымъ множе-

стѣомъ народа. Гладіаторъ выходитъ на арену. Уже осьмнадцать лѣтъ не являлся онъ передъ народомъ Римскимъ, осьмнадцать лѣтъ съ той самой поры, когда похитивъ дочь свою у Фаустины, онъ бѣжалъ съ нею въ Египетъ... «Спускайте львовъ, говоритъ онъ: и на моихъ обглоданныхъ костяхъ есть еще довольно для нихъ мяса, и въ моихъ рукахъ довольно для нихъ силы!...» Но, вмѣсто львовъ, выводятъ Неодемію: *Гладіаторъ* долженъ быть *палачемъ* ея: этого требуетъ Фаустина, требуетъ жрецъ, требуетъ народъ... Нечего дѣлать! Гладіаторъ долженъ исполнить это тройственное требованіе.... И вотъ онъ обнажаетъ мечъ, пробуетъ размахъ его: мечъ тяжелъ и ловокъ... Вотъ онъ снимаетъ покрывало, скрывающее дѣвственныя прелести Неодеміи отъ нескромныхъ взоровъ, онъ готовъ уже занести мечъ.... но вдругъ, о ужасъ! онъ видитъ знакомый ему шрамъ на плечѣ Неодеміи, онъ узнаетъ въ ней — дочь свою!.. Мечъ выпалъ изъ руки его... Гладіаторъ и палачъ становится отцемъ.

Но народъ требуетъ казни, не внимая ни воплямъ отца, ни стонамъ дочери! Онъ жаждетъ крови, упитанный кровью побѣдъ, кровью гладіаторскихъ игрищъ! Жрецъ также настаиваетъ на своемъ; Фаустина еще болѣе. Но Гладіаторъ подходитъ къ мѣсту, гдѣ она возсѣдаетъ; онъ говоритъ ей — кто эта несчастная жертва, которую долженъ заклать онъ въ угоду боговъ и народа, — и Фаустина сама приходитъ въ ужасъ: чувство любовницы уступаетъ въ ней чувству матери — она требуетъ прощенія Неодеміи, но успѣваетъ только испросить у народа отсрочки казни до другаго дня. Неодемію заключаютъ въ темницу, также какъ Оригена и самого гладіатора.

Народъ съ нетерпѣніемъ ждетъ кроваваго зрѣлища, ему обѣщаннаго. Онъ ломится въ темницу, а между тѣмъ Фаустина, заботясь объ участи сына, старается спасти Неодемію, идетъ сама къ ней въ темницу, добровольно уступаетъ ее Флавіану... Но все тщетно, все поздно!.. Народъ возмущается, спасенія нѣтъ. Гладіаторъ, пробивъ стѣну въ темницу, гдѣ заключена дочь его врывается съ мечемъ въ рукѣ, и видя, что уже нельзя спасти Неодемію, убиваетъ ее изъ собственныхъ рукъ, чтобы черезъ это избавить свое дѣтище отъ поруганія... Неодемія умираетъ тихо, съ прощеніемъ врагамъ своимъ на устахъ, съ теплою молитвою въ сердцѣ. Гладіаторъ видитъ въ эту минуту величіе Бога Христіанскаго, и преклоняетъ голову свою предъ Единымъ.

Таковы завязка и ходъ драмы Г-на Суме.

Не смотря на указанный нами въ началѣ статьи недостатокъ, драма эта имѣетъ свои неотъемлемыя достоинства — умно задуманныя сцены, теплоту поэтическую, и, наконецъ, живые, бойкіе, звучные стихи, которые, благодаря талантливому Василію Андреевичу Каратыгину, не теряли въ его переводѣ своей силы и красоты.

Роль Гладіатора выполнена сильно и эффектно самимъ бенефиціантомъ; сцены въ четвертомъ актѣ, на аренѣ, особенно когда онъ въ Неодеміи узнаетъ дочь свою, эти сцены могли быть такъ переданы однимъ Каратыгинымъ и только Каратыгинымъ. Роль Фаустины занимала А. М. Каратыгина: а Неодеміи Г-жа Дюръ.

Новая декорація — изображеніе цирка, въ 4-мъ актѣ, писанная Г-мъ Ѳедоровымъ, весьма эффектна.

Спектакль заключился комедіей *П. А. Каратыгина: Павелъ Павловичъ съ супругою*, передѣланною изъ старинной комедіи Коцебу. Мы надѣемся, въ одной изъ слѣдующихъ книжекъ нашего изданія, напечатать эту умную и забавную піесу, принятую публикою съ единодушнымъ одобреніемъ, а потому и не станемъ разсказывать теперь ея содержанія, чтобы не лишать читателей нашихъ удо-

вольствія узнать его изъ самой піесы. Скажемъ только, что роль супруги Павла Павловича выполнена была А: М. Каратыгиной... Нужно ли что еще прибавлять къ этому?

Вообще бенефисъ В. А. Каратыгина принадлежитъ къ числу такихъ спектаклей, которые надолго остаются въ памяти любителей театра. Высшая публика Петербурга почтила артиста своимъ посѣщеніемъ и привѣтомъ.

23-го Января, для перваго дебюта Г. Васильева, на Александрійскомъ Театрѣ была представлена, по возобновленіи въ первый разъ, трагедія Озерова, *Эдипъ въ Аѳинахъ*, въ которой Г. Васильевъ дебютировалъ въ роли Полиника. Удивляемся Г. Васильеву въ выборѣ такой роли для перваго дебюта! Мы знаемъ, что эта же самая роль была когда-то избрана и *Мочаловымъ* для перваго его дебюта, но вѣдь это было давно, очень давно, когда псевдоклассическая трагедія еще царствовала на сценѣ и умиляла сердца зрителей. Съ тѣхъ поръ много воды утекло, и потому-то странно теперь, въ наше время, видѣть молодаго, только что выступающаго передъ публику актера

Тамъ, гдѣ Мельпомены бурной
Протяжный раздается вой,
Гдѣ машетъ мантіей мишурной
Она предъ хладною толпой,

Собирая, разумѣется, полную дань улыбокъ и выразительнаго пожатія плечами. Объ этомъ недавнемъ, представленіи «Эдипа» мы скажемъ только то, что всѣ артисты, исключая Г. Брянскаго, на которомъ сосредоточивалось главное вниманіе, и по первенству его роли (Эдипа), и превосходному ея исполненію, Г-жи Дюръ, въ роли Антигоны, художественно исполненной нашею артисткой, всѣ прочіе были — *образы безъ лицъ*, какъ сказалъ Жуковскій. Подъ эту общую категорію подходитъ и дебютантъ: ни теплоты, ни мягкости, ни нѣжности, и, съ другой стороны, ни силы, ни глубины чувства мы не замѣтили въ Г. Васильевѣ. Отчего жъ, спрашиваемъ, роль Антигоны, этотъ pendant къ роли Полиника, была исполнена такъ превосходно? Отчего? Повторяемъ: Г. Васильевъ не выдался тутъ изъ толпы, и былъ ничуть не замѣтнѣе Гг. Борецкаго, Ахалина, Радина (Креона, Нарцеса, Первосвященника). Притомъ же, для завываній и декламаціи псевдоклассической трагедіи у него слаба грудь: тутъ это важное условіе! И хотя Г. Васильевъ, къ чести его, *не рубитъ рукавомъ воздуха*, — умный совѣтъ данный Гамлетомъ тоже для актера псевдоклассической трагедіи, однако, остаться въ толпѣ — воля ваша, все таки невыгодно молодому дебютанту.

Для втораго дебюта мы посовѣтуемъ Г. Васильеву выбрать что нибудь поестественнѣе трагедіи и ролей Озерова! Можетъ быть, въ молодомъ артистѣ и въ самомъ дѣлѣ есть дарованіе: такъ какая же была ему выгода выставлять его на показъ въ рѣшительныхъ потемкахъ?

Послѣ «Эдипа» данъ былъ Левъ Гурычъ Синичкинъ. Эта піеса идетъ у насъ хуже, безъ всякаго сравненія хуже, чѣмъ въ Москвѣ. Г. Мартыновъ понимаетъ свою роль — вотъ и все. Г-жа Самойлова нисколько не выдерживаетъ тутъ сравненія съ знаменитою Рѣпиной: мы помнимъ и всѣ Московичи помнятъ, какъ хороша была, въ этой роли, И. В. Рѣпина! Даже Вѣтринскій и Зефировъ тутъ какіе-то безцвѣтные существа. Г. Н. Степановъ создалъ въ Москвѣ роль Графа Зефирова. Но созданіе, настоящее созданіе роли Пустосдайцева принадлежитъ Г. Садовскому, молодому и замѣчательному Московскому артисту, уже хорошо оцѣненному Московскою публикою, не смотря на недавность его появленія. Да, Г. Садовскій талантъ замѣчательный, и всякое сравненіе между имъ и Г. Григорьевымъ 2, въ роли Пустосдайцева, мы, изъ вѣжливости, проходимъ красорѣчивымъ молчаніемъ.

БОЛЬШОЙ ТЕАТРЪ.

Герта, повелительница Эльфридъ, балетъ въ трехъ картинахъ, соч. Балетмейстера Г. Таліони, музыка соч. Капельмейстера Г. Келлера. Декорацiи, по рисункамъ Г. Роллера: 1-я Шиніяна, 2-я Сѣрдова, 3-я и машины Г. Роллера.

Новый балетъ, игранный — увы! — въ послѣдній бенефисъ Таліони, нашей несравненной Таліони, покидающей насъ на всегда, именно въ ту минуту, когда мы узнали, какъ должно цѣнить ея грацію, когда мы избаловались изяществомъ ея танцевъ, ея позъ! Посмотрите, посмотрите, какъ она легка, воздушна въ этомъ идеальномъ голубомъ костюмѣ; спѣшите, насыщайтесь ея восхитительнымъ искусствомъ, неуловимымъ, неопредѣлимымъ! Еще одинъ мѣсяцъ, кратчайшій мѣсяцъ въ году, и — Таліони улетитъ отъ насъ, не такъ, какъ улетала донынѣ Сильфидою, Дѣвою Дуная, Тѣнью,—улетитъ прозаически, съ заграничнымъ паспортомъ въ рукахъ, съ паспортомъ за всѣми подписями и скрѣпами.

Новый балетъ прелестенъ, и нравится особенно послѣ безцвѣтной *Даи*, предпослѣдняго произведенія балетмейстера Таліони. Вотъ его содержаніе.

Картина 1-я. Герта, съ подругами, забавляется танцами, послѣ удачной охоты. Звукъ отдаленной деревенской музыки поражаетъ ихъ. Эльфриды убѣгаютъ, но любопытствуя узнать откуда музыка проходитъ, Герта скрывается въ розовомъ кустарникѣ, и видитъ приближающуюся крестьянскую свадьбу. Начинаются пляски молодежи. Альваръ, молодой крестьянинъ, женихъ Пакиты, обращаетъ на себя вниманіе Герты, которая тотчасъ же обдумываетъ средство удалить невѣсту; она наводитъ ужаснѣйшую грозу, въ ту самую минуту, когда общество пускается въ путь. Альваръ, въ темнотѣ, теряетъ Пакиту и тщетно старается ее отыскать, — Ударомъ жезла, розовый кустъ превращается въ хижину, а Герта въ Аррагонку, и увлекаетъ за собою въ лѣсъ Альвара, который принимаетъ ее за Пакиту. — Геній Проно привлеченный въ лѣсъ силою грозы, узнаетъ какимъ опасностямъ подвергнется женихъ покровительствуемой имъ Пакиты, и даетъ обѣтъ не покидать его и отомстить Гертѣ. — Герта вбѣгаетъ въ хижину, Альваръ, преслѣдующій ее. вбѣгаетъ туда же за нею.

Картина 2-я. Хижина. Входитъ Альваръ и видитъ молодую дѣвушку въ величайшемъ испугѣ; онъ приближается къ ней, успокоиваетъ ее, и спрашиваетъ гдѣ онъ находится. Являются Феи, переодѣтыя въ Аррагонскія платья. Всѣ стараются успокоить его, и молодой человѣкъ начинаетъ увлекаться ихъ ласками и красотою. Однако же Герта замѣчаетъ, что Альваръ не забываетъ своей возлюбленной. Онъ хочетъ бѣжать, но Герта усыпляетъ его, дѣйствіемъ волшебнаго жезла, и, окруживъ его облаками, уноситъ съ собою, въ свое горнее жилище.

Картина 3-я. Театръ представляетъ волшебные сады Герты. Является Проно, окруженный своею свитою, и убѣдившись, что нѣтъ никого изъ подвластныхъ Гертѣ, придаетъ одной изъ статуй, украшающихъ садъ, видъ Пакиты. Генія увѣдомляютъ Проно, что въ сады спѣшатъ волшебницы, и онъ удаляется съ своею свитою. Входитъ Мишна (Эльфрида) въ сопровожде-

ніи подругъ, которыя спѣшатъ исполнять ея приказанія. Альваръ занятъ мыслію о побѣгѣ, но когда онъ хочетъ привести намѣреніе свое въ исполненіе, его окружаютъ волшебницы; избѣгая ихъ, Альваръ приближается къ статуямъ, совершенство которыхъ его поражаетъ. Минна, замѣтивъ его удивленіе, объясняетъ, что отъ него зависитъ оживить ихъ прикосновеніемъ розовой вѣтки, которую она даетъ ему. Онъ обдумываетъ, съ которой начать, и подойдя случайно къ статуѣ, похожей на Пакиту, останавливается пораженный разительнымъ сходствомъ; опомясь, однако жъ, убѣгаетъ, дотрогиваясь до всѣхъ даннымъ ему талисманомъ. Каждая догоняетъ его, изъявляя признательность, но приближеніе къ нему образа возлюбленной вселяетъ въ душу его глубокое чувство. Онъ въ изумленіи; не находя однако жъ настоящаго счастія, въ новомъ замѣшательствѣ хочетъ бѣжать, и въ ту же минуту его останавливаетъ сама Герта, представляющаяся во всемъ блескѣ и величіи повелительницы Эльфридъ.— Альваръ сначала восхищается ея красотою, но образъ Пакиты, въ чертахъ статуи, вселяетъ въ него разсѣяніе и грусть. Герта замѣчаетъ это, и приказываетъ подать головной уборъ для Альвара и вазу, наполненную водою забвенія, опускаетъ токъ этотъ въ воду, дабы возбудить въ немъ силу произвести забвеніе Альвара ко всему прошедшему.—Движеніемъ волшебнаго жезла, она превращаетъ на Альварѣ платье въ самое великолѣпное, а Эльфриды подаютъ ему токъ; едва успѣлъ онъ надѣть его на голову, память его исчезаетъ, и онъ предается совершенно Гертѣ, почувствовавъ къ ней любовь! Герта, исполненная восторта, не замѣчаетъ, что въ числѣ ея фей находится Проно, который, скрываясь, отыскиваетъ средства избавить отъ ея преслѣдованія Альвара.

Когда Альваръ не можетъ болѣе противостоять вліянію Герты, Проно приказываетъ одному изъ своихъ геніевъ сорвать съ головы его токъ: память возвращена Альвару, и онъ не можетъ постигнуть какимъ образомъ сдѣлался подобною игрушкою, узнаетъ въ Эльфридѣ молодую Аррагонку, видѣнную имъ въ хижинѣ, осыпаетъ ее упреками, и отвергаетъ всѣ ея просьбы... Геній Проно соединяетъ Альвара съ Пакитою, а Герту превращаетъ въ статую!

Балетъ этотъ изобилуетъ танцами, полетами, прелестными группами: здѣсь есть танцы фантастическіе и обыкновенные земные, Аррагонскій танецъ съ кастаньетами и несравненный pas de deux Г-жи Таліони съ Г. Іогансономъ, молодымъ танцоромъ, который, въ нынѣшній разъ, братилъ на себя вниманіе значительною ролею и танцами. Г. Іогансонъ танцуетъ съ удивительною увѣренностію (aplomb), очень легко и съ возможною граціею для мужчины.

Декораціи и машины Г-на Роллера, или по его рисункамъ, достойны украшать балетъ, начеранный для Г-жи Таліони; въ особенности поразительна минута, когда Герта, превратившись въ статую, поднимается на водяномъ піедесталѣ: эффектъ неожиданный и новый.—Музыка Г. Келлера мила, игрива и легка.

МИХАЙЛОВСКІЙ ТЕАТРЪ.

а` Русскій спектакль.

Мизантропъ, комедія въ пяти дѣйствіяхъ, соч. Моліера, перев. въ стихахъ Ѳ. Ѳ. Кокошкинымъ, и

Артистъ, комедія-водевиль въ одномъ дѣйствіи, перев. А. И. Булгакова (23-го Января).

Нельзя не порадоваться прекрасной мысли Дирекціи *Императорскихъ* Театровъ, нельзя не поблагодарить ее за то, что она рѣшилась по временамъ давать на Михайловскомъ Театрѣ Русскіе спектакли, составленные изъ избранныхъ піесъ, каковы, напримѣръ, *Тартюфъ* и *Мизантропъ* Моліера, или хорошіе *опрятные* водевили, подобные водевилю *Артистъ*. Мы винимъ публику въ равнодушіи къ Русскому Театру, и винимъ совершенно несправедливо: не равнодушіе, не нелюбовь къ Театру причиною того, что спектакли Александринскаго Театра не привлекаютъ публики высшаго образованія, а то, что эта публика никакъ не можетъ сойтись во вкусахъ съ другою, болѣе многочисленною частію публики, которая, однако жъ, должна имѣть *свой* театръ, *своихъ* любимыхъ артистовъ и *своихъ избранныхъ* писателей. Михайловскій Театръ именно можетъ принести Русскими спектаклями, составленными, какъ сказано выше изъ *избранныхъ* піесъ, и обставленныхъ *избранными* артистами, можетъ принести плоды благодѣтельные вообще *Русскому* Театру, образуя вкусъ артистовъ и указывая имъ надлежащій путь. Что ни говорите, а сценическій артистъ живетъ рукоплесканіями и вызовами; онъ дорожитъ ими, поставляетъ въ нихъ свое честолюбіе, свою славу; если бы какой либо артистъ сталъ увѣрять въ противномъ, не вѣрьте ему, не то онъ не артистъ, а ремесленникъ, работникъ, играющій по нуждѣ, изъ куска хлѣба, больше не изъ чего. Дорожа рукоплесканіями и вызовами, онъ ихъ ищетъ, добивается, стараясь угодить публикѣ; если же вкусъ публики не очищенъ, если она потѣшается фарсами и отъ нихъ только приходитъ въ восторгъ, то какъ же хотите вы, чтобъ артистъ утерпѣлъ, чтобъ онъ не увлекся ея требованіями, не сталъ бы потворствовать капризу необразованности, или вкусу, слишкомъ утонченному?.. И вотъ умный, искренно любящій свое дѣло артистъ по неволѣ сбивается съ дороги, и идетъ ложнымъ путемъ, съ котораго потомъ очень трудно ему своротить. Много бы можно указать тому примѣровъ, но мы оставляемъ это до другаго, болѣе удобнаго случая.

Послѣ этихъ словъ понятно, почему Русскіе спектакли на Михайловскомъ Театрѣ куда собирается избраннѣйшая, образованнѣйшая публика столицы, почему спектакли эти могутъ имѣть важное вліяніе вообще на развитіе Сценическаго Искусства въ Россіи.

За недостаткомъ мѣста и времени, отлагаемъ до слѣдующей книжки сужденіе наше о *Мизантропѣ* и объ исполненіи его на Русской сценѣ. Теперь же замѣтимъ только, что этотъ спектакль доказалъ, что высшая, образованнѣйшая публика наша не совсѣмъ равнодушна

къ Русскому Театру, и охотно готова удѣлять нѣсколько вечеровъ въ недѣлю на наслажденіе Театромъ отечественнымъ, и на поощреніе самородныхъ талантовъ нашихъ.

b) Французскіе спектакли.

Une Chaine (Цѣпь), комедія въ пяти дѣйствіяхъ, въ прозѣ, соч. Скриба; *L'Aveugle et son bâton*, (Слѣпой и его палка) водевиль въ одномъ дѣйствіи, соч. Варена и Лорансена. (Бенефисъ Г. Брессана, 24-го Января).

Содержаніе комедіи, игранной въ бенефисъ Г. Брессана, безъ сомнѣнія, извѣстно уже вамъ по переводу ея, который напечатанъ въ нынѣшней книжкѣ Репертуара и Пантеона. Слѣдовательно, намъ остается только извѣстить васъ объ игрѣ артистовъ, участвовавшихъ въ исполненіи этой піесы. И такъ, къ дѣлу. Главную женскую роль, роль Графини, занимала въ ней Г-жа Александръ Майеръ. Признаемся, что, до поднятія завѣсы, намъ было страшно за Г-жу Майеръ: намъ казалось, что роль столь энергическая, какъ та, въ которой долженствовала она явиться, нѣсколько внѣ средствъ ея; но, съ каждымъ актомъ, опасенія эти исчезали болѣе и болѣе, и, при концѣ піесы разсѣялись совершенно. Г-жа Майеръ сыграла ее вообще весьма удовлетворительно, и въ нѣкоторыхъ сценахъ была очень хороша. Даже самая сильная сцена, сцена, въ которой Графиня пріѣзжаетъ къ Клеранбо и прощается на всегда съ Эмерикомъ, исполнила она болѣе чѣмъ безукоризненно. Бенефиціантъ (р. Эмерика) не измѣнилъ себѣ отъ начала до конца піесы, то есть игралъ прекрасно. Любовь, переходы отъ безнадежности къ радости и отъ радости къ безнадежности, порывы гордости — все это передалъ онъ вѣрно и живо.

Г. Верне (въ роли Баландара), можно сказать, былъ лучше всѣхъ въ піесѣ; онъ ее игралъ натурально, непринужденно, именно въ томъ характерѣ и тонѣ, на который она расчитана. Г. Эрикъ-Бернаръ, (Сенъ-Жеранъ), какъ артистъ опытный, не могъ играть не хорошо, но нельзя не сознаться, что въ этой роли несравненно лучше его былъ бы Г. Алланъ. Г. Дюфуръ (Клеранбо), къ сожалѣнію, не понялъ своей роли, и вмѣсто добродушнаго негоціянта, представилъ отставнаго военнаго, грубоватаго въ обращеніи. Но, въ комъ нашли мы большіе успѣхи на сценѣ, такъ это въ Г-жѣ Дегранжъ (Алина); во-первыхъ, никто у насъ лучше ея не сыграетъ роли красавицы, а во-вторыхъ, она замѣтно привыкаетъ къ сценѣ, и въ ней исчезаетъ робость, неразлучная со всѣми молодыми артистками. — Г. Брессанъ и Г-жа Майеръ были вызваны. Вообще Une Chaine возбудила въ публикѣ Михайловскаго Театра самое живое вниманіе, которое, въ главныхъ сценахъ піесы, выражалось невольными восклицаніями.

Водевиль L'Aveugle et son bâton не обратилъ на себя вниманія послѣ прелестной комедіи Скриба. Дѣло здѣсь все въ томъ, что одинъ молодой скульпторъ, влюбленный въ молоденькую и хорошенькую дѣвушку, притворяется слѣпымъ, надѣваетъ поношеный сертукъ, беретъ кларнетъ да палку, и пробирается въ домъ своей милой, которая живетъ съ родственницею, старою, сердитою дѣвою. Забравшись туда, онъ мистифируетъ дурака-соперника, срываетъ съ него парикъ, выходитъ съ нимъ на палочную дуэль, и пр. и пр. Роль скульптора игралъ Г. Поль-Мине.

Le Malade Imaginaire (Мнимый больной соч. Моліера; *Les femmes entr' elles, ou la jeune prude* (Женщины между собою, или молодая смиренница), комедія съ куплетами, Дюпати; *Le Jettador* (Дурной глазъ), комедія съ куплетами, Дюмануара, Марка Мишеля и Гонзалеса. (Бенефисъ Г-жи Дюпонъ, 17-го Января.)

Мнимый больной, Моліера, принадле-

жать къ числу тѣхъ піесъ, которыя каждый у насъ знаетъ по наслышкѣ, но съ которыми, на самомъ дѣлѣ, знакомы далеко не всѣ. У насъ, по принятому (не нами, впрочемъ) обыкновенію, считаютъ Мнимаго Больнаго высокою комедіею, между тѣмъ, какъ это, просто, фарсъ, — но фарсъ, исполненный ума, ѣдкой насмѣшливости и, болѣе всего, веселости, шумной, всеувлекающей, магической веселости. Моліеръ написалъ его только для того, чтобы осмѣять невѣждъ врачей, и вовсе не думалъ создавать для него характеровъ, какъ создавалъ, напримѣръ, для Мизантропа, для Тартюфа, для Скупаго. *Басня* этой піесы, очевидно, придумана для того только, чтобы служить рамою для картины, въ которой авторъ хотѣлъ показать пріятелей своихъ, сыновъ Эскулана, въ самомъ забавномъ видѣ. Вотъ она, въ нѣсколькихъ словахъ: Богатый *bourgeois* Парижскій, Арганъ, увѣрилъ себя, что онъ опасно боленъ что онъ чуть не при смерти, между тѣмъ какъ здоровью его можно отъ души позавидовать. Арганъ имѣетъ апетитъ чудесный, спитъ славно, ходитъ, когда забываетъ о своей мнимой болѣзни, какъ нельзя бодрѣе, но, не смотря на все это, сидитъ на діетѣ и принимаетъ лекарство за лекарствомъ. Онъ до того считаетъ необходимымъ лечиться, до того благоговѣетъ передъ медициной, что принуждаетъ дочь свою (отъ перваго брака), хорошенькую Ангелику, итти за дурака доктора Діафоарюса, сына тоже дурака доктора. Бѣдная Ангелика любитъ другаго (Клеанта) и сама любима имъ, но не смѣетъ противиться волѣ отца. Она уже выслушала терпѣливо длинное, глупое привѣтствіе Діафоарюса, привѣтствіе, которое произноситъ онъ скороговоркою, не переводя духа, какъ читаютъ уроки иные ученики въ приходскихъ училищахъ; Діафоарюсъ уже считаетъ ее своею, какъ вдругъ вступается за нее дядя ея, Берольдъ, человѣкъ разсудительный и добрый. Берольдъ говоритъ Аргану что онъ вредитъ себѣ леченьемъ, что доктора обманываютъ его, что его обманываетъ даже вторая жена его, и что истинно любимъ онъ только одною своею дочерью. Арганъ не вѣритъ сначала Берольду; но Берольдъ твердо стоитъ на своемъ, и предлагаетъ брату, для испытанія любви дочери и жены, притвориться умершимъ. Арганъ соглашается, падаетъ въ кресла и закрываетъ глаза. Служанка его, Туанета, начинаетъ кричать, что въ домѣ случилось несчастіе, что баринъ умеръ, и пр. Является Белина (жена Аргана) и, узнавъ о мнимой смерти мужа, не только не горюетъ о ней, но еще радуется во всеуслышаніе, что избавилась отъ докукъ этого брюзгливаго старика. Вслѣдъ за тѣмъ приходитъ Ангелика, приходитъ ея милый; но они принимаютъ иначе извѣстіе о смерти Аргана: Ангелика въ отчаяніи, Клеантъ горюетъ. Арганъ, тронутый любовью дочери и разувѣренный на счетъ любви жены, позволяетъ Ангеликѣ выйти за Клеанта, уничтожая вмѣстѣ съ тѣмъ завѣщаніе, которое написалъ - было онъ въ пользу жены. Однако жъ, Арганъ, исцѣлившись отъ вѣры въ привязанность жены, не исцѣлился вмѣстѣ съ тѣмъ отъ вѣры въ необходимость глотать лекарства и, для пущаго удобства блюсти свое драгоцѣнное здоровье, рѣшается, по совѣту насмѣшника брата, самъ сдѣлаться докторомъ. Этимъ и оканчивается піеса. Послѣ нея начинается латинская церемонія, въ которой, послѣ публичнаго диспута, признаютъ Аргана докторомъ.

Церемонія эта до того забавна, что Репертуаръ считаетъ не лишнимъ разсказать, какъ происходитъ она на Михайловской сценѣ. Во время ея, театръ представляетъ большую залу; въ глубинѣ этой залы находится, на высокой эстрадѣ, каѳедра съ эмблематическими изображеніями разныхъ принадлежностей Латинской кухни; по сторонамъ ея тянутся скамьи, покрытыя краснымъ сукномъ. При поднятіи завѣсы, сцена пуста; но,

въ слѣдъ за тѣмъ, выходитъ, при звукахъ музыки, строй аптекарей, въ мантіяхъ, и съ *извѣстными* трубками въ рукахъ. Они тихо, величаво, шеренгою подходятъ къ аванъ - сценѣ; низко кланяются публикѣ, потомъ низко кланяются другъ другу и, отдавъ трубками честь, становятся безмолвно въ четыре ряда, такъ, что каждые два ряда образуютъ какъ-бы аллею. Сквозь эти аллеи, подъ трубками, поднятыми аптекарями, проходятъ по-парно, медленно и торжественно, всѣ артисты и артистки Французской труппы, наряженные въ докторскія мантіи. Всѣ они и всѣ онѣ, раскланявшися съ публикою и другъ съ другомъ, занимаютъ мѣста на боковыхъ скамьяхъ. Потомъ является Арганъ и президентъ. Арганъ садится у фаса каѳедры; президентъ всходитъ на каѳедру, и произносилъ рѣчь на какомъ-то уморительномъ, полу-латинскомъ, полу-Французскомъ нарѣчіи. За рѣчью начинается диспутъ и послѣ каждаго отвѣта докторанта, доктора и аптекаря возглашаютъ хоромъ:

Dignus, dignus est intrare
In nostro docto corpore!

Въ заключеніе всего, президентъ признаетъ Аргана достойнымъ званія доктора, и возвѣщаетъ это слѣдующими словами:

Ego, cum isto boneto,
Dono tibi et concedo
Virtutem et puissantiam:
Medicandi,
Purgandi,
Seignandi,
Taillandi,
Coupandi,
Et Occidendi
Impune per totam terram!

Завѣса падаетъ при оглушительныхъ рукоплесканіяхъ.

Но, разсказавъ вамъ содержаніе *Мнимаго больнаго* съ его *Латинскою церемоніею*, Репертуаръ не могъ передать всѣхъ чудныхъ аксессуарныхъ подробностей этой піесы: ихъ должно видѣть, тобы понять, что онѣ значатъ такое. Репертуаръ лучше скажетъ вамъ нѣсколько словъ объ исполненіи Мнимаго Больнаго на здѣшней Французкой сценѣ. Роль Аргана занималъ Г. Додель. Онъ сыгралъ ее умно, съ знаніемъ дѣла, не карикатурно и вообще несравненно лучше, чѣмъ прежде игрывалъ ее другой артистъ, уже оставившій Французскую труппу. Сцены комическаго гнѣва были ведены имъ весьма искусно. Вторымъ послѣ него должно назвать Г. Бо, который былъ истинно уморителенъ въ небольшой роли Діафоарюса сына. Право, трудно вспомнить безъ смѣха его привѣтствія Аргану, Белинѣ и Ангеликѣ, его сидѣнье на высокомъ дѣтскомъ стульчикѣ, и его консультацію съ отцемъ своимъ. Прочимъ артистамъ, въ ихъ небольшихъ роляхъ, дѣла было не много, но всѣ они — *всѣ безъ исключенія*, исполнили свои роли весьма хорошо. Изъ женскихъ ролей, самая трудная (Туанеты) была играна Г-жею Дюпонъ, которая, какъ извѣстно, была одною изъ лучшихъ Парижскихъ актрисъ для амплуа субретокъ. Послѣ нее, Парижскій Французскій Театръ осиротѣлъ въ этомъ амплуа! Съ какимъ наслажденіемъ можно было смотрѣть на нее въ своей стихіи, въ роли субретки, Моліеровской субретки! Здѣсь, Г-жа Дюпонъ совершенство безусловное во всѣхъ отношеніяхъ.

Передъ *Мнимымъ Больнымъ* была дана комедія *Женщины между собою*, или *молодая смиренница*. Помнится, что она играется и у насъ, на Русской сценѣ, и вы, быть можетъ, припомните ее, когда узнаете, что въ ней нѣсколько дамъ, въ урокъ подругѣ ихъ, подругѣ, которая надоѣдаетъ имъ ложнымъ смиреньствомъ, мистифируютъ эту притворную смиренницу; что одна изъ нихъ, переодѣвшись мужчиною, волочится за нею крайне успѣшно; и что наконецъ, дама, выведя проказы ея на чистую воду, заставляютъ ее согласиться на свадьбу племянницы

съ какимъ-то молодымъ человѣкомъ, который вовсе не является въ піесѣ. Г-жи Алланъ и Александръ-Майеръ занимали въ ней первыя роли: Г-жа Алланъ-смиренницы, а Г-жа Александръ-Майеръ, дамы, переодѣвающейся въ мужское платье. Нужно ли хвалить этихъ артистокъ, нужно ли говорить, что, при игрѣ ихъ, публикѣ понравится всякая піеса? Кажется нѣтъ.

Содержаніе водевиля *Le Jettador* уже извѣстно читателямъ нашимъ изъ одной изъ книжекъ Репертуара за прошлый годъ, гдѣ разсказана она подробно. Зрители, по большей части, не досмотрѣли его и въ половину: ихъ не удержала въ театрѣ даже прекрасная игра въ этомъ водевилѣ Гг. Аллана и Верне.

а) Нѣмецкій спектакль.

Erste Liebelei und Erste Liebe (Первая любовь), комедія въ одномъ дѣйствіи, переведенная съ Французскаго; *Der Maurer und der Schlosser* (Каменщикъ и Слесарь), комическая опера въ трехъ дѣйствіяхъ, слова Скриба и Делавиня, музыка Обера. (Бенефисъ Г-жи Лиллы Лёве, 14 Января).

Прекраснымъ именемъ начинаетъ Репертуаръ свою хронику Нѣмецкаго Театра, — именемъ Г-жи Лиллы Лёве, этой перлы здѣшней Нѣмецкой труппы! Пусть же будетъ оно счастливымъ предзнаменованіемъ для смиреннаго труда лѣтописца!

Г-жа Лёве выбрала для своего бенефиса именно такія піесы, въ которыхъ она истинно хороша, въ которыхъ вполнѣ раскрывается ея милый талантъ: она выбрала умную, веселую комедію прелестную комическую оперу. Комедія *Первая любовь*, игранная въ бенефисъ ея, написана Скрибомъ и, если не ошибаемся, давалась прежде и на Русской сценѣ. Завязка ея проста, не надена съ обыкновеннымъ Скрибовскимъ умѣньемъ, и состоитъ вотъ въ чемъ: Молоденькая, пятнадцатилѣтняя Эммелина и также очень молодой кузенъ ея, Карлъ, любятъ другъ друга, какъ любятъ многія пятнадцатилѣтнія дѣвушки и иные, очень молодые люди. Они вздыхаютъ глубоко и страстно; краснѣютъ, смотря другъ на друга; читаютъ вмѣстѣ чинные романы и, безпрестанно мечтая о будущемъ счастіи, о будущихъ радостяхъ, довольствуются робкимъ взглядомъ, да боязливымъ пожатіемъ руки. Но Карлу надобно ѣхать далеко, на долго, и любовники наши разстаются, обмѣнявшись колечками и выбравъ на небѣ одну свѣтлую звѣздочку, чтобы смотрѣть на нее во время разлуки, смотрѣть въ одинъ условленный часъ, грустно припоминая былое..... Проходятъ семь лѣтъ. Карлъ все еще живетъ на чужбинѣ; Эммелина все еще любитъ Карла. Она такъ живо помнитъ прошлое, что отказываетъ очень милому, молодому человѣку, Рейнгольду, который ищетъ руки ея и котораго она вовсе не видала. Къ счастію, Рейнгольдъ узнаетъ во время настоящую причину отказа, и рѣшается воспользоваться обстоятельствами: онъ выдаетъ себя за Карла, и подъ этимъ именемъ является къ Эммелинѣ и отцу ея. Старикъ принимаетъ его холодно, потому что до него дошли слухи о многихъ шалостяхъ Карла; онъ даже досадуетъ, что Эммелина предпочитаетъ Карла; но за то Эммелина въ восхищеніи отъ своего мнимаго кузена.... Слѣдуетъ нѣсколько забавныхъ сценъ, въ которыхъ Рейнгольду, благодаря его подложному имени, и хорошо и худо, и изъ которыхъ выпутывается онъ то удачно, то неудачно. Наконецъ пріѣзжаетъ настоящій кузенъ, но какой кузенъ, Богъ мой! Толстый, неуклюжій, страшно задолжавшій, страшно промотавшійся и, что всего хуже, женатый кузенъ! Увы! онъ пріѣхалъ вовсе не для Эммелины, вовсе не для то-

го, чтобы въ упоеніи припоминать съ нею блаженство ихъ первой, идиллической любви: онъ пріѣхалъ для денегъ дяди, для того, чтобы признаться ему во всѣхъ своихъ проказахъ. Само собою разумѣется, что такой кузенъ не можетъ ужь нравиться, и разочарованная Эмелина весело соглашается выйти за Рейнгольда.

Эта небольшая комедія была разыграна Г-жею Лёве и Гг. Германомъ, Голандомъ и Мюллеромъ — превосходно. Въ игрѣ ихъ не было ни тѣни принужденности, ни тѣни той — извините намъ выраженіе — той *накрахмаленности*, которая такъ непріятно поражаетъ васъ въ игрѣ многихъ Нѣмецкихъ артистовъ. За то и публика была приведена въ восторгъ *Перкою Люсью*: она единодушно вызвала бенефиціантку, вмѣстѣ съ тремя названными выше артистами, и осыпала ихъ громкими рукоплесканіями.

Перейдемте, однако жъ, къ оперѣ. Музыка ея — но что сказать вамъ новаго о музыкѣ Обера? Оберъ знакомъ у насъ, всѣ слышали его чудныя созданія; всѣ оцѣнили ихъ по достоинству. Если жъ, по случаю, вы вовсе не знаете его *Каменщика и Слесаря*, то Репертуаръ скажетъ вамъ, что она отличается тою же граціею, тою же игривостію, тою же легкостію, которыми отличаются другія партиціи этого композитора. Мотивы его невольно остаются въ памяти: ихъ твердили, съ какимъ-то веселымъ одушевленіемъ, весьма многіе, когда выходили изъ театра, послѣ окончанія прекраснаго Михайловскаго спектакля 14 Января.

Исполнена была эта опера, судя по средствамъ нашей Нѣмецкой труппы, довольно удовлетворительно. Morceaux d'ensemble удались почти всѣ. Бенефиціантка была въ своей роли столько мила, сколько сама она мила. Ея нѣжный голосокъ не измѣнилъ ей ни разу; ея обдуманная игра была граціозна во все продолженіе піесы. Сцену ссоры ея съ Г-жею Альбрехтъ (M-me Bertrand) публика заставила повторить. Кстати о Г-жѣ Альбрехтъ: артистка эта у насъ весьма мало извѣстна, а между тѣмъ, у насъ теперь никто лучше ея не исполняетъ ролей пожилыхъ кокетовъ. Ни въ Русской труппѣ, ни во Французской нѣтъ актрисы, которую можно было бы сравнить съ нею въ этомъ отношеніи. Г-жа Нейрейтеръ — наша неизмѣнная Г-жа Нейрейтеръ, пѣла, какъ и всегда, *добросовѣстно*; отступленій отъ музыкальнаго текста, какъ и всегда, у ней замѣтно не было. Изъ артистовъ, участвовавшихъ въ исполненіи *Каменщика и Слесаря*, пальма первенства, безспорно, принадлежитъ Г. Ферзингу. Впрочемъ, нельзя не упомянуть съ особенною похвалою и о Г. Голандѣ, который сыгралъ роль веселаго влюбленаго Каменщика весьма хорошо. Это одна изъ лучшихъ ролей его.

Объ обстановкѣ этой оперы говорить много нечего: декорацій великолѣпныхъ здѣсь нѣтъ, костюмы въ ней простые. Но, упомянувъ о костюмахъ, нельзя не спросить, почему артистъ, занимавшій роль Леона Меранвиля, явился въ мундирѣ современнаго намъ покроя, въ эполетахъ современной намъ формы, въ трехугольной шляпѣ съ современнымъ бѣлымъ султаномъ, между тѣмъ какъ другіе были во Французскихъ кафтанахъ прошлаго столѣтія, и въ парикахъ, посыпанныхъ пудрою? — Въ заключеніе обратимся еще разъ къ той, имя которой стоитъ въ началѣ этого отчета о Нѣмецкомъ театрѣ, къ нашей бенефиціанткѣ: Г-жа Лёве была костюмирована съ большимъ вкусомъ; да и вообще на Нѣмецкой сценѣ ни одна артистка не одѣвается съ такимъ вкусомъ, какъ она.

МОСКОВСКІЕ ТЕАТРЫ.

Помнители вы старинную комедію *Подложный кладъ*, или *какъ опасно подслушивать у дверей*, переведенную съ Французскаго Ильинымъ? Право, она можетъ доставить удовольствія болѣе нашихъ водевилей. Если вы ее помните, то легко съ нами согласитесь, а если не видали въ ней Щепкина, то не можете понять наслажденія, которымъ мы были ему обязаны въ спектаклѣ 30-го Декабря. Щепкинъ, въ этой небольшой піескѣ — совершенство! Привыкнувъ видѣть, болѣе или менѣе, обыкновенную игру нашихъ артистовъ, можно прійти въ недоумѣніе, какъ можетъ быть высоко искусство великаго таланта! Грустно, что и Щепкинъ играетъ теперь почти во всѣхъ водевиляхъ, не имѣетъ новыхъ ролей, достойныхъ его таланта, а старый репертуаръ не привлечетъ нашу публику, требующую новизны Но какъ же не быть благодарнымъ Дирекціи, что она хотя изрѣдка даетъ милыя старинки, гдѣ Щепкинъ сильно напоминаетъ, *что такое искусство*. Въ этой же піесѣ, В. Степановъ хорошо выполнилъ роль Андрея. Упраздненное нынѣ амплуа слугъ-пройдохъ, въ прежнихъ комедіяхъ, имѣетъ у насъ въ В. Степановѣ очень хорошаго актера. Желательно бы было, чтобы кто нибудь взялся разсмотрѣть видимое паденіе Русской сцены. Мы сейчасъ говорили о старинныхъ комедіяхъ; ихъ смѣнили водевили Писарева, Хмѣльницкаго, Шаховскаго, комедіи Загоскина; за ними водевили Ленскаго, и Ленскій переводилъ премилыя піески, которымъ и теперь порадуемся, увидя ихъ на репертуарѣ. Но, замѣтьте, что кругомъ Ленскаго много передѣлывателей, и въ Петербургѣ и въ Москвѣ, (конечно, есть исключенія) отъ которыхъ водевиль потерялъ умъ, веселость, простоту, и этотъ *мелкій* родъ сценическихъ произведеній *измельчалъ* еще болѣе. Наконецъ, водевили Г. Кони, съ своими неблагопристойностями, нашли своихъ, не только одобрителей, но и подражателей; извѣстно, что всякій великій писатель влечетъ за собою подражателей, такъ-то и Г. Кони. Теперь пошлости хотя и выводятся, но фарсъ овладѣваетъ видимо. Фарсъ проглядываетъ и въ драмѣ, и въ водевиляхъ, и во всемъ, что у насъ пишутъ для сцены, и въ самой игрѣ актеровъ. И кажется это дѣлается неумышленно, само собою, точно будто бы фарсъ въ воздухѣ, которымъ дышатъ и авторы и актеры: онъ прокрадывается не замѣтно, иногда противъ воли. Всѣ эти мысли пришли намъ въ голову оттого, что мы видѣли на Московской сценѣ водевиль, возбудившій въ насъ, просто, — досаду. Водевиль этотъ: Ужасъ! Ужасъ! Ужасъ! Досаднѣе всего что онъ передѣланъ для Русскаго Театра Д. Т. Ленскимъ, который подарилъ публикѣ столько милыхъ водевилей Скриба, кто прекрасно передѣлывалъ на Русскіе нравы множество хорошенькихъ піесъ, къ числу которыхъ присоединится и водевиль: *Барская спѣсь и Анютины глазки*, который данъ съ блистательнымъ успѣхомъ въ бенефисъ Ленскаго. — 22 Декабря дебютировалавъ оперѣ *Женщина Лунатикъ* въ роли Амины, Г-жа Скибинская. Кажется, дебютомъ все и кончилось. *Фаворитка* опера Доницдзетти, съ каждымъ разомъ нравится болѣе и болѣе. Но все это принадлежности 1841 года, а вотъ и новости 1842.

Спекталь 9 Января въ Петровскомъ Театрѣ: *Князь Серебряный* драма въ 4-хъ дѣйствіяхъ, въ стихахъ; антрактъ — *так-*

цы; *Вотъ что значитъ влюбиться въ актрису*, вод. съ Франц. *Комедія съ дядюшкой* вод.; *Дивертисементъ*. Всѣ эти піесы шли въ Петербургѣ въ бенефисъ Г-жи Самойловой, и, не смотря на приговоръ Сѣверной Пчелы, которому вѣрили всѣ благомыслящіе, театръ былъ почти полонъ. Спектакль *въ пользу дѣтей покойнаго Лаврова!* И этого было довольно! Поблагодаривъ Дирекцію Императорскихъ Московскихъ Театровъ за назначеніе сего бенефиса, поблагодаривъ искренно публику за ея участіе, перемолвимъ о самомъ спектаклѣ. Всѣ піесы, какъ мы уже сказали, играны въ Петербургѣ прежде, и Репертуаръ Русскаго Театра сообщилъ о нихъ довольно подробный отчетъ, — стало, разсказывать ихъ содержаніе и достоинство—лишнее. На насъ лежитъ обязанность несравненно завиднѣе Петербургскаго рецензента: сказать объ успѣхѣ и исполненіи ихъ на нашей сценѣ. *Князь Серебряный* умре, при аплодисментѣ ровно двухъ здоровыхъ рукъ, въ лѣвомъ углу райка. Водевиль *Вотъ что значитъ влюбиться въ актрису* милая, умная піеска, имѣла достойный успѣхъ, какъ сама по себѣ, такъ и по превосходной игрѣ Г-жи Орловой. Сцена, когда знаменитая *Дюменилъ* разочаровываетъ *Адріана* была ведена Орловой, такъ мило, естественно, что вполнѣ вознаградила за нестерпимую драму. Два громкіе, единодушные вызова наградили нашу артистку. Потанчиковъ, въ роли Дюрваля, былъ прекрасенъ. Странно, что публика рѣдко оцѣниваетъ игру этого умнаго артиста, всегда вѣрнаго своей роли. Все, что мы говорили о фарсѣ, избѣжало, кажется, одного Потанчикова. Вотъ еще замѣчаніе. Публика наша преимущественно обращаетъ все вниманіе на главное лице піесы, какъ оно исполнено; второстепенныя тогда только бываютъ ей замѣтны, когда въ самой піесѣ, у автора, обозначены какимъ нибудь оригинальнымъ характеромъ. Но развѣ сыграть благородно, хорошо сухую роль не заслуга? Иногда, можетъ быть, еще и большая!

За симъ, водевиль *Комедія съ дядюшкой*. Вѣримъ, что онъ написанъ по случаю, чтобы дать возможность бенефиціанткѣ показать разнообразіе своего дарованія, извиняемъ, что онъ не новъ по вымыслу, что это тѣ же *Оборотни*, съ меньшимъ смысломъ, но тривіяльныя сцены хохлалакея съ зеркаломъ и фортепіяно ясно показываютъ назначеніе ихъ для балагана, а не для театра, и удивляемся, какъ неизвѣстный авторъ самъ не догадался. Артисты выполнили роли свои прекрасно. Стрѣльская передала три характера очень вѣрно; П. Степановъ игралъ очень хорошо племянника, а Живокини смѣшилъ въ роли дяди. Антрактъ, между драмою и водевилемъ, былъ составленъ изъ танцевъ оперы *Тоска по родинѣ*, и доставилъ полное удовольствіе. Въ Петербургѣ такихъ антрактовъ не существуетъ, и очень жаль. Чѣмъ зѣвать, въ ожиданіи піесы, зритель пріятно проводитъ это скучное время, тѣмъ болѣе, что танцы послѣ піесы всегда доставляютъ удовольствіе и пріятное отдохновеніе. Спектакль заключился дивертисементомъ, непремѣнною принадлежностью почти всѣхъ нашихъ спектаклей, доказывающей, что національныя пляски и пѣніе никогда не надоѣдаютъ Москвѣ бѣлокаменной.

Въ бенефисъ актрисы Французской труппы Eugénie дана была, въ 1-й разъ, *La nouvelle M-lle Fanchon*, драма-водевиль въ 5-ти картинахъ, игранная въ Парижѣ 180 разъ сряду. Любопытство подстрекнуло насъ взглянуть на такую піесу, и точно, мы были въ восторгѣ. Не знаемъ, какъ она исполняется въ Парижѣ, не можемъ даже и вообразить себѣ этого, когда она у насъ, въ Москвѣ, идетъ очаровательно! Превосходно срепетированная, занимательная піеса, при совершенной игрѣ въ цѣломъ, съ прекрасными, свѣжими декораціями, съ таковыми же костюмами, съ милою музыкой, можетъ доставить всегда

истинное наслажденіе, но игра Г-жи Шамбери превзошла всѣ наши ожиданія. Признаемся, отдавая полную справедливость умной, опытной игрѣ Г-жи Шамбери, мы не раздѣляли безусловныхъ похвалъ о ней общаго мнѣнія, всегда поражаемаго невольно; мы видѣли ее прекрасною въ піесѣ Marquise de Prétintaille и слабою въ драмѣ Arthur, но въ нынѣшній спектакль увлечены, тронуты до глубины души, восхищены очаровательною игрою. Volnoy Walter Eugènie Mme Julien, Racon исполнили свои роли превосходно, и мы вынесли изъ театра полное, изящное наслажденіе. Позвольте намъ остаться при немъ до слѣдующей статьи.

ДѢЯТЕЛЬНОСТЬ ВАРШАВСКИХЪ ТЕАТРОВЪ ВЪ 1841 ГОДУ.

На *Большомъ Театрѣ* въ первый разъ даны были переводеныя драмы: *Обманщикъ высшаго общества*, *Бумажникъ*, *Жизнь-сонъ*, *Жена артиста* и *Шекспиръ въ родительскомъ домѣ*. Возобновлена драма Иффланда: *Игрокъ* и опера Россини: *Севильскій Цирюльникъ*. Поставлена опера Адана: *Престонскій Пивоваръ*, съ прибавленіемъ *дивертиссемента*. Поставлены также два новые балета: *Морской разбойникъ*, *Пажи Герцога Вандомскаго* и *Деревенскія шутки*. На *Театрѣ Разнообразія* (Rozmaitosci) даны четыре оригинальныя и двѣнадцать переводныхъ и передѣланныхъ піесъ, комедій и водевилей. Первыя суть: *Примѣта* (Znamie) (*) драма въ стихахъ, *Наказаніе*, комедія, соч. К. Кача, *Пусть и такъ будетъ*, шутка соч. Конст. Цѣлинскаго, и *Миніатюрный портретъ жены*, соч. Л. Сегѣтынскаго. На этотъ театръ приняты новый актеръ Зегопольскій, талантливая пѣвица Морисъ, дочь Варшавскаго балетмейстера, и теноръ Матушинскій. Вышелъ въ отставку заслуженый директоръ музыки Курпинскій, прославившійся своими сочиненіями, изъ которыхъ опера *Чертогъ Люцифера* имѣла, въ свое время, успѣхъ въ Парижѣ, Лондонѣ и Вѣнѣ.—Умеръ знаменитый трагикъ Веровскій, одинъ изъ лучшихъ въ Европѣ. Въ Шекспировыхъ драмахъ и трагедіяхъ онъ былъ безподобенъ. — Директоръ странствующей труппы, Поніолекъ, давалъ представленія въ разныхъ городахъ, и въ Радомѣ далъ даже *Норму*.

(*) Znamie имѣетъ въ Польскомъ языкѣ нѣсколько значеній: Знамя, т. е. хоругвь, Примѣта, Пятно, родимое пятно, признакъ. Не знаемъ въ какомъ смыслѣ взято заглавіе драмы.

СТАТИСТИКА БЕРЛИНСКИХЪ ТЕАТРОВЪ ВЪ 1841 ГОДУ.

Статистика всякаго театра можетъ, во многихъ отношеніяхъ, служить масштабомъ дѣятельности его въ продолженіе извѣстнаго, даннаго періода, а годичный статистическій календарь его могъ бы и еще лучше опредѣлить степень этой дѣятельности, потому что онъ обнялъ всѣ четыре времени года, которыя, какъ извѣстно, имѣютъ большое вліяніе на каждый театръ. Лѣтомъ, напримѣръ, когда природа такъ щедро, такъ пышно раскидываетъ дивныя красоты свои, когда вырваться изъ удушающей тѣсноты городской на благоуханный, свѣжій просторъ полей значитъ воскреснуть душею, когда лучи заходящаго солнца въ милліонъ разъ привлекательнѣе самой блестящей декораціи, — почти каждый театръ бываетъ пустъ. Берлинскіе Театры не подверглись, однако жъ, этой участи въ минувшемъ году. Берлинскіе Театры, въ прошлое лѣто, были точно такъ же полны,

какъ бываютъ они полны зимою, и притомъ, вообще, во все продолженіе 1841 года они были гораздо болѣе посѣщаемы, чѣмъ въ предъидущее время, что, безъ сомнѣнія, должно приписать прекрасному выбору піесъ, которыя давались на нихъ въ минувшемъ году, и отличной игрѣ артистовъ, участвовавшихъ въ этихъ піесахъ; въ противномъ же случаѣ, Берлинская публика, одаренная какимъ-то инстинктомъ изящнаго, навѣрное, не заглянула бы въ театръ. Нынче, видите ли, Берлинскіе Театры стали предпочитать хорошее старое плохому новому, между тѣмъ какъ прежде, они, подражая Кёнигстадтскому Театру, давали, каждую недѣлю, по двѣ новыя піесы. Это, натурально, вело къ самымъ дурнымъ послѣдствіямъ: піесы игрались какія бы то ни было, лишь бы онѣ были новыя; артисты не могли хорошо выучивать своихъ ролей, и исполняли ихъ какъ нибудь; авторамъ это было, по большей части, непріятно, потому что произведенія ихъ проходили передъ публикою такъ же быстро, какъ проходятъ передъ глазами зрителя изображенія въ волшебномъ фонарѣ. Наконецъ, по всѣмъ этимъ причинамъ, столь частая мѣна піесъ не могла нравиться и публикѣ. Но теперь, въ Берлинѣ, повторяемъ, вовсе не то, и въ минувшемъ году тамошніе театры монтировали только 26 новыхъ піесъ, за то эти 26 піесъ выдержали 122 представленія! Вотъ, что значитъ разборчивость въ выборѣ.

Изъ числа 365 дней 1841 года, Берлинскіе Театры были закрыты только въ теченіе пяти дней. Три изъ этихъ дней Берлинцы посвятили драгоцѣнной для нихъ памяти покойнымъ Короля и Королевы; четвертый, Страстную Пятницу, молитвѣ; а пятый, канунъ Рождества, когда даже бѣдный Берлинецъ не можетъ не купить для дѣтей своихъ разукрашенной *елки*, провели они въ тихомъ семейномъ кругу. Въ теченіе же остальныхъ 360 дней было играно на Берлинскихъ Театрахъ 409 разъ, а именно: въ Оперномъ Театрѣ (Opernhaus) 190 разъ, въ Драматическомъ Театрѣ (Schauspielhaus) 219 разъ, на томъ и другомъ и въ одно и тоже время 49 разъ, въ Потсдамскомъ (Шарлотенбургскій не открывали) 19 разъ. Въ одинъ изъ дней Поста, спектакля не было, но разыгрывали, въ пользу бѣдныхъ, симфонію Моцарта и ораторію Сампсонъ, Генделя.

Французскіе спектакли въ число упомянутыхъ 409 представленій не включены. Берлинская Французская труппа пользуется отдыхомъ въ Іюлѣ, Августѣ и Сентябрѣ, а въ прочіе девять мѣсяцевъ прошлаго года. играла она три раза въ недѣлю (въ Берлинѣ 73, въ Потсдамѣ 2 раза).

Въ 1841 году, на каждые два представленія приходилось въ Берлинѣ только по двѣ піесы. Это доказываетъ, что многіе, спектакли состояли только изъ одной піесы. и служитъ къ большой похвалѣ Берлинскихъ Театровъ, потому что часто одну изъ такихъ піесъ бываетъ гораздо труднѣе поставить на сцену, чѣмъ три, какія нибудь бездѣлушки, «передѣланныя съ Французскаго,» которыя прежде крайне надоѣдали Берлинцамъ. Всѣхъ же представленій, состоявшихъ изъ одной только піесы, было въ Берлинѣ 269. (Небольшія музыкальныя сочиненія, которыя исполнялись вмѣстѣ съ этими піесами, въ счетъ принимать нельзя). Но на Французскомъ Театрѣ, благодаря его скороспѣлому репертуару, было, напротивъ того, дано 156 піесъ въ 75 спектаклей; слѣдовательно, на большую часть прошлогоднихъ спектаклей его пришлось по двѣ, а на нѣкоторые и по три піесы. Впрочемъ, дирекцію его упрекать за то не должно: причина этого заключается въ свойствѣ самаго репертуара его, девизъ котораго — новизна.

Начальство Берлинскихъ Театровъ заботилось, однако жъ, усердно, чтобы спектакли ихъ не были однообразны. Это

видно изъ того, что въ числѣ 562 піесъ, игранныхъ на нихъ, заключалось 52 трагедіи, 102 драмы (Schauspiel), 141 комедія, 69 фарсовъ, всего 364 *разговорныя* піесы; 69 большихъ оперъ, 80 малыхъ, 1 ораторія, еще 2 другихъ музыкальныхъ произведенія, всего 152 музыкальные спектакля; 41 балетъ и 5 сценическихъ живыхъ картинъ.

Но если публика должна благодарить начальство Берлинскихъ Театровъ за его прошлогоднія распоряженія, то и пишущіе для сцены должны быть также благодарны за нихъ. Чтобы доказать это, стоитъ только сказать, что число авторовъ и хореграфовъ, произведенія которыхъ игрались въ Берлинѣ въ продолженіе 1841 года, было весьма не велико въ сравнеи и съ числомъ этихъ произведеній, а именно: всего 70 авторовъ и 2 хореграфа. Слѣдовательно, піеса каждаго изъ нихъ повторялась много разъ. Въ прежнія времена, это бывало на оборотъ: тогда, по примѣру Французовъ, у которыхъ нѣсколько человѣкъ пишутъ одинъ и тотъ же водевиль, насчитывалось въ какомъ либо данномъ году почти столько же авторовъ, сколько игралось въ тотъ годъ піесъ.

Вотъ исчисленіе, изъ котораго читатели увидятъ, кто именно изъ авторовъ и какія произведенія ихъ были въ минувшемъ году наиболѣе благосклонно приняты Берлинскою публикою: *Софоклъ*, «Антигона», въ переводѣ Доннера, (въ Потсдамѣ, 2 раза); *Шиллеръ*, 8 піесъ въ томъ числѣ 6 трагедій (17 разъ) и 2 драмы (15 разъ); «Вильгельмъ Тель» одинъ 14 разъ); *Гете*, 5 піесъ (21 р.), въ томъ числѣ, одинъ «Эгмонтъ» 14 разъ; *Лессингъ*, 2 піесы (5 разъ), въ томъ числѣ «Эмилія Галотти» 2 раза; *Шредеръ*, 2 комедіи (5 разъ), въ томъ числѣ, «Листокъ-то перевернулся» 3 раза; *Шекспиръ*, 5 піесъ (10 разъ), въ томъ числѣ «Венеціянскій Купецъ» 4 раза. Принцесса Саксоская 7 піесъ, въ томъ числѣ двѣ новыя (11 представленій); *Раупахъ*, 14 піесъ (39 разъ), въ томъ числѣ новая трагедія Гоѳолія (Athalia); *Альбини*, 1 песа; (3 раза); *Анжели*, 5 піесъ, (10 представленій); *Блумъ*, 13 піесъ (35 разъ), один «Послѣдствія воспитанія» 8 разъ, въ томъ числѣ одна новинка; *Бауэрнфельдъ*, 4 піесы (5 разъ), въ томъ числѣ одна новая; *Бремель*, 1 п., (3 р.); *Бардтъ* 1 п.; *Бауманъ* 1 нов. п. («Два врача», 4 р.); *А. Космаръ* 3 піесы (22 предст.), въ томъ числѣ «Стаканъ воды» 17 разъ; *Кумберландъ* 1 піеса («Еврей», 5 представленій); Контесса 1 п. («Загадка»); *К. Деврієнтъ* 3 п. (11 разъ), въ томъ числѣ «Неизмѣнная любовь» 9 представленій; *Грильпарцеръ* 1 п. («Прародительница, 1 пред.); *Гуцковъ*, 4 п. (17 разъ), въ томъ числѣ политическая трагедія «Паткуль» 5 пред. и «Вернеръ» 10 пред.; *Германъ* (1 п.) «Voltaire's Ferien» 8 пред.; *Фр. Гальмъ* 1 п. («Гризельда», главная роль для Г-жи Гагнъ, 4 пред.); *К. Гольтей* 3 п. (8 разъ), въ томъ числѣ одна новинка; *Гольбейнъ* 1 п. («Измѣнникъ»); *Иммерманъ* 1 п. (Schelmische Gräfin); *Юнгеръ*, 1 п.; *Кохъ*, 1 п.; *Коцебу*, столь несправедливо порицаемый, 7 п., (16 пред.) въ томъ числѣ, «Das Landhaus an der Heerstrasse» 6 разъ. *Генр. Клейстъ*, Kätchen (3 пред.) и «Принцъ Гомбургскій» (4 пред.); *Кеттель* «Drei Frauen oder keine» (4 пред.); *Кларъ* «Лотерейный списокъ» (1 пред.); Лихтенштейнъ далъ одну новинка «Мачиха» (2 пред.); неутомимый передѣлыватель Французскихъ піесъ, *Лебренъ* 4 п. (7 пред.); *Лейтнеръ* «Сестры», (2 пред.); *Мальтицъ*, Leibrente», (3 пред.); *Мюльнеръ*, «Наперсники» (3 пред.); *Микшь*, «Ehestiften» (3 пред.); Нѣкто А. П. «die Cadetten» (5 пред.) и «Княжеское слово» (3 пред.); Актеръ и писатель *А. Шнейдеръ*, 3 п., (9 пред.), въ томъ числѣ, «Свадебное предложеніе» 6 разъ; сверхъ того, поставилъ онъ съ дѣв. Полинъ, такъ называемыя, «Картины» (5 пр.),

Шериданъ, «Школа злословія», (3 пред.); *Телли*, «Покойный» (8 пред.); *Тепферъ*, 4 п., (13 пред.); *Г-жа фонъ Вейсентурнъ*, 3 п. (7 пред.), въ томъ числѣ одна новая, «Уполномоченный», 5 разъ. — Сверхъ того пять неизвѣстныхъ авторовъ доставили 5 піесъ (10 пред.), въ томъ числѣ двѣ переведенныя съ Французскаго, которыя, впрочемъ, не имѣли успѣха, слѣдовательно 127 піесъ, соч. 50 авторовъ, выдержали 374 представленія: вотъ результатъ истинно утѣшительный! Въ числѣ этихъ 127 піесъ, находится только 22 фарса, между тѣмъ какъ драмъ заключается въ немъ 34, комедіи 52, трагедій 18. Вообще же изъ нихъ: 90 оригинальныхъ (245 пред.), 21 переведена съ Французскаго (85 пред.), 10 съ Англійскаго (26 пред.), 3 съ Италіянскаго (7 пред.), 1 съ Датскаго (4 пред.), 1 съ Греческаго (2 пред.) и 1—какая-то смѣсь, (5 пред.)

Изъ этого обозрѣнія видно, что теперь проходитъ уже въ Берлинѣ страсть къ эфемернымъ передѣлкамъ съ Французскаго, и что мѣсто ихъ болѣе и болѣе заступаютъ произведенія оригинальныя, Прочія же иностранныя піесы, безпрерывно возобновляемыя, получили право гражданства на тамошнихъ театрахъ. Изъ оригинальныхъ самый большій успѣхъ имѣли: «Вернеръ» (10 разъ), и «Паткуль» (5 разъ), Гуцкова; «Неизмѣнная любовь» (9 разъ), Девріента; «Старый баринъ» (Der Alte He r) Принцессы Амаліи Саксонской, «Два врача», Баумана и «Уполномоченный, Г-жи ф. Вейсентурнъ (5пред.), изъ переводныхъ: «Стаканъ воды» (17 пр.) А. Космара; «Путешественникъ и Путешественница» (17 пред.), К. Блума. Гольтея— «Онъ пишетъ самъ къ себѣ» выдержала 4 представленія. Новый балетъ Гоке «Робертъ и Бертранъ» былъ представленъ 18 разъ. «Антигона» была представлена только въ Потсдамѣ, во дворцѣ.

Теперь перейдемъ къ музыкальнымъ произведеніямъ. Наибольшій успѣхъ въ 1841 году имѣли: *Глукъ*, четыре большія оперы (9 разъ), въ томъ числѣ «Ифигенія въ Тавридѣ» 4 пред.; *Моцартъ* двѣ большія оперы (11 разъ), въ томъ числѣ «Донъ Жуанъ» 8 разъ; *Бетговенъ*, «Фиделіо» (3 раза); *Шпоръ*, «Іессонда» (2 пред.); *Веберъ*, четыре оперы (12 разъ), въ томъ числѣ «Фрейшюцъ» 7 разъ; *Спонтини*, Весталка» (пред.); *Мейерберъ*, «Робертъ діаволъ» (6 разъ); *Аданъ*, «Лонжюмоскій почтальонъ» 3 раза; *Оберъ*, три оперы, въ томъ числѣ «Озеро волшебницъ» 13 разъ; *Боаэльдье*, двѣ оперы (6 разъ); въ томъ числѣ «Бѣлая волшебница» 5 разъ; Беллини, четыре оперы (18 разъ), въ томъ числѣ Sonnanbuca 7 пред., «Норма» 6, «Ромео и Юлія—4; *Брейтенштеинъ*, «Венеціанскій капельм. 6 о.; *Донидзетти*, четыре оперы (10 разъ), въ томъ числѣ «Велизарій» 2 пред., «Паризина, на Итал. *Гутъ*, «Go'o et Jenoveva» 2 пред.; *Изуардъ*, «Нумеръ Лото», 2 пред., Кюкенъ, (*К. Блумъ*) «Бѣгство въ Швейцарію» 1 р.; *Лорцингъ*, три оперы (11 пред.); въ томъ числѣ «Гансъ Саксъ» 2 пред., *Россини* двѣ оперы (5 пред.), въ томъ числѣ «Семирамида» на Италіянскомъ языкѣ (Г-жа Паста) 2 пред.; *Шеферъ*, «Піемонтскіе пастухи» 3 раза. Всего 20 композиторовъ, 38 оперъ и 135 представленій; сверхъ того нѣсколько оперетокъ Блума и другихъ любимыхъ композиторовъ, всего же 44 музыкальныя произведенія и 149 представленій. Французскихъ водевилей вовсе даваемо не было. Слѣдовательно, еще успѣхъ!

Должно еще упомянуть, какъ о превосходномъ созданіи, объ одной музыкально-драматической вечерникѣ, въ которой изобразили развитіе Нѣмецкой оперной музыки, въ двухъ отдѣленіяхъ отъ 1741—91 и отъ 1801—41 г. Подобнаго произведенія, сколько извѣстно, небыло ни на какой другой сценѣ. Сверхъ того, въ Берлинѣ отпраздновали, въ про-

шломъ году, 50-ти-лѣтній юбилей всѣми любимой тамъ и уважаемой артистки, Г-жи Вольфъ. Для этого юбилея, Королю угодно было назначить бенефисъ, что въ Берлинѣ принадлежитъ къ числу особыхъ, рѣдкихъ милостей. Большихъ концертовъ было тамъ 12 (исполненій 17); наиболѣе замѣчательны изъ участвовавшихъ въ нихъ суть: Г-жа Паста и Г. Эрнетъ. Артистовъ, посѣтившихъ Берлинъ въ 1841 году, *въ качествѣ гостей:* было, драматическихъ артистовъ 10 (3 женщ. и 7 мужчинъ) и 25 артистовъ лирическихъ (24 пѣвицы и 1 пѣвецъ). Изъ нихъ Г-жи Тукцекъ (изъ Вѣны) и Генель (изъ Кёнигштадта) и Г. Лавальядъ (изъ Франкфурта на Майнѣ), ангажированы къ Берлинскимъ Театрамъ.

Въ заключеніе, представляемъ таблицу, изъ которой читатели увидятъ, какое вліяніе имѣли на Берлинскіе Театры времена года. Въ этой таблицѣ, какъ и слѣдуетъ, Мартъ, Апрѣль и Май отнесены къ веснѣ, Іюнь, Іюль и Августъ—къ лѣту, Сентябрь, Октябрь и Ноябрь—къ осени, а Декабрь, Январь и Февраль — къ зимѣ. Числа означаютъ представленія.

Было преставлено.	Весною.	Лѣтомъ.	Осенью.	Зимою.	1841
Трагедій	7	16	10	19	52
Драмъ и комедій	58	55	71	59	243
Фарсовъ	24	18	15	12	69
Оперъ и пр.	41	37	41	33	152
Балетовъ	13	9	13	11	46
	143	135	150	134	562

Изъ этого видно, что зимою особенно нравятся трагедіи (19), осенью—драмы и комедіи (71), весною—фарсы (24); а танцы и пѣніе почти равно нравится во всѣ времена года.

IV. СМѢСЬ.

ВѢРНОЕ СРЕДСТВО ОБЕЗОРУЖИТЬ КРИТИКУ.

Одному изъ величайшихъ Германскихъ композиторовъ, Веберу, пришла разъ странная мысль притвориться мертвымъ. Вотъ что разсказываетъ объ этой оригинальной затѣѣ одинъ короткій его пріятель.

Веберъ, какъ извѣстно, еще въ молодости, умѣлъ занять почетное мѣсто между лучшими композиторами своей родины и даже между всѣми современными ему композиторами. Творенія его, ознаменованныя печатью генія, доставили ему, еще въ молодыхъ лѣтахъ, большую извѣстность и уваженіе всѣхъ извѣстныхъ знатоковъ музыки. Но — какъ и всегда случается съ людьми талантливыми—чѣмъ болѣе мужало его дарованіе, чѣмъ громче становилась его извѣстность, тѣмъ сильнѣе возставали на него посредственность и зависть. Веберъ чрезвычайно неравнодушно переносилъ нападки критиковъ. Правда, онъ старался показывать видъ, что его нисколько не трогаютъ невыгодные отзывы рецензентовъ, однако жъ, было замѣтно, что онъ въ тайнѣ оскорблялся ими, что его мучили выходки самаго плохаго фельетониста.

Впрочемъ, мало по малу, онъ пересталъ страшиться своихъ критиковъ, за исключеніемъ только одного изъ нихъ, Мюллера, который писалъ для *Лейпцигской Газеты* статьи о лирическихъ театрахъ. Сужденія этого Мюллера имѣли въ то время большой вѣсъ, какъ между любителями, такъ и между самыми артистами. Довѣренностію этою Мюллеръ пользовался отчасти по праву: не отличаясь отъ толпы собратій своихъ вѣжливостію тона, онъ рѣзко отличался отъ нея и литературнымъ талантомъ своимъ и основательностью, своихъ музыкальныхъ сужденій. Но вмѣстѣ съ тѣмъ, онъ, въ приговорахъ своихъ, былъ иногда строгъ до несправедливости, и нерѣдко съ ожесточеніемъ, съ пристрастіемъ нападалъ на самыхъ знаменитыхъ своихъ современниковъ. Къ числу этихъ жертвъ его принадлежалъ и Веберъ: Мюллеръ, по особенному расположенію къ какому-то вовсе неизвѣстному композитору, который завидовалъ славѣ Вебера, безпрестанно старался унижать этого знаменитаго маэстро.

Веберъ долго не зналъ, какъ избавиться отъ безпрерывныхъ, ожесточенныхъ преслѣдованій Мюллера. Отвѣчать ему печатно, значило завести преніе безконечное и, что еще хуже, сознаться, что критикъ достигъ своей цѣли, что ожиданія его доходятъ до сердца. Попытаться подкупить Мюллера — значило сдѣлать неудачную попытку, потому что Мюллеръ слылъ критикомъ неподкупнымъ. На что жъ рѣшиться? Къ чему жъ прибѣгнуть? Положеніе было, въ самомъ дѣлѣ, затруднительное. Веберъ, однако жъ, выпутался изъ него слѣдующимъ образомъ.

Во время пребыванія своего въ одной деревнѣ, находящейся въ окрестностяхъ Мюнхена, онъ разослалъ въ редакціи всѣхъ Нѣмецкихъ газетъ подробное извѣстіе о смерти своей, собственноручно имъ написанное. Хитрости этой повѣрили, и извѣстіе, съ присовокупленіемъ біографиче-

скихъ статеекъ, исполненныхъ похвалъ было напечатано во всѣхъ газетахъ: наиболѣе же восторженныя похвалы Веберу появились тогда — въ *Лейпцигской Газетѣ*. Статья, въ которой превозносили Вебера до небесъ, была написана и подписана Мюллеромъ: онъ наконецъ, отдалъ этому маэстро должную справедливость, и торжественно назвалъ его царемъ Германскихъ композиторовъ.

Спустя нѣсколько дней, Веберъ принялъ мѣры къ опроверженію слуха о смерти своей, и чтобы неоспоримо убѣдить, что онъ живъ, пріѣхалъ въ Лейпцигъ.... Съ той поры Мюллеръ пересталъ унижать Вебера; мало того: послѣ представленія *Фрейшица*, который вскорѣ потомъ былъ игранъ въ первый разъ, онъ сталъ въ ряды самыхъ жаркихъ поклонниковъ своего прежняго врага.

БЮСТЪ СКРИБА.

Мастерская Дантана, который прославился своими карикатурными статуэтками, служитъ сборнымъ мѣстомъ для всѣхъ Парижскихъ знаменитостей, нерѣдко впервые встрѣчающихся въ ней лицемъ къ лицу. Не такъ давно, Скрибъ вздумалъ заказать Дантану свой бюстъ, съ тѣмъ однако же, чтобы во время *сеансовъ*, въ мастерской не было никого, кромѣ Дантана и его самого. Однажды, когда Скрибъ обѣщался быть въ два часа пополудни, явился въ мастерскую, около этого времени, другой драматическій авторъ, пріятель Дантана. Художникъ попросилъ его удалиться, зная, что встрѣча съ нимъ будетъ непріятна для Скриба. Драматургъ отвѣчалъ, что ему необходимо переговорить съ Скрибомъ о планѣ новой піесы, но Дантанъ все таки требовалъ, чтобы онъ удалился. Вдругъ, въ эту минуту, звонъ колокольчика возвѣстилъ прибытіе Скриба, и Дантанъ поспѣшилъ на встрѣчу къ своему новому, знаменитому гостю. Когда художникъ и Скрибъ вошли въ мастерскую, пріятеля Дантана въ ней уже не было. Дантанъ подумалъ, что онъ вышелъ въ другія двери.

Сеансъ длился уже около четверти часа. Скрибъ, сначала чрезвычайно унылый, веселѣлъ мало по малу, благодаря живому, остроумному разговору Дантана, и наконецъ, при какой-то забавной выходкѣ художника, расхохотался. Но вслѣдъ за тѣмъ они взглянули другъ на друга съ изумленіемъ, потому что въ одномъ углу мастерской также захохотала кукла, прикрытая пунцовою тканью, изъ-подъ которой виднѣлся одинъ только шлемъ ея, во вкусѣ Среднихъ Вѣковъ.

Дантанъ бросился къ куклѣ, сорвалъ съ нея шлемъ, и увидѣлъ — увидѣлъ лице пріятеля своего, драматурга, который прибѣгнулъ къ этой хитрости для того, чтобы, имѣть случай переговорить съ Скрибомъ. Хитрость его удалась. Развеселившійся Скрибъ охотно выслушалъ планъ новой піесы драматурга, и даже согласился написать ее вмѣстѣ съ нимъ. Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ послѣ того, піеса эта была представлена подъ названіемъ *Клермонъ, или жена Артиста*, и заслужилъ самый блестящій пріемъ. Имя драматическаго писателя, который такъ оригинально познакомился съ Скрибомъ — Эмиль Вандеркъ.

ДАРОВОЙ ВХОДЪ.

Во Франціи есть много людей, которые промышляютъ—чѣмъ бы вы думали?—похищеніемъ именъ, заслужившихъ извѣстность въ литературномъ или художественномъ мірѣ. Съ нѣкотораго времени, этотъ родъ мошенничества распространился во Франціи до того, что теперь тамъ каждый извѣстный писатель и художникъ рискуетъ, пріѣхавъ куда либо въ провинцію, или даже и въ самомъ Парижѣ, встрѣтиться лицемъ къ лицу съ двойникомъ своимъ. Впрочемъ, промышленность эта не очень нова во Франціи, и благодаря ей, нѣсколько лѣтъ тому назадъ, знаменитый композиторъ Боаэль-

дье находился разъ въ довольно странномъ положеніи. Это было вотъ какъ: Боаэльдье, получа ъ дозволеніе безденежно посѣщать Парижскій Театръ Водевилей, вздумалъ однажды воспользоваться своимъ правомъ. Когда онъ, явясь въ кассу этого театра, назвалъ себя по имени, кассиръ посмотрѣлъ на него насмѣшливо, и сказалъ въ отвѣтъ: «Вы, сударь, изволили опоздать немножко: Г. Боаэльдье ужъ девятнадцать лѣтъ бываетъ у насъ каждый вечеръ.... я имѣю честь очень хорошо знать его». Добрый композиторъ улыбнулся и заплатилъ за свой билетъ, ни сколько не потревоживъ наглеца, который столь долгое время назывался его именемъ.

—

Г-жа Бауеръ, которою мы восхищались въ Петербургѣ, на нашей Нѣмецкой сценѣ, навсегда оставляетъ сцену. Говорятъ, что она выходитъ замужъ. Во всякомъ случаѣ, это такая утрата для Дрезденскаго Театра, которую трудно будетъ заставить забыть, потому что теперь, во всей Германіи, быть можетъ, только три актрисы также хорошо играютъ роли дамъ высшаго круга, какъ играетъ ихъ Г-жа Бауеръ. — Между тѣмъ, однакоже. изъ послѣднихъ заграничныхъ газетъ видно, что она играетъ теперь, *какъ гостья*, на Кельнскомъ Театрѣ. Она заслужила тамъ самый благосклонный пріемъ въ роли Доны Діаны, и предполагала явиться въ роляхъ Гризельды, Баронессы — въ Bal zu Ellerbrunn (и для своего бенефиса) Розы — въ Герценкроновой трагедіи того же имени. Талантъ Г-жи Бауеръ, ея красота и любезность приводятъ въ восторгъ жителей Кёльна, а театру тамошнему готовятъ блистательный сборъ.

— Изъ Милана ѣдетъ къ намъ, въ Петербургъ, знаменитая пѣвица Финкъ-Лоръ (Fink-Lohr). Огромная извѣстность, которою пользуется Г-ж Финкъ-Лоръ, ручается, что артистка эта доставитъ намъ много музыкальныхъ наслажденій.

— Вильгельмъ Кунстъ праздновалъ, въ Кенигсбергѣ, 18-го прошлаго Декабря, свой двадцатипяти-лѣтній артистическій юбилей. На этомъ празднествѣ, происходившемъ въ тотъ самый день, когда Кунстъ, за 25 лѣтъ предъ тѣмъ, впервые дебютировалъ на Гамбургскомъ Театрѣ, присутствовало множество литераторовъ, артистовъ и другихъ лицъ. Праздникъ Г. Кунста, котораго вообще хвалятъ Нѣмецкія газеты, отличался особеннымъ гостепріимствомъ и изяществомъ.

НЕКРОЛОГЪ.

Александръ Дюваль.

Недавно скончался въ Парижѣ извѣстной Французскій драматическій писатель, Александръ Дюваль, избранный, за услуги, оказанныя имъ театру, въ члены Академіи. — А. Дюваль родился въ Ронинѣ, въ 1767 году, и въ молодости своей ни сколько не помышлялъ о литературномъ поприщѣ, потому что, окончивъ образованіе свое, поступилъ во флотскую службу и сдѣлалъ нѣсколько морскихъ кампаній. Затѣмъ, по окончаніи войны, онъ перешелъ въ инженеры Путей Сообщенія, но не находя и въ этой части достаточной пищи своему дѣятельному и наблюдательному уму, занялся архитектурою, изучилъ ее и даже получилъ должность при королевскихъ строеніяхъ.

Въ такомъ положеніи находился онъ при наступленіи переворотовъ 1789 года, измѣнившихъ всѣ общественныя отношенія во Франціи. Дюваль, уступая влеченію своему къ театру, вступилъ, въ 1791 году, ніяво Французскій Театръ, но черезъ годъ послѣ того, когда вся Европа угрожала Франціи, онъ, внявъ призыву отечества, поступилъ волонтеромъ въ военную службу, и участвовалъ въ первомъ походѣ революціонныхъ войнъ. Въ страшномъ 1793 году раздѣлялъ онъ заточеніе со всѣми прочими актерами Французскаго

Театра, и по освобожденіи, предался вполнѣ изученію сцены, какъ актеръ и драматическій писатель; слабость здоровья принудила его бросить званіе актера, и ограничиться литературными занятіями, которымъ онъ посвящалъ все свое свободное время.

Дюваль написалъ болѣе пятидесяти театральныхъ піесъ. Совершеннымъ знаніемъ сцены, искусствомъ, рѣдкимъ въ наше время, связывать интригу піесы, легкимъ слогомъ, комизмомъ въ разговорѣ, философіей въ мысляхъ, имя Дюваля красуется на почетномъ мѣстѣ между драматическими писатетями. Замѣчательнѣйшія изъ его піесъ: le Tyran domestique, la Fille d'Honneur и la Jeunesse de Henri V.

А. Дюваль избранъ въ Члены Академіи въ 1812 году, по смерти драматическаго писателя Легуве.

Александръ Космаръ.

Изъ Берлина пишутъ, что тамъ умеръ, 22-го Января (нов. ст), одинъ изъ дѣятельнѣйшихъ Германскихъ писателей, Александръ Космаръ. Онъ пріобрѣлъ себѣ большую извѣстность своими удачными, многочисленными передѣлками піесъ и оригинальными драматическими произведеніями; сверхъ того, онъ былъ извѣстенъ, какъ хорошій фельетонистъ и издатель газеты *Der Modenspiegel*. Космаръ умеръ отъ нервической горячки; боленъ же онъ былъ весьма недолго.

V. ДРАМАТИЧЕСКІЙ ТЕЛЕГРАФЪ.

РАЗНЫЯ ИЗВѢСТІЯ, ТОЛКИ И СЛУХИ.

Хотя концертное время у насъ еще не наступило, мы уже имѣемъ его предвкусіе. Г-жи Даморо-Чинти и Корнелія Фальконъ, прославившіяся на сценахъ Парижской Оперы, давали уже одинъ концертъ, познакомившій насъ съ ними съ самой выгодной стороны. Онѣ назначаютъ еще концерты, на которые соберутся всѣ любители музыки, не имѣвшіе случая слышать ихъ въ первомъ концертѣ. — У насъ теперь, сверхъ того, находится единственной ученикъ великаго Паганини, Г. Сивори, который произвелъ въ своемъ концертѣ невыразимый восторгъ своею игрою, совершенно сходною, въ механизмѣ, съ игрою и звуками его знаменитаго учителя. — На дняхъ услышимъ мы знаменитаго кларнетиста Бласа, которому Парижская Консерваторія присудила первую золотую медаль, и отъ котораго въ восторгѣ всѣ Европейскіе журналы. — Для любителей Русской удалой пѣсни, Московскіе Цыганы, хоръ извѣстнаго Ильи Соколова) даютъ по два раза въ недѣлю концерты, привлекающіе многочисленную публику.

— Парижскіе меломаны какъ безъ ума отъ новаго музыкальнаго произведенія Россини — величественнаго Stabat Mater, исполняемаго тамъ на Италіянскомъ Театрѣ всѣми лучшими артистами этой труппы.

ПАРИЖСКІЕ ТЕАТРЫ.

Théâtre de l'Opéra Comique. *Le diable a l'école*, опера въ одномъ дѣйствіи, слова Скриба, музыка Буланже. Основная идея этой оперетки не могла не возбудить во всей силѣ изобрѣтательнаго воображенія неутомимаго Скриба. Діаволъ, по прозвищу Бабиласъ, или Вавила, какой-то простачекъ, котораго Сатана посылаетъ на землю для изученія своего ремесла. Бабиласъ является для этого во Францію, гдѣ навѣрное онъ изощрится во всѣхъ возможныхъ хитростяхъ и плутняхъ; такъ, по крайней мѣрѣ, полагаетъ Сатана, не будучи, впрочемъ, въ томъ совершенно увѣренъ, потому что Бабиласъ глупъ до такой степени, что даже при жизни Плутона не могъ бы служить у него вмѣсто Цербера. Для начала изученія чертовскихъ продѣлокъ, Бабиласъ откупаетъ должность прокурора — во Франціи. Изъ этого уже видно, что онъ еще не совсѣмъ глупъ. Путешествія сильно содѣйствуютъ къ образованію юношества, но по несчастію онъ встрѣчается съ женщиною, и притомъ разумѣется кокеткою: нашъ прокуроръ разоренъ! Но — крайность и бѣдность, пробудившія геній Горація, пробуждаютъ умъ и у демона: въ самомъ дѣлѣ, Бабиласъ дѣлается разумнымъ въ ту самую минуту, какъ его ведутъ — на висѣлицу. Бабиласъ отъ этого опять таки безъ ума. Но, вѣдь чорта вѣшай сколько хочешь, ему это ни по чемъ, и нашъ Бабиласъ, высвободивъ голову изъ петли, отправляется прямо въ игорный домъ. Тутъ застаетъ онъ моло-

даго Венеціянскаго дворянина Стеніо, который, въ крайней невинности, ставитъ все свое имущество на карту, противъ сорванца съ висѣлицы. Бабиласъ обыгрываетъ его, и Стеніо, въ отчаяніи, хочетъ утопиться; но Бабиласъ предлагаетъ ему сдѣлку, за которую Стеніо обязуется предаться ему въ жертву. — «Отдаю тебѣ все свое имущество,» говоритъ ему Бабиласъ, «и награжу тебя еще болѣе, если черезъ годъ, считая отъ нынѣшняго числа, ты отдашь мнѣ жизнь твою!» — Стеніо принимаетъ это предложеніе, и вступаетъ вновь во владѣніе богатыми палатами своими, въ которыхъ находитъ молодую и прелестную собою камеристку, Фламму, ожидавшую его со слезами. Фламма любитъ, въ тайнѣ, своего господина. Проходитъ годъ, и Бабиласъ является за своею жертвою. Но Фламма, знающая про страшную сдѣлку съ чортомъ, предлагаетъ Бабиласу свою душу, въ замѣнъ души Стеніо. Предложеніе это нравится черту, и въ ту самую минуту, какъ онъ уже готовится торжествовать, вострушка Фламма вывертывается хитрою выдумкою, и чортъ принужденъ бѣжать на легкѣ, безъ всякой жертвы. — Сюжетъ, обработанный съ обычнымъ искусствомъ Скриба, представлялъ композитору богатое поле для развитія музыкальнаго воображенія. Въ этой піескѣ есть и слезы и смѣхъ, и сила и грація; въ ней соединены всѣ роды, всѣ контрасты, и молодой композиторъ умѣлъ воспользоваться этими преимуществами съ такимъ искусствомъ, что съ перваго произведенія своего сталъ на почетное мѣсто между нынѣшними музыкантами.

Second Théâtre Français (Odéon). *L une pour l'autre.* (*Одна за другую*) — небольшая комедія безъ претензій, но полная веселости. Дѣло идетъ, разумѣется, о двухъ женщинахъ, изъ которыхъ одна вдова, а другая замужемъ; разумѣется также, что въ это дѣло замѣшаны и двое мужчинъ. Между тѣмъ какъ одинъ изъ нихъ строитъ куры *одной*, другой любезничаетъ съ *другою*. *Одна* изъ нихъ сестра Г-на Бернара, *другая* его жена. Добрый Г. Бернаръ прекрасно принимаетъ у себя пріятеля жены своей, полагая, что онъ влюбленъ въ сестру, и охотно, изъ любви къ женѣ своей, выпроводилъ бы другаго, настоящаго вздыхателя по сестрѣ, если бы ему только то позволили. Это маленькое *имброліо*, развязывающееся очень натурально самопожертвованіемъ *одной за другую*, понравилось публикѣ.

Théâtre du Panthéon. *Les Physiologies.* Кому не извѣстны *физіологіею?* Подъ этимъ заглавіемъ выходятъ въ Парижѣ крошечныя книжки, украшенныя бойкими гравюрами на деревѣ, и заключающія въ себѣ характеристическіе очерки. Чего? спросите вы. Всего. Съ тѣхъ поръ, какъ въ литературномъ мірѣ обратили на себя вниманіе *Физіологія вкуса*, соч. Брилья Саварена, и *Физіологія Женитьбы*, соч. Бальзака, все на свѣтѣ сдѣлалось предметомъ физіологіи. Есть физіологія влюбленныхъ, физіологія гризетки, физіологія женатаго человѣка (написанная Поль-де-Кокомъ), физіологія національнаго гвардейца, портнаго, школьника, и пр. и пр. Такой успѣхъ физіологій не могъ не обратить на себя вниманія поставщиковъ піесъ на Парижскіе Театры, и, по счастію, попался въ руки людей умныхъ, которые расточили въ этой піескѣ болѣе остроумія, нежели его находится во всѣхъ скороспѣлыхъ физіологіяхъ, продающихся у насъ, въ магазинахъ Исакова и Лури.

Théâtre des Variétés. *La Chaine électrique.* (*Электрическая Цѣпь*). Водевиль въ двухъ дѣйствіяхъ, соч. Гг. и Габріеля Фредерика Тома. — Не задолго предъ симъ, одинъ молодой талантливый писатель несъ въ редакцію одного изъ политическихъ журналовъ литературный фельетонъ столбцевъ въ двѣнадцать. Дорогою встрѣчаетъ онъ водевилиста. — «Что у тебя въ боковомъ карманѣ? Проза или стихи?» — Повѣсть, любезнѣйшій! отвѣчаетъ ему литераторъ. — «Разскажи мнѣ ее, я люблю слушать.»

— По счастію, нашъ писатель любилъ разсказывать, и разсказалъ водевилисту, что въ его повѣсти живутъ мужъ съ женой, наслаждаясь семейнымъ счастіемъ; бѣда только въ томъ, что мужеенекъ любитъ иногда приволокнуться. Счастье ихъ разрушаетъ востроглазая фигурантка, на которую онъ началъ заглядываться. Весьма естественно, что это не нравится женѣ, и она, съ прозорливостью умной и любящей женщины, спрашиваетъ у легкомысленнаго мужа, вѣритъ ли онъ въ магнитизмъ? — Нѣтъ. — А я, такъ вѣрю; вѣрю даже, что между мужемъ и женою существуетъ родъ электрической или въ магнитической цѣпи, имѣющей странныя качества: она, напримѣръ, до того связываетъ ихъ взаимныя существованія, что сливаетъ ихъ во едино, особенно когда они въ разлукѣ. Тогда, все, что ощущаетъ одинъ, ощущаетъ и другой, что дѣлаетъ одинъ, тоже самое исполняетъ другой. — Я не понимаю тебя, возражаетъ ей мужъ. — Если бы ты могъ понять, оно болѣе не было бы могнитизмомъ! — Вотъ, мужу должно ѣхать въ Нормандію. Въ Руанѣ знакомится онъ съ Совѣтницею, супругою Совѣтника, и начинаетъ любезничать съ нею: онъ цѣлуетъ ея ручку, беретъ у нея букетъ, проситъ о свиданіи..... Берегись, бѣдный Совѣтникъ!.... Свиданіе обѣщано, и нашъ волокита уже готовится летѣть къ назначенному мѣсту, какъ вдругъ получаетъ письмо отъ отсутствующей жены. Читаетъ:— признаніе; покинутая жена, плача, сознается, что позволила себѣ поцѣловать ручку, позволила взять букетъ, у нее просили свиданія, и она — вообразите себѣ — назначила часъ! — Вотъ-те и разъ! восклицаетъ мужъ, и вспоминаетъ про электрическую цѣпь. Онъ дрожитъ отъ ожидающаго его счастія: если явиться на свиданіе совѣтницы—жена моя явится также; небольшая непріятность, которую я подготовляю Совѣтнику, угрожаетъ и мнѣ отъ жены моей!... Между тѣмъ, совѣтница уже является на свиданіе... Что прикажете дѣлать?

«Хорошо, хорошо! Довольно!» кричитъ водевилистъ, прерывая разскащика; «вижу чувствую, понимаю..... Хотите, по-поламъ. Какія прелестныя сценки, какую миленькую піеску можно склеить изъ вашей повѣсти, не обнародывайте ее, и передѣлаемъ-те ее вмѣстѣ... И такъ за дѣло!»

Молодой авторъ повѣрилъ водевилисту, и поступилъ очень хорошо, потому что піеска ихъ имѣла блистательный успѣхъ.

Théâtre des Folies-Dramatiques. *Marie*. Вотъ піеска прелестнѣйшая, веселая и живая въ началѣ, печальная и трогательная въ срединѣ, нравоучительная въ развязкѣ, и во все продолженіе интересная. Дѣло идетъ о женитьбѣ, о несчастной женитьбѣ, которая разстроивалась уже нѣсколько разъ, и, въ концѣ піесы, опять устроивается — отъ шляпки. Нѣкто Бенуа нашелъ, въ комнатѣ невѣсты своей, наканунѣ свадьбы, мужскую шляпу, щегольскую мужскую шляпу — какая послѣ этого свадьба! Но, по счастію, все устроивается къ лучшему, и Марія совершенно невиновна.

Théât e de l'Ambigu-Comique. *La St. Lundi*, водевиль въ трехъ актахъ—сотое повтореніе волокитствъ, бывшихъ въ модѣ во времена Регентства! Маркизъ де Люссакъ, достойный сподвижникъ Лозена, Ришелье и братіи, наскучивъ любезничать съ придворными дамами, отправляется на любовныя похожденія въ Сентъ-Антуанское Предмѣстіе, и влюбляется въ Луизу, сестру простаго ремесленника Роберта, добраго малаго, но до такой степени преданнаго спиртовымъ напиткамъ, что посвящаетъ имъ не только Воскресенье, но и Понедѣльникъ; по этому-то его и прозвали Св. Понедѣльникомъ. Люссакъ пользуется Понедѣльникомъ, и переодѣвшись также поденщикомъ, съ товарищами своими поитъ Роберта и увозитъ его сестру. У одного изъ этихъ товарищей, заснувшаго въ трактирѣ подлѣ

Роберта, находятъ списокъ заговорщиковъ противъ Регента, и въ главѣ ихъ вписанъ Люссакъ. Робертъ спѣшитъ къ Люссаку, и предлагаетъ на выборъ Бастилію или возвращеніе сестры своей. Люссакъ, разумѣется, предпочитаетъ послѣднее. Піеса очень понравилась.

Théâtre du Palais-Royal *La tante mal gardée*, водевиль Баяра—составленъ изъ воспоминаній старыхъ водевилей и между прочимъ піески l'Article 960, представленной и на Петербургской сценѣ. Племянникъ, расчитывающій на наслѣдство послѣ стараго и дряхлаго дяди, страшится, чтобы молодая супруга его дяди не порадовала дядюшку прямымъ наслѣдникомъ, и для этого употребляетъ величайшія старанія для удаленія отъ дражайшей тетушки своей всѣхъ вздыхателей и любезниковъ. Піеса не нова, но все таки забавна, хотя и длинновата.

— Г-жа Жирарденъ написала піесу: *Жидовка*. Это новое ея произведеніе скоро будетъ представлено въ Парижѣ. Главную роль въ немъ исполнитъ Г-жа Рашель.

— Между прочими новостями Парижскихъ Театровъ можно упомянуть о довольно важной, не мало поразившей всѣхъ — что Рашель освистана въ роли Хименъ, въ трагедіи Корнеля: Сидъ. И такъ звѣзда Рашели меркнетъ. Свистъ въ Парижѣ, на сценѣ Французскаго Театра — не бездѣлица. На томъ же театрѣ играли, въ первый разъ по возобновленіи, комедію Седена: le Philosophe sans le savoir.

— Послѣдніе театральные журналы извѣщаютъ еще о слѣдующихъ новыхъ піесахъ, игранныхъ въ Парижѣ, въ послѣднихъ числахъ Января: на Театрѣ Водевиля: le Grand Palatin, вод. въ трехъ дѣйствіяхъ, весь основанный на каламбурахъ Арналя и Лепентра мл,; на Театрѣ des Variétés: le Bas-bleu, въ одномъ актѣ, въ которомъ комикъ Левассоръ играетъ четыре роли; на Театрѣ Ambigu: Nicolas Nickleby, мелодрама въ шести картинахъ, взятая изъ моднаго романа Ч. Дикенса.

— На Лондонскихъ театрахъ, въ послѣднее время, были играны въ первый разъ и заслужили наиболѣе благосклонный пріемъ слѣдующія піесы: *Jack Cadeo Lord of London Stone*, пантомима, въ которой дѣлаютъ смотръ замѣчательнѣйшимъ прошлогоднимъ происшествіямъ; *Guy, Earl of Warwik, or Harlequin and the Dun Cow*, тоже пантомима, особенно отличающаяся великолѣпіемъ своихъ декорацій; *The World of Dreams, or the man of the moon*; *Barnaby Rudge*, содержаніе которой изложено въ статьѣ, Лондонскихъ Театрахъ, напечатанной въ нынѣшней книжкѣ Репертуара и Пантеона; *Riddle*, пантомима же, которую Лондонскія газеты называютъ «достойною столицы»; *Madame Lafarge*, драма съ эффектными сценами и *Harlequin and the King of the Aerian Islands*, пантомима.

— Въ Берлинѣ была дана, въ началѣ Января трагедія К. Вердера, *Колумбъ*. Берлинскія періодическія изданія, однако жъ, не очень хвалятъ ее. «Фоссова Газета» утверждаетъ, что этотъ Колумбъ новаго драматическаго міра не откроетъ.

— Рейсигеръ написалъ новую оперу. Она называется Adèle de Foix. О постановкѣ ея еще ничего не слышно.

— Новая опера Конрадина Крейцера, *Два Фигаро* была дана въ Кёльнѣ съ большимъ успѣхомъ. Многіе нумера ея были приняты съ величайшимъ восторгомъ и, по общему требованію, повторены. Композитора вызвали и осыпали рукоплесканіями. Либрето этой оперы — оно написано Г. Трейтчке (Treitschke)—отличается правильнымъ, живымъ языкомъ. Слышно также много хорошаго о другой новой оперѣ Крейцера, *der Edelknabe und das Armband*, которая будетъ скоро представлена въ Кёльнѣ.

— *Кавалеръ де Сенъ-Жоржъ*, драма, которую даютъ и на здѣшней Французской сценѣ, была играна, недавно, въ переводѣ на Нѣмецкій языкъ, подъ заглавi-

сенъ *Der Mulatte*, въ Вѣнѣ. Она имѣла тамъ успѣхъ.

— На Іосефштадскомъ Театрѣ въ Вѣнѣ было дано недавно Г-мъ Розе (изъ Мона) представленіе, состоявшее изъ *подвижныхъ группъ*. Изъ числа ихъ особенно понравились публикѣ: Похищеніе Сабинянокъ, Ромулъ и атлетическія группы. Г. Розе и сотрудники его, скульпторы, были единодушно вызваны, по окончаніи спектакля.

— Въ Вѣнѣ, на Леопольдштадскомъ Театрѣ, давали, не безъ успѣха, въ первый разъ, фантастическую піесу съ пѣніемъ, подъ названіемъ *Живыя Розы, или необыкновенное приключеніе*. Особенно хвалятъ декорацію этой піесы.

— Въ Вѣнѣ, 31-го прошлаго Декабря (н. ст.), была дана въ первый разъ комедія Бульвера *Деньги*, переведенная на Нѣмецкій языкъ Фридрихомъ Кейзеромъ. Піеса эта была принята Вѣнскою публикою съ большимъ одобреніемъ. Г. Кейзера вызывали послѣ каждаго акта.

— Изъ послѣднихъ заграничныхъ извѣстій видно, что въ Вѣнѣ становятъ на сцену драму (съ прологомъ) *Землетрясеніе*, выдержавшую 120 представленій въ Парижѣ. Надъ переводомъ этой піесы на Нѣмецкій языкъ трудилась рука опытная; роли въ ней розданы въ Вѣнѣ лучшимъ артистамъ; слѣдовательно и въ этомъ городѣ ожидаетъ ее блестящій успѣхъ.

— Въ Мюнхенѣ даны недавно, въ первый разъ, и приняты весьма благосклонно: *Смерть, или Чудный докторъ*, сценическая шутка К. Гафнера, и *die Macht des Augenblicks*, драма въ двухъ отдѣленіяхъ, А. Гейгеля.

— Лудвигъ Тикъ объявилъ, что комедія *Рококо*, доставленная дирекціи Дрезденскаго Придворнаго Театра отъ Генриха Лаубе, произведеніе превосходное. Она скоро будетъ представлена.

— Въ Штутгардскомъ Королевскомъ Театрѣ царствуетъ величайшая дѣятельность. Репертуаръ его нынѣ весьма богатъ классическими піесами. Недавно былъ игранъ на немъ *Путешествующій сынокъ*, Л. Фельдмана. Этотъ же писатель отдалъ на сцену его свои *Виани*, которыя имѣли успѣхъ, равно какъ и піески *На здоровье!* (Zur Gesundheit), Бенони, и *Несчастія*, Ринглера. Молодая пѣвица Миттермайеръ, весьма любимая въ Карлсруэ, приглашена въ Штутгардтъ на нѣсколько ролей.

— Сабина Гейнефеттеръ играетъ теперь, als Gast, роли въ Гамбургѣ; первымъ дебютомъ ея въ этомъ городѣ была роль Ромео, въ Капулетти и Монтеки, Беллини.

— Новая піеса Девріента, *Неизмѣнная любовь*, была играна недавно въ Гамбургѣ, и имѣла большой успѣхъ.

— На Италіянскихъ Театрахъ, въ послѣднее время, имѣли успѣхъ слѣдующіе балеты: въ Бресчіи *Il naufragio felice* (Счастливое кораблекрушеніе), Фабри; въ Наварѣ — *I riti indiani* (Индѣйскія религіозныя обыкновенія), Фурки; и въ Піаченцѣ — *Il Duca di Argyle*, Сканавино.— Балетъ Віотти *Maria dIngbilterra*. (Марія, Королева Англійская), недавно представленный въ первый разъ въ Венеціи, большаго успѣха не имѣлъ.

— Во Флоренціи теперь пять театровъ, находящихся въ полной дѣятельности. На четырехъ изъ нихъ даются только оперы, а на пятомъ трагедіи и комедіи. Флорентинцы теперь съ ума сходятъ отъ Донидзетти: они называютъ его вѣчнымъ.

— Миланскій Карнавалъ начался съ 26-го Декабря, новою оперою Донидзетти, написанною именно для Милана. Опера эта составляетъ 63-ю драматическую партицію этого композитора. Для этого новаго произведенія была ангажирована лучшая пѣвица Германіи, Софія Лёве. И маэстро и пѣвица заслужили общее, несомнѣнное одобреніе. Новая опера, *Марія-Падилья* (Maria Padilla), уже имѣла, до 30-го Декабря, три представле-

нія, въ которыя вызывали композитора по четырнадцати и по семнадцати разъ. Сверхъ того, ему пожалованъ новый знакъ отличія, уже третій орденъ.

— Доницетти пишетъ нынѣ, сверхъ того, новую оперу для Вѣнскаго Италіянскаго Театра. Въ этой оперѣ будетъ дебютировать на тамошней сценѣ Парижскій пѣвецъ Деривисъ, изучающій нынѣ въ Миланѣ Италіянскую методу пѣнія у лучшаго учителя пѣнія, Ламперти.

— На Мадритскомъ Театрѣ del Principe имѣла огромный успѣхъ опера Испанскаго композитора Эславы, *Il solitario* (пустынникъ). Въ *Castelano*, въ которомъ отдаютъ подробный отчетъ о представленіи этой оперы, предсказываютъ ей самый блистательный пріемъ на заграничныхъ сценахъ.

VI. АФИША.

ПЕТЕРБУРГСКІЕ ТЕАТРЫ.

1842. Январь.	Въ какомъ театрѣ.	Спектакли.	Посѣтителей.	Каретъ.	Прочихъ экипажей.
1 Четв.	Алекс.	Ревизоръ — Новички въ любви — Дѣдушкины Попугаи.	850	4	28
	Больш.	Любовное Зелье, опера.	245	8	16
	Мих.	Une faute — Les deux Voleurs — Mon ami Pierrot. ,	240	42	18
2 Пятн.	Алекс.	Велизарій, др., Мужъ, Жена и знатный другъ, вод.	950	8	15
	Больш.	1-е дѣйств. оперы Женни — Воспитанница Амура .	535	83	29
	Мих.	Die Jäger, kom.	440	29	18
3 Суб.	Алекс.	Пурсоньякъ Фалалей, вод. — Въ людяхъ ангелъ — не жена, вод. — Комедія съ дядюшкой, вод. . .	850	43	23
	Больш.	Die Familien Capuletti und Montechi, опера	425	16	9
	Мих.	Le Chevalier de St. Georges, dr.-y. — Les Saltimbanques.	490	70	19
4 Воск.	Алекс.	Параша Сибирячка, др. — Жена Кавалериста, вод. — Елена, или Она за мужемъ, вод.	1450	15	23
	Больш.	Аскольдова Могила, опера.	675	27	85
	Мих.	Die Kreuzfahrer, Schauspiel.	580	9	19
6 Втори.	Алекс.	Сардамскій корабельный мастеръ; др. — Мнимый больной, ком. — Его Превосходительство, вод. — Хороша и дурна, вод.	750	17	11
	Больш.	1-е, 2-е, и 3-е д. оперы Аскольдова Могила. . . .	275	7	31
	Мих.	Le Conseiller rapporteur, com. — La Meunière de Marly, vaud. — Un Monsieur et une dame, vaud.	460	95	35
7 Сред.	Алекс.	Левъ Гурычъ и Ульяна Осиповна Синичкины, или Онъ у ней первый, а она у него вторая, ком.-вод. — Эсмеральда, или Четыре рода любви, драма. . .	1550	30	20
	Больш.	Дая, или Португальцы въ Индіи, балетъ.	615	50	30
	Мих.	Das Majorat von Rossitten, dram. Gedicht.	230	6	17
8 Четв.	Алекс.	Отецъ и дочь, др. — Стряпчій подъ столомъ, вод..	850	40	18
	Больш.	Robert der Teufel, gr. Oper.	265	11	17
	Мих.	Les deux manières, com.-vaud. — Bocquet père et fils, ou Le chemin le plus long, vaud.	330	45	20
9 Пятн.	Алекс.	Левъ Гурычъ и Ульяна Осиповна Синичкины, или Онъ у ней первый, а она у него вторая, ком.-вод. — Эсмеральда, или Четыре рода любви драм. — Алый башмачекъ.	1500	31	40
	Больш.	Озеро волшебницъ, балетъ	785	74	36
	Мих.	Le Bourgeois gentilhomme, com. — Deux pages de Bassompierre, vaud	740	125	37
10 Суб.	Алекс.	Тартюфъ, ком. — Комедія съ дядюшкой, или Новые портреты съ натуры, оригин. опер.-вод.	960	15	70
	Больш.	Fra Diavolo, oder das Gasthaus zu Terracina, kom. Oper. — Донъ Жуанъ, или Пораженный безбожникъ, бал.	653	34	76
	Мих.	Le jeune mari, com. — Le Cabaret de Lustucru, vaud. — Une Passion, ou La romantismomanie, actualité. . .	490	80	46

1842. Январ.	Въ какомъ театрѣ.	Спектакли.	Посѣтителей	Каретъ.	Прочихъ экипажей.
11 Воск.	Алекс.	Недоросль, ком. — Дѣдушка Русскаго флота. Ист. быль. — Чиновникъ по особымъ порученіямъ, вод.	850	21	46
	Больш.	Аскольдова могила, оп.	650	18	9
	Мих.	Der Fabrikant, Sch. Fröhlich.	730	16	19
12 Понед.	Алекс.	Отецъ и дочь, драма. — Катерина, или золотой крестикъ, ком. вод.	750	38	40
	Больш.	Влюбленная баядерка, опера	726	40	90
	Мих.	Die Ahnfrau, Trausp.	185	8	12
13 Вторн.	Алекс.	Кеттли, оп. — Урокъ дочкамъ, ком. — Знакомые незнакомцы, вод. Два отца и два купца, вод.	525	8	12
	Мих.	Le Caporal et la Payse, vaud. — Les Deux Pages de Bassompierre, vaud. — Tiridate, vaud. — Moiroud et Compagnie, vaud.	460	87	95
14 Сред.	Алекс.	Двумужница, или За чѣмъ пойдешь, то и найдешь, драма, Дѣдушкины попугаи, водевиль	650	14	17
	Больш.	Озеро волшебницъ, балетъ.	750	70	18
	Мих.	Erste Liebelei und erste Liebe, Lust. — Der Maurer und der Schlosser. komische Oper.	670	32	30
15 Четв.	Алекс.	Сбритая борода, ком. — Левъ Гурычъ и Ульяна Осиповна Синичкины, вод. — Мирандолина, ком.	650	29	36
	Больш.	Аскольдова могила, оп.	275	14	26
	Мих.	Le Gamin de Paris, vaud, Mérinos, vaud.	560	71	35
16 Пятн.	Алекс.	Отецъ и дочь, др. — Жена, какихъ много, и мужъ, какихъ мало, вод. — Хочу быть актрисой, вод.	950	33	10
	Больш.	Влюбленная баядерка, опера.	725	33	17
	Мих.	Тартюфъ, ком. — Вотъ что значитъ влюбиться въ актрису, вод. — Семейныя дѣла, вод.	340	13	27
17 Суб.	Алекс.	Гамлетъ, Принцъ Датскій, драма.	525	16	20
	Мих.	Le Malade imaginaire, comédie. La Cérémonie latine. Le Femmes entr'elles, ou La jeune prude, comédie Le Ietador, comédie.	400	90	40
18 Воск.	Алекс.	Разбойники, тр. — Пурсоньякъ Фалалей, вод.	750	10	13
	Больш.	Тоска по родинѣ, опера.	215	7	10
	Мих.	Michel Perrin, Lust. Die Müllerin von Marly, Oper	440	7	16
19 Понед.	Алекс.	Симонъ Сиротинка, вод. — Римскій боецъ др. Папелъ Павловичъ съ супругой, ком.	1450	47	32
	Больш.	Гитана, бал.	615	43	71
	Мих.	Erste Liebelei und erste Liebe, Lusts. Der Maurer und der Schlosser, Oper.	540	20	19
20 Вторн.	Алекс.	Левъ Гурычъ и Ульяна Осиповна Синичкины, вод. Комедія съ дядюшкой, вод. — Знакомые незнакомцы, вод. — Счастіе лучше богатства, вод.	750	26	13
	Больш.	Сорока воровка, опера	275	11	18
	Мих.	Les femmes entre' elles, La famille Riquebourg, vaud. Le Ietador, Passé minuit.	420	95	39
21 Сред.	Алекс.	Римскій боецъ, траг. Чудакъ покойникъ, вод.	350	30	12
	Мих.	Don Carlos, Infant von Spanien, Trauersp	130	9	7
22 Четв.	Алекс.	Отецъ и дочь, драма. — Любовныя записки мужа, в. Мельничиха въ Марли вод.	980	28	30
	Мих.	Les deux valeurs, op. La Meunière de Marly, vaud. Trois coeurs de femmes vaud.	807	160	40
23 Пятн.	Алекс.	Эдипъ въ Аѳинахъ, траг. — Левъ Гурычъ Синичкинъ, вод.	650	19	14
	Мих.	Мизантропъ, ком. — Артистъ, вод.	640	58	18
24 Суб.	Алекс.	Римскій боецъ, траг. — 17 и 50 лѣтъ, вод.	622	28	31
	Мих.	Une Chaine, com. — L'aveugle et son bâton, vaud.	540	73	41
25 Воск.	Алекс.	Честь или Смерть, др. — Смѣлый по приказу, вод.	750	17	48
	Больш.	Аскольдова могила, опера.	470	13	27
	Мих.	Die beiden Galeerensklaven, dram. — Fröhlich vaud.	334	12	7

1842. Январь.	На какомъ театрѣ.	Спектакли.	Поступ. зрителей.	Кассъ.	Прочихъ расходъ.
26 Понед.	Алекс.	Пожилая дѣвушка, вод. — Павелъ Павловичъ съ супругою, ком. — Симонъ Спротника, вод. — Приключеніе на Искусственныхъ водахъ, водевиль.	600	19	20
	Больш.	Герта, повелительница Эльфридъ, бал. 1-е дѣйствіе оперы: Любовный напитокъ.	1117	151	75
	Мих.	Заколдованный домъ, траг. Покойная ночь, водв.	280	15	10
27 Втори.	Алекс.	Римскій боецъ, трагедія. Недоросль. комед.	950	35	13
	Мих.	Une Chaine, com. Manche à Manche, vaud.	540	97	35
28 Сред.	Алекс.	Юрій Милославскій, романтич. представленіе.	623	6	18
	Больш.	Герта, бал. 1-е дѣйствіе оп. Любовный Напитокъ.	1135	115	59
	Мих.	Die Vorleserin, Schau. Das Fest der Handwerker, Vaud.	280	12	25
29 Четв.	Алекс.	Мизантропъ, ком. Восные граждане, водевиль.	625	19	41
	Мих.	La fille de Dominique, vaud. — L'aveugle et son bâton vaud. — La Permission de dix heures — La mère et l'enfant se portent bien, vaud.	365	57	32
30 Пятн.	Алекс.	Левъ Гурычъ и Ульяна Осиповна Синичкины, вод. Студентъ, артистъ и пр. вод. — Первая любовь, вод. Кумъ Иванъ. др.	625	25	30
	Больш.	1-е дѣйствіе изъ оперы Цампа. — Герта, бал.	1175	140	35
	Мих.	Князь, ком. — Ложа перваго яруса, вод.	430	27	12
31 Суб.	Больш.	1-е дѣйствіе оперы Fra-Diavolo. — Герта, балетъ.	2011	98	40
	Мих.	Le Malade imaginaire, com. — Trois oeufs dans un panier, vaud. — Le Commis et la Grisette. vaud.	056	49	25

МОСКОВСКІЕ ТЕАТРЫ.

1842. Январь.	На какомъ театрѣ.	Спектакли.
1 Четвер.	Больш.	Фаворитка, опера въ 4 дѣйст. Волшебная флейта, бал. въ 1 дѣйст.
2 Пятн.	—	Каспаръ Гаузеръ, драм. въ 4 дѣйст. — Женихъ на расхватъ вод. въ 1 дѣйст. — Имянины помѣщика, пит, въ 1 дѣйст.
	—	Возстаніе въ Сераль, 18 пред. бал. въ 3 дѣйст. — Узкіе башмаки вод. въ 1 д.
3 Собот.	Мал.	Un premier amour vaud. 3 act. Sans tambour ni trompette, vaud. 1 act.
4 Воскр.	Больш.	Двоеужница, драм. въ 5 дѣйст. — Татьяна прекрасная, пит. въ 1 дѣйс.
	Мал.	La nouvelle Fanchon, vaud. 5 act. La chatte, vaud. en 1 act.
6 Втори.	Больш.	Аскалонова могила, опера въ 4 дѣйст.
7 Сред.	—	Безумная, драм. въ 1 дѣйст. — Русскій человѣкъ добро помнитъ, драм. въ 1 дѣйст. — Синичкины, вод. въ 5 карт.
	Мал.	Manche à manche, vaud. 1 ac. Elle est folle, vaud. 2 act. Les économies de Cabochard, interm. 1 act.
8 Четвер.	Больш.	Стрѣлокъ. опера въ 3 дѣйст. — Ужасъ, вод. въ 1 дѣйст.
9 Пятн.	—	Князь Серебряный, драм. въ 4 дѣйст. — Антрактъ. — Вотъ что значитъ влюбиться въ актрису, вод. въ 1 дѣйст. — Комедія съ дядюшкой, вод. въ 1 дѣйст. диверт.
10 Субот.	Мал.	La nouvelle Fanchon, vaud. 5 act. — L'amour en commandite, vaud. 1 act.
11 Воскр.	Больш.	Король Лиръ, траг. въ 5 дѣйст. — Затюшка, вод. въ 1 дѣйст. — Цампа, опера въ 3 дѣйст.
12 Понед.	—	
13 Втори.	—	Два Учителя вод. въ 1 дѣйст. — Симонъ Спротника. вод. въ 1 дѣйст. — Гусар. стоянка, драм. въ 1 дѣйст.

1842. Январь.	На какомъ театрѣ.	Спектакли.
	—	Купцен. дитя, не влюбляйся въ актрису. Ком. съ дядюшкой.
14 Сред.	Мал.	Mme de Croustignac, vaud. 2 act. La chatte, vaud. 1 act. — Un bal du grand monde, vaud. 1 act.
15 Четв.	Больш.	Маріл, опера въ 3 дѣйст. — Дѣвушка Гусаръ, вод. въ 1 дѣйст. — Барская спѣсь, вод. въ 1 дѣйст. — Фортункинъ, вод. въ 1 дѣйст. — Приключеніе на водахъ, — Возвращеніе изъ Франціи.
16 Пятн.	—	
17 Субот.	Мал.	Arthur, vaud. en 2 actes — La dette à la bamboche, vaud. 1 acte.
18 Воскр.	Больш.	Костром. лѣса, драм. въ 2 дѣй. — Дѣвушка Гусаръ, вод. въ 1 дѣйств. — Праздникъ жатвы, дивер.
19 Понед.	—	Мельникъ, ком. въ 1. дѣй. Синичкинъ, вод. въ 5 дѣй. Дивер.
20 Втори.	—	Въ людяхъ ангелъ, вод. въ 3 дѣй. Фортункинъ, вод. въ 1 дѣй. Танцы.
21 Сред.	—	Возвращ. изъ Франціи, др. въ 1 дѣй. Барская спѣсь, вод. въ 1 дѣй. Приключеніе на водахъ, вод. въ 2 дѣй.
	Мал.	Франц.
22 Чет.	Больш.	Дѣва Дуная бал. въ 2 дѣй. — Нѣмой по неволѣ, вод. въ 1 дѣй. — Кумъ Иванъ, др. въ 2 д. Жизнь за жизнь, др. въ 4 дѣй. — Чудакъ покойникъ, вод. въ 1 дѣй. дивер.
23 Пятн.	—	
24 Субот.	Мал.	Франц.
25 Воскр.	Больш.	Смерть или честь, драм. въ 5 дѣй. Дивер.
	Мал.	Фран.
26 Понед.	Больш.	Фаворитка, опер. въ 4 дѣй.
27 Втори.	—	Мужъ мальчикъ, вод. въ 2 д. — Въ тихомъ омутѣ, вод. въ 1 дѣйст. Комедія съ дядюшкой, вод. въ 1 д.
28 Сред.	—	Кумъ Иванъ, др. въ 2 дѣй. Жизнь за жизнь, др. въ 4 дѣй. Чудакъ покойникъ, вод. въ 1 дѣй.
	Мал.	Франц.
29 Четвер.	—	Фра-Діаволо, опер. въ 3 дѣй. Дивер.
30 Пятн.	Больш.	Новый Отелло, ком. въ 1 дѣй.
	Мал.	Вотъ такъ шалуны! вод. въ 3 дѣй.
31 Субот.		Франц.

ПОПРАВКИ.

По отпечатаніи первыхъ листовъ нынѣшней книжки «Репертуара и Пантеона» замѣчены слѣдующія опечатки:

На стр. 9-й, во второмъ столбцѣ, въ строкѣ 23-й, послѣ словъ: «Въ оперѣ», должно прибавить слова: «Мой другъ!»

На стр. 11-й, во второй строкѣ, вмѣсто:

«Если черезъ письмо, черезъ побѣду,» должно читать: «Если этимъ письмомъ, этою побѣдою.»

На стр 12-й, во второмъ столбцѣ, въ 18-й строкѣ, вмѣсто: «литература,» читай: «литература.»

На стр. 21-й, при означеніи декораціи втораго дѣйствія, читай не *Жано-Жерменское Предмѣстье*, а *Сенъ-Жерменское Предмѣстье*.

РЕПЕРТУАРЪ

РУССКАГО

И

ПАНТЕОНЪ

ВСѢХЪ ЕВРОПЕЙСКИХЪ

ТЕАТРОВЪ,

НА 1842 ГОДЪ

ИЗДАВАЕМЫЙ

И. Песоцкимъ.

БИБЛИОТЕКА
А. А. ЕЛИСЕЕВА

IV.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.
1842.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ,

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлено было въ Цензурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ.

Санктпетербургъ, Февраля 14 дня 1842 года.

Цензоры: *П. Корсаковъ.*

ПЕЧАТАНО ВЪ ТИПОГРАФІИ Н. ГРЕЧА.

I. ДРАМАТИЧЕСКІЯ ПРОИЗВЕДЕНІЯ.

ПРИКЛЮЧЕНІЕ,

НА ИСКУССТВЕННЫХЪ ВОДАХЪ,

или

ЧТО У КОГО БОЛИТЪ, ТОТЪ О ТОМЪ И ГОВОРИТЪ.

(BOSQUET PÈRE ET FILS).

Водевиль въ двухъ дѣйствіяхъ, передѣланный съ Французскаго П. А. Каратигиномъ.

Представленъ въ первый разъ на Александринскомъ Театрѣ, 10-го Сентября 1841 года.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА.

Александръ Савичъ Гусевъ.
Олинька, дочь его.
Варвара Алексѣевна, ея пріятельница.
Дмитрій Павловичъ Городской, отставный штабсъ-ротмистръ.
Евгеній Сергѣевичъ Квитскій.
Иванъ, слуга на водахъ.

Дѣйствіе въ Кіевѣ, на минеральныхъ водахъ.

ДѢЙСТВІЕ ПЕРВОЕ.

Театръ представляетъ общую комнату въ гостиницѣ на водахъ, на сторонѣ столъ съ письменнымъ приборомъ.

ЯВЛЕНІЕ I.

Квитскій и Иванъ.

Иванъ.

Ваша комната будетъ сейчасъ приготовлена.

Квитскій.

Хорошо, я подожду здѣсь. Ну, что, много у васъ живетъ на водахъ?

Иванъ.

Слава Богу-съ, довольно.

Квитскій.

И больныхъ много?

Иванъ.

Дай Богъ здоровья докторамъ, очень порядочно; то и дѣло прибываютъ. Здѣшніе доктора говорятъ, что наши искусственныя воды лучше настоящихъ.

Квитскій.

Да ваши доктора-то настоящіе или искусственные?

Иванъ.

Очень искусные; поятъ чистой водой, а въ мутной рыбу ловятъ.

Квитскій.

О, да ты, я вижу, философъ.

Иванъ.

Изъ вольноотпущенныхъ-съ. Мой прежній господинъ былъ винный торговецъ; я находился у него прикащикомъ... тамъ отпускалъ вино съ водой, а здѣсь подаю невинную воду... Нынче она въ большомъ употребленіи.

Квитскій.

Да, благодаря новой методѣ.

№ 1.

Сперва лекарствами поили,
Тперь леченья родъ другой:
Кому лекарства насолили,
Того пошлютъ на водопой.
Когда жъ и это не поможетъ —
Умоитъ руки врачъ иной —
И всю вину на воду сложитъ
И выйдетъ изъ воды сухой.

Иванъ.

Справедливо, сударь, справедливо: черный народъ по старому лечится виномъ, а господа, по новому, пользуются водицей.

Квитскій.

Прекрасно, ты шутникъ не изъ послѣднихъ.

Иванъ.

Наше холопское дѣло; что слышишь отъ господъ, то и врешь.

Квитскій.

Ну, на этотъ разъ довольно... Скажика мнѣ, не у васъ ли стоитъ Г. Гусевъ?

Иванъ.

Александръ Савичъ?

Квитскій.

Да.

Иванъ.

Онъ теперь лежитъ, послѣ холодной ванны.

Квитскій.

Что же, онъ въ самомъ дѣлѣ боленъ?

Иванъ.

Какъ же, сударь, ипохондріей и несвареніемъ желудка; и точно, начнетъ завтракать — словно обѣдаетъ, а сядетъ обѣдать — будто не завтракалъ.

Квитскій.

Ну, а дочка его?

Иванъ.

Гуляетъ по саду — прехорошенькая, и скромница такая, водой не замутишь.

Квитскій (въ сторону).

Такъ она точно хорошенькая; прекрасно.

Иванъ.

Вотъ хъ комната.

Квитскій.

Тутъ?

Иванъ.

Нѣтъ-съ, вотъ здѣсь, № 12. (*Слышенъ колокольчикъ*). Сейчасъ.... сію минуту. Какой воды прикажете принести, холодной или горячей?

Квитскій.

Шампанскаго со льдомъ, только послѣ.

—

ЯВЛЕНІЕ II.

Тѣ же и Гусевъ.

Иванъ.

Вотъ и онъ, сударь.

Квитскій.

Кто, Александръ Савичъ?

Иванъ.

Да, сударь.

Гусевъ.

Иванъ! поскорѣе принеси двѣ кружки воды, горячую и холодную.... Ну, живо!

Квитскій.

Ну, мой будущій тесть — хорошъ больной: можно подумать, что у него просто водяная (*Александръ Савичъ подходитъ къ нему*).

Гусевъ.

Съ кѣмъ имѣю удовольствіе говорить?

Квитскій.

Я — Квитскій.

Гусевъ.

Евгеній Андреевичъ, сынъ моего задушевнаго друга... (*обнимаетъ его*). Очень радъ, братецъ, тебя видѣть... Вѣдь сердиться не станешь, что я буду попросту съ тобою обходиться. Не такъ ли?

Квитскій.

Помилуйте, другъ моего отца...

Гусевъ.

Да, братецъ; мы точно были друзьями съ твоимъ батюшкой; да, не то, что нынѣшніе друзья... Бывало все пополамъ... Давно ждали дорогаго гостя... Ну, а дядюшка твой?

Квитск.

Вотъ письмо отъ него... его задержало одно дѣло, но онъ непремѣнно постарается пріѣхать сюда.

Гусевъ.

Вѣдь мы съ нимъ знакомые незнакомцы... знаемъ другъ друга только по письмамъ; ну, а теперь милости просимъ пожаловать къ намъ на лицо, на насъ посмотрѣть и себя показать. (*Пробѣгаетъ письмо*) Проситъ полюбить тебя — это ужъ и безъ просьбы сдѣлано; пишетъ на счетъ имѣнія.... ну, да это я прочту на досугѣ.... Дядюшка твой хочетъ исполнить волю твоего покойнаго батюшки и мое давнишнее желаніе — женить тебя на моей Ольгѣ...

Квитскій.

Но понравлюсь ли я ей?

Гусевъ.

Еще бы такой молодецъ не понравился; а что ты ее полюбишь, за это поручусь... Хвалить нечего — самъ увидишь.... только я увѣренъ, что она испугается твоего пріѣзда...

Квитскій.

Испугается!

Гусевъ.

Да, братецъ, она тебя ужасно боится.

Квитскій.

Неужели? такъ вы сами меня оче пугаете... Что же это значитъ?

Гусевъ.

Ребячество. Пансіонъ, въ которомъ она воспитывалась, не лучше другаго монастыря. Имъ вбили въ голову, что мужчины опаснѣе звѣрей. Ну, да ты ее образумишь. Здѣсь же, на водахъ, совершенная свобода, всякій пьетъ и дѣлаетъ что хочетъ, и дѣло пойдетъ своимъ порядкомъ. Общество у насъ прекрасное... и между прочими, одна вдова, пріятельница моей Ольги, женщина ловкая, умная... мы втроемъ нападемъ на упрямицу, да ты, можетъ быть, знаешь эту даму... она изъ вашихъ, Петербургскихъ... я тебя за завтракомъ съ нею познакомлю, а теперь извини, послѣ ванны мнѣ надобно еще полежать въ постелѣ, и каждую четверть часа пить по кружкѣ воды — горячую и холодную, такъ, знаешь, въ перекладку.

Квитскій.

Не слишкомъ ли вы много пьете?

Гусевъ.

Какое, братецъ! Я пью только половину предписаннаго. Шесть кружекъ до завтрака, да шесть послѣ обѣда. Не хочешь ли, за компанію, кружечку?

Квитскій.

Благодарю васъ, я совершенно здоровъ.

Гусевъ.

Такъ чтожъ? будешь еще здоровѣе.

—

ЯВЛЕНІЕ III.

Тѣже и Иванъ (съ водой).

Иванъ.

Вотъ-съ... пятая и шестая...

Гусевъ.

Врешь, третья и четвертая.

Иванъ.

Помилуйте, сударь: давича вы четвертую изволили выкушать.

Гусевъ.

Давишнее не въ счетъ, а теперь на радости можно еще двѣ выпить.

Иванъ (уходя).

Слушаю-съ. Ему какъ съ гуся вода.

Гусевъ (дастъ кружку Квитскому).

Ну-ка, выпьемъ вмѣстѣ за здоровье дядюшки.

Квитскій.

Здоровье пить водой!

Гусевъ.

А не бось, шампанскимъ? Нѣтъ, братъ, стара штука.

№ 2.

Здѣсь, братъ, водяное царство;
Здѣсь вина въ заводѣ нѣтъ,
Здѣсь не винное лекарство,
А вино здоровью вредъ.
Здѣсь столичную методу
Броеь-ка съ нами за одно:
Тамъ ты пилъ вино, какъ воду,
Пей же воду, какъ вино.

Квитскій.

Воля ваша, Александръ Савичъ, а больше одной кружки я не въ состояніи выпить.

Гусевъ.

Не въ состояніи.... эхъ вы молодежь.... смотри-ка какъ я пью.... смѣлѣе.... чокнемся.... ну! здоровье дядюшки!

Квитскій.

Ухъ! какая ужасная порція.

Гусевъ.

Ну что? Каково?

Квитскій.

Прекрасно.... (*Въ сторону*). Чортъ бы тебя взялъ.

Гусевъ.

То-то же!... Тамъ что дальше, то лучше.

Квитскій.

Да скажите пожалуйста, отъ чего вы лечитесь?

Гусевъ (весело).

Отъ ипохондріи, братецъ, отъ ипохондріи.

Квитскій.

Помилуйте, у васъ такое веселое лицо; мнѣ кажется, вы никогда не скучаете.

Гусевъ.

Это правда; съ людьми-то мнѣ всегда очень весело, а какъ останешься одинъ, то вотъ тоска такая, что мочи нѣтъ.

Квитскій.

Стало быть, вамъ нужно только общество, а не вода.

Гусевъ.

Ну, одно другому не мѣшаетъ. Однако жъ, теперь я пойду немного отдохнуть, а тамъ опять еще двѣ кружечки.... И такъ, молодой человѣкъ, я буду обходиться съ тобою, какъ съ старымъ знакомымъ, безъ церемоніи.... До свиданія. (*Уходитъ.*)

—

ЯВЛЕНІЕ IV.

Квитскій одинъ, потомъ Городской и Иванъ.

Квитскій.

Со мною все дѣлается на выворотъ: другихъ жениховъ угощаютъ шампанскимъ, а меня подчуютъ водой. Хоть нельзя сказать, чтобы я былъ здѣсь сухо принятъ, но водяная дружба очень не вкусна.

Городской.

Эй! человѣкъ! Послушай! ты человѣкъ что ли?

Иванъ (который шелъ съ водой въ комнату Гусева).

Точно такъ-съ.

Городской,

Ну хорошо, что сказалъ, а то ты такимъ хватомъ одѣтъ, что я было сомнѣвался. Отведи же мнѣ скорѣе комнату.

Иванъ.

Сію минуту, сударь. (*Уходитъ.*)

Квитскій.

Кого я вижу!

Городской.

Что это?... ты ли это, Евгеній! Какими судьбами здѣсь очутился?... Неужели лечиться?

Квитскій.

Да, немножко.

Городской.

Поздравляю! и вѣрно отъ любовной сухотки?

Квитскій.

Можетъ быть. А ты за чѣмъ здѣсь?

Городской.

Отъ нечего дѣлать, любезный... Я было отправился въ Москву, да тамъ такая скука.... всѣ разъѣхались по деревнямъ, и я пустился навѣстить дядю, въ его Нижегородскую деревню, да и завернулъ сюда.

Квитскій.

Да, по дорогѣ.

Городской.

Ну, а ты, молодой человѣкъ, если пріѣхалъ въ самомъ дѣлѣ тушить любовный огонь искусственной водой, такъ смотри, будь осторожнѣе: на водахъ столько случаевъ воспламениться, что держи ухо остро, а то, какъ разъ забрѣютъ лобъ, и не замѣтишь, какъ совсѣмъ сосватаютъ.

Квитскій.

Что за предостерегательныя извѣстія?

Городской.

Оттого, мой другъ, что я испыталъ это блаженство, и теперь не только другу, недругу не посовѣтую надѣвать супружескую петлю; а еще моя жена, какъ говорятъ, была изъ лучшихъ... ну, да вѣдь женщина нѣжный плодъ, — скоро портится.

Квитскій.

Гдѣ же теперь твоя жена?

Городской.

Умерла, мой другъ, умерла, такъ какъ умираетъ на свѣтѣ все прекрасное и дурное.

Квитскій.

И ты можешь такъ хладнокровно говорить объ этомъ.

Городскій.

Да горячить-то не изъ чего.

№ 3.

Съ женой покойною моей
Я никогда не зналъ покоя,
И жили мы, бывало, съ ней,
Другъ друга только безпокоя.
Я вѣчно неуступчивъ былъ,
Она жъ, превздорная особа;
Но рокъ насъ съ нею разлучилъ —
И мы теперь покойны оба!

Квитскій.

Однако жъ, это что-то скоро сдѣлалось; два года назадъ, я тебя зналъ въ Петербургѣ холостымъ, а теперь ты ужъ успѣлъ....

Городской.

О, братецъ, моя женитьба—романическая исторія, или историческій романъ, какъ хочешь назови.... Вотъ какъ это было. Въ Петербургѣ меня поддѣла моя старинная слабость, и я (какъ говорятъ на Руси) крѣпко пофершпилился. Съ горя я отправился къ своему дядѣ, который жилъ тогда въ Москвѣ. Онъ старый холостякъ, былъ предсѣдателемъ въ Палатѣ, и таки имѣетъ благопріобрѣтенное. Онъ принялъ меня очень ласково, отвелъ мнѣ у себя квартиру на заднемъ дворѣ, окнами въ конюшню.... Я, говоритъ, обѣдаю всегда дома, стало быть, столъ къ твоимъ услугамъ. Я было только расположился, а онъ черезъ недѣлю изволилъ уѣхать въ свою Нижегородскую деревню, и я точно имѣлъ столъ — деревянный, подъ красное дерево. Въ такомъ ужасномъ положеніи, я не зналъ, что мнѣ дѣлать..., думалъ, думалъ....

Квитскій

И вздумалъ жениться?

Городской

Какъ быть: умнѣе тогда я ничего не могъ придумать! Въ Москвѣ за невѣстами дѣло не станетъ, это тебѣ извѣстно.... ты вѣдь занимался статистикой.

№ 4.

Уралъ прославился икрой,
Архангельскъ дичью, осетриной;
Нашъ Петербургъ богатъ водой,
Строеньями и лососиной;
Въ Одессѣ фрукты, виноградъ;
Въ Перми заводы и пельмени;
Звѣрями Оренбургъ богатъ;
Въ Калугѣ тѣсто въ полсажени;

Арбузовъ въ Астрахани тьма;
Варенье въ Кіевъ щеголяетъ;
Богата лѣсомъ Кострома;
Оружьемъ Тула процвѣтаетъ;
Въ Смоленскѣ рожь, крупа, пшено;
Черкаскъ обилуетъ быками;
Москва же славится давно
Невѣстами и калачами.

Черезъ почтенныхъ старушекъ я узналъ, что въ Москвѣ жила вдовушка, у которой тысяча двѣсти душъ и прекрасный домъ... На послѣднія 25 рублей нанялъ я отличный экипажъ, одѣлся козыремъ, и на четверткѣ отправился къ этой дамѣ.

Квитскій

Ты прямо поѣхалъ свататься?

Городской

Нѣтъ, торговать у нея домъ... Что ты вытаращилъ на меня глаза: это была военная хитрость. Услужливыя свахи все бы дѣло испортили, а тутъ и похожаго не было на сватовство. Къ ней пріѣхалъ ловкій мужчина торговать домъ въ двѣсти тысячъ; какой же лучше рекомендаціи? Я расчиталъ, что пока мы будемъ съ нею торговаться, я успѣю ей понравиться... Такъ и вышло. Смѣлость города беретъ, а я взялъ, да и женился.

Квитскій

Какъ? такъ скоро?

Городской.

Скоро сказка сказывается, да не скоро дѣло дѣлается: недѣли черезъ двѣ мы были обвѣнчаны.

Квитскій

Да это счастье къ тебѣ съ неба свалилось.

Городской

Можетъ быть, только я попалъ прямо въ адъ! Первый мѣсяцъ женитьбы называютъ медовымъ... Я не пріищу ему названья, но знаю только, что мнѣ было очень горько. Тамъ, что дальше, то хуже. Чуть, бывало, не по ней.... все, что ни попадетъ — летитъ на полъ... Вдова — тертый калачъ, ее не передѣлаешь.... и такимъ образомъ я терпѣлъ полгода, терпѣлъ годъ; въ конецъ втораго года она до того расходилась, что въ началѣ третьяго — мы принуждены были съ ней развѣхаться; я отправился искать службы, а она въ свою деревню. Съ тѣхъ поръ, я ужъ съ ней больше не встрѣчался!

Квитскій

И она тебѣ ничего не оставила.

Городской.

Я радъ только тому, что она меня оставила... Больше мнѣ ничего не нужно.

Квитскій.

Но чѣмъ же ты теперь живешь?

Городской.

Вотъ вопросъ, на который не многіе изъ нашей братьи не найдутся, что тебѣ отвѣчать. Впрочемъ, у меня есть дядюшка, который нажилъ себѣ состояніе въ Гражданской Палатѣ, и я его единственный наслѣдникъ.

№ 8.

Науки всѣ съ успѣхомъ я прошелъ,
Наука жить одна мнѣ не дается,
И потому, я какъ мудрецъ расчелъ —
Жить кое-какъ, пока еще живется.
Ресурсовъ нѣтъ отъ дяди моего;
Безъ денегъ жить не выдумаешь средства:
Пока онъ живъ, — не дастъ мнѣ ничего,
Пока я живъ — все жду его наслѣдства.
Онъ нажился и слишкомъ зажился,
А я долги покуда наживаю;
По жизни я веселой предался:
Живу себѣ, живу да пренебрегаю!
Не все жъ намъ жить колѣчнымъ житьемъ,
Когда нибудь пойдетъ житье другое;
Не на животъ, а на смерть заживемъ,
И проживемъ не право-нажитое!

Ну, о прошломъ и будущемъ довольно; поговоримъ о настоящемъ. Давно ли ты сюда пріѣхалъ?

Квитскій.

Съ полчаса, не болѣе.

Городской.

И ужъ вѣрно не лечиться, повѣса?

Квитскій.

Да ты кажется сваливаешь съ больной головы на здоровую.

Городской.

Вотъ нашелъ волокиту!... Нѣтъ, братъ, наше время прошло.

Иванъ (выходитъ изъ комнаты Варвары Алексѣевны.

Сейчасъ, сударыня, сейчасъ!

Городской.

Сударыня?... этотъ №. занимаетъ дама? хорошенькая?

Квитскій.

Не знаю, я еще здѣсь никого не видалъ... Прощай, я пойду переодѣться, и хотя твое время прошло, но я ухожу и оставляю тебѣ поле сраженія.

(*Уходитъ.*)

Городской.

Шути, любезный, шути, а я еще потягаюсь съ вашимъ братомъ. Послушай, любезный! какъ фамилія этой дамы?

Иванъ.

Г-жа Ласкова.

Городской.

Ласкова! что это значитъ?

—

ЯВЛЕНІЕ V.

Городской, Варвара Алексѣевна и Иванъ.

Варвара Алексѣевна.

Вели поскорѣе мнѣ приготовить ванну.

Иванъ.

Слушаю-съ..... (*уходитъ.*)

Городской.

Вотъ и она.... Посмотримъ.... какая это Г-жа Ласкова?

Варвара Алексѣевна.

Что я вижу! Городской....

Городской.

Моя дражайшая супруга!

Варвара Алексѣевна.

Мой мужъ!! Какъ! это вы сударь?

Городской.

Это вы, сударыня?

Варвара Алексѣевна.

За чѣмъ вы пріѣхали, сударь?

Городской.

Вѣдь я васъ не спрашиваю зачѣмъ вы пожаловали?

Варвара Алексѣевна.

Мы разстались съ вами, чтобъ никогда болѣе не встрѣчаться, а теперь, вы опять меня преслѣдуете.

Городской.

Вотъ ужъ и не думалъ; я полагалъ, что вы въ своей деревнѣ.

Варвара Алексѣевна.

Не вѣкъ же мнѣ тамъ оставаться: цѣлые полтора года, — довольно кажется.

Городской.

Что вы!... врядъ ли будетъ полгода.

Варвара Алексѣевна.

Полтора года, сударь, это я очень хорошо знаю.

Городской.

Неужели? Какъ скоро летитъ время!

Варвара Алексѣевна.

Когда весело, не такъ ли?

Городскій.

Да, вы видите, что я не похудѣлъ въ разлукѣ съ вами.

Варвара Алексѣевна.

Ужасный человѣкъ! теперь я еще больше захвораю.

Городской (въ сторону).

На здоровье....

Варвара Алексѣевна.

Послушайте, сударь.

Городской.

Слушаю, сударыня.

Варвара Алексѣевна.

Разъ въ жизни сдѣлайте мнѣ удовольствіе.

Городской.

Что прикажете.

Варвара Алексѣевна.

Уѣзжайте отсюда.

Городской.

Съ крайнимъ прискорбіемъ извѣщаю васъ, что не могу этого сдѣлать; я сейчасъ только пріѣхалъ.

Варвара Алексѣевна.

А я здѣсь ужъ двѣ недѣли.

Городской.

Довольно, пора и домой.

Варвара Алексѣевна (садится).

Чтобъ я вамъ уступила! ни за что.

Городской (также садится)

Видите, какъ одинаковы наши характеры: что захотѣлъ одинъ, того хочется и другому; вотъ ужъ правда, кому въ кого родиться....

Варвара Алексѣевна (вскакиваетъ)

Я не могу васъ видѣть, сударь.

Городской

Не смотрите.

Варвара Алексѣевна.

Я не могу равнодушно слышать вашего голоса.

Городской.

Не слушайте.

Варвара Алексѣевна.

Вы хотите моей смерти?

Городской,

Ни сколько. Сдѣлайте одолженіе, живите (*въ сторону*), только не со мной. Полтора года мы съ вами въ разлукѣ; я слыву за вдовца, и эта мысль такъ со мной сроднилась, что не только мои знакомые, я самъ себя почитаю свободнымъ человѣкомъ; вы, также, не носите моей фамиліи: вы приняли фамилію перваго мужа, за котораго, какъ вы говорили, выдали васъ насильно; а смѣю спросить, за кого вы теперь изволите себя выдавать, за дѣвицу, или вдову.

Варвара Алексѣевна.

За вдову, сударь.

Городской.

Какая симпатія! Вы будете слыть вдовою, а я останусь вдовцомъ, и мы схоронимъ нашу тайну.... стало, нѣтъ надобности мнѣ уѣзжать.

Варвара Алексѣевна.

И я должна жить въ вами подъ одною кровлей?...

Городской.

Можетъ быть здѣсь есть отдальные флигеля: перемѣните нумеръ.

Варвара Алексѣевна.

Нѣтъ, сударь, нѣтъ, этого не будетъ... и если наконецъ вы не уѣдете отсюда, то... (*увидя входящаго Ивана, перемѣняетъ тонъ.*) Я очень рада, сударь, что вы пріѣхали; здѣсь намъ будетъ очень весело...

Городской.

Что это, не съ ума ли она сошла?.... А! лакей... Я самъ, сударыня, въ восхищеніи отъ нашей встрѣчи....

Иванъ.

Ванна готова, сударыня.

Варвара Алексѣевна.

Сейчасъ иду.

Городской.

Гдѣ моя комната, любезный?

Иванъ.

Во второмъ этажѣ, сударь, № 10-й.

Городской.

До свиданія сударыня...

Варвара Алексѣевна.

До радостнаго свиданія... (*тихо ему.*) Я васъ ненавижу!

Городской (раскланиваясь.)

Готовъ вамъ тѣмъ же служить. (*Уходитъ.*)

Иванъ.

Ухъ, какъ здѣсь скоро знакомятся; не успѣлъ пріѣхать, какъ ужъ и *до свиданія*.

—

ЯВЛЕНІЕ VI.

Варвара Алексѣевна, потомъ Гусевъ и Олинька.

Варвара Алексѣевна.

Ужасно! Нестерпимо! Я пріѣхала сюда, чтобъ найти какое нибудь разсѣяніе, и нашла мужа! Какъ это пріятно! О, я увѣрена, что онъ здѣсь не дастъ мнѣ покоя!... Первый мужъ мой былъ ни на что не

похожъ, а ужъ этотъ изъ рукъ вонъ..... Прошу покорно послѣ того выходить замужъ!

(*Гусевъ и Олинька входятъ*).

Гусевъ.

Что за вздоръ! Ты его еще не видала, и ужъ ненавидишь.

Олинька.

Нѣтъ, папенька; я ненавижу не его, а всѣхъ жениховъ.

Варвара Алексѣевна.

Что? жениховъ?

Гусевъ.

А, здравствуйте, Варвара Алексѣевна, мы еще съ вами не видались.

Олинька.

Вообразите, Варвара Алексѣевна: папенька хочетъ выдать меня замужъ. Я васъ спрашиваю, для чего это?

Гусевъ.

Узнаешь, какъ будешь замужемъ.

Варвара Алексѣевна.

Бѣдняжка!

Олинька.

Да, помилуйте, папенька, замужъ выходятъ или для богатства, а мы и безъ того богаты, или по любви, а я вовсе не люблю моего жениха. Такъ для чего же?

Гусевъ.

Ты должна итти замужъ для того, что отецъ твой этого хочетъ; женихъ твой пріѣхалъ, и дѣло кончено.

Олинька.

Папаша!

Гусевъ.

Полно, полно! Я не люблю, когда дѣвушки твоихъ лѣтъ пускаются въ разсужденія....

Олинька.

Но я ужъ не ребенокъ, мнѣ скоро будетъ 17 лѣтъ...

Гусевъ.

Оттого-то я и хочу тебя выдать замужъ.

Олинька.

Послушайте, папаша. Я знаю, что наружность часто обманчива. Теперь вашъ Квитскій кажется вамъ прекраснымъ молодымъ человѣкомъ, а кто знаетъ?... Мужчины такъ искусно умѣютъ притворяться.

Варвара Алексѣевна.

Это правда, когда женятся....

Олинька.

Становятся такіе злые....

Варвара Алексѣевна.

Упрямые....

Олинька.

Угрюмые...

Варвара Алексѣевна.

Ревнивые.....

Гусевъ.

Да, Квитскій ни золъ, ни угрюмъ, ни ревнивъ.

Олинька.

Да, теперь, а послѣ.... Папаша, голубчикъ, откажите Квитскому; вы слабы здоровьемъ, я стану за вами ходить.

Гусевъ.

Ты станешь за мною ходить, когда выйдешь за мужъ....

Олинька.

Я ни на шагъ не отойду отъ васъ, буду васъ любить, какъ душу.

Гусевъ.

Развѣ ты не можешь также меня любить, когда будешь замужемъ.

Олинька.

Да это все ужъ не то....

Гусевъ.

То-то и дѣло, сударыня, что вы сами не знаете, что говорите. И кто тебѣ вбилъ въ голову такую ненависть къ женихамъ?

Олинька.

Ахъ, Боже мой, въ пансіонѣ наша мадамъ и всѣ мамзели такія ужасы разсказывали намъ про мужей, что сердце бывало отъ страха замираетъ.

—

№ 6.

Гусевъ.

Съ чего твоя мадамъ взяла?
За чѣмъ мужчинами пугаетъ!

Олинька.

Три раза замужемъ была,
Такъ вѣрно хорошо ихъ знаетъ.

Гусевъ.

Ага! три раза! ну это дѣло другое.

Олинька.

Да наша добрая мадамъ
Мужчинъ ужасно ненавидитъ;
И въ классѣ поклялася намъ,
Что за четвертаго не выйдетъ.

Гусевъ.

О, я, конечно, увѣренъ, что она сдержитъ клятву! Но вотъ идетъ нашъ женихъ; прошу быть съ нимъ поласковѣе.

Варвара Алексѣевна (тихо).

Будь, какъ можно суровѣе; не бойся, я спасу тебя.

—

ЯВЛЕНІЕ VII.

Тѣже и Квитскій.

Гусевъ.

Милости просимъ, Евгеній Сергѣевичъ; вотъ моя Олинька. Варвара Алексѣевна, рекомендую вамъ сына моего друга и товарища (*въ полголоса*). Это та вдова, что я тебѣ говорилъ... А тебя, любезный Евгеній, прошу обращаться съ нами безъ церемоніи.

Квитскій.

Благодарю васъ за позволеніе; и я постараюсь употребить все, чтобы....

Гусевъ.

Ну, ну, Петербургскія фразы, паркетныя экскузаціи... ну ихъ къ чорту; мы здѣсь всѣ люди почти свои; она ужъ знаетъ зачѣмъ ты сюда пріѣхалъ.

Квитскій.

Какъ неужели?...

Олинька.

Папаша... что вы это?

Гусевъ.

Ну, вотъ, покраснѣлъ, какъ красная дѣвушка. Не стыдно ли вамъ краснѣть, а еще женихъ!...

Олинька.

Папаша!

Квитскій.

Согласитесь, однако, что моя роль очень затруднительна. Ежели женихъ бываетъ робокъ, его могутъ почесть за человѣка, который не живалъ въ свѣтѣ; ежели онъ любезенъ, старается понравиться, то сочтутъ, что онъ хочетъ скрыть свои недостатки.

Олинька (Варварѣ Алексѣевнѣ).

Вѣдь онъ правду говоритъ.

Квитскій.

Вотъ, что должно страшить каждаго изъ насъ, а тѣмъ болѣе меня, который получилъ согласіе ваше, прежде чѣмъ успѣлъ заслужить вниманіе Ольги Александровны. Но я не употреблю этого во зло; постараюсь, чтобы меня узнали, и тогда спрошу, долженъ ли я оставаться или ѣхать.

Гусевъ.

Отпустилъ! Да кто тебя отсюда выпуститъ?

Квитскій.

Я самъ чувствую, что теперь мнѣ ужъ тяжело будетъ уѣхать...

Варвара Алексѣевна (Ольгѣ).

Ай! конфектный билетецъ!

Ольга.

Однако жъ, онъ довольно любезенъ учтивъ...

Варвара Алексѣевна.

Еще бы ему грубить съ перваго раза....

Гусевъ.

Полно, братецъ, все это пустое. Чего я хочу, того желаетъ и Олинька... Она должна наконецъ убѣдиться...

Квитскій.

Должна?

№ 7.

Я васъ прошу, на этотъ разъ
Оставить ваши убѣжденья.

Не нуженъ для любви приказъ,
Она не любитъ принужденья.
Зачѣмъ же жертвовать собой?
Какая будетъ намъ отрада?
Бракъ по любви намъ рай земной,
А безъ любви — онъ хуже ада!

Олинька.

Ну, право, онъ очень милъ!...

Варвара Алексѣевна.

Старая пѣсня; розовая вода съ медомъ!..

Гусевъ.

Ихъ надо оставить однихъ. Варвара Алексѣевна.... не пора ли вамъ въ ванну?...

Олинька.

Не уходите.

Варвара Алексѣевна.

Нѣтъ, мнѣ прійдутъ сказать, когда будетъ готово.

Гусевъ.

Ее не выживешь... Ну, такъ выпьемте по кружечкѣ, да погуляемъ вмѣстѣ.

Варвара Алексѣевна.

Благодарю васъ, Александръ Савичъ; сегодня, не могу гулять, я что-то чувствую себя не хорошо.

Квитскій

Онѣ меня хотятъ выжить... Позвольте мнѣ быть вашимъ товарищемъ?

Гусевъ.

Очень радъ... мы опять съ тобой хватимъ по кружечкѣ.

Квитскій.

Нѣтъ, ужъ сдѣлайте милость увольте....

Варвара Алексѣевна.

Развѣ вы пріѣхали сюда не лечиться?

Гусевъ.

Нѣтъ, сударыня, жениться.

Варвара Алексѣевна (тихо).

Еще хуже: изъ воды въ огонь.

Гусевъ.

Ну, пойдемъ же, братецъ... Олинька, мы будемъ завтракать за общимъ столомъ... Охъ! ужъ мнѣ эти мадамы, да мамзели!

(Уходятъ).

—

ЯВЛЕНІЕ X.

Варвара Алексѣевна и Олинька.

Олинька.

Я совсѣмъ иначе себѣ воображала жениха, а этотъ такой откровенный.

Варвара Алексѣевна.

Я тебѣ говорю, не вѣрь ему ни въ одномъ словѣ. Всѣ женихи на одну стать: все ложь и обманъ — вотъ тебѣ самая святая истина.

Олинька.

Возможно ли? А мнѣ ужъ становилось замужество не такъ страшно. Мнѣ казалось, что онъ не похожъ на другихъ... Я начинала ему вѣрить.

Варвара Алексѣевна.

Сохрани тебя Богъ!

Олинька.

Стало, мужчины никогда не говорятъ правды.

Варвара Алексѣевна.

Никогда, никогда, рѣшительно никогда.

Олинька.

Отчего же такъ много выходятъ за мужъ?

Варвара Алексѣевна (съ горькой улыбкой).

Такъ...

Олинька.

Да что же мужчинамъ за удовольствіе насъ обманывать?

Варвара Алексѣевна.

Что за удовольствіе? Какое удовольствіе волку давить бѣдную овечку, а коршуну терзать нѣжнаго голубка? Это ихъ пища, это у нихъ въ крови...

Олинька.

Ахъ, какіе кровожадные! Это правда, я сама знаю одинъ примѣръ: Лизаньку Стрѣлкину выдали прошлаго года замужъ; я видѣла ее въ невѣстахъ, женихъ не зналъ какъ угодить ей; потомъ, какъ женился, началъ ее мучить, да вѣдь какъ! Ужасъ! И за что, какъ бы вы думали? За то, что Лизанькѣ понравился гусарскій

офицеръ? Теперь Лизанька живетъ у своихъ родныхъ.

Варвара Алексѣевна.

Да всѣхъ примѣровъ нельзя и сосчитать. Я сама...

Олинька.

Какъ и вы тоже были обмануты?

Варвара Алексѣевна,

Я сама видѣла, хочу я сказать, какъ одна моя пріятельница была обманута....

—

ЯВЛЕНІЕ XI.

Тѣ же и Городской (увидя ихъ останавливается).

Варвара Алексѣевна.

Однимъ злодѣемъ, извергомъ...

Городской (въ сторону).

Кажется, о насъ рѣчь идетъ.

Варвара Алексѣевна.

Онъ такъ же, какъ и твой женихъ, былъ очень покоренъ, уступчивъ, и все это для того, чтобъ понравиться, пріобрѣсть любовь и руку своей жертвы... и, къ несчастію успѣлъ...

Олинька.

Она полюбила его?

Варвара Алексѣевна.

Вышла за него! Но едва женился онъ, какъ начались каждый день споры, неудовольствія, ужасныя сцены, исторіи...

Городской.

Историческая вѣрность.

Варвара Алексѣевна.

Нечего говорить, что во всемъ былъ виноватъ мужъ.

Городской.

Разумѣется, какъ всегда водится у женъ!

Варвара Алексѣевна.

И въ добавокъ мучилъ ее ревностію.

Городской.

Ну, ужъ это прибавленіе.

Олинька.

А его жена?

Варвара Алексѣевна.

О, это былъ просто ангелъ....

Городской.

Да, падшій ангелъ.

Варвара Алексѣевна.

Ея кротость только раздражала изверга.... наконецъ, однажды, вечеромъ, она бросилась...

Олинька.

Въ рѣку?

Варвара Алексѣевна.

Нѣтъ, въ коляску, и уѣхала къ себѣ въ деревню.

Олинька.

Бѣдняжка!

Варвара Алексѣевна.

Теперь ея здоровье совершенно разстроено... Ахъ, мой другъ, я такъ много страдала...

Городской.

Ахъ, проговорилась!

Олинька.

Вы?

Варвара Алексѣевна.

Да, я страдала за мою пріятельницу; мнѣ было такъ жалко ее, я ее такъ любила!

Городской.

Какое жалкое самолюбіе!

Олинька.

Ахъ, какіе нехорошіе мужчины!

Варвара Алексѣевна.

Чудовищи, мой другъ, хуже чудовищъ!

Городской.

Кому это она внушаетъ такіе человѣколюбивые правила?

Варвара Алексѣевна.

Послѣ этого, милая Олинька, изволь выходить за своего Квитскаго.

Городской.

А, такъ вотъ въ чемъ дѣло!

Олинька.

Но папенька непремѣнно того требуетъ...

Варвара Алексѣевна.

Я постараюсь его вразумить. Дай же мнѣ слово, что ты никогда не пойдешь замужъ.

Олинька

А вы сами, Варвара Алексѣевна, вѣдь были замужемъ?

Варвара Алексѣевна.

Я почти дѣвица.. я жила съ мужемъ только четыре дня.

Городской.

Четыре дня и два года, да съ первымъ лѣто...

Олинька.

Такъ мало?

Варвара Алексѣевна.

Онъ скоропостижно умеръ.

Городской.

Скажите: похоронила! лжетъ, какъ на мертваго.

Олинька.

Что же, вамъ жалко было его?

Варвара Алексѣевна.

Не скажу.

Городской.

И говорить нечего. Затѣмъ счастливо оставаться. (*Уходитъ*).

—

ЯВЛЕНІЕ XII.

Олинька и Варвара Алексѣевна.

Олинька.

Ахъ, вы меня такъ напугали, что у меня теперь только одно желаніе, какъ бы избавиться отъ Квитскаго.

Варвара Алексѣевна.

Я берусь за тебя — отказать ему.

Олинька.

Только, ради Бога, откажите ему такъ осторожно, чтобъ онъ не разсердился, а главное, чтобы папенька не узналъ объ этомъ.

Варвара Алексѣевна.

Положитесь на меня.!. Да вотъ, кажется, и они сюда идутъ. (*Звонятъ къ завтраку*).

—

ЯВЛЕНІЕ XIII.

Тѣ же, Гусевъ и Квитскій.

Гусевъ.

Барыни! звонятъ къ завтраку... ты, Евгеній Сергѣевичъ, подожди меня здѣсь, я допью мою кружку и тотчасъ явлюсь; а вы, Варвава Алексѣевна, сдѣлаете намъ компанію.

Варвара Алексѣевна.

Вы знаете, что я никогда не завтракаю.

Гусевъ.

Олинька, въ залѣ сквозной вѣтеръ. Пойди, надень что нибудь.... я сейчасъ буду. (*Олинька и Гусевъ уходятъ*).

—

ЯВЛЕНІЕ XIV.

Варвара Алексѣевна и Квитскій.

Варвара Алексѣевна.

М-сье Квитскій, мнѣ нужно сказать вамъ слова два.

Квитскій.

Весь къ вашимъ услугамъ.

Варвара Алексѣевна.

Дружба заставила меня принять на себя весьма тяжелую обязанность. Вы пріѣхали сюда жениться на Олинькѣ Гусевой?

Квитскій.

Можетъ быть.

Варвара Алексѣевна.

Я должна вамъ сказать, что вы напрасно безпокоитесь: она васъ не любитъ.

Квитскій.

Это нисколько меня не удивляетъ..., Я вовсе и не воображалъ, что она влюбится въ меня съ перваго взгляда, но угожденіемъ, стараніемъ...

Варвара Алексѣевна.

Докучливостью вы не изгладите ея отвращенія...

Квитскій.

Отвращенія...

Варвара Алексѣевна.

Вы вынудили меня открыть вамъ настоящее ея чувство...

Квитскій.

Это очень странно!... Такое внезапное отвращеніе къ человѣку, котораго она едва знаетъ....

Варвара Алексѣевна.

Первое впечатлѣніе бываетъ невольно и неизгладимо.

Квитскій.

Какъ ни прискорбно мнѣ это слышать,

но я все-таки еще не отчаяваюсь преодолѣть это отвращеніе... Вы, какъ другъ ея, не откажетесь пособить мнѣ въ этомъ.

Варвара Алексѣевна.

Дружба-то моя именно и заставляетъ меня заботиться о ея счастіи.... И я теперь въ мою очередь хочу васъ просить....

Квитскій.

Что прикажете...

Варвара Алексѣевна.

Будьте великодушны, не сказывайте ея отцу о нашемъ разговорѣ, не подвергайте Олиньку его гнѣву, и уѣзжайте нынче же отсюда.

Квитскій.

Какъ же мнѣ принять ваши слова? За рѣшительный отказъ?...

Варвара Алексѣевна.

За самый рѣшительный! (*Присѣдаетъ*). Исполнивъ мое порученіе, остаюсь съ должнымъ къ вамъ уваженіемъ.... (*Въ сторону.*) Вотъ какъ должно принимать и отпускать жениховъ. (*Уходитъ*).

—

ЯВЛЕНІЕ XV.

Квитскій (одинъ).

Прекрасно! за дѣломъ пріѣхалъ. Съ перваго взгляда вселилъ отвращеніе, и съ перваго пріема получилъ чистую отставку. Нѣтъ, пустяки, тутъ не отвращеніе, а просто она влюблена въ кого нибудь, и я, какъ ни торопился сюда, а ужъ вѣрно опоздалъ.... Досадно, очень досадно.... она было мнѣ понравилась. Впрочемъ, чортъ возьми, не стрѣляться съ отчаянія.....

Гусевъ (за кулисами).

Евгеній Сергѣевичъ, Евгеній Сергѣевичъ!

Квитскій.

Чортъ бы тебя взялъ... очень ты мнѣ нуженъ теперь! А я, съ дуру, въ угожденіе ему, тянулъ воду, какъ гусь.

—

ЯВЛЕНІЕ XVI.

Квитскій и Городской.

Городской.

Насилу я тебя нашелъ.... Я сдѣлалъ любопытное открытіе.

Квитскій.

Послѣ скажешь.... У тебя здѣсь нѣтъ ни какого важнаго дѣла?

Городской.

Самое важное.... мочи нѣтъ хочу завтракать!

Квитскій.

Наѣшься дорогой! Я сейчасъ ѣду.

Городской.

Что?

Квитскій.

Ну, да, ѣду въ Петербургъ, и ты очень одолжишь меня, если отправишься со мною.

Городской.

Это что такое? Поутру пріѣхалъ, и не дождавшись обѣда, поворачиваешь оглобли.... Это что нибудь да не даромъ.

Квитскій.

Я не могу тебѣ сказать.

Городской.

Ну, такъ я тебѣ скажу: ты пріѣхалъ сюда жениться.

Квитскій.

Покойный отецъ мой этого желалъ, а дядя, который отдаетъ мнѣ 1200 душъ, и который никогда не видалъ ни отца, ни дочери, непремѣнно этого требуетъ.

Городской.

И ты охотно бы исполнилъ это требованіе, если бы одна дама, отъ имени невѣсты, не дала тебѣ чистой отставки?

Квитскій.

Ты знаешь эту даму?

Городской.

Очень.... то есть, очень много о ней слышалъ. Но знаешь ли ты, что она-то именно и мѣшаетъ тебѣ жениться?....

Квитскій.

Можетъ ли это быть?

Городской.

Я подслушалъ ихъ разговоръ.

Квитскій.

Да что я сдѣлалъ?

Городской.

Ничего, но она ненавидитъ всѣхъ мужчинъ, а что у кого болитъ, тотъ о томъ и говоритъ.

Квитскій.

Такъ, стало быть, я не то, чтобъ противенъ.

Городской.

Вовсе нѣтъ; ты долженъ жениться; если только тебѣ, въ самомъ дѣлѣ, понравилась невѣста.

Квитскій.

Очень понравилась....

Городской.

Дѣло въ шляпѣ; я женю тебя.... У меня родилась счастливая идея... Меня здѣсь почти никто не видалъ.... прекрасно!..

Квитскій.

Но растолкуй....

Городской.

Теперь некогда толковать объ этомъ.

Гусевъ (за кулисами).

Евгеній Сергѣевичъ!

Городской.

Тебя зовутъ.... иди въ столовую; любезничай съ дочерью, ѣшь и пей съ отцомъ, и дѣло съ концомъ, я сейчасъ явлюсь къ вамъ на закуску.

Квитскій.

Да скажи хоть одно слово....

Городской.

Ты женишься, вотъ тебѣ честное слово.... чего же больше? Убирайся! (*выталкиваетъ его*). А! моя супруга вздумала тутъ вмѣшиваться! Хорошо же, мы постараемся ей помѣшать. —

No 8-й.

Война, открытая война!
Я сй радехонекъ душевно.
Ну, берегись, моя жена,
Держись, Варвара Алексѣвна!
Щадить не стану никого:
Здѣсь дружба ждетъ моей услуги;
Женю я друга моего,
И удружу моей супругѣ.
Война, открытая война! и проч.

(Уходитъ).

ДѢЙСТВІЕ ВТОРОЕ.

Та же декорація.

ЯВЛЕНІЕ 1.

Городской и Квитскій.

Квитскій.

Объяснишь ли ты мнѣ всю эту комедію?

Городской.

А ты до сихъ поръ ничего не понимаешь?

Квитскій.

Нѣтъ, для того-то нарочно я вызвалъ тебя изъ-за стола.

Городской.

И не далъ мнѣ допить стаканъ бургонскаго....

Квитскій.

Оставь его пожалуйста, я тебя послѣ выкупаю въ шампанскомъ. Растолкуй мнѣ, что тебѣ вдумалось выдать себя за моего дядю? Я чуть не лопнулъ со смѣху.

Городской (допивъ стаканъ ставитъ его на столъ).

Что жъ, развѣ я не могу быть дядей такому молокососу, какъ ты?

Квитскій.

Да для чего?

Городской.

Ты, я вижу, очень простъ, а мой планъ еще проще. Дядя, отъ котораго ты зависишь, который отдаетъ тебѣ 1200 душъ, долженъ быть здѣсь непремѣнно на лицо, чтобъ повернуть дѣло и чтобъ на

конецъ отучить молодую упрямицу и проучить сумасбродную женщину. Ну, понимаешь ли теперь? Дядя, т. е. я, могу свободнѣе говорить въ твою пользу. Это просто невинная хитрость, за которую настоящій твой дядя, Ѳедоръ Павловичъ, не будетъ сердиться. Надо ковать желѣзо, пока горячо! Еще бы день, другой, и эта Г-жа Ласкова сдѣлала бы то, что тебя бы здѣсь просто возненавидѣли. Идутъ.... Смотри же, не смѣйся; послѣ вмѣстѣ похохочемъ.

—

ЯВЛЕНІЕ II.

Тѣже, Гусевъ и Олинька.

Гусевъ.

Куда это вы, Ѳедоръ Павловичъ, отъ насъ убѣжали?

Городской.

Нужно было сказать слова два племяннику.

Гусевъ.

Давно, давно желалъ лично познакомиться съ вами.... Вотъ что называется, какъ рублемъ подарили! Никакъ не ожидалъ такъ скоро.... меня, знаете, одно только удивляетъ....

Городской.

А именно?

Гусевъ.

Да я воображалъ васъ гораздо старѣе....

Городской.

Э, у насъ въ Петербургѣ нѣтъ стариковъ.

Квитскій (тихо Ольгѣ).

Вы ли поручили Варварѣ Алексѣевнѣ?

Олинька.

Я, сударь.

Квитскій.

Смѣю ли спросить о причинѣ?

Олинька.

Я не хочу итти замужъ.

Гусевъ.

Что вы тамъ воркуете? Ну, Ѳедоръ Павловичъ, вашъ племянникъ, право, молодецъ..... Эхъ! жаль, что старика отца нѣтъ, а то порадовался бы онъ съ нами. Надѣюсь, Ѳедоръ Павловичъ, что у насъ съ вами долгихъ расчетовъ не будетъ.

Городской.

Помилуйте..... я при жизни отдаю племяннику все, что имѣю, и буду жить у него, какъ на пенсіи. Слышишь ли, племянникъ? Евгеній, глухъ что ли ты?

Гусевъ.

Оставьте ихъ.... и послушайте меня, что я намѣренъ сдѣлать.... (*отводитъ его въ сторону.*)

Квитскій.

Чѣмъ заслужилъ я вашу ненависть?

Олинька.

Да я не васъ ненавижу, а замужство.

Квитскій (въ сторону).

Упрямица..... Нѣтъ, должно выдумать что нибудь другое..... (*задумывается.*)

Гусевъ.

Ну, да, да, именно, это будетъ очень хорошо.

Квитскій.

Прекрасно.

Гусевъ.

Что?

Квитскій.

Я? ничего! Я говорилъ съ Ольгой Александровной.

Гусевъ.

Ахъ да, Ѳедоръ Павловичъ, что машина?

Городской.

Машина? (*Квитскому.*) Что машина?

Квитскій (тихо).

Отправлена.

Городской.

Отправлена, отправлена.

Гусевъ.

Очень вамъ благодаренъ..... ну, а что вы скажете о моемъ новомъ предпріятіи?... Каково оно вамъ кажется?...

Городской.

Ваше предпріятіе.... чудесно хорошо (*Квитскому.*) О чемъ онъ говоритъ?

Квитскій

Не знаю.

Гусевъ.

Какъ? такъ вы точно одобряете мое намѣреніе.

Городской.

Ну, не совсѣмъ.

Гусевъ.

Отчего же?

Городской (съ гримасой).

Оттого, что..... гмъ, гмъ!...

Гусевъ.

Вы думаете?

Городской.

Да, я думаю....

Гусевъ.

А мнѣ кажется, что я обдумалъ со всѣхъ сторонъ такъ глубоко...

Городской.

Конечно, со всѣхъ сторонъ, но мнѣ кажется, что съ одной стороны.... чортъ меня возьми, если я понимаю о чемъ онъ говоритъ.

Гусевъ.

Да помилуйте, вѣдь оно пропадало совершенно по пустому.

Городской.

Разумѣется.

Гусевъ.

А теперь все пойдетъ въ дѣло.

Городской.

Понимается.

Гусевъ.

И болота сушить не надобно.

Городской.

Безъ сомнѣнія.... (*Квитскому тихо*). Да перебей разговоръ.... ты видишь я увязъ въ болотѣ.

Квитскій.

Мнѣ кажется, Александръ Савичъ, что вообще сельское хозяйство должно быть трудная наука.

Гусевъ.

О, еще бы! Вотъ учись, у дядюшки; даромъ, что давно ужъ не живетъ въ деревнѣ, а тотчасъ понялъ мое предпріятіе.

Городской.

О, въ ту же минуту.... Гдѣ же молодежи понимать эти вещи.... мы съ вами — другое дѣло.

№ 9.

У васъ довольно агрономовъ,
Но странно только, отчего
Здѣсь много сельскихъ экономовъ,
А денегъ нѣтъ ни у кого.
Тотъ полъ-имѣнія зароетъ,
Другой просвѣтъ капиталъ,
Иной машинъ себѣ настроитъ —
И черезъ годъ въ тиски попалъ!

Тотъ бьется самъ, крестьянъ колотитъ,
А все идетъ на перекоръ:
Изъ вздора пустяки молотитъ,
Изъ пустяковъ же мелетъ вздоръ.
Но, что жъ выходитъ въ заключенье,
Какъ горю нечѣмъ пособить?
Прійдется заложить имѣнье,
И попеченье отложить!

—

ЯВЛЕНІЕ III.

Тѣ же и Варвара Алексѣевна (въ негліжѣ послѣ ванны.)

Варвара Алексѣевна.

Ай! (*спѣшитъ уйти.*)

Гусевъ.

Куда вы бѣжите отъ насъ?

Городской.

Жена! ничего..... смѣлѣе.

Варвара Алексѣевна.

Я только что изъ ванны, а у васъ гости....

Гусевъ.

Будущій мой роденька, человѣкъ совсѣмъ не церемонный; пойдемте, я съ вами познакомлю дядю моего будущаго зятя.... Имѣю честь рекомендовать — чудеснѣйшій человѣкъ.

Городской.

Я постараюсь оправдать этотъ лестный отзывъ....

Варвара Алексѣевна.

Очень рада познакомиться.... что это значитъ?

Городской (тихо ей).

Смотрите, ни одного лишняго слова, а не то я самъ выведу васъ на свѣжую воду. (*Громко.*) И вы для меня хотѣли переодѣться... Къ чему жъ, вы такъ прекрасны въ этомъ дезабилье.... (*тихо.*) Не вѣрьте, это нарочно!

Варвара Алексѣевна.

Чудовище! Вы слишкомъ учтивы....

Гусевъ (Квитскому).

Каковъ дядюшка-то?

Варвара Алексѣевна.

Дядюшка! это что нибудь не даромъ.... Вы дядя Г. Квитскаго?

Городской.

Да, сударыня, и нарочно пріѣхалъ на свадьбу племянника, котораго люблю отъ души.

Гусевъ.

Молодежи все мѣшаютъ толкомъ поговорить. Не хотите ли, дорогой гость, посмотрѣть здѣшнія воды.

Олинька.

И я съ вами, папенька.

Гусевъ.

А ты развѣ не видала? Займи Евгенія Сергѣевича; покажи ему свой альбомъ, пока Варвара Алексѣевна займется своимъ туалетомъ.

Олинька.

Папенька!

Гусевъ.

Пойди, пойди, и принеси свой альбомъ....

(Олинька уходитъ.)

Квитскій.

Отговорись.

Городской.

А что, Александръ Савичъ, далеко мы пойдетъ?

Гусевъ.

А что?

Городской.

У меня проклятая подагра.

Гусевъ.

Эге, почтеннѣйшій, это привилегированная болѣзнь холостяковъ. Ну, что жъ, начни съ нами пить какую нибудь воду, и ее какъ рукой снимешь. Пойдемте же, погуляемъ немного, а потомъ сыграемъ въ картишки.

Квитскій.

Мнѣ надо сообщить тебѣ мой планъ.

(Олинька приходитъ съ альбомомъ.)

Гусевъ.

Отправимся же; наши дамы станутъ насъ ожидать, чтобъ итти въ галерею.

Городской.

О, я всегда покорный слуга прекраснаго пола. (Женѣ.) Помните же, что я вамъ говорилъ: ни одного лишняго слова....

Гусевъ (ей.)

Неправда ли, какъ онъ любезенъ?

Варвара Алексѣевна.

Чрезвычайно какъ милъ.

Гусевъ.

Вы ей понравились.

Городской.

Какъ тутъ попалъ!

Гусевъ (беретъ подъ руку Городскаго).

Ну, идемте же, идемте. (Уходятъ.)

Варвара Алексѣевна.

Какъ бы мнѣ узнать, что значитъ эта выдумка.

(Уходитъ.)

—

ЯВЛЕНІЕ IV.

Квитскій и Олинька (сидитъ у стола и перелистываетъ альбомъ.)

Квитскій.

Начнемъ аттаку. Ольга Александровна! въ послѣдній разъ удостойте меня выслушать.

Олинька.

Какъ несносны эти женихи. — Вѣдь я ужъ вамъ сказала, что ни просьбы, ни убѣжденія ваши не перемѣнятъ моего образа мыслей.

Квитскій.

Я и не желаю опровергать вашего намѣренія.

Олинька.

Что-съ?

Квитскій.

Успокойтесь, Ольга Александровна; я здѣсь всѣхъ обманывалъ; я вовсе васъ не люблю.

Олинька.

Что, сударь, вы меня не любите?

Квитскій (оглядываясь).

Тише, ради Бога, тише; бѣда, ежели услышатъ.

Олинька.

Ахъ, Боже мой! что жъ это такое?

Квитскій.

Прежде чѣмъ я узналъ васъ, другая уже владѣла моимъ сердцемъ.

Олинька.

Другая? такъ за чѣмъ же вы искали руки моей?

Квитскій.

Та, которую я люблю, богата только своими достоинствами, а дядюшка....

Олинька.

Желаетъ другаго богатства.

Квитскій.

Вы отгадали!

Олинька.

Ну, что жъ, признайтесь дядюшкѣ, онъ такъ добръ, такъ любитъ васъ....

Квитскій.

О, вы еще не знаете, какъ онъ неумолимъ, строгъ, — онъ ужасный человѣкъ.

Олинька.

Кто бы могъ подумать, глядя на него....

Квитскій.

Онъ, просто, тиранъ; упрямъ до бѣшенства; то, что однажды вошло ему въ голову, того у него никто не выбьетъ.

Олинька.

Боже мой! да это страшно даже слушать!

Квитскій.

Онъ грозилъ лишить меня наслѣдства, ежели я не откажусь отъ моей безумной, какъ онъ называетъ, страсти.... но на что мнѣ богатство безъ любви.

Олинька.

Какой онъ милый!

Квитскій.

Если бъ вы знали всю силу этой ужасной страсти!... Я со слезами умолялъ дядю не разлучать насъ, я клялся лишить себя жизни.

Олинька.

Прекрасно, прекрасно, такъ и надо.

Квитскій.

Какая добрая.... но ни слезы, ни мольбы мои не тронули его. Наконецъ я притворился, что готовъ покориться его волѣ.

Олинька.

Но.... кто же она!

Квитскій.

Она во всемъ похожа на васъ; даже носитъ одно съ вами имя.

Олинька.

Ее также зовутъ Ольгой? какъ это странно.

Квитскій.

Она не менѣе меня несчастна; она проводитъ дни въ слезахъ, въ горести....

Олинька.

Ахъ, Боже мой, до чего доводитъ любовь. До сихъ поръ, я не вѣрила любви.

Квитскій.

Можете ли вы повѣрить магической силѣ страстнаго взгляда, можете ли вы не затрепетать отъ нѣжнаго пожатія руки?

(Беретъ ее за руку.)

Олинька (тихо отнимаетъ ее.)

Какое новое чувство.... неужели мы ошибались въ пансіонѣ. И вы никакъ не надѣетесь упросить дядюшку?

Квитскій.

Я въ отчаяніи; но есть средство, не знаю только, согласитесь ли вы: надо обмануть дядю, выиграть время.

Олинька.

Говорите, говорите, я все готова сдѣлать, только бы вы не женились на мнѣ.

Квитскій.

Сохрани Богъ, чтобы я захотѣлъ на васъ жениться!

Олинька.

Онъ бы могъ это сказать иначе.

N. 10-й.

Чего же вы хотите?
Мнѣ смѣло говорите;
И только научите,
На все рѣшуся я.

Квитскій.

Вы жизнь мнѣ возвратите!
Вы дядю обманите
Притворно полюбите
Несчастнаго меня!

Олинька.

Что это вы, въ умѣ ли?
Вотъ вы чего хотѣли?
Какъ можно, въ самомъ, дѣлѣ
Любить васъ — для чего?

Квитскій.

Любить не въ самомъ дѣлѣ,
А для невинной цѣли,
Чтобъ дядю мы поддѣли —
И больше ничего!

Олинька. Вмѣстѣ Квитскій.

О, если такъ — согласна;
Вы вздумали прекрасно!
Любить готова страстно,
Чтобы бѣду отвлечь!

И такъ она согласна!
Вотъ, вздумалъ я прекрасно!
Шутить огнемъ опасно,
Чтобъ руку не обжечь.

Квитскій.

О, на этотъ счетъ будьте покойны.... я вовсе не желаю, чтобъ меня любили: надобно только, чтобъ мой дядя и вашъ батюшка почитали насъ влюбленными, а тамъ, авось, я успѣю умолить дядю.

Олинька.

Понимаю, понимаю; это только для шутки.

Квитскій.

Разумѣется. (*Въ сторону*) Шути, голубушка, шути; авось судьба подшутитъ надъ тобою.

Городской (за кулисами.)

Иванъ! Иванъ!

Квитскій (въ сторону).

Вотъ и онъ!—Очень къ стати! лишь бы только догадался... Ахъ, Боже мой!

Олинька.

Что такое?

Квитскій.

Кажется, дядя насъ подслушалъ.

Олинька.

Не можетъ быть: онъ тамъ смѣется.

Квитскій.

О, глупецъ! какъ на смѣхъ, въ самомъ дѣлѣ, хохочетъ. Этотъ смѣхъ ужасенъ, это первическій хохотъ.... Ради Бога, уйдите, онъ бываетъ ужасенъ въ бѣшенствѣ... Идите, идите скорѣе.

Олинька.

Ахъ какой ужасъ! (*убѣгаетъ*).

ЯВЛЕНІЕ V.

Олинька, (за дверью.) Квитскій и Городской.

Квитскій (идя на встрѣчу къ нему.)

Иди скорѣе, мнѣ нужно съ тобою говорить. А она хочетъ подслушать.... (*тихо ему.*) Не смѣйся.

Городской.

Какъ?

Квитскій.

Сердись.

Городской.

Сердиться? За что?

Квитскій.

Нужно; послѣ узнаешь. Кричи, что ты все слышалъ.... брани меня.

Городской (громко.)

Я все слышалъ! я все слышалъ! (*тихо.*) Что жъ я слышалъ?

Олинька.

Ахъ несчастный! Онъ погибъ!

Квитскій (тихо.)

Говори, неблагодарный племянникъ!

Городской (холодно.)

Говори неблагодарный племянникъ.

Квитскій.

Громче!

Городской.

Громче!

Квитскій.

Громче говори.

Городской.

Да, виноватъ! (*кричитъ.*) Говори, неблагодарный племянникъ!

Квитскій (умоляющимъ голосомъ.)

Неужели ни что не можетъ васъ умолить (*суфлеруя.*) Прочь отъ меня, повѣса!

Городской.

Прочь отъ меня, повѣса!

Квитскій.

Лиши меня наслѣдства.

Городской (тихо.)

Изволь, это мнѣ ничего не стоитъ и тебѣ тоже (*громко.*) Я... я лишаю тебя наслѣдства.

Квитскій.

Да громче же.

Городской.

Да громче же.... Виноватъ, забылъ. — Я лишаю тебя наслѣдства, слышишь ли ты? Ты со мной дешево не раздѣлаешься.... Ты думаешь, что я ничего не знаю; нѣтъ, братъ, я знаю все.... ты понимаешь, что я хочу сказать? Я тебя уничтожу, какъ.... этотъ стаканъ. (*Допиваетъ оставшееся въ стаканѣ вино и бросаетъ стаканъ на полъ.*)

Олинька (притворяя дверь.)

Ахъ какія страсти!

Квитскій.

Ты вѣчно пересолишь.... гони меня вонъ и иди самъ за мною, тамъ я тебѣ все объясню.

Городской.

Вонъ съ глазъ моихъ.... иди въ свою комнату, тамъ я отъ тебя узнаю..... т. е. тамъ ты отъ меня узнаешь, чего я требую.

Гусевъ (за кулисами.)

Ѳедоръ Павловичъ! — Что же я жду.... карты готовы....!

Городской.

Слышишь, старикъ зоветъ играть въ экарте.

Квитскій (беретъ его за руку).

Проиграй ему и приходи сюда.... Дядюшка, сжалься надо мною.

Городской.

Подите вонъ, сударь! ой, чортъ возьми, больно, руку сломалъ.... (*отдергиваетъ ее.*) Я съ вами раздѣлаюсь!... ты меня узнаешь!... я тебѣ докажу.... я вамъ покажу.... я васъ!... о, чортъ возьми!... (*Квитскій замѣтя Олиньку выходитъ съ печальнымъ видомъ.*)

—

ЯВЛЕНІЕ VI.

Олинька, потомъ Варвара Алексѣевна.

Олинька (выходитъ съ осторожностью.)

Ушелъ! Слава Богу! Бѣдняжка!... какъ онъ любитъ, какъ страдаетъ за свою Ольгу. Теперь я начинаю понимать любовь.... теперь меня никто не увѣритъ, что онъ притворяется; нѣтъ, я сама все слышала, все видѣла. Ахъ, Боже мой, что съ нимъ будетъ?

Варвара Алексѣевна.

Что здѣсь былъ за шумъ... что случилось..?

Олинька.

Ахъ, Боже мой, какой ужасный человѣкъ дядя Квитскаго.... онъ сейчасъ бранилъ, кричалъ на племянника, грозилъ лишить его наслѣдства.

Варвара Алексѣевна.

За что?

Олинька.

Онъ подслушалъ, что Евгеній Сергѣевичъ не хочетъ на мнѣ жениться: онъ, видите, влюбленъ въ другую, ее тоже зовутъ Ольгой.

Варвара Алексѣевна.

Что за небылицу въ лицахъ ты мнѣ расказываешь?

Олинька.

Небылица, вотъ мило! Онъ страстно любитъ свою Ольгу, онъ клялся.

Варвара Алексѣевна.

Клялся; ну, стало быть, вздоръ.

Олинька.

Во тъхорошо! я васъ увѣряю, что Евгеній Сергѣевичъ прекрасный молодой человѣкъ, умѣетъ любить! да какъ еще! не такъ, какъ любятъ другіе мужчины. Какъ жаль, что вы его не слыхали; я увѣрена, что вы бы сами кого нибудь полюбили.

Варвара Алексѣевна.

Какія пустяки.

Олинька.

«Можете ли вы не вѣрить магической силѣ страстнаго взгляда.... можете ли не затрепетать отъ нѣжнаго пожатія руки?»

Варвара Алексѣевна.

Что съ тобой сдѣлалось?... тебѣ, просто, вскружили голову.

Олинька.

Послушайте его — и вы то же заговорите.

No-11-й.

Новаго чувства всю силу значенья
Онъ мнѣ умѣлъ объяснить.
Сколько въ томъ чувствѣ душѣ наслажденья,
Ахъ, какъ пріятно любить!
Рѣчи его, увѣренія страстныя,
Вѣрно прельстятъ, хоть кого.
Пусть всѣ мужчины злодѣи ужасные,
Но только кромѣ его.

Варвара Алексѣевна (въ сторону).

О, здѣсь совсѣмъ испортили мою ученицу. (*ей*) Надъ тобою хотятъ подшутить, мой другъ; онъ, просто, признался тебѣ въ своей любви.

Олинька.

Большая ему нужда до меня.... онъ забылъ и думать обо мнѣ!... Ахъ, если бъ вы видѣли, какъ злился на него дядя!... Вотъ, посмотрите, онъ этимъ стаканомъ хотѣлъ въ него бросить.

Варвара Алексѣевна. (въ сторону).

О! я узнаю его.... всѣ старыя замашки.

Олинька.

Ахъ, Боже мой! онъ опять идетъ сюда; я ужасно его боюсь.... ни за что здѣсь не останусь! (*Убѣгаетъ*).

—

ЯВЛЕНІЕ 7.

Варвара Алексѣевна и Городской.

Городской. (въ кулису).

Я сію минуту возвращусь. — Этотъ старый дуракъ помѣшалъ мнѣ узнать отъ Евгенія.... Ахъ, извините, я васъ и не замѣтилъ (*хочетъ уйти*).

Варвара Алексѣевна.

Послушайте, сударь. Вы здѣсь дурачите почтеннаго человѣка.... До сихъ поръ я ни слова не говорила.

Городской.

Гораздо умнѣе молчать, нежели говорить пустяки.

Варвара Алексѣевна.

Мнѣ кажется, можно бы быть повѣжливѣе. Могу ли хоть узнать, что все это значитъ, и почему вы называетесь дядей Квитскому?

Городской.

А почему же онъ не можетъ быть, въ самомъ дѣлѣ, моимъ племянникомъ?

Варвара Алексѣевна.

Вы никогда мнѣ объ этомъ не говорили, и это просто одна изъ обыкновенныхъ вашихъ глупостей.

Городской.

Кажется, можно быть повѣжливѣе.

Варвара Алексѣевна.

Дядя Квитскаго живетъ въ Петербургѣ, и скоро будетъ сюда.

Городской.

Можетъ быть...Пушка сама по себѣ, а мортира сама по себѣ.

Варвара Алексѣевна.

А вы, просто, не въ себѣ, сударь. Вы хотите насильно женить вашего друга, который не нравится Олинькѣ.

Городской.

А вамъ какое дѣло?

Варвара Алексѣевна.

А такое, сударь, что я... Боже мой, какая мысль! Этотъ молодой человѣкъ долженъ быть тоже фальшивый Квитскій.

Городской.

Какъ вы догадливы!

Варвара Алексѣевна.

Да, да!... вы воображаете, что я не догадаюсь? Вы, вѣрно, хотите вашего племянника, изъ личныхъ выгодъ, женить на богатой невѣстѣ.

Городской.

Да, это было бы такъ легко сдѣлать. Какое пылкое воображеніе.

Варвара Алексѣевна.

Да ужъ вамъ меня не обмануть. Знаете ли, за что вы взбѣсились на вашего племянника.

Городской.

Напримѣръ?

Варвара Алексѣевна.

За то, что онъ не соглашается на вашъ ужасный обманъ, что онъ влюбленъ въ другую.

Городской.

А! вотъ что!

Варвара Алексѣевна.

Онъ признался Олинькѣ, что никогда не будетъ ее любить.

Городской.

Онъ въ этомъ ей признался!... Вотъ тебѣ разъ.

Варвара Алексѣевна.

Притворяйтесь, притворяйтесь : будто вы этого не знаете; а не сами ли вы ихъ подслушали...

Городской.

Благодарю васъ за объясненіе (*въ сторону*). Вотъ что значитъ женщина: сама ничего не слыхала, а все знаетъ!

Варвара Алексѣевна.

Но будьте увѣрены, что я не допущу васъ обмануть почтенное семейство... Племянникъ вашъ не женится не Олинькѣ.

Городской.

Племянникъ не посмѣетъ меня ослушаться.

Варвара Алексѣевна.

Да я-то на все осмѣлюсь... и ежели нужно, то объявлю, что....

Городской.

Что вы моя супруга?... Съ большимъ удовольствіемъ... Пойдемте въ залу, я при всѣхъ торжественно признаю васъ моей дрожайшей половиной, и скажу, что вы бѣжали отъ меня и живете безъ вида, подъ чужимъ именемъ.

Варвара Алексѣевна (понижая голосъ).

Отъ васъ это станется. Вы, варваръ сударь...

Городской.

А вы, Варвара Алексѣевна?

Варвара Алексѣевна.

Вы, просто мучитель!

Городской.

За то прежде былъ мученикомъ.

Варвара Алексѣевна.

Я васъ нынче еще болѣе ненавижу.

Городской.

Чего же мнѣ больше.... Я прежнимъ доволенъ, само собою разумѣется, сударыня, что послѣ всеобщей огласки вамъ прійдется опять жить со мною.

Варвара Алексѣевна.

Ни за что въ жизни, лучше умереть!

Городской.

Какъ угодно.

Варвара Алексѣевна.

О, я себѣ въ вѣкъ не прощу.

Городской.

Чего?

Варвара Алексѣевна.

Что вышла за васъ.

Городской.

Я тоже не прощалъ, пока не распрощался съ вами.... Впрочемъ, утѣшьтесь, не мы первые и не мы послѣдніе.

№ 12.

Что огорчаться пустяками?
Супруговъ множество такихъ,
Да только мы немножко съ вами
По откровеннѣе другихъ.
Къ чему страдать намъ изъ обычья?
Давно на свѣтѣ завелось:
Жить только вмѣстѣ для приличья,
А прочее все дѣлать врозь.

Здѣсь тьма союзовъ неудачныхъ,
Иные рады бъ, безъ хлопотъ —
На мѣсто церемоній брачныхъ,
Безъ церемонія разводъ.
Мы съ вами же за умъ хватились:
Въ своемъ блаженствѣ обочлись,
И по любви соединились,
И полюбовно разошлись!

(*Квитскій входитъ и остается въ дверяхъ*).

Варвара Алексѣевна.

Послушайте же, такъ и быть, я не скажу, что вы мнѣ мужъ, но открою глаза Олинькѣ; скажу, что ее обманываютъ, и все таки свадьбѣ не бывать.

Городской.

Быть свадьбѣ.

Варвара Алексѣевна.

Не бывать, не бывать, и я сію минуту иду къ Олинькѣ...

Городской.

Я иду съ вами, и прежде васъ все разскажу.

Варвара Алексѣевна.

Да я не скажу, что я ваша жена.

Городской.

Вы ничего не станете говорить, или я разскажу все,

Варвара Алексѣевна.

Извергъ, чудовище!

Городской.

И прочее, и прочее, и прочее, только я отъ васъ прочь не отойду. Милости прошу со мною, въ залу; я сяду играть съ Гусевымъ, а вы собою украсите нашу бесѣду.

Варвара Алексѣевна.

Я не хочу.....

Городской.

Сдѣлайте милость (*подаетъ ей руку.*) У мужа и жены должно быть все общимъ. Прошу покорно.

Варвара Алексѣевна.

Я и одна пойду.

Городской.

Нельзя, должно соблюсти нѣкоторое приличіе.... вы дама, а я кавалеръ (*уходя съ нею.*) Какое примѣрное согласіе.... душа въ душу....

Варвара Алексѣевна.

Я задыхаюсь! (*Уходятъ.*)

—

ЯВЛЕНІЕ VIII.

Квитскій (одинъ).

Ха, ха, ха! это безподобно.... старый повѣса отъ живой жены выдаетъ себя за вдовца! Да почему она не хочетъ чтобъ я женился.... А признаться, Олинька совсѣмъ свела меня съ ума.... удастся ли то моя дипломатика.... я довелъ ее до того, что она принимаетъ во мнѣ участіе.... этого пока довольно: отъ дружбы до любви одинъ шагъ. Теперь остается нанести ей послѣдній ударъ.... какъ бы къ этому приступить.... какъ.... а авось то на что... Вотъ и она, смѣлѣе....

—

ЯВЛЕНІЕ IX.

Квитскій и Олинька.

Квитскій.

Я шелъ къ вамъ; мнѣ многое нужно сказать вамъ. Давича вы отгадали: дядя, точно, насъ подслушалъ и поклялся, что ежели я откажусь отъ васъ, то онъ самъ на васъ женится.

Олинька.

Ахъ, какія страсти!... Что вы говорите, какъ же этому помѣшать?

Квитскій.

Ума не приложу. Мы оба съ вами очень несчастливы, особливо я....

Олинька.

Извините, я: вы любите, вамъ отвѣчаютъ тѣмъ же, а я....

Квитскій.

Вы можете упросить батюшку, и онъ пожертвуетъ вами, а я лишенъ надежды на счастіе.... меня хотятъ разлучить съ моей любезной.... Нѣтъ, я не могу жить безъ нее, я лечу къ ней!

Олинька (печально).

Какъ, вы ѣдете?

Квитскій.

Развѣ вамъ это непріятно?

Олинька.

Я ужъ полюбила васъ, какъ брата.... кто же, безъ васъ, избавитъ меня отъ этого ужаснаго брака! (*Умоляющимъ голосомъ.*) Нѣтъ, не уѣзжайте, пожалуйста, не уѣзжайте; напишите къ ней.

Квитскій (въ сторону).

Прекрасно, какая мысль. Чтобы спасти васъ, я жертвую собою. (*Садится къ столу.*)

Олинька.

Ну, слава Богу, онъ останется.

Квитскій (пробуя перья).

Ни одного порядочнаго пера! (*беретъ ножикъ.*) Ахъ, какая досада!

Олинька.

Что съ вами?

Квитскій

Палецъ порѣзалъ.

Олинька.

Ахъ, Боже мой! подождите, я принесу Англійскаго пластыря.

Квитскій.

Нѣтъ, такъ пройдетъ.... не нужно. Злая судьба меня во всемъ преслѣдуетъ. Теперь я лишенъ удовольствія писать къ моей несравненной Ольгѣ!

Олинька.

Ахъ, какъ мнѣ васъ жаль. Какъ же быть?

Квитскій.

Одно средство.... вы можете спасти меня....

Олинька.

Какъ же, скажите.

Квитскій.

Напишите за меня.

Олинька (опуская глаза).

Какъ мнѣ писать такое письмо!

Квитскій.

Вы только станете писать мои слова. Я другому никому не повѣрю моей тайны, и принужденъ буду....

Олинька (живо).

Нѣтъ, нѣтъ, вы не уѣдете.

Квитскій.

Такъ вы напишите?

Олинька.

Что съ вами дѣлать, извольте! (*Садится.*) Однако жъ, знайте, сударь, что я это дѣлаю для вашей Олиньки, а не для васъ.

Квитскій (въ сторону).

Это и видно.

Олинька.

Мнѣ давно хотѣлось знать, какъ пишутъ такія письма. Ну, сударь, я готова.

Квитскій.

«Безцѣнная Ольга!»

Олинька (пишетъ).

Престранно! точно, какъ будто мнѣ говоритъ.

Квитскій.

«Въ несчастіи нашемъ, судьба послала намъ Ангела....» (*Олинька взглядываетъ на него.*) Ангела, написали?

Олинька.

Написала.

Квитскій.

«Вообрази себѣ соединеніе всего прекраснаго, и ты все еще не вполнѣ будешь имѣть понятіе о прелестной дѣвушкѣ....»

Олинька.

Да о комъ вы это говорите?

Квитскій.

О комъ же, кромѣ васъ.

Олинька.

Вы шутите.

Квитскій.

Я отдаю вамъ справедливость.

Олинька.

Если бы я знала, что съ этого начнется....

Квитскій.

Вѣдь не переписывать же, время дорого.

Олинька.

Только прошу подобныхъ вещей не диктовать.

Квитскій.

«О прекрасной дѣвушкѣ,» написали?

Олинька.

Да-съ.

Квитскій.

«Которая пишетъ къ тебѣ это письмо, подъ мою диктовку....»

Олинька.

Послушайте, вы все еще обо мнѣ говорите. Не знаю, пріятно ли будетъ....

Квитскій.

Олинькѣ? Увѣряю васъ, что она за это не разсердится.

Олинька (въ сторону).

Ну, я бы разсердилась.

Квитскій.

«Не опасайся: та, на которой дядя хочетъ меня женить, ненавидитъ меня...»

Олинька (бросаетъ перо).

Вотъ ужъ этого, я никакъ не напишу.

Квитскій.

Это для того, чтобъ ее успокоить.

Олинька.

Нѣтъ, ужъ какъ хотите.... я два раза уступала, а теперь никакъ не уступлю; это не правда, и васъ я не ненавижу.

Квитскій.

Стало быть надо перемѣнить?

Олинька.

Скажите то же, только иначе.

Квитскій.

Хорошо, пишите: «Та, на которой дядя хочетъ меня женить, вовсе нелюбитъ меня.» Что же вы не пишете?

Олинька.

«Меня вовсе не любитъ.» Мнѣ кажется, что это все еще не хорошо.

Квитскій.

Конечно не хорошо, да какъ же быть? Я, право, не знаю....

Олинька.

Постойте, постойте, я нашла что сказать.

Квитскій.

Пишите, я вамъ буду очень благодаренъ. (*Читаетъ изъ за-плеча.*) «Та, на которой дядя хочетъ меня женить, ко мнѣ очень расположена.» Это по ея значитъ одно и то же... прекрасно!

Олинька.

Погодите, погодите, да вѣдь тутъ смыслу не будетъ.... надо опять перемѣнить.

Квитскій (нѣжно беретъ ее за руку).

Остановитесь на минуту....

Олинька.

Дайте же мнѣ дописать. Смотрите, такъ ли?

Квитскій (читаетъ).

«Любитъ меня, какъ друга.» Ольга, милая Ольга!

Олинька.

Что, сударь?

Квитскій.

Я люблю тебя болѣе всего въ мірѣ!

Олинька.

Какъ, сударь!

Квитскій.

Ай, проговорился! — Я вамъ диктую — Ольга, милая Ольга, и прочее.

Олинька.

А, это онъ диктовалъ.... (*Вздыхаетъ*). Ахъ, какъ счастлива эта Ольга! Я люблю тебя!

Квитскій.

Повторите это слово.....

Олинька.

Какъ онъ на меня смотритъ.—«Я люблю тебя!»

Квитскій.

Вы это говорите, безъ выраженія. Вообразите себѣ, что той Ольги не существуетъ, что любовь моя къ ней вымышленная, и что все это я вамъ говорю.

Олинька (въ сторону).

Ахъ, Боже мой!

Квитскій.

Не сердится!... Она моя! Неужели вы не простите меня за эту невинную хитрость. Безъ васъ я не могу быть счастливымъ. (*Она потупляетъ глаза, онъ беретъ ее за руку*). Вы молчите!... Повторите повторите еще это слово, отъ котораго зависитъ счастіе моей жизни. *Цѣлуетъ ея руку*).

—

ЯВЛЕНІЕ X.

Тѣже и Городской.

Городской (вбѣгая).

Евгеній! Евгеній!

Олинька (отдергиваетъ руку).

Ахъ!

Квитскій.

Что тебѣ надобно?... ты намъ помѣшалъ! Наши дѣла идутъ...

Городской.

Прескверно. Я зазѣвался, и эта мадамъ Ласкова успѣла переговорить съ Гусевымъ. Хороши гуси мы съ тобою будемъ.

Квитскій.

Чортъ съ ней!

Городской.

Онъ съ ней теперь въ залѣ.

Квитскій.

Пускай себѣ.... оставь только насъ.... убирайся. (*Толкаетъ его*).

Олинька.

Ахъ, Боже мой! что вы дѣлаете?

Городской.

Да выслушай!

Квитскій.

Послѣ, послѣ. Убирайся!

Городской.

Но....

Квитскій (толкая его).

Убирайся къ чорту.

Олинька.

Онъ съ ума сошелъ. — Ахъ, сударь, сдѣлайте милость.

Городской.

Что прикажете.

Олинька.

Простите вашего племянника.

Городской.

Ахъ да, я было и позабылъ. Въ самомъ дѣлѣ, негодный племянникъ! Что ты это? Въ свою ли ты голову.... какъ ты смѣешь меня толкать въ шею?

Квитскій.

Э, любезный другъ, теперь это не нужно.

Олинька.

Любезный другъ! Что это значитъ? Вы молчите; такъ этотъ господинъ не дядюшка вамъ?

Городской.

Почему жъ я не могу быть дядюшкой, если бъ онъ, въ самомъ дѣлѣ, былъ моимъ племянникомъ?

Олинька.

Боже мой, такой обманъ! А ужъ я начинала думать, что вы....

Квитскій.

Ради Бога, выслушайте меня.

Олинька.

Не стыдно ли вамъ было такъ меня обманывать? Это ужасно, непростительно!

Квитскій.

Выслушайте.

Олинька.

Нѣтъ, сударь, избавьте меня! (*Хочетъ уйти*).

Квитскій.

Позвольте мнѣ вамъ объяснить; я увѣренъ, что вы меня простите.

Олинька.

Васъ простить, тогда, какъ вы меня во всемъ обманывали.

Квитскій.

№ 13.

Я съ перваго взгляда въ васъ страстно влюбился,
И видѣлъ холодный обидный пріемъ;
Хоть я на невинный обманъ согласился,
Но долженъ винриться въ поступкѣ моемъ.
Теперь роковое мнѣ слово скажите,
Я жду, какъ преступникъ, рѣшенья суда:
Остаться ли съ вами на вѣкъ мнѣ велите,
Иль долженъ оставить я васъ на всегда?

Городской.

Разумѣется, что сердиться тутъ не за что; это былъ обманъ въ пользу любви. Отцы ваши положили женить васъ; вы, какъ покорныя дѣти должны повиноваться, а вашъ покорнѣйшій тряхнетъ стариной на сговорѣ молодыхъ!

—

ЯВЛЕНІЕ XI.

Тѣже и Варвара Алексѣевна.

Варвара Алексѣевна.

Погодите, господа, я вамъ совѣтую, не торопиться.

Городской.

Ай, ай, зловѣщая птица не къ добру сюда прилетѣла.

Варвара Алексѣевна.

Послушай меня, мой другъ: этотъ господинъ, фамиліи котораго я навѣрно не знаю....

Квитскій.

Квитскій, сударыня!

Варвара Алексѣевна.

Можетъ быть; этотъ господинъ не хотѣлъ послѣдовать моему совѣту, такъ теперь ты попроси его отправиться куда ему угодно.

Олинька (съ неудовольствіемъ).

Это почему, Варвара Алексѣевна?

Варвара Алексѣевна.

Потому что этого хочетъ твой батюшка, и ты должна повиноваться.

Всѣ.

Что это значитъ?

Варвара Алексѣевна.

То значитъ, что Александръ Савичъ узналъ, что его дурачили.

Олинька.

Ахъ, какая она не добрая!

Городской (тихо ей).

Я понимаю, сударыня, это вы ему сказали.

Варвара Алексѣевна (со страхомъ).

Не я, божусь, не я.... Вы знаете, что я не люблю вмѣшиваться въ чужія дѣла; онъ получилъ сейчасъ изъ Петербурга письма....

Гусевъ (за кулисами).

Олинька! Олинька!

Олинька.

Это голосъ папеньки; пойдемте къ нему. *(Убѣгаетъ)*.

Городской.

Послушайте меня, сударыня, въ послѣдній разъ; вы меня не разувѣрите: это дѣло вашихъ рукъ, т. е. языка.

Гусевъ.

Знать ничего не хочу!

Городской.

Слышите ли, что вы надѣлали! Смотрите же, ежели эта свадьба разстроится, клянусь, что я....

Варвара Алексѣевна.

Вы скажете, что я ваша жена?

Городской.

Даже хуже; чортъ знаетъ, что я скажу.

Варвара Алексѣевна.

Вамъ не повѣрятъ.

Городской.

Дурному всегда охотно вѣрятъ, а хорошаго про васъ нечего говорить!

—

ЯВЛЕНІЕ XII.

Тѣже, Гусевъ, за нимъ Олинька и Квитскій.

Гусевъ.

Знать ничего не хочу!

Олинька.

Папенька! душенька!

Гусевъ.

Ни слова! ни слова! Прошу понять этихъ дѣвчонокъ: давича и руками и ногами, а теперь на стѣну лезетъ! Я тебѣ сказалъ, что этой свадьбѣ не бывать!

Олинька (плача).

Ахъ, Боже мой, какъ я несчастна!

Варвара Алексѣевна (тихо отцу).

Прекрасно, прекрасно!

Квитскій.

Это ты своей глупой выдумкой надѣлалъ.

Городской.

Не бойся ничего. Позвольте мнѣ, Александръ Савичъ...

Гусевъ.

Я не знаю кто вы, милостивый государь....

Городской.

Отставной штабсъ-капитанъ Дмитрій Павловичъ Городской.

Гусевъ.

Все-таки я васъ не знаю.

Городской.

Это все равно... но я былъ причиною ссоры, я же долженъ васъ и примирить. Квитскій тутъ ни сколько не виноватъ. Завтра мы бы открыли вамъ нашу тайну, но насъ предупредили, перетолковали невинное намѣреніе въ дурную сторону, вооружили васъ противъ людей, которые болѣе заслуживаютъ ваше состраданіе, чѣмъ гнѣвъ....

Гусевъ.

Я васъ не понимаю.

Городской.

Вы сейчасъ поймете меня, когда узнаете истину.

Варвара Алексѣевна.

Онъ все разскажетъ... (*Тихо Гусеву*). Я удивляюсь вашему терпѣнію, Александръ Савичъ, васъ обманывали, Богъ знаетъ съ какимъ намѣреніемъ, а вы опять вдаетесь въ обманъ!

Гусевъ.

Правда, правда; нѣтъ, сударь, ничто не можетъ васъ оправдать.

Городской.

Какъ, даже страстная любовь?...

Гусевъ.

Страстная любовь къ моей племянницѣ?

Городской.

Нѣтъ, къ одной достойной, обворожительной женщинѣ.

Варвара Алексѣевна.

Я отдыхаю! Онъ не про меня говоритъ.

Городской.

Евгеній рѣшительно отказался участвовать въ моемъ невинномъ обманѣ, и я его убѣдилъ только тѣмъ, что это есть единственное средство для меня сблизиться съ обожаемою женщиной.... Неужели, добродѣтельный Александръ Савичъ, вы обвиняете его за этотъ великодушный поступокъ?

Варвара Алексѣевна.

Спросите его; кто эта женщина?

Гусевъ.

Но кто же, наконецъ, эта женщина?

Городской (указывая на Варвару Алексѣевну).

Вотъ она!

Всѣ.

Варвара Алексѣевна!

Варвара Алексѣевна.

Я!...

Городской.

Если бы Евгеній не согласился помогать мнѣ, я просто бы застрѣлился.... Страстная любовь наша была тайною.

Гусевъ.

Тольно не для меня: я съ перваго раза догадался, что вы неравнодушны къ Варварѣ Алексѣевнѣ.

Городской.

О, какъ вы догадливы!

Олинька.

Ахъ, какія вы хитрыя, Варвара Алексѣевна, вы увѣряли, что никого не любите.

Варвара Алексѣевна.

Клянусь, что...

Городской (тихо ей).

Ни слова, или будетъ худо.

Олинька.

Ахъ, милая Варвара Алексѣевна, какъ я рада, вы вѣрно будете счастливы съ такимъ милымъ человѣкомъ.

Варвара Алексѣевна.

Я задыхаюсь отъ досады!

Квитскій (съ улыбкой).

Могъ ли я вообразить, когда вы такъ жестоко лишали меня всякой надежды на счастіе, что вы сами страстно любите.

Варвара Алексѣевна.

И этотъ тоже смѣется надо мной!

Гусевъ.

Ну, такъ и быть, я всѣхъ прощаю. Будьте счастливы!

Олинька.

Папаша! душечька!

Гусевъ.

То-то, папаша, душечка; теперь и страхъ пропалъ! Ну, Варвара Алексѣевна, вы обвѣнчайтесь съ моей Ольгой въ одинъ день.

Городской.

Это не нужно.

Гусевъ и Ольга.

Какъ не нужно?

Городской.

Мы ужъ давно обвѣнчены, и только людская злоба разлучила на время два нѣжныя сердца. Не такъ ли, мой ангелъ?

Варвара Алексѣевна (тихо).

Я не могу вамъ выразить, какъ васъ ненавижу.

Городской (громко)

Я тѣ же самыя чувства питаю къ тебѣ, достойная женщина!

Гусенъ.

Я до слезъ растроганъ. Вотъ, дѣти, и вы такъ же любите другъ друга.

Жвитеній.

Хорошъ совѣтъ!

Городской.

Теперь мы другъ отъ друга ни на шагъ. Вы куда отсюда?

Варвара Алексѣевна.

Туда, гдѣ васъ нѣтъ. Въ Саратовъ.

Городской.

А я въ Москву.

Варвара Алексѣевна.

Счастливаго пути!

No-11-й.

ВСѢ.

Вѣрно, знаете вы сами,
Намъ чего просить пришлось;
Пусть и кончится не нами,
Что не нами началось.
Намъ теперь искать осталось
Снисхожденія въ судьяхъ,
Если сухо показалось
Приключенье на водахъ.

II. МАТЕРІЯЛЫ

ДЛЯ ИСТОРІИ ТЕАТРА, И СЛОВЕСНОСТЬ.

ИСПАНСКІЙ ТЕАТРЪ.

Многіе писатели несправедливо отнимали всякую жизнь у драматической литературы Испаніи, и думали, что эта литература не имѣетъ ни какой связи съ прочею Европою. Но было время, и время знаменитое, во Франціи, когда Испанскій Театръ пользовался общею извѣстностію, когда Корнель бралъ съ Испанскаго образца своего Сида, когда Расинъ переводилъ съ Испанскаго своихъ Plaideurs, когда Лесажъ, не говоря о другихъ писателяхъ, переводилъ дюжинами не только романы, но фарсы, комедіи, интермедіи, и т. п. До сихъ поръ, театры Французскій и Англійскій питаются Испанскими идеями; большая часть Скрибовыхъ водевилей заимствована изъ Испанскаго Театра, и такимъ образомъ Испанія, не смотря на свою отдѣльность отъ Европейской цивилизаціи, имѣетъ умственную связь со всѣми образованными народами, имѣетъ на нихъ вліяніе.

Италія, Англія, Франція производили собственно мѣновую торговлю; ихъ умственныя сокровища шли, какъ сырые продукты, въ литературный мелочной торгъ, и, разъединенные, раздробленные, вскорѣ утрачивали свой образъ, являлись въ рѣшительномъ искаженіи. То, что принадлежитъ симъ странамъ въ области науки и искусства можетъ быть признано, въ частномъ образованіи народовъ, зародышемъ новыхъ прекрасныхъ плодовъ, тѣмъ зародышемъ, который измѣнялсь по климату, почвѣ, цвѣту и вкусу, содѣйствовалъ къ великому, общему произрастенію. Испанію должно почитать всеобщею матерью драматическихъ мыслей; отъ нее всѣ получали пищу; всѣ обязаны ей жизнію и движеніемъ, и если Испанія не могла отстранить отъ себя чуждаго вліянія, если она не избѣгнула подражательности, то вскорѣ же потомъ доказала, что не утратила своихъ первобытныхъ силъ: она сбросила съ себя минутное, неестественное украшеніе, уничтожила напыщенность и, такъ называемый, Французскій классицисмъ.

Испанская драматическая литература, во всѣхъ отношеніяхъ, достойна всеобщей извѣстности. Она замѣчательна по самому началу, во многомъ сходному съ Греческимъ Театромъ. Сервантесъ разсказываетъ, что онъ видѣлъ кочующую жизнь Лопе де Руеды, его гардеробъ, состоявшій изъ четырехъ бѣлыхъ шубъ съ позолоченною кожею, изъ четырехъ накладныхъ бородъ и париковъ, и столь-

кихъ же пастушьихъ посоховъ. Древнѣйшія зрѣлища были именно пастушескія игры, эклоги между двумя или тремя пастухами и пастушкою, въ которыхъ одно лице исполняло нѣсколько ролей. Сервантесъ увѣряетъ, что Лопе де Руеда исполнялъ сіи четыре роли съ такимъ совершенствомъ, съ такою истиною, какъ только можно себѣ вообразить. Испанская драматическая литература замѣчательна также по своему ходу и развитію, и ни одна литература не достигала до столь блистательной степени въ такое короткое время. До сихъ поръ, драматическая литература Испаніи удержалась на этой степени, потому что оставалась вѣрною сама себѣ, не смотря на всѣ неблагопріятныя обстоятельства, терзавшія несчастную страну.

Чтобы понять вполнѣ оригинальность Испанской драмы, надобно обратиться къ прошедшему времени. Въ этомъ случаѣ, лучшимъ, вѣрнѣйшимъ руководителемъ можетъ служить Сервантесъ, который самъ былъ свидѣтелемъ кочеваго состоянія драматическаго искусства, самъ, какъ вторый Эсхиллъ, далъ драмѣ значеніе. Лопе де Вега и другіе его современники только утвердили, расширили драму; Кальдеронъ только украсилъ ее цвѣтами утонченной поэзіи, но никто изъ нихъ не могъ изобрѣсть ничего новаго.

«Въ молости,» разсказываетъ Сервантесъ въ предисловіи къ своимъ піесамъ, «былъ я въ обществѣ пріятелей, гдѣ говорили о зрѣлищахъ и о принадлежащихъ къ нимъ предметахъ. Разговоръ отличался такимъ остроуміемъ и тонкостію, что я видѣлъ въ немъ высочайшую точку совершенства. Говорили также о томъ, кто въ Испаніи первый извлекъ драму изъ пеленокъ, и украсилъ ее великолѣпною одеждою. Какъ старшій изъ присутствующихъ, я сказалъ, что помню игру великаго Лопе де Руеды, равно отличнаго актера и умнаго человѣка. Лопе де Руеда родился въ Севильѣ, и занимался тамъ плющеніемъ золота. Онъ былъ неподражаемъ въ пастушеской поэзіи, и въ этомъ родѣ никто не превосходилъ его ни прежде, ни послѣ. Хотя, по малолѣтству, я немогъ судить о достоинствѣ его стиховъ, однако жъ многіе стихи остались у меня въ памяти, и теперь, читая ихъ въ зрѣломъ возрастѣ, нахожу достойными заслуженной ими славы. (Руеда писалъ для театра отъ 1544 до 1558 года). Во время сего знаменитаго Испанца, всѣ принадлежности драматическаго поэта укладывались въ одномъ мѣшкѣ. Драмы были тогда просто діалоги или эклоги, къ которымъ для прикрасы и распространенія прибавляли двѣ или три интермедіи, гдѣ являлись Арабка, сваха, неповоротливые мужики или Бискайцы. Не было ни кулисъ, ни сраженій между Маврами и Христіанами, пѣшими и конными; не было и привидѣній, которые черезъ пониженіе сцены будто выходили изъ-подъ земли. Сцена составлялась изъ четырехъ лавокъ, расположенныхъ квадратомъ; на лавки накидывали четыре или шесть досокъ, и вся вышина сцены не превосходила четырехъ ладоней. Ангелы или духи не спускались съ неба на облакахъ; все украшеніе театра ограничивалось старымъ ковромъ, висѣвшимъ на веревкахъ, и отдѣлявшимъ зрителей отъ сцены. Позади ставили музыкантовъ, которые, безъ гитары, пѣли какой нибудь старинный романсъ. Когда Лопе де Руеда умеръ, то, во уваженіе его знаменитости и превосходства, его похоронили между обоими хорами въ большой церкви, въ Кордовѣ. Ему наслѣдовалъ Нахарро, уроженецъ Толедскій, прославившій себя особенно ролею труса. Онъ увеличилъ театральныя украшенія, и замѣнилъ мѣшокъ сундукомъ и ящикомъ. Музыку онъ помѣстилъ на сценѣ, отнялъ у шутовъ бороды, и требовалъ, чтобы всѣ являлись въ своемъ видѣ, за исключеніемъ тѣхъ, которые должны были играть стариковъ, или измѣнять лице. Нахарро изобрѣлъ

кулисы, облака, громъ, молнію, поединки и сраженія. Но все это не имѣло нынѣшняго совершенства. Я первый сталъ изображать фантомы воображенія и тайныя мысли души, выводя на сцену, къ общему удовольствію зрителей, нравственные образы. Въ то время я написалъ отъ двадцати до тридцати піесъ, которыя всѣ были приняты съ такимъ одобреніемъ, что публика не бросала въ актеровъ огурцами, апельсинами, или чѣмъ нибудь подобнымъ, какъ обыкновенно бываетъ, когда зрители недовольны комедіянтами. Піесы мои прошли безъ свистковъ и шиканья. Но отвлекаемый должностными занятіями, я отказался отъ пера и драмъ, а между тѣмъ явился человѣкъ съ чудесными природными способностями, Лопе де Вега, который утвердилъ свое единодержавіе на комической сценѣ. Онъ подчинилъ себѣ всѣхъ сочинителей фарсовъ, и самъ началъ писать піесы приличныя, искусно веденныя, въ такомъ множествѣ, что все имъ написанное не умѣстится на *десяти тысячахъ* листахъ. Удивительно, что Лопе де Вега видѣлъ представленіе всѣхъ своихъ піесъ, или, по крайней мѣрѣ, слышалъ, что онѣ были представлены. Его сотрудники всѣ вмѣстѣ не написали столько, сколько онъ одинъ. Впрочемъ, труды доктора Рамона, лучшаго писателя послѣ Лопе де Веги, также заслужили одобреніе, равно какъ и остроумныя интриги лиценсіата Мигель Санхеса, важное достоинство доктора Мары де Меши, необыкновенная изобрѣтательность каноника Тарраги, пріятность Гиллена де Кастро, острота Алвилара; шумъ, пышность и великолѣпіе піесъ Луи Велеса де Гевары, и наконецъ любовные обманы Гаспара д'Авилы. Всѣ сіи писатели и еще нѣкоторые другіе вспомоществовали великому Лопе де Вегѣ при образованіи сцены».

Сервантесъ ошибся, назвавъ Нахарро преемникомъ Руеды: Нахарро жилъ предъ Руеды. Нельзя также допустить той простоты въ представленіи и формѣ, какъ разсказываетъ Сервантесъ, потому что Нахарро и Руеда писали длинныя піесы, частію прозою, частію стихами, отнюдь не пастушескія игры, но драматическія повѣсти, заимствованныя изъ современныхъ событій и жизни народа. Въ нихъ дѣйствовали восемь, двѣнадцать, даже двадцать лицъ. Къ сожалѣнію, мѣсто не позволяетъ разобрать здѣсь въ подробности хотя одну изъ сихъ комедій; піесы Гименео или Аквитана, Нахарро, Эвфемія или Лосъ Энганьосъ (Обманъ), Руеды, показали бы, что, при всѣхъ своихъ недостаткахъ, они отличаются правильностію въ развитіи, интригѣ и катастрофѣ, и разнятся немногимъ отъ нынѣшнихъ драматическихъ произведеній. Но первые сіи начатки служили образцами всей будущей драматической литературы Испаніи, столько отличной отъ литературы другихъ народовъ. Во всѣхъ позднѣйшихъ драмахъ, какъ и въ первыхъ опытахъ, является повѣствовательная форма даже въ скудныхъ пасторальныхъ разговорахъ; въ нихъ, и въ духовныхъ піесахъ, отражается жизнь народа, современность, и получаетъ историческое и нравственное значеніе, чего почти нельзя отыскать въ драматической литературѣ другихъ народовъ.

Старинныя Италіянскія драмы были неестественныя экзотическія растенія, частію заимствованныя изъ древняго міра, съ которымъ Италія постоянно поддерживала смѣшное кокетство; піесы Тассо, Гварини и другихъ доказываютъ, что пасторали потеряли здѣсь свое истинное значеніе. Франція, Англія, Германія имѣли мистеріи, которыя, будучи любопытны для филологовъ и литераторовъ, въ художественномъ отношеніи почти не имѣютъ ни какого значенія. Въ одной Испаніи существовалъ настоящій театръ, и послѣ этого не удивительно, что онъ служилъ образцомъ для другихъ народовъ.

Въ короткое время, драматическое и

въ Парижѣ въ 1828 году) начинаетъ собою новую эпоху Испанской комедіи. Познаніе иностранныхъ языковъ, Французскаго, Англійскаго и Нѣмецкаго, обширныя свѣдѣнія, теплая любовь къ отечеству, доставили ему средства къ пробужденію народной драмы, къ уничтоженію неестественности и мертваго пустословія. Имѣя осьмнадцать лѣтъ отъ роду, онъ сочинилъ поэму: Покореніе Гранады (la Toma de Granada), награжденную Мадритскою Академіею; въ послѣдствіи онъ написалъ, въ подражаніе Сервантесову путешествію на Парнасъ, *la Derrota de los Pedantes* (Низложеніе Педантовъ), а на драматическое поприще выступилъ съ піесою: *El Viejo y la nina*, Старикъ и дѣвица, за которою вскорѣ послѣдовало драматическое нападеніе на плохихъ современныхъ поэтовъ: *La Comedia nueva*. Въ побѣдѣ надъ педантами, Леонардо Фернандесъ жестоко насмѣхается надъ современнымъ стиходѣліемъ, сильно нападаетъ на безвкусіе формы, пустоту содержанія, жалкую подражательность чужеземнымъ образцамъ; въ «Новой Комедіи» особенно занимаетъ его театръ. Герой піесы молодой человѣкъ, намѣревающійся поставить на сцену новую комедію. Выборъ предмета, осада Вѣны Турками, изложеніе передъ зрителями всѣхъ ужасовъ, доказываютъ совершенное незнакомство сочинителя съ сущностію комедіи, потому что время, когда «Граберъ Рама» назывался комедіею, прошло, а образцы языка обличаютъ въ немъ рѣшительное отсутствіе таланта. Піеса падаетъ, а вмѣстѣ съ нею и всѣ надежды автора. Бѣднякъ, безъ необходимыхъ средствъ къ существованію; онъ думалъ найти спасеніе въ блистательномъ успѣхѣ. Одинъ богатый человѣкъ, до сихъ поръ тщетно обнаруживавшій заблужденіе юнаго поэта, наконецъ беретъ его къ себѣ.

Кромѣ дидактическихъ опытовъ, которые преимущественно клонились къ уничтоженію современныхъ недостатковъ, Моратинъ старался основать болѣе очищенную школу и собственными трудами, и переводами чужеземныхъ образцовъ. Такимъ образомъ, онъ перевелъ Мольеровы комедіи: *Le médecin malgré lui*, *L'école des maris*, и Шекспирова Гамлета, съ примѣчаніями, которыя, впрочемъ, еще обличаютъ Французскій вкусъ. Это трудъ юности Леонарда Фернандеса, и потому о немъ не должно судить строго.

Собственно въ своихъ комедіяхъ, Моратинъ является настоящимъ Испанцемъ, и если отдѣльные характеры не принадлежатъ одной Испаніи, что и не можетъ быть иначе при картинѣ истинной, вѣрной, то въ цѣломъ отражается чистая народность. Несправедливая ревность, основанная единственно на томъ предположеніи, что мужъ старъ, а жена молода и по принужденію вышла за старика, едва ли можетъ существовать гдѣ нибудь въ такой сильной степени, какъ въ странѣ южной. Ханжа (La Mojigada) съ своими благочестивыми рѣчами и двусмысленными поступками, часто являлась въ Испанскихъ повѣстяхъ, хотя ханжество принадлежитъ всѣмъ землямъ и народамъ. Страсть къ громкому имени, источникъ огромныхъ выгодъ для всѣхъ искателей приключеній, изображена въ комедіи *El Baron* съ удивительнымъ искусствомъ; равно какъ деревенская простота и честность.

Лучшею, вполнѣ обработанною піесою Моратина должно почесть *El si de las Ninas* (*Да* дѣвушекъ). Она представляетъ любопытную картину Испанской семейной жизни. Въ *El Vigo y la Nina* описана извѣстная исторія безнадежной любви; хитрость и корыстолюбіе бросили молодую дѣвушку въ объятія стараго скряги; но въ этой піесѣ есть одна новая сторона, именно та, что старикъ мучитъ себя самого и молодую жену страхомъ невѣрности, и наконецъ доводитъ несчастную, по внушенію слуги, также старика, до того, что она удаляется въ монастырь.

Въ «Баронѣ», авторъ выставилъ простоту и тщеславіе богатой помѣщицы, и любовь двухъ молодыхъ людей, которымъ угрожаетъ хвастовство какого-то искателя приключеній, добирающягося до денегъ; его, однако жъ, выгоняютъ, благодаря искусству влюбленнаго молодаго человѣка. Въ комедіи *El si de las Ninas* служитъ содержаніемъ внутренняя жизнь двухъ семействъ; съ одной стороны дѣйствуютъ дядя и племянникъ, съ другой, мать и дочь.

Карлосъ, племянникъ Дона Діего, служащій въ арміи подполковникомъ, до такой степени привязанъ къ дядѣ, другу и хранителю своего дѣтства, что, не смотря на порядочный чинъ, считаетъ себя въ полной отъ него зависимости. Проѣзжая изъ Сарагоссы, гдѣ стоитъ полкъ, въ Гвадалахару, подполковникъ познакомился съ Доною Франциской, и такъ плѣнился ея прелестями, что прожилъ въ домѣ три мѣсяца, пріобрѣлъ въ теченіе этого времени любовь дѣвицы, и съ горестію разстался съ нею. Вскорѣ онъ получаетъ отъ своей возлюбленной извѣстіе, что мать хочетъ ее выдать за богатаго человѣка, и что онѣ ѣдутъ для этого въ Мадритъ. Карлосъ спѣшитъ въ Гвадалахару, въ надеждѣ предупредить отъѣздъ, но уже не застаетъ матери съ дочерью. Онъ отправляется въ Мадритъ и находитъ ихъ въ одной позадѣ. При первомъ знакомствѣ съ Франциской, подполковникъ не назвался своимъ настоящимъ именемъ, а Франциска не сказала ему имени жениха, и такимъ образомъ никто не подозрѣваетъ родства Дона Діего съ Дономъ Карлосомъ. Донъ Карлосъ, разговаривая съ Франциской въ гостинницѣ, клянется принудить соперника отказаться отъ всѣхъ искательствъ, но вдругъ узнаетъ, что женихъ — его дядя! Не сказавъ ни слова о своей любви, Карлосъ слушается приказанія дяди, который думаетъ, что племяннику неизвѣстны его свадебные планы, но, между тѣмъ, опасаясь, что все откроется, велитъ ему немедленно ѣхать въ Сарагоссу.

Съ невыразимою грустію увидѣла Франциска, что единственная надежда ея исчезла. Мать Франциски, безпрестанно болтающая о счастливой жизни своей въ продолженіе троекратнаго брака, о родствѣ съ знаменитыми духовными особами, видитъ въ замужствѣ дочери превосходное средство удовлетворить своей страсти къ житейскимъ наслажденіямъ. Она до того настращала дочь, что бѣдная дѣвица покорилась неизбѣжной участи, и когда Діего спросилъ ее, нѣтъ ли какого препятствія къ предстоящему браку, напримѣръ, любви къ другому, мать не дала выговорить дочери ни слова, и назвала такіе вопросы для себя оскорбительными.

Настала ночь. Діего не спитъ, бродитъ по дому. Вдругъ раздается серенада; Франциска, съ горничною своею, Риттою, выходитъ на балконъ поговорить съ влюбленнымъ музыкантомъ. Музыкантъ бросаетъ ей записочку, но записочку поднимаетъ Симонъ, слуга Діего, и въ то же время, опрокинувъ стулъ, пугаетъ молодую даму, которая поспѣшно удаляется съ балкона. Діего узнаетъ изъ записочки о давнишней любви племянника къ невѣстѣ, и не смотря на сильное желаніе быть мужемъ Франциски, соединяетъ молодыхъ людей.

Сцена, предшествующая этой минутѣ, когда Діего распрашиваетъ Франциску, замѣчательна по характеру сихъ главныхъ дѣйствующихъ лицъ; она даетъ вѣрное понятіе о направленіи автора. Вотъ краткое содержаніе сцены.

Франциска тщетно искала съ Риттою брошенной записочки. Наконецъ она отсылаетъ горничную къ матери, и видитъ себя одну съ Діего.

— Кажется, донна, вы мало спали нынѣшнюю ночь? спрашиваетъ Діего.

Франциска отвѣчаетъ утвердительно на

его вопросъ; ссылаясь на несносный жаръ.

—Однако жъ, вы не только встревожены, продолжаетъ Діего, но совершенно убиты; глаза ваши наполнены слезами?... Что съ вами, Пекита?... Вы знаете, какъ я васъ люблю....

«Знаю, сеньоръ!»

— Зачѣмъ же вы такъ недовѣрчивы? Неужели вы не вѣрите, что при всякомъ случаѣ я готовъ сдѣлать вамъ угодное?

«Я совершенно въ томъ увѣрена.»

— А если увѣрены, то почему же не облегчите сердца признаніемъ?...

«Потому, что вы сами, сеньоръ, заставляете меня молчать...»

— Стало быть, я причиною вашей горести?

«Нѣтъ, я не могу на васъ жаловаться.»

Діего спрашиваетъ у Франциски, точно ли сердце ея свободно; прежняя любовь не льстила ли ей надеждою на большее счастіе? Мысль о низкой безхарактерности Дона Карлоса, безъ битвы уступившаго противнику поле, заставила Франциску промолчать о прежней любви, и даже въ ту минуту, когда Діего говоритъ о неизбѣжности брака, Франциска отвѣчаетъ, что она повинуется волѣ матери, и останется ему вѣрною.»

— И будете несчастны! прибавилъ Діего.

«Я это знаю.»

— Вотъ плоды воспитанія! Неужели можно назвать воспитаніемъ, когда дѣвицу научаютъ отрекаться отъ невинной страсти съ вѣроломнымъ притворствомъ? Все позволяютъ дѣвицамъ, кромѣ искренности. Скрывать истинныя чувства, выражать пламенныя желанія тамъ, гдѣ дѣйствуетъ отвращеніе, произносить роковое *да*, которое поведетъ ко всѣмъ постыднымъ порокамъ — это называется отличнымъ воспитаніемъ дѣвицы!... Прекрасное воспитаніе, когда оно обрекаетъ дѣвицу на рабскій страхъ, лукавство и презрѣнное молчаніе!

Діего говоритъ наконецъ, что онъ знаетъ всю тайну, и что все обратится къ лучшему. Франциска уходитъ, исполненная надежды.

Вотъ очеркъ піесы, которую нельзя назвать комедіею, по ея серіозному содержанію, хотя нѣкоторыя комическія сцены, именно со слугами, освѣщаютъ темную картину.

Важность, съ которою Испанскіе поэты обработываютъ вопросы жизни, въ другихъ земляхъ сдѣлавшіеся предметами насмѣшки и веселой шутки, эта важность служитъ доказательствомъ неиспорченности и нравственнаго достоинства народа, нѣсколько вѣковъ жившаго въ невѣжествѣ и умственномъ изнеможеніи. Даже послѣднія войны, которыя, по видимому, должны были все переворотить вверхъ дномъ, не имѣли вліянія на драму. Объ этомъ свидѣтельствуютъ сочиненія двухъ отличнѣйшихъ современныхъ поэтовъ, Горостисы и Бретона де лосъ Херреросъ. Замѣчательно, что Испанская драма попала въ Англію, хотя и въ искаженномъ видѣ. Недавно, Р. Матью можетъ быть, руководствуясь Французскимъ переводомъ, выкроилъ изъ трехъ большихъ Испанскихъ актовъ, фарсъ въ одномъ дѣйствіи: *The Ringdaves*. Нравственнаго направленія, конечно, не должно искать въ такомъ фарсѣ. Дѣвица, введенная въ обманъ сходствомъ именъ, выжидаетъ благопріятнаго случая, чтобы отплатить тою же монетою теткѣ, несносной болтуньѣ. Дядя, слабый старикъ, дѣйствуетъ по командѣ тетки, но фактотумъ цѣлой піесы есть старый слуга стараго Рингдова который, за деньги, служитъ обѣимъ партіямъ, а потомъ, когда молодой Рингдовъ узнаетъ о намѣреніи дяди отбить невѣсту, помогаетъ ему обмануть старика. Обманъ состоитъ въ томъ, что старикъ, повѣривъ ложному письму, уѣзжаетъ, а племянникъ между тѣмъ, въ его платьѣ, женится на своей возлюбленной.

Испанская піеса есть художественная картина, гдѣ каждое лице развиваетъ свой характеръ, гдѣ, если слишкомъ рѣзкое нравственное направленіе и не нравится, то семейная жизнь, нравы народа изображены такъ вѣрно, что о недостаткѣ нельзя и думать. Англійскій фарсъ, подобно новымъ Французскимъ водевилямъ, помѣщаетъ въ центрѣ одно лице, около котораго групируются прочіе персонажи, болѣе или менѣе блѣдныя, сильнѣе или слабѣе обрисованныя.

Многіе до сихъ поръ считаютъ Французскій Театръ единственнымъ національнымъ театромъ. Испанія еще не достигла до той національности, въ которой гримасы замѣняютъ чувство, а пустота — характеристическія изображенія.

БІОГРАФІЯ

ЕВГЕНІИ ИВАНОВНЫ КОЛОСОВОЙ.

Изъ всѣхъ родовъ сценическаго искусства самый трудный, самый непрочный, самый неблагодарный, по крайней мѣрѣ, есть, конечно,, балетъ. Сколько трудовъ, сколько стараній нужно артисту, посвятившему себя танцами, чтобъ достигнуть въ нихъ хотя нѣкотораго совершенства. Мы видимъ многихъ людей, которые никогда не приготовлялись быть актерами, и которые, попавъ случайно на сцену, становились отличными трагиками или комиками. При любви къ искусству, при врожденныхъ способностяхъ, при теплотѣ чувства, актеръ можетъ безъ большихъ усилій сдѣлаться знаменитымъ. Тоже самое можно сказать и объ оперномъ артистѣ: имѣя отъ природы хорошій голосъ и будучи одаренъ вкусомъ, онъ, при прилежаніи и хорошемъ учителѣ можетъ, года въ два, много въ три, сдѣлаться хорошимъ пѣвцомъ; но гдѣ, скажите, есть танцовщикъ или танцовщица, которые въ такое короткое время могли бы попасть хотя въ число порядочныхъ фигурантовъ или корифеевъ? Чтобъ быть хорошимъ танцоромъ, надобно учиться танцамъ съ малолѣтства, когда всѣ члены, мускулы и кости, такъ сказать, еще мягки; надобно каждый день, по нѣскольку часовъ сряду, дѣлать батманы, пируэты, антраша и прочія мудрости, надобно пріучиться переносить усталость, и при изнеможеніи силъ, при страшномъ стѣсненіи груди, умѣть сохранять на лицѣ веселость и безпрестанную улыбку. И что же? Часто, послѣ цѣлой юности, посвященной ученію, послѣ невѣроятныхъ трудовъ и стараній, горькій опытъ доказываетъ вамъ, что все это было напрасно, и что вы никогда не будете хорошимъ танцовщикомъ. Если же усилія бѣдныхъ тружениковъ увѣнчаются наконецъ успѣхомъ, если судьба позволитъ имъ занять мѣсто рядомъ съ Вестрисомъ, Дюпоромъ, Гишаръ или Таліони, то какъ непродолжительно бываетъ поприще ихъ славы! Неумолимое время сторожитъ ихъ, и часто, прежде чѣмъ они успѣютъ насладиться плодами трудовъ своихъ, ранняя старость лишаетъ ихъ легкости, граціи и быстроты, необходимыхъ для ихъ искусства! Конечно, бываютъ исключенія; но они рѣдки, и немногимъ изъ балетныхъ артистовъ суждено не пережить самихъ себя.

Вотъ почему имена этихъ избранниковъ не должны, такъ мы думаемъ по крайней мѣрѣ, предаваться забвенію; они принадлежатъ искусству, и біографическія свѣдѣнія о нихъ не могутъ быть не интересны. Убѣжденные въ этомъ, мы уже на-

печатали краткое жизнеописаніе отличной нашей танцовщицы, Маріи Даниловой; теперь сообщаемъ читателямъ нашимъ біографическій очеркъ знаменитѣйшей нашей мимической артистки и танцовщицы, Евгеніи Ивановны Колосовой.

Евгенія Ивановна родилась въ Петербургѣ, 15-го Декабря, 1780 года. Отецъ ея, по фамиліи Нѣеловъ, былъ фигурантомъ балетной труппы; получая самое ничтожное жалованье и имѣя большое семейство, онъ жилъ въ бѣдности и не видѣлъ ни какихъ средствъ къ воспитанію дѣтей своихъ. Всѣ усилія опредѣлить ихъ въ какое нибудь казенное заведеніе были напрасны, и онъ уже отчаявался обезпечить ихъ будущность и дать имъ какое нибудь образованіе. Наконецъ ему посчастливилось, однако же, помѣстить дочь свою, Евгенію, въ Театральную Школу, состоявшую въ то время, какъ и всѣ театры, подъ управленіемъ Главнаго Директора, Д. Т. С. Князя Николая Борисовича Юсупова. Здѣсь будетъ кстати сказать нѣсколько словъ объ этомъ вельможѣ, отличавшемся просвѣщеннымъ умомъ, любовью къ искусствамъ и добродушіемъ истинно Русскимъ. Князь Юсуповъ, занимая при Дворѣ Великой Екатерины одно изъ почетнѣйшихъ мѣстъ, и обладая огромнымъ состояніемъ, никогда не уклонялся отъ занятій и трудовъ, которыхъ требовало управленіе такою многосложною частію, какъ театръ. Онъ былъ директоромъ въ полномъ смыслѣ этого слова, входилъ во всѣ малѣйшія подробности, занимался обстановкою піесъ, присутствовалъ на репетиціяхъ, пріѣзжалъ въ театръ всегда очень рано и уѣзжалъ послѣ всѣхъ. Онъ имѣлъ привычку собирать, предъ начатіемъ спектакля, всѣхъ артистовъ, которые должны были участвовать въ представленіи; осматривалъ ихъ костюмы, давалъ приличныя наставленія и совѣты; а по окончаніи спектакля благодарилъ и награждалъ отличившихся, или выговаривалъ нерадивымъ. Незнаніе роли считалъ онъ за величайшую вину, и никогда не прощалъ ее, не обращая въ этомъ случаѣ вниманія ни на талантъ, ни на заслуги артиста.—«Выходить на сцену не выучивъ роли,—говаривалъ онъ, значитъ оказывать неуваженіе къ публикѣ, которая для артиста должна быть все, и которой благосклонность и любовь онъ долженъ цѣнить выше всякой награды; а можетъ ли она любить артиста, нарушающаго главную свою обязанность въ отношеніи къ ней, и пренебрегающаго ея вниманіемъ? Совершенное равнодушіе публики — вотъ удѣлъ, ожидающій такого артиста».—Слова эти было бы не худо записать *инымъ* на память.

Поступивъ въ Школу, маленькая Евгенія начала учиться танцамъ у балетмейстера Валберга, который, замѣтивъ въ ней большія способности, очень полюбилъ ее. Онъ усердно занялся ею, и, чрезъ пять лѣтъ позволилъ явиться на сценѣ Большаго Театра, въ балетѣ Канціани *Пигмаліонъ*. Евгеніи Ивановнѣ было тогда только 14 лѣтъ, но она отличалась уже стройнымъ станомъ, пріятною, выразительною наружностью, и первый дебютъ ея увѣнчался полнымъ успѣхомъ. Вниманіе публики, громкія рукоплесканія, оглушительное браво, все это сильно подѣйствовало на юную дебютантку. Она въ первый разъ еще насладилась упоеніемъ торжества, и съ этой минуты еще съ большимъ рвеніемъ стала учиться, чтобъ трудомъ и стараніями достигнуть на избранномъ ею поприщѣ возможнаго совершенства. — «Я хочу быть отличною танцовщицею, и буду ею,» говорила она самой себѣ, и рвеніе ея ни на минуту не ослабѣвало. Но бѣда какъ тутъ сторожила ее. Театральная Школа, существовавшая болѣе 25-ти лѣтъ, была вдругъ упразднена, и всѣ воспитывавшіеся въ ней распущены по домамъ. Съ отчаяніемъ въ душѣ возвратилась Евгенія Ивановна къ родителямъ своимъ, которые на нее одну

возлагали свои надежды, и будучи въ самомъ бѣдномъ положеніи, не только не могли продолжать ея сценическаго образованія, но даже затруднялись въ ея содержаніи. Къ счастію, нашелся добрый человѣкъ, который сжалился надъ положеніемъ бѣднаго семейства, и въ самую тяжелую для него минуту подалъ руку помощи. Человѣкъ этотъ былъ балетмейстеръ Валбергъ. Обремененный самъ большимъ семействомъ, и живя однимъ жалованьемъ, онъ взялъ къ себѣ въ домъ свою бывшую ученицу, и продолжалъ давать ей уроки. Благодѣянія этого Евгенія Ивановна не забывала никогда, и до самой смерти своего почтеннаго учителя сохраняла къ нему чувства нѣжнѣйшей привязанности и уваженія.

Дирекція Театровъ, поторопившаяся упразднить Школу, скоро увидѣла всѣ неудобства, проистекавшія отъ того, и снова завела ее. Многіе изъ прежнихъ воспитанниковъ и воспитанницъ поступили опять туда, и въ числѣ ихъ была также Евгенія Ивановна. Время, проведенное ею въ домѣ Валберга, не было потеряно; напротивъ, оно только усовершенствовало талантъ молодой танцовщицы, такъ, что она скоро была выпущена изъ Школы съ званіемъ солистки и съ жалованьемъ по 700 руб. въ годъ, къ которому чрезъ нѣсколько времени, послѣ одного па, протанцованнаго ею съ отличнымъ успѣхомъ, Князь Юсуповъ прибавилъ 25 рублей.

Это жалованье, въ первые дни, послѣдовавшіе за выпускомъ, казалось юной артисткѣ богатствомъ неисчерпаемымъ; она думала, что его достанетъ на всѣ прихоти, которыя, впрочемъ, ограничивались желаніемъ имѣть порядочныхъ два, три платья и пить всякой день кофе. Скоро, однако жъ, она убѣдилась въ противномъ, и увидѣла, что этихъ денегъ было слишкомъ мало не только на прихоти, но даже на необходимыя нужды для содержанія себя и престарѣлыхъ своихъ родителей. Чтобъ пособить этому, надобно было приняться за уроки, и вотъ наша артистка была принуждена каждый день вставать въ семь часовъ утра, ѣздить къ своимъ ученицамъ и, измученная, являться къ 12 часамъ на репетицію, а вечеромъ танцовать въ Театрѣ, гдѣ отъ нее требовалось легкости, граціи, живости, и гдѣ публикѣ, заставлявшей иногда повторять трудное па, нельзя было сказать: «Сжальтесь надо мною, я устала!»

Такъ прошло нѣсколько времени; Евгеніи Ивановнѣ исполнилось 17 лѣтъ, и ее выдали за мужъ за музыканта Колосова, къ которому она не имѣла особенной склонности. Бракъ этотъ не произвелъ ни какой перемѣны въ образѣ жизни нашей артистки; состояніе ея нисколько не улучшилось, потому что мужъ ея, не имѣя отличнаго таланта, получалъ самое ничтожное жалованье. Всѣ домашнія нужды и заботы по прежнему лежали на бѣдной молодой женщинѣ, которая, часто возвращаясь домой послѣ спектакля, не имѣла чашки чаю, чтобъ подкрѣпить свои утомленныя силы; о кофе, который она такъ любила, не было и помину. Положеніе это сдѣлалось еще хуже съ увеличеніемъ семейства. Не имѣя возможности, при служебныхъ обязанностяхъ, кормить сама дочь свою, она не имѣла также средства нанять для нее кормилицу—родная тетка ея (мать Л. О. и Н. О. Дюровыхъ, такъ рано похищенныхъ смертію) приняла на себя эту обязанность, и она-то вскормила намъ артистку, А. М. Каратыгину, которою мы, по справедливости, можемъ теперь гордиться.

Почти каждый вечеръ Евгенія Ивановна танцовала то въ балетахъ, то въ дивертиссементахъ, то въ операхъ. Талантъ ея съ каждымъ годомъ совершенствовался, и она скоро сдѣлалась любимицею публики. Въ то время (около 1795 года), Театръ не усвоилъ еще себѣ костюмовъ, которые соотвѣтствовали бы сюжету піесъ.. Артисты должны были являться на сценѣ во Французскихъ кафтанахъ, въ

парикахъ и въ башмакахъ съ красными каблуками, артистки въ робронахъ, фижмахъ и въ высокихъ пудреныхъ прическахъ.

То же самое наблюдалось и въ балетахъ: переворотъ, произведенный въ балетномъ костюмѣ незабвеннымъ Дидло не достигъ еще Петербурга, и наши граціи, нимфы и пастушки, фавны, сатиры и пастушки продолжали являться въ одеждѣ Французскихъ Маркизъ и Маркизовъ вѣка Лудовика XV. Мало по малу обыкновеніе это начало однако же измѣняться, а прибытіе танцовщика Огюста и танцовщицы Шевалье, выписанныхъ изъ Парижа, совершенно уничтожило его, и съ тѣхъ поръ костюмы въ балетахъ приняли настоящую и сообразную сюжетамъ форму. Евгенія Ивановна одна изъ первыхъ послѣдовала благому примѣру; кромѣ того, старалась она перенять у прибывшихъ Французовъ манеру ихъ танцевъ, принадлежавшихъ къ новой школѣ, и скоро такъ въ этомъ успѣла, что, танцуя съ Огюстомъ и Шевалье, нисколько не уступала имъ.

Въ то время балеты были не то, что теперь. Знаменитые хореграфы Новеръ, Вестрисъ, д'Оберваль, Гардель, Канціани, Лепикъ и въ послѣдствіи несравненный Дидло, возвели эту отрасль сценическаго искусства на высокую степень совершенства. Балеты ихъ были прекрасными поэмами, полными жизни и поэзіи; поэмами, которымъ танцы служили только необходимымъ украшеніемъ. При такомъ состояніи хореграфическаго искусства, хорошіе мимическіе артисты были необходимы; они занимали всѣ главныя роли, на которыхъ сосредоточивался весь интересъ балета, и лишенныя возможности говорить, должны были нѣмою игрою выражать всѣ страсти. Балеты Медея, Дидона, Инесса де Кастро, Рауль Синяя Борода, Пирамъ и Тизба и, нѣсколько позже, всѣ поэтическія созданія Дидло требовали талантовъ первоклассныхъ. На нашей балетной сценѣ, одною изъ лучшихъ мимическихъ артистокъ была Г-жа Лепикъ; но слава ея оставалась нераздѣльною до тѣхъ только поръ, пока Евгенія Ивановна Колосова ограничивалась одними танцами и незначительными ролями. Роль *Медеи* въ балетѣ Новера, сыгранная ею съ неподражаемымъ искусствомъ, показала, чего можно было ожидать отъ этой артистки. И ожиданія эти были не напрасны. Цѣлый рядъ сильныхъ, драматическихъ ролей, слѣдовавшихъ за Медеею и исполненныхъ превосходно, утвердили славу Евгеніи Ивановны Колосовой, и всѣ, видѣвшіе ее, согласятся съ нами, что никто лучше и вѣрнѣе ея не могъ передавать любви, ревности, отчаянія, словомъ всѣхъ страстей, которымъ доступно сердце женщины. Каждая новая роль была новымъ для нее торжествомъ, и она никогда не являлась на сцену безъ того, чтобъ громъ рукоплесканій не встрѣчалъ ее. Дидло, этотъ великій художникъ, ангажированный между тѣмъ къ Петербургскому Театру, въ качествѣ балетмейстера, понялъ всю силу таланта такой артистки, и всѣ лучшія драматическія роли въ его балетахъ: Рауль де Креки, Венгерская Хижина, Федра, Роландъ и Моргана, Алцеста, Тезей и Аріадна, и проч., сдѣлались достояніемъ Евгеніи Ивановны Колосовой. И какъ играла она ихъ? Съ какимъ совершенствомъ передавала всѣ малѣйшіе ихъ оттѣнки; сколько слезъ, сколько рукоплесканій исторгала у восторженныхъ зрителей! Можно рѣшительно сказать, что ни одна изъ артистокъ не пользовалась постоянно такою любовію публики какъ Колосова, и что ни одна изъ нихъ не заслуживала этой любви болѣе ея.

Талантъ Евгеніи Ивановны Колосовой, ея успѣхи, значительные сборы, которые она одна доставляла дирекціи, все это не могло остаться безъ вознагражденія. Она перестала уже бороться съ бѣдностію; состояніе ея улучшилось, значительное

жалованье, бенефисы и плата за каждый спектакль доставили ей возможность жить хорошо, а бережливость и порядокъ въ домашнемъ хозяйствѣ дали ей средства обезпечить будущность и дать дѣтямъ своимъ отличное воспитаніе.

Такъ проходилъ годъ за годомъ, изъ коихъ каждый прибавлялъ какой нибудь славный листокъ къ славному вѣнку, который сплелъ ей неподражаемый талантъ ея. Евгенія Ивановна долго могла бы еще служить украшеніемъ нашей балетной сцены; но достигнувъ сорока шести лѣтъ, и желая отдохнуть отъ трудовъ, она, въ 1826 году, вышла въ отставку и оставила театръ, получивъ за службу свою при немъ 4,000 руб. въ пенсіонъ по смерть.

Въ заключеніе намъ остается прибавить, что въ продолженіе своего сценическаго поприща, Евгенія Ивановна Колосова не ограничивалась одними балетами: она нѣсколько разъ появлялась въ драмахъ и комедіяхъ, и всѣ роли, которыя избирала въ нихъ, выполняла какъ нельзя лучше.

Теперь, достигнувъ спокойной старости, эта почтенная артистка живетъ въ кругу своего семейства, нянчитъ внучатъ, и пользуясь любовію и уваженіемъ всѣхъ, кто только знаетъ ее, наслаждается счастіемъ, котораго въ полной мѣрѣ заслуживаетъ.

Н. М.

РЕПЕТИЦІЯ

НА ПАРИЖСКИХЪ ТЕАТРАХЪ.

Вы, безъ сомнѣнія, знаете, что въ Парижѣ весьма часто и даже по большей части одну и ту же піесу сочиняютъ нѣсколько авторовъ. Но быть можетъ, вамъ не извѣстно *какъ* сочиняются тамъ подобныя піесы? А это, право, любопытно. Парижскіе водевилисты люди преоригинальные. Нѣкоторые изъ нихъ работаютъ вмѣстѣ, разговаривая между собою и распѣвая; другіе сочиняютъ одинъ и тотъ же водевиль въ розницу, какъ бы они находились за сто миль одинъ отъ другаго. Многіе изъ числа ихъ собираются только для выбора развязки къ сочиняемой ими піесѣ. Есть между ними такіе, которые пишутъ одну прозаическую часть водевиля, или одни только куплеты; но есть и такіе, которые не прочь ни отъ куплетовъ, ни отъ прозы. Надобно вамъ сказать притомъ, что нѣкоторые изъ числа этихъ господъ особенно славятся изобрѣтательностію, между тѣмъ, какъ другіе преимущественно извѣстны правильностію своего слога: это наименѣе уважаемые. Найдете также, и даже весьма многихъ, и такихъ, которые только *придумываютъ сюжеты!* Повѣрите ли: иные *авторы* называются тамъ этимъ именемъ потому единственно, что *читаютъ* сочиненія другихъ! Но это еще не послѣдняя ступень:

вы можете встрѣтить тамъ *литераторовъ*, участвующихъ въ общемъ трудѣ, чѣмъ бы вы думали? —своими ногами! Они служатъ, просто, на посылкахъ. Но самый большій вѣсъ между подобными поставщиками водевилей имѣютъ тѣ, которые обладаютъ искусствомъ склонять директоровъ театра на постановку піесъ. Видно, дѣло не легкое!

Случается иногда, что сами директоры *заказываютъ* піесы, предназначая ихъ для открытія зимнихъ спектаклей, для привлеченія публики во время лѣта, для дебюта, словомъ, для какого либо особаго случая. Это бываютъ обыкновенно лучшія произведенія.

Когда сочиненіе піесы, заказанной или незаказанной, оканчивается, авторы начинаютъ хлопотать о томъ, чтобы ее приняли на сцену. Рукопись ея, разумѣется, тогда переписывается чисто на чисто. (Въ Парижѣ существуютъ для этого особыя заведенія). Потомъ, одинъ изъ авторовъ отправляется съ нею къ директору. Если авторъ этотъ пользуется большею извѣстностію, то не всегда считается необходимымъ, чтобы піеса была вполнѣ окончена. Разсказываютъ даже, что не одинъ разъ, водевили импровизовались при самомъ чтеніи. Вотъ одинъ забавный анекдотъ въ этомъ родѣ:

Г. Б...., водевилистъ весьма извѣстный въ Парижѣ, встрѣчается однажды съ директоромъ одного театра.

— Что же это, Б....., кричитъ ему директоръ, ты вовсе не работаешь для насъ. Да напиши, братецъ, что нибудь.

— Хорошо.

Черезъ нѣсколько дней послѣ того, Б... извѣщаетъ дирекцію, что онъ написалъ водевиль, и проситъ позволенія прочесть его. Дирекція въ восторгѣ. Въ назначенный часъ, члены ея и артисты собираются. Б..... приходитъ съ огромнымъ свертномъ бумаги въ рукѣ. Онъ развертываетъ свою рукопись, и начинаетъ слѣдующимъ образомъ.

«Гумъ! Гумъ! (*Онъ выпиваетъ стаканъ воды съ сахаромъ*). Это въ родѣ комическомъ (*Всеобщее удовольствіе*), шуточномъ, *деревенскомъ* (*Одобреніе*). Я еще не написалъ названія піесы, потому что еще не рѣшился, какое выбрать; мы подумаемъ о немъ послѣ. (*Хорошо*)! Что же касается до дѣйствующихъ лицъ — ихъ будетъ пять или шесть, болѣе или менѣе; мы узнаемъ это на репетиціяхъ. (*Да! Да!*) Театръ представляетъ деревенскую площадь. (*Ага!*) Крестьяне собрались по случаю праздника. (*Превосходно!*) Здѣсь кстати хоръ: слова для него я напишу на дняхъ. (*Хорошо!*) Послѣ хора слѣдуетъ сцена между матерью и дочерью, ну, да вы уже знаете.... (*Чудесно!*) Послѣ матери приходитъ любовникъ; послѣ любовника является бальи, а послѣ всѣхъ ихъ приходитъ помѣщикъ: вотъ вамъ пять первыхъ сценъ. (*Прелесть!*) Я не стану ихъ читать вамъ потому, что куплеты еще не готовы, да и въ діалогѣ недостаетъ многаго. (*Конечно!*) Комическую роль я даю О..... (Брависсимо!) Я, однако жъ, еще не написалъ ее; мнѣ, видите, хочется позаняться ею хорошенько. (*И дѣло!*) Представьте себѣ: вчера былъ я въ кафе, внизу; тамъ же случился М.... Онъ, знаете, ѣлъ супъ съ рисомъ. Вотъ я и отпустилъ ему острое словцо,— одно изъ тѣхъ, которыя предназначаю я для роли этого проклятаго шутника О..... Что жъ вы думаете? Онъ такъ засмѣялся, что пустилъ цѣлый глотокъ супу прямо въ носъ бѣдняку Н....., который тоже хохоталъ, какъ сумасшедшій! (*Взрывъ хохота*). Публикѣ это очень понравится и сборъ будетъ славный. (*Всеобщее одобреніе*). Наконецъ, разумѣется, развязка; мы изготовимъ ее на славу....

Піеса, такимъ образомъ прочитанная, была принята, и вечеромъ директоръ весело сказалъ одному своему пріятелю: «Злодѣй Б..... прочелъ намъ сегодня утромъ такую піесу, что мы чуть не умерли со смѣху. Онъ отпустилъ одно острое

словцо изъ нея М....., когда М..... ѣлъ супъ съ рисомъ. Что жъ вы думаете? М..... такъ засмѣялся, что пустилъ цѣлый глотокъ супу прямо въ носъ бѣдному Н....., который то же хохоталъ, какъ сумасшедшій!» Простодушный директоръ только это и зналъ изъ всего знаменитаго водевиля *злодѣя* Б.....

Впрочемъ, подобные случаи исключенія изъ общаго правила. При обыкновенномъ же порядкѣ вещей, предлагаемыя піесы разсматриваются директорами довольно строго. Эти господа, по выслушаніи піесы, рѣшаютъ, принять ли ее безусловно, или *съ отдачею на исправленіе* (à corrections), или вовсе не принять. Отказъ ихъ всегда бываетъ учтивъ; онъ пишется, часто, слѣдующимъ образомъ: «Піеса ваша, милостивый, или милостивые государи, заключаетъ въ себѣ красоты первокласныя, но.....» и т. д.

По принятіи піесы, дирекція *раздаетъ* ее, т. е. распредѣляетъ роли ея между артистами. Нѣтъ надобности говорить, что при этомъ случаѣ не обходится безъ просьбъ, требованій, ссоръ, несправедливостей, слезъ, восхищенія, и пр. и пр. Да иначе и быть не можетъ: каждый изъ артистовъ считаетъ удовольствіемъ получить хорошую роль, а отъ дурной каждый изъ нихъ бѣжитъ, какъ отъ чумы.

При раздачѣ ролей, піеса читается въ присутствіи всѣхъ артистовъ, которые участвуютъ въ ней. Въ этомъ засѣданіи, авторъ объясняетъ имъ общность (l'ensemble) своей піесы и всѣ ея частности. Потомъ списываются роли. Каждый артистъ получаетъ тетрадку, въ которой заключается то, что долженъ онъ говорить; въ тетрадкахъ этихъ, передъ всякимъ перерывомъ діалога, ставится *реплика*, послѣднія слова изъ предшествующей *тирады* другаго артиста. Получивъ роль, каждый актеръ и каждая актриса *считаетъ* ее. *Считать* роль на закулисномъ нарѣчіи значитъ считать сколько въ ней строкъ: этою мѣркою артисты Парижскіе обыкновенно опредѣляютъ степень важности ролей. Они говорятъ *роль во сто, въ двѣсти, въ триста*; слово *строкъ* всегда подразумѣвается. Даже въ условіяхъ, заключаемыхъ съ ними, всегда поставляется имъ въ неизмѣнную обязанность выучивать наизусть, по крайней мѣрѣ, тридцать строкъ ежедневно.

Для большей вѣрности, списки ролей сличаются съ оригиналомъ; послѣ того начинается *изученіе* піесы, или, по просту, репетиціи.

Днемъ въ театральныхъ залахъ царствуетъ страшная темнота; только въ корридорахъ ихъ да на сценѣ висятъ тогда, на импровизованныхъ подпоркахъ, пары двѣ или три смиренныхъ лампъ. Если вы посѣтите въ ту пору эти печальныя зданія, вы встрѣтите въ нихъ нѣсколько существъ мужескаго и женскаго пола, существъ старыхъ и молодыхъ, которые то блуждаютъ какъ тѣни, то перешептываются между собою, между тѣмъ какъ въ другихъ мѣстахъ безпечно бродятъ кое-какіе театральные и пожарные служители.....

Знаете ли, что такое происходитъ тогда въ театрѣ и кто такіе эти перешептывающіяся между собою и блуждающія подобно тѣнямъ существа? Тамъ происходитъ репетиція, а видѣнія, замѣченныя вами, ничто иное, какъ артисты, разучивающіе роли, въ присутствіи автора, режиссера, а иногда даже и директора. Репетиціи эти повторяются такъ часто, что, въ продолженіе ихъ, очень многіе артисты выучиваютъ всѣ свои роли.

Но прислушайтесь къ этому веселому шуму, къ этому хохоту, къ этимъ пѣснямъ, которыя раздаются изъ-за театральной залы: знаете ли, что тамъ дѣлается? Тамъ, въ театральномъ фойе, собрались въ кружокъ артисты, не занятые дѣломъ, избавившіеся на минуту отъ хлопотъ сценическихъ, отъ сценической скуки. Во время репетицій, фойе превращается въ гостиную. Актрисы являются туда разря-

женныя; разговоръ бываетъ тамъ веселый, живой, остроумный; ложной скромности вы тамъ не найдете, но не найдете также и безстыдства.

Но вотъ, мало по малу, піеса проходитъ черезъ всѣ мытарства репетицій. Въ ней уже сдѣланы всѣ необходимыя и не необходимыя измѣненія, дополненія и исключенія; она уже выглажена, вылощена, и ее начинаютъ ставить *на сцену*. Новое горе, новые хлопоты автору, хлопоты тѣмъ болѣе скучные, что большая часть драматическихъ писателей вовсе не знакомы съ этою частію сценической стратегіи. Съ этой поры начинаются такъ называемыя репетиціи au quatuor, т. е. репетиціи на которыхъ при квартетѣ поются куплеты.

Наконецъ, послѣ долгихъ попытокъ, послѣ многихъ примѣриваній новыхъ костюмовъ, послѣ тщательной *пригонки* новыхъ декорацій, назначается главная репетиція. О, это великій день въ Парижскомъ закулисномъ мірѣ! Это битва рѣшительная, послѣдняя! Передъ этимъ днемъ, авторъ видится съ каждымъ изъ артистовъ, участвующихъ въ его піесѣ; онъ льститъ имъ; ласково, униженно выговариваетъ за промахи, подмѣченные имъ на прежнихъ репетиціяхъ; но всего болѣе упрашиваетъ *постараться* на предстоящемъ роковомъ испытаніи..... Бѣдный, тысячу разъ бѣдный авторъ! сколькихъ трудовъ, сколькихъ огорченій, сколькихъ пожертвованій стоило убійственное *изученіе* піесы, весь этотъ путь ея до главной репетиціи!

Во время главной репетиціи, на сценѣ все на своемъ мѣстѣ, какъ во время представленія; иногда даже зажигаютъ люстру. Впрочемъ, актеры и актрисы являются на нее во вседневной своей одеждѣ, и надѣваютъ для нея *костюмы* только въ такомъ случаѣ, когда считаютъ необходимымъ привыкнуть къ нимъ заранѣе. Въ продолженіе ея, актеры стараются свыкнуться съ употребленіемъ оружія и многихъ другихъ вещей, которыя понадобятся имъ при представленіи; а потому они приходятъ на главную репетицію съ шпагами, саблями, копьями, ружьями, цѣпями, кинжалами и пр. и пр.

Правомъ входа на главныя репетиціи располагаютъ авторы совершенно по своему усмотрѣнію. На эти таинственные спектакли допускаютъ они обыкновенно нѣсколько пріятелей, да иногда кое-кого изъ журналистовъ. Но предводитель хлопальщиковъ (le chef des claqueurs) присутствуетъ при подобныхъ репетиціяхъ постоянно. Во время ихъ, ему указываются лучшія мѣста піесы, т. е. тѣ мѣста, при которыхъ должно особенно хлопать, между тѣмъ какъ авторъ помѣщается вдали отъ сцены, чтобы лучше судить о впечатлѣніи, какое произведетъ на публику его произведеніе. Суфлеръ также играетъ весьма важную роль на главныхъ репетиціяхъ, потому, что господа артисты, вопреки всѣмъ просьбамъ автора, очень рѣдко выучиваютъ роли, какъ слѣдуетъ. Впрочемъ, это общее испытаніе обыкновенно повторяется нѣсколько разъ, и каждый разъ предшествуетъ ему общая музыкальная проба.

Но, Боже мой, сколько сценъ, истинно комическихъ, случается на Парижскихъ театральныхъ репетиціяхъ! Напримѣръ, однажды на Театрѣ Водевилей, четыремъ актерамъ слѣдовало явиться на сцену съ четырехъ разныхъ сторонъ, и воскликнуть, каждому въ свою очередь: «А!» — Актеры вышли. Трое изъ нихъ, какъ слѣдовало, провозгласили: «А!» но четвертый сказалъ: «О!» Авторъ, находившійся на ту пору за кулисами, разсердился и началъ бранить артиста за то, что онъ не могъ порядочно запомнить одного слова.

— Да развѣ я виноватъ? отвѣчалъ ему безтолковый фигурантъ. Вѣдь вы дали мнѣ роль мою только третьяго дня.

Въ другой разъ случилось, что одинъ авторъ замѣтилъ актеру:

— Не спѣшите такъ: я поставлю здѣсь запятую.

— Но, сударь, возразилъ актеръ, я, право, никогда не выучу моей роли, если вы будете безпрестанно дѣлать въ ней перемѣны.

Въ Театрѣ Большой Оперы, главныя репетиціи очень блестящи. Онѣ дѣлаются вечеромъ, при самомъ многочисленномъ стеченіи публики; но во время ихъ мѣста занимаются безъ всякаго различія, и партеръ считается аристократическою сферою, потому что тогда всѣ стараются видѣть что дѣлается на сценѣ, а не показывать себя. Во время ихъ, фигурантки толпами ходятъ по корридорамъ, по залѣ, по лѣстницамъ, и вообще распоряжаются безъ околичностей, какъ дома; но первоклассныя танцовщицы являются въ щегольскихъ костюмахъ. Парижане и теперь съ восхищеніемъ вспоминаютъ объ одномъ чудномъ платьѣ изъ вышитой кисеи, въ которомъ нѣкогда танцовала на этихъ репетиціяхъ Г-жа Таліони. — Пѣвцы и пѣвицы, однакожъ, не очень заботятся о нихъ: тѣ и другіе выходятъ не рѣдко по домашнему. Кстати о главныхъ репетиціяхъ Большой Оперы: на одной изъ нихъ, знаменитый Нурри сдѣлалъ довольно забавную ошибку. Обращаясь къ Г-жѣ Дорюсъ-Гра, онъ, вмѣсто того, чтобы сказать: *Вотъ та, которую люблю я*, сказалъ: *вотъ та, которая любитъ меня*. Публика хохотала до упаду болѣе четверти часа.

На Италіянскомъ Театрѣ, репетиціи дѣлаются старательно, согласно. Въ продолженіе ихъ, артисты серьозно занимаются своимъ дѣломъ. Правда, Россини шучивалъ тамъ въ прежніе годы, но это было уже довольно давно.

Въ Комической Оперѣ репетиціи также производятся съ большимъ стараніемъ; доступъ на нихъ труденъ. Оркестръ этого театра заслуживаетъ величайшихъ похвалъ за тщательное изученіе партицій, которыя передаются ему.

Во Французскомъ Театрѣ репетиція есть дѣло чисто литературное. Тамъ еще вполнѣ сохраняются старинныя преданія хорошаго вкуса. На главныя репетиціи тамъ допускаются только не многіе избранные.

Въ Театрѣ Водевилей на репетиціяхъ царствуетъ веселость.

На бульварныхъ театрахъ и даже на театрѣ Сенъ-Мартенскихъ Воротъ главныя репетиціи никогда не обходятся безъ нѣкоторой суматохи. Во время ихъ, рекомендаціи, просьбы и даже требованія становятся настойчивѣе; хорошаго тона и въ поминѣ нѣтъ; но за то не рѣдко можно встрѣтить совершенное знаніе монтировки піесъ. Забавные случаи встрѣчаются на нихъ также не рѣдко. Вотъ одинъ, для примѣра:

Могущественная властительница, Азіятская Абигаль, входитъ въ храмъ. Присутствующіе молча ждутъ первыхъ словъ ея. И она начинаетъ: «Не могу понять, что такое разбросали они по лѣстницѣ: я чуть не разбила себѣ носъ, когда сходила.»

Потомъ, съ высоты своего престола, она обращается къ воинамъ. «Воины, говоритъ она, я читаю во взорахъ вашихъ... да оборотитесь же ко мнѣ, господа... я читаю во взорахъ вашихъ. Что бы васъ чортъ побралъ! Вы стоите ко мнѣ спиною, какъ же хотите вы, что бы я читала въ вашихъ взорахъ?»

Въ числѣ Парижскихъ авторовъ, Скрибъ есть первый по умѣнью своему распоряжаться репетиціями. Скрибъ, такъ сказать, создаетъ артистовъ для представленія піесъ своихъ.

ПЕРВАЯ ДРАМА МОЛОДАГО АВТОРА.

(*Статья Александра Дюма*).

Ни одно призваніе въ мірѣ не требуетъ столькихъ природныхъ и пріобрѣтенныхъ способностей, какъ призваніе драматическаго поэта. Человѣкъ, который рѣшается посвятить себя этому поприщу, долженъ соединять въ себѣ дарованіе историка съ талантами повѣствователя и поэта. И что же, не странно ли? Мысль написать сценическое произведеніе не рѣдко прежде всего пробуждается въ юношѣ, только что покинувшемъ школьную скамью свою. Стоя, такъ сказать, въ предверіи жизни, и не извѣдавъ ни радостей ея, ни печалей, ни поэзіи ея, ни прозы, онъ отважно задумываетъ начертать величественную, подвижную картину, краски которой, заимствованныя у жизни, надобно разводить слезами горькаго опыта. Задумавъ, онъ тотъ же часъ принимается за работу, и недѣли въ двѣ исписываетъ, по крайней мѣрѣ, двѣсти страницъ. Впрочемъ, это еще не бѣда: гораздо лучше написать какого нибудь «Каія Гракха», какого нибудь «Іоанна Бургундскаго» или «Графа Эгмонта», чѣмъ тратить и деньги свои и здоровье на другія, вредныя безразсудства.

Но молодые авторы имѣютъ страшное обыкновеніе, обыкновеніе, которое должна истреблять полиція, которое должно воспретить закономъ: это обычай читать свои сочиненія другимъ.

Чтобы спастись отъ этой тяжкой муки, я прибѣгалъ ко многимъ сценическимъ хитростямъ, какъ дѣлалъ самъ Бомарше въ своемъ Севильскомъ Цирюльникѣ и въ Свадьбѣ Фигаро. Я даже распустилъ слухъ, что у меня теряются ввѣренныя мнѣ рукописи. Но и это не помогло: господа авторы являлись опять ко мнѣ съ манускриптами, увѣряя, что я могу, сколько угодно, терять рукописей, потому что они запаслись списками съ нихъ!

Не думайте, однакожъ ради Бога, чтобы чтеніе піесы было самое главное дѣло при подобныхъ случаяхъ. О, нѣтъ! Обыкновенно на десятой, или много на двѣнадцатой страницѣ заснешь себѣ богатырскимъ сномъ, потомъ увидишь нѣсколько нелѣпыхъ сновъ, и только. Но величайшее несчастіе состоитъ вотъ въ чемъ: только что успѣете вы открыть глаза, является къ вамъ авторъ, этотъ неизбѣжный авторъ, котораго никогда не разжалобятъ ни ваши ночныя страданія, ни ваши утреннія занятія, ни вашъ остывающій завтракъ. Вѣрьте: несравненно легче отдѣлаться отъ самой ревнивой женщины, чѣмъ отъ автора, присславшаго вамъ рукопись своего сочиненія: надобно смотрѣть на него, надобно сказать ему въ лицо, что сочиненіе его вяло, безжизненно и не годится для представленія! А если бы вы знали, сколько осторожности, учтивыхъ оговорокъ и затѣйливыхъ изворотовъ требуется для того, чтобы высказать ему это! Надобно долго, долго разсуждать о сюжетѣ, о разви-

тіи сценъ, о характерахъ; надобно доказать ему, что изъ его плохой піесы можно выкроить хорошую и разсказать весь планъ этой хорошей піесы. И вы еще должны считать великимъ счастіемъ, если вамъ не удастся увѣрить автора въ превосходствѣ вашей идеи, потому что, въ противномъ случаѣ, онъ напишетъ новую піесу по вашему плану и протрубитъ въ переднихъ всѣхъ директоровъ, за кулисами всѣхъ театровъ, что вы были его сотрудникомъ.

Быть можетъ, вы считаете возможнымъ спастись отъ подобныхъ сценъ посредствомъ переписки? Ошибаетесь. Недѣля тому назадъ, я думалъ точно также, но теперь думаю иначе. Нѣкто господинъ Н. Н. вломился ко мнѣ силою, чтобы лично вручить мнѣ свою драму. Войдя въ спальню мою, онъ сначала прескромно сѣлъ на стулъ; потомъ, въ жару разсказа, придвинулся къ моей кровати, а въ заключеніе, жестикулируя и декламируя, безъ околичностей расположился на моемъ смиренномъ ложѣ. Мнѣ стало какъ-то досадно, что вещь, предназначенную для личнаго отдохновенія хозяина, принимаютъ за диванъ, предназначенный для отдохновенія гостей, и я обѣщалъ автору немедленно прочесть его драму, если онъ оставитъ меня одного. Обѣщаніе это подѣйствовало. Онъ скромно расхвалилъ свою піесу, доказывая самымъ смиреннымъ образомъ, что лучше ея ничего быть не можетъ, и исчезъ.

Я сдержалъ свое обѣщаніе: взялъ рукопись, поворотилъ ее нѣсколько разъ въ рукѣ, какъ поворачиваютъ дѣти стаканъ биттервассера или чая изъ Исландскаго мха, который приказано имъ выпить — и, собравшись съ духомъ, залпомъ проглотилъ эту микстуру. Брр!.. ужасная гадость.

Я собирался было заставить автора принять, на другой день, въ видѣ пилюль, то, что онъ заставилъ принять меня въ видѣ микстуры; но увидѣвъ адресъ его, который онъ имѣлъ неосторожность написать подлѣ названія своей піесы, я перемѣнилъ намѣреніе. Тотъ же часъ написалъ я къ нему письмо, на четырехъ страницахъ, прося извинить меня въ томъ, что я, будучи приглашенъ въ Версальскій Паркъ на охоту, не могу принять его на другой день. Рукопись была отослана при письмѣ. Но на бѣду мою, на другой день, цѣлое утро шелъ дождь, какъ изъ ведра. Авторъ, взглянувъ въ окно, потеръ руки отъ удовольствія, и сказалъ про себя: «При этакомъ ливнѣ, онъ не поѣдетъ на охоту.» — Черезъ десять минутъ послѣ того, авторъ стоялъ уже передъ моею дверью.

Не ожидая въ то утро ни какихъ нечаянныхъ нападеній, я оставилъ ключъ въ замкѣ двери. Вдругъ петли ея начинаютъ скрипѣть. Я весело оглядываюсь, — я, видите, ждалъ моего шоколада, — дверь отворяется, и изъ нея выглядываетъ — кто бы вы думали? — мой авторъ!

Не знаю, замѣтилъ ли онъ, что я поблѣднѣлъ; по крайней мѣрѣ, онъ поступалъ такъ, какъ бы вовсе не замѣтилъ во мнѣ этой перемѣны. — Въ минѣ его выражалось необычайное самодовольствіе, и я подумалъ, что онъ не получилъ письма моего; но я ошибся: мой авторъ только понялъ его иначе, чѣмъ бы слѣдовало. Гость мой объявилъ мнѣ, что такъ какъ за дождемъ, я, навѣрное, на охоту не отправлюсь, то онъ имѣетъ желаніе потолковать со мною о своей драмѣ. На это я сказалъ ему, что меня удерживаетъ дома не дождь, — потому, что я охочусь и въ ненастную погоду, воткнувъ себѣ сзади, за воротникъ сертука, ручку распущеннаго зонтика, — а статья, которую должно мнѣ написать немедленно. Я указалъ ему на очиненныя перья, на приготовленную бумагу, на наполненную чернилицу; я сказалъ ему, что статья должна занять, по меньшей мѣрѣ, девять колоннъ и быть окончена непремѣнно въ семь часовъ вечера. Тогда было уже де-

сять часовъ утра. Мой авторъ выслушалъ все это съ пріятною улыбкою, и замѣтилъ,— какъ будто бы я ровно ничего не далъ ему понять, — что онъ, въ надеждѣ на мою извѣстную снисходительность, желаетъ прочесть мнѣ все свое сочиненіе. Вслѣдъ за тѣмъ, онъ схватился за карманъ; но я, увидѣвъ это движеніе, схватилъ гостя за руку, и потихоньку отправилъ рукопись (уже выставлявшуюся изъ кармана), на ея прежнее мѣсто, торжественно увѣряя, что для меня дорога каждая минута. Авторъ нисколько не думалъ отступить отъ своего намѣренія, а я, съ своей стороны, нисколько не желалъ выпустить рукопись изъ ея завѣтнаго убѣжища. Мы простояли одинъ противъ другаго цѣлыя пять минутъ: онъ все вытаскивалъ роковую драму, а я все опускалъ ее въ карманъ; мы, будто бы, старались переупрямить другъ друга.

Читатель, быть можетъ, припомнитъ теперь Барона фонъ*** и Маркиза Н. Н., которые, однажды за обѣдомъ, такъ долго мѣнялись комплиментами, что наконецъ пустили другъ въ друга своими тарелками. Тоже самое произошло между мною и моимъ драматургомъ. Разсыпаясь въ учтивостяхъ, я довелъ его до выхода изъ моей квартиры; тутъ онъ отпустилъ мнѣ такой приторный комплиментъ, что терпѣніе мое лопнуло: я схватилъ его за плеча и вытолкалъ за дверь. Авторъ полетѣлъ по лѣстницѣ, какъ говорится, стремглавъ, и сшибъ съ ногъ одного господина, который шелъ ко мнѣ съ просьбицею написать ему стишки въ альбомъ. Послѣ этого благословеннаго карамболя, я не встрѣчался уже ни съ драматургомъ, ни съ охотникомъ до чужихъ стиховъ.

Впрочемъ, несчастіе мое было несчастіе заслуженное. Я самъ нѣкогда, съ драмою въ карманѣ, стучался въ дверь одного собрата по Аполлону: это былъ, если не ошибаюсь, нашъ добрый Пикаръ. Онъ принялъ меня ласково, взялъ мою рукопись и сказалъ мнѣ: «Зайдите ко мнѣ черезъ недѣлю.» Когда, по истеченіи назначеннаго срока, я пришелъ къ нему, ласковая улыбка его показалась мнѣ добрымъ предзнаменованіемъ. Рукопись моя лежала раскрытая на письменномъ столѣ, онъ свернулъ ее, связалъ зеленымъ снурочкомъ и, держа ее въ рукѣ, спросилъ:

— Мой юный другъ, не имѣете ли вы въ виду какого либо поприща, кромѣ драматическаго?

— У меня есть мѣсто съ 1200 франковъ жалованья.....

— Превосходно, отвѣчалъ онъ, отдавая мнѣ рукопись и крѣпко пожимая мнѣ руку; ступайте же въ вашу канцелярію.

Я долго сердился на Пикара; но потомъ понялъ значеніе его сухаго, короткаго отвѣта: Пикару, видно, надобно было писать статью.

БОГЕМСКІЙ ТЕАТРЪ.

Славянскіе народы, живущіе въ предѣлахъ Австрійской Имперіи, сильно принялись за разработку родныхъ матеріяловъ, и усердно стараются упрочить самобытность своего языка и литературы. Наибольшая дѣятельность оказывается въ Богеміи, или Чехіи, какъ справедливо называютъ эту страну Славяне, гдѣ уже существуетъ національный театръ, не только въ Прагѣ, но и во многихъ другихъ городахъ, напримѣръ въ Брюнѣ, Письсенѣ, Левтомышлѣ.

Ганка открылъ случайно часть Чешской рукописи XIII столѣтія, въ которой заключалось начало драмы, имѣвшей предметомъ исторію Гроба Господня. Слѣдовательно, драматическія представленія существовали въ Богеміи еще въ XIII столѣтіи. Въ этомъ нѣтъ ничего удивительнаго, потому что религіозныя зрѣлища начались въ западной Европѣ еще въ XI столѣтіи, и такъ называемыя мистеріи, священныя драмы, вездѣ служили основою свѣтскаго театра Въ XIV столѣтіи, у Чеховъ было много духовныхъ драмъ, переведенныхъ съ Латинскаго, Нѣмецкаго и Польскаго языковъ, напримѣръ: Гробъ Господень, Юдиѳь, Воскресеніе Іисуса Христа, Разрушеніе Содома и Гоморы, и т. п. Были и оригинальныя драматическія сочиненія. Такъ какъ духовныя драмы первоначально представлялись въ юго-западной Европѣ въ церквахъ, или во время церковныхъ процессій, на улицахъ, то и въ Богеміи, храмы Божіи служили мѣстомъ такихъ странныхъ обрядовъ; но въ послѣдствіи, воспитанники духовныхъ школъ стали представлять религіозныя драмы въ своихъ аудиторіяхъ. Подобное явленіе видимъ въ Польшѣ и у насъ, въ Малороссіи, гдѣ Кіевскіе студенты, по примѣру Польскихъ, играли духовныя піесы.

Свѣтскія драмы начались въ Богеміи, въ XVI столѣтіи, и, большею частію, были содержанія комическаго, заимствованыя съ Польскаго театра. Между тѣмъ, вкусъ къ театральнымъ зрѣлищамъ постепенно распространялся, даже въ низшемъ сословіи, и въ прошедшемъ столѣтіи является уже рядъ Чешскихъ драматическихъ писателей, произведенія которыхъ представлялись кочующими труппами въ большихъ и малыхъ городахъ. Изъ драматическихъ авторовъ Богеміи, писавшихъ въ половинѣ прошедшаго вѣка и нѣсколько позднѣе, особенно замѣчательны: Тамъ, Таледри, Стванъ, Геймбахеръ, Клигнеръ, Махагенъ, Хмельенскій. Въ комическихъ піесахъ, обыкновенно выводили на сцену Ганаковъ, одно изъ самыхъ оригинальныхъ Славянскихъ племенъ, по пристрастію къ древнимъ обычаямъ и по нарѣчію, которое обратилось въ пословицу и насмѣшку. Піесы: Константинъ Великій, и Властиславъ принадлежали къ роду серіозному.

Не смотря однакожъ на распространеніе любви къ отечественному театру, особыхъ зданій для театральныхъ зрѣлищъ долго не существовало въ Богеміи: семинаристы продолжали играть въ своихъ аудиторіяхъ, а публичные актеры располагались въ деревянныхъ шалашахъ, или балаганахъ. Въ подобномъ балаганѣ, принадлежавшемъ въ семидесятыхъ годахъ Буріану, лѣтъ пятьдесятъ давались Нѣмецкія и Италіянскія оперы и національныя піесы. Буріанъ хотѣлъ угодить и Нѣмцамъ и Чехамъ, но не имѣлъ въ этомъ успѣха:

соотечественники его были недовольны, потому, что всѣ актеры набирались изъ Нѣмцевъ. За то, Булла вполнѣ достигъ своей цѣли: онъ далъ прочную основу національному театру, хотя и принужденъ былъ бороться съ многочисленными препятствіями, которыя противопоставляли ему враги развитія Чешской народности. Театръ всегда былъ полонъ; восхищенные Чехи, подъ вліяніемъ благороднаго патріотисма, писали похвальныя оды въ честь своего языка и литературы, и вскорѣ общество любителей выстроило, на Конной Площади, помѣщеніе, гдѣ почти каждый день давались піесы на Чешскомъ языкѣ. Императоръ Іосифъ, вмѣстѣ съ Лаудономъ и Лаши, а потомъ Эрцъ-Герцогъ Францъ, посѣщали иногда этотъ театръ.

Нельзя не удивляться, съ какимъ необыкновеннымъ упорствомъ, противная Чехамъ партія стремилась къ уничтоженію возникавшаго народнаго театра. Чехи хотѣли выстроить другое помѣщеніе для своего театра; имъ не только не позволили этого, но приказали даже перенести театръ, находившійся на Конной Площади, въ одинъ изъ упраздненныхъ монастырей. Наконецъ дошло до того, что постановлено было играть на Чешскомъ языкѣ только отъ четырехъ до шести часовъ, и не иначе, какъ въ воскресные или праздничные дни. Такое распоряженіе совершенно разрушило народный театръ; актеры уѣхали въ Теплицъ и Карлсбадъ, и въ теченіе нѣкотораго времени никто не смѣлъ и думать о лучшей порѣ. Даже самые ревностные поборники народности стали равнодушно смотрѣть на свое жалкое положеніе. Новое общество любителей выпросило позволеніе давать представленія въ пользу бѣдныхъ, въ извѣстные дни; сборы были значительны, но Чешскій театръ все таки не могъ взять перевеса надъ Нѣмецкимъ, и снова палъ. Уцѣлѣли одни домашніе спектакли, вліяніе которыхъ ограничивалось весьма тѣснымъ кругомъ.

Народность Чеховъ погибала; ни какія средства не могли, повидимому, возвать ее къ новой, лучшей жизни, а между тѣмъ, тихо, незамѣтно, возрастало новое поколѣніе, которому суждено было произвести утѣшительный переворотъ въ патріотическихъ идеяхъ. Юнгманъ, Хмелевскій, Приль умѣли своими трудами и стараніями пробудить въ соотечественникахъ любовь къ родному. Имъ было позволено давать представленія на Чешскомъ языкѣ и дѣло пошло на ладъ. 28 Декабря 1823 года, Чехи услышали на отечественномъ нарѣчіи извѣстную оперу: «Швейцарское Семейство.» Трудно выразить впечатлѣніе, которое произвелъ этотъ спектакль на многочисленную публику. Съ благоговѣйнымъ молчаніемъ, со слезами, внимали зрители простой, но усладительной мелодіи Вейгля. По окончаніи оперы, первая пѣвица, природная Чешка, Коментова, была вызвана съ шумными восклицаніями. Чехи до сихъ поръ любятъ вспоминать о 28-мъ Декабрѣ; въ этотъ день положено прочное начало народному театру въ Прагѣ, хотя законъ давать піесы на Чешскомъ языкѣ, по воскреснымъ и праздничнымъ днямъ, осенью, зимою и весною, отъ 4 до 6 часовъ, остается въ своей силѣ. На 350 Нѣмецкихъ спектаклей въ Прагѣ, едва приходится *сорокъ* Чешскихъ. И когда же они бываютъ? Въ ту пору, когда люди обѣдаютъ, отдыхаютъ или прогуливаются.....

III. ТЕАТРАЛЬНАЯ ХРОНИКА:

ПЕТЕРБУРГСКІЕ ТЕАТРЫ.

въ теченіе первой половины Февраля 1841.

Искреннее желаніе редакціи Репертуара и Пантеона представить читателямъ своимъ піесу, обращающую нынѣ на себя общее вниманіе на большей части Европейскихъ Театровъ, комедію Скриба, *Цѣпь*, нѣсколько замедлило выходъ въ свѣтъ третьей книжки нашего изданія, и принудило поспѣшить составленіемъ нынѣшней, такъ что, по краткости времени, мы должны отложить до слѣдующей книжки подробный разборъ всѣхъ спектаклей, данныхъ на Петербургскихъ сценахъ отъ 1-го до 15-го Февраля. Нынѣ же, сообщаемъ лишь бѣглый взглядъ на нихъ, не входя въ пространныя разсужденія объ игрѣ артистовъ.

Въ теченіе этихъ двухъ недѣль были четыре бенефиса замѣчательныхъ артистовъ и артистокъ всѣхъ нашихъ сценъ: бенефисъ Г-жи Каратыгиной 1-й, Г-жи Алланъ, Г-на Ферзинга и Г. Іерманна.

Бенефисъ Г-жи Каратыгиной 1-й былъ составленъ изъ драмы: «Нѣмой,» драмы, спасенной отъ паденія старательною и мастерскою игрою лучшихъ нашихъ артистовъ, и преимущественно Г-на Каратыгина 1-го; далѣе небольшой комедіи, передѣланной съ Нѣмецкаго: «Загадка или На хотѣнье есть терпѣнье,» въ которой была восхитительна бенефиціантка, неподражаемая въ роляхъ свѣтскихъ дамъ, и наконецъ изъ водевиля: «Вдова или Тюрьма, или Не рой другому яму (т. е. ямы), самъ въ нее попадешь.»

Бенефисъ Г-жи Алланъ состоялъ изъ прелестнаго водевиля les Fées de Paris (Парижскія волшебницы), въ которомъ очень забавны Гг. Алланъ и Поль-Мине. Водевиль этотъ отличается многими очень милыми куплетами, которые прекрасно поютъ Г. Бресанъ и Г-жа Александръ-Майеръ. Сверхъ того играна комедія Le Vicomte de Létorières, имѣвшая блистательный успѣхъ въ Парижѣ, особенно благодаря игрѣ Г-жи Дежазе, прекрасной въ мужскихъ роляхъ. Здѣсь ея роль игралъ Г. Бресанъ, и піеса получила отъ этого совершенно другой характеръ.

Въ бенефисъ превосходнаго нашего пѣвца, Ферзинга, дана опера Крейцера: Das Nachtlager von Granada (Ночлегъ въ Гренадѣ), изобилующая прелестными мотивами, на которые всегда расточителенъ Крейцеръ. По несчастію, недостатокъ на нашей Нѣмецкой оперной сценѣ хорошей примадонны вообще не привлекаетъ многочисленной публики въ представленія оперъ, и въ бенефисъ Г. Ферзинга зала Большаго Театра была довольно пуста.

За то, въ бенефисѣ режиссера Нѣмецкой труппы, талантливаго артиста Іерманна, множество любопытствующихъ собралось въ Михайловскомъ Театрѣ послу-

шать дебютантку, выступавшую въ тотъ вечеръ *впервые* на сцену, въ оперѣ Донидзетти Der Liebestrank (Любовный напитокъ). Г-жа Марія Чекка (дебютанка), дочь извѣстной наставницы пѣнія, Г-жи Чекка, образовавшей между прочими дивную Графиню Росси, и преподающей нынѣ пѣніе въ здѣшнемъ Театральномъ Училищѣ,—юная Марія Чекка обладаетъ привлекательною наружностію и голосомъ, хотя еще почти дѣтскимъ, но въ которомъ уже ощутительно вліяніе опытной наставницы. Марія Чекка еще не играла донынѣ ни на какой сценѣ, и первое появленіе ея увѣнчалось такимъ успѣхомъ, какимъ могутъ похвалиться не многія дебютантки. Игра ея исполнена благородства, и притомъ непринужденна, а судя по пѣнію, нельзя не видѣть уже теперь, что въ ней готовится искусная пѣвица.

Спектакли на Большомъ Театрѣ, въ которыхъ участвуетъ Г-жа Таліони, все по прежнему привлекаютъ множество публики. Новый балетъ, «Герту,» давали по три, по два раза въ недѣлю. По Воскресеньямъ постоянно даютъ Аскольдову Могилу, привлекающую публику прекрасною игрою Г-на Леонова, въ третьемъ актѣ.

Очень замѣчателенъ и любопытенъ былъ спектакль на Александринскомъ Театрѣ 12-го Февраля: давали «Елену Глинскую,» новую драму Н. А. Полеваго, которою мы уже украсили вторую книжку нашего изданія. Теперь можемъ внести въ нашу Хронику только, что драма эта произвела могущественный эффектъ. Авторъ былъ вызванъ два раза. Прекрасно играли Г. и Г-жа Каратыгины и Г-жа Дюръ. Весьма замѣчательны, по исторической вѣрности костюмовы.

О бенефисѣ Г-жи Александръ-Майеръ, 14-го числа, не можемъ сказать теперь еще ничего, потому что онъ начался когда уже была заключена нынѣшняя книжка Репертуара и Пантеона. Въ тотъ же вечеръ, Нѣмецкая актриса Лила Леве являлась на Большомъ Театрѣ въ роли Фенеллы.

Повторяемъ: обо всѣхъ новостяхъ первой половины Февраля, поговоримъ въ слѣдующей книжкѣ.

Виноваты, была еще новость. Давали, въ первый разъ по возобновленію, старинный фарсъ: «Глухой, или Полный трактиръ.» По странному стеченію обстоятельствъ, почти въ одно и то же время даны Нѣмой, Глухой и Слѣпой (l'Aveugle et son bâton); недостаетъ, право, только, чтобы на Большомъ Театрѣ дали балетъ Хромой: Колдунъ.

МОСКОВСКІЕ ТЕАТРЫ.

Русскій воинъ на родинѣ, драматическое представленіе въ одномъ дѣйствіи; *Барская спесь и Антонины глазки*, водевиль въ одномъ дѣйствіи, переѣланный съ Французскаго Д. Т. Ленскимъ; *Приключеніе на искусственныхъ водахъ*, водевиль въ двухъ дѣйствіяхъ, съ Французскаго П. А. Каратыгинымъ; *Фортункинъ*, водевиль въ одномъ дѣйствіи, съ Французскаго, Ленскимъ; *Дивертиссементъ* (*).

(Спектакль 16-го Января, въ пользу Г. Ленскаго).

(*) Нашъ Московскій корреспондентъ судитъ о Г-нѣ Ленскомъ слишкомъ рѣзко и строго

Не можемъ сказать, что мы *не согласны* съ *его мнѣніемъ*, но очень простой причинѣ: мы не видали разбираемыхъ здѣсь водевилей лучшаго нашего водевилиста. Въ пристрастіи не смѣемъ и не имѣемъ права подозрѣвать нашего корреспондента, тѣмъ болѣе, что онъ черезъ нѣсколько же строкъ говоритъ, что Ленскій былъ очень хорошъ въ роли *Д'Эпернона*, въ драмѣ Жизнь за жизнь. Стало быть, онъ отдаетъ ему справедливость, гдѣ должно. Прибавимъ отъ себя только одно: въ частномъ письмѣ, которое мы получили на дняхъ изъ Москвы, пишутъ намъ, что водевиль *Барская спесь и Антонины*

Бенефисъ Ленскаго. Не въ правѣ ли мы требовать *отъ него болѣе, нежели отъ другаго*? Бенефисъ — это праздникъ артиста. Тутъ артистъ выказываетъ или талантъ свой, или вкусъ при составленіи своего спектакля, а артистъ-переводчикъ и то и другое. Зная дарованіе Ленскаго, какъ водевилиста, не въ правѣ ли требовать отъ него піесъ лучше тѣхъ, которыя онъ, какъ замѣтно, очень наскоро приготовилъ для бенефиса? Не досадно ли тому, кто любитъ театръ для театра, кто помнитъ прекрасныя піески Ленскаго: *Первая любовь*, *Филиппъ*, *Хороша и дурна*, *Стрянчій подъ столомъ*, *Ситничкинъ*, *Теобальдъ* и др., въ которыхъ вездѣ умъ, веселость, острые, но *приличные* куплеты, смотрѣть на *Фортункина*? Но начнемъ по порядку. Бенефисъ начался нелѣпостью которую авторъ, вѣроятно по ошибкѣ, назвалъ *Драматическимъ представленіемъ*. Въ этомъ произведеніи одинъ недостатокъ —*не имѣется смысла*. Водевиль *Барская спѣсь* не выполнилъ ожиданій. Онъ передѣланъ изъ хорошенькой Французской піески *La Marquise de Prétintaille*, и Русскаго въ немъ, кромѣ собственныхъ именъ, ничего нѣтъ. Въ Русскомъ быту онъ сдѣлался не совсѣмъ благопристоенъ, чтобы не сказать болѣе. Разыгранъ очень хорошо Гг. Щепкинымъ, Орловой, Шумскимъ и въ особенности Бантышевымъ. *Приключеніе на водахъ* было не совсѣмъ твердо. Живокини былъ очень хорошъ въ роли Городскаго: комизмъ безъ малѣйшаго фарса, простота, оригинальность, словомъ все, чего требовала роль. Сабурова 2-я, очень мило исполнила роль Олиньки. Вообще эта молодая артистка идетъ впередъ, держитъ себя на сценѣ благородно и украшаетъ собою всякую піесу.

Въ антрактѣ, Воронина 3-я очень мило танцовала pas de la Gitane. *Фортункинъ*... Непріятно было видѣть въ такомъ водевилѣ такихъ артистовъ, какъ Сабурова 2-я и Садовскій. Сабурова ничтожной роли умѣла придать интересъ и облагородить ее; Садовскій неподражаемо хорошъ въ роли брадобрѣя Тетерева. Русскій Дивертиссементъ заключилъ довольно длинный бенефисъ.

Кумъ Иванъ, Русская быль въ двухъ дѣйствіяхъ, *Жизнь за жизнь*, драма въ четырехъ дѣйствіяхъ, соч. Беклемишева; *Чудакъ покойникъ*, водевиль въ одномъ дѣйствіи, съ Французскаго П. А. Каратыгинымъ; *Дивертиссементъ*.

(Спектакль 23-го Января, въ пользу Г. Мочалова.)

Кумъ Иванъ, небольшая піеска, была напечатана въ Репертуарѣ, прошлаго года. Она написана просто, безъ всякихъ претензій на эффекты, и по всему видно, что написана не для сцены. Разыграна удовлетворительно. Драма *Жизнь за жизнь* извѣстна въ Петербургѣ по бенефису Орловой, а въ Москвѣ по бенефису Мочалова. Это нелѣпость, и не упала совершенно единственно по превосходной игрѣ Мочалова и Орловой. Ленскій былъ очень хорошъ въ роли Д'Эперноза. Разсказывать содержаніе этой драмы по-просту не стоитъ, а потому лучше перейти къ водевилю: *Чудакъ Покойникъ*. Это умная, веселая піеска, прекрасно переведенная, а главное имѣетъ своимъ основаніемъ мысль, которой станетъ и не на водевиль. Живокини прекрасенъ въ роли стараго актера; Никифоровъ, П. Степановъ, Садовскій придали оригинальность своимъ небольшимъ ролямъ. Успѣхъ былъ полный. За симъ, по обычаю всѣхъ бенефисовъ, былъ дивертиссементъ. Теперь ожидаютъ насъ послѣдніе три бенефиса.

Машинистъ Пино даетъ въ свой бене-

глазки имѣлъ большой успѣхъ въ Москвѣ. Цѣль этого замѣчанія состоитъ въ томъ, чтобы показать Г. Ленскому, какъ мы уважаемъ его дарованіе, и въ то же время остаемся безпристрастны, когда въ нашемъ изданіи рѣчь идетъ о немъ. И это *одинъ разъ навсегда—и для всѣхъ*. Если бъ В. А. Каратыгинъ могъ сыграть какую-нибудь роль дурно, Репертуаръ сказалъ бы это ему прямо, безъ всякихъ обиняковъ.

Репертуаръ.

фисъ волшебную піесу: *Вотъ такъ пилюли, что съ ротъ то спасибо*, переведенную съ Французскаго Ленскимъ, гдѣ вполнѣ блеснетъ талантъ нашего умнаго машиниста. Бантышевъ даетъ оперу *Любовный напитокъ*, водевиль и, какъ мы слышали, торжество свое: 3-й актъ *Аскольдовой Могилы*. Въ бенефисъ Щепкина будутъ играть: *Шельменко, волостный писарь*, комедію; *Розетту*, очень миленькій водевиль, и *Семейныя дѣла*, водевиль.

ПАРИЖСКІЕ ТЕАТРЫ.

Théâtre de l'Odéon. *Les Philantropes*, комедія въ трехъ дѣйствіяхъ и въ стихахъ, соч. Ф. де Курси и Т. Мюре, заключаетъ въ себѣ всѣ элементы, всѣ требованія хорошей характерной комедіи; въ ней находятся три лица, очерченныя мастерскою рукою; она написана плавными стихами, завязка ея интересная, въ ней часто находишь сатирическія выходки, много наблюдательности и ума. Со всѣми этими достоинствами, піеса должна была имѣть успѣхъ, тѣмъ болѣе, что основная мысль этой комедіи составляетъ принадлежность не исключительно одной нашей эпохи, но относится ко всему человѣчеству вообще. Филантропъ, разумѣется, разсматриваемый съ дурной стороны, не принадлежитъ исключительно нашей эпохѣ, но, смотря по временамъ, этотъ характеръ измѣнялъ наружную форму свою, являлся то тартюфомъ, то философомъ, то ложнымъ добрякомъ, то просто филантропомъ. Мы сказали выше, что въ этой комедіи находятся три лица, очерченныя мастерски; первое изъ нихъ, разумѣется, главный филантропъ, д'Обре, старающійся кормить до сыта людей какимъ-то жиденькимъ супомъ, и изъ милосердія раздаетъ неимущимъ нездоровый хлѣбъ; далѣе мы видимъ его слугу, Жозефа, совершенно преданнаго своему господину, пробующаго всѣ яства, приготовляемыя имъ для бѣдныхъ, и, наконецъ, Бонена, довѣрчиваго друга Г-на д'Обре, слѣпо вѣрующаго въ филантропію, и удивляющагося самопокертвованіямъ д'Обре, превозносящаго и прославляющаго его благотворителемъ человѣчества. Боненъ неисчерпаемый источникъ комизма. Завязка піесы въ одно время и проста и интересна. Шарль, племянникъ Г-на д'Обре, влюбленъ въ Женни, дочь негоціянта Мерикура, дѣла котораго пришли въ нѣкоторое разстройство, и съ котораго взыскиваетъ по векселю жадный филантропъ. Д'Обре даже забираетъ всю мебель своего должника. Посудите о стыдѣ, о горести Шарля, когда онъ узнаетъ, что неумолимый займодавецъ отца его возлюбленной, никто другой, какъ родной его дядя! Онъ приходитъ въ ожесточеніе, но такъ какъ ожесточеніе не помогаетъ въ денежныхъ дѣлахъ, Шарль пріискиваетъ гораздо лучшее средство для спасенія Мерикура, а именно, просто, уплачиваетъ его долги самъ. Филантропъ, однако же, обличенъ лишь въ половину, и въ негодованіи никакъ не согласился бы на бракъ Шарля съ Женни, если бъ Шарль, такъ сказать, не принудилъ его къ тому, угрожая открыть истину, касательно одного человѣколюбиваго подвига, присвоиваемаго Г-мъ д'Обре себѣ.

L'Avocat de sa cause, комедія въ одномъ дѣйствіи, соч. К. Дусе. Въ этой піескѣ авторъ нападаетъ на склонность женщинъ къ литературнымъ занятіямъ, но нападки эти онъ производитъ слегка, съ улыбочкою, или, лучше сказать, только колетъ булавочками женщинъ-писательницъ. Г-жа де Пюисіе, хорошенькая вдова, богатая, полная кокетства и капризовъ, скучая во вдовствѣ, рѣшается броситься въ Литературу. Къ несчастію,

она очень дружна съ Г-жею Дюпра, *синимъ чулкомъ* по преимуществу, женщиною съ густыми локонами, мужскими понятіями и образомъ мыслей, цвѣтущею здоровьемъ и умирающею въ своихъ элегіяхъ. Г-жа Пюисіе въ восторгѣ отъ ея стиховъ, и хочетъ сама предаться поэзіи. У вдовушки, однако, въ сердцѣ таится любовь къ степенному адвокату, любовь, которою она готова пожертвовать, чтобы съ подругою своею, въ рощѣ, на чистомъ воздухѣ, кропать стишки. Адвокатъ, не заставъ ея дома въ назначенный часъ, отправляется прямо въ литературное гнѣздышко своей романтической вдовушки, и прерываетъ ее посреди восторженной строфы. На что, думаете вы, рѣшается адвокатъ? Онъ начинаетъ строить куры Г-жѣ Дюпра, возбуждаетъ ревность въ Г-жѣ Пюисіе, и тѣмъ отвлекаетъ ее отъ поэзіи, опаснаго занятія для женщинъ. Комедія эта ведена очень искусно, подробности милы, разговоръ умный, стихи хороши; вообще, это лучшая комедія въ одномъ дѣйствіи изъ всѣхъ, данныхъ на Одеонѣ, или второмъ Французскомъ Театрѣ, со времени его открытія.

Les trois fils, еще комедія, данная на томъ же театрѣ, имѣла совершенно другую судьбу. Партеръ хохоталъ тамъ, гдѣ слѣдовало бы ему сострадать участи дѣйствующихъ лицъ, зрители вступали въ разговоръ съ актерами, острили и, наконецъ, принудили опустить завѣсу до конца піесы....

Théâtre de l'Opéra Comique. *Le duc d'Olonne*, комическая опера въ трехъ дѣйствіяхъ, слова Скриба и Сентина, музыка Обера. Дѣйствіе происходитъ въ Испаніи, во время войны за Наслѣдство, въ ту минуту, когда Филиппъ V, внукъ Лудовика XIV, въ главѣ Французской арміи, предводительствуемой Вандомомъ, шелъ на завоеваніе Испанскаго престола, который у него оспоривалъ Эрцъ-Герцогъ Австрійскій, поддерживаемый Имперскими войсками и Англичанами. Герцогъ Олонья, Испанскій вельможа, проживавшій долго во Франціи, придерживается партіи Филиппа Анжуйскаго, но не смѣетъ дѣйствовать явно, потому что противная ему партія считаетъ въ Мадритѣ слишкомъ много приверженцевъ. Удалившись въ свой замокъ, онъ готовится присоединиться къ Филиппу V, съ Испанскимъ полкомъ, находящимся подъ его командою. Къ несчастію, планъ его открытъ, и уже предписано его взять подъ стражу. Посланный, однако же, попадается въ руки Французовъ, и Вандомъ желаетъ извѣстить Герцога объ угрожающей ему опасности; но, какимъ образомъ, потому что для достиженія до него должно пройти пятнадцать миль и проникнуть чрезъ непріятельскую армію. Молодой Французъ, Вильгардуэнь, пріятель Герцога д'Олоньи, рѣшается спасти его, и достигаетъ благополучно до замка. Герцогу остается только спасаться бѣгствомъ, но укрывшись, онъ подвергнетъ конфискаціи все свое имѣніе.—«Переведите имѣніе ваше на имя жены вашей!» говоритъ ему Вильгардуэнь, и немедленно отправляется въ обратный путь. Герцогъ охотно послѣдовалъ бы его совѣту, но—вотъ бѣда—онъ холостъ. Въ эту самую минуту является къ нему женщина съ челобитною; Герцогъ глядитъ на нее, она ему нравится, и онъ объявляетъ ей, что женится на ней. — «Но я замужемъ за вашимъ управляющимъ».—Зачѣмъ же ты пришла ко мнѣ?—«Просить за Веласкеса, отца Біанки, приговореннаго къ смерти...» —За отца Біанки... Бѣги, и скажи Біанкѣ, что я женюсь на ней, и что отецъ ея помилованъ. — Но Біанка отнюдь не радуется своему счастію, потому что по какому-то случаю, весьма не удивительному въ комической оперѣ, встрѣтила какъ-то на дорогѣ Вильгардуэня, истощеннаго усталостію, и которому она спасла жизнь, подавъ ему напиться. Въ первую минуту она отказывается отъ предложенія, но помилованіе отца убѣждаетъ ее итти къ ал-

тарю, у котораго Герцогъ произноситъ роковое *да*, даже не взглянувъ на свою нареченную. Послѣ церемоніи, когда онъ уже готовится ѣхать, его убѣждаютъ, по-крайней мѣрѣ, взглянуть на жену свою; онъ рѣшается снять съ нея вуаль, но въ ту же минуту является посланный Испанскаго Правительства, и уводитъ его немедленно подъ конвоемъ.—Въ интервалѣ актовъ, Филиппъ Анжуйскій съ арміею своею подвинулись, и уже только въ нѣсколькихъ миляхъ отъ Мадрита. У какого-то женскаго монастыря происходитъ дѣло между Французами и Англичанами. Французы проникаютъ въ монастырь, но Вильгардуэнь, командующій ими, предписываетъ щадить инокинь. Уже наканунѣ, онъ спасъ жизнь молодому иноку, попавшемуся въ руки Французовъ, и чувствуетъ къ нему привязанность, потому что замѣчаетъ въ немъ необыкновенное сходство съ дѣвушкою, спасшею его жизнь. Инокъ этотъ никто иной, какъ Біанка, бѣжавшая изъ замка Герцога д'Олоньи. Вильгардуень сначала не догадывается ничего, однако вскорѣ слышатся выстрѣлы, инокъ падаетъ въ обморокъ со страха; Вильгардуэнь, стараясь привести его въ себя, открываетъ въ инокѣ дѣвушку. Біанка не говоритъ Вильгардуэню о причинѣ своего бѣгства, и даже отклоняетъ его моленія. Тутъ распространяется слухъ, что Герцогъ д'Олонья умеръ въ тюрьмѣ. Это, разумѣется, смягчаетъ Біанку, и она даже упрашиваетъ Вильгардуэня не подвергаться опасности въ предстоящей битвѣ. Однако же, Герцогъ не умиралъ, а распустилъ о томъ слухъ, чтобъ бѣжать изъ тюрьмы, и является въ лагерѣ Филиппа V, который ему поручаетъ важное начальство. Біанка въ отчаяніи, тѣмъ болѣе, что Герцогъ обходится съ молодымъ инокомъ весьма не ласково, но узнавъ о полѣ его, онъ перемѣняетъ обращеніе, и непремѣнно хочетъ отбить красовицу у Вильгардуэня. Они уже готовы драться, къ слышится выстрѣлъ—сраженіе! Другой на мѣстѣ Скриба, убилъ бы въ сраженіи одного изъ соперниковъ, но Скрибъ гнушается такими развязками.—Мы во творцѣ Буэнъ-Ретиро. Филиппъ V спокойно владѣетъ Испанскимъ престоломъ. Бывшіе соперники теперь его первые любимцы, а Біанка назначена главною каммеріерою Королевы; за нею ухаживаютъ и Вильгардуэнь и Герцогъ; послѣдній изъ нихъ даже почитаетъ себя предпочтеннымъ, потому что, по просьбамъ Біанки, получилъ порученіе къ Римскому Двору, гдѣ, исполняя дипломатическое порученіе, онъ не забывалъ и про свои дѣла, и выхлопоталъ разводную съ дочерью Веласкеса; остается только подписать ей самой, а ее отыскиваютъ и уже надѣются скоро найти. Біанка въ восторгѣ, что освободится отъ мужа, а Герцогъ объясняетъ ея радость въ свою пользу. Вильгардуэнь, притаившись, подслушиваетъ ихъ разговоръ. Біанка изъявляетъ желаніе видѣть эту разводную; Герцогъ вручаетъ ей роковую бумагу, какъ Вильгардуэнь бросается на бумагу, и хочетъ разорвать ее, не зная, что тѣмъ разрушитъ все счастіе свое. Біанка уговариваетъ его ввѣриться во всемъ ей. Тутъ является управитель Герцога, и указывая на Біанку, объявляетъ, что она жена Герцога.—«Нѣтъ!» восклицаетъ Біанка: «я уже не жена его!» и отдаетъ руку счастливцу Вильгардуэню, къ крайней досадѣ Герцога.—Опера имѣла успѣхъ самый блистательный. Музыка отличается всѣми обычными качествами композиціи Обера, то есть изящною граціею, тонкою отдѣлкой и великимъ мастерствомъ; но, возвышенныхъ идей, силы и могущества вдохновенія въ ней не ищите. Въ роли Біанки очень хороша Г-жа Тильонъ (Thillon). Постановка блистательная, и въ особенности прекрасны костюмы.

Théâtre des Folies Dramatiques. *Le Peintre d'animaux*, водевиль въ двухъ дѣйствіяхъ, основанъ на недоразумѣніи въ именахъ. Вывѣскный живописецъ Бу-

ше, отличившійся многими вывѣсками богатыхъ магазиновъ, трактировъ и ресторацій, женитъ сына своего, Филибера, на дѣвушкѣ, которую онъ ни сколько не любитъ, но денежныя разстройства совершенно разстроиваютъ (безъ каламбура, повѣрьте!) проекты Буше. Между тѣмъ, къ нему является важное лице, посланникъ Савойскій, принимая его за знаменитаго живописца Буше, бывшаго въ модѣ при дворѣ Лудовика XV. Онъ ему предлагаетъ ѣхать съ нимъ въ Савоію, чтобы написать портретъ дочери Герцога. Буше ѣдетъ туда, принявъ въ задатокъ сто лундоровъ, предложенныхъ ему посланникомъ. Здѣсь ходъ піесы запутывается, недоразумѣнія накопляются и слѣдуютъ одни за другими. Буше, вмѣсто принцесы, пишетъ хорошенькую кошечку; портретъ этотъ посылаютъ къ Герцогу Пармскому, который принимаетъ все это за кровавую насмѣшку; война едва не вспыхиваетъ между обоими государствами; живописецъ нашъ безпокоится, его обвиняютъ въ заговорѣ, производятъ у него обыскъ, и наконецъ открываютъ по бумагамъ, кто онъ таковъ. Все это служитъ поводомъ къ самымъ комическимъ сценамъ, въ которыхъ прелестенъ Бернаръ-Леонъ, извѣстный Парижскій комикъ, перешедшій нынѣ на этотъ театръ съ Театра Гимназіи, на которомъ онъ игралъ съ давняго времени.

Théâtre des délassemens comiques. *Eugénie la lingère*, драма-водевиль въ трехъ дѣйствіяхъ, дана на театрѣ, на которомъ еще недавно происходили представленія труппы акробатовъ Г-жи Сакки. Публика и авторы видно начинаютъ привыкать къ этому преобразованію, потому что новая піеса, Евгенія-бѣлошвейка, исполненная интереса и чувства, могла бы явиться на всякой другой сценѣ.

IV. СМѢСЬ.

ПОСТАНОВКА НА СЦЕНУ КОМЕДІИ ЦѢПЬ.

Кто былъ въ Парижѣ и, слѣдовательно, посѣщалъ тамошніе театры, тотъ, конечно, удивлялся, возвратившись сюда и увидѣвъ на здѣшней Французской сценѣ піесу, которую видѣлъ въ Парижѣ, что эта піеса представляется здѣсь со всѣми тѣми же подробностями, какъ въ Парижѣ. При тѣхъ же самыхъ словахъ, при которыхъ Парижскій актеръ снимаетъ шляпу, надѣваетъ ее, ставитъ на столъ или опять беретъ въ руки, при тѣхъ же самыхъ словахъ исполняютъ все это и наши актеры, не говоря уже о расположеніи сцены, о перемѣнѣ мѣстъ актеровъ на сценѣ, и т. под. подробностяхъ. Это происходитъ отъ того, что послѣ удачнаго представленія піесы на какомъ бы то ни было Парижскомъ Театрѣ, издается подробное описаніе *постановки* этой піесы на сцену (mise en scène), по которой каждый режиссеръ театра, хоть за сто миль отъ Парижа, можетъ во всемъ сообразоваться съ представленіемъ этой піесы въ Парижѣ. Предъ нами лежитъ теперь постановка на сцену модной комедіи: la Chaine (Цѣпь), извѣстной читателямъ Репертуара и Пантеона. Въ ней, при началѣ каждаго акта, находится чертежъ декораціи, съ означеніемъ дверей, (*) оконъ, мѣста стульевъ, столовъ, дивановъ, фортепіанъ и т. п. Далѣе слѣдуетъ подробное указаніе положеній дѣйствующихъ лицъ; такъ, напримѣръ, въ Цѣпи, при первомъ явленіи, сказано: Гекторъ говоря: «Нисколько! Мнѣ надобно идти въ Палату только часовъ въ двѣнадцать. Еще успѣю!» — снимаетъ перчатки, и кладетъ ихъ со шляпою и портфелемъ на столикъ, по лѣвую сторону сцены. —Отъ словъ: «Кстати, у меня есть до тебя просьба» и пр., Гекторъ, по временамъ, дружески опирается на плечо Эммерика, а отъ словъ: «Маркиза напоминаетъ мнѣ» и пр., Эммерикъ старается удалиться въ глубину сцены, и садится на стулъ, подлѣ фортепіанъ и стола.

Такимъ образомъ ведена вся піеса, по явленіямъ. Трудно ли, послѣ этого, играть согласно, когда все расчитано, обдумано впередъ, и на репетиціяхъ нечего размышлять съ которой стороны подойти актеру, какъ перейти съ одного края сцены на другой, не нарушая ни правдоподобія, ни эффекта и принятыхъ на сценѣ правилъ. Въ Парижѣ, правда, на постановку большой комедіи посвящаютъ по цѣлымъ мѣсяцамъ, тогда какъ на другихъ театрахъ ее разучатъ, пожалуй, въ недѣлю, но за то этимъ мѣсячнымъ трудомъ до крайности облегчается постановка для другихъ.

Послѣ этихъ указаній исчислены всѣ аксесуары на сценѣ и всѣ мебели; означено, что у каждаго актера должно находиться въ карманѣ, въ каждомъ дѣйствіи (письма, медаліоны, бумаги), и что для каждаго должно быть заготовлено за кулисами.

Въ концѣ всего подробно описаны ко-

(*) Даже указано во внутрь ли, или въ наружу они открываются.

стюмы каждаго изъ актеровъ. Костюмъ Эммерика: Въ черномъ. Бѣлый жилетъ съ золотыми пуговочками; галстухъ черный атласный. Въ четвертомъ д.; коротенькій сертучокъ, застегнутый. Онъ надѣваетъ фракъ только въ пятомъ актѣ.

Костюмъ Г-на Клеранбо: Цвѣтной сертукъ, черные брюки. — Трость. — Сѣдые волосы. У себя дома онъ весь въ черномъ.

Костюмъ Г. де Сенъ-Жерана: Черные брюки. Бѣлый жилетъ. — Цвѣтной фракъ съ золотыми пуговками. — Въ 5-мъ дѣйствіи, весь въ черномъ.

Костюмъ Гектора: весь черный.

Костюмъ Лунзы — но, здѣсь кончается власть Парижской постановки, потому что наши артистки, обладая не меньшимъ вкусомъ, какъ Парижскія, одѣваются такъ, какъ имъ къ лицу, а не такъ, какъ одѣвалась актриса въ Парижѣ.

ЗАЩИТА Г КУНСТА, ВЪ ГЕРМАНІИ.

Талантливый Нѣмецкій артистъ Кунстъ, посѣтившій Петербургъ прошедшею осенью, подвергся довольно сильнымъ порицаніямъ во многихъ Германскихъ газетахъ, въ которыхъ противъ него печатали статьи, присланныя изъ Петербурга. Въ одномъ изъ остроумнѣйшихъ Нѣмецкихъ листковъ, Danziger Dampfboot, нынѣ находится защита этого артиста, въ которой, между прочимъ, говорятъ, что въ Петербургѣ Кунстъ былъ рѣдкимъ явленіемъ, соединившимъ истинный талантъ съ красивою наружностію, и одушевлявшимъ даже самаго хладнокровнаго прозаика. «Уваженіе и зависть, пріязнь и непріязнь окружали тамъ несчастнаго артиста попеременно. Какъ де осмѣлился онъ превзойти Каратыгина въ роли Велисарія! Какъ дерзнулъ онъ принимать пластическія позы на сценѣ! Какъ отважился онъ играть *такъ хорошо*, что послѣ него болѣе невозможно смотрѣть ни на одного актера! Все это ужасно, непростительно, потому, что тамошніе артисты имѣли привилегію наводить на публику скуку, и пользовались этимъ правомъ неограниченно. Цѣлый баталіонъ ненужныхъ актеровъ и актрисъ поминутно шмыгали, Богъ вѣсть для чего, за кулисами, на сценѣ, и выдавали себя за соперниковъ и преслѣдователей бѣднаго Кунста. Его въ Петербургѣ такъ напугали, что онъ не хотѣлъ и слышать, когда ему были сдѣланы предложенія оставаться тамъ. Да, да, этотъ *плохой актеришка, говорящій все на распѣвъ, шарлатанъ, подражающій природѣ* — всегда трогалъ зрителей до слезъ, и вырывалъ у нихъ неистовыя рукоплесканія!» — Читая эти строки, подписанныя именемъ: *Вольдемаръ*, строки, заключающія въ себѣ престранныя похвалы артисту, котораго въ Петербургѣ умѣли оцѣнить по точному его достоинству — невольно приходитъ на мысль: не самъ ли Кунстъ изволитъ расточать себѣ похвалы, взваливая небылицы на наши Петербургскіе Театры, еще не совсѣмъ забытые Аполлономъ?

ПРОЩАНІЕ ФАННИ ЭЛЬСЛЕРЪ.

Фанни Эльслеръ оставила Америку. — Въ скоромъ времени, прибудетъ она въ Европу.

Пребываніе этой знаменитой танцовщицы въ Соединенныхъ Штатахъ было ничто иное, какъ продолжительный тріумфальный пируэтъ; она кружила тамъ всѣмъ головы своими чудными ножками; какой-то квакеръ повѣсился изъ любви къ башмачку ея; сенатъ одного тамошняго города, говоря ей привѣтствіе, самъ растанцовался до упаду; величайшіе поэты Американскіе воспѣвали ея ножки; словомъ, никогда, ни одинъ дервишъ *кружильщикъ* не былъ такъ чтимъ своими единовѣрцами, какъ была Фанни чтима въ Америкѣ.

Впрочемъ, слава Фанни была не полна, покамѣстъ танцовщица эта не сказала *Speech*, т. е. прощальнаго привѣтствія публикѣ. Но она сказала его, и слава ея

теперь упрочена въ Америкѣ на вѣки.

Враги Фанни — у кого нѣтъ ихъ! — враги Фанни твердили завистливо: Ей ли сказать спичъ! Возможное ли это дѣло! Еслибъ можно было сказать *спичъ* ногами, она сказала бы его, а то.... Нѣтъ, не сказать ей *спичъ*! Спичъ великое дѣло!

Но такъ говорили завистники ея.....

Наступилъ, однакожъ, и послѣдній, прощальный бенефисъ ея. Публика ждала съ невыразимымъ нетерпѣніемъ конца этого бенефиса, чтобы услышать столь желанный *спичъ*, и дождалась.....

Фанни наконецъ подошла къ аванъ-сценѣ... Дыханіе замерло у публики.

Сильфида остановилась; вдругъ личико ея какъ-то исказалось странно, и она..... чихнула во всеуслышаніе. Потомъ она сказала своимъ изступленнымъ поклонникамъ: «Покорнѣйше благодарю!... У меня, знаете, небольшой насморкъ.... а когда у меня насморкъ, я вовсе ничего не могу удержать въ памяти.» (Всеобщее изумленіе). «Вы, безъ сомнѣнія, надѣялись, что я скажу вамъ прощальный спичъ?» (Да, да, спичъ! говорите намъ спичъ!) «Видите ли, я сочинила прекрасный спичъ, только теперь я, совсѣмъ забыла его....» (ироническій смѣхъ и рукоплесканія.) «Это все отъ того, что у меня насморкъ.» (Единодушныя чиханія). «Но для васъ бѣда отъ этого не большая...» (Тише, господа, тише!) «Не большая бѣда потому, что я импровизую вамъ другой...» (Браво! Браво! Слушайте, господа, слушайте!)... «Вотъ онъ: Вы очень милы, и я люблю васъ отъ всего сердца!»

Сказавъ это, Фанни сдѣлала блистательный пируэтъ на лѣвой ножкѣ посреди цвѣтовъ, которые ото всюду летѣли изъ залы на помостъ сцены.

Не лучше ли было Американцамъ, вмѣсто *спичи*, потребовать у нее, на прощанье, одинъ изъ ея прелестныхъ танцевъ?!!

—

ПРОИСШЕСТВІЕ НА ПАРИЖСКОМЪ ТЕАТРѢ.

На Сентъ-Антуанскомъ Театрѣ, въ Парижѣ, репетировали однажды *Лелію*, соч. Антони Беро. Главную роль въ этой піесѣ занимала Г-жа Викторина Гюго (Hugot). Г. Беро слушалъ свою прозу, и поправлялъ артистовъ, сидя въ оркестрѣ.

Вдругъ Г-жа Гюго ошибается, конфузится, сбивается сама съ толку и сбиваетъ съ толку другихъ. Достопочтенный Г. Беро исправляетъ ошибку, даетъ надлежащее наставленіе, и прерванная репетиція начинается снова.

Г-жа Гюго опять сбивается съ толку.

Г. Беро начинаетъ сердиться.

Артистка дѣлаетъ новый, важный промахъ.

Авторъ Леліи приходитъ, просто, въ бѣшенство.

Онъ быстро вскакиваетъ съ своего мѣста, и пытается взойти на помостъ сцены; но помостъ слишкомъ высокъ; Г. Беро никакъ не можетъ взобраться на него. Въ положеніи столь затруднительномъ, Беро обращается къ одному господину, который, стоя у аванъ-сцены, внимательно слѣдитъ за представленіемъ. Господинъ этотъ былъ отецъ Викторины Гюго.

— Эй, сударь, дайте мнѣ руку! восклицаетъ Г. Беро.

— Извольте, сударь, отвѣчаетъ Г. Гюго.

Г. Гюго въ самомъ дѣлѣ подаетъ руку автору Леліи; но, увы! онъ слабосиленъ, худъ и малорослъ, а Беро великъ ростомъ и толстъ... Напрасно тянетъ онъ къ себѣ автора Леліи, не щадя силъ своихъ: силы измѣняютъ ему, онъ выпускаетъ изъ руки своей руку Беро, и Беро падаетъ въ оркестръ, прямо на контробасъ.... Авторъ Леліи раздавилъ этотъ несчастный контробасъ, какъ яичную скорлупу.

Въ театрѣ поднимается страшная суматоха; Беро, воображая, что его мистифировалъ маленькій, сухощавый господинъ, вынимаетъ кинжалъ и, благодаря отчаян-

ному усилію, при помощи табурета, взбирается на сцену.

— Гдѣ онъ? гдѣ этотъ маленькій, сухощавый господинъ? восклицаетъ авторъ Лелія: онъ погибнетъ отъ руки моей!

— Успокойтесь, Г. Беро, говорятъ ему актеры; сдѣлайте милость, успокойтесь.

— Онъ, чудовище, хотѣлъ умертвить меня! гдѣ же онъ?

И, размахивая кинжаломъ, Г. Беро ищетъ глазами врага своего. Но, къ счастію, нѣсколько пріятелей успѣли спрятать отца актрисы въ каморку привратницы. Онъ тамъ просидѣлъ цѣлый день ..

Между тѣмъ, какъ большая часть произведеній Испанскихъ драматическихъ писателей была давно уже извѣстна въ Германіи по превосходнымъ переводамъ, во Франціи о Кальдеронѣ знали только то, что сказано о немъ въ сочиненіи Сисмонди: De la Littérature du Midi, да то, что говорилъ объ этомъ поэтѣ А. В. Шлегель. Французы вѣрили Сисмонди и особенно Шлегелю, который донынѣ считался во Франціи верховнымъ авторитетомъ во всемъ, что относится до Испанской литературы, — на слово и, безъ дальнихъ справокъ, называли Кальдерона великимъ поэтомъ. Правда, нѣкогда Ланге и послѣ него ла Бомель перевели на Французскій языкъ нѣсколько драмъ Кальдерона, но эти переводы были еще хуже, чѣмъ извѣстныя Дюсисовскія передѣлки Шекспира. Въ водяныхъ стихахъ Ланге и ла Бомеля не было и слѣда Кальдероновской поэзіи.... Но нынѣ, этотъ важный пробѣлъ во Французской Литературѣ будетъ, кажется, пополненъ; Г. Дама Гинаръ знакомитъ теперь Французовъ съ Кальдерономъ посредствомъ переводовъ, столь же вѣрныхъ и столь же удачныхъ, какъ и Блазовъ переводъ Фауста: въ двухъ недавно вышедшихъ томахъ Bibliothèque d'élite находится уже 11 драмъ Кальдерона.

— Недавно двое молодыхъ людей, Перкинсъ и Сотеръ, произвели большую суматоху въ Суррейскомъ Театрѣ, въ Лондонѣ. Сидя въ ложѣ, находившейся у аванъ-сцены, они, самымъ неприличнымъ образомъ, старались мѣшать представленію балета, который давался въ тотъ вечеръ на этомъ театрѣ. Сотеръ выставилъ свою шляпу за ложу, чтобы приводить артистовъ въ замѣшательство въ самыя патетическія минуты, и когда фигурантки приближались къ аванъ-сценѣ, молодые шалуны удерживали, кого могли изъ нихъ, за платье. Зрители, выведенные наконецъ этимъ изъ терпѣнія, единодушно воскликнули: *Вонъ наглецовъ! Арестовать ихъ!* Перкинсъ хотѣлъ было убѣжать изъ театра, но былъ задержанъ констеблемъ. Товарищъ его также былъ арестованъ. Судья, разсматривавшій это дѣло, опредѣлилъ, чтобы они представили порукъ, которые приняли бы на себя отвѣтственность за поведеніе ихъ въ теченіе полугода; въ противномъ случаѣ, они должны подвергнуться тюремному заключенію.

— Въ одно изъ послѣднихъ представленій, которыя давалъ Картеръ съ своими звѣрями въ Брюсселѣ, случилось происшествіе, весьма испугавшее зрителей. Во время этого представленія, одинъ тигръ вдругъ вырвался изъ рукъ Картера и, съ кускомъ мяса въ пасти своей, бросился прямо къ партеру. Картеръ успѣлъ было ухватить его, но онъ снова ускользнулъ изъ рукъ своего укротителя, прыгнулъ въ аванъ-сценѣ, разбилъ нѣсколько лампъ, и остановился. Онъ находился только на одинъ прыжокъ отъ оркестра.... Театръ огласился крикомъ ужаса; зрители встали, чтобы покинуть залу.... Въ эту минуту, тигръ вдругъ бросился на группу фигурантовъ и танцовщиковъ, проскользнулъ между ними и исчезъ за кулисами, гдѣ появленіе его навело на всѣхъ сильный страхъ. За кулисами, однако жъ, Картеръ схватилъ его, и потомъ уже не выпускалъ. Публика отмстила за страхъ свой — свистками. Впрочемъ, Картеръ

былъ вызванъ и появился, держа тигра на плечахъ. Въ послѣдствіи сдѣлалось извѣстнымъ, что вся эта продѣлка входила въ составъ представленія, и что въ афишѣ о ней объявлено не было — *для большаго эффекта*.

— Не подалеку отъ Аугездерскихъ (Augezder) Воротъ въ Прагѣ, на дорогѣ въ Козиръ (Kosir), находится, на томъ мѣстѣ, гдѣ прежде былъ виноградный садъ, называвшійся Бертранкою, домъ, въ которомъ Моцартъ, во время пребыванія своего въ Прагѣ, въ 1787 году, жилъ и писалъ своего Донъ-Жуана. Кабинетъ, который занималъ въ немъ Моцартъ, сохраняется и нынѣ точно въ томъ видѣ, въ какомъ находился во время пребыванія въ немъ Моцарта. Онъ не великъ и имѣетъ только два окна, изъ которыхъ прелестный видъ на Лаврентьевскія Горы (Laurentiusberges) и на Старый Городъ. Въ саду этой дачи, между прочими тѣнистыми деревьями, находится, такъ называемое, Моцартовское, дерево, подъ которымъ Моцартъ, за 54 года предъ симъ, писалъ Донъ-Жуана. (Въ Вѣнѣ, въ одной изъ комнатокъ Казино на Каленбергѣ, показываютъ столъ, на которомъ Моцартъ писалъ свою Волшебную Флейту).

— Оле-Буль, который въ послѣднее время жилъ весьма уединенно въ Бергенѣ, недавно далъ въ Христіаніи концертъ въ пользу театральныхъ пенсіонеровъ. Въ этомъ концертѣ сыгралъ онъ, между прочимъ, свое новое произведеніе: *Natten, Morgenröden og Sagen* (ночь, утренняя заря и преданіе), которое всѣми было признано крайнѣ поэтическимъ. При этомъ случаѣ было замѣчено, что игра его нынѣ менѣе вычурна и *болѣе ясна, болѣе полнозвучна, чѣмъ прежде*. Въ скоромъ времени предприметъ онъ новое артистическое путешествіе за границу.

— Король Голландскій учредилъ не давно Люксембургскій орденъ *Дубоваго вѣнка*, предназначивъ его для вознагражденія за гражданскія заслуги. Въ числѣ первыхъ десяти лицъ, пожалованныхъ этимъ орденомъ, находятся Мейерберъ, Галеви и Батта.

— Графиня Росси (Г-жа Зонтагъ), во время послѣдняго пребыванія своего въ Венгріи, сочинила кантату, подъ названіемъ: *Il naufragio fortunato*. Послѣ того, Графиня исполнила эту кантату съ величайшимъ успѣхомъ, въ Вѣнѣ, на вечерахъ у Князей Эстергази и Меттерниха.

— Серве, проѣздомъ изъ Петербурга, далъ два концерта въ Варшавѣ. Онъ былъ принятъ тамошнею публикою весьма благосклонно. Сверхъ того, игралъ онъ, вмѣстѣ съ піанистомъ Сеймуромъ Шифомъ, въ прощальномъ концертѣ превосходной пѣвицы Г-жи Рывацкой (Rywacka). Въ Варшаву ожидаютъ Арто, Листа и Эрнста.

— 29-го Января, Г. Чарльсъ Кинъ вступилъ въ бракъ съ Миссъ Элленъ Три, въ Дублинѣ, и по странному стеченію обстоятельствъ, они въ тотъ же вечеръ играли вмѣстѣ въ піесѣ: Медовый мѣсяцъ.

— Богатый Римскій банкиръ, Князь Торлоніа, ангажировалъ въ Римъ труппу Французскихъ артистовъ, состоящую подъ Управленіемъ Г. Долиньи старшаго. Она обязалась играть, въ продолженіе всей нынѣшней зимы, три раза еженедѣльно. На представленія ея допускаются только тѣ особы, которымъ выданы билеты отъ Князя Торлоніа. Говорятъ, что труппа эта преплохая.

V. ДРАМАТИЧЕСКІЙ ТЕЛЕГРАФЪ.

РАЗНЫЯ ИЗВѢСТІЯ, ТОЛКИ И СЛУХИ.

ТЕАТРЪ ВЪ РИГѢ.

На Рижскомъ Театрѣ, въ послѣднее время, произошли многія перемѣны. Нѣкоторые достойные артисты и артистки оставили этотъ театръ, и мѣста ихъ заняли другіе. Въ числѣ оставившихъ находится: Г. Леманъ, который перешелъ въ Гамбургъ. Потеря эта крайне чувствительна для Рижскаго Театра, Преемникъ Лемана, Г. Гейтмюллеръ — артистъ хорошій, но комизмъ его какъ-то сухъ и ужъ слишкомъ спокоенъ. Вторую важную утрату для Рижскаго Театра составляетъ отъѣздъ Г-жи Лебренъ, которая занимала вторыя роли любовницъ въ трагедіяхъ и комедіяхъ. Она также отправилась въ Гамбургъ. Г-жа Вольфъ, заступившая мѣсто Г-жи Лебренъ, нисколько не замѣнила ее, потому что Г-жа Вольфъ — артистка только начинающая сценическое поприще. На мѣсто Г-жи Фонъ Зеле, на амплуа героинь и матерей въ трагедіяхъ, поступила Г-жа Кёлеръ. Вмѣстѣ съ Г. Браукманомъ ангажированъ, на амплуа тенора, Г. Кёлеръ. Дѣвица Кёлеръ составляетъ истинно драгоцѣнное пріобрѣтеніе для первыхъ ролей въ Нѣмецкой Оперѣ. Она и теперь уже весьма хорошая пѣвица, а со временемъ, при своихъ прекрасныхъ средствахъ и любви къ искусству, безъ сомнѣнія, пріобрѣтетъ огромную извѣстность. Г. Ладдей (Laddey), поступившій на мѣсто Г. Эйхенвальда, заслуживаетъ всякой похвалы. Онъ отличный артистъ для ролей героевъ, отцовъ въ комедіяхъ и трагедіяхъ, и свѣтскихъ людей. Игра его напоминаетъ игру превосходнаго Рижскаго артиста Порша. Г. Ладдей, сверхъ того, весьма полезенъ для Рижскаскаго Театра, какъ режиссеръ: при немъ снова появилась та *стройность* обстановки, которою отличался этотъ театръ въ прежнее время. Изъ числа артистовъ оставшихся вѣрными Рижской сценѣ, особенно любимы въ Ригѣ: музыкальная чета Г. и Г-жа Гофманъ, отличный пѣвецъ и актеръ Карлъ Гюнтеръ; актеръ Вольбрюкъ, Г-жа Брёге, которую можно видѣть съ одинаковымъ удовольствіемъ какъ въ комедіяхъ, такъ и въ трагедіяхъ, и которая очень хороша собою; наконецъ Г. Брейеръ, превосходный артистъ для ролей трагическихъ любовниковъ. Г-жа Брёге и Г. Брейеръ составляютъ украшеніе Рижской сцены. Но хваля ихъ, нельзя не пожалѣть, что обстоятельства не дозволили остаться на этой сценѣ Г. Штёльцелю, и не упомянуть также съ похвалою о Г-жѣ Гекингъ, которая прекрасна въ роляхъ комическихъ старухъ. Слѣдовательно, Рижскій Театръ можетъ очень и очень похвалиться своими артистами и артистками.

—

Въ Парижѣ въ теченіе Января играно 19 новыхъ піесъ, въ числѣ которыхъ 1 драма, 1 опера, 3 комедіи и 14 водевилей. Надъ этими піесами трудились 31 авторъ.

— Недостатокъ въ хорошихъ пѣвицахъ такъ великъ въ Лондонѣ, что дирекція Ковентгарденскаго Театра находится въ необходимости платить своей первой пѣвицѣ, Г-жѣ Кембль, по 100 гиней еженедѣльно. Выше этого оклада, понедѣльно не получала въ Англіи ни одна тамошняя лирическая артистка. Однако жъ, не смотря на столь высокую плату, театръ остается въ выгодѣ отъ тѣхъ представленій, въ которыхъ участвуетъ Г-жа Кембль: каждое изъ нихъ приноситъ ему, за вычетомъ всѣхъ издержекъ, отъ 150 до 190 гиней.

— Въ Лондонѣ приводитъ теперь всѣхъ въ восхищеніе десятилѣтній мальчикъ, Джоржъ Вебстеръ, который играетъ на Геймаркетскомъ Театрѣ главныя роли въ нѣкоторыхъ піесахъ Шекспира. Игра этого маленькаго Росція, по истинѣ, изумительна по своему благородству и по своей отчетливости.

— Во Франкфуртѣ на Майнѣ, какъ видно изъ тамошняго театральнаго альманаха съ 1-го Декабря 1840 года по 30 Ноября 1841 г., было тамъ всего 146 оперныхъ представленій. Въ числѣ оперныхъ представленій во Франкфуртѣ въ продолженіи этого времени, находилось 7 новыхъ и 19 вновь поставленныхъ. Сверхъ того, на Франкфуртскомъ Театрѣ было дано 7 концертовъ.

— Изъ Дрездена пишутъ, что лѣтомъ нынѣшняго года тамъ будутъ поставлены на сцену, подъ наблюденіемъ Тика, *Буря* и *Сонъ въ лѣтнюю ночь*. Въ послѣднее же время на тамошнемъ театрѣ были играны, съ особымъ успѣхомъ, *die Findlinge*, ком. въ 2 д., переведенная съ Французскаго Т. Геллемъ и опера *Гитаристъ*.

— *Школа богачей* (Die Schule der Reichen), Гуцкова, разучена въ Прагѣ, Пестѣ, Пресбургѣ, Лиицѣ, Грецѣ, Брюнѣ и Ригѣ.

— Изъ Штутгардта пишутъ, что Линдпантнеръ пишетъ новую оперу, подъ названіемъ der Nibelungenhort. Слова ея сочинены Раупахомъ.

— Недавно давали въ Вѣнѣ, въ Burgtheater, новую романтическую драму Гальма: Сынъ пустыни, которая была принята съ общимъ восторгомъ.

— Въ Римѣ была дана въ первый разъ и заслужила большой успѣхъ новая опера Доницетти: Elisa del Fosco. Изъ числа артистовъ, участвовавшихъ въ ней, Римскія газеты особенно хвалятъ пѣвицу Мараи (Magay) и любимца нынѣшняго Рима, знаменитаго тенора Поджи.

— Знаменитая Германская пѣвица Фанни Гольдбергъ явилась недавно, въ первый разъ, на сценѣ Венеціянскаго Театра Фениче, въ Saffo, Паччини. Свѣжій, сильный и, вмѣстѣ съ тѣмъ, необычайно пріятный голосъ Г-жи Гольдбергъ, ея превосходная метода, ее знаніе сцены и ея благородная осанка очаровали Венеціянцевъ; Г-жа Гольдбергъ была осыпана единодушными восторженными рукоплесканіями.

15 — 185
2кн 8 вып. 146747/1175